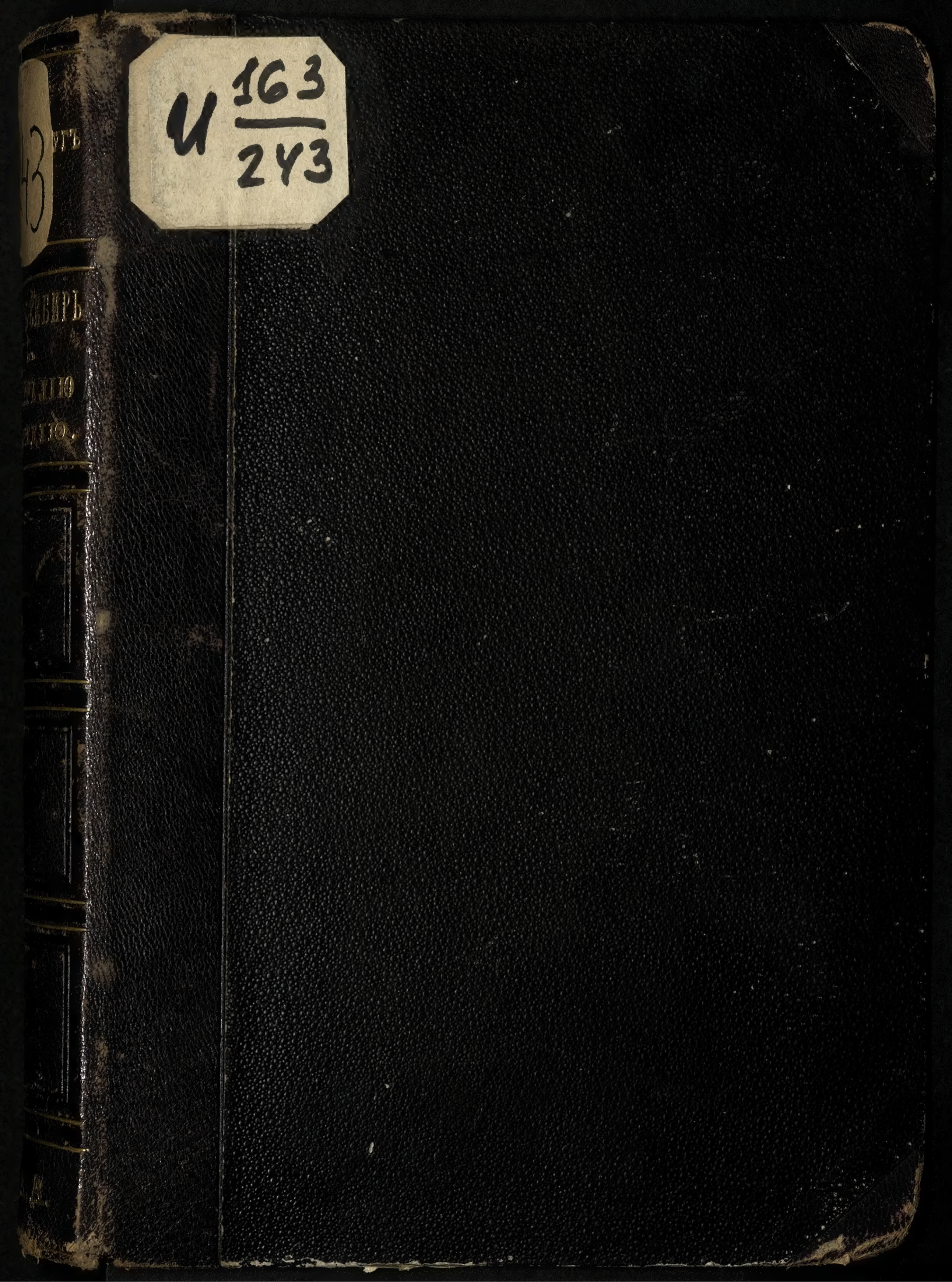

И 163/243

Шкафъ 0.
Полка 1.
№ 19.

И 163/243

1 / Т9836

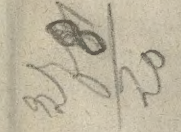
И 163/243

ЧРЕЗЪ СИБИРЬ

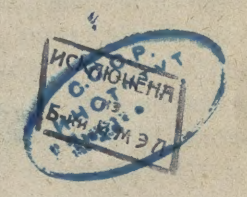
въ

АВСТРАЛІЮ И ИНДІЮ.

Руссель-Киллуга.

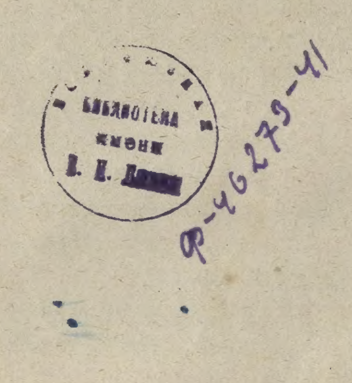

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 сентября 1871 года.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ съ Пиренейскихъ горъ. — Парижъ и Лондонъ. — Неудачи. — Прибытіе въ Петербургъ.

24 сентября 1858 года, я находился на одномъ изъ загородныхъ гуляній, окружающихъ прелестный городокъ Баньеръ-де-Бигорръ, въ Верхнихъ Пиренеяхъ. Солнце садилось. На скамьѣ возлѣ меня расположились всѣ мои родные: отецъ, мать, братъ и сестра, и всѣ мы въ молчаніи созерцали зеленую долину Адура. Много разъ уже приходилось мнѣ разставаться съ моимъ семействомъ на этомъ самомъ мѣстѣ, и назавтра я долженъ былъ опять проститься съ нимъ, чтобъ отправиться путешествовать въ далекія страны древняго міра. Хотя два мои предъидущія путешествія въ Америку нѣсколько уже пріучили меня къ горечи разставанія, но я не скрою отъ читателя, что ни разу еще не сжималось мое сердце съ такой тоскою. Все окружающее располагало къ меланхоліи: унылый часъ сумерекъ и жалобные звуки органовъ, которые также болѣзненно дѣйствуютъ на душу какъ и на слухъ, и осеннее время года, когда природа, лишаясь своего наряда и испаряя послѣднія благоуханія, кажется сама унылою и грустною; когда лѣса обнажаются и изъ ярко-зеленыхъ остановятся туманно-сѣрыми.... Шумъ потока доносился до моихъ ушей какъ прерывистое рыданіе, и посреди этой грустной обстановки мнѣ было еще тяжелѣе смотрѣть на близкихъ мнѣ людей, у подошвы этихъ прекрасныхъ горъ, которыхъ каждая расщелина была мнѣ знакома, и гдѣ я, въ дѣтствѣ зарывалъ-бывало камешки, съ тѣхъ поръ нетронутые ничьей рукой, въ продолженіе двадцати лѣтъ.... Но «stern realitics of life» строгая дѣйствительность жизни предстояла мнѣ и показывала вдали призракъ Сибири и Пекина:

надо было покончить со всякими чувствительными изліяніями. Итакъ я провелъ мою послѣднюю ночь на очаровательныхъ берегахъ Адура и, на другой же день, отправился въ Тарбъ, разорвавши на цѣлые три года священные узы, связывающіе человѣка съ его родиной и семьей.

Планъ моего путешествія былъ слѣдующій: я долженъ былъ прежде всего ѣхать въ Петербургъ и Москву, а оттуда, по сибирской дорогѣ, проѣхать въ Пекинъ, чрезъ Монголію, если только не встрѣтится къ тому особенныхъ препятствій (въ такомъ случаѣ я бы направился на востокъ къ берегамъ Амура, а потомъ къ Японіи и Кантону): проекты мои основывались на полномъ довѣріи къ трактату, заключенному въ Тіянъ-дзинѣ, по которому всякій французъ или англичанинъ имѣлъ право путешествовать по Китаю съ паспортомъ; такимъ образомъ, я надѣялся достигнуть юга сухимъ путемъ, полагаясь на трактаты китайскаго правительства, но не разсчитывая на характеръ самихъ китайцевъ; изъ Кантона я намѣревался посѣтить Австралію и проѣхать въ третій разъ въ Америку: таковъ былъ мой общій маршрутъ. Насколько онъ измѣнился или осуществился, читатель узнаетъ впослѣдствіи.

Не стану описывать мой проѣздъ черезъ ланды и Бордо и чрезвычайную неакуратность поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ на югѣ; на слѣдующую ночь я пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ тотчасъ же позаботился достать себѣ хорошую карту Сибири, или, по крайней мѣрѣ, Азіи; но оказалось, что ее невозможно было найдти нигдѣ. Мнѣ удалось только запастись нѣсколькими русскими книгами и лексикономъ, который впослѣдствіи оказалъ мнѣ большія услуги. Выѣхавъ изъ Парижа, я отправился въ Лондонъ съ тою наивною мыслью, которую теперь нисколько уже не раздѣляю, что это самый вѣрный и ближайшій путь моремъ въ Петербургъ, и прибылъ вечеромъ, съ страннымъ чувствомъ грусти, охватывающимъ меня всегда при въѣздѣ въ Лондонъ, въ огромную туманную столицу, такъ мастерски описанную на безсмертныхъ страницахъ Диккенса. Теперь, когда я побывалъ въ Пекинѣ, мнѣ пріятно было бы снова увидать Лондонъ не потому, чтобы я любилъ его, но потому, что онъ меня изумляетъ своей лихорадочной суетой, вѣчнымъ движеніемъ и бѣготней по улицамъ, мостамъ и переулкамъ. Это множество стремящихся куда-то фіакровъ, омнибусовъ, лошадей и людей; эта грязная и мутная рѣка, по которой снуютъ суда и лодки; эти громадныя зданія и куполы; этотъ неясный кругъ солнца, потускнѣвшій отъ угольнаго дыма: — все это

представляетъ такую фантасмагорію, какую нельзя найти даже въ Китаѣ при всемъ его разнообразіи.

Хотя, при описаніи путешествія въ Сибирь, мнѣ некстати распространяться о Парижѣ и Лондонѣ, но я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на одинъ общій предразсудокъ, касательно этихъ двухъ городовъ. Что Парижъ прекраснѣйшій городъ во всей вселенной, — этого, конечно, не станетъ оспаривать никто, но англичане, имѣющіе привычку судить о цѣнности вещей по ихъ размѣру, допускаютъ это превосходство только съ тѣмъ ограниченіемъ, будто бы Парижъ, въ сравненіи съ Лондономъ, имѣетъ очень скромные размѣры. Какъ ни безобиденъ и пустъ самъ по себѣ этотъ предразсудокъ, но я считаю долгомъ изобличить его, потому что, на основаніи географическихъ и статистическихъ данныхъ, Парижъ, даже въ этомъ отношеніи, не уступаетъ ни одной изъ извѣстныхъ столицъ. Онъ имѣетъ въ окружности не менѣе сорока верстъ, и я даже не знаю, найдется ли въ какомъ-нибудь другомъ городѣ на свѣтѣ такая длинная линія какъ отъ Нельи до Венсенскаго замка, который, хотя и неофиціально, но все-таки принадлежитъ къ Парижу. Если его народонаселеніе на тридцать процентовъ меньше лондонскаго, то это потому, что самъ городъ далеко не такъ сжатъ и въ немъ много свободныхъ мѣстъ. Впрочемъ, это все относится только къ Парижу офиціальному и *intra muros*; а еще Богъ знаетъ каковы оказались бы его народонаселеніе и пространство, еслибъ ихъ вычислили такъ, какъ вычисляютъ въ Лондонѣ, котораго границы никому не извѣстны.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, что французы не отдаютъ полной справедливости нѣкоторымъ кварталамъ Лондона, также какъ его *физическому* значенію въ экономіи міра. Если справедливо мнѣніе, что, въ случаѣ если бы Парижъ исчезъ съ лица земли, человѣческій умъ остановился бы въ своемъ развитіи, то не менѣе справедливо, что еслибъ это случилось съ Лондономъ, то человѣческій родъ рисковалъ бы умереть съ голоду. Эти два удивительные города, которыхъ соединенное народонаселеніе многочисленнѣе нежели въ цѣлой Сибири, представляютъ собою — одинъ голову, другой — сердце и желудокъ человѣчества; слѣдовательно трудно рѣшить который изъ нихъ полезнѣе.

Что касается до внѣшности, то жители южныхъ странъ не могутъ простить Лондону важныхъ погрѣшностей противъ вкуса, или, если можно такъ выразиться, отсутствія того *кокетства*, которое со-

ставляетъ привилегію всѣхъ странъ, кромѣ одной столицы Англіи: это единственный городъ, не выставляющійся на показъ.

Въ Лондонѣ, также какъ и въ Парижѣ, мнѣ не посчастливилось достать хорошую карту Сибири и потому я пошелъ въ *Leicester Square*, гдѣ находился большой глобусъ, желая измѣрить въ послѣдній разъ землю, а затѣмъ взялъ билетъ на проѣздъ въ конторѣ петербургскихъ пароходовъ.

При этомъ я сдѣлался жертвою жестокаго обмана. Такъ какъ русскіе пугали меня цифрою предстоящихъ мнѣ въ Сибири расходовъ, то я, желая, разумѣется, сберечь свои финансы, спросилъ у начальника конторы пароходовъ, есть ли тамъ второй классъ, и правда ли, что онъ совершенно отличается отъ перваго. Заключивъ по его утвердительному отвѣту, что различіе между обоими классами большое, я побоялся сѣсть во второй классъ и заплатилъ за билетъ перваго класса 250 франковъ, кромѣ шести шиллинговъ въ день, за пищу, во все продолженіе плаванія. Но оказалось, что между пассажирами обоихъ классовъ не было и тѣни какого-нибудь различія, кромѣ разныхъ каютъ! На австрійскихъ пароходахъ вы увидите тоже самое, но тамъ, по крайней мѣрѣ, вамъ не станутъ такъ нагло лгать, когда вы попросите свѣдѣній.

Впрочемъ, это было только начало всѣхъ моихъ несчастій, и вообще путешествіе мое началось подъ самыми дурными предзнаменованіями. Для переѣзда достаточно было *шести* дней, а мы проѣхали *тринадцать!* Пароходъ назначался для пассажировъ, а когда я вступилъ на него, онъ весь былъ загроможденъ баранами, овцами и собаками, распространявшими страшную нечистоту вокругъ себя. Само небо, казалось, было въ заговорѣ противъ меня, потому что всѣ его хляби раскрылись и въ продолженіе нѣсколькихъ дней изливали потоки дождя на мою горемычную голову!

Наконецъ, наступилъ торжественный день отъѣзда; онъ былъ назначенъ ровно въ четыре часа по полудни, въ воскресеніе, и пассажиры должны были поспѣвать къ этому времени въ Грэнгайтъ, станцію Маргатской желѣзной дороги, въ двадцати пяти верстахъ отъ Лондона.

Я отправился въ часъ, прибылъ въ Грэнгайтъ въ два часа и глазами сталъ икать парохода.... но напрасно!... Дождь лилъ ручьями и я просидѣлъ цѣлый часъ въ душной конторѣ, гдѣ познакомился съ злополучными товарищами моего путешествія. Наконецъ, сквозь туманъ и дождь, показалась дымящаяся труба несчастнаго парохода,

будущаго орудія нашихъ мученій; чтобъ доѣхать до него, мы сѣли въ челнокъ, заплативши за это шесть франковъ, и черезъ четверть часа вступили на бортъ этой ужасной, отвратительной машины; но тутъ намъ сказали, что надо еще подождать полтора сутокъ до отплытія, пока приведутся въ порядокъ компасы. На сердцѣ у меня кипѣло, такъ какъ очевидно было, что все это дѣлается нарочно, чтобъ заставить насъ подольше прожить на пароходѣ и платить за столъ. Увы! я приготовлялся къ еще большимъ бѣдствіямъ, и потому философически покорился своей участи; всѣ мы—какъ бараны, такъ и люди—терпѣливо дождались вторника 12 октября, когда наконецъ первый оборотъ колеса парохода всколыхалъ съ самого дна тину и грязь Темзы. Но, не смотря ни на какія усилія, мы никакъ не могли достигнуть того, чтобъ дѣлать семь узловъ въ часъ! На слѣдующее утро, въ среду, новое несчастье: уголь весь вышелъ на пароходѣ и надо ѣхать за нимъ въ Гримзби; и вотъ мы бросаемъ якорь въ гнусной деревушкѣ, гдѣ нельзя найти ни газетъ, ни даже бумаги чтобъ свернуть папироску... Оставивши Лондонъ четверо сутокъ тому назадъ, мы останавливаемся на разстояніи четырехчасовой ѣзды отъ него по желѣзной дорогѣ и проводимъ еще двое сутокъ, не имѣя другого занятія, кромѣ созерцанія падающихъ дождевыхъ капель!...

Люди, много путешествовавшие въ своей жизни, вѣроятно знаютъ какъ сильно дѣйствуетъ на расположеніе духа внѣшняя обстановка, въ особенности погода. Путнику необходимо солнце: оно для него другъ, утѣшитель, отдаленная идея о Богѣ-покровителѣ. И потому, во время самыхъ сильныхъ тѣлесныхъ страданій, которыя мнѣ пришлось вынести впослѣдствіи, я никогда такъ не унывалъ и не падалъ духомъ, какъ въ эти первые дни моего путешествія. Этотъ дождь, уединеніе, бездѣйствіе, неизвѣстность будущаго и предстоящія трудности моего предпріятія наводили меня на самыя мрачныя, безотрадныя размышленія, и для меня было большимъ счастьемъ общество нѣкоторыхъ изъ моихъ спутниковъ.

Однако и въ этой тоскѣ я придумалъ для себя развлеченіе и занятіе, а именно: я заставлялъ поднимать себя въ деревянномъ ящикѣ водяными насосами на самую вершину башни, имѣвшей сажень сорокъ въ вышину, для того чтобъ оттуда посмотрѣть на солнце, такъ какъ меня увѣряли будто тамъ сквозь туманъ проглядываетъ иногда кусочекъ голубаго неба; но слухи эти оказались невѣрными,

и смертному глазу также невозможно было увидѣть солнце, какъ проникнуть въ тайны вѣчности.

Наконецъ, мы оставили эти дикіе берега, запасшись на нихъ углемъ, гусями, курами, утками и индѣйками, и пароходъ пошелъ дальше, дѣлая по шести узловъ въ часъ. Мнѣ никогда еще не случалось плыть на такой дрянной, испорченной машинѣ, и самъ океанъ, повидимому, рѣшился уничтожить ее за негодность, потому что въ Сѣверномъ морѣ наслалъ на нее такой шквалъ, что механики едва не захлебнулись въ двадцати тоннахъ воды, обрушившихся на ихъ головы; котлы были всѣ потоплены, и мы даже были не въ состояніи оказать помощь норвежскому брику, который телеграфировалъ намъ, что у него вышли всѣ съѣстные припасы. Посреди всеобщаго смятенія рѣшено было еще разъ бросить якорь въ Копенгагенѣ.

Между тѣмъ прояснилось и стало холодно; вскорѣ показались зеленые и лѣсистые берега Даніи, между тѣмъ какъ съ другой стороны возвышались горы Швеціи, усѣянныя бѣлыми домиками, крытыми черепицей. Пріѣхавъ въ Копенгагенъ, я поспѣшилъ осмотрѣть городъ, который выстроенъ очень правильно и изящно; вокругъ него расположены прекрасные парки и море окружаетъ его почти со всѣхъ сторонъ. Не имѣя времени разсмотрѣть все въ подробности, я поспѣшилъ въ церковь Богоматери, чтобъ видѣть тамъ двѣнадцать знаменитыхъ статуй апостоловъ—мастерское произведеніе Торвальдсена. Возвратившись на пароходъ, я сталъ горько жаловаться капитану на всѣ эти замедленія, которыя онъ долженъ былъ предвидѣть заранѣе; но онъ озадачилъ меня отвѣтомъ: «Развѣ вы не знаете, что на нашихъ объявленіяхъ назначаютъ день нашего отъѣзда изъ Лондона, когда мы еще не выѣзжали изъ Петербурга? Какую же тутъ можно соблюсти аккуратность?...» Жаль что онъ не говорилъ со мной съ такой же откровенностью въ тотъ день, когда я бралъ билетъ!

Наконецъ мы покинули Копенгагенъ и вошли въ Балтійское море. Небо совсѣмъ прояснилось, и свѣжій, укрѣпляющій воздухъ холодныхъ странъ разлилъ радость и энергію по всему моему существу. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, мы проснулись въ одно прекрасное, солнечное утро въ виду Кронштадтскихъ пушекъ. Признаюсь, что я былъ нѣсколько разочарованъ при первомъ взглядѣ на эти укрѣпленія, надѣлавшія столько шуму въ газетахъ во время Крымской войны; впрочемъ, флотъ показался мнѣ очень значительнымъ и грознымъ: я насчиталъ въ немъ пятнадцать кораблей; одни стояли

въ морѣ, другіе починивались. Лишь только мы вошли на рейдъ, какъ насъ окружила толпа людей.

Это были всякаго рода чиновники въ мундирахъ и матросы дотого тщедушные, что казалось первое дуновеніе вѣтра снесетъ ихъ въ море: впрочемъ я больше не встрѣчалъ такихъ въ Россіи, и это замѣчаніе мое не болѣе какъ частное. Эти *господа* влѣзли на абордажъ съ страшными криками, забрали всѣ наши вещи и перенесли ихъ на какой-то маленькій, дрянной пароходишко, куда и мы также пересѣли. Въ эту минуту вся прислуга (stewards) нашего прежняго парохода окружила насъ, утверждая клятвенно, что не получила ни копѣйки отъ компаніи, хотя каждый изъ насъ выдалъ по тринадцати франковъ за свое пребываніе на пароходѣ и получилъ квитанцію отъ компаніи. Однимъ словомъ, лучшая услуга, которую я могу оказать этой компаніи и этому пароходу состоитъ въ томъ, чтобъ никогда никому не называть ихъ по имени.

Здѣсь-то, на самомъ дѣлѣ, распростился я съ Европой, потому что хотя Россія и находится въ Европѣ, но никакъ нельзя сказать, чтобъ она составляла часть ея цѣлаго, и всякій иностранецъ, пріѣзжающій туда, чувствуетъ себя посреди чуждаго ему міра. Я искренно пожалъ руку нашему честному англійскому капитану, и мысленно послалъ привѣтствіе этому благородному флагу, знакомому со всѣми морями и со всѣми бурями. Я долженъ былъ снова увидѣть его только на берегахъ Японіи, проѣхавши около пятнадцати тысячъ верстъ. Сердце мое разорвалось на части въ эту минуту; я тогда не могъ не только предвидѣть, но даже подозрѣвать пріемъ, ожидавшій меня повсюду въ Россіи и ту горесть, которую я почувствую восемь мѣсяцевъ спустя, при разставаніи съ дорогими друзьями на берегахъ Голубой рѣки. Такова жизнь путешественника; ея радости были бы слишкомъ сильны, еслибъ непрерывались катастрофами и бѣдствіями.

Мы отплыли изъ Кронштадта на небольшомъ русскомъ пароходѣ, котораго капитанъ, завернувшись съ головы до ногъ въ темно-зеленую шубу, казалось и не думалъ помышлять о своей должности; скоро вдали сверкнули какъ молніи шпицы и металлическіе куполы; попутный вѣтеръ понесъ насъ прямо къ «Сѣверной Венеціи», обливаемой лучами солнца, и, скользя вдоль ея знаменитой гранитной набережной, мы наконецъ остановились возлѣ зданія, котораго миновать нельзя, таможни.

ГЛАВА II.

С.-Петербургъ. — Князь Орловъ. — Москва. — Приближеніе зимы. — Приготовленія къ путешествію. — Отъѣздъ въ Азію.

Противъ моего ожиданія, таможенные чиновники обошлись съ нами очень вѣжливо и осмотрѣли наши чемоданы только слегка. Меня изумило болѣе всего то, что, войдя въ залу багажа, прямо со страшнаго мороза, мы внезапно очутились въ почти тепличной атмосферѣ: до того воздухъ былъ ровенъ, мягокъ и тепелъ, хотя невозможно было открыть источникъ, откуда исходило тепло: во всей огромной залѣ не было ни камина, ни печи, а между тѣмъ въ ней вѣяло климатомъ тропическихъ странъ!... Увидя въ очію такое чудо, я внутренно сознался, что въ западной Европѣ не имѣютъ никакого понятія объ отопленіи домовъ. Когда мы получили обратно нашъ багажъ, я рѣшился пустить въ ходъ пріобрѣтенное мной еще въ Парижѣ знаніе русскаго языка и храбро пошелъ къ толпѣ извощиковъ, крича имъ: «*Gastinitza Parische, Ma'aïa Mo skuïa!*» Вѣроятно я выговорилъ это очень дурно; но извощики вмигъ все поняли и уложили мой багажъ въ телѣгу, а я пошелъ пѣшкомъ по Николаевскому мосту, къ адмиралтейству.

Изъ всѣхъ столицъ, видѣнныхъ мною, ни одна не поражала меня такъ какъ Петербургъ; нигдѣ не дышалъ я такимъ чистымъ воздухомъ. При входѣ на мостъ, направо стоитъ маленькая часовня, передъ которой прохожіе останавливаются, снимаютъ шапки и начинаютъ креститься съ праваго плеча на лѣвое. Прибывши въ гостиницу «Парижъ», я вынулъ изъ кармана англійскій шиллингъ (тридцать копѣекъ серебромъ) и подалъ его извощику, привезшему мои вещи; онъ взялъ его и началъ бормотать что-то по русски, что, по

моему мнѣнію, выражало сильнѣйшее негодованіе и, можетъ быть, ругательства или проклятія. Одна сострадательная дама, ѣхавшая со мною изъ Лондона, выучила меня кричать «*dovolno*» (довольно!), и я послѣдовалъ ея совѣту; но такъ какъ это кабалистическое слово не произвело никакого дѣйствія на извощика, то я призвалъ на помощь слугу изъ гостиницы; онъ растолковалъ мнѣ, что извощикъ находитъ сумму достаточной, но недоволенъ тѣмъ, что ему даютъ иностранную монету; тогда я далъ ему четвертакъ, и онъ остался очень доволенъ.

Путешественнику, отправляющемуся въ Россію, обыкновенно говорятъ: «Вамъ не будетъ тамъ никакихъ затрудненій; тамъ всѣ говорятъ по французски». Конечно, образованный классъ отлично знаетъ французскій языкъ, но легче рыбѣ дышать внѣ своей стихіи, чѣмъ французу объясняться съ большинствомъ людей, съ которыми ему приходится ежеминутно сталкиваться въ Россіи! Мой проектъ путешествія въ Сибирь началъ серьезно пугать меня: если уже въ гостиницѣ, гдѣ содержатель былъ французъ, а одинъ изъ слугъ плѣнный, взятый въ Севастополѣ, мнѣ было невозможно, лишь только они отходили, растолковать что я желаю горчицы, а не кофе, то какже буду я справляться съ этимъ затрудненіемъ, когда останусь одинъ, посреди азіатскихъ степей? Можетъ быть, если я тамъ спрошу баранины, мнѣ подадутъ верблюжину или конину, или еще что нибудь хуже!....

Плотно пообѣдавши въ гостиницѣ, я отправился при свѣтѣ луны осматривать городъ. Трудно вообразить себѣ, столько архитектурнаго великолѣпія собраннаго въ одномъ мѣстѣ: повсюду безконечныя колоннады, куполы, шпицы, статуи, обелиски, такъ что глазъ теряется въ этомъ ослѣпительномъ разнообразіи. На необозримой Исакіевской площади я остановился передъ этимъ величественнымъ соборомъ, золотой куполъ котораго блисталъ отблескомъ серебра подъ мягкимъ свѣтомъ луны; меня изумило то, что въ его гигантскихъ размѣрахъ было сохранено столько граціи, и я могъ сравнить его достойно только съ произведеніями самой природы. Эта была настоящая гора изъ порфира и металла, сама собою выросшая изъ нѣдръ каменистой равнины, и мнѣ кажется, что даже въ Парижѣ нельзя найти ничего ей равнаго. Погулявши по Невскому проспекту, съ которымъ по красотѣ можетъ соперничать во всемъ мірѣ развѣ только Севастопольскій бульваръ, я порядочно озябъ и рано возвратился въ свою гостиницу.

На слѣдующее утро я опять пошелъ въ Исакіевскій соборъ, гдѣ мнѣ посчастливилось попасть къ самой обѣднѣ и видѣть греческое богосложеніе. Священники, всѣ почти молодые и колоссальнаго роста, отпускаютъ длинную бороду, покрывающую имъ всю грудь; а волосы ихъ, расчесанные по обѣимъ сторонамъ лба, вьются густыми волнами по плечамъ; они медленно входили и выходили изъ алтаря и на одномъ изъ нихъ, вѣроятно на главномъ, была золотая діадема. Первый пѣвчій былъ гигантъ, на котораго страшно было смотрѣть, и еще страшнѣе слышать: самая низкая педаль органа показалась бы просто свисткомъ въ сравненіи съ этимъ глухимъ, какъ будто выходящимъ изъ пещеры голосомъ. Изъ кадильницъ, при каждомъ взмахѣ вылетало голобоватое пламя, какъ блудящій огонь на нашихъ театрахъ; грустное церковное пѣніе въ минорномъ тонѣ звучало и повторялось замирающимъ эхомъ въ сводахъ храма, блистающихъ порфиромъ, малахитомъ и золотомъ. Еслибъ ко всему этому прибавить еще звуки органа, то эта обстановка имѣла бы въ себѣ нѣчто сверхъестественное.

По окончаніи службы, я исходилъ пѣшкомъ по крайней мѣрѣ верстъ двадцать по всѣмъ частямъ этой великолѣпной столицы, до тѣхъ поръ, пока вполнѣ насытился всѣмъ что видѣлъ; не стану распространяться объ этомъ, такъ какъ для читателя не будетъ занимательно описаніе всѣмъ извѣстнаго города; замѣчу только, что, при всемъ безукоризненномъ вкусѣ и изящной формѣ зданій Петербурга, они грѣшатъ, по моему мнѣнію, излишествомъ украшеній и богатства въ частныхъ подробностяхъ, въ особенности въ церкви: напр., Казанскій соборъ, гдѣ на каждомъ шагу блестятъ драгоцѣнные каменья и покрываютъ собою образа.

Мнѣ чрезвычайно понравилось изобрѣтеніе *дрожекъ*, маленькаго экипажа на четырехъ колесахъ, запряженнаго обыкновенно парой лошадей. Эти лошади удивительно красиво скачутъ, подымая высоко переднія ноги и ударяя ими, какъ молотками, по деревянной мостовой Невскаго проспекта; быстрота ихъ ѣзды изумительна, и говорятъ, что въ то время, когда онѣ начинаютъ нести, на нихъ накидываютъ мертвую петлю, на которой они неминуемо должны удавиться; это средство употребляется въ крайнемъ случаѣ. Русскіе кучера любятъ выѣзжать лошадей такъ, чтобъ одна скакала въ галопъ, а другая рысью: это выходитъ довольно красиво.

Безполезно, я думаю, повторять общее замѣчаніе, что настоящая столица и образецъ городовъ Россіи есть Москва, а не Петербургъ.

Положимъ, что Петербургъ прекраснѣе и правильнѣе, но въ немъ нѣтъ ничего русскаго, такъ какъ большая часть его зданій выстроена иностранцами. Русскій народъ имѣетъ настолько практическаго здраваго смысла, что понимаетъ свои слабыя стороны, не стыдится просить у другихъ совѣта и перенимать у чужихъ странъ то, что находитъ хорошимъ; этому не худо бы поучиться и другимъ народамъ. Невозможно опредѣлить типъ русскаго человѣка: онъ заимствованъ и отъ французовъ, и отъ славянъ, и отъ персовъ, и отъ турокъ, и отъ татаръ; только въ Москвѣ можно уловить первобытный характеръ древней архитектуры, Петербургъ же есть ничто иное какъ снимокъ съ Парижа.

Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось скорѣе увидѣть и погрузиться въ это сердце Россіи — Москву, и, посвятивши нѣсколько дней на осмотръ Петербурга, я серьезно занялся приготовленіями къ отъѣзду, выправленіемъ паспорта, отыскиваніемъ карты Сибири и изученіемъ русскаго языка.

Къ счастью, я имѣлъ рекомендательное письмо къ графу де-Сансе, французу, давно уже живущему въ Россіи, который принялъ меня очень обязательно и подарилъ мнѣ превосходную карту Сибири. Кромѣ того, отецъ мой, будучи знакомъ съ графиней Ржевской, тещей князя Орлова, далъ мнѣ также къ нему письмо, вслѣдствіе чего тотъ обласкалъ меня какъ сына. Не смотря на свою долгую и бурную жизнь, князь обладалъ еще сложеніемъ Геркулеса и живостью юноши: взглядъ у него былъ огненный, проницательный, строгій, но полный доброты. Онъ обошелся со мной съ дружеской фамильярностью военнаго и снабдилъ меня письмами къ губернаторамъ разныхъ провинцій, по которымъ я долженъ былъ проѣзжать. Есть еще одна особа, которой я останусь вѣчно признателенъ, потому что безъ ея помощи, я вѣроятно не могъ бы доѣхать до Пекина: это графиня Муравьева-Амурская, рекомендовавшая меня своему мужу, генералу Муравьеву, генералъ-губернатору Восточной Сибири, отъ котораго зависѣло все мое путешествіе.

Съ такой сильной протекціей мнѣ нечего было больше бояться, и я поспѣшилъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе что баронъ Штиглицъ былъ такъ любезенъ, что устранилъ отъ меня всѣ финансовыя затрудненія, могущія произойти отъ неимѣнія въ Сибири банковъ и выдалъ мнѣ золотомъ и банковыми билетами сумму, какую я считалъ необходимой для путешествія въ Мельбурнъ, въ Австралію и въ антиподы, куда я разсчитывалъ непремѣнно пріѣхать черезъ восемь или десять

мѣсяцевъ. Я отправился въ иностранную контору выправить паспортъ въ Кяхту, въ Сибирь, на границы Китая, и кажется, что другіе, бывшіе тамъ иностранцы, отъѣзжавшіе въ разные города Европы, посмотрѣли на меня чуть ли не какъ на помѣшаннаго, слыша что я ѣду въ Кяхту.

Окончивъ всѣ эти дѣла, я пошелъ въ большой театръ слушать *Луизу Мюллеръ*, оперу Верди; театръ этотъ также хорошъ какъ la Scala, но уступаетъ московскому. Наконецъ, заплативши страшно дорого за мое пробываніе въ гостиницѣ Парижъ, я сѣлъ, въ одно холодное и ясное октябрское утро, на московскую желѣзную дорогу. Мы провели цѣлый день и цѣлую ночь въ вагонѣ, проѣзжая эти шестьсотъ верстъ по странѣ, которая показалась мнѣ чрезвычайно бѣдною. Нигдѣ, даже въ Сибири, я не видалъ такой внѣшней нищеты. Вагоны наши были роскошно устроены по американски, т. е. съ проходомъ по срединѣ и съ подушками повсюду: мы дѣлали не болѣе двадцати верстъ въ часъ, безпрестанно останавливаясь днемъ и ночью для завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ, такъ что я началъ вѣрить справедливости поговорки: «ѣстъ какъ русскій». Но увы! я былъ жестоко и навсегда разочарованъ, когда мнѣ пришлось, проѣзжая азіатскую Россію, почти совсѣмъ оставаться безъ пищи!

Къ утру окна вагона совершенно замерзли, и, не имѣя на себѣ мѣховой одежды, я очень озябъ. По пріѣздѣ въ Москву, я тотчасъ же отправился отыскивать hôtel de France на Кузнецкомъ мосту, и шелъ по лабиринту улицъ съ самыми невѣроятными названіями, эксцентрически изогнутыхъ вавилонами, но очень широкихъ и блестящихъ, благодаря яркимъ лучамъ солнца, освѣщавшимъ ихъ, что впрочемъ не помѣшало мнѣ почти совершенно замерзнуть еще не дойдя до hôtel de France. Скажу мимоходомъ, что эта гостиница лучше, дешевле и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе чѣмъ гостиница Парижъ въ Петербургѣ.

И такъ я поселился въ Москвѣ въ самомъ началѣ зимы. Понятно, что, имѣя впереди такъ много предстоящихъ трудностей и опасностей, я едва только остался одинъ въ своемъ номерѣ, какъ предался самымъ тревожнымъ и мрачнымъ размышленіямъ. Чтобъ развлечься отъ нихъ и видя на дворѣ солнце яркое какъ въ Италіи, я пошелъ по страшному холоду къ Кремлю и, вспомнивъ о Бонапарте, взобрался на знаменитую колокольню Ивана Великаго, съ которой открывается видъ на всю Москву. Дѣйствительно, зрѣлище было поразительное: ничего европейскаго не оставалось на обширномъ го-

ризонтѣ; передъ взоромъ разстилался океанъ разноцвѣтныхъ домовъ, безсчисленныхъ церквей съ серебряными крестами и золотыми главами, ослѣпительно сверкавшими на солнцѣ; повсюду восточная и азіатская архитектура напоминавшая жаръ тропическаго климата, — и рядомъ со всѣмъ этимъ русскій морозъ, леденившій члены до самыхъ костей! Чтобъ возвратиться къ дѣйствительности, я поставилъ мой термометръ на землю и онъ остановился на—2°. Это было 31 октября. Вышедши изъ Кремля черезъ маленькія ворота, въ которыхъ надо снимать шапку и гдѣ нѣкоторые набожные люди проползаютъ будто бы на колѣняхъ, я отправился къ генералу Мясоѣдову на первый русскій обѣдъ, передъ которымъ подали предварительно закуску, состоящую изъ икры, селедки и водки, которой я проглотилъ цѣлую рюмку въ родѣ пилюли.

На другой день я озаботился о томъ, чтобъ купить себѣ мѣховую одежду и пріобрѣлъ въ нѣмецкомъ магазинѣ *shouba* или, какъ здѣсь называютъ, *полушубокъ*, который стоилъ мнѣ тридцать пять рублей серебромъ, т. е. сто сорокъ франковъ. Его тяжесть и объемъ были таковы, что прежде мнѣ никогда не пришло бы въ голову, что человѣкъ можетъ напяливать на себя подобную махину. Въ другомъ русскомъ магазинѣ, гдѣ я съ отчаяніемъ старался растолковать то, что мнѣ нужно, одинъ незнакомый офицеръ заговорилъ со мной по французски и не только предложилъ мнѣ свои услуги въ переговорахъ съ купцами, но даже пригласилъ къ себѣ обѣдать: фамилія его была Назимовъ. Хотя сначала я былъ нѣсколько озадаченъ такою внезапною любезностью, но принялъ приглашеніе и нашелъ въ этомъ семействѣ весьма пріятное знакомство.

Болѣе всего затрудняло меня въ Москквѣ незнаніе этого ужаснаго языка, не похожаго ни на какой другой языкъ въ мірѣ: всякое присутствіе духа оставляло меня по временамъ, и я не знаю засмѣялся или заплакалъ ли бы тотъ, кто увидалъ бы меня посреди московскихъ улицъ, преданнаго въ жертву толпѣ извощиковъ, которые оглушали меня своимъ крикомъ и отчаянно жестикулировали, чтобъ дать мнѣ уразумѣть то, что они говорили. Я, въ это время, стоялъ съ лексикономъ въ рукѣ, отмахиваясь отъ нихъ другой рукою и старался изъяснить имъ чего мнѣ нужно; лишь только я раскрывалъ ротъ—какъ они неудержимо хохотали надъ моимъ выговоромъ. Впрочемъ, эти извощики славные люди и безъ нихъ пришлось бы плохо на московскихъ улицахъ, которыя такъ неправильны и церкви на нихъ дотого схожи между собою, что несчастний иностранецъ не

имѣетъ ни малѣйшаго шанса благополучно возвратиться домой, не заблудившись нѣсколько разъ, въ особенности ночью, потому что хотя и невѣроятно чтобъ въ Европѣ существовалъ городъ съ четырестатысячнымъ населеніемъ, гдѣ бы не было освѣщенія газомъ, но примѣръ этому представляетъ Москва, гдѣ даже вовсе нѣтъ никакого освѣщенія: въ этомъ отношеніи она не *блеститъ*, хотя во многихъ другихъ и называютъ столицей *свѣта*. Какъ бы то ни было, видъ этого города при закатѣ солнца представляетъ магическое зрѣлище, равняющееся виду Константинополя: если погода ясная, то позлащенныя главы церквей какъ будто горятъ въ пламени, между тѣмъ какъ улицы внизу уже покрыты темнотою ночи; если же зимою случится снѣгъ и вѣтеръ, то эти потускнѣвшіе и безцвѣтные куполы, отдѣляясь на сѣромъ фонѣ неба, кажутся какими-то страшными, фантастическими фигурами. Лучше всего можно видѣть Москву съ колокольни Ивана Великаго; но ни какъ не надо брать съ собой проводника, потому что чѣмъ больше ему говоришь что не понимаешь его языка, тѣмъ упрямѣе онъ разсказываетъ безконечныя исторіи про каждый колоколъ. Самый большой изъ этихъ колоколовъ дѣйствительно есть чудо свѣта и звонъ его оглушителенъ.

2-го ноября, термометръ спустился до—9°, 4, и я долженъ былъ отказаться отъ своей обыкновенной обуви и надѣть сапоги на мѣху. 3-го ноября я слушалъ русскую оперу въ Московскомъ театрѣ, обширнѣйшемъ во всемъ свѣтѣ, и музыка мнѣ очень понравилась простотою и наивностью выраженія, не лишеннаго оригинальности и молодической прелести, несмотря на то, что напѣвъ былъ довольно однообразенъ, голоса очень посредственные и актеры довольно неловко являлись на сцену; этотъ послѣдній недостатокъ происходилъ вѣроятно оттого, что этихъ актеровъ не поощряли ни голосомъ, ни аплодисментами.

Проведя нѣсколько дней въ осмотрѣ рѣдкостей и увеселительныхъ мѣстъ, я снова принялся за изученіе русскаго языка, который былъ мнѣ необходимъ, такъ какъ даже въ тѣхъ конторахъ и магазинахъ, гдѣ красовались французскія и нѣмецкія фамиліи, меня не понимали и я выходилъ оттуда, ничего не добившись. Очевидно было, что при такомъ положеніи дѣлъ, мнѣ невозможно отважиться на путешествіе въ Сибирь одному, и я пригласилъ одного студента университета, знавшаго немного по французски, давать мнѣ уроки русскаго языка. Это удержало меня въ Москвѣ еще на двѣ недѣли, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ ходить по городу съ этимъ

молодымъ человѣкомъ и покупать все, что мнѣ нужно. Внутренность Кремля чрезвычайно великолѣпна; я видѣлъ тамъ одинъ манежъ *), который имѣетъ полтораста саженъ въ длину, сорокъ въ ширину и десять въ вышину, и ни одна колонна не поддерживаетъ его неизмѣримую крышу. Я ходилъ также на базары, имѣющіе совершенно восточный характеръ; посѣщалъ многія церкви, гдѣ мнѣ нравилось пѣніе и рафаэлевскій типъ лица молодыхъ греческихъ священниковъ; наконецъ рѣшился испытать прелести русской бани, и цѣлый день послѣ того чувствовалъ такое разслабленіе, что закаялся когда нибудь опять туда идти. Сдѣлавши покупокъ для путешествія на умѣренную сумму трехсотъ франковъ, я написалъ письма къ моимъ роднымъ и сдалъ ихъ на почту, получивъ въ принятіи ихъ квитанцію, по русскому обычаю; потомъ сталъ поджидать не пошлетъ ли мнѣ судьба какого нибудь попутчика.

Между тѣмъ холодъ увеличивался; термометръ стоялъ на —18°, снѣгъ шелъ почти постоянно; природа, какъ говорятъ поэты, облеклась въ свой зимній уборъ. Россія была точно такова, какъ я желалъ ее видѣть. Но, не смотря на исполненіе желанія, мнѣ было какъ-то грустно и неловко и, сидя у себя дома, я распѣвалъ аріи Беллини, чтобъ не дать унынію овладѣть мною. Въ одно воскресеніе вечеромъ, я зашелъ въ ближайшую католическую церковь, чтобъ отогрѣться тамъ, не только тѣломъ, но и душою, отъ холода внѣшняго міра; тамъ звуки органа, голоса женщинъ и дѣтей перенесли меня мысленно во Францію, въ другую среду, въ другую атмосферу; но видъ русскаго мундира и мужика въ полушубкѣ тотчасъ призвали меня снова къ дѣйствительности. Возвратившись въ гостиницу черезъ лабиринтъ пустынныхъ и безмолвныхъ улицъ безъ названія, я нашелъ у себя на столѣ карточку графа Сен-При, который также оказалъ мнѣ много вниманія въ бытность мою въ Москвѣ. Я никакъ не думалъ, что, послѣ многихъ превратностей судьбы, намъ съ нимъ придется опять встрѣтиться на границѣ Китая.

Время проходило, а я все-таки не выучивался по-русски; гостинница, гдѣ я стоялъ, была прекрасная: мнѣ тамъ подавали превкусный хлѣбъ, обѣдъ французской кухни и квасъ,—русскій напитокъ, похожій цвѣтомъ на пиво и состоящій изъ смѣси муки, солоду и меду. Однако на все это денегъ у меня выходило много; прибавьте къ

---

*) Вѣроятно *экзерцизъ-гаузъ*.— Прим. перев.

тому, что когда снѣгу выпало достаточно и установилась санная ѣзда, то улицы сдѣлались чрезвычайно скользкими и я представлялъ изъ себя жалкое зрѣлище, когда, желая перейти съ одного тротуара на другой, балансировалъ обѣими руками для сохраненія равновѣсія и осторожно подвигался поперекъ улицы,—но все было напрасно: ноги у меня разъѣзжались, шляпа летѣла въ одну сторону, а самъ я сваливался въ другую; прохожіе безстрастно смотрѣли на мое бѣдственное положеніе и никогда я не вызывалъ на ихъ равнодушныя лица ни насмѣшки, ни состраданія.

Я часто ходилъ искать утѣшенія въ гостепріимномъ домѣ Назимова, гдѣ прелестныя молодыя дѣвицы дѣлали мнѣ честь выслушивать разсказъ о моихъ приключеніяхъ у краснокожихъ индѣйцевъ; въ это время онѣ обыкновенно курили папиросы,—единственная вольность, какую имъ позволяютъ въ Россіи, вѣроятно въ утѣшеніе за строгій присмотръ надъ ними.

Я началъ уже думать, что мнѣ придется зимовать въ Москвѣ, когда мнѣ подалъ кто-то счастливую мысль публиковать въ газетахъ о моемъ желаніи имѣть попутчика, говорящаго на одномъ изъ обыкновенныхъ, человѣческихъ языковъ. Это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; объявленіе мое появилось въ газетахъ 11-го ноября, и въ то же утро въ мою квартиру набѣжало болѣе десятка претендентовъ на счастье сопровождать меня. Мнѣ оставалось только выбирать между военными, духовными, купцами и чиновниками; наконецъ я сговорился съ двумя молодыми людьми, хорошо говорившими по-французски, и мы условились что 13-го ноября выѣдемъ по дорогѣ въ Казань. Читателю вѣроятно извѣстно, что для ѣзды на почтовыхъ въ Россіи недостаточно одного паспорта; нужно еще имѣть (podaroschna) подорожную или позволеніе брать безпрепятственно почтовыхъ лошадей, за что платится вообще очень дорого, съ прибавкою за каждую лишнюю лошадь. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ учителемъ иностранныхъ языковъ въ Иркутской гимназіи и потому имѣлъ казенную подорожную, которая ничего ему не стоила и могла годиться для всѣхъ троихъ. Этотъ энергическій господинъ увѣрялъ меня, что мы проѣдемъ 5200 верстъ, отдѣляющихъ Москву отъ Иркутска, въ тридцать дней и что проѣздъ будетъ намъ стоить на каждаго не болѣе ста рублей серебромъ. Мы увидимъ впослѣдствіи насколько это было справедливо.

Утромъ 13-го ноября, мы всѣ собрались на крыльцѣ гостиницы hôtel de France, закутанные, какъ медвѣди, въ мѣховыя шубы.

Учитель, по фамиліи Яковлевъ, явился, опоясанный краснымъ кушакомъ, на которомъ висѣли огромный кинжалъ и револьверъ; другой мой спутникъ, Суринъ, почти еще юноша, смѣялся вмѣстѣ со мною надъ эксцентрической выходкой Яковлева, считая ее не болѣе какъ за фарсъ. Какъ бы то ни было, мы рѣшились всѣ трое сплотиться во-едино на все время нашего путешествія и твердо стоять другъ за друга противъ звѣрей, людей и всевозможныхъ враговъ. Съ этими братскими чувствами, мы выѣхали изъ Московской заставы по дорогѣ въ Иркутскъ.

ГЛАВА III.

Ѣзда на перекладныхъ. — Казань. — Покупка саней. — Мятель.—Пріѣздъ на Уралъ—на послѣднюю европейскую станцію.

Зимній путь не настолько еще установился, чтобъ можно было повсюду ѣхать на саняхъ, и потому мы принуждены были сѣсть въ тотъ странный экипажъ, который въ Россіи называется *pericladnoї* (перекладной) и, благодаря Бога, неизвѣстенъ ни въ какой другой странѣ. Это открытая телѣга на четырехъ колесахъ, безъ рессоръ, и хотя деревянная, но обладающая всѣми качествами желѣза, судя по ея крѣпости и тяжести; еслибъ мнѣ опять предложили сѣсть въ такой экипажъ, то я лучше продпочелъ бы идти пѣшкомъ или ѣхать на верблюдѣ. На пространствѣ въ одну квадратную сажень, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, намъ надо было умѣстить всѣ наши чемоданы и узлы, потомъ взобраться на эту гору и лѣпиться на самой ея вершинѣ, цѣпляясь другъ за друга, чтобъ не слетѣть оттуда прямо подъ колеса.

Никогда я не забуду эту осьми-сотверстную дорогу отъ Москвы до Казани; сначала до Владиміра она была очень хороша и гладка, но дальше сдѣлалась хуже чѣмъ наши проселочныя дороги. Такъ какъ на каждой почтовой станціи намъ смѣняли лошадей и телѣгу, то мы принуждены были каждый разъ перетаскивать вещи и пересаживаться на пятнадцатиградусномъ морозѣ, который держалъ насъ цѣлыя шесть сутокъ и разъ дошелъ даже до—22°. Преданные днемъ и ночью въ жертву этому невыносимому холоду, мы съ первой же ночи отморозили себѣ ноги, тѣмъ болѣе что сидѣли въ самомъ неудобномъ положеніи, не позволявшемъ намъ ни двигаться, ни поджимать подъ себя ногъ.

Учитель Яковлевъ, котораго я, за его опытность и рѣшительность прозвалъ «капитаномъ», не унывалъ нисколько; но обращался за то съ нами весьма круто, такъ какъ ему казалось совершенно естественнымъ въ дорогѣ не спать, ни ѣсть и отмороживать члены. Почти постоянно дулъ сильный вѣтеръ и шелъ снѣгъ; на почтовыхъ станціяхъ намъ запрягали иногда сани для пробы, но извѣстно, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ дороги въ Россіи бываютъ почти непроѣзжія: сани ѣхали кое-какъ нѣсколько верстъ, потомъ, когда становилось мало снѣгу, онѣ съ трудомъ тащились по мерзлой землѣ, а далѣе вдругъ попадали въ глубокій сугробъ, откуда лошади не могли ихъ вывезти; тогда мы должны были трудиться нѣсколько часовъ надъ вытаскиваніемъ несчастныхъ животныхъ, которыя бились въ снѣгу и вставали съ кровяными ранами на ногахъ и бокахъ.... Животныя, впрочемъ, способны зазнаваться также какъ люди; лошади наши, видя наше жалкое положеніе, стали обращаться съ нами за панибрата: однажды, когда мы два раза сряду опрокинулись, одной изъ нихъ пришла фантазія граціозно растянуться на снѣгу; потомъ, когда ее насильно подняли, то она повернулась къ намъ передомъ и хотѣла взлѣсть къ намъ въ сани, но ямщикъ тотчасъ же показалъ ей, что такія шутки очень неумѣстны. Мы пересѣли изъ саней въ телѣгу и, въ ту же минуту одно колесо соскочило и откатилось далеко въ сторону. Читатель видитъ, что почти минуты не проходило безъ приключенія.

Владиміръ очень красивый, чистенькій городокъ, съ прекрасной церковью и гостинницей, въ которой мы остановились завтракать; впрочемъ, онъ, въ маломъ видѣ, похожъ на Москву, какъ и всѣ другіе города по этой дорогѣ. Я могъ бы много пересказать о нихъ, также какъ и о лѣсахъ, и о разныхъ народахъ, въ томъ числѣ *черемиссахъ*, которыхъ я тутъ видѣлъ, но, къ несчастью, я потерялъ въ Шангъ-Хаѣ мои путевыя записки, и боюсь въ чемъ нибудь ошибиться и тѣмъ обмануть публику. Я предпочитаю лучше прослыть за плохаго наблюдателя, нежели выдавать ложь за истину, или чужія замѣчанія за свои.

15 ноября вечеромъ мы прибыли въ Нижній-Новгородъ, переѣхавъ по морозу въ —30°, рѣку Оку, шириною съ нашу Гаронну въ Бордо и, не смотря на тяжесть нашей нагруженной телѣги, великолѣпная ледяная скатерть рѣки даже не шевельнулась. Мы переночевали въ этомъ городѣ, который, мнѣ кажется, можетъ представлять какой нибудь интересъ только во время своей знаменитой ярмарки,

*

на которую собираются, каждый годъ, сотни тысячъ людей съ четырехъ странъ свѣта. На другой день, рано утромъ, мы снова отправились на перекладныхъ по большой дорогѣ, на востокъ; эта дорога чрезвычайно широка и напоминаетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, Елисейскія поля; линія деревъ, окоймляющая ее съ обѣихъ сторонъ, тянется до безконечности, вьется, подымается на пригорки, спускается все по прямой линіи и наконецъ теряется на горизонтѣ. Это такъ дѣйствуетъ на воображеніе, что кажется, будто эта линія огибаетъ весь шаръ земной и будто бы солнце, закатившись съ одной стороны, начинаетъ въ ту же минуту вставать съ другой. Такъ какъ дорога эта очень длинная и имѣетъ большое значеніе какъ путь сообщенія, то очень благоразумно было сдѣлать ее такою широкою; но я не понимаю, зачѣмъ она такъ неровна и изрыта.

18 ноября насъ повезли ямщики татары, худощавые и мускулистые, составлявшіе по своей дѣятельности полную противуположность съ апатическимъ равнодушіемъ русскихъ, которые, въ случаѣ какой нибудь бѣды, ограничивались тѣмъ, что закуривали трубку и ругали лошадей. Съ татарами же, несмотря на снѣгъ и вѣтеръ, мы дѣлали около шестнадцати верстъ въ часъ, и вечеромъ, 19 числа, нашъ ямщикъ, стоя на козлахъ и махая кнутомъ съ дикимъ крикомъ, влетѣлъ въ улицы Казани и подкатилъ къ крыльцу русской гостиницы. Чувствуя что силы наши совершенно истощились, мы рѣшились хорошенько здѣсь отдохнуть, прежде чѣмъ снова пуститься въ путь.

Въ этомъ городѣ, черезъ который проходитъ вся торговля Сибири и Бухаріи, мы стали уже серьезно приготовляться къ долгому путешествію въ Иркутскъ. 20 ноября было посвящено нами на покупку саней, шерстяныхъ чулокъ, длинныхъ валеныхъ сапоговъ безъ кожаной подошвы, но очень мягкихъ, и наконецъ перчатокъ на мѣху, но безъ пальцевъ, что придаетъ имъ очень некрасивый видъ. Я занялся спеціально закупкой съѣстной провизіи, о которой мои спутники навѣрное бы и не подумали, и запасся шоколатомъ, бисквитами, чаемъ, сахаромъ и пр. Пока я этимъ занимался, другъ мой, Яковлевъ, пріискивалъ сани поудобнѣе и попрочнѣе и, найдя такія какъ нужно, купилъ ихъ за сорокъ пять рублей; расходы, разумѣется, мы раздѣлили всѣ поровну. Теперь надо было умудриться уложить въ нихъ нашу поклажу такъ, чтобъ, въ случаѣ когда сани опрокинутся совсѣмъ верхъ ногами, мы не могли бы быть раздавлены и ушибены до смерти нашими чемоданами и шкатулками. Для этого мы при-

дѣлали во внутренности саней по желѣзному кольцу съ каждой стороны; къ этимъ кольцамъ привязали по толстой веревкѣ, которою обмотали крестъ-на-крестъ и крѣпко привязали къ санямъ всю нашу поклажу; потомъ настлали сверхъ всего этого соломы и положили еще каждый свой матрацъ и свою подушку. Надо прибавить, что есть три рода саней для ѣзды по Сибири: однѣ совершенно закрытыя, въ родѣ закупоренныхъ ящиковъ, изъ которыхъ изгнанъ не только свѣтъ, но таже воздухъ; другія совсѣмъ открытыя: онѣ гораздо легче, но зато холодъ въ нихъ невыносимъ; наконецъ есть среднія, т. е. закрытыя наполовину, какъ коляска. Мы выбрали себѣ эти послѣднія и, такъ какъ онѣ были сдѣланы изъ дуба и желѣза, то никакія превратности путешествія не могли поколебать ихъ прочность.

Мы усѣлись на нихъ рядомъ втроемъ, лицомъ къ лошадямъ, а ямщикъ сѣлъ впереди на широкую доску, замѣнявшую козла; онъ не былъ ничѣмъ защищенъ отъ снѣга и вѣтра; но такъ какъ эти ящики смѣняются на каждой станціи и имъ всегда даютъ копѣекъ пять или шесть «na vodkou» (на водку), то нашъ нисколько не жаловался.

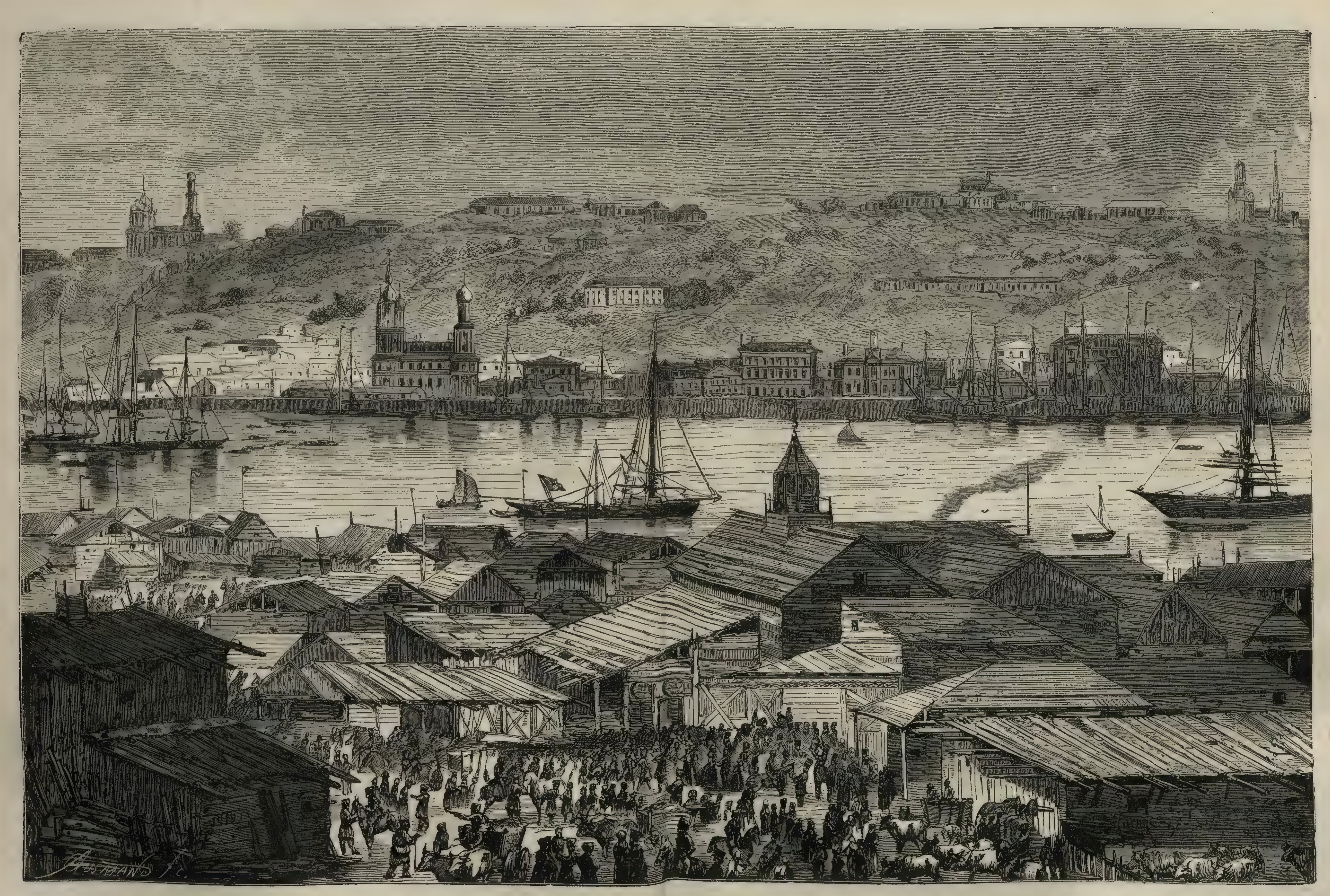
Такъ какъ мы были очень уставши и притомъ все время занимались покупками, то я не имѣлъ времени осмотрѣть надосугѣ этотъ замѣчательный городъ, въ которомъ есть знаменитый университетъ и около пятидесяти тысячъ жителей. Я былъ тамъ пораженъ страннымъ костюмомъ татаръ, проходившихъ по улицамъ, и *ермолкой*, которую они носятъ на бритой головѣ, что доказываетъ ясно ихъ монгольское происхожденіе: въ Казани уже пахнетъ Китаемъ и послѣднія воспоминанія о Европѣ изглаживаются совершенно.

Большой почтовый трактъ, по которому идетъ вся торговля съ Сибирью, проходитъ черезъ Пермь, Екатеринбургъ и Тюмень; но такъ какъ онъ идетъ не по прямой линіи, то Яковлевъ, уже ѣздившій въ Иркутскъ по другой, кратчайшей дорогѣ, предложилъ намъ ѣхать по ней. Дорога эта лежитъ на Елабугу, Мензелинскъ, Бирскъ, проходитъ на сѣверъ отъ Уфы и выходитъ изъ Европы въ Злотоустѣ; потомъ идетъ на Челябинскъ, Шадринскъ, Курганъ, Ишимъ, Тюкалинскъ, Каинскъ и Колывань, прямо до Томска, какъ и почтовый трактъ, но избѣгаетъ такимъ образомъ тройнаго объѣзда на Пермь, Тобольскъ и Омскъ. Эта дорога не только короче, но и дешевле, потому что за лошадей платятъ гораздо меньше; на тюменьской дорогѣ плата за нихъ доходила иногда до девяти коп. сер. на версту, а тутъ мы давали крестьянамъ по три и по двѣ копѣйки на лошадь, несмотря на то, что въ этомъ краю недавно былъ лошадиный па-

дежъ. Одно только мнѣ чрезвычайно не понравилось на этой дорогѣ: извѣстно, что на всѣхъ казенныхъ станціяхъ всегда есть готовый столъ для проголодавшихся путниковъ; здѣсь же мы принуждены были или поститься, или питаться рѣпой и мерзлой капустой, чего я никогда не могъ забыть!

30 ноября, въ — 28° мороза, мы выѣхали изъ Казани; признаюсь, что движеніе саней изумило меня своей мягкостью и легкостью; мы скользили безъ шума и безъ усилій по ослѣпительному снѣжному ковру, окаймленному великолѣпными соснами, похожими на тѣ, что растутъ въ Пиренейскихъ горахъ. Наши мѣховыя шубы совершенно защищали насъ отъ холода, и притомъ небо было такъ ярко и безоблачно, что еслибъ только мнѣ не пощипывало кончикъ носа,—я могъ бы вообразить себя на равнинахъ Индіи. Увы! эта пріятная иллюзія недолго продолжилась: я тогда еще не зналъ и отъ меня это тщательно скрывали, что скоро намъ надо будетъ совсѣмъ отказаться отъ привычки ѣсть, пить и спать!..

Доѣхавъ до Малмыжа, мы свернули съ почтовой дороги и, на другой день, по морозу въ — 12°, доѣхали ночью до Елабуги, стоящей на берегу большой и прекрасной рѣки Камы, и остановились въ прекрасной татарской избѣ. Русское гостепріимство вошло уже вездѣ въ пословицу, извѣстно, что въ Россіи можно войти въ какой угодно домъ (исключая только большихъ городовъ), остаться тамъ ночевать, ужинать,—и хозяева будутъ только благодарить за это. Обычай этотъ распространенъ повсюду; заходя въ домъ, вы говорите: «хлѣба и соли», чѣмъ и выражается желаніе, чтобъ у хозяина никогда не было недостатка въ хлѣбѣ, потому что русскій языкъ очень сжатъ и энергиченъ, не въ примѣръ другимъ сѣвернымъ языкамъ. Русскій крестьянинъ такъ свято соблюдаетъ гостепріимство, что если у него недостаетъ мѣста для помѣщенія гостей, то онъ выгоняетъ все свое семейство вонъ изъ избы, чтобъ очистить имъ мѣсто. Однажды ночью, мы остановились въ избѣ, гдѣ лежалъ больной съ переломленной ногою, и, не смотря на его отчаянные вопли и на наши просьбы, его перетащили изъ комнаты и отдали ее намъ. Судя по всему тому, что я видѣлъ, могу утвердительно сказать, что русскій народъ очень услужливъ и добродушенъ, не лишенъ поэтическаго чувства и готовъ оказать всевозможныя услуги даже постороннему человѣку. Меня также изумило полное отсутствіе нищеты въ Сибири и видъ довольства, доходящій почти до роскоши: тамъ вездѣ чисто и въ самой бѣдной хижинѣ натоплено такъ, что совершенно незамѣтна

Видъ Нижняго-Новгорода.

ледяная, окружающая атмосфера. Но не станемъ забѣгать впередъ и возвратимся въ Елабугу.

Такъ какъ наканунѣ было — 28°, а сегодня — 12° мороза, то мы предполагали, что Кама должна непремѣнно крѣпко замерзнуть; и въ самомъ дѣлѣ, ледъ на ней казался совершенно твердымъ; но, несмотря на то, ни одинъ ямщикъ не соглашался перевозить насъ чрезъ нее, и мы принуждены были пробыть на берегу цѣлый день, избравши себѣ убѣжищемъ вѣтряную мельницу. Тутъ поднялась страшная буря и мятель; снѣгъ падалъ такими густыми хлопьями, что похожъ былъ на занавѣсъ, въ клочки разрываемый вѣтромъ; онъ образовалъ изъ себя сугробы, которые потомъ взлетали кверху, какъ облака дыма, и до такой степени скрывалъ отъ насъ противуположный берегъ, что мы могли вообразить себя на берегахъ ледянаго, безконечнаго моря; притомъ холодъ былъ такъ силенъ, что невозможно было выдти на дворъ. Этотъ день тянулся для насъ очень долго и скучно.

На слѣдующее утро, мы сторговались за семь рублей серебромъ, чтобъ насъ перевезли черезъ рѣку, и тогда двѣнадцать человѣкъ понесли нашу поклажу, мы пошли пѣшкомъ, а сани поѣхали за нами пустыя. Зрѣлище было необыкновенное; очевидно, что послѣ перваго замерзанія рѣки была оттепель, потому что съ одного берега до другаго она загромождена была ледяными глыбами, вполовину занесенными снѣгомъ. На полдорогѣ лошадь, запряженная въ сани, провалилась ногами въ прорубь и въ тоже время мы почувствовали, что сапоги наши заливаетъ вода; мы перепугались не на шутку; но каково было наше удивленіе, когда, вытащивъ лошадь, мы открыли что подъ нами было два слоя льда одинъ надъ другимъ, между которыми протекала эта вода, напугавшая насъ! *) Черезъ полчаса мы благополучно достигли берега, гдѣ полицейскій солдатъ встрѣтилъ нашихъ носильщиковъ бранью за то, что они вздумали переправляться, когда рѣка еще путемъ не замерзла; но какъ бы то ни было, мы уже переправились и продолжали свой путь.

На другой день пріѣхали мы въ Бирскъ, останавливаясь только на нѣсколько минутъ чтобъ поѣсть разныхъ отвратительныхъ овощей въ крестьянскихъ избахъ. По дорогѣ намъ встрѣтились нѣсколько партій арестантовъ въ кандалахъ, ссылаемыхъ въ Сибирь на каторжную работу, за совершенныя ими преступленія. Наконецъ, 26

---

*) Этотъ феноменъ случается также на возвышенныхъ озерахъ въ Пиренейскихъ горахъ.

ноября, мы прибыли въ красивый городокъ Златоустъ, въ Уральскихъ горахъ,—послѣднюю европейскую станцію. Впрочемъ, эта граница Азіи и Европы не признается русскими; многія ихъ губерніи переходятъ за Уралъ и, слѣдовательно, находятся наполовину въ Европѣ, наполовину въ Азіи.

Въ Златоустѣ есть небольшая, очень чистая гостинница, и я чрезвычайно обрадовался, найдя въ этомъ живописномъ городѣ, почему-то напоминавшемъ мнѣ Парижъ, католическую часовню и поляковъ, говорящихъ по-французски. Не могу выразить, какъ умилительно услышать внезапно свой языкъ и свое богослуженіе посреди сосновыхъ лѣсовъ и дикихъ степей Урала!

ГЛАВА IV.

Прибытіе въ Азію. — Западная Сибирь. — Мытарства путешествія. — Пятьдесятъ градусовъ мороза. — Пріѣздъ въ Томскъ.

На мое несчастье, Яковлевъ занемогъ въ Златоустѣ, и какъ ни тяжело было мнѣ съ нимъ разстаться, но, не видя конца его болѣзни, я принужденъ былъ оставить его на попеченіи доктора. Запасшись прекраснымъ уральскимъ кинжаломъ, я закупилъ опять провизіи на дорогу, чтобъ успѣшнѣе бороться съ русскимъ постомъ; заказалъ изжарить тридцать фунтовъ телятины, стоившей мнѣ по три копѣйки за фунтъ, и прибавилъ еще къ тому превосходную индѣйку, которой я, можетъ быть, обязанъ жизнью. Все это тотчасъ же замерзло, также какъ и хлѣбъ, и на каждой станціи я оттаивалъ себѣ по куску для обѣда.

Съ остальнымъ моимъ спутникомъ, я, для упрощенія нашихъ счетовъ, заключилъ условіе довезти его до Томкка за тридцать рублей серебромъ, которые онъ долженъ былъ мнѣ выдать. Сумма была небольшая, но я бралъ въ разсчетъ то, что Суринъ въ это время ѣлъ постное и не дотрогивался до моей телятины. За сани я заплатилъ двѣ остальныя трети, такъ что пріобрѣлъ ихъ въ свою собственность и, простившись съ нашимъ больнымъ товарищемъ, мы поѣхали по дорогѣ въ Азію.

Болѣе двухъ тысячъ верстъ отдѣляли еще насъ отъ Томска, гдѣ я намѣревался остановиться; мы проѣхали ихъ въ тринадцать дней. Мнѣ было бы очень пріятно поводить съ собою читателя по безчисленнымъ городамъ, степямъ и лѣсамъ, мелькавшимъ передо мною во время этого переѣзда, но опасаясь что память можетъ мнѣ измѣнить, я позволю себѣ сдѣлать только нѣсколько общихъ замѣчаній, а за

подробностями отошлю читателя къ превосходному сочиненію Аткинсона о западной Сибири.

Я долженъ сказать, что никогда еще не видалъ страны до такой степени голой плоской, мрачной, и ужасной, не смотря на то что безконечная Барабинская степь, по словамъ Сурина, проѣзжавшаго тутъ три года тому назадъ, нѣсколько обросла березами противъ прежняго.

Впрочемъ, несправедливо было бы судить о Сибири по этой безобразной ея части; къ тому же погода стояла въ это время адская: мятель крутила постоянно и заваливала снѣгомъ деревни, по самыя крыши, хлестала насъ въ лицо, ослѣпляла и оглушала; часто, ночью, мы теряли дорогу, и тогда надо было отыскивать ее по теченію звѣздъ, ходить за нѣсколько верстъ въ села за лопатами, чтобъ отгребать лошадей и сани, завязшія въ сугробѣ. Дорога, по которой мы ѣхали, была проселочная и становилась дотого узка, что сани зацѣпляли за деревья и пеньки, а лошади наши, запряженныя гусемъ, т. е. въ одну линію, заворачивали въ разныя стороны: одна тянула вправо, другая влѣво, третья хотѣла бѣжать назадъ, и только дикій крикъ возницы и хлестаніе трехаршиннымъ кнутомъ могли ихъ образумить. Къ счатью, наши татарскіе ямщики выказывали въ такихъ случаяхъ необычайную энергію, соскакивали съ козелъ въ сугробъ и сами бѣжали рядомъ съ лошадьми, чтобъ поощрить ихъ, или бросались на нихъ какъ леопарды, когда онѣ сворачивали съ дороги, и выводили ихъ на настоящій путь. Когда изъ Ишима мы опять поворотили на большой сибирскій трактъ, на насъ посыпались новыя бѣдствія.

Длинные караваны, идущіе съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, съѣзжаютъ съ горъ съ такою быстротою, что дѣлаютъ въ снѣгу страшныя, глубокія рытвины, похожія на волны морскія. Это дѣлается потому, что въ саняхъ нельзя спускаться тихо съ горы; напротивъ, возница гонитъ лошадей въ галопъ, по сугробамъ, по кочкамъ, по пнямъ не обращая вниманія ни на какія препятствія. Разумѣется, слѣдствіемъ этого бываетъ то, что когда сани достигаютъ наконецъ въ своемъ бурномъ крушеніи подошвы горы, то оказывается, что онѣ опрокинуты верхъ дномъ, пассажиры растеряны по дорогѣ и самъ ямщикъ выброшенъ неизвѣстно куда. Случается также, что раскатъ саней такъ силенъ, что онѣ совсѣмъ перевертываются задомъ напередъ и очутиваются впереди лошадей. Впрочемъ, по моему мнѣнію, такія приключенія не имѣютъ въ себѣ ничего особенно непріятнаго,

и, мнѣ кажется, что для того, кто испыталъ каково ѣздить въ тарантасѣ, такая ѣзда можетъ показаться сравнительно раемъ. И притомъ какъ живописно, когда, запряженныя тройкой сани, несутся во весь опоръ по снѣгамъ Сибири, подъ ослѣпительными лучами солнца! «Эй вы, голубчики»! раздается крикъ ямщика, и онъ взмахиваетъ возжами, привставая на козлахъ.... И голубчики, развѣвая гривами по вѣтру, несутся какъ птицы; ихъ длинные хвосты заметаютъ снѣгъ и пѣна клубится изо рта; слышенъ только звонъ бубенчиковъ, привязанныхъ къ ихъ головѣ и нарушающихъ собою безмолвіе степи! Однажды, наша передняя лошадь наѣхала на грузъ съ чаемъ, стоявшій поперегъ дороги, и преспокойно перескочила черезъ него, не останавливаясь ни на минуту, такъ что, несмотря на сильный толчокъ, наши сани безпрепятственно продолжали свой путь.

Все это прекрасно, все это остается въ памяти, наравнѣ съ атмосферическими феноменами, съ мятелью, съ морозомъ и съ алой зарей на горизонтѣ, предшествовавшей каждое утро той счастливой минутѣ, когда первый лучъ солнца падалъ на наши лица; но тѣ, кто читаетъ эти описанія, не подозрѣваютъ до какой степени можетъ утомить подобное путешествіе, особенно если оно соединено съ безсонницей.

Отъ Москвы до Томска, т. е. въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, мы спали всего какія нибудь четыре ночи; остальное же время мы останавливались на станціяхъ не болѣе какъ на пять минутъ; товарищъ мой закуривалъ папироску, а я, въ изнеможеніи, растягивался на лавкѣ и тотчасъ засыпалъ крѣпчайшимъ сномъ, отъ котораго Суринъ внезапно пробуждалъ меня роковымъ словомъ *«готово»*, послѣ чего я долженъ былъ надѣвать шубу и опять садиться въ сани, еще не оттаявши какъ слѣдуетъ. Минутъ черезъ десять послѣ того, моя борода, брови и носъ покрывались ледяными сосульками и въ ушахъ моихъ раздавалось храпѣніе моего товарища, который весь, во время своего сна, превращался въ ледяную сосульку. Для меня же невозможно было спать въ саняхъ, и я часто радовался, что не привелъ въ исполненіе свою первую идею отправиться изъ Петербурга въ Иркутскъ съ курьеромъ, который пролетаетъ Сибирь изъ конца въ конецъ какъ бомба, дѣлая почти *триста пятьдесятъ верстъ въ сутки.*

Что же касается до политическихъ препятствій и до огромныхъ расходовъ, которыми меня пугали, то это все оказалось неправда. У меня разъ только спросили паспортъ, въ Ишимѣ, гдѣ мы отдохнули

часа два и потомъ пошли гулять; на улицѣ къ намъ подошелъ какой-то чиновникъ въ мундирѣ и обратясь ко мнѣ спросилъ, отчего я не представилъ свой паспортъ въ полицейское управленіе. Суринъ сказалъ ему за меня, что я везу письма къ князю Орлову. Услышавъ эти слова, чиновникъ, не говоря ни слова, повернулся и ушелъ.

На пищу у насъ выходило очень мало, потому что мы останавливались у тѣхъ самыхъ ямщиковъ, которые насъ везли, и пили свой собственный чай—безцѣнный напитокъ во всѣхъ частяхъ свѣта, а въ Сибири настоящій нектаръ!—я выпивалъ его по двадцати стакановъ въ день; надо прибавить, что это былъ отличный, свѣжій чай, не попорченный переправкой за море. Столъ нашъ, конечно, былъ самый умѣренный; мы совсѣмъ отучились ѣсть ножами и вилками; но добрые крестьяне такъ хлопотали о нашемъ угощеніи, что я прощалъ имъ даже ихъ изумленіе при видѣ меня, и вопросы, которыми они осыпали Сурина обо мнѣ: навѣрное, готентотъ не сдѣлалъ бы такого sensation въ Парижѣ. Мой спутникъ былъ для меня благодѣяніемъ судьбы и настоящимъ провидѣніемъ; безъ него, не смотря на всемозможные лексиконы, я долженъ былъ бы объясняться пантомимами. Мнѣ пріятно сказать, что, хотя наши разсчеты съ нимъ были кончены и ему не было ни малѣйшаго интереса обо мнѣ заботиться, но онъ помогалъ мнѣ всегда во всемъ, ночью ли, днемъ ли, въ бурю или въ мятель, торговался за меня съ ямщиками и добывалъ для меня все, что мнѣ было нужно. Ни въ комъ не встрѣчалъ я столько доброты и услужливости; всѣ счеты онъ велъ за меня одинъ, потому что эти мѣдныя монеты, съ виду совершенно схожія и между тѣмъ различныя по цѣнности, казались для меня настоящими іероглифами, и мнѣ также немозможно было имъ выучиться, какъ русскому языку.

Наконецъ мы пріѣхали въ Каинскъ почти окончательно замерзшіе: это было въ первыхъ числахъ декабря, и никогда еще не было такого мороза и такихъ быстрыхъ перемѣнъ погоды. 1-го декабря термометръ показывалъ—2°, 5, что очень рѣдко бываетъ въ Сибири въ это время года; на другой день онъ спустился до 6°, а на третій—невѣроятная вещь!—сдѣлалась такая оттепель, что я не могъ сидѣть въ шубѣ, и что же?... спустя часа четыре термометръ уже показывало—15°! Къ несчастью, термометръ этотъ, купленный мною въ Парижѣ, показывалъ только до 35°, и когда холодъ перешелъ эту цифру, не могъ больше дѣйствовать. Я приведу, впрочемъ, нѣ-

сколько примѣровъ, по которымъ можно будетъ судить о чрезвычайности этого холода.

Вышедши поутру изъ избы, гдѣ мы пили чай, я былъ пораженъ, какъ и всегда, великолѣпіемъ утренняго разсвѣта въ Сибири; но въ этотъ разъ въ воздухѣ было что-то особенное, хотя на всемъ видимомъ горизинтѣ не было ни облачка. Едва пробылъ я на воздухѣ минуты двѣ, какъ кожа у меня на лицѣ одеревенѣла и борода заиндевѣла: надъ всѣмъ лучезарнымъ, блестящимъ пейзажемъ царила тишина смерти, и дымъ, выходяцій изъ трубъ, останавливался надъ крышами въ видѣ прозрачнаго столба. Я повѣсилъ мой термометръ на сани, вершка на три отъ земли; обыкновенно онъ спускался сначала скоро, потомъ очень медленно до того пункта, гдѣ долженъ былъ остановиться; теперь же онъ въ тотъ же мигъ упалъ до—35°, своего послѣдняго предѣла и, не удовольствовавшись этимъ, перешелъ за всѣ границы, такъ что шарикъ остался почти пустой. Довѣрившись моей теплой шубѣ и яркому свѣту солнца, я никакъ не ожидалъ такого эффекта и почти испугался. Однако намъ все-таки надо было садиться въ сани и отправляться въ путь; нѣсколько дней провели мы въ настоящей агоніи, ёжась и извиваясь отъ холода. Въ продолженіе двухъ сутокъ, термометръ только на нѣсколько минутъ показывалъ—32°, и потомъ тотчасъ опять ртуть исчезала въ невѣдомыхъ областяхъ, которыя трудно постигнуть даже воображеніемъ.

Мой бараній полушубокъ, подушка и вся моя одежда стояли какъ колъ и не гнулись. Вотъ что на мнѣ было надѣто: на ногахъ три пары шерстяныхъ чулокъ, одна другой толще и на нихъ огромные, подбитые мѣхомъ сапоги; на мнѣ сверху длинный плащъ, завертывавшій меня съ ногъ до головы; наконецъ, сани были утыканы сѣномъ и герметически закрыты плотною рогожею. Не смотря на всѣ эти предосторожности, я отморозилъ себѣ на всю жизнь пальцы на ногахъ; сами сани, казалось, превратились въ ледъ и распространяли отъ себя убійственную атмосферу холода; тутъ я узналъ, хотя и нѣсколько поздно, что не количество мѣховъ и одеждъ защищаетъ отъ холоду, но качество ихъ, хотя бы они были гораздо меньшаго объема. И потому въ Томскѣ, я раскутался изъ всѣхъ своихъ шубъ и надѣлъ только *даху* изъ оленьей кожи, чрезвычайно легкую, но недоступную дѣйствію внѣшней атмосферы, такъ что сильнѣйшій морозъ былъ въ ней нечувствителенъ. Впрочемъ, носъ мой успѣлъ уже значительно пострадать и проболѣлъ нѣсколько недѣль. Лошади

наши, скакавшія безъ устали, были покрыты слоемъ льда и изъ замерзшаго пара ихъ дыханія образовались у нихъ подъ ноздрями большіе снѣжные клубы. Содержимое въ бутылкѣ, спрятанной у насъ на днѣ саней, подъ сѣномъ, превратилось въ кусокъ гранита! Наконецъ, наши несчастные ямщики почти не могли править; ротъ у нихъ былъ раскрытъ, какъ будто въ припадкѣ каталепсіи, лицо побагровѣло, посинѣло и почернѣло, и сдѣлалось дотого страшно, что я не рѣшался на нихъ взглянуть. Я чрезвычайно жалѣю, что не могу опредѣлить навѣрное сколько градусовъ морозу было въ эти дни, но два путешественника, ѣхавшіе въ это самое время, увѣряли меня впослѣдствіи, что холодъ доходилъ до 53°.

Къ счастью, въ воздухѣ царствовала полная неподвижность, потому что, еслибъ еще къ этому прибавился вѣтеръ, то невозможно бы остаться въ живыхъ. Впрочемъ, все это происходило подъ самыми яркими лучами солнца, потому что облакамъ новозможно собраться въ такой атмосферѣ, гдѣ всякій паръ мгновенно превращается въ камень и даже кровь застываетъ въ жилахъ.

Я забылъ упомянуть о переѣздѣ черезъ огромную рѣку Иртышъ, по той причинѣ, что хотя это было днемъ, но я не обратилъ на это вниманія, потому что въ Сибири самъ не знаешь по чему ѣдешь, по землѣ или по водѣ: дорога кажется вездѣ одинаковая. Когда холодъ усиливается, то первые пласты льда даютъ трещины и поднимаются кверху неправильными обломками, впослѣдствіи ихъ заноситъ снѣгомъ, и они дѣлаются совершенно похожи на земляные холмы, тѣмъ болѣе что по обѣимъ сторонамъ дороги ставятъ небольшіе сосновыя деревца, для того чтобъ нельзя было съ нея сбиться. Иллюзія это продолжается до тѣхъ поръ, пока довѣрчивый путешественникъ не услышитъ подъ собой глухаго треска и ударовъ, похожихъ на далекіе раскаты грома: это бьется и просится на волю могучая рѣка, заключенная въ ледяной тюрьмѣ. Признаюсь, что я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ содроганія объ этихъ зловѣщихъ звукахъ.

Въ Колывани мы переѣхали Обь, спустившись съ такого крутаго берега, что сани наши почти скатились внизъ; тутъ пріятель мой, Суринъ, котораго въ Томскѣ ожидало свиданіе съ матерью послѣ трехлѣтней разлуки, чуть не сошелъ съ ума отъ радости и нетерпѣнія; мнѣ самому чрезвычайно весело было видѣть, какъ онъ смѣется, напѣваетъ аріи комическихъ оперъ, которымъ я его выучилъ, и при каждой верстѣ смотритъ вдаль, не видать ли города. Однимъ

только его упоеніе было для меня невыгодно, что онъ не давалъ мнѣ никогда докончить обѣдъ на станціяхъ. Наконецъ, 10 декабря, выѣхавъ изъ кедроваго лѣса, мы увидали золотыя главы томскихъ церквей. Суринъ перелѣзъ на козла, началъ хлестать лошадей, шутить съ ямщикомъ, пѣть, махать шапкой и полчаса спустя мы въѣхали въ Томскъ въ 20° мороза, сдѣлавши отъ Москвы три тысячи пятьсотъ верстъ.

*

ГЛАВА V.

Томскъ. — Католическая церковь.—Могила французскаго офицера. — Зимнія сцены. — Раздача наградъ въ гимназіи. — Покупка верблюжьихъ кожъ — Отъѣздъ изъ Томска.

Томскъ не только красивѣйшій городъ Сибири, но одинъ изъ красивѣйшихъ въ цѣломъ свѣтѣ; въ немъ много каменныхъ домовъ, съ колоннадами и галереями, деревянные тротуары, пятнадцать или шестнадцать прекрасныхъ церквей и очень порядочный театръ. Онъ стоитъ на высокомъ и крутомъ холмѣ; солнце блеститъ цѣлый день на окнахъ его домовъ, а у стѣнъ его протекаетъ великолѣпная рѣка *Томь*, которая несравненно шире всѣхъ рѣкъ Франціи; весь противуположный берегъ покрытъ необозримыми сосновыми лѣсами, за которыми зимою садится солнце очень рано, потому что оно никогда не всходитъ очень высоко въ этихъ краяхъ; въ два часа пополудни сумерки уже спускаются на снѣжныя равнины, окружающія Томскъ, и въ четыре часа тѣни ночи густо окутываютъ неподвижныя вершины старыхъ кедровъ, отдѣляющихся своей мрачной зеленью отъ бѣлизны снѣга. Лѣтомъ въ Томскъ пріѣзжаютъ пароходы, посредствомъ которыхъ онъ имѣетъ сообщеніе, черезъ Томь и Обь, съ Иртышемъ.

Человѣческая раса удивительно красива въ Томскѣ; мужчины высоки, стройны, ловки и пышатъ здоровьемъ; женщины всѣ, безъ исключенія, хорошенькія и граціозныя. Тамъ всѣ очень любятъ публичныя увеселенія и наряды, такъ что, видя такіе типы въ такихъ романическихъ костюмахъ, съ трудомъ можно повѣрить, что находишься въ Россіи.

По пріѣздѣ туда я прежде всего озаботился о своемъ помѣщеніи,

но оказалось, что мой вѣрный другъ прежде меня подумалъ объ этомъ. Ни радость возвращенія на родину, ни свиданіе съ родными не могли заставить его забыть такой важный пунктъ: онъ отыскалъ небольшую гостиницу, нанялъ тамъ для меня простую меблированную комнату за пятдесятъ копѣекъ въ день, и самъ помогъ мнѣ туда перебраться. Затѣмъ онъ ушелъ, оставивъ меня одного въ сообществѣ хозяина гостиницы, который столько же зналъ по-нѣмецки, какъ я по-русски, такъ что намъ въ скоромъ времени удалось понять другъ друга и обмѣняться нашими знаніями. Я рѣшился подкрѣпить свои силы какъ слѣдуетъ, и принялся пожирать бифштексы и котлеты. Я написалъ также письма къ моимъ роднымъ, и такъ какъ въ этихъ письмахъ, которыя теперь лежатъ передо мной, вѣрнѣе всего отражаются всѣ мои тогдашнія ощущенія, то я рѣшаюсь сдѣлать изъ нихъ нѣкоторыя выписки, и представляю ихъ читателю въ видѣ дневника.

12-е декабря. Я отправился пѣшкомъ осматривать городъ, но я такъ утомленъ, что колѣни подгибаются подо мной отъ слабости. Почти на каждомъ шагу со мной встрѣчаются вожатые каравановъ съ отмерзшими носами и черными пятнами на лицѣ.

Даже здѣсь, на краю свѣта, мнѣ удалось отыскать католическую церковь, но, къ несчастію, я не засталъ уже тамъ службы.

13-го. Страшный холодъ, сильный вѣтеръ и снѣгъ; невозможно выдти на улицу; притомъ же съ моимъ отмороженнымъ носомъ немыслимо явиться къ губернатору съ рекомендательнымъ письмомъ отъ графини Муравьевой-Амурской.

14-го. Сегодня 21°.Погода великолѣпная. Уединеніе тяготитъ меня, часы кажутся мнѣ безконечными; я, какъ и въ Москвѣ, чувствую себя совсѣмъ одинокимъ на чужой сторонѣ. Сотни тысячъ верстъ отдѣляютъ меня отъ того, что для меня дороже всего на свѣтѣ; мысли мои принимаютъ грустный оборотъ, я съ содроганіемъ думаю о предстоящемъ мнѣ пути. Путникъ далекихъ странъ не долженъ никогда предаваться размышленіямъ; разъ отправившись въ путь, ему не надо думать о возвращеніи, а все идти впередъ, подобно падающимъ звѣздамъ, которыя, проносясь по горизонту, безслѣдно исчезаютъ въ пространствѣ. Ему надо пріобрѣсти твердость желѣза и торжествовать надъ самой природой, вездѣ побывать, нигдѣ не останавливаясь, и чѣмъ болѣе испытаній онъ перенесетъ, тѣмъ отраднѣе будетъ ему возвращеніе на родину.

Термометръ спустился до 30°. Двойныя рамы моей комнаты со-

вершенно замерзли и покрылись льдомъ на четверть вершка. Колбаса, привезенная мною съ Урала, перенесшая всевозможныя перемѣны погоды и все-таки сохранявшая до сихъ поръ свою свѣжесть и сочность, не выдержала 30° мороза, одеревенѣла и превратилась въ камень.

15-го. Температура — 16°; погода ужасная, снѣгъ крутится, какъ вихрь, и образуетъ сугробы вокругъ домовъ; выдти нельзя, потому что снѣгъ залѣпляетъ глаза; мѣсяцъ пытается выглянуть изъ-за тучъ, но тотчасъ же опять скрывается, какъ будто испугавшись этой сцены хаоса.

Въ числѣ багажа, порученнаго мнѣ учителемъ Яковлевымъ еще въ Златоустѣ, находится чемоданъ, который прорвался въ дорогѣ, и я считаю себя вправѣ подобрать вывалившіяся оттуда книги. На мое счастье я нападаю на два романа Диккенса, хотя это и не самые лучшіе: *the Battle of life* и *the Haunted man.*

Суринъ, во все время нашего путешествія, разспрашивавшій меня о моемъ пребываніи въ Америкѣ, задумалъ ѣхать на золотые пріиски въ Австралію, и предлагаетъ мнѣ быть его спутникомъ. Этотъ прекрасный молодой человѣкъ, нѣсколько романическаго направленія, хочетъ заключить со мной контрактъ, въ силу котораго, я, за извѣстную сумму, обязуюсь выплачивать всѣ его дорожныя издержки; это будетъ мнѣ стоить по крайней мѣрѣ тысячу франковъ (рублей триста), но за то этимъ я себѣ пріобрѣтаю неоцѣненнаго, пріятнаго спутника, который будетъ мнѣ чрезвычайно полезенъ во все время этого труднаго путешествія отъ Иркутса до Пекина, своимъ знаніемъ русскаго и французскаго языковъ. Дѣло идетъ на ладъ; онъ проситъ у меня только двухъ недѣль отсрочки, изъ снисхожденія къ его бѣдной матери, которая не можетъ прывыкнуть къ мысли о такой долгой разлукѣ съ сыномъ, и проливаетъ горкія слезы о насъ обоихъ.

16-го. Ничего замѣчательнаго. Температура, — 25° 5.

17-го. Сегодня утромъ я отправился на рѣку, чтобъ видѣть какія тамъ дѣлаютъ проруби во льду для ловли рыбы и черпанья воды; изъ этихъ прорубей выходитъ густой паръ; ихъ можно сравнить съ надрѣзами, дѣлаемыми хирургомъ на тѣлѣ больнаго, чрезъ которые видно кровообращеніе.

Ледъ толщины въ четверти въ полторы: подъ нимъ въ глубинѣ съ яростью клокочетъ вода. Мнѣ невольно приходитъ въ голову мысль, что стоить только поскользнуться на краю этихъ прорубей,

чтобъ исчезнуть въ нихъ и выплыть потомъ обезображеннымъ трупомъ изъ глубины Ледовитаго океана.

Я взобрался также на холмъ, находящійся въ окрестностяхъ Томска. На этомъ холмѣ стоитъ крестъ и бесѣдка надъ надгробнымъ камнемъ, подъ которымъ покоится прахъ какого-то французскаго полковника, состоявшаго лѣтъ сто тому назадъ на русской службѣ губернаторомъ въ Томскѣ; онъ хотѣлъ быть похороненнымъ на томъ мѣстѣ, на которомъ училъ свои войска. На камнѣ вырѣзана длинная эпитафія и имя его де-Вильневъ или де-Вильмеръ «изъ Прованса»; но у меня не хватило терпѣнія разобрать эпитафію, такъ какъ я отморозилъ себѣ пальцы взбираясь на холмъ. Дѣйствительно, съ климатомъ здѣсь еще труднѣе справиться чѣмъ съ языкомъ. Такъ какъ въ этотъ день была оттепель (12°), то снѣгъ, покрывавшій холмъ аршина на полтора, такъ разрыхлился, что не могъ сдержать меня, и я ушелъ въ него по поясъ; я выбился изъ всѣхъ силъ, стараясь выбраться, руки у меня совсѣмъ окоченѣли, голова закружилась, въ желудкѣ моемъ произошло что-то въ родѣ морской болѣзни, и я принужденъ былъ зайти въ хижину, гдѣ одинъ услужливый отставной капитанъ оттеръ меня снѣгомъ и напоилъ теплымъ виномъ. Кровообращеніе мое возстановилось, но, тѣмъ не менѣе, я съ этихъ поръ такъ сталъ бояться холода, что, выходя на улицу, испытывалъ такое же чувство, какъ будто меня тамъ ожидали чума или холера.

Сегодня я былъ также у священника. Онъ полякъ и, къ несчастію не говоритъ по-французски; я узналъ отъ него только то, что его приходъ имѣетъ въ окружности 9,600 верстъ, и что онъ въ продолженіе своего двадцатичетырехлѣтняго пребыванія въ этомъ краю изъѣздилъ 150,000 верстъ. Я покупаю разныя маленькія вещицы въ здѣшнихъ магазинахъ, гдѣ за европейскіе товары просятъ неслыханную цѣну. Впрочемъ, съ русскими купцами главное надо умѣть торговаться.

Находясь постоянно на воздухѣ, я предаюсь изслѣдованіямъ или скорѣе размышленіямъ на счетъ качества температуры или *теплотвора* въ различныхъ странахъ. Откуда происходитъ тотъ странный феноменъ, что въ Парижѣ мы замерзаемъ при 4° или 5°, тогда какъ здѣсь можно безъ всякой простуды и безъ особенно непріятнаго чувства перейти вдругъ изъ душной атмосферы жарко натопленной бани на жестокій сѣверный морозъ? Обыкновенно объясняютъ это отсутствіемъ вѣтра или тѣмъ, что на небѣ ясно и тому подобнымъ; но мнѣ кажется, что для этого должны быть болѣе серьезныя причины, зависящія вѣроятно отъ свойствъ свѣта и тепла, и отъ отноше-

ній ихъ съ условіями воздуха. Я распространюсь впослѣдствіи объ этомъ интересномъ предметѣ, также какъ и о смертоносномъ дѣйствіи индѣйскаго солнца. Теперь скажу только, что, по моему мнѣнію, несомнѣнно, что при сухомъ воздухѣ несравненно легче переносить какъ холодъ, такъ и жаръ. Какъ бы то ни было, ничего не можетъ быть вѣроломнѣе и обманчивѣе русскаго мороза, который сначала какъ будто нечувствителенъ, и между тѣмъ охватываетъ человѣка медленно, но неизбѣжно какъ ядъ, который долженъ сначала войти въ организмъ, чтобъ произвести свое дѣйствіе. Только по прошествіи часа, вы чувствуете себѣ прохваченнымъ морозомъ до мозга костей, тогда какъ въ первую минуту невозможно даже опредѣлить 10° или 40°. Вы узнаете его степень только по тому, что при 15° усы у васъ покрываются ледяными сосульками, а при 25° невозможно выйти изъ дому не закашлявшись, потому что духъ захватываетъ. Но и тутъ можно ошибиться.

18-го. Температура — 38°, 2. Нельзя пробыть на воздухѣ болѣе получаса; иначе можно заморозить лицо, доказательствомъ тому лица караванныхъ вожаковъ, почернѣвшія какъ уголь, снѣгъ твердъ какъ каррарскій мраморъ, и отъ удара издаетъ металлическій звукъ.

Шесть офицеровъ, ѣдущихъ въ Иркутскъ и остановившихся въ сосѣднемъ отъ меня номерѣ, занимаются музыкой въ ожиданіи отъѣзда. Одинъ изъ нихъ наигрываетъ что-то на флейтѣ, но она издаетъ только нестройные звуки, прерывистые аккорды. За моей дверью слышатся звуки шарманки, играющей: «Молитву Вильгельма Телля». Душа моя умиляется и рвется вдаль, слушая эти звуки; имъ здѣсь не мѣсто, они идутъ къ другой природѣ, къ другой обстановкѣ!

19-го. Я только что воротился отъ обѣдни. Церковь была полна, и большей частію тамъ были все молодые люди изъ ссыльныхъ поляковъ.

Температура — 37°, 5; я рѣшаюсь однако идти прогуляться. При ослѣпительно-яркомъ солнцѣ, я перехожу черезъ рѣку Томь шириною почти въ двѣ версты, и не перестаю любоваться красотами и контрастами сѣверной природы. Это именно та Сибирь, которую я представлялъ себѣ, а не та, которая явилась мнѣ на Уралѣ, покрытая березами. Здѣсь растутъ сосны густаго темно-зеленаго цвѣта, который ослѣпительно вырѣзывается на яркой бѣлизнѣ снѣга, и надъ всѣмъ ландшафтомъ раскидывается такое ярко-глубокое небо, какого я не видывалъ нигдѣ. Какія великолѣпныя фотографіи можно было бы снимать здѣсь! Но посреди моихъ фантазій, при температу-

Женскія типы монгольскаго племени Халкасовъ.

рѣ—37°, 5, поднимается вѣтеръ; вдохновеніе мое остываетъ въ самомъ началѣ; я поскорѣе возвращаюсь въ свою комнату и нахожу ее наполненною облаками фиміама. Меня здѣсь всѣ балуютъ, курятъ для меня разными благовоніями, поятъ медомъ и кормятъ рябчиками; это превесходная дичь гораздо вкуснѣе куропатокъ; родные моего спутника обходятся со мной необыкновенно вѣжливо и предупредительно; мое здоровье начинаетъ приходить въ цвѣтущее состояніе.

20-го. Температура—37°5, и сильный вѣтеръ. Я снова пробую выйдти, но не могу выдержать вѣтра и возвращаюсь назадъ.

21-го. Слава Богу, стало нѣсколько потеплѣе, теперь только 24°. Другъ, нашъ Яковлевъ, пріѣхалъ наконецъ съ Урала, и такъ какъ ему нельзя насъ дожидаться, то онъ ускакалъ одинъ въ Иркутскъ.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ страннаго зрѣлища; здѣсь вообще не очень заботятся о лошадяхъ и часто безжалостно загоняютъ ихъ, заставляя скакать по двадцати верстъ въ часъ. Одна лошадь переломила себѣ лѣвую ключицу; ее положили на бокъ и спутали веревками (здѣсь обращаются съ лошадьми какъ съ собаками), потомъ прорѣзали ей около шеи отверстіе, въ которое начали дуть, (можетъ быть произносились при этомъ какія нибудь кабалистическія слова); наконецъ въ отверстіе всунули что-то, что издали показалось мнѣ сальной или восковой свѣчкой. Бѣдное животное до тѣхъ поръ не подавало признака жизни; но когда этотъ предметъ, не знаю свѣта или что другое, проникъ въ его внутренность, оно задрожало всѣмъ тѣломъ, кожа вокругъ глазъ подернулась смертною блѣдностью, и вѣки судорожно замигали; всякая тѣнь жизни исчезла съ его физіономіи, и я, видя его спасеннымъ, но такой ужасной цѣной, и догадываясь, не смотря на его покорность и неподвижность, о всемъ что происходило у него внутри, убѣжалъ оттуда, съ ужасомъ думая о его будущности, въ случаѣ если это страшное средство, употребленное вѣроятно съ цѣлью предупредить воспаленіе, возвратитъ его къ жизни *).

Послѣ этого, совершенно для меня новаго и загадочнаго зрѣлища, я отправился въ церковь присутствовать при грекороссійскомъ богослуженіи, о которомъ я уже говорилъ. Теперь замѣчу только, что въ тотъ моментъ, когда растворяются Царскія двери, и среди облаковъ ѳиміама является строгая, неподвижная фигура священника, съ

---

*) Вѣроятно автору случилось присутствовать при томъ, какъ коновалъ дѣлалъ лошади *заволоку*, средство очень употребительное въ русскихъ губерніяхъ отъ нѣкоторыхъ лошадиныхъ болѣзней. *Прим. перев.*

какими-то глубокими и торжественно-звучащими нотами въ голосѣ, то невольно думаешь, что это не живое существо, а призракъ. Благоговѣйный трепетъ охватываетъ душу, когда онъ, высоко поднявъ руку, благословляетъ народъ, произнося въ тоже время какія-то слова.

Народъ считаетъ священника какимъ-то высшимъ существомъ. Что касается до меня собственно, я отъ души любовался на красивыя лица и благородныя манеры русскихъ священниковъ.

23-го. Температура=—15°,5. Я снова отправился бродить по рѣкѣ. Замѣчательно, что на ней попадаются въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга совершенно незамерзшія мѣста, образующія маленькіе пруды, въ которыхъ всегда струится вода, не смотря ни на какіе морозы; сороки, голуби и собаки утоляютъ въ нихъ свою жажду.

24-го. Температура=—14°; вихрь, снѣгъ и мятель, которая смѣтаетъ весь снѣгъ съ поверхности рѣки и прибиваетъ его огромными сугробами къ стѣнамъ домовъ; я люблю разсматривать вблизи это страшное бѣснованіе природы, въ продолженіе котораго ни одно животное безъ крайней необходимости, не выходитъ изъ жилья, и, по моему мнѣнію, стоять одиноко посреди этого хаоса гораздо страшнѣе, нежели находиться въ африканскихъ пустыняхъ. Горизонтъ весь бѣлый, а облака свинцоваго цвѣта; я слышу вдали звонъ колокольчика, и вскорѣ различаю, сквозь снѣжный вихрь крутящійся съ горы, сани, запряженные тройкой лошадей, съ развѣвающимися гривами; въ ту же минуту онѣ исчезаютъ въ туманѣ, и предо мною снова крутятся хлопья снѣга и слышится завываніе бури.

25-го. Сегодня первый день Рождества. Прочь всѣ грустныя мысли въ такой радостный для каждаго христіанина день; я даже примиряюсь съ тѣмъ, что провожу его вдали отъ родины и родныхъ, видя природу въ праздничномъ нарядѣ и сіяющую бѣлизной.

Температура—17°,5. У меня былъ сейчасъ съ визитомъ одинъ пруссакъ, ѣдущій изъ Амурской области въ Познань, въ сопровожденіи нѣмецкаго пастора.

26-го. Температура—22°,5. Я получилъ отъ директора томской гимназіи любезное приглашеніе присутствовать при раздачѣ наградъ воспитанникамъ, и, разумѣется, поспѣшилъ принять его. Предсѣдателемъ на этомъ актѣ былъ генералъ Озерскій и здѣшній архіерей, человѣкъ очень почтенный и пріятный въ обращеніи. Была музыка; одинъ изъ воспитанниковъ сказалъ рѣчь на французскомъ языкѣ, и былъ такъ любезенъ, что согласился уступить ее мнѣ, чтобъ я повезъ ее во Францію.

27-го. Утро великолѣпное. Бодро и весело выхожу я съ ранняго утра на свѣжій воздухъ, и съ легкостью серны бѣгу впередъ, въ сопровожденіи стаи домашнихъ собакъ. Въ такой ранній часъ никого не встрѣтишь на улицахъ, кромѣ каравановъ съ чаемъ и ихъ вожатыхъ, закутанныхъ въ мѣховыя одежды, иззябшихъ, съежившихся и представляющихъ изъ себя какую-то безобразную массу. Сквозь небольшое отверстіе, изъ котораго густымъ паромъ вылетаетъ ихъ дыханіе, они кидаютъ удивленный взглядъ на мою одежду; я безъ шубы, но не чувствую холода, хотя термометръ показываетъ — 25°. Прежде собаки кусали меня, но теперь онѣ со мной познакомились, полюбили меня, и повидимому съ наслажденіемъ сопровождаютъ меня въ моихъ прогулькахъ.

Иногда, навостривъ уши, онѣ садятся на какомъ нибудь утесѣ и смотрятъ въ ту сторону, откуда должно зайти солнце, какъ будто пришли сюда за тѣмъ же какъ и я, чтобъ полюбоваться солнечнымъ восходомъ. Между тѣмъ ночной туманъ, сквозь который мерцаютъ послѣднія угасающія звѣздочки, начинаетъ рѣдѣть, и восходящее солнце золотитъ своими первыми лучами навостренныя морды собакъ и кровли домовъ. Даже по возвращеніи на родину, посреди васъ, мои дорогіе соотечественники, часто я буду вспоминать о Сибири, о ея свѣжемъ вольномъ воздухѣ, великолѣпномъ небѣ и необозримыхъ дѣвственныхъ снѣгахъ, о которые нельзя замочить ноги, а также о смышленныхъ животныхъ, раздѣлявшихъ со мной мои впечатлѣнія. Нѣтъ! этого не поймутъ жители столицъ, гуляющіе только посреди грязныхъ улицъ, замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ; послѣ безсонныхъ ночей они возвращаются блѣдные и истомленные въ свои дома и ложатся спать, вмѣсто того чтобъ освѣжиться и вдохнуть въ себя новую жизнь въ свѣжемъ воздухѣ утра!

Я продаю мой овчинный полушубокъ, купленный въ Москвѣ, и покупаю за семнадцать рублей *даху* изъ замши; одежда эта очень легкая и непроницаемая для холода, и имѣетъ только то неудобство, что въ жаркой комнатѣ изъ нея мало по малу вылѣзаетъ шерсть, и потому на станціяхъ ее всегда надо оставлять въ саняхъ.

Я отморозилъ правую щеку и оба уха, но, замѣтивъ вовремя роковое бѣлое пятно, первый признакъ отмораживанья, я сейчасъ же отправился на дворъ, и началъ изо всѣхъ силъ тереть его снѣгомъ, до тѣхъ поръ пока оно совсѣмъ не исчезло; если опоздаешь это сдѣлать, то снѣгъ уже не помогаетъ, и тогда надо намазаться гусинымъ жиромъ и не подходить къ огню.

28-го Температура—21°,5.

29-го Температура — 14°. Вѣтеръ; день хмурый и ненастный; по временамъ на небѣ являются свѣтлыя полосы, похожія на тѣ, которыя по временамъ видны бываютъ сквозь туманъ. Земля похожа на огнедышащее жерло, выбрасывающее вмѣсто пламени снѣгъ.

У меня необыкновенно услужливый слуга; онъ, по русскому обычаю, подаетъ мнѣ умываться изъ рукомойника, и когда я ему что нибудь дарю, онъ цѣлуетъ мнѣ руку. Я обѣдаю здѣсь порядочно и не дорого; мясо стоитъ около 2 коп. сер. за фунтъ, такъ что солдатамъ выдаютъ на прокормъ только по полторы копѣйки въ день!

Театръ здѣсь не дуренъ, но такъ холоденъ, что всѣ сидятъ въ шубахъ. Одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился, играетъ мнѣ на скрипкѣ пьесы Беріо; ему аккомпанируетъ его сестра. Какъ далеко уносятъ меня эти звуки и какъ сильно очарованіе музыки!

30-го Температура—19°.

31-го Я вмѣстѣ съ Суринымъ занимаюсь приготовленіями къ отъѣзду, запасаюсь съѣстными припасами и, между прочимъ, очень хорошимъ французскимъ шоколатомъ, который я вездѣ умѣю отыскать. Въ послѣдній разъ ѣмъ я стерляжью уху, въ которую прибавляютъ лавроваго листу; эта уха—одно изъ лучшихъ произведеній русской кухни.

На другой день, позавтракавъ у родныхъ Сурина, и распростившись съ служителями гостиницы, я сѣлъ въ сани съ моимъ спутникомъ, и мы отправились снова въ путь.

ГЛАВА VI.

Отъѣздъ изъ Томска. — Иркутскъ. — Алтай, переправа черезъ Байкальское озеро. — Страшный морозъ.— Прибытіе на китайскую границу.

Читатель, терпѣливо слѣдовавшій за мною черезъ всю западную Сибирь, прочелъ, надѣюсь, не безъ интереса, описаніе этого трехъ тысячверстнаго путешествія, въ продолженіе котораго я почти не спалъ. Въ Томскѣ, прекраснѣйшемъ изъ городовъ Сибири, я провелъ цѣлыя три недѣли и вполнѣ отдохнулъ и освѣжился. Я оставался тамъ до послѣдняго дня года, и, при первыхъ лучахъ солнца новаго 1859 года, снова сѣлъ въ сани, чтобъ продолжать свою кочующую жизнь.

1-го января отправился я въ Иркутскъ, столицу азіатской Россіи, отстоявшую еще за 4000 верстъ. Едва тройка рьяныхъ лошадокъ умчала меня изъ томской заставы, какъ городъ мгновенно отъ меня скрылся за холмомъ, и звукъ колоколовъ сталъ глухо долетать до меня. Во всякой другой странѣ можно было бы сказать—до свиданія; въ Сибири же надо со всѣмъ прощаться навсегда.

Но прощаніе это было тягостно не для одного меня. Читатель, конечно, помнитъ, что я выѣхалъ изъ Москвы съ двумя попутчиками русскими; одинъ изъ нихъ, Яковлевъ, заболѣлъ и остался на Уралѣ; другой же, другъ мой Суринъ, молодой человѣкъ съ впечатлительнымъ сердцемъ, съ пылкимъ воображеніемъ, ослѣпленный перспективою знойныхъ песковъ пустыни, рѣшился слѣдовать за мной всюду и раздѣлить со мною труды и опасности на далекихъ берегахъ Австраліи. Насъ съ нимъ соединяла тѣсная дружба; мы вмѣстѣ проѣхали половину Россійской имперіи, вмѣстѣ оглашали лѣса Сибири аріями изъ Беллини и Доницетти, весело перенося морозъ въ

50°; по утрамъ мы въ одно время просыпались при первомъ лучѣ солнца, оттаявавшемъ наши замерзшія рѣсницы; я училъ его по-англійски, а онъ меня по-русски; общество его было для меня такъ пріятно, что даже воспоминанія объ отчизнѣ отчасти заснули во мнѣ. Его родители жили въ Томскѣ, и понятно, какъ тяжело было ему оставлять этотъ городъ. Его отецъ и мать провожали насъ до девятой версты; тутъ на холмѣ, направо, посреди сосноваго лѣсу, была небольшая лужайка, посреди которой стоялъ деревянный крестъ. Мы вышли изъ саней: отецъ, мать и сынъ бросились на колѣни, чтобъ помолиться послѣдній разъ вмѣстѣ на этой мерзлой землѣ; сѣверный вѣтеръ бушевалъ вокругъ нихъ и разносилъ далеко ихъ молитвы и слезы. Потомъ всѣ встали; раскупорили бутылку вина и каждый выпилъ по рюмкѣ, выплеснувъ остатки кверху; потомъ рюмку опрокинули на голову молодому человѣку; напослѣдокъ отецъ взялъ пистолетъ и выстрѣлилъ на воздухъ; мать обняла меня, поручая мнѣ своего сына, и взяла съ меня обѣщаніе пробыть съ нимъ только три мѣсяца въ Австраліи. Мы сѣли въ сани и лошади поскакали; но отецъ и мать стали на полозья, чтобъ еще минутой дольше пробыть съ нами. Такая сцена въ такомъ мѣстѣ живо запечатлѣлась въ моей памяти, и мнѣ казалось, что само небо благословяетъ насъ всѣхъ.

Во время нашего путешествія отъ Томска до Иркутска, температура была сравнительно сносная и не спускалась ниже 20°; боясь перемѣны погоды, я торопился ѣхать, и мы сдѣлали эти 1600 верстъ менѣе чѣмъ въ десять дней, не останавливаясь нигдѣ ночевать. Страна, по которой мы проѣзжали, самая населенная изъ всей Сибири; но типъ расы становится все некрасивѣе, по мѣрѣ удаленія отъ Томска, а въ самомъ Иркутскѣ совершенно уже господствуетъ монгольскій типъ, въ лицѣ бурятъ, которыхъ безобразіе по-истинѣ изумительно. У нихъ почти со всѣмъ нѣтъ носа, щеки отдулись, лицо шире книзу чѣмъ кверху, и глаза прорѣзаны щелочками по прямой линіи.

Дорога наша шла все больше по ровному мѣсту; но за то намъ приходилось проѣзжать черезъ великолѣпные кедровые лѣса, тянувшіеся иногда верстъ на триста; дорога, окоймленная съ обѣихъ сторонъ этими двумя океанами вѣчной зелени, казалось горнымъ ущеліемъ. Намъ встрѣчалось много волковъ; но всѣ они убѣгали при нашемъ приближеніи; случалось также видѣть вдоль дороги

трупы замерзшихъ животныхъ, вокругъ которыхъ толпились и дрались стаи дикихъ собакъ, съ окровавленною пастью.

Я сказалъ уже, что торопился ѣхать, и потому всегда бралъ почтовыхъ лошадей; часто случалось, что ихъ запрягали пять, хотя я платилъ только за трехъ; эти лошади вообще имѣютъ сытый и добрый видъ, хотя онѣ малы ростомъ, какъ всѣ монгольскія породы. У нихъ, также какъ у свиней, у верблюдовъ и почти всѣхъ животныхъ этой части свѣта, чрезвычайно длинный волосъ, который никогда не стригутъ, и хвостъ ихъ такъ длиненъ, что волочится по снѣгу. Впрочемъ, онѣ очень красивы, сильны и ловки; нигдѣ, кромѣ Австраліи, я не видалъ такихъ неутомимыхъ лошадокъ.

Я нахожу, что удобнѣе всего останавливаться на почтовыхъ станціяхъ: тамъ всегда бываетъ готовый столъ, приборы, тарелки и все что необходимо для цивилизованнаго человѣка, исключая, впрочемъ, постелей, которыхъ я вовсе не встрѣчалъ нигдѣ, отъ самаго Урала до Японіи; всѣ спятъ на лавкахъ или на диванахъ, или, по крестьянскому обычаю, на печкѣ, куда влѣзаютъ по лѣстницѣ и которую раскаляютъ до-бѣла, по два раза въ день; когда мнѣ случалось взбираться туда, то черезъ нѣсколько времени потъ начиналъ лить съ меня градомъ, такъ что я снова соскакивалъ внизъ. За ночлегъ никогда не платилъ ни на почтовыхъ станціяхъ, ни въ крестьянскихъ избахъ.

Такъ мы пріѣхали, вполовину замороженные, вполовину зажаренные, въ Красноярскъ (въ 500 верстахъ отъ Томска) и, къ удовольствію нашему, нашли тамъ гостиницу, гдѣ и расположились ночевать. Тамъ также отыскался булочникъ и—что насъ очень удивило—труппа итальянскихъ наѣздниковъ. Мы ходили осматривать городъ; улицы въ немъ прекрасныя и прямыя, хотя дома всѣ деревянные; въ перспективѣ виднѣются очень красивыя, зубчатыя горы, вышиною саженъ въ четыреста, окрашенныя какимъ то красноватымъ оттѣнкомъ, отъ котораго и самый городъ получилъ свое названіе: «красный яръ».

Когда мы подъѣзжали къ Красноярску, вѣтеръ почти совершенно смёлъ весь снѣгъ съ дороги, такъ что послѣднюю станцію намъ приходилось тащиться по камнямъ, что было чрезвычайно тяжело лошадямъ.

Въ Красноярскѣ есть прекрасная церковь и замѣчательная колокольня; мнѣ говоритъ пономарь, что одинъ изъ колоковъ вѣситъ болѣе двадцати пудовъ.

Мы снова отправились въ путь къ столицѣ Сибири.

9-го января мы въ первый разъ увидали, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, полутораста верстъ отъ насъ, цѣпь Алтайскихъ горъ. Насъ отдѣляло отъ нихъ необозримое снѣжное пространство, изрытое бугорками какъ поверхность океана и отражающее въ себѣ, подобно ему, синеву неба — единственное обстоятельство, вслѣдствіе котораго человѣкъ можетъ ѣздить по Сибири зимой, не подвергаясь опасности лишиться зрѣнія отъ блеска снѣга. 10-го января передъ нами открылись плѣнительные виды; мы нечувствительно въѣхали на самую вершину горы вышиною саженей триста, отстоявшую отъ Иркутска верстахъ въ пятнадцати, и тутъ передъ нами открылись, на пространствѣ почти ста верстъ, — лѣса, снѣга и рѣки, граничащіе на югѣ съ цѣпью Алтайскихъ горъ; надъ ихъ остроконечными вершинами носились легкія облака, казалось выплывавшія изъ Небесной имперіи; но вообще, на всемъ пространствѣ неба и земли, блисталъ такой ослѣпительный свѣтъ, что даже съ закрытыми глазами трудно было его переносить. Въ срединѣ этой живописной картины, саженяхъ въ трехстахъ подъ нами, раскинулась обѣтованная столица Сибири! Между тѣмъ какъ лучи солнца разсыпались на главахт алмазными искрами, самъ городъ былъ окутанъ, какъ туманомъ, испареніями озера Байкала, сквозь которые видна была извивающаяся рѣчка Ангара, которой воды, не смотря на чрезмѣрный холодъ, катились быстрыми волнами, ударяясь о ледяные берега. Глубокое безмолвіе царило надъ этимъ безграничнымъ пространствомъ: навѣрное, каждый европеецъ, которому случится стоять на этой границѣ двухъ частей свѣта, невольно содрогнется и вспомнитъ о своей далекой родинѣ!

Мы спустились по большой дорогѣ, извивавшейся вдоль склона горы, но этотъ спускъ былъ такъ длиненъ, что нельзя было, по обыкновенію, пустить лошадей вскачь, а пришлось еще въ первый разъ тормозить сани. Потомъ мы перебрались черезъ Ангару, съ большими предосторожностями, по чрезвычайно тонкому льду, и, пріѣхавъ въ Иркутскъ, прямо отправился просить гостепріимства у нашего пріятеля Яковлева.

Теперь меня отдѣляли отъ Москвы 6000 верстъ, а отъ Парижа — 9000. Пекинъ, цѣль моего путешествія, лежалъ отъ меня только въ 1500 верстахъ. Сердце мое сильно билось когда я, на другой же день моего пріѣзда, явился съ рекомендательными письмами къ генералу Муравьеву, графу Амурскому, съ цѣлью просить его посред-

ничества, которое было мнѣ необходимо для окончанія моего путешествія. Я надѣялся, и не ошибся въ своемъ ожиданіи, что генералъ-губернаторъ не откажетъ мнѣ въ помощи и содѣйствіи.

Я долженъ сознаться, что всѣ внѣшнія обстоятельства необыкновенно удачно сложились, чтобъ благопріятствовать путешествію.

Тіендзинскимъ договоромъ утверждено было для русскихъ дозволеніе присылать по временамъ курьера въ Пекинъ, чтобъ устроить правильное сообщеніе между русскимъ посольствомъ, жившимъ тамъ столько лѣтъ словно въ заключеніи, и Петербургскимъ дворомъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1857 года изъ Иркутска посланы были, съ этою цѣлью, два офицера въ Пекинъ, но въ Монголіи, въ городѣ Ургѣ, этихъ офицеровъ приняли очень грубо и, безъ церемоніи, отправили назадъ. Но русскіе не отступили отъ своего требованія, и генералъ Муравьевъ добился угрозами исполненія договора. Я именно попалъ къ нему въ ту минуту, какъ онъ собирался сдѣлать новую попытку и послать лейтенанта Лаврова въ Пекинъ. Такъ какъ для французовъ путь въ Пекинъ былъ еще совершенно закрытъ, то я не могъ проникнуть туда иначе, какъ въ качествѣ посланнаго отъ русскаго правительства, и генералъ Муравьевъ былъ такъ любезенъ и снисходителенъ, что немедленно, по моей просьбѣ, далъ мнѣ позволеніе сопровождать г. Лаврова. Недовольствуясь этимъ, онъ приказалъ весь мой багажъ перенести къ себѣ въ домъ и оставилъ меня у себя до самаго дня отъѣзда.

Читатель, конечно, помнитъ, что я ѣхалъ съ Суринымъ, который долженъ былъ сопутствовать мнѣ въ Австралію, и пойметъ въ какомъ затруднительномъ положеніи я очутился относительно его. Просить для него такой же милости какъ для меня, когда я самъ только по особенной благосклонности генерала получилъ позволеніе ѣхать въ Пекинъ — было не возможно: съ другой стороны я былъ связанъ съ Суринымъ нашимъ условіемъ. Что дѣлать?... Я рѣшился откровенно разсказать о моемъ затрудненіи генералу, который тотчасъ разрѣшилъ его тѣмъ, что записалъ моего пріятеля въ число служащихъ при посольствѣ. Услуга, оказанная мнѣ губернаторомъ была для меня тѣмъ неоцѣненнѣе, что дѣлала меня орудіемъ счастья моего товарища, который никакъ не ожидалъ такого возвышенія своей карьеры. Послѣ всего этого, трудно было бы быть еще чѣмъ нибудь недовольнымъ и, еслибъ мнѣ предоставили на выборъ, то я и не пожелалъ бы ничего лучшаго. Я занималъ великолѣпныя комнаты въ домѣ

генералъ-губернатора; всѣ его домашніе были ко мнѣ чрезвычайно предупредительны, офицеры всѣ говорили по французски и обращались со мной по товарищески. Въ театрѣ я сидѣлъ въ ложѣ генералъ-губернатора; присутствовалъ на одномъ маскерадѣ, гдѣ много было китайскихъ костюмовъ; много гулялъ пѣшкомъ и катался въ въ саняхъ. Наконецъ моя мечта достигнуть Пекина сухимъ путемъ готова была осуществится! Главное мое счастье состояло въ томъ, что я тогда не могъ подозрѣвать какія страданія и испытанія ожидаютъ меня впереди.

Иркутскъ мнѣ не понравился; хотя онъ великъ и построенъ правильно, но дома тамъ далеко не такъ красивы какъ въ Томскѣ и ни одного нѣтъ каменнаго. Видъ города не веселый и неоживленный, хотя тамъ, почти круглый годъ, стоитъ ясная погода; впрочемъ по воскресеньямъ, большая улица, тянущаяся версты на двѣ, оживляется ѣздою щегольскихъ экипажей; всѣ выставляютъ на показъ роскошныя туалеты и чувствительный недостатокъ красоты.

Общество тамъ довольно пріятное, музыка порядочная, и чужестранецъ всегда можетъ тамъ найти пресловутое русское гостепріимство. Во всѣхъ домахъ подаютъ этотъ чудесный, неизвѣстный у насъ *желтый чай*, получившій свое названіе отъ желтаго цвѣта настоя. Онъ имѣетъ разслабляющее дѣйствіе: пить его надо безъ сливокъ и безъ сахару; это очень полезно послѣ обѣда. Чай этотъ стоитъ въ Петербургѣ иногда болѣе тридцати рублей серебромъ, а въ Китаѣ четверть этой суммы; онъ, для обитателей Сибири тоже, что для ирландца кортофель; многіе пьютъ его стакановъ по сорока въ день и придерживаются страннаго обычая не класть сахару въ стаканъ съ чаемъ, а откусывать его по маленькимъ кусочкамъ и сосать, прихлебывая чаемъ.

Дворецъ генералъ-губернатора восточной Сибири — прекрасное зданіе, построенное на углу большой улицы, на берегахъ Ангары, огромной и глубокой рѣки, вытекающей изъ обширнаго озера Байкала, въ которое впадаютъ триста рѣкъ. Церкви, какъ и вездѣ въ Сибири, очень большія и богатыя; въ концѣ одной улицѣ есть тріумфальныя ворота, представляющія въ миніатюрѣ «Arc de l'Etoile» воздвигнутыя въ честь побѣды генерала Муравьева и названныя «Амурскія ворота». Народонаселеніе въ Иркутскѣ болѣе двадцати двухъ тысячъ душъ, и городъ имѣетъ въ окружности около шести верстъ; въ настоящее время онъ одинъ считается столицей Сибири;

Тобольскъ, всѣми забытый, есть только мѣстопребываніе правительственныхъ властей западной Сибири.

Какъ и въ Томскѣ тутъ есть гимназія, въ которой приготовляются къ московскому или казанскому университету, такъ какъ русскіе не во что ставятъ отдаленіе этихъ городовъ. Безполезно прибавлять, что есть также и католическая церковь (такъ какъ наша религія распространена по всему земному шару) и двѣ хорошія гостиницы, гдѣ говорятъ по-нѣмецки. Я поручилъ одному господину продать мои сани, побѣдоносно выдержавшія всѣ испытанія; получилъ отъ него за нихъ цѣну и сталъ снова собираться въ дорогу, такъ какъ день отъѣзда приближался.

Какъ ни странно это покажется, но справедливость требуетъ сказать *), что мы въ Европѣ имѣемъ болѣе свѣдѣній даже объ африканскомъ материкѣ, нежели о той странѣ, по которой я готовился теперь ѣхать. Во время пребыванія моего въ Иркутскѣ, я тщательно собиралъ всевозможныя указанія, начиная съ превосходнаго сочиненія Тимковскаго и стариннаго путешествія Белля до новѣйшихъ атласовъ и подтвержденій двухъ русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Пекинѣ; переписалъ на географическія карты названія каждой монгольской станціи по дорогѣ и число верстъ, раздѣляющее ихъ; но впослѣдствіи оказалось, и я объявляю это во всеуслышаніе, что все это было не болѣе какъ сѣть ошибокъ и обмана; названія, какъ и разстояніе, были совсѣмъ не тѣ, по крайней мѣрѣ на западной дорогѣ, которую мнѣ, къ моему несчастью, пришлось узнать слишкомъ хорошо! По этой дорогѣ отъ Иркустка до Пекина не менѣе двухъ тысячъ верстъ; станцій не семьдесять двѣ, какъ пишетъ Тимковскій, а только шестьдесятъ шесть, но онѣ несравненно длиннѣе и на нихъ нельзя найдти воды. Все это я узналъ по собственному опыту.

И такъ я оставилъ Иркутскъ съ полнымъ удовольствіемъ, хотя мнѣ сердечно жаль было разставаться съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, оказавшимъ мнѣ столько вниманія, и съ прочими моими новыми знакомыми; но такова уже доля путешественника! Послѣ послѣдняго ужина, на которомъ шампанское лилось рѣкою, я выѣхалъ въ десять часовъ вечера, 25 января, съ г. Лавровымъ и двумя офицерами, провожавшими насъ до озера Байкала. Холодъ снова сдѣ-

*) Это замѣчаніе не можетъ имѣть мѣста съ тѣхъ поръ какъ мы имѣемъ прево сходную карту капитана Бувье, снятую во время путешествія г. Бурбулона.

лался очень силенъ; но я, закутавшись въ мою замшевую *даху* и забившись въ глубину саней, не боялся его больше. На каждой станціи мы позволяли себѣ возліянія шампанскаго, и, когда показалась заря, мы проснулись въ шестидесяти верстахъ отъ Иркутска на берегахъ темно-синяго и неподвижнаго моря. Нигдѣ, кромѣ Индіи, я не видалъ такихъ величественныхъ рѣкъ какъ озеро Байкалъ съ его берегами: представьте себѣ цѣлую Швейцарію, превращенную въ озеро, обрамленное съ одной стороны цѣпью альпійскихъ горъ, а съ другой теряющееся на безконечномъ горизонтѣ: восходящее солнце позлащаетъ далекія снѣжныя вершины этихъ горъ, отдѣленныхъ блестящей, какъ сталь, ледяной равниной, протянувшейся верстъ на сто, а горныхъ подошвъ совсѣмъ не видно, по причинѣ круглоты земнаго шара.... Эту картину нельзя представить себѣ ясно тому, кто не видалъ Байкалъ и красоту сѣверной природы! Я скажу даже болѣе: Байкалъ представляетъ взору единственное въ мірѣ зрѣлище—совершенно замерзшаго моря, потому что озера Америки, которыя, ни въ какомъ случаѣ, не больше его, никогда не замерзаютъ вполнѣ, и ихъ обстановка, хотя и живописная, не можетъ сравниться съ величіемъ ледяныхъ громадъ и равнинъ.

Нашъ путь лежалъ черезъ это море. Топографы, посланные правительствомъ осмотрѣть ледъ, еще не возвращались, и неизвѣстно было можно ли отважиться ѣхать; но такъ какъ для курьера въ Россіи не существуетъ никакихъ остановокъ, то мы все-таки въѣхали на озеро; но, видя что ледъ еще мягокъ и ненадеженъ, стали держаться берега въ направленіи къ югу-востоку. Верстъ шестьдесятъ сдѣлали мы такъ, между берегомъ и ледяными глыбами, тянувшимися вдоль него. Между тѣмъ холодъ усиливался; ледъ постоянно трещалъ отъ давленія и образовывалъ большія звѣздообразныя трещины. Наконецъ, такъ какъ ночь приближалась, то надо было рѣшиться перерѣзать озеро поперегъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ до берега было не болѣе пятидесяти верстъ. Земля была такъ поката, что совершенно исчезала у насъ изъ виду, и намъ казалось что мы отправляемся съ Діеппскаго берега въ Америку. Пришлось разъ такое мѣсто, что, по причинѣ тонины льда, мы должны были выйдти изъ саней и пройти его пѣшкомъ; вслѣдъ за нами проѣхали сани во весь опоръ; слой льда погнулся, но не проломился. Тогда мы приблизились къ этому необозримому хаосу бѣлыхъ, зеленыхъ и синеватыхъ ледяныхъ глыбъ, которыхъ блестящіе силуэты, рисуясь на лазури

неба, напоминали страшныя сцены полярныхъ морей или внутренность ледниковъ. Онѣ лежали тамъ въ громадныхъ кучахъ: однѣ тяжелыя и массивныя какъ слоны; другія тонкія какъ иглы и острыя какъ бритва; однѣ стоящія, другія поверженныя и разметанныя кругомъ, напоминающія собой Іосафатову долину, въ которой встаютъ мертвецы, раскидывая вокругъ свои памятники и крышки гробовъ.

Вѣроятно, эти глыбы ни что иное какъ громадный обломокъ перваго слоя льда, образовавшагося на озерѣ, который впослѣдствіи пробило и разнесло бурей и наконецъ вытѣснило кверху внутреннимъ давленіемъ болѣе густыхъ слоевъ. Въ самомъ дѣлѣ, посреди этихъ глыбъ ледъ очень ненадеженъ; но лишь только минуешь ихъ, какъ онъ становится повсюду ровной толщины, около сажени или болѣе. По всему тому, что я написалъ, можно судить каковъ холодъ бываетъ въ Сибири; но я представлю еще одно разительное доказательство. Вдоль береговъ, на окраинахъ утесовъ и въ рвахъ видны какіе-то странныя, совершенно замерзшія брызги, принимающія иногда размѣры водопада: это пѣна озера, которая, разбиваясь о берегъ во время бури, не успѣла уже воротиться въ свое водное лоно, а мгновенно застыла тутъ же, на мѣстѣ!

Не смотря на все это, только съ конца января до конца апрѣля, т. е. въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, можно безопасно ѣздить въ саняхъ по Байкалу. Остальное время зимы можно ѣздить только вдоль берега по льду, держась юго-востока; есть также сухопутная дорога отъ Иркутска до Кяхты, но она длинна, тяжела и опасна; наконецъ лѣтомъ ходятъ пароходы по Байкалскому озеру.

По прошествіи часа, мы потеряли изъ виду землю со всѣхъ сторонъ; это очень странное впечатлѣніе когда сидишь въ саняхъ, запряженныхъ лошадьми. Снѣгу почти не было на дорогѣ и весь горизонтъ впереди былъ темно-синій; иногда виднѣлся слѣдъ, по которому мы видѣли, что не сбились съ пути; притомъ насъ руководило направленіе солнечныхъ лучей.

Я упомяну еще объ одномъ чрезвычайно странномъ фактѣ, о которомъ никогда не слыхалъ ни отъ одного путешественника. Вовсе время нашего переѣзда по озеру, подъ нами не прекращались на на минуту глухіе металлическіе звуки, то громкіе, то тихіе; по временамъ происходило сотрясеніе и вся поверхность озера дрожала какъ будто плѣнныя воды поднимались изъ глубины своихъ безднъ и яростно бились о своды, тяготѣвшіе надъ ними. Очевидно, что въ нѣдрахъ жидкой стихіи, заключенной подъ льдомъ происходила

междоусобная война, борьба и буря: мы даже явственно чувствовали ударъ каждой волны, напиравшей кверху. Какъ объяснить, какъ предположить даже такой феноменъ иначе, какъ допустивши мысль, — что между льдомъ и водой находится пустое пространство?.. Путешественниковъ всегда просятъ разсказать какое нибудь чудо: вотъ я и разсказываю!

Невозможно забыть этихъ подземныхъ звуковъ: они похожи на стоны грѣшниковъ въ глубинахъ Дантова ада.

Мы очень долго ѣхали по Байкалу, потому что вѣтеръ былъ намъ въ лице, снѣгъ не всегда надеженъ и лошади наши порядочно уставши; но вообще этотъ переѣздъ, составляющій станцію въ пятьдесятъ верстъ, совершается обыкновенно часа въ два съ половиной! Не смотря на опасности этого пути и въ саняхъ и на лодкахъ, зимою и весною, никто никогда еще не утопалъ въ этомъ озерѣ, какъ утверждаютъ русскіе и, поэтому, они имѣютъ къ нему суевѣрное благоговѣніе. Въ немъ водятся тюлени и коралловые рифы; оно чрезвычайно глубоко и, не смотря на совершенное отсутствіе соли, имѣетъ много качествъ моря, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ.

Еще прежде захода солнца, у насъ впереди показалась земля, но еще въ такомъ далекомъ разстояніи, что солнце успѣло скрыться во всемъ своемъ великолѣпіи за блестящими льдами прежде конца нашего путешествія, которое продолжалось еще четыре смертельные часа. Показались звѣзды: мы могли видѣть всѣ небесныя созвѣдія, отражавшіеся у насъ подъ ногами и стоявшія на горизонтѣ какъ линія маяковъ; было 34° мороза; мы сами почти окоченѣли, и намъ казалось, что весь міръ сдѣлался неподвижнымъ, и что звѣзды, остановленныя въ своемъ теченіи, стынутъ и превращаются въ льдины.

Несчастный казакъ, посланный съ нами провожатымъ до Пекина, сидѣлъ на козлахъ какъ каменное изваяніе. Наконецъ, въ теченіе ночи, мы выѣхали на твердую землю и, по страшному морозу, добрались къ утру до Верхне-Удинска, гдѣ остановились у одного офицера, котораго фамилію я, къ сожалѣнію, позабылъ. На слѣдующую ночь намъ пришлось опять переѣзжать Селенгу, длиннѣйшую рѣку во всемъ мірѣ, потому что воды ея, поочередно носящія названіе *Селенги, Ангары* и *Енисея*, впадаютъ въ Арктическое море, уже пробѣжавъ разстояніе 1400 французскихъ миль и переѣзавъ двадцать шесть параллелей широты.

На другое утро, съ шести часовъ, появился туманъ; эти туманы одно изъ прекраснѣйшихъ воздушныхъ явленій Сибири; въ боль-

Монгольскія кавалеристы.

шіе холода они продолжаются около трехъ часовъ и нигдѣ не бываютъ блестящѣе, чѣмъ въ этомъ краю. Въ это утро, хотя я и не чувствовалъ особеннаго холода, но термометръ показывалъ чрезвычайно низкую температуру. Долины, по которымъ мы ѣхали, сосновые лѣса и большая часть горъ были окутаны бѣлымъ, неподвижнымъ туманомъ, образовавшимся отъ растопленія всѣхъ атомовъ пара, находящихся въ воздухѣ при соприкосновеніи съ землей, до такой степени закоченѣвшей, что ничто, кромѣ пороха, не могло бы отдѣлить отъ нея ни одной частицы. Надъ этимъ туманомъ, небо приняло сначала алый, потомъ золотистый оттѣнокъ, наконецъ заблестѣло какъ серебро и наполнилось мильонами микроскопическихъ кристалловъ, падающихъ внизъ какъ крошечные рубины. Забившись въ глубину саней, задыхаясь и кашляя, съ раскраснѣвшими лицами, мы чувствовали, что въ природѣ происходитъ что-то необыкновенное; пріѣхавши въ Селенгинскъ, я поставилъ термометръ около двери—и онъ спустился до 39°, хотя солнце было уже довольно высоко на небѣ; поэтому можно предполагать что на зарѣ было градусовъ 50. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что въ эти большіе холода дѣйствіе отвѣсныхъ солнечныхъ лучей почти ничтожно,—по крайней мѣрѣ я не замѣчалъ почти никакой разницы въ температурѣ въ тѣни и на солнцѣ.

Мы позавтракали на Селенгинской почтовой станціи; мѣсто это прославилось пребываніемъ протестантскихъ миссіонеровъ, которые долго прожили тутъ, но все ихъ усердіе и самоотверженіе оказались безплодными, и они принуждены были уѣхать.

Народъ, въ этомъ краю, довольно бѣденъ и не въ состояніи даже купить себѣ стеклянныя рамы къ окнамъ; впрочемъ, ихъ совершенно удовлетворительно замѣняетъ слюда, которая также прозрачна какъ стекло и такъ хорошо защищаетъ отъ холода, что внѣшній паръ никогда на ней не мерзнетъ. Мы встрѣчали тутъ много бурятъ, обрусѣвшихъ монголовъ, но ни одного китайца. Погрѣвшись нѣсколько часовъ въ Селенгинскѣ, мы опять ѣхали всю ночь, и на другой день, 30 января, прибыли на китайскую границу. Мы отправились въ маленькій городокъ Троицко-Савскъ, въ двухъ верстахъ отъ Кяхты: въ немъ находится таможня. Тутъ нашимъ глазамъ вдругъ предстали въ послѣдній разъ колокольня и блестящій куполъ русской церкви; для насъ это было тоже что маякъ для пловца, пускающагося въ море; впереди уже видны были пески и снѣга Монголіи; а вдали, въ таинственномъ туманѣ, рисовались уже странныя жили-

ща самаго страннаго народа на землѣ. Скоро показались и сами китайцы въ своемъ оригинальномъ костюмѣ. Этотъ день составилъ новую страницу въ моей жизни, и душа моя, при этомъ первомъ видѣ Китая, проникнулась болѣе чѣмъ когда нибудь истиною этихъ словъ: *«Omnes partiæ dulci tanguntur amore»*.

ГЛАВА VII.

Описаніе Кяхты. — Приготовленія къ отъѣзду въ Пекинъ. — Монгольскія юрты. — Монгольскій языкъ, чай и обычаи.

Кяхта раздѣляется на два рѣзко разграниченные города — одинъ русскій, другой китайскій, первый на сѣверѣ, другой на югѣ. Русскій городъ, или собственно Кяхта, состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, очень чистенькихъ и удобныхъ, хотя и деревянныхъ; и если значеніе города познается по богатству и роскоши его жителей, то Кяхту можно сравнить въ этомъ отношеніи только съ Лондономъ или Ливерпулемъ. Тамъ нѣтъ гостинницъ: ихъ замѣняетъ гостепріимство жителей; а по вечерамъ всѣ собираются въ клубъ, гдѣ можно найти большую часть европейскихъ журналовъ, бильярдъ, столъ и буфетъ. Тамъ есть также зданіе въ родѣ ратуши, назначенное для публичныхъ обѣдовъ, для баловъ и для концертовъ. Роскошь обѣдовъ въ Кяхтѣ рѣшительно невѣроятна; я нигдѣ не ѣдалъ такихъ отборныхъ кушаньевъ какъ тамъ, и могу упрекнуть моихъ хозяевъ только въ одномъ: что они влили въ меня столько бутылокъ шампанскаго, что оно мнѣ опротивило на всю жизнь; сами они выпиваютъ его за каждымъ обѣдомъ въ количествѣ, превосходящемъ всякое вѣроятіе.

Посреди русскаго города находится прекрасный бульваръ для гулянія, съ павильономъ, обсаженнымъ цвѣтами, гдѣ лѣтомъ играетъ музыка и граждане Пекина расхаживаютъ рядомъ съ гражданами Петербурга. На восточной сторонѣ блеститъ куполъ церкви, выстроеной купцами; на южной — возвышаются деревянныя, тріумфальныя ворота, надъ которыми паритъ русской орелъ и всегда стоитъ на часахъ казакъ съ саблей наголо: выдти изъ этихъ воротъ — значитъ выйдти изъ Россійской имперіи. За этими воротами разстилается

нейтральное пространство сажень на сто, посреди котораго утвержденъ деревянный шестъ, съ нарисованнымъ на немъ краснымъ глобусомъ. Переступивъ эту границу, очутишься въ Китаѣ, и тотчасъ же почувствуешь тотъ знаменитый запахъ, который, по бѣдности языка, мы не можемъ назвать иначе какъ китайскимъ запахомъ.

Узкая, длинная и грязная улица тянется на югъ; на ней сидятъ и лежатъ, прислонившись къ стѣнамъ, китайцы, монголы, ламы, собаки и верблюды. Дома направо и налѣво выходятъ на улицу не окнами, но такого рода постройками и мѣстами, которыя надобно было бы помѣщать въ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ углахъ. Прекрасныя деревянныя ворота, украшенныя скульптурной живописью, растворены настежъ и въ нихъ виднѣются крытые дворы, въ видѣ стеклянныхъ галерей, гдѣ висятъ съ потолка огромныя клѣтки, полныя птицъ. Повсюду рѣжутъ глазъ приклеенныя къ стѣнамъ полосы красной бумаги, на которыхъ написаны разныя изреченія; повсюду слышится звукъ маленькихъ колокольчиковъ, повѣшенныхъ на крышахъ и качающихся отъ малѣйшаго вѣтра.

Этотъ китайскій городъ, составляющій часть Кяхты, называется также *Маймаченъ* но это названіе неправильно, потому что это просто имя нарицательное, означающее по-китайски *складъ* или складочное мѣсто;—и во многихъ китайскихъ городахъ находится такой маймаченъ. — Народонаселенія въ немъ до двухъ тысячъ душъ; оба города обведены крѣпкой оградой въ три сажени вышиной, которая замыкаетъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ разительнѣйшія противуположности нравовъ, вкусовъ, костюмовъ и архитектуры, какія только можно найти на свѣтѣ. Притомъ же кяхтинскіе китайцы отличились бы вездѣ, не только отъ цивилизованнаго народа, но даже отъ орды дикихъ, тѣмъ варварскимъ закономъ, который положительно запрещаетъ имъ присутствіе женщинъ въ ихъ городѣ; разстояніе въ нѣсколько тысячъ верстъ раздѣлятъ у нихъ мужа и жену на десять, на двадцать и на трдцать лѣтъ; и послѣдствіемъ этого бываютъ между ними такіе пороки, что христіанскій писатель не можетъ осмѣлиться даже намекнуть на нихъ. Впрочемъ, китайцы имѣютъ также многія хорошія качества: въ торговыхъ отношеніяхъ они ведутъ себя честно, вообще очень вѣжливы и иногда даже очень щедры. Я бывалъ у нихъ на такихъ обѣдахъ, что до сихъ поръ не могу ихъ забыть.

О кяхтинской торговлѣ я не могу дать подробныхъ свѣдѣній; извѣстно что она состоитъ большею частью въ обмѣнѣ товара: китай-

цы даютъ чай, ревень, шелкъ и разныя вещицы своей выдѣлки; а русскіе за это — сукно, мѣхъ, кожи и бѣлье. Чай отправляется ежегодно изъ Китая въ Кяхту въ количествѣ не менѣе шести мильоновъ пудовъ; впрочемъ, въ Англію доставляется его еще болѣе.

Я пробылъ въ Кяхтѣ на этотъ разъ только два дня, и всѣ свѣдѣнія, написанныя выше, собраны мной уже впослѣдствіи, когда я пробылъ тамъ два мѣсяца. Теперь же у меня была одна забота — принять всѣ нужныя предосторожности для путешествія по степи. Не имѣя никакого понятія ни о способѣ передвиженія, ни о климатѣ, ни о мѣстныхъ обычаяхъ, я предоставилъ себя совершенно на волю любезнаго кяхтинскаго градоначальника, г. Зеновича, у котораго мы остановились. Изъ окна его дома я смотрѣлъ съ ужасомъ на разстилавшуюся вдали мрачную равнину Монголіи, и нечаянно увидѣлъ одинъ предметъ, заставившій меня содрогнуться. Это была телѣжка длиною сажени въ полторы, съ небесно-голубымъ кузовомъ, безъ рессоръ, на двухъ колесахъ, откинутыхъ нѣсколько назадъ. Этотъ голубой гробъ былъ заказанъ нарочно въ Россіи, съ большими издержками, для курьеровъ, отправляющихся въ Пекинъ: въ немъ они могли растянуться во весь ростъ и спать всю дорогу. Я видѣлъ ясно, по устройству этого экипажа, что онъ сдѣланъ для одного только человѣка, и, въ первый еще разъ, у меня явилось предчувствіе моихъ будущихъ бѣдствій. Но скоро я узналъ, къ своему утѣшенію, что для меня и моего товарища дадутъ еще особенный кабріолетъ до Урги, находящейся въ трехъ стахъ верстахъ отъ Кяхты. Оттуда начинается уже дѣйствительно степь Гоби.

По моему неизмѣнному обычаю, я началъ запасаться съѣстными припасами, о которыхъ русскіе курьеры никогда не думаютъ заранѣе. Я купилъ около пуда сухарей т. е. маленькихъ высушеныхъ ломтиковъ хлѣба, которые дѣлаются тверды какъ камень и не портятся очень долгое время; къ этому прибавилъ я жареныхъ рябчиковъ, которые стоитъ въ Сибири копѣекъ шесть за пару; жареныхъ бифштексовъ, соли, чаю, сахару, рому, шоколату; все это я отдалъ на сохраненіе казаку, посланному съ нами до Пекина, по имени Бурдаковскому. Съ нимъ былъ другой казакъ, съѣдавшій въ день по цѣлому барану: его мы отпустили назадъ изъ Урги; потомъ одинъ Бутманкуевъ, родомъ монголъ, офицеръ русской службы, ѣхавшій съ нами до Урги, въ качествѣ переводчика. Человѣкъ двѣнадцать монголовъ, подъ начальствомъ *божко*, китайскаго сержантъ-маіора, и его помощника, дополняли нашу свиту. На каждой станціи мы имѣли

право брать столько верблюдовъ, лошадей и барановъ, сколько угодно, и за это обязаны были, также на каждой станціи, выдавать монголамъ по шести рублей серебромъ. Въ Ургѣ, гдѣ должна была рѣшиться наша участь, уже знали о нашемъ приближеніи, и такъ какъ очень вѣроятно было, что если даже пропустятъ моего спутника, носившаго русскій мундиръ, меня все-таки могли не пропустить, то между нами было рѣшено, что я вездѣ буду слыть за его секретаря и непремѣнно за русскаго, потому что въ этомъ была моя единственная надежда.

И такъ я вооружился двумя револьверами и кинжаломъ и, увѣрившись, что съѣтные припасы за нами слѣдуютъ, прошелъ съ лейтенантомъ Лавровымъ въ тріумфальныя ворота и переступилъ за порогъ Китайской имперіи.

Тутъ, прежде всего, надо было сдѣлать визитъ *заргучею*, или губернатору Маймачена — первое испытаніе, очень затруднительное для меня. Я старался стереться насколько возможно и, пропустивши впередъ величественно шествующаго Лаврова, пошелъ за нимъ, въ числѣ свиты, и стоялъ до тѣхъ поръ, пока заргучей, замѣтивъ наконецъ мое присутствіе, сдѣлалъ мнѣ, съ улыбкою, знакъ сѣсть. Однако онъ съ явнымъ любопытствомъ посматривалъ на меня и прислалъ мнѣ чашку чая и конфектъ, въ благодарность за что я ему низко поклонился.

Мы навсегда разстались съ санями, даже прежде пріѣзда въ Кяхту, потому что эту послѣднюю станцію Сибири нельзя проѣхать иначе какъ въ *тарантасѣ*, по причинѣ вѣтра, сметающаго весь снѣгъ съ дороги. Первую нашу станцію въ Монголіи мы сдѣлали въ маленькомъ фаэтонѣ, запряженномъ горячими лошадьми: кучеръ былъ сибирякъ съ длинной бородой, закутанный въ медвѣжій мѣхъ. Тутъ же, на этой первой станціи, мы должны были разстаться съ этими принадлежностями цивилизаціи. Теперь намъ предстояло на протяженіи 1300 верстъ не видѣть ни домовъ, ни стульевъ, ни столовъ, ни печей, и не пить рѣчной воды ни разу. Мы привѣтствовали прощальнымъ взоромъ кяхтинскую церковь, какъ послѣднее воспоминаніе Европы и христіанскаго міра, и вошли въ первую монгольскую *юрту*.

Юртами называются палатки, укрѣпленныя снизу толстыми деревянными перилами и обитыя въ нѣсколько рядовъ очень толстой шерстяной тканью, называемой войлокъ, которая совершенно предохраняетъ ихъ отъ холода. Юрты обыкновенно сгруппированы по восьми и по десяти вмѣстѣ, иногда даже по пятнадцати, и похожи изда-

ли, на улья пчелъ или на домики бобровъ. Снизу онѣ имѣютъ форму четыреугольнаго ящика до извѣстной высоты, фута въ четыре, а оттуда сходятся кверху остроконечно и кончаются отверстіемъ, которое можно отворять и затворять по волѣ, дергая за бичевку, висящую возлѣ двери. Подъ этимъ отверстіемъ, на самой серединѣ юрты, находится очагъ и кучка топлива, называемаго *аргль*, состоящаго изъ верблюжьяго навозу: отъ него бываетъ мало тепла и мало дыму. Вокругъ этого огня разсаживаются по вечерамъ на корточкахъ двадцать или тридцать человѣкъ монголовъ — мужчины по лѣвую, женщины по правую сторону, разговариваютъ, разсказываютъ, поютъ, смѣются и пьютъ чай. Кто видитъ ихъ въ первый разъ руками раздирающихъ части баранины, тотъ, глядя на ихъ суровыя, темныя лица, на которыхъ отражается фантастическая игра свѣта, можетъ принять ихъ за каннибаловъ. Впрочемъ, жилища ихъ довольно удобны кромѣ того времени, когда идетъ снѣгъ и потомъ таетъ отъ солнечныхъ лучей на крышѣ.

Мы не потеряли времени на этой первой станціи: всю нашу поклажу наложили на верблюдовъ; монголы, составлявшіе нашу свиту, въ красивыхъ остроконечныхъ шапкахъ, убранныхъ разноцвѣтными лентами, суетились вокругъ насъ, и маленькія лошадки, запряженныя въ нашъ кабріолетъ, ржали отъ нетерпѣнія. Теперь мнѣ предстоитъ немаловажный и, можетъ быть даже, совсѣмъ невозможный подвигъ — описать монгольскую запряжку. Вообразите вы себѣ какой бы то ни было экипажъ съ оглоблями; на концѣ каждаго развѣтвленія оглобли по желѣзному кольцу и къ каждому кольцу крѣпко привязано по веревкѣ. Прямымъ угломъ отъ оглоблей идетъ валекъ, длиною въ десять футовъ, и соединяется съ оглоблями двумя концами веревокъ. Два человѣка, верхомъ на лошадяхъ, кладутъ оба конца валька къ себѣ на сѣдло, между сѣдломъ и своимъ животомъ, такъ что на лошадей ихъ надѣвается въ родѣ ярма, какъ на воловъ. При малѣйшемъ движеніи лошадей, которому всадники помогаютъ изо-всей силы животомъ, экипажъ трогается съ мѣста и ѣдетъ, но чрезвычайно неравно и безпорядочно; къ тому же всадники такъ скоро утомляются этой необыкновенной ѣздой, что смѣняются почти черезъ каждую четверть часа. При этихъ смѣнахъ, необходимо бываетъ осадить лошадей назадъ; тогда онѣ обыкновенно попадаютъ въ колесо, пугаются, сбрасываютъ съ себя всадника и мчатся куда попало по степи; экипажъ долго качается въ разныя стороны, наконецъ выбираетъ центръ тяжести и тяжело опрокидывается; колеса

съ него соскакиваютъ и укатываются впередъ однѣ. Вотъ какъ ѣздятъ по Монголіи. Если у васъ живое воображеніе, читатель, то вы поймете мое описаніе. Я объяснилъ какимъ образомъ запрягаютъ иногда попарно и четыре и шесть лошадей точно также, т. е. что для каждой пары дѣлаютъ изъ древесныхъ сучковъ новый валекъ, который точно также кладутъ на сѣдло. Все это очень смѣшно и напоминаетъ допотопныя времена, но, кромѣ того, это еще и опасно въ такой гористой мѣстности, какъ отъ Сибири до Урги, потому что при малѣйшемъ сопротивленіи лошадей или нерадѣніи всадниковъ, экипажъ легко можетъ скатиться подъ гору какъ брошенный камень. Къ счастью, монголы очень энергичны и расторопны.

Погода была прекрасная, не смотря на сильный морозъ, когда мы въѣхали на этой страшной упряжи въ темный сосновый лѣсъ, гдѣ снѣгъ, не таявшій отъ лучей солнца, былъ очень глубокъ; тамъ дорога была очень тяжела, и солнце уже сѣло, когда мы пріѣхали на вторую станцію, деревушку изъ юртъ, полузанесенную снѣгомъ. Когда мы остановились на ночлегъ, нашъ *божко* пришелъ навѣстить насъ. Онъ былъ очень неглупый молодой человѣкъ, и, для сбереженія цвѣта лица, путешествовалъ въ глубокой маскѣ. Онъ велѣлъ принести намъ часть баранины прямо съ огня; потомъ сѣлъ возлѣ насъ на корточки на полу, между тѣмъ какъ юрта наполнялась мало по малу монголами, молодыми и старыми, мужчинами и женщинами, у которыхъ отъ изумленія весь лобъ собрался въ безчисленныя морщины, а ротъ раскрылся во всю величину и не закрывался больше, какъ будто пораженный параличемъ. Я невольно припомнилъ вигвамы краснокожихъ; мнѣ нѣсколько разъ случалось слышать, что эти народы имѣли общее происхожденіе и я внимательно прислушивался къ звукамъ ихъ языка, но не нашелъ въ нихъ ни малѣйшаго сходства, хотя у монголовъ есть также слово *маниту*, но у нихъ оно означаетъ мѣсто молитвы, тогда какъ по-индійски оно значитъ *Духъ*. Монгольское нарѣчіе все почти состоитъ изъ гортанныхъ звуковъ и изъ постояннаго повторенія слога *у*; конструкція его самая первобытная: нашъ казакъ увѣрялъ насъ, что у нихъ вовсе нѣтъ частички *и*, и что когда имъ надо спросить воды и чаю, то они говорятъ: «дай мнѣ воды, дай мнѣ чаю, обоихъ вмѣстѣ». Индійскіе языки, напротивъ, очень сложны и слова ихъ такъ длинны, что требуется нѣсколько секундъ для произнесенія почти каждаго изъ нихъ. Кажется даже, что у монголовъ вовсе нѣтъ слова, означающаго отрицаніе, потому что когда имъ надо отвѣчать отрицатель-

но, то они говорятъ: «да» и въ то же время машутъ головой, чтобъ показать, что это значитъ «нѣтъ». Для письма у нихъ нѣтъ ни пера, ни чернилъ, но памятная книжка, въ деревянномъ переплетѣ, которой страницы покрыты чернымъ пигментомъ, засыпаннымъ пескомъ или пепломъ, такъ что если писать сверхъ этого стилетомъ, то песокъ соскабливается и образуются слова.

Нашъ божко былъ чрезвычайно любезенъ, гадалъ намъ по рукѣ, разсказывалъ про Пекинъ, и обѣщалъ намъ даже рекомендательныя письма къ кому-то; но этого онъ не исполнилъ. Когда онъ ушелъ, одинъ изъ монголовъ остался на всю ночь передъ огнемъ, чтобъ прибавлять въ него топливо, а мы, покрывшись кожами, въ первый разъ заснули посреди пустыни.

Ничто не могло сравниться съ великолѣпіемъ утренней зари на слѣдующій день. Окружавшія насъ горы, покрытыя дѣвственнымъ снѣгомъ, стояли какъ невѣста въ брачномъ уборѣ, и ни одно пятно не нарушало ихъ блестящей бѣлизны; ихъ гордыя вершины и контуры рѣзко отдѣлялись на темно-синемъ фонѣ неба, между тѣмъ какъ внизу безмолвно лежали долины, утонувъ въ неопредѣленномъ голубоватомъ оттѣнкѣ.

Все было твердо и блестяще какъ сталь; самый воздухъ, въ своемъ чрезвычайномъ сгущеніи, имѣлъ металлическій вкусъ, и звѣзды казались миріадами серебряныхъ капель. Наконецъ, солнце блеснуло на самыхъ высокихъ вершинахъ и медленно спустились въ долины; когда оно, наконецъ, затопило въ морѣ лучей всѣ эти необозримые пики, хребты и ущелья, то вдругъ эта ледяная природа, не смотря на свои снѣга, сдѣлалась похожа на знойный ландшафтъ Африки, и вся масса льда, за минуту передъ тѣмъ имѣвшая твердость желѣза, начала таять... Можно судить о холодѣ, господствующемъ въ этой мѣстности по слѣдующему факту: Тимковскій говоритъ, что 5-го іюня здѣсь было 7° мороза,—а мы путешествовали въ февралѣ мѣсяцѣ.

Скоро миновали мы маленькую рѣчку Иро, вдоль которой тянется лѣсъ. Не смотря на холодъ, особенно непріятнаго съ нами ничего не было, потому что мы ѣхали не спѣша и вездѣ находили баранину, сыръ и отличное верблюжье молоко; монголы, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, были все-таки не совершенно дикіе и имѣли нѣкоторое понятіе объ опрятности, потому что мылись хоть одинъ разъ въ жизни—передъ смертью. Питье у нихъ состояло изъ этой ужасной смѣси, называемой кирпичнымъ чаемъ и выдѣлывае-

*

мой изъ того же кирпича, который ходитъ у нихъ вмѣсто денегъ: одинъ кирпичъ стоитъ двадцать четыре копѣйки. Этотъ чай, въ сухомъ видѣ, похожъ на пластъ табаку, а въ жидкомъ онъ напоминаетъ воду Миссисипи, смѣшанную съ растительнымъ масломъ, бараньимъ жиромъ и солью. Говорятъ, что его дѣлаютъ изъ испорченныхъ листьевъ чайнаго дерева, слѣпленныхъ вмѣстѣ бычачьей кровью.

Къ счастью, у насъ былъ свой чай, такъ что мы могли обходиться безъ монгольскаго угощенія; но намъ часто приходилось отвергать другія предложенія, противныя для всякого христіанина и о которыхъ я даже не стану упоминать. Еслибъ эти люди не были язычниками, они соединяли бы въ себѣ всѣ совершенства: ихъ честность и услужливость плѣнили меня.

Каждый разъ какъ мы подъѣзжали къ главной юртѣ, множество монголовъ, молодыхъ и старыхъ, съ веселыми и привѣтливыми лицами выбѣгали отпрягать нашъ экипажъ и вели насъ съ торжествомъ въ юрту; когда мы ложились тамъ на наши ковры изъ войлока, они подползали къ намъ на колѣняхъ, одинъ по одному, и подчивали насъ табакомъ, въ маленькой каменной баночкѣ; брать его надо было ложечкой, привязанной къ пробкѣ. Послѣ этого намъ подавали монгольскую трубку, набитую курительнымъ табакомъ; наконецъ вынимали изъ кармана деревянную чашку и наливали въ нее верблюжьяго молока. Эти чашки долго выдерживаютъ дѣйствіе огня; говорятъ, что онѣ вывезены изъ Тибета *), и каждый монголъ носитъ свою чашку при себѣ, также точно какъ футляръ съ палочками для ѣды, какъ ножикъ и огниво. Однажды, вечеромъ, къ намъ пришли въ гости двѣ молодыя монголки, но отъ застѣнчивости совершенно лишились употребленія языка, такъ что мы должны были отказаться отъ всякой надежды завязать разговоръ и провели время въ слушаніи пѣсней одного монгольскаго виртуоза. Впрочемъ, женскій полъ отличается въ Монголіи только силой и мужскими качествами; жизнь ихъ такъ сурова, что иначе и быть не можетъ.

Разумѣется, мы пытались разспрашивать монголовъ о Чингисъ-Ханѣ, но они даже не знали этого имени; впрочемъ, и казакъ, провожавшій насъ, точно также не зналъ имени Наполеона. Однакожъ эти монголы, называемые *калкасы*, все-таки стоятъ выше по разви-

*) Эти чашки дѣлаются, кажется, изъ узловъ, образующихся на корняхъ клёна, гдѣ поселяется паразитъ, называемый *баланофора*.

тію чѣмъ живущіе въ самомъ центрѣ пустыни; нѣкоторые изъ нихъ знаютъ русскія цифры, календарь и даже знаки зодіака; но ихъ знаки, также въ числѣ двѣнадцати, изображены въ видѣ чрезвычайно странныхъ животныхъ, между которыми съ удивленіемъ видишь такихъ, которыя не водятся въ этомъ климатѣ, напримѣръ: тигра и обезьяну

Когда они подходятъ здороваться, то говорятъ слово *атоигһкао* и дотрогиваются до локтей. Женщины ихъ навѣшиваютъ на себя разныя украшенія, въ особенности агаты, сердолики и серебряныя монеты; въ этомъ онѣ похожи на азіатокъ. Я не замѣчалъ, чтобъ монголы знали какое нибудь ремесло, но ножи у нихъ необыкновенно остры и прочны, потому что часто они однимъ ударомъ разсѣкаютъ надвое огромную баранью кость, и это не оставляетъ ни малѣйшаго слѣда на лезвіѣ, тонкомъ какъ бритва. Они дѣлаютъ это, чтобъ достать мозгъ, которымъ очень любятъ лакомиться.

ГЛАВА VIII.

Пріѣздъ въ Ургу. — Аудіенція у вице-короля. — Посѣщеніе буддійскихъ храмовъ. — Воспоминанія объ отцѣ Гукѣ. — Мы получаемъ позволеніе ѣхать въ Пекинъ.

До сихъ поръ я такъ хорошо хранилъ инкогнито, что никто не сомнѣвался что я русскій. Но вдругъ появился на сцену несносный, толстый офицеръ изъ монголовъ, посланный изъ Урги къ намъ на-встрѣчу; онъ постоянно былъ съ нами и дотого надоѣдалъ намъ своимъ присутствіемъ, что мы прозвали его *пластыремъ.* Услышавъ, что я говорю по-французски, онъ косо посмотрѣлъ на меня и нѣсколько секундъ не сводилъ глазъ, потомъ началъ добиваться, отчего я самъ никогда не говорю съ казакомъ, а объясняюсь черезъ Лаврова. Къ этому вопросу мы уже приготовились и отвѣчали ему, что я полякъ, а поляки, хотя и русскіе, имѣютъ свой особенный языкъ; этимъ намъ удалось отвратить грозу; но я все-таки остался въ подозрѣніи у этого человѣка и можетъ быть, благодаря ему, случились со мной въ Пекинѣ разныя непріятности.

По причинѣ глубокаго снѣга, мы не могли дѣлать даже пятидесяти верстъ въ день, и пріѣхали въ Ургу только на пятый день. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города пришлось переѣзжать высокую гору, и мы поспѣшили выйдти изъ кабріолета, въ которомъ разъ уже опрокинулись въ ровъ; на вершинѣ этой горы мы увидали *обо,* т. е. кучу изъ камней и вѣтокъ, служащую въ Монголіи вмѣсто алтаря, на которой кладутъ приношенія и ставятъ буддистскія статуйки.

Видъ этого мѣста былъ превосходный; на югъ тянулось длинное ущелье, соединявшееся съ долиной Тула и граничащее сбоку съ прекрасной горой, поросшей лѣсомъ; она называется *Капола* и

имѣетъ въ вышину саженъ триста, но нисколько не заслуживаетъ эпитета «колоссальной», которымъ наградилъ ее Тимковскій. Едва успѣли мы въѣхать въ это ущелье, какъ насъ окружила со всѣхъ сторонъ монгольская кавалерія, вооруженная стрѣлами.

Хотя эти люди не казались страшными, но видъ у нихъ былъ очень рѣшительный и они отлично сидѣли въ сѣдлѣ. Извѣстно, что монголы всѣ наѣздники и почти не слѣзаютъ съ лошади; наши же европейскіе наѣздники, вѣроятно, не усидѣли бы и полчаса на монгольскомъ сѣдлѣ, сдѣланномъ изъ одного дерева и желѣза и у котораго стремена такъ коротки, что нога, у колѣна, всегда составляетъ острый уголъ. Когда монголъ ѣдетъ шагомъ, онъ сидитъ прямо на лошади, откидывая ноги назадъ а если хочетъ пуститься вскачь, то ему надо только показать своей лошадкѣ, съ правой стороны, кнутъ и крикнуть: *хти*!—тотчасъ же лошадь понесется въ галопъ.

Въ концѣ ущелья мы увидали храмы Урги, и спустя четверть часа находились уже въ большомъ китайскомъ зданіи, со многими дворами, исключительно предоставленномъ членамъ русскаго посольства, ѣздившимъ въ Пекинъ черезъ каждыя десять лѣтъ.

Городъ Урга, лежащій въ долинѣ маленькой рѣчки Тулы, не похожъ ни на какой другой городъ; въ немъ заключается ихъ три, совершенно различныхъ другъ отъ друга. Первый на востокѣ—китайскій городъ, или маймаченъ, построенный изъ дерева и кирпича и исключительно населенный китайцами; второй на западъ, — отдѣленный отъ перваго каменистой степью версты въ двѣ длиною — монгольскій городъ, состоящій изъ юртъ. Наконецъ, тоже на западѣ и почти на такомъ же разстояніи, находится городъ храмовъ и ламъ, которыхъ тамъ нѣсколько тысячъ.

«Русскій домъ», куда насъ помѣстили, стоитъ одиноко посреди равнины; но лишь только мы тамъ усѣлись, въ великолѣпной юртѣ, приготовленной для насъ посреди одного двора, какъ къ намъ явилась на аудіенцію несмѣтная толпа китайскихъ офицеровъ, депутатовъ отъ губернатора, чтобъ лицемѣрно поздравить насъ съ пріѣздомъ. Послѣ поднесенія табакерокъ, отворились двери и вошли слуги съ подарками, состоявшими изъ сухихъ фруктовъ, пирожныхъ и конфектъ, въ такомъ изобиліи, что, уставивши весь столъ, стоявшій посреди юрты, остальное должны были ставить на полъ. Условившись съ этими господами, что на слѣдующее утро мы представимся губернатору, котораго манджурскій титулъ есть *Амбанъ-Бейсъ*, что значитъ «грандъ королевства», мы отпустили ихъ и остались съ вѣр-

нымъ Бутманкуевымъ, котораго догадливость и умъ должны были скоро подвергнуться большимъ испытаніямъ.

Ничто такъ не тяжело для любознательнаго путешественника, какъ принужденный покой, бездѣйствіе и ожиданіе; но насколько еще увеличиваются его страданія и какимъ онъ долженъ запастись терпѣніемъ, если онъ помѣщенъ въ неудобномъ мѣстѣ, лишенъ всего, что напоминаетъ Европу, осужденъ на полную праздность, полу-задушенъ дымомъ землянаго угля, принужденъ оттаивать для себя каждый кусокъ, чтобъ имѣть возможность съѣсть его, и, къ довершенію всего, не можетъ выйдти изъ своей ужасной, дымной берлоги, не будучи тотчасъ же окруженъ толпой дикихъ, или не подвергаясь опасности отморозить себѣ лицо и руки, при этомъ ледяномъ, сѣверномъ вѣтрѣ, который день и ночь носился по этимъ степямъ!

Въ такомъ состояніи провели мы цѣлые шесть дней при 25° холода; чтобъ избѣгнуть любопытныхъ взоровъ, мы принуждены были, какъ ночныя птицы, выползать при лунномъ свѣтѣ изъ нашей норы и съ завистью смотрѣть на молчаливые караваны верблюдовъ, направляющихся къ Пекину. Хотя мы и предвидѣли нѣкоторыя затрудненія, но никакъ не ожидали какимъ короткимъ способомъ амбанъ-бейсъ откажетъ намъ въ дозволеніи продолжать нашъ путь. На другой день нашего пріѣзда, въ то время какъ Лавровъ надѣвалъ парадный русскій мундиръ, также какъ переводчикъ Бутманкуевъ, я печально натянулъ на себя фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки и башмаки парижскаго покроя; мнѣ самому странно было видѣть себя въ такомъ костюмѣ посреди всей этой обстановки! Въ десять часовъ за нами пріѣхали экипажи, кавалерія опять окружила насъ, и мы поѣхали по неровной, песчаной и снѣжной дорогѣ въ юрту вице-короля. Эта юрта была лучше всѣхъ, какія я только видѣлъ; въ окружности она имѣла пятнадцать саженъ, а въ высоту десять; изящныя колонны поддерживали ея сводъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Лавровъ и переводчикъ сѣли на скамейкѣ противъ амбаня, который сидѣлъ на корточкахъ въ глубинѣ юрты, имѣя по лѣвую руку манджурскаго чиновника. Что касается до меня, то, чтобъ быть какъ можно менѣе замѣтнымъ, я остался въ тѣни, возлѣ двери, откуда могъ свободно разсматривать строгія и благородныя, хотя и хитрыя физіономіи амбаня и его многочисленной свиты.

Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, Лавровъ спросилъ у амбаня, отъ имени генерала Муравьева, не можетъ ли онъ дать какія нибудь

Видъ великой китайской стѣны.

Способъ переправы въ Китаѣ.

свѣдѣнія объ участи одного молодаго нѣмца, давно уже пропавшадо безъ вѣсти въ Туркестанѣ? На это полученъ былъ отвѣтъ, совершенно въ китайскомъ духѣ: «Его нація сосѣдняя съ нашей или нѣтъ»? Когда мы успокоили его подозрѣнія, то онъ обѣщалъ разузнать о нѣмцѣ.

Послѣ этого вступленія, Лавровъ пошелъ прямо къ цѣли, объявивъ его превосходительству, что мы, въ силу договора, желаемъ ѣхать въ Пекинъ, и просилъ его приказать приготовить намъ на дорогѣ лошадей и провизіи. Тогда поднялась цѣлая буря возраженій, изъ которыхъ я понялъ только одно, что амбань неумолимо противился нашему желанію и произнесъ рѣшительное *veto*. Въ продолженіе этого времени тлѣвшіеся угли, назначенные для согрѣванія юрты, совсѣмъ потухли; на мнѣ не было никакой теплой одежды, и я скоро почувствовалъ, что оконечности у меня коченѣютъ, голова кружится и лицо покрывается блѣдностью; наконецъ, послѣ двухчасовой агоніи, я собирался уже сдѣлать скандалъ и убѣжать, но къ счастью засѣданіе кончилось. Намъ обоимъ отказано было въ позволеніи ѣхать въ Пекинъ, и я былъ доволенъ хоть тѣмъ, что обо мнѣ ни разу не было рѣчи и я тутъ не игралъ никакой роли. Мы возвратились въ свою юрту въ большомъ смущеніи и досадѣ, но рѣшились, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ угрозамъ, попробовать дѣйствовать дипломатическимъ образомъ.

Тутъ намъ пришлось опять выдержать вторженіе толпы офицеровъ, которые явились, оказывая намъ всевозможные знаки привѣтствія и почтенія, но на самомъ дѣлѣ за тѣмъ, чтобъ поразнюхать о нашихъ намѣреніяхъ и впутаться въ наши дѣла. Честный Бутманкуевъ, серьезный и неподвижный какъ самъ богъ Будда, молчалъ все время и когда всѣ ушли, началъ объяснять намъ буддическую теологію и разсказалъ про Будду чудо о томъ какъ Будда, почистивъ у себя во рту зубочисткой, посадилъ ее въ землю и изъ нея выросло великолѣпное дерево.

Всякому, сколько нибудь мыслящему человѣку, путешествующему по разнымъ странамъ, прежде всего бросается въ глаза великая истина, что между людьми гораздо меньше различія чѣмъ кажется; каковъ бы ни былъ цвѣтъ кожи и физіономія,—сердце человѣческое вездѣ одно и тоже; разумъ соединяетъ всѣхъ людей въ одну семью и отдѣляетъ ихъ отъ остальныхъ твореній, такъ что, какъ бы ни низка была раса какого нибудь народа и какъ бы ни смышлена была порода высшихъ животныхъ, все-таки между ними неизмѣримое раз-

стояніе и все таки человѣкъ есть царь природы! Въ Европѣ смотрятъ на китайцевъ почти какъ не на людей; и, однако, если отнять у нихъ ихъ странную прическу, косину глазъ и длинное платье, то въ чемъ же они будутъ отличаться отъ насъ? Всѣ эти размышленія приходили мнѣ въ голову въ продолженіе длинныхъ и однообразныхъ часовъ, приводимыхъ нами въ монгольской юртѣ; по временамъ я даже сожалѣлъ, что предпринялъ такое путешествіе сухимъ путемъ, и жаждалъ очутиться на волнахъ океана, чтобъ дышать тамъ воздухомъ на свободѣ, потому что здѣсь мы были настоящими плѣнниками.

Впрочемъ, тюремщики наши были такъ любезны, что позволили намъ посѣтить храмы Урги—милость, которою доселѣ, вѣроятно, не пользовался еще ни одинъ европеецъ.

Осмотръ этихъ знаменитыхъ храмовъ начался на другой же день нашего пріѣзда, и, такъ какъ повсюду уже разнеслось, что мы туда пойдемъ, то по всей дорогѣ стояли толпы жрецовъ, народа, стариковъ и женщинъ; на лѣвой сторонѣ стояли двѣ юрты, изъ которыхъ глухо доносились до насъ самые дикіе звуки, какіе только могутъ быть произведены человѣческимъ голосомъ и мѣдными инструментами; на правой—вертикально стоялъ большой деревянный цилиндръ, называемый «цилиндромъ молитвы»: Бутманкуевъ торжественно подошелъ къ нему и началъ его вертѣть и самъ за нимъ бѣгать, бормоча молитвы, которыя должны были, въ соединеніи съ движеніемъ цилиндра, стереть всѣ его преступленія. Онъ долго бѣгалъ кругомъ, потому что, хотя вообще былъ примѣрнаго поведенія, но наканунѣ напился пьянъ и надо было замолить этотъ грѣхъ.

Передъ нами возвышалось, во всемъ своемъ азіатскомъ великолѣпіи, зданіе въ родѣ пагоды, все испещренное золотыми украшеніями, блестѣвшими на солнцѣ; но самое любопытное находилось внутри: тамъ, казалось, было царство самаго бога ужаса. При входѣ туда царствовала почти совершенная тьма, происходящая отъ необъятнаго занавѣса, проѣденнаго червями и покрытаго отвратительными изображеніями, который колыхался вдоль стѣны, какъ порванный парусъ корабля. Вмѣсто всякаго освѣщенія, по землѣ тянулись, какъ кровавыя полосы, два ряда углей, полупотухшихъ, но еще мерцающихъ красноватымъ пламенемъ и по временамъ вспыхивавшихъ какъ огонь потаеннаго маяка; при этомъ зловѣщемъ свѣтѣ мы вскорѣ разглядѣли тысячи человѣческихъ бритыхъ головъ, находившихся въ чрезвычайной ажитаціи. Это сидѣли ламы, скорчившись

на полу, въ желтыхъ и красныхъ туникахъ, и пѣли всѣ въ одинъ голосъ вѣчное стенаніе, состоящее изъ четырехъ нотъ, во славу Будды, котораго бронзовая статуя появлялась по временамъ, какъ ужасное страшилище, въ глубинѣ храма, освѣщаемая мрачными вспышками угля.

Эти жрецы, съ безчисленными морщинами на лбу, казались томящимися въ чистилищѣ душами; они стенали, рычали и безпокойно двигались съ мѣста на мѣсто, наконецъ приходили въ такое возбужденіе, что начинали бить въ большіе барабаны, висѣвшіе со свода и качавшіеся надъ ихъ головами, какъ часы вѣчности. Если соединить въ воображеніи глубину и ужасъ катакомбъ, самую сатанинскую музыку изъ Роберта-Дьявола, отдаленный громъ пушки и свистъ урагана въ моряхъ Патагоніи, то все-таки это не даетъ понятія о томъ, что мы видѣли и слышали въ этихъ храмахъ Урги.

Но то, чего никакъ нельзя описать и чего наша химія можетъ быть не подозрѣваетъ, — это газы, изумившіе наши обонятельные органы своимъ совершенно неизвѣстнымъ намъ запахомъ.

Неудивительно, что въ Ургѣ стараются придать какъ можно болѣе торжественности религіознымъ церемоніямъ, потому что она составляетъ важнѣйшій центръ буддистской религіи, и въ ней находится одинъ изъ тѣхъ патріарховъ, которые, подъ различными именами *Шабсроновъ*, *Кутуховъ* и *Гвизонъ-Тамбасовъ*, считаются второстепенными воплощеніями Будды, тогда какъ чистѣйшая и высшая его эссенція вся сосредоточена въ Тибетскомъ *Далай-Ламѣ*. Тутъ уже я попрошу читателя обратиться за свѣдѣніями къ отцу Гуку, также бывшему въ Ургѣ.

Жрецу Будды смиреніе неизвѣстно: онъ не ученикъ, но властелинъ, не служитель божества, но самое божество, воплотившееся въ человѣческомъ тѣлѣ, источникъ свѣта, солнце духовнаго міра, котораго лучи, теряя теплоту и блескъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, собираются въ новые центры и принимаютъ снова человѣческій образъ, чтобъ получать поклоненія людей.

Если вѣрить Тимковскому, то избраніе каждаго новаго кутухты сопровождается въ Монголіи различными празднествами. Устроиваютъ кулачные бои, стрѣляніе изъ лука и лошадиныя скачки. Число лошадей въ Монголіи почти неисчислимо; по словамъ Клапрота, десять тысячъ монголовъ выѣзжаютъ ежегодно каждый съ тремя лошадьми, на императорскую охоту.

Въ царскихъ стадахъ, говоритъ аббатъ Грозье, бываетъ до двухъ сотъ тысячъ барановъ и столько же быковъ и не менѣе жеребятъ. Наконецъ, по словамъ отца Гука, императоръ владѣетъ, на пастбищахъ Монголъ-Чакаровъ, табуномъ въ четыреста тысячъ лошадей.

Послѣ храмовъ, мы пошли смотрѣть китайскій городъ или, маймаченъ, гдѣ у отца Габе украли часы и кошелекъ. Какъ безцѣнны сдѣлались бы для меня эти предметы, еслибъ я могъ ихъ отыскать и присвоить себѣ! Сердце француза уже билось прежде меня въ этихъ степяхъ и такія же воспоминанія о Франціи охватывали его, при видѣ кяхтинской дороги въ Европу! Неутомимый путешественникъ, человѣкъ, никогда не отступающій отъ истины, — отецъ Гукъ описывалъ только то, что видѣлъ и изучилъ, и вовсе не заслуживаетъ, чтобъ такъ часто сомнѣвались въ справедливости его разсказа.

Въ Маймаченѣ мы еще зашли въ одинъ маленькій храмъ, гдѣ одинъ усердный лама кидалъ въ лице своему богу зерна пшеницы, сопровождая это жертвоприношеніе, черезъ правильные промежутки, такими звуками, которые можетъ быть, были наложены на него въ видѣ наказанія, но навѣрное не находились въ числѣ молитвъ. Жрецы Будды или ламы, кажется, не пользуются особеннымъ уваженіемъ; иногда они прислуживаютъ монгольскимъ офицерамъ, отъ которыхъ отличаются не столько своей желтой туникой и бритой бородой, какъ нарушеніемъ одной изъ десяти заповѣдей ихъ катихизиса: «соблюдайте опрятность». Впрочемъ, быть ламой очень выгодно, потому что это сословіе исключено изъ военной службы и находится внѣ закона, подвергаясь только суду своей совѣсти за нарушеніе обѣта, которымъ оно отреклось отъ трехъ вещей: отъ брака, табаку и водки. Но чего же и ожидать отъ священниковъ такой религіи, которая не хоронитъ даже своихъ мертвыхъ, а бросаетъ ихъ на съѣденіе собакамъ на всѣхъ равнинахъ и горахъ, чему мы сами были свидѣтелями, гуляя въ окрестностяхъ Урги, гдѣ песокъ даже побѣлѣлъ отъ человѣческихъ костей!

Благодаря всѣмъ этимъ любопытнымъ для насъ свѣдѣніямъ, мы прожили тутъ довольно терпѣливо дней пять; но, наконецъ, возмутились и послали за монгольскимъ генераломъ Тотти, который былъ преданъ русскимъ; видъ у него былъ воинственный и благородный. Я показалъ ему земной глобусъ, и удовлетворивши его любопытству на счетъ нѣкоторыхъ географическихъ вопросовъ, предоставилъ говорить съ нимъ Лаврову, который сталъ описывать ему могущество западныхъ государствъ и нелѣпости системы отчужденія китайской

политики, намекнувъ въ то же время о завоеванiи англичанами Индiи и о казакахъ, живущихъ въ Сибири. Генералъ вытаращивалъ глаза отъ изумленiя, потомъ опускалъ ихъ въ раздумьѣ, между тѣмъ какъ *пластырь*, вѣчно торчавшiй тутъ, приставалъ чтобы ему сказали, гдѣ Петербургъ. Вообще мы говорили такъ серьезно и рѣшительно, что генералъ вышелъ отъ насъ порядочно озадаченный.

Черезъ нѣсколько часовъ, онъ опять явился въ нашу юрту съ веселымъ лицомъ и сообщилъ намъ, къ величайшей нашей радости, что, благодаря его посредничеству и настоянiямъ, намъ позволено ѣхать въ Пекинъ. Мы, съ искренней благодарностью, пожали руку этому славному человѣку.

ГЛАВА IX.

Отъѣздъ изъ Урги. — Страшное утомленіе; чрезвычайный холодъ; ромъ замерзаетъ. — Миражъ. — Монгольскіе наѣздники. — Ужасный видъ степи Гоби. — Песчаный вихрь. — Семьсотъ верстъ въ недѣлю. — Совершенное истощеніе. — Встрѣча съ маіоромъ М*** — Ненависть монголовъ къ китайцамъ.

Рѣка Тула крѣпко замерзла, и снѣгъ, взмѣтаемый вѣтромъ, крутился снѣжнымъ вихремъ съ вершинъ горы Канола, когда мы съ Лавровымъ, 12-го февраля, простились съ Ургой и выѣхали полные надеждъ на осуществленіе главной мечты нашей жизни. Проѣхавъ лѣвый берегъ рѣки по каменистой дорогѣ, мы остановились, вышли изъ экипажа и, съ сожалѣніемъ, разстались съ нашимъ вѣрнымъ Бутманкуевымъ, которому отдали письма въ Россію; потомъ отпустили также сопровождавшихъ насъ монголовъ, и тогда Лавровъ занялъ одинъ мѣсто въ экипажѣ, а я сѣлъ на маленькую горячую лошадку. Тутъ-то я убѣдился, и во всю жизнь уже этого не забуду, что монгольское сѣдло есть ничто иное, какъ кусокъ дерева, обитый желѣзомъ.

Прежде чѣмъ продолжать, я отмѣчу здѣсь одинъ фактъ, который можно приписать только глубокому коварству китайцевъ. Взглянувъ на карту, можно сейчасъ видѣть, что Пекинъ находится на юго-востокъ отъ Урги, а насъ отправили по юго-западной дорогѣ. Какъ же Тимковскій, проѣзжавшій эти мѣста за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи: «Выѣхавши изъ Урги, мы отправились *прямо на востокъ*»? Далѣе онъ пишетъ, что по дорогѣ имъ встрѣтились развалины какого-то большаго города, и потомъ, въ степи, попадались остатки необыкновенныхъ стѣнъ, тянувшихся съ востока на западъ; всего этого мы не видали даже признака. Наконецъ, далѣе, онъ дѣлаетъ слѣдующее странное замѣчаніе:

«только у Монголъ-Чакаровъ (на границѣ Китая) нашли мы нѣсколько палатокъ вмѣстѣ», тогда какъ намъ никогда не попадалось менѣе осьми или десяти. Какъ согласить такіе противуположные факты.

И, однако, это объясняется очень просто: черезъ степь Гоби, отъ Урги до Пекина лежатъ три дороги; двѣ изъ нихъ называютъ «коммерческими», потому что по нимъ ходятъ караваны съ чаемъ; по этимъ-то ѣхалъ Тимковскій, и эта мѣстность изобилуетъ водою. Но гораздо далѣе къ западу есть еще третья дорога, несравненно длиннѣе и неудобнѣе, и по этой повезли насъ, чтобъ утаить отъ насъ прямую дорогу въ столицу. Видя что нельзя ничѣмъ склонить проводниковъ перемѣнить маршрутъ, мы покорились необходимости и, только послѣ огромнаго объѣзда, въ двухъ стахъ верстахъ отъ Пекина, выѣхали на настоящую дорогу.

Съ первой же станціи началась длинная цѣпь моихъ бѣдствій, потому что, благодаря сѣдлу, на которомъ я ѣхалъ, я изнемогъ на осьмой верстѣ. Тогда я отказался отъ лошади и усѣлся между двумя горбами драгоцѣннаго животнаго, такъ поэтично называемаго «кораблемъ пустыни». Такъ какъ оно поднимается сначала на заднія ноги, то я на минуту очутился въ такомъ положеніи, что едва не слетѣлъ и не кончилъ моего путешествія тутъ же на мѣстѣ. Когда верблюдъ пошелъ шагомъ, то я увидалъ что дѣло мое плохо; но когда онъ побѣжалъ рысью, положеніе мое сдѣлалось невыносимо. Во-первыхъ-я тотчасъ же потерялъ равновѣсіе и, ища стремени, чтобъ имѣть какую нибудь опору, я увидѣлъ, что его замѣняла двойная веревка, передвигавшая туда и сюда и имѣвшая свойство перетягивать человѣка на ту сторону, въ которую онъ имѣлъ несчастье упереться ногою, и тогда паденіе становилось неизбѣжнымъ. Къ довершенію бѣдствія, мой верблюдъ былъ подверженъ нервнымъ припадкамъ и иппохондріи, потому что онъ вдругъ началъ задумываться, оглядываться по сторонамъ, вздрагивать, останавливаться, а потомъ вдругъ пускался бѣжать со всѣхъ ногъ. Впрочемъ, когда мнѣ удалось найти равновѣсіе, то я уже не позволялъ ему такъ фантазировать.

Сидя верхомъ на верблюдѣ, всадникъ долженъ подпрыгивать такъ, что почти не касается сѣдла; со мной отъ этого сдѣлалась лихорадка, и я рѣшился въ слѣдующій разъ попробовать другой способъ ѣздить на верблюдѣ, т. е. сѣсть на передній горбъ и велѣть себя привязать къ нему; если же и это не удастся, толечь въ кор-

зину. Хотя сначала мнѣ довольно понравился первый изъ этихъ способовъ, но скоро я замѣтилъ что ничего нѣтъ совершеннаго на свѣтѣ, потому что когда я прислонился спиной къ грудѣ поклажи, наполнявшей пустоту между двумя горбами, то оказалось, что эта моя единственная опора колеблется, шатается во всѣ стороны, и наконецъ свертывается на бокъ, оставляя за моей спиной зіяющую пропасть.

Прежде чѣмъ я сдѣлалъ на моемъ верблюдѣ половину второй станціи, коляска Лаврова и вся его свита перегнали меня и я совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Однако я засталъ ихъ всѣхъ еще на станціи, куда и я явился, наконецъ, разбитый, недовольный и съ жесточайшимъ насморкомъ. Послѣ этого я опять сѣлъ на лошадь и вечеромъ доѣхалъ до ночлега почти умирающимъ.

Придумывая разныя средства для моего спасенія, я вздумалъ, на слѣдующее утро, сѣсть на маленькую площадку, придѣланную сзади Лавровскаго кабріолета для слуги, но, проѣхавъ нѣсколько саженъ, я оттуда свалился. Тогда я положилъ мою подушку на сѣдло — страшное орудіе пытки, убивавшее меня по частямъ; но такъ какъ и это оказалось безполезнымъ, то я, съ отчаянія, началъ гнать лошадь во весь опоръ, чтобъ заглушить мои невыносимыя страданія.

На третьей станціи, когда мы углубились въ настоящую степь Гоби, на границѣ которой океанъ песку засыпалъ послѣдніе холмы, всѣ мои силы, какъ нравственныя, такъ и физическія, покинули меня; не могши болѣе держаться на лошади, я слѣзъ на землю вмѣстѣ съ однимъ вѣрнымъ монголомъ, сопровождавшимъ меня и, вскорѣ на песчаномъ горизонтѣ, я увидалъ коляску Лаврова и всю его свиту исчезающихъ вдали и наконецъ совершенно пропавшихъ у меня изъ виду. Тогда мужество меня оставило, и я раскаялся въ моемъ предпріятіи.

Я забылъ сказать, что мы взяли въ Ургѣ другаго божко до Пекина; но этотъ, въ противуположность первому, былъ лѣнивъ, грязенъ, лицемѣренъ и безпрестанно жаловался, что мы скоро ѣдемъ. Мы также взяли съ собой *тузулакчи*, монгольскаго офицера лѣтъ тридцати, славнаго, веселаго товарища, утѣшавшаго насъ своимъ обществомъ.

Наконецъ, былъ еще *Зайсенъ*, монголъ, которому поручена была наша поклажа, уложенная на верблюдовъ, и, кромѣ того, на каждой станціи мы брали по пятнадцати монголовъ чтобъ везти кабріолетъ

и служить вмѣсто свиты. Я нашелъ весь ареопагъ собраннымъ на станціи, когда я добрался до нея на закатѣ солнца; видя что я былъ не въ состояніи слѣдовать за коляской, дѣлавшей по сту верстъ въ день, нѣкоторые предложили собранію вопросъ, не лучше ли совсѣмъ оставить меня назади, чтобъ я доѣзжалъ какъ знаю. Но Лавровъ возсталъ противъ этого, боясь потерять меня изъ виду, и я могъ добиться только позволенія ѣхать съ нимъ врозпь днемъ съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно присоединяться къ нему вечеромъ. Это нисколько не измѣняю моего положенія, потому что и для обѣда я долженъ былъ также догонять его, чтобъ не умереть съ голоду; всего лучше было бы намъ раздѣлиться на два разные каравана, но это считалось невозможнымъ. Такъ какъ Лавровъ хотѣлъ сдѣлать въ этотъ же вечеръ еще четвертую станцію довольно короткую, то я, изнемогая отъ усталости, взобрался опять на горбъ верблюда. Рядомъ со мной, наблюдая чтобъ со мной чего нибудь не случилось, поѣхала молодая амазонка въ длинной красной туникѣ, и мы, вѣроятно, представляли поэтическое зрѣлище при красномъ отблескѣ зари на западѣ и при свѣтѣ луны, отражавшей на пескѣ огромную тѣнь верблюда. Когда поднялся ночной вѣтерокъ, верблюдъ остановился и началъ втягивать его въ себя ноздрями, потомъ лѣниво пошелъ, предаваясь то задумчивости, то разнымъ безалабернымъ движеніямъ. Я же, стеная отъ боли и самыхъ разнородныхъ страданій, дожидался шесть смертельныхъ часовъ, пока показались отдаленные огни юртъ, куда я прибылъ въ одиннадцать часовъ, почти одурѣвъ отъ отчаянія. Тутъ моя спутница раздѣлила со мною баранью лопатку, которую я съѣлъ безъ всякаго аппетита.

На слѣдующее утро явился прекрасный миражъ на востокѣ: тяжелое, плотное облако, вверху совершенно горизонтальное, а внизу имѣющее форму массивныхъ башень, стѣнъ и бастіоновъ, наподобіе тѣхъ, какіе бываютъ въ сѣверныхъ городахъ Китая.

Эта панорама продолжалась не болѣе четверти часа, но все-таки она нѣсколько разсѣяла меня и, такъ какъ, вслѣдствіе южнаго вѣтра, въ воздухѣ стало гораздо теплѣе и снѣгъ унялся, то въ душу мою закрался лучъ надежды, что можетъ быть я доѣду до Пекина, который, впрочемъ, былъ несравненно дальше, чѣмъ я воображалъ, по милости китайцевъ, отправившихъ насъ по дальней дорогѣ. Я довольно храбро проѣхалъ пять или шесть верстъ и даже улыбнулся, обогнавши на дорогѣ несчастнаго божко, который нырялъ и катался изъ угла въ уголъ въ корзинѣ, привязанной къ боку огромной

верблюдицы, и высовывалъ оттуда такое разстроенное и отчаянное лицо, что на немъ было какъ будто написано: «Посмотрите, каково мнѣ и пожалѣйте меня»!

Бѣдняка, въ самомъ дѣлѣ, можно было пожалѣть; но съ его стороны было очень нехорошо каждый день напиваться *майгулой* и заставлять бѣдныхъ монголовъ выплачивать ему за всѣхъ барановъ, которыхъ мы не съѣдали, такъ какъ на каждаго изъ насъ было положено по барану на каждой станіи. Цѣна барана въ Монголіи — около трехъ съ половиной рублей серебромъ; верблюдъ стоитъ отъ шестидесяти до семидесяти пяти рублей, а лошадь можно купить очень хорошую за двадцать пять рублей. У этихъ маленькихъ лошадокъ чрезвычайно пріятная рысь, очень быстрая и въ тоже время такая ровная, что можно бы было, пожалуй, читать въ это время, еслибъ сидѣть на обыкновенномъ сѣдлѣ. Онѣ почти неутомимы, но, не получивъ никакого воспитанія, не обращаютъ вниманія ни на рвы, ни на камни, ни на ямы и скачутъ на что попало, перескакивая препятствія. Какъ я уже сказалъ, монголы дѣлаютъ себѣ очень короткія стремена и, если хочешь ихъ вытянуть, то лошади не даются сѣдлать себя по новому; въ особенности съ правой стороны онѣ ни зачто не соглашаются дать сдѣлать подлиннѣе стремя, и можно этого достигнуть не иначе, какъ перекинувъ его черезъ сѣдло на другой бокъ. Утромъ всегда почти оказывается, что нѣсколько лошадей вырвались и убѣжали въ поле; тогда монголы, мужчины, женщины и дѣти, вскакиваютъ безъ сѣдла на какую нибудь лошадь, берутъ поводъ въ зубы и, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ, съ длиннымъ арканомъ въ рукѣ, несутся по степи въ догонку за бѣглецами и, наконецъ, возвращаются, таща ихъ на арканѣ. Предки этихъ самыхъ лошадей служили гуннамъ, когда они совершили нашествіе на Римскую имперію; теперь ихъ потомки населяютъ половину Азіи и, единственно благодаря имъ, русскій курьеръ, пролетѣвши изъ Европы въ Азію съ быстротой урагана, можетъ появиться въ Японіи черезъ мѣсяцъ послѣ выѣзда изъ Петербурга.

Что же сказать послѣ этого о добросовѣстномъ, смирномъ и даже полезномъ, хотя очень непріятномъ «кораблѣ пустыни», облеченномъ такою поэзіею? Мнѣ кажется, что путешественники слишкомъ преувеличиваютъ качества верблюда, тогда какъ онъ никакъ не можетъ сравниться съ лошадью. Имѣя на себѣ тяжесть въ четыреста пудовъ, онъ не можетъ идти больше трехъ дней безъ хорошей пищи и пой-

ла, и даже, при лучшихъ условіяхъ, нельзя заставлять его дѣлать болѣе сорока верстъ въ день. Мнѣ случалось видѣть верблюдовъ, чрезвычайно уставшихъ послѣ пятнадцати-верстнаго перехода. За то я признаю въ немъ другія качества, о которыхъ другія не упоминаютъ: а именно то, что онъ переноситъ всякій климатъ, такъ какъ онъ живетъ въ Восточной Сибири и во всей Монголіи, странѣ сѣвернаго климата; шагъ у него чрезвычайно вѣрный и онъ можетъ идти по такимъ крутымъ тропинкамъ въ горахъ, гдѣ лошадь непремѣнно бы упала. Характеръ у него, вообще смирный, но если его раздражаютъ, то онъ можетъ страшно отмстить своему обидчику и совершенно ослѣпить его, имѣя, какъ альбатросъ, способность извергать цѣлые потоки желтой, зловонной жидкости. Монголы увѣряютъ, будто до семимѣсячнаго возраста за верблюдомъ необходимъ уходъ человѣка; но я убѣжденъ, что существуютъ дикіе верблюды. Онъ у нихъ называется *тумè*, а лошадь *мори*, и монголы, во снѣ, безпрестанно повторяютъ эти два слова, напоминающія имъ самые дорогіе для нихъ предметы.

Спустя три дня послѣ нашего отъѣзда изъ Урги, степь стала принимать все болѣе и болѣе страшный и даже отвратительный видъ и, до самыхъ границъ Китая, на протяженіи семи или осьмисотъ верстъ, мы не встрѣтили ни одного дерева. Плоскій и ровный горизонтъ имѣлъ однообразный, шоколатный оттѣнокъ, и взглядъ не могъ остановиться ни на какомъ другомъ предметѣ, кромѣ дороги, извивавшейся, какъ гигантская змѣя, впереди и назади. Къ счастью, песокъ былъ не слишкомъ сыпучъ и въ воздухѣ все теплѣло; солнце начинало уже дѣйствовать, хотя мы находились теперь на самомъ возвышенномъ изъ плоскогорій, посредствомъ которыхъ эта степь спускается къ Китаю и къ Сибири, на приблизительной высотѣ семисотъ саженъ.

Ничего нельзя представить себѣ ужаснѣе этой безмолвной и мрачной степи, по которой свободно гуляетъ вѣтеръ и почти постоянный морозъ; тамъ нѣтъ ни тѣни и никакого живаго предмета и ничто не напоминаетъ о существованіи человѣка, кромѣ монгольскихъ юртъ, затерянныхъ посреди пустыни, какъ островки на необъятномъ океанѣ! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти безконечныя равнины были когда-то дномъ океана, въ ту отдаленную эпоху, когда человѣкъ еще не пересѣкалъ его волны, потому что тамъ иногда встрѣчаются страшные, голые остроконечные утесы, растреснутые

въ своемъ основанiи, и вокругъ нихъ множество мелкихъ камней — явное доказательство дѣйствiя волнъ.

На слѣдующiй день мы сдѣлали опять сто верстъ; я пришелъ на станцiю очень поздно, пѣшкомъ, поддерживаемый монголомъ, у котораго я спросилъ знаками, скоро ли мы доѣдемъ, и онъ указалъ мнѣ на луну, чтобъ объяснить, что она зайдетъ прежде нашего прiѣзда! Истерзанный, разбитый и доведенный до отчаянiя, я на другой день сдѣлалъ три станцiи верхомъ на лошади; послѣ того меня сняли съ нея почти въ параличѣ и уложили на спину верблюда; но тамъ началась для меня такая агонiя, что я, съ часу на часъ, ожидалъ смерти. Къ несчастью, моего верблюда вели два проводника, которые заботились только о томъ, чтобъ поскорѣе доѣхать, и хотя я удивлялся съ какимъ удивительнымъ инстинктомъ они, ночью, находили дорогу, но не могъ не сердиться за то, что они понукали моего верблюда бѣжать рысью, не взирая на вопли, которыми я оглашалъ эхо пустыни. Можетъ быть, съ моей стороны, это слабость, наполнять мой разсказъ подробностями о моей особѣ и, какъ будто—напрашиваться на состраданiе читателя, въ вознагражденiе за мои страданiя; въ этомъ я готовъ извиниться; но мнѣ кажется, что это была бы или ложная скромность, или фанфаронство, еслибъ я допустилъ думать, что подобное путешествiе можетъ пройти даромъ и я, въ всеуслышанiе объявляю, что совершенно лишился мужества.

Я сдѣлался грубъ съ Лавровымъ и со всѣми, началъ пламенно желать, чтобъ коляска его изломалась въ дребезги; мнѣ самому приходило даже искушенiе разбить ее, и, на одной станцiи, я нажаловался на моихъ проводниковъ, такъ что ихъ довольно жестоко отколотили палками по пяткамъ. Впрочемъ, въ этотъ день, нашъ казакъ почему-то отсталъ даже отъ меня, хотя у него было свое сѣдло, и на другой день, мы оба, должны были сдѣлать, то пѣшкомъ, то верхомъ, сто десять верстъ. Послѣ этого мы въѣхали въ страну, нѣсколько болѣе разнообразную, гдѣ виднѣлись ряды холмовъ, похожихъ на утесы или на волканы. Первая станцiя здѣсь — была длиннѣйшая изъ всѣхъ, верстъ въ сорокъ, и я принужденъ былъ половину ея пройти пѣшкомъ, по колѣно въ пескѣ.

Тутъ случилось нѣчто, чего я прежде никогда еще не видалъ въ моихъ прежнихъ путешествiяхъ: одна изъ тѣхъ яростныхъ бурь, которыя волнуютъ и потрясаютъ пустыню какъ море, отъ края до края. Ни солнца, ни неба не видать было больше; въ полдень наступила ночная тьма, хотя облаковъ не было; дышать намъ было нечѣмъ, кро-

мѣ песку, который крутился красными столбами и наполнялъ всю атмосферу своимъ вихремъ. При этомъ раздавался шумъ и гулъ, подобный землетрясенію, и я думаю, что нѣтъ ни одного человѣка, у котораго душа не дрогнула бы при подобномъ зрѣлищѣ.

Къ счастью, вѣтеръ былъ намъ взадъ; но намъ встрѣтился длинный караванъ верблюдовъ, идущій изъ Пекина, котораго вожатые сидѣли задомъ, не могши смотрѣть прямо; на нихъ были стеклянные очки à trois faces, нарочно заказанные въ Пекинѣ для такихъ случаевъ. Когда я пріѣхалъ на станцію, желудокъ мой былъ полонъ песку, также какъ и всѣ поры кожи. Кругомъ виднѣлось нѣсколько холмовъ, и на одномъ изъ нихъ — *обо*; во время бури они казались какъ волны.

Тутъ пришелся поворотъ дороги, и мы, наконецъ, направились прямо къ Пекину, все еще не зная на какомъ разстояніи отъ него находимся. Начались спуски и пригорки; стали часто встрѣчаться агатъ и сердоликъ, и снѣгъ исчезъ совершенно. Съ помощью двухъ монголовъ, я сѣлъ въ сѣдло и поскакалъ галопомъ; но наконецъ натура моя не выдержала этой неравной борьбы съ деревомъ и желѣзомъ; со мной сдѣлалась лихорадка въ одну недѣлю, и я растянулся на пескѣ, на краю дороги, въ ожиданіи проѣзда коляски, ѣхавшей сзади. Вскорѣ она появилась со всей свитой, и Лавровъ, видя мое положеніе, остановился и предложилъ мнѣ, несмотря на тѣсноту, лечь рядомъ съ нимъ въ его экипажъ; конечно, это его стѣснило, но въ тоже время доставило ему утѣшеніе спасти искренняго друга отъ вѣрной смерти посреди степи Гоби.

Понятно, что такое путешествіе, при всѣхъ своихъ неудобствахъ, было еще чрезвычайно скучно и однообразно; и потому насъ чрезвычайно заинтересовала встрѣча на одной станціи съ русскимъ офицеромъ, возвращавшимся изъ Пекина вмѣстѣ съ своимъ казакомъ. Офицеръ этотъ былъ маіоръ М***. Безполезно описывать здѣсь какъ его закидали вопросами и какой завязался оживленный разговоръ. Маіоръ говорилъ по-французски, какъ парижанинъ, и такъ какъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ, то я написалъ карандашомъ записку своимъ и просилъ его отдать на почту. Кто бы изъ насъ подумалъ въ эту минуту, что черезъ нѣсколько дней послѣ того, пріѣхавши въ Кяхту, этотъ несчастный, пылкій молодой человѣкъ погибнетъ на дуэли, повергнувъ въ трауръ и отчаяніе мать и невѣсту! Онъ намъ сообщилъ неожиданную для насъ новость, въ истинѣ которой мы скоро убѣдились, — что насъ отдѣляютъ отъ Пекина еще

пятьсотъ верстъ; потомъ мы съ нимъ разстались и болѣе не свидѣлись никогда.

Эта остальная часть пути была для меня несравненно менѣе тягостна нежели предшествовавшая; притомъ же меня восхищали постепенныя перемѣны въ мѣстности пустыни, которая видимо населялась юртами и скотомъ, и зеленѣла со всѣхъ сторонъ. Я часто съ удовольствіемъ садился на маленькую лошадку и скакалъ рядомъ съ коляской, вмѣстѣ съ молодыми монголами. Какъ они хохотали! какъ намъ весело было скакать по степи въ перегонку или подъѣзжать сзади къ верблюду и позволять нашимъ шаловливымъ лошадкамъ хватать его за хвостъ, къ величайшему ужасу и негодованію «корабля пустыни»! Мы рѣзвились на свободѣ, насъ не останавливали ни рвы, ни рѣки, ни законы этикета.

Какъ бѣдны и жалки кажутся всѣ наши чинныя манеры тому, который носился свободно по степи, подъ лучами солнца! Конечно, человѣкъ созданъ для общества; даже царство животныхъ, даже звѣзды такъ тѣсно соединены и солидарны другъ съ другомъ, что весь порядокъ міра разстроился бы, еслибъ они перестали дѣйствовать за одно; но развѣ цивилизованный человѣкъ нашего времени не совратился съ этого пути? Какъ онъ поступаетъ теперь? Гдѣ въ немъ искренность, правдивость и веселость? Путешественнику на каждомъ шагу представляется проблема: «Какое должно быть естественное состояніе человѣка». Я, конечно, не ищу этого идеала въ нашей европейской цивилизаціи и, во всеуслышаніе объявлю, что нахожу еще предосудительнѣе то, что происходитъ въ другихъ обществахъ; если же я восхваляю жизнь дикихъ племенъ, то говорю это только во имя гордости и искренности, которыя существуютъ почти у всѣхъ кочующихъ народовъ, и за эти-то драгоцѣнныя качества можно имъ простить всѣ ихъ остальные пороки!

Монголы очень веселы и смѣшливы и даже очень насмѣшливы: горе китайцу, если онъ къ нимъ попадется! они выместятъ на немъ всѣ обманы, которые имъ приходится терпѣть на китайскихъ базарахъ. Характеры этихъ двухъ народовъ такъ различны, что ненависть, существующая между ними, никогда не можетъ кончиться; еслибъ какая нибудь европейская нація, въ особенности Россія, серьезно составила планъ покоренія Китая, то вѣрнѣйшее къ тому средство было бы поднять на ноги всю Монголію, и тогда ея кавалерія, въ соединеніи съ русской артиллеріей, которую можно было бы размѣстить на верблюдахъ, въ нѣсколько недѣль смела бы съ

Типы амурскихъ жителей.

Верхніе — монголы; нижніе гольды.

лица земли всю Китайскую имперію. Генералу Муравьеву это было бы дотого легко, что я совершенно нахожу несправедливымъ упрекъ, сдѣланный русскому правительству, будто оно задираетъ и нападаетъ на китайцевъ, тогда какъ Муравьевъ, имѣя возможность всегда выслать на Пекинъ стотысячную армію казаковъ, удовольствовался только тѣмъ, что взялъ, на берегахъ Амура, страну, на которую Китай имѣлъ очень сомнительныя права и, во всякомъ случаѣ, для него безполезную и не приносящую ему ничего.

ГЛАВА X.

Русла древнихъ озеръ.—Прибытіе къ китайской границѣ.—Замѣчанія о монголахъ. — Каллганъ: Сіуанъ Хуа-Фу. — Первый китайскій обѣдъ. — Безводіе страны.—Переѣздъ черезъ большую стѣну.—Видъ равнины Пекина.—Въѣздъ въ столицу.

22-го февраля, то есть спустя одиннадцать дней послѣ нашего отъѣзда изъ Урги, видъ страны совершенно измѣнился; хотя это все еще была степь, но мѣстность сдѣлалась такъ разнообразна и гориста, что мы чувствовали приближеніе Китая. Вдоль дороги безпрестанно попадались необъятныя долины, на днѣ которыхъ свѣтились на солнцѣ мелкія лужи воды; я думаю, что это были остатки древнихъ озеръ. Они были совершенно усѣяны камнями, такъ что издали казалось, что будто тамъ пасутся несмѣтныя стада. Ихъ отдѣляли одну отъ другой хребты коричневыхъ горъ, какъ будто облупленныхъ; подошвъ ихъ не видать было, потому что песокъ, вздымаемый вѣтромъ, застилалъ ихъ какъ облакомъ. Все это тянулось верстъ на сто, которыя мы проѣхали очень медленно, потому что лошадей намъ теперь дали тяжелыхъ и неповоротливыхъ. Намъ встрѣтилось нѣсколько китайскихъ туристовъ, и между ними были даже дамы, скрывавшіяся въ глубинѣ экипажей и воображавшія, что мы ихъ не видимъ.

24-го февраля, мы начали въѣзжать на одно изъ тѣхъ каменистыхъ плоскогорій, о которыхъ я уже говорилъ, и къ вечеру достигли до его вершины. Тутъ дорога вдругъ показалась намъ прегражденною каменной стѣной, довольно низкой, но тянувшейся въ безконечную даль по обѣ стороны отъ насъ, къ востоку и западу. Это замѣчательное мѣсто и есть собственно граница Китая, гдѣ вдругъ

кончается степь Гоби и открываеття видъ, какъ будто съ высокой терассы на долины, рѣки, города и горы Китая. Не могу выразить словами впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этой необыкновенной картиной! Нигдѣ, во всемъ мірѣ, нельзя найти такихъ противуположностей природы, климата и нравовъ: позади насъ—голая, необозримая, мрачная и мертвая степь; передъ нами—тѣнистыя долины съ журчащими водами, воздѣланныя, плодоносныя поля, милліоны людей, живущихъ, со всѣми своими страстями и пороками въ огромныхъ городахъ, которыхъ стѣны попираютъ прахъ безчисленныхъ поколѣній, тутъ родившихся и умершихъ... Позади насъ—кочующій народъ съ своими верблюдами и лошадьми, патріархальная жизнь первыхъ временъ въ самой простѣйшей ея формѣ; а впереди—все, что можетъ изобрѣсти хитрость и ловкость, всѣ утонченности искусства, всѣ язвы цивилизаціи—нищенство, убожество, болѣзни..... Мы невольно остановились передъ такимъ зрѣлищемъ; но такъ какъ ночь приближалась, то мы объѣхали небольшое каменное зданіе, въ родѣ пирамиды, украшенное китайскими эмблемами, и, оставивъ наконецъ Монголію, спустились, не безъ нѣкоторой тревоги, по узкой и утесистой дорогѣ, въ первую китайскую деревню.

При этой внезапной перемѣнѣ декорацій, наша первая мысль, когда мы проѣзжали мимо китайскихъ крестьянъ съ хитрыми глазами и въ небрежныхъ позахъ, была—сожалѣніе о Монголіи и пустынѣ.

Каждый ребенокъ и каждая женщина могутъ ѣхать по всей Монголіи совершенно безопасно, и два мои револьвера, купленные въ Кяхтѣ, мирно лежали все время въ моемъ чемоданѣ, на спинѣ верблюда. Нѣсколько разъ мнѣ случалось отставать отъ Лаврова верстъ на тридцать и разъѣзжаться съ нашимъ багажемъ, но никогда ничего не случалось, и честный Зайсенъ, смотрѣвшій за цѣлостью вещей, даже сломалъ себѣ ногу, въ порывѣ усердія, упавъ съ лошади, и остался намъ вѣрнымъ до самого Пекина; между тѣмъ какъ хитрый божко всю дорогу старался стянуть что нибудь и воровалъ на всѣхъ станціяхъ все, что только могъ. Надо сознаться, что монголы очень грязны; чисты у нихъ только зубы, всегда бѣлые какъ слоновая кость, благодаря вѣроятно парамъ угля, которыми они безпрестанно дышатъ въ своихъ юртахъ. Въ этомъ, также какъ и въ нравственныхъ качествахъ, они имѣютъ преимущество надъ китайцами и, не зная употребленія бритвы, которыми тѣ скоблятъ себѣ все лицо, они придумали гораздо простѣйшее средство—вырывать себѣ бороду, по мѣрѣ того какъ она показывается; нѣкоторые путе-

шественники вообразили-было, что у нихъ отъ природы вовсе нѣтъ бороды;—но это ошибка.

Можно до безконечности проводить паралелль между этими двумя народами столь различными, хотя и живущими рядомъ. Монголы некрасивы, малы ростомъ, неуклюжи, красны; въ глазахъ у нихъ нѣтъ блеска, лицо все въ морщинахъ и походка неловкая: одежда ихъ, состоящая изъ мѣховаго длиннаго тулупа, еще болѣе ихъ безобразитъ; но если они въ этомъ уступаютъ китайцамъ, за то они искреннѣе и честнѣе, энергичнѣе и, живя на одной изъ самыхъ холодныхъ частей нашей планеты, привыкли ко всѣмъ лишеніямъ и такъ сильны, что одинъ монголъ можетъ побороть трехъ китайцевъ. Вмѣсто одной косы, какъ китайцы, они носятъ двѣ покороче, и это всегда ихъ собственные волосы, а не накладные... Говорятъ они скоро и живо, но писать рѣдко кто умѣетъ; я даже думаю, что не существуетъ вовсе монгольской азбуки; начальники же ихъ всегда читаютъ и пишутъ по манджурски. Наконецъ, я повторяю, что у монголовъ есть, конечно, большіе недостатки, и женщины ихъ, хотя чрезвычайно робкія, какъ вообще у всѣхъ азіатскихъ народовъ, также не безукоризненной нравственности; но это очень естественно въ средѣ идолопоклонниковъ; что же касается до пьянства, то я никогда не видалъ у нихъ ни одного пьянаго.

Не смотря на всѣ перенесенныя мною лишенія, съ тѣхъ поръ какъ мы выѣхали изъ Кяхты, мнѣ показался очень неудобенъ первый мой ночлегъ, при вступленіи снова въ цивилизованную жизнь. Хотя холодъ былъ уже не тотъ, что въ Сибири, но все еще было 12 или 15°; а между тѣмъ, вмѣсто всякаго отопленія, мы нашли только маленькую жаровню на трехъ ножкахъ, наполненную древеснымъ углемъ, который невозможно было зажечь, не задохнувшись отъ дыму. Надо было разжигать эти угли не иначе какъ на воздухѣ и потомъ уже вносить въ домъ, повторяя это часа черезъ два. Нашъ запасъ мяса, сухарей и сахару давно уже весь вышелъ, и, не найдя ничего готоваго, надо было приняться за наши *пельмени*, говяжьи рулетки, закатанныя въ тѣсто; но онѣ были еще мерзлы какъ камень и оттаять ихъ было еще труднѣе чѣмъ въ Монголіи. Не особенно утѣшительно было для голодныхъ людей находиться, хотя и подъ кровлею, но въ комнатѣ съ изломанными стульями, со столами о трехъ ножкахъ, съ лубочными картинами на стѣнахъ и съ окнами, заклеенными бумагой, въ которую мальчики просовывали пальцы и проты-

кали отверзтія, чтобъ посмотрѣть на насъ и, кромѣ того, плевали оттуда къ намъ въ комнату.

Ночью невозможно было спать отъ холода и отъ безпрестаннаго звона тамъ-тамовъ, гонговъ и отъ трещанія фейерверковъ. Наши бѣдствія еще не кончились, хотя мы были только въ полутораста верстахъ отъ Пекина и, на каждой станціи, принуждены были выслушивать комплименты нашего божко, который считалъ обязанностью угощать насъ красотами своего отечества, и каждый день напивался до невозможности; голова его была такъ плотно обрита, какъ будто онъ безпрестанно подбривалъ ее.

Первая станція наша въ Китаѣ была верстъ въ двадцать и по очень тяжелой дорогѣ; потомъ, спустились съ крутой горы къ большому городу Калгану. Этотъ спускъ походилъ на спуски альпійскихъ горъ по скользкимъ и каменистымъ тропинкамъ и шелъ вдоль берега замерзшаго потока, между двумя дикими горами.

Ландшафтъ разнообразился и оживлялся безпрестанно видомъ отлично воздѣланныхъ полей, коровами, мулами, верблюдами, бѣлыми фермами, крытыми черепицей, деревьями, на вѣткахъ которыхъ висѣли разукрашенные колокольчики, пещерами, вырытыми въ утесѣ, и, въ особенности, лучами солнца, ярко освѣщавшими цѣпь горъ на югѣ; отъ этихъ горъ исходилъ легкій паръ, какъ будто онѣ таяли отъ перваго дуновенія весны. Внизу долины мы повернули вправо, уходя чуть не по колѣно въ пыль, и тогда очутились вдругъ передъ укрѣпленіями Калгана, которые, продолжаясь вправо и влѣво до самой вершины горъ, образовывали такую стѣну, что и мы, какъ Тимковскій, сдѣлали важную ошибку, вообразивъ, что это и есть такъ называемая «большая стѣна». Хотя стѣна Калгана можетъ быть также массивна и, вѣроятно, соединяется съ Великою обоими концами, но она вовсе не составляетъ ея продолженія и идетъ не по тому направленію; очевидно, она выстроена была послѣ, и географы, имѣющіе обыкновеніе означать въ этомъ мѣстѣ большую китайскую стѣну (которая, въ сущности, находится въ тридцати верстахъ отъ Пекина), дѣлаютъ такую же грубую ошибку, какъ еслибъ принимали за самую рѣку, стремящійся въ нее ручей. Потокъ здѣсь совершенно замерзъ, такъ что наши верблюды прошли по немъ по льду, и мы въѣхали въ Калганъ, съ паспортами въ рукѣ. Версты двѣ еще проѣхали мы по пыльной улицѣ, и остановились у одного китайскаго ресторана, посреди настоящаго Пале-Рояля въ миніатюрѣ.

Такъ какъ переводчикъ куда-то отлучился, то я, терзаемый голо-

домъ, нарисовалъ барана на моей нотной тетради и показалъ китайцамъ: къ счастью, они меня поняли и принесли намъ не только баранины, но еще поросенка и превосходную рыбу; мы отдали все это на кухню изготовить, и съ нетерпѣніемъ дожидались той счастливой минуты, когда, наконецъ, сядемъ за настоящій китайскій обѣдъ и утолимъ свой голодъ. Но, о Боже, какое разочарованіе! Прекрасные матеріалы, данные нами, были безвозвратно погублены: рыба была искрошена и истерта мелко-на-мелко, а оставшіеся отъ нея крупные куски плавали вмѣстѣ съ бараниной и, съ истертымъ въ пыль, поросенкомъ въ волнахъ... чего? какъ назвать это?... Въ волнахъ растительнаго масла, образовавшаго густой сиропъ, похожій на раздавленную и разжиженную улитку! Потомъ въ концѣ обѣда намъ подали плавающихъ, нитеобразныхъ существъ, вытягивавшихся и раздувавшихся и предназначенныхъ скорѣе на то, чтобъ самимъ высасывать человѣческую кровь, нежели служить человѣку пищею... Да, я не сомнѣваюсь, что это были *піявки!*... И масло состояло не изъ однороднаго вещества, а навѣрное было приготовлено гдѣ-нибудь въ аптекѣ.... Изъ какой смѣси — этого я не осмѣлюсь даже намекнуть!... И, однако, мучимые голодомъ и усталостью, мы все-таки рѣшились пропустить эти кушанья въ свой желудокъ, который, къ изумленію нашему, геройски выдержалъ нашествіе нечистой, клейкой смѣси, и, не удовольствовавшись этимъ, я даже спряталъ себѣ къ ужину остатки рыбы, очистивъ ее предварительно отъ масла, Хотя мы дорого заплатили за этотъ обѣдъ, но рады были уже и тому, что не пришлось расплатиться за него болѣе жестокимъ мучительнымъ образомъ; послѣ этого мы съ радостью оставили Калганъ, и на другой день сдѣлали еще станцію въ тридцать верстъ. Оба мы съ Лавровымъ ѣхали верхомъ, утопая въ пыли такъ, какъ въ нашихъ странахъ утопаютъ въ грязи.

Въ коляскѣ невозможно уже было ѣхать, по причинѣ дурной дороги; впослѣдствіи пришлось даже снять съ нея колеса и, такимъ образомъ, образовать паланкинъ, несомый двумя мулами, однимъ— спереди, другимъ — сзади. Верхомъ теперь было очень непріятно ѣхать, потому что намъ давали, подъ названіемъ лошадей, какихъ-то скелетовъ съ красными и потухшими глазами, съ каучуковыми ногами, испарявшихъ изъ себя такіе міазмы, что можно было заболѣть. Мы могли дѣлать на нихъ только по пяти верстъ въ часъ и, кромѣ того, эти гнусныя животныя имѣли привычку вдругъ опускаться подъ сѣдокомъ на землю и преспокойно засыпать. Сѣдла и поводья были

такъ гнилы и проѣдены червями, что рвались какъ лохмотья; стремена не выносимо коротко устроены и съ трудомъ можно было ихъ вытянуть на вершокъ подлиннѣе; когда мы говорили китайцу, ѣхавшему съ правой стороны, чтобъ онъ вытянулъ, напр., лѣвое стремя, то онъ, отъ лѣни, чтобъ не объѣзжать на другую сторону, начиналъ тянуть правое; въ это время подпруга лопалась, сѣдло перевертывалось и я стремглавъ летѣлъ на землю. Наконецъ, мы увидѣли, что система кротости и терпѣнія, которой мы сначала хотѣли было придерживаться, не могла повести ни къ чему: Лавровъ вышелъ изъ себя и выхватилъ свою черкесскую шашку; этотъ поступокъ на довольно долгое время держалъ китайцевъ въ страхѣ и повиновеніи. Не грустно ли видѣть подобное явленіе по дорогѣ къ одной изъ первыхъ столицъ міра? Не жалость ли смотрѣть на эти громадныя стѣны и крѣпости, на постройку которыхъ ушло болѣе человѣческихъ жизней, чѣмъ когда нибудь пришлось имъ защищать? И это въ такой странѣ, гдѣ ничто не пропадаетъ даромъ, гдѣ самъ человѣкъ и всѣ его отправленія предназначены на то, чтобъ способствовать плодородію земли!

Впрочемъ, раса, населяющая сѣверную часть Китая, гораздо энергичнѣе южной; доказательствомъ тому служатъ огромные, правильно выстроенные города и отлично сохранившіяся стѣны, не говоря уже о развалинахъ гигантскихъ зданій—остатковъ баснословной древности, теряющейся во libraryмракѣ временъ.

Изъ Калгана мы пріѣхали въ Сіуанъ-Хуа-Фу, одинъ изъ роскошныхъ городовъ, стоящихъ на границѣ Туркестана, и которыми могла бы гордиться Европа. Широкія и прямыя улицы, кипящія народомъ, тріумфальныя ворота, величественныя стѣны придаютъ ему видъ настоящей столицы. Въ немъ четыреста тысячь жителей, которые торгуютъ болѣе всего табакомъ.

Оттуда дорога сдѣлалась еще хуже; въ скалѣ были выбиты настоящія ступени ногами муловъ и верблюдовъ, которые ходятъ по ней чуть не съ сотворенія міра.

Мы вступили въ узкое ущелье, куда стремился потокъ, частью еще замерзшій; въ иныхъ мѣстахъ русло его было выше уровня дороги и ее защищала отъ воды небольшая деревянная ограда. Безпрестанно намъ попадались толпы верблюдовъ, муловъ, пѣшеходовъ и повозокъ изъ Пекина; встрѣтились также съ нами тяжелыя телѣги съ манджурскими солдатами, отправлявшимися въ Тіянъ-Дзинъ защищать входъ въ Пей-Хо отъ нашихъ посланниковъ. Извѣстно, какъ

они исполнили это дѣло; теперь всѣ знаютъ ихъ уже достаточно, и мнѣ нечего ихъ описывать.

Этотъ край, хотя и живописный, благодаря рисовавшимся въ отдаленіи горамъ, былъ безплодный и песчаный; многіе пики, перерѣзанные глубокими рвами, казались совершенно неприступными, но, по нѣкоторомъ наблюденіи, можно было разсмотрѣть тамъ дома и даже иногда цѣлый городъ, тщательно обведенный стѣнами, не смотря на то, что его окружали природныя укрѣпленія, въ видѣ пропастей и утесовъ. Разъ мы проѣхали у подошвы величественной четыреугольной горы, вышиною сажень въ триста, на вершинѣ которой, не смотря на невѣроятную крутизну, стоялъ монастырь, воздвигнутый, какъ говоритъ преданіе, одной благочестивой женщиной, проведшей тутъ всю свою жизнь. Внизу горы разстилался обширный городъ, гдѣ мы остановились завтракать, находясь уже только верстахъ въ осьмидесяти отъ Пекина.

Тутъ снова появились на сцену масла и клейкія вещества, до которыхъ, разумѣется, мы не дотронулись; но, къ удивленію нашему, поваръ изготовилъ для насъ превосходный бифштексъ, изжаренный въ какомъ-то растительномъ маслѣ, и потомъ намъ подали тотъ знаменитый желтый чай, о которомъ я уже говорилъ. Я рекомендую этотъ ресторанъ всѣмъ туристамъ, могущимъ заѣхать въ эти края, тѣмъ болѣе, что онъ стоитъ на выѣздѣ изъ города, въ который насъ, вѣроятно изъ недовѣрчивости, не впустили.

Я началъ жалѣть о моихъ пистолетахъ, которые оставилъ заряженными на горбѣ дромадера; съ моей стороны это была двойная неосторожность—лишить себя ихъ и подвергнуть опасности жизнь этого смирнаго животнаго, потому что намъ объявили, что въ этихъ горахъ водятся разбойники, и иногда даже появляются тигры. Намъ предстояло сдѣлать станцію въ двадцать пять вертъ и, выѣхавши на закатѣ солнца, мы скоро очутились въ совершенной темнотѣ, такъ что я не знаю сколько городовъ, укрѣпленій и деревень мы проѣхали, ровно ничего не видя: до такой степени было темно. Только инстинктъ нашихъ лошадей и красное пламя сжигаемыхъ на горахъ травъ руководили насъ; впрочемъ лошади на каждомъ шагу спотыкались, и казакъ нашъ былъ выбитъ изъ сѣдла на каменистую дорогу. Истомленные усталостью, мы пріѣхали наконецъ на станцію, но, къ несчастью, оказалось, что верблюды, нагруженные нашимъ багажемъ, продолжали путь дальше этой станціи, и я остался безъ тюфяка и безъ одѣяла. Я принужденъ былъ лечь на полу,

подложивши подъ голову сапоги казака; но холодъ такъ мучилъ меня, что я не могъ заснуть, и провелъ большую часть ночи въ уединенныхъ улицахъ спящаго китайскаго города, изучая астрономію и вспоминая о родинѣ.

На другое утро мы выѣхали изъ стѣнъ города по гранитному мосту съ чудовищными камнями, вымощенному плитами, изъ которыхъ нѣкоторыя равнялись величиною съ ступенями Хеопсовой пирамиды; потомъ, проѣхавши верстъ десять по дорогѣ, засыпанной пескомъ и носящей слѣды наводненія, мы подъѣхали къ другому большому городу, обведенному стѣной изъ кирпича: валы всѣ были засыпаны пескомъ. Какова же должна быть, судя по ихъ ветхости и расщелинамъ, древность этихъ зданій, когда «большая стѣна», выстроенная гораздо прежде христіанской эры, стоитъ совершенно какъ новая!

Здѣсь мы опять спросили себѣ китайскій завтракъ и ѣли его палочками изъ слоновой кости, хотя чрезвычайно трудно было научиться этому искусству. Надо чтобъ одна изъ этихъ палочекъ оставалась неподвижно, а другая чтобъ поднималась и опускалась какъ челюсть; для того чтобъ ловко и удобно это дѣлать нуженъ большой навыкъ и китайское проворство. Въ этомъ завтракѣ главную роль играли супы, въ которыхъ плавали какіе-то темные и свѣтящіеся предметы: вѣроятно куски медузъ; подавали также очень хорошія конфекты, виноградъ и отличныя горячія булки, испеченныя въ пару. Однимъ словомъ, я почувствовалъ что силы мои возстановляются, и примирился съ китайской кухней; притомъ же ѣхать верхомъ было теперь удобнѣе на хорошемъ сѣдлѣ; но лошадей намъ давали такихъ, что ихъ оставалось только убить на мѣстѣ, потому что онѣ заражали воздухъ. Мы съ Лавровымъ рѣшились ѣхать опять вдвоемъ въ коляскѣ, къ которой снова придѣлали колеса; намъ запрягли муловъ, и мы поѣхали по песку и по цѣлому морю мелкихъ камней, дѣлая двѣ версты въ часъ. Тряска по камнямъ была ужасная, и мы начинали терять всякое терпѣніе, какъ вдругъ все наше вниманіе, всѣ мысли, всѣ чувства были поглощены однимъ предметомъ, единственнымъ въ мірѣ—«Большою Китайскою стѣною», которая въ полдень показалась на вершинахъ горъ, извиваясь какъ змѣя по всѣмъ ихъ неровностямъ, взбѣгая на пики, спускаясь въ долины и, повидимому, не имѣя ни начала, ни конца.

Есть на землѣ вещи, которыя рѣдко кто видѣлъ, но говорено о нихъ было такъ много, что онѣ какъ будто принадлежатъ къ области

басень и миѳологіи: такова и эта необъятная стѣна, и впечатлѣніе, произведенное ею на меня, было такъ сильно, что все остальное ничто въ сравненіи съ нимъ, хотя теперь уже не то время, когда извѣстный англійскій поэтъ говорилъ, что тотъ человѣкъ долженъ гордиться собою, котораго предки видѣли Большую Китайскую стѣну.

Однако, намъ надо было унять свое волненіе и ждать еще цѣлую ночь, прежде чѣмъ подъѣдемъ къ этой диковинѣ совершенно близко.

Мы остановились—было ночевать въ одномъ городѣ, но тамъ ни за какія деньги никто не хотѣлъ насъ принять, такъ что мы принуждены бѣли ѣхать дальше; на выѣздѣ одно изъ нашихъ колесъ зацѣпилось за такой большой камень, что никакъ не могло черезъ него переѣхать; и такъ какъ вся дорога была усѣяна такими камнями, то мы рѣшились опять возвратиться въ городъ и требовать гостепріимства за значительную плату; но жители заперлись въ своихъ домахъ и оставили насъ на морозѣ, на улицѣ. Надо впрочемъ замѣтить, что такой постыдной недостатокъ человѣколюбія и гостепріимства не въ характерѣ у китайцевъ; но недовѣрчивость и страхъ прогнѣвать правительство такъ сильно развиты въ народѣ, что заглушаютъ лучшія его чувства. Но, въ глубинѣ души, чувства эти все-таки существуютъ, и китайцы вообще великодушны, хотя имъ не позволяютъ этого выказывать.

Нечего было дѣлать: мы опять отправились странствовать и, верстахъ въ трехъ отъ города, нашли какое-то большое заведеніе, куда согласились пустить насъ за деньги; мы устроились тамъ на ночь, вмѣстѣ съ нашими вѣрными монголами, которые тотчасъ разсѣлись со смѣхомъ вокругъ огня и начали жарить своего барана, отъ котораго часть удѣлили и намъ. Скоро все смолкло, и путешественники улеглись спать въ китайской кухнѣ, мечтая даже и во снѣ о Пекинѣ и его чудесахъ.

Утро встало невеселое: шелъ дождь, крупа и снѣгъ, и съ горы дулъ сильный холодный вѣтеръ. Еще версты двѣ отдѣляли насъ отъ знаменитой стѣны; но узкая дорога была вся усѣяна обломками скалъ и льду и надъ нею съ обѣихъ сторонъ нависли горы, угрожая упасть, такъ что весь нашъ караванъ долженъ былъ вытянуться въ нитку и идти очень медленно. Лавровъ ѣхалъ впереди верхомъ, а я замыкалъ шествіе. Вѣроятно для нашихъ европейскихъ друзей было бы очень любопытно и даже утѣшительно видѣть, какъ мы, послѣ столькихъ треволненій и мученій, приближаемся наконецъ къ цѣли и почти

уже касаемся пальцемъ, на границѣ вселенной, до этой таинственной ограды, о которой разсказывали столько чудесъ. 28 февраля, въ десять часовъ утра, мы достигли, наконецъ, вершины ущелья, гдѣ стѣна раздвигается въ видѣ воротъ, чтобъ пропустить на Пекинскую дорогу. Отсюда можно бы было видѣть самый городъ, еслибъ массы горъ не заслоняли его собою. Пройдя подъ аркой и повернувши вправо, Лавровъ взошелъ, по полуразрушенной лѣстницѣ, гдѣ покоились съ незапамятныхъ временъ обломки пуль и пушекъ, на самый верхъ стѣны, куда и я отправился вслѣдъ за нимъ, пока наши верблюды и лошади, нечувствительные къ прелестямъ этихъ мѣстъ, отдыхали отъ крутаго въѣзда. Мы осмотрѣлись кругомъ: къ сѣверу и сѣверо-западу разстилались эти безплодныя и каменистыя долины, которыя мы съ такимъ трудомъ проѣзжали отъ Калгана. Вершина горы, гдѣ мы стояли, была чрезвычайно крута; но это не препятствовало стѣнѣ, прерываемой по временамъ широкими, четыроугольными башнями, отстоящими одна отъ другой сажень на пятдесять, крѣпко держаться на ней. Къ Пекину почва земли понижалась и видны были только мрачныя ущелья и обнаженныя горы. Тогда измѣривъ на взглядъ размѣры стѣны, на которой мы находились я опредѣлилъ мысленно ея вышину, по крайней мѣрѣ, въ шесть сажень, толщину въ четыре, а длина ея вѣроятно тянется на такое же разстояніе какъ Ирландія отъ Новой Земли. Верхъ стѣны представлялъ площадку, составленную изъ смѣси земли, кирпичей и известки, мѣстами поросшей травою; съ каждой стороны былъ сдѣланъ прочный парапетъ и по ней было очень удобно ходить; но еслибъ какому нибудь туристу вздумалось предпринять такое путешествіе вдоль стѣны, то вѣроятно ея крутые скаты остановили бы его, да и притомъ слѣзть съ нея часто не было бы возможности, такъ какъ она идетъ по пропастямъ и пикамъ горъ. Такъ какъ эта стѣна теперь не составляетъ уже границы Китая, то никто ее не защищаетъ и не поддерживаетъ, и удивительно какъ она не разрушается; впрочемъ, она имѣетъ, съ наружной стороны, могущественную защиту въ видѣ огромныхъ бѣловатыхъ камней, лежащихъ всегда параллельно съ боками горы, а не горизонтально, такъ что сама стѣна похожа издали на эти геологическіе пласты земли, сначала лежавшіе горизонтально, но потомъ поднятые подземными переворотами.

Кто любитъ заниматься статистикой, тотъ можетъ обратиться къ сочиненію Г. Барроу, который разсчиталъ, что большая стѣна содержитъ въ себѣ болѣе строительнаго матеріала, чѣмъ всѣ дома и зда-

нія Великобританіи, и что еслибъ ее вытянуть еще въ длину, сдѣлавъ поуже и пониже, то она могла бы два раза обогнуть весь земной шаръ. Онъ утверждаетъ, что въ неприступныхъ мѣстахъ могъ работать одинъ только работникъ, которому остальные подавали камни, передаваемые ими изъ рукъ въ руки, потому что иначе нельзя было бы ни на чемъ втащить ихъ на такую высоту. Какъ бы то ни было, эта постройка поражаетъ болѣе своей громадностью, нежели достоинствомъ, и я гораздо болѣе отдаю дани уваженія безконечнымъ стѣнамъ Пекина. Мы сошли, по внутренней лѣстницѣ, въ одну изъ этихъ башень, о которыхъ я говорилъ; но, найдя тамъ только развалины и полное безмолвіе, снова возвратились наверхъ, привѣтствовали диковину двумя пистолетными выстрѣлами и, дрожа отъ холоднаго вѣтра, свистѣвшаго въ отверстіяхъ камней и кирпичей, поспѣшно сошли внизъ, сѣли на лошадей и начали спускаться въ ущелье еще мрачнѣе, круче и хаотичнѣе того, по которому только что поднялись. Въ самыхъ крутыхъ мѣстахъ Пиренейскихъ горъ нѣтъ такихъ дикихъ тропинокъ какъ та, которая здѣсь называется большою пекинскою дорогою. На ней видны только горы, висящія надъ головой путника и растреснутыя сверху до низу; обломки утесовъ падающихъ или упавшихъ; лѣстницы, образовавшіяся сами собою; бушующіе потоки, вырывающіеся изъ ледяныхъ пещеръ; куски гранита, обдѣланные грубымъ рѣзцомъ въ форму какихъ-то жалкихъ идоловъ; маленькіе храмы, лѣпящіеся на высотахъ какъ орлиныя гнѣзда; наконецъ цѣлые города, стиснутые между двумя горами и все-таки обведенные стѣнами, совершенно скрывающими ихъ отъ взоровъ.

Удивительнѣе всего была для меня ловкость нашихъ верблюдовъ, которые, съ легкостью и увѣренностью козы, ступали по этой невѣроятной дорогѣ, такъ что мы, пострадавши только отъ холода и отъ снѣга, благополучно совершили этотъ длинный спускъ съ горъ Туркестана къ столицѣ. Отъѣхавши четыре версты отъ большой стѣны, мы остановились завтракать въ ресторанѣ, и потомъ, выѣхавши наконецъ изъ этого царства тѣней, внезапно очутились въ необозримой равнинѣ Пекина, куда до сихъ поръ еще не проникалъ глазъ француза, съ того времени какъ наши миссіонеры истощили здѣсь понапрасну свои силы, проповѣдуя слово Господне. Въ эту торжественную минуту, я снова пережилъ въ своей памяти исторію каждой версты, сдѣланной мною, начиная отъ Пиренейскихъ горъ, и глядя на эту таинственную равнину, почувствовалъ радость и гордость,

захватывавшія духъ! Вспоминая неизмѣримыя пространства, пройденныя мною съ такимъ трудомъ, я проникнулся мыслью о великости и обширности созданія и, благословляя Провидѣніе, дозволившее мнѣ невредимому достигнуть цѣли, съ чувствомъ энтузіазма устремилъ глаза на далекій горизонтъ, въ надеждѣ открыть на немъ голубую линію Тихаго океана. Но хотя равнина и понижалась къ морю, оно было еще на такомъ далекомъ разстояніи, что нельзя было видѣть его простымъ глазомъ. Я бы не утѣшился такъ легко въ этомъ лишеніи, еслибъ зналъ тогда, что мнѣ придется обратно проѣзжать опять всю Монголію! На сѣверо-и юго-востокѣ видъ былъ безграничный; весь же остальной горизонтъ состоялъ изъ дикихъ хребтовъ горъ, еще покрытыхъ послѣднимъ зимнимъ снѣгомъ, и онѣ составляли послѣднюю границу окружавшую сердце Небесной имперіи какъ стѣны вѣчной тюрьмы. На юго-востокѣ весь этотъ амфитеатръ оканчивался смиренными холмами; на послѣднемъ изъ нихъ возвышалась величественная пагода въ восемь или девять этажей, походившая издали на маякъ и составлявшая часть Пекина, котораго намъ было еще не видать. Тутъ мы смѣнили лошадей и поскакали въ галопъ. Повидимому, край отъ Тіенъ-Дзина до Пекина обработанъ и даже богатъ; этимъ онъ отличается отъ сѣвернаго края, гдѣ видна только голая земля, песокъ, камни и, вмѣсто всякой растительности, одна мрачная зелень можжевельника *). Мы остановились въ большой гостиницѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, и спали, на этотъ разъ, удобно и спокойно.

На другое утро мы всѣ, въ полномъ сборѣ, съ верблюдами, мулами, монголами и китайцами, направились къ столицѣ, утопая въ пыли почти до колѣнъ. Тутъ только появились нѣкоторые признаки близости большаго города; по дорогѣ стали появляться нищіе, гуляющіе, верблюды и голубыя коляски на двухъ колесахъ, запряженныя мулами; въ глубинѣ этихъ экипажей сверкали черные женскіе глаза удивительной красоты; наконецъ, за пять верстъ отъ города, мы уже въѣхали въ безконечную улицу и, отчасти желая укрыться отъ любопытныхъ взоровъ увеличивающейся толпы, отчасти чувствуя сильный апетитъ, заѣхали въ огромный ресторанъ, гдѣ сидѣли за столомъ около пятисотъ китайцевъ и ѣли вермишель также чинно и добропорядочно, какъ бы въ лучшемъ парижскомъ кафе. Позавтракавъ довольно скудно разными студенистыми веществами, мы снова пустились

*) Я проѣзжалъ этотъ край зимою.

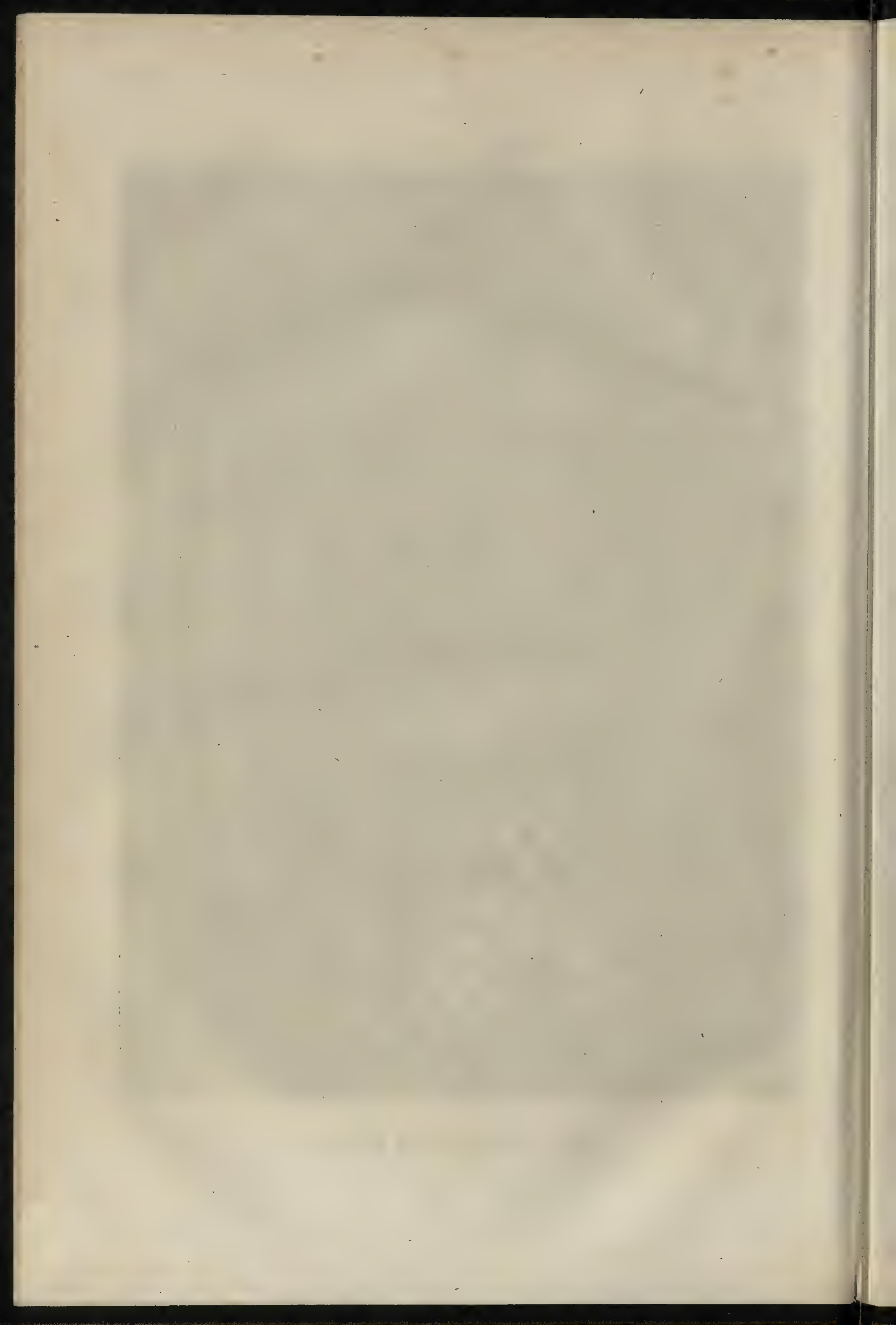
въ путь, старяясь по возможности исправить изъяны, произведенные въ нашемъ туалетѣ такимъ долгимъ путешествіемъ, и напрягая зрѣніе, чтобъ увидѣть, сквозь облака пыли, знаменитыя ворота великой столицы. Естественно, мы трепетали отъ нетерпѣнія и любопытства, приготовляясь наконецъ получить награду за пять мѣсяцевъ страданій и борьбы! Съ Пиренейскихъ горъ попасть въ Пекинъ — это такая мечта, которой осуществленіе кажется почти невозможнымъ; и однакожъ человѣческія ощущенія такъ эластичны, воспоминанія такъ быстро стираются, что спустя два года послѣ этой памятной для меня эпохи, когда я находился между Малабаромъ и Гималаемъ, мысль о Пекинѣ не приходила мнѣ даже въ голову, и сорокъ тысячъ верстъ, отдѣляющихъ его отъ Парижа, казались мнѣ промежуткомъ одной станціи по желѣзной дорогѣ!

Но я долженъ сознаться, что въ ту минуту когда глазамъ моимъ въ первый разъ предстали эти строгія стѣны, покрытыя вѣковой пылью, столь древнія, что принадлежатъ области геологіи столько же какъ и области исторіи, столь крѣпкія, что развѣ только послѣдняя труба архангела можетъ разрушить ихъ,—когда я услышалъ за ними движеніе, говоръ, топотъ, шумъ и гамъ такого несмѣтнаго числа народа, что вся эссенція человѣчества какъ будто собралась здѣсь,—меня охватило чувство благоговѣнія и почтенія, и даже жажда къ путешествіямъ какъ будта утолилась во мнѣ, потому что послѣ этого ничто уже не могло удивить меня на землѣ.

Лавровъ поѣхалъ впередъ, за нимъ я, за мною казакъ и всѣ монголы,—и 1-го марта 1859 года, спустя ровно пять мѣсяцевъ послѣ моего выѣзда изъ Парижа, мы въѣхали въ Пекинъ черезъ большія сѣверныя ворота.

Видъ растительности на Амурѣ.

ГЛАВА XI.

Первое впечатлѣніе Пекина и его народонаселеніе. — Эгоизмъ европейской политики.—Разныя достопримѣчательности.—Мой принужденный отъѣздъ.— Корейцы. — Мое отчаяніе при отъѣздѣ въ Монголію. — Обратный путь по степи Гоби. — Сто тридцать верстъ въ одинъ день. — Циклопъ.— Песчаный вихрь.—Пріѣздъ въ Кяхту на девятнадцатый день.

Когда мы переступили за священный порогъ столицы, передъ нами открылась длинная до безконечности улица шириною сажень въ десять, тянувшаяся черезъ весь татарскій городъ, гдѣ мы теперь находились, до китайскаго города, по совершенно прямой линіи на разстояніи осьми верстъ. Середина улицы была возвышеннѣе чѣмъ бока ея и предназначалась для экипажей и вьючныхъ животныхъ, по бокамъ же ходили пѣшеходы и цѣлыя толпы кочующихъ бродягъ, составляющихъ большую часть народонаселенія Пекина, а именно: фокусники, ораторы, цирюльники, повара и акробраты; ихъ голоса смѣшивались съ шумомъ барабановъ, которымъ слѣпые старались привлечь на себя вниманіе публики, и изъ всего этого выходили звуки, похожіе на гулъ морскихъ волнъ. Зрѣлище это дотого необыкновенно для европейца, что невольно должно произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на его воображеніе и чувства.

Безконечная линія низкихъ, деревянныхъ домовъ, окоймлявшихъ улицу съ обѣихъ сторонъ, прерывалась безпрестанно огромными шестами, оклеенными золотой бумагой и увѣшанными разноцвѣтными флагами. Нѣкоторые изъ нихъ наклонялись на улицу, подставляя глазамъ прохожихъ висѣвшіе на нихъ большіе листы бумаги, на которыхъ крупными золотыми буквами выхвалялись товары въ сосѣдней лавкѣ.

Цѣлыя группы людей, повидимому почтенныхъ и уже не молодыхъ, стояли съ разинутымъ ртомъ и слѣдили безпокойнымъ и изумленнымъ взглядомъ за полетомъ воздушнаго змѣя, къ хвосту котораго привязаны были лиры, вѣроятно для того, чтобъ напитать ихъ вдохновеніемъ въ высшихъ слояхъ воздуха, ближайшихъ къ небу. Далѣе шли караваны верблюдовъ изъ сѣверныхъ степей, изнемогающихъ отъ усталости, съ понуренными головами, съ трясущимся горбомъ, на которыхъ сидѣли монголы и крѣпко спали. Въ эту минуту эти животныя дѣйствительно показались мнѣ поэтическими и заслуживающими названія «корабля пустыни»; они мѣрнымъ шагомъ проходили посреди толпы, оставляя за собой длинный пустой слѣдъ въ этомъ океанѣ людей. Однимъ словомъ, тутъ было собрано все, что только въ мірѣ можетъ быть удивительнаго, смѣшнаго и величественнаго; къ этому еще присоединился солнечный закатъ посреди всей этой пыли, пестроты и шуму, и намъ какъ-то странно было видѣть, что онъ такой же какъ въ Европѣ. Одно только небо не перемѣнилось, и мы, пораженные всѣмъ видѣннымъ, усумнились на минуту въ истинѣ этого прекраснаго стиха:

Coelum non animum mutant, qui trans mare currunt.

Скоро мы доѣхали до восточной стѣны *Императорскаго Города*, находящейся, какъ извѣстно, въ той части Пекина, которая называется *Татарскимъ Городомъ*, и, продолжая ѣхать вдоль этой стѣны по направленію къ югу, мы встрѣтили высохшій каналъ, который переѣхали по мосту; въ эту минуту, при послѣднихъ лучахъ заката, мы вдругъ увидѣли на правой сторонѣ сверкавшій надъ всѣмъ этимъ языческимъ міромъ золотой крестъ—эмблему христіанской религіи. Пять минутъ спустя мы, внѣ себя отъ радости и удивленія, крѣпко обнимались съ миссіонерами и офицерами русскаго посольства. Я опять долженъ повторить, что это была одна изъ самыхъ памятныхъ для меня минутъ, и даже теперь, на родинѣ, при воспоминаніи о ней слезы умиленія навертываются у меня на глазахъ.

Я испыталъ такое же чувство, какъ утопающій, вытащенный изъ воды на берегъ, когда г. Перовскій, русскій посланникъ, пригласилъ меня, какъ сына, подъ свою гостепріимную кровлю, гдѣ всѣ превосходно говорили по-французски и приняли меня какъ члена семейства. Въ честь нашу, Перовскій заказалъ великолѣпный ужинъ, на которомъ шампанское лилось рѣкою; потомъ мы всѣ отправились въ отличную русскую баню, гдѣ имѣли счастье смыть нако-

нецъ всю грязь и нечистоту, накопившіяся на насъ во время пути, и перемѣнить бѣлье. Послѣ этого мы пошли въ приготовленныя намъ комнаты, гдѣ хозяева наши уже распорядились приказать постлать намъ постели на мягкихъ диванахъ. Я легъ, но не могъ заснуть; меня теперь занимало уже не воспоминаніе о родинѣ; всѣ мои мысли были сосредоточены на томъ городѣ, въ которомъ я находился въ настоящую минуту, на городѣ Пекинѣ, одно имя котораго служило въ то время синонимомъ чего-то таинственнаго. Въ умѣ моемъ проходили цѣлыя фаланги тѣхъ знаменитыхъ героевъ-миссіонеровъ, которые почти всѣ вышли изъ Франціи и проповѣдывали здѣсь. Я думалъ о тѣхъ письмахъ, которыя казалось должны бы служить вѣчными памятниками ихъ дѣятельности, и которые, однакожъ были забыты и погребены вмѣстѣ съ ними. Я обвинялъ въ неблагодарности міръ, предавшій забвенію собранныя этими проповѣдниками документы, изъ которыхъ можно бы почерпнуть точныя свѣдѣнія объ учрежденіяхъ, исторіи, военной дисциплинѣ и музыкальномъ искусствѣ въ Китаѣ, а на мѣсто ихъ выставлены теперь сочиненія такихъ авторовъ, которые едва ли успѣли пробыть двѣ или три недѣли въ Шангъ-Хаѣ и Макао.

Я положительно утверждаю, что не только въ то время, когда входъ въ Китай былъ еще воспрещенъ чужеземцамъ, но даже и теперь, когда въ него вступила наша артиллерія, мы, если желаемъ собрать какія нибудь точныя свѣдѣнія о флорѣ, фаунѣ и климатѣ этого края, никакъ не можемъ получить ихъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій нашихъ ученыхъ, а непремѣнно должны обратиться къ стариннымъ сочиненіямъ миссіонеровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣднихъ изгнали изъ Пекина, прошло уже нѣсколько столѣтій, и однако можно положительно сказать, что еслибъ мы продолжали дѣйствовать въ ихъ духѣ и руководствоваться правилами христіанскаго милосердія и справедливости, отрѣшаясь онъ чувства личнаго эгоизма, то намъ, европейцамъ, не умѣющимъ еще придерживаться правила, any thing for trade», не пришлось бы прибѣгать къ помощи артиллеріи, чтобъ войти въ Пекинъ; по крайней мѣрѣ, я вѣроятно не былъ бы изгнанъ оттуда, какъ это случилось со мной, вслѣдствіе трактатовъ, отмѣченныхъ мечемъ и кровью.

Какъ бы то ни было, я пробылъ въ Пекинѣ три недѣли, и безъ сомнѣнія такое короткое пребываніе въ столь обширномъ городѣ не даетъ мнѣ права описывать его, въ особенности теперь, когда война открыла въ него доступъ для всѣхъ, и каждый можетъ про-

честь подробности о Пекинѣ въ любомъ журналѣ. Тѣмъ не менѣе, я, рискуя прослыть самонадѣяннымъ, рѣшаюсь его описывать, въ силу того, что сто человѣкъ могутъ видѣть одно и то же мѣсто, и все-таки каждый будетъ описывать его по своему; примѣръ тому Лондонъ, остающійся еще до сихъ поръ, для самыхъ близкихъ своихъ сосѣдей-парижанъ, покрытымъ мракомъ неизвѣстности; однимъ словомъ, какъ ни хорошо убрано было поле, а все-таки на немъ могутъ остаться неприбранные колосья.

Народонаселеніе Пекина не превышаетъ, по моему мнѣнію милліона четырехсотъ тысячъ душъ intra muros; городъ имѣетъ тридцать верстъ въ окружности. Полагая, что въ предмѣстьяхъ находится еще до шестисотъ тысячъ жителей, мы получимъ въ общемъ итогѣ два милліона жителей, что, по всей вѣроятности, составитъ приблизительно вѣрную цифру.

Общій видъ города представляетъ грандіозное зрѣлище, не смотря на то, что дома его нѣсколько малы. Но какъ рѣка можетъ быть величава и безъ крутыхъ береговъ, такъ точно и улицы Пекина, въ особенности тѣ, которыя находятся въ Сѣверномъ или Татарскомъ городѣ, отличаются красотой. Улицы эти широки, длинны и правильны, какъ лучшія улицы въ Европѣ и въ Америкѣ, съ тою только разницею, что въ нихъ еще больше движенія, жизни и блеска. Въ Парижѣ съ ними можетъ сравняться только Булонскій лѣсъ; но онъ находится внѣ города. Нигдѣ, кромѣ Пекина, нельзя увидать въ самомъ центрѣ города столько искусственныхъ озеръ, съ скользящими по нимъ джонками, столько островковъ, соединенныхъ другъ съ другомъ посредствомъ мраморныхъ мостовъ, столько цвѣтущихъ садовъ, горъ увѣнчанныхъ деревьями, храмами и дворцами. Все это населено стаями птицъ, зайцевъ, кроликовъ, слоновъ, ручныхъ тигровъ, и устроено на такомъ возвышеніи, за которымъ не видно окрестныхъ домовъ города, стѣны котораго имѣютъ въ окружности семь съ половиною верстъ.

Говорятъ, что императоръ Чинъ-Дзунгъ (въ 1402—1424) намѣрѣвался взять себѣ подъ дворецъ всю эту мѣстность; но въ настоящее время дворецъ императора представляетъ четыреугольникъ, имѣющій не болѣе версты съ каждой стороны, и окруженный водою. Это священное убѣжище, въ которое никто еще не проникалъ до сихъ поръ, находится также въ Императорскомъ Городѣ. Нѣкоторые думаютъ, что это тотъ самый дворецъ, который былъ разрушенъ и сожженъ; но они заблуждаются: сожженъ былъ одинъ изъ лѣтнихъ

дворцовъ, которые всѣ расположены внѣ Пекина; самый же знаменитый изъ нихъ,—тотъ, гдѣ укрывался императоръ, называется дворцомъ *Дзехолъ*, и находится по ту сторону Большой стѣны.

Во журналѣ Illustrated Newes появился однажды портретъ китайскаго императора; между тѣмъ, достовѣрно извѣстно, что ни одинъ Европецъ не видалъ ни этого императора, ни его предшественниковъ *); его имя даже мало кому извѣстно, и никто не знаетъ ни его возраста, ни его наружности, потому что существуетъ законъ, строго повелѣвающій падать ницъ всякій разъ, какъ онъ проходитъ. Мы живемъ теперь въ Пекинѣ, и можетъ быть долго еще пробудемъ въ немъ, но кто поручится, что императоръ будетъ вѣчно пребыватъ въ Пекинѣ и не изберетъ себѣ другой столицы за нѣсколько сотъ верстъ отсюда, и гораздо недоступнѣе для нашихъ преслѣдованій. Всякій договоръ можетъ быть нарушенъ, и если насъ не терпятъ въ Китаѣ, если мы тамъ держимся только насильственнымъ образомъ, то мы никогда не будемъ въ немъ въ безопасности до тѣхъ поръ, пока не покоримъ Китай совершенно и не введемъ въ него нашихъ солдатъ; но, прежде нежели рѣшиться на этотъ шагъ, вспомнимъ, чего намъ стоило покореніе Индіи, составленной изъ различныхъ національностей, ненавидящихъ другъ друга; чего же ожидать отъ китайцевъ, въ лицѣ которыхъ мы видимъ цѣлую треть человѣчества, сплотившуюся въ одно цѣлое, которое мыслитъ, желаетъ и дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ? Къ чему же гоняться за какими-то химерами; и если мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ смерти паціента, зачѣмъ мучить его медленной агоніей? Если Китайская имперія составляетъ пятно во вселенной, и мы призваны на то, чтобъ стереть ее съ лица земли, то мы должны дѣйствовать путемъ евангелія, а не путемъ насилія и крови. Но видя странныя средства, употребляемыя нами, въ общемъ и частномъ смыслѣ, противъ Китая, можно усомниться, чтобъ мы дѣйствовали въ силу призванія. Мы хуже палачей, потому что они исполняютъ только свою обязанность. Мы похожи на врачей, которые, во имя науки, подвергаютъ здороваго человѣка ежедневному кровопусканію, требуя съ него еще платы за свой трудъ! Нѣтъ! Китайскій народъ служитъ представителемъ слишкомъ великой силы въ экономіи природы, для того чтобъ его можно было стереть съ лица земли; его можно унизить, истощить, но не уничтожить; онъ, какъ муравей, сотрется въ пыли; вы будете счи-

*) Это вѣроятно не относится къ молодому императору нынѣ, царствующему.

тать его мертвымъ, раздавленнымъ подъ вашей пятой, но чрезъ мгновеніе онъ снова воспрянетъ полный жизни и силы. Какъ въ физическомъ мірѣ существуютъ двѣ главныя стихіи: земля и вода, такъ и въ органическомъ содержатся два начала: покой и движеніе, и потому, въ соціальномъ порядкѣ, всегда будутъ стоять лицомъ къ лицу два противуположные элемента—европейскій и азіятскій. Древняя азіятская цивилизація всегда будетъ стоять какъ неподвижная скала, о которую постоянно должны разбиваться всѣ наши усилія. Это вѣчный подводный, камень поставленный самимъ Провидѣніемъ на нашемъ пути. Можно сказать, что въ нравственномъ составѣ человѣческаго рода мы уподобляемся двумъ химическимъ соединеніямъ: кислотѣ и основанію, или двумъ противуположнымъ электричествамъ, которыя, нейтрализируя другъ друга, производятъ равновѣсіе. И еслибъ во всемъ мірѣ существовали только два народа, то они непремѣнно представляли бы собой два типа: европейскій и азіятскій, составляющіе сущность человѣческаго рода.

Таково мое мнѣніе, вынесенное изъ моей первой поѣздки въ Китай и еще болѣе подтвердившееся вслѣдствіе послѣдней войны. Справедливо оно или ложно—я предоставляю судить объ этомъ читателю.

Во всякомъ случаѣ, я ожидаю отъ этой войны только хорошихъ результатовъ, и надѣюсь, что она, по крайней мѣрѣ, сблизитъ насъ съ тѣми китайцами, которые живутъ на сѣверѣ и совершенно отличаются отъ южныхъ китайцевъ. Когда я жилъ въ Пекинѣ, то всякая попытка къ сближенію была совершенно невозможна: наканунѣ нашего отъѣзда докторъ русскаго посольства навѣстилъ одного больнаго, и послѣдній былъ на другой же день выгнанъ своимъ хозяиномъ вонъ изъ дома за то, что осмѣлился осквернить его жилище присутствіемъ русскаго врача! Мы сами не могли сдѣлать ни шагу безъ того, чтобъ за нами не слѣдила полиція: лишь только мы выходили изъ дому,—насъ пересчитывали и записывали на дверяхъ счетомъ, и по возвращеніи снова пересчитывали. Наконецъ, я совсѣмъ пересталъ выходить пѣшкомъ; бросивъ свой европейскій костюмъ; и одѣвшись китайцемъ, рѣшился постоянно ѣздить верхомъ, тѣмъ болѣе что разстоянія въ Китаѣ очень велики и неудобны для пѣшаго хожденія. Когда мнѣ не удавалось достать лошади, я приглашалъ съ собою какого нибудь миссіонера, охотно соглашавшагося служить мнѣ переводчикомъ, и мы вмѣстѣ садились въ одинъ изъ пекинскихъ фіакровъ, простой, голубой ящикъ на двухъ колесахъ, страшно тря-

скій и въ особенности невыносимый по китайской мостовой, вымощенной чудовищными плитами, по образцу того, какъ мостили тысячу лѣтъ тому назадъ. Фіакръ запряженъ муломъ, котораго погоняетъ возница. Въ этомъ экипажѣ или верхомъ на лошади, отправлялся я за покупками въ Китайскій Городъ, отличающійся громадностью, грязью и неправильностью, такъ же какъ и Шангъ-Хай. Къ нему присоединенъ Татарскій Городъ, раздѣленный отъ него гигантской стѣной, въ которой вдѣланы массивныя ворота въ четыре этажа, вышиною сажень въ тридцать. Подъ одними изъ этихъ воротъ въ особенности бываетъ такая давка, такое стеченіе людей, экипажей и животныхъ, что трудно себѣ представить что нибудь подобное, даже тогда, когда бы все лондонское и парижское народонаселеніе соединить вмѣстѣ. Разныя рѣдкости, которыя я видѣлъ выставленными на базарахъ этого Китайскаго Города, невольно привлекали мое вниманіе, и я часто тратилъ на нихъ много денегъ. Правда, что въ то время я не имѣлъ еще понятія о чудесахъ, которыми изобилуютъ базары Японіи, Кантона и Константинополя. Въ Пекинѣ всего замѣчательнѣе разныя вещицы, выдѣланныя изъ горнаго хрусталя или кремнезема. Иногда видишь на цѣпочкѣ привѣшенный графинъ или стаканъ изъ цѣльнаго куска горнаго хрусталя; послѣдній, впрочемъ, не отличается такою чистотою какъ сибирскій. Я видѣлъ также огромныя фарфоровыя вазы вышиною въ человѣческій ростъ, маленькія чашки изъ реальгара (краснаго мышьяка), табакерки изъ всевозможныхъ минераловъ, грубыя карикатуры, представлявшія европейцевъ, шелковыя матеріи, горностаи, драгоцѣнные камни, бумажные фонари, до такой степени искусно сдѣланные, что если такой фонарикъ повѣсить на дерево и зажечь въ немъ фейерверкъ, то ни одна искра не попадетъ на бумагу. И все-таки эти вещи далеко уступаютъ въ тонкости отдѣлки работамъ, которыя я видѣлъ въ Кантонѣ.

Между прочимъ, въ Пекинѣ существуетъ одна рѣдкость, которую мнѣ ни разу не случилось увидѣть: это — камень *іу*, находящійся на днѣ потоковъ и ручьевъ, которымъ въ прежнее время очень много занимались наши миссіонеры. Одинъ китайскій натуралистъ прозвалъ ихъ металлизированнымъ и кристаллизированнымъ утесомъ. Кажется, что этотъ камень издаетъ звукъ при ударѣ, и очень можетъ быть, что литофонъ, надѣлавшій столько шума, есть также изобрѣтеніе китайцевъ.

Нѣкоторые увѣряютъ, по поводу изобрѣтательнаго генія китай-

цевъ, что банки у нихъ существовали гораздо прежде чѣмъ у насъ. Дѣйствительно, въ Пекинѣ множество частныхъ банковъ; билеты взятые оттуда, настоящая рѣдкость, и я уплачивалъ ими за другія покупаемыя мною рѣдкости. Что касается до моего золота, то его осмотрѣли, ощупали, взвѣсили и съ пренебреженіемъ возвратили мнѣ назадъ. Еслибъ не г. Перовскій, который размѣнялъ мнѣ золото на особенные серебряные слитки, заказанные нарочно въ Петербургѣ для русскаго посольства, мнѣ бы невозможно было ничего покупать.

Банковые билеты здѣсь въ большомъ употребленіи и имѣютъ различную стоимость, начиная отъ пятнадцати копѣекъ до ста франковъ; въ Китаѣ существуетъ обычай сжигать на похоронахъ цѣлыя кучи этихъ билетовъ надъ могилой родственника или друга; но для этого употребляются особенные билеты, которые негодятся болѣе ни на что другое.

Съ удовольствіемъ и гордостью замѣтилъ я, что наше богослуженіе снова возстановлено и храмъ открытъ для всѣхъ желающихъ. Какая разница съ тѣмъ, что было здѣсь, во время моего перваго пребыванія въ китайской столицѣ!—тогда двери священнаго зданія, одного изъ самыхъ высокихъ зданій города, были затворены, крестъ низверженъ и чрезъ разбитыя окна слышенъ былъ только вой вѣтра подъ сводами. Каждый хорошій католикъ конечно порадуется въ душѣ такой счастливой перемѣнѣ; но я, бывшій свидѣтелемъ запустѣнія и безмолвія, царствовавшаго на этомъ мѣстѣ, едва могъ повѣрить, что вѣрующіе снова собираются въ этомъ храмѣ, нѣкогда освященномъ присутствіемъ столькихъ проповѣдниковъ, и затѣмъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, оставленномъ въ запустѣніи. Я присутствовалъ въ Пекинѣ при греческомъ богослуженіи, совершавшемся въ прекрасной церкви русскаго посольства. Служба очень похожа на нашу, не только внѣшнимъ великолѣпіемъ, но и самыми догматами проповѣдуемыми священникомъ; звуки органа замѣняются звуками, вдохновенныхъ голосовъ молодыхъ албазиновъ, которые остались вѣрны религіи своихъ предковъ. Албазинцы — потомки русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на воинственныхъ берегахъ Амура и переселенныхъ въ Пекинъ. Наружностью, одеждой и привычками—они настоящіе китайцы, но душою совершенно преданы русскимъ; они живутъ въ сѣверномъ монастырѣ, гдѣ находится также обсерваторія, расположенная на сѣверо-западной сторонѣ Пекина, въ семи верстахъ отъ посольства. Зданіе посольства помѣщается неподалеку отъ центра города. Я любилъ ходить

гулять вмѣстѣ съ однимъ русскимъ офицеромъ въ сосѣднiй монастырь, гдѣ миссiонеры принимали меня какъ роднаго. Однажды, по дорогѣ въ монастырь, мы наткнулись на странную процессiю, именно—на похороны китайскаго генерала. За гробомъ его шла такая густая толпа, что наполняла собою почти всю длину улицы Тянъ-Дзинъ. Эта послѣдняя въ скоромъ времени должна была быть свидѣтельницею торжествъ совершенно инаго рода. Тѣло лежало на катафалкѣ, покрытомъ краснымъ холстомъ и украшенномъ перьями; его несли двѣсти носильщиковъ.

За носильщиками шли родственники, оглашая воздухъ раздирающими душу стонами; позади слѣдовала толпа плакальщиковъ, которые такъ громко выли, что можно было оглохнуть. Кромѣ того, грозные раскаты духовыхъ инструментовъ, весьма искусно изображавшихъ грозу, покрывали весь этотъ шумъ. За покойникомъ вели лошадь и несли всѣ принадлежности, служившiя ему при жизни, какъ-то: сѣдла, мундиры, ордена и проч. Мы отошли въ уголокъ, чтобъ разсмотрѣть поближе всю эту процессiю; за себя мнѣ нечего было бояться, потому что я былъ одѣтъ китайцемъ, но русскiй мундиръ моего спутника выдалъ насъ, и, не смотря на всеобщее отчаянiе, мы были окружены въ одно мгновенiе ока. Несмотря однако на собравшуюся вокругъ насъ толпу, я долженъ признаться, что ни въ Китаѣ, ни въ Индiи, въ этихъ такъ называемыхъ варварскихъ странахъ, я не замѣчалъ особенной грубости; толпа, насколько я могъ замѣтить, почтительно относится къ чужестранцамъ, если только послѣднiе сами умѣютъ хорошо держать себя. Правда, туземцы разсматриваютъ европейца съ живѣйшимъ любопытствомъ, почти, можно сказать, обнюхиваютъ его, но все-таки онъ только у себя на родинѣ рискуетъ подвергаться такимъ безцеремоннымъ толчкамъ, какими его награждаютъ его любезные соотечественники, грубо толкающiеся и наступающiе на ноги.

Намъ же стоило только шутя взмахнуть хлыстомъ по воздуху, какъ все сборище разсѣялось и снова вошло въ ряды похоронной процессiи. Мнѣ случалось иногда, для пробы, выходить не только одному, но въ пальто и пѣшкомъ. Тогда меня разсматривали и издали слѣдили за мной какъ за морскимъ звѣремъ, но никогда не дѣлали дерзостей, хотя это можно было сдѣлать вполнѣ безнаказанно. Предположите теперь, что какой нибудь житель съ острова Фиджи вздумалъ бы прогуляться по нашимъ бульварамъ, въ своемъ легкомъ костюмѣ и безъ проводника. Кто бы уважилъ его? Ни одинъ улич-

ный мальчишка не оставилъ бы его въ покоѣ. А еслибъ на немъ были какія нибудь цѣнныя или рѣдкія вещи, то навѣрное его обокрали бы безъ зазрѣнія совѣсти. Въ Пекинѣ этого никогда не случается. Вы можете увидать тамъ вещи вполнѣ чудовищныя, картины возбуждающія ужасъ; напр.: нерѣдко попадаются на улицѣ умирающіе полунагіе нищіе, и даже валяющіеся неприбранные трупы. Мнѣ самому разъ случилось видѣть, на одномъ перекресткѣ, еще дымящіяся головы министра и трехъ его сообщниковъ, обезглавленныхъ за какую-то бездѣлицу, выставленныя на показъ, въ клѣткахъ, въ назиданіе народа. Безъ сомнѣнія, это ужасное зрѣлище; это — публичный цинизмъ, выставленный на показъ; но за то врядъ ли здѣсь совершается такъ много тайныхъ преступленій какъ въ нашихъ столицахъ. Скандалы въ Пекинѣ рѣдки и общественный порядокъ никогда не нарушается

Между тѣмъ я заслужилъ въ Пекинѣ репутацію подозрительнаго лица; скоро открылось, вѣроятно черезъ служителей русскаго посольства, что я совсѣмъ не русскій, и г. Перовскій велѣлъ мнѣ передать рѣшительно, хотя и очень вѣжливо, что, по политическимъ соображеніямъ, я долженъ не только оставить тотчасъ же посольство, не дожидаясь болѣе чѣмъ сомнительнаго пріѣзда нашихъ посланниковъ, но снова возвратиться въ Монголію.

Есть бѣдствія такія ужасныя, что съ трудомъ вѣрится чтобъ Провидѣніе посылало ихъ человѣку: при воспоминаніи о перенесенныхъ страданіяхъ, я до послѣдней минуты не хотѣлъ вѣрить участи ожидавшей меня. Между тѣмъ она была неизбѣжна; Монголія, какъ страшный призракъ, возставала предо мной: *«Monstrum horrendum informe, ingens»*. Надо было ѣхать. Дѣло Таку еще болѣе подтвердило соображенія министра и доказало мнѣ, что онъ дѣйствительно расположенъ ко мнѣ. Я оказался бы виновнымъ въ самой черной неблагодарности, еслибъ хотя на минуту усомнился въ его искренности и подумалъ, что онъ имѣетъ въ виду что нибудь другое, кромѣ моего блага и личнаго спокойствія.

Конечно, русскіе знали, что мы встрѣтимъ сильную опозицію въ Пей-хо; но неужели изъ этого слѣдуетъ, чтобъ они сами были виновниками и подстрекателями этого болѣе или менѣе заслуженнаго нападенія? На какихъ данныхъ основываются слухи, распространенные противъ этой націи, достойной всякаго уваженія, и которые были бы для русскихъ кровавой обидой, еслибъ не были такъ нелѣпы. Какой *интересъ* могли имѣть русскіе — препятствовать нашему при-

бытію въ Пекинъ? Напротивъ, я могу утвердительно сказать, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они съ нетерпѣніемъ ожидали нашего пріѣзда. Затѣмъ, какіе офицеры могли отправиться въ Таку распоряжаться атакой, и какимъ образомъ, и по какой дорогѣ прибыли бы она туда, когда проѣздъ русскихъ изъ Сибири въ Пекинъ сопряженъ съ такими трудностями, какъ путешествіе на луну. И, наконецъ, неужели чувство чести такъ слабо у русскихъ, что люди, достойные всякаго уваженія, могутъ превратиться въ измѣнниковъ, съ единственною цѣлью отвратить отъ себя подозрѣнія въ томъ, что они могутъ быть побѣждены китайцами? Вѣроятно, тутъ виновато болѣе всего пресса, которая должна бы, по крайней мѣрѣ, позаботиться объ исправленіи нанесеннаго ею зла.

И такъ безотлагательно рѣшено было, что я оставлю посольство въ скоромъ времени и разстанусь съ добрыми миссіонерами и услужливыми офицерами, которые такъ дружески пріютили меня и обращались со мной какъ съ роднымъ. Въ прежнія времена, т. е. за полтораста лѣтъ тому назадъ, китайскій императоръ бралъ на себя всѣ издержки по содержанію посольства, но въ настоящее время оно само заботится о своемъ продовольствіи, и каждый изъ его членовъ, въ составъ которыхъ входитъ двѣнадцать человѣкъ, за исключеніемъ пятнадцати казаковъ, ежемѣсячно выдаетъ небольшую сумму на столъ. Зданіе посольства, выстроенное по образцу китайской архитектуры, довольно роскошно убрано внутри, меблировано по-европейски, и отопляется во всѣхъ комнатахъ снизу.

Надо замѣтить, что зима въ Пекинѣ, не смотря на то, что онъ лежитъ подъ одною широтою съ Италіей и Испаніей, бываетъ также сурова какъ и въ Россіи; потому въ домѣ посольства принуждены были вставить двойныя рамы. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобъ при той смертельной скукѣ и отвращеніи ко всему, которое овладѣваетъ европейцемъ, попавшимъ въ Пекинъ, наши посланники не рвались бы оттуда всей душой въ какое нибудь другое мѣсто. Даже русскіе, которые знаютъ отлично китайскій языкъ, погибаютъ тамъ съ тоски, не смотря на то, что ихъ окружаютъ почетъ и уваженіе; что же будетъ съ представителями нашей націи, которые рѣшили брать все съ бою и поставили себя въ такое враждебное отношеніе съ этимъ народомъ? Русскіе, путемъ дипломатіи, водворились въ Китаѣ около уже двухъ столѣтій, и получили своихъ албазинскихъ плѣнниковъ, испросивши въ то же время позволеніе основать въ Пекинѣ коллегію, подъ тѣмъ предлогомъ, будто русское правительство

не желаетъ чтобъ его подданные забывали свой языкъ и вѣроисповѣданіе. Это и есть та знаменитая коллегія, которая впослѣдствіи была обращена въ монастырь, а въ настоящее время служитъ мѣстопребываніемъ посольства. Устройство этого заведенія и продолжительность его существованія не стоили ни одной капли крови, и доказываютъ искусную политику русскихъ. И при всемъ томъ, даже эти тончайшіе дипломаты, уже столько времени поселившіеся въ Китаѣ и не дѣлавшіе никому ни малѣйшаго зла, жили тутъ, еще три года тому назадъ, какъ настоящіе плѣнники. Какимъ же образомъ, мы, слывущіе въ Китаѣ за разбойниковъ, можемъ надѣяться на тѣ дружескія, мирныя и довѣрчивыя отношенія, которыя должны бы быть первымъ условіемъ и результатомъ всякаго мирнаго договора? Представляю моралисту обширное поле для философствованія и размышленія по этому поводу.

Приближалось 22-е марта, день назначенный для моего отъѣзда, и я старался насколько возможно пополнить мои свѣдѣнія относительно этого края, въ который я не думалъ болѣе вернуться. Мнѣ посчастливилось передъ отъѣздомъ увидѣть корейцевъ, народъ очень малоизвѣстный, — прибывшій сюда заплатить императору ежегодную подать. Корейцы имѣютъ совершенно татарскій типъ; тѣ же усы, та же воинственная поступь и тотъ же бронзовый цвѣтъ лица; физіономія вообще честная и добродушная. Они возятъ въ Пекинъ бумагу, опахала, постилки, коленкоръ, табакъ, истертый въ порошокъ, и мѣха. Корейцы, какъ и монголы, ненавидятъ китайцевъ.

Вотъ подробный отчетъ общихъ впечатлѣній произведенныхъ на меня Пекиномъ; быть можетъ, это впечатлѣнія чисто личныя, но я именно потому ихъ и высказываю, что они могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на столь обширный предметъ для изслѣдованія. Чтобъ извлечь искру изъ кремня, надо ударить по немъ нѣсколько разъ; точно также, чтобъ получить о чемъ нибудь настоящее понятіе, надо выслушать тысячу противуположныхъ мнѣній и сравнить ихъ между собою. Отъ всей души желаю, чтобъ тѣ, которые въ настоящее время остаются, по обязанностямъ службы, въ этой громадной темницѣ, могли бы выйдти изъ нея не такимъ насильственнымъ образомъ какъ я, и не съ такой мрачной перспективой впереди, какая имѣлась у меня въ виду.

Въ самомъ дѣлѣ, отчаяніе мое доходило до крайнихъ предѣловъ. Мало того, что я проѣхалъ отъ Петербурга сухимъ путемъ 9000 верстъ и былъ выгнанъ, вопреки договорамъ, изъ Китая, мнѣ пред-

Дѣвственный лѣсъ на Амурѣ.

стояло еще ѣхать снова по тому же самому пути, о которомъ я не могъ вспомнить безъ трепета. Вотъ почему, вопреки голосу разсудка и отеческихъ наставленій г. Перовскаго, я не хотѣлъ вполнѣ покориться моему несчастію и началъ рыться въ библіотекѣ посольства, отъискивая подробную топографію тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя проходитъ Большая Стѣна. У меня въ головѣ вертѣлся безумный и смѣлый планъ: идя вдоль по ея вершинѣ достигнуть моря, гдѣ я надѣялся сѣсть въ какую нибудь джонку. 21-го марта, я, все еще грустный, хотя нѣсколько утѣшенный придуманнымъ мною планомъ, приготовлялся къ отъѣзду, назначенному на другой день, вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ Лавровымъ, котораго посылали въ Россію.

Въ случаѣ, еслибъ мой планъ побѣга не удался, я позаботился купить въ Пекинѣ фіакръ на самыхъ крѣпкихъ колесахъ, которыя только могъ найдти, и заплатилъ за него всего восемдесять франковъ.

Наконецъ роковой день насталъ. Утро 22-го марта, холодное и ясное, было лучезарно, какъ будто готовилось къ какому нибудь празднику. Министръ и члены посольства присутствовали за нашимъ завтракомъ, который далеко не отличался умѣренностью и въ сильной степени способствовалъ мнѣ вынести обрушившіяся на меня вскорѣ невзгоды; затѣмъ мы всѣ собрались на дворѣ. Тутъ г. Перовскій распростился съ нами самымъ дружескимъ образомъ, и я, въ довольно мрачномъ расположеніи духа, отправился въ путь вмѣстѣ съ Лавровымъ и нѣсколькими членами посольства; всѣ казаки сопровождали насъ верхомъ. Такимъ образомъ, я покидалъ вѣроятно навсегда этотъ городъ, который едва успѣлъ разсмотрѣть. Мы медленно двинулись по широкимъ улицамъ, уже кипѣвшимъ народомъ и облитымъ солнцемъ, лучи котораго ярко отражались на сабляхъ и мундирахъ казаковъ; затѣмъ, выѣхавъ изъ тѣхъ же самыхъ воротъ, въ которыя въѣхали, мы свернули налѣво къ русскому кладбищу, ознаменованному впослѣдствіи очень грустными воспоминаніями. Думали ли мы тогда, когда разсѣянно читали эти надгробныя надписи на могилахъ юношей и стариковъ, что кладбище это такъ скоро наполнится новыми жертвами. Холодный сѣверный вѣтеръ зашелестилъ молодыми почками на деревьяхъ, и шелестъ этотъ какъ будто послужилъ намъ сигналомъ къ разставанью. Мы молча обнялись и, повторивъ другъ другу тысячу разъ «прости», слово, столь часто повторяемое путешественниками, разъѣхались въ разныя стороны. Я, съ моимъ спутникомъ, отправился по дорогѣ въ

Монголію; а наши провожатые,—исчезли отъ насъ въ облакахъ пыли по направленію къ Пекину.

Путешествіе наше началось очень неудачно, потому что провожавшій насъ китаецъ, не зная дороги, сбился съ нея, и мы проплутали въ продолженіе восьми часовъ по извилинамъ рѣчекъ и каналовъ, окружающихъ Пекинъ съ сѣверной стороны. Было уже поздно, когда мы пріѣхали въ какой-то городокъ, отстоящій отъ мѣста нашего отправленія всего верстъ на семь. Здѣсь мы опять собрались всѣ вмѣстѣ: тотъ же божко, одѣтый за-ново съ головы до ногъ, тотъ же Тусулакчи и Цайсенъ, и, кромѣ того, два казака, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заботиться о нашемъ багажѣ и имѣлъ право везти его по какой угодно дорогѣ, съ тѣмъ чтобы доставить его непремѣнно въ Кяхту ко дню нашего прибытія. На другой день утромъ съ экипажей сняли колеса, и мы стали подниматься вверхъ по ущелью Большой Стѣны.

Тутъ я предался грустнымъ размышленіямъ и дошелъ наконецъ до того, что, какъ христіанинъ и добрый сынъ, не имѣю права подвергать свою жизнь опасности, упорствуя въ моемъ трудномъ предпріятіи. По правдѣ сказать, меня болѣе всего побудило къ этому рѣшенію то, что провизія, взятая мною изъ Пекина, не могла выдержать сильныхъ жаровъ на границѣ Китая и должна была неминуемо испортиться. Въ виду такой ужасной голодной смерти, я философски рѣшился возвратиться въ Монголію и переступилъ за границу Большой Стѣны, вполнѣ покорившись своей участи.

Я думаю уволить читателя отъ описанія подробностей нашего возвращенія въ Кяхту, куда мы довольно благополучно прибыли на девятнадцатый день, и ограничусь лишь тѣмъ, что упомяну о самыхъ крупныхъ событіяхъ.

Только что мы миновали Большую Стѣну, какъ начался ураганъ, поднявшій цѣлыя горы песку, который до крови изрѣзалъ намъ губы. На другой день начался такой холодъ, что я не шутя сталъ бояться отморозить себѣ руки, которыми все время принужденъ былъ поднимать и держать на поводьяхъ несчастныхъ лошадей, которыхъ намъ приходилось почти загнать до полусмерти.

Въ Калганѣ мы истребили неудобоворимый китайскій ужинъ, и такъ какъ хозяинъ гостинницы, въ нашъ первый проѣздъ, содралъ съ насъ ужасную цѣну за тотъ знаменитый завтракъ, отъ котораго мы чуть было не отправились на тотъ свѣтъ, то мы и сочли своимъ долгомъ не заплатить ему на этотъ разъ ни копѣйки. На четвертый

день мы прибыли въ Монголію, гдѣ, къ величайшему нашему удовольствію, провели спокойно ночь въ юртѣ. Затѣмъ снова потянулись, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, пустынныя песчаныя равнины утомительнаго однообразія. Мы добросовѣстно преодолѣвали всѣ трудности и подвигались впередъ; однажды мы сдѣлали болѣе полутораста верстъ въ сутки, и наши проводники во все это время почти не сходили съ лошадей. Казакъ еще казался нѣсколько утомленнымъ, но Тусулакчи, какъ ни въ чемъ не бывало, явился къ намъ вечеромъ и, по обыкновенію, болталъ и смѣялся у разведеннаго огня.

Что касается до меня, то я увѣренъ, что безъ моей маленькой драгоцѣнной каретки, которую мчала, съ быстротою вѣтра, четверка добрыхъ лошадей, я навсегда бы остался въ этихъ ужасныхъ пустыняхъ. Правда, что и тутъ путешествіе не обошлось мнѣ даромъ. Экипажъ мой то и дѣло опрокидывался, и я не знаю какъ уцѣлѣли у меня кости; но все, что было со мною, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило съ казакомъ, когда я сажалъ его въ свой экипажъ. Иногда, когда мнѣ казалось, что онъ очень утомленъ, я уступалъ ему свое мѣсто, а самъ садился на лошадь и ѣхалъ нѣсколько времени верхомъ. Но лишь только казакъ располагался въ каретѣ, какъ неизвѣстно почему (можетъ быть онъ засыпалъ тамъ или забывалъ кричать монгольскимъ вожатымъ слово «Ayar! (тише!), только всегда черезъ нѣсколько минутъ раздавался страшный трескъ и мой казакъ вылеталъ изъ экипажа, описывая ногами отчаянные круги по воздуху. Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшился никогда болѣе не входить въ карету, въ томъ убѣжденіи, что она, должно быть, не взлюбила его.

Верстахъ въ тридцати отъ Урги, съ нами случилось происшествіе или, лучше сказать, странный феноменъ, задержавшій насъ часовъ пятнадцать въ дорогѣ. Поутру было очень жарко, и монголы, несмотря на тишину воздуха и чистоту атмосферы, всѣ безъ исключенія, утверждали что будетъ «пурга (гроза). Признаться сказать, я ничему не вѣрилъ до той минуты, пока внезапно не налетѣлъ страшный порывъ вѣтра, въ одну минуту понизившій температуру на пятнадцать градусовъ. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ произошла страшная перемѣна погоды. Повалилъ снѣгъ густыми хлопьями и среди бѣлаго дня настала ночь; моя тѣлежка, которую бросало вѣтромъ изъ стороны въ сторону, отстала отъ Лаврова, и была похожа на погибающій въ волнахъ корабль. Не видно было ни малѣйшаго слѣда дороги; снѣгъ совсѣмъ залѣплялъ глаза и, какъ бѣшеный, метался во всѣ стороны. Буря была такъ сильна, что даже въ Пата-

гоніи, гдѣ мнѣ случилось пробыть около мѣсяца въ самое ненастное время, вѣтеръ не такъ сильно свирѣпствовалъ; и еслибъ я ѣхалъ верхомъ, то меня навѣрно сшибло бы съ лошади. Мнѣ совсѣмъ не нужно было понукать монголовъ, потому что они и безъ того самымъ добросовѣстнымъ образомъ боролись съ ураганомъ, снѣгомъ, лошадьми и экипажемъ. Съ такими людьми мнѣ нечего было бояться, и я безмолвно лежалъ подъ грудой снѣга дрожа отъ холода, какъ вдругъ, послѣ часовой ѣзды, передо мной мелькнула, сквозь густую пелену снѣга, нѣсколько маленькихъ юртъ, къ которымъ монголы подвезли меня съ криками восторга. Несмотря на этотъ счастливый исходъ, меня сильно тревожила участь моего пропавшаго товарища, котораго я совершенно потерялъ изъ виду уже нѣсколько часовъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ, напавши вмѣстѣ съ своими людьми на нашъ слѣдъ. Тутъ мы принуждены были отказаться на время отъ дальнѣйшаго путешествія, потому что буря къ вечеру разыгралась еще сильнѣе, и мы принуждены были, изъ опасенія чтобъ нашу юрту не снесло, привязать ее къ другимъ юртамъ, съ которыхъ сняли всѣ войлочныя покрышки, чтобъ ихъ не унесло вѣтромъ. Страшенъ вой морскихъ бурь, еще страшнѣе тифоны китайскихъ морей, но могу увѣрить читателя, что ничто не можетъ сравниться съ ужасомъ бушевавшей мятели, которая, казалось, потрясала землю въ ея основаніи. Въ теченіе ночи насъ такъ завалило снѣгомъ, что невозможно было отворить двери, и только этому обстоятельству обязаны мы своимъ спасеніемъ, потому что иначе насъ бы унесло вѣтромъ какъ былинки. Сначала я думалъ что вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-запада, но потомъ убѣдился, что онъ вертитъ со всѣхъ сторонъ, и что это настоящій циклонъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ юрты образовались ровныя стѣны изъ снѣгу.

Вслѣдствіе этаго происшествія, мы имѣли еще разъ случай убѣдиться въ преданности и мужествѣ монголовъ. Въ эту ужасную ночь намъ не хватило топлива; старикъ монголъ не задумался отправиться за нимъ въ девять часовъ вечера, верстъ за пять отъ мѣста, не взирая на страшную непогоду и такую темь, что въ двадцати шагахъ отъ юрты, казалось, можно было сбиться съ дороги. Прошло часа два какъ онъ уѣхалъ, и когда мы, не имѣя о немъ извѣстій, обратились къ монголамъ съ вопросомъ, что съ нимъ теперь, то они отвѣчали съ ребяческой наивностью:—«Да ужъ должно быть умеръ!» Однакожъ онъ возвратился благополучно изъ первой экспедиціи и также успѣшно съѣздилъ и во второй разъ.

На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ и снѣгъ немного растаялъ; мнѣ удалось отворить дверь и посмотрѣть на картину восходящаго солнца надъ этой необозримой снѣжной равниной; но каково было мое изумленіе, когда я замѣтилъ возлѣ юрты большой утесъ почти достигавшій ея верхушки,—утесъ, котораго вчера еще не существовало! Я въ страхѣ подошелъ посмотрѣть что это такое, и началъ-было раскапывать снѣгъ, но вдругъ остановился при видѣ двухъ полусонныхъ глазъ, глядѣвшихъ на меня изъ снѣжной глубины. Тутъ я не могъ удержаться отъ смѣха, потому что узналъ въ мнимомъ утесѣ верблюда, который преспокойно проспалъ всю ночь подъ этой тяжелой глыбой снѣга.

На шестнадцатый день мы прибыли въ Ургу, гдѣ были встрѣчены тѣми же самыми солдатами, какъ и при выѣздѣ оттуда, которые радушно привѣтствовали насъ. Амбань очень желалъ, чтобъ мы были съ нимъ на дружеской ногѣ, но мы совершенно отклонились отъ этого, желая дать ему понять наше неудовольствіе на всѣ его продѣлки.

Неутомимый пластырь хотѣлъ непремѣнно встрѣчать и провожать насъ, но мы посовѣтовали ему остаться дома; и, съ сожалѣніемъ отпустивъ вѣрнаго Тусулакчи, выѣхали на другой день изъ Урги. Уже восемь дней какъ мы потеряли всякій слѣдъ божко; можетъ быть, несчастный остался въ пустынѣ или попалъ въ тюрьму, а можетъ быть, подобно Еноху, восхищенъ на небо посреди всей этой небесной и земной сумятицы.

Между тѣмъ намъ самимъ предстояло снова подвергнуться такой же напасти, какую мы уже испытали; но на этотъ разъ приходилось вести дѣло съ пескомъ, а не съ снѣгомъ. За три станціи до Сибири, когда мы только и думали о пріѣздѣ въ Кяхту, слѣдовательно и въ Европу, насъ снова и совершенно внезапно застигъ страшнѣйшій песчаный ураганъ. Мы принуждены были остановиться, опасаясь въ противномъ случаѣ быть совершенно засыпанными пескомъ, ослѣплявшимъ насъ. Песокъ взрывало вѣтромъ и поднимало на такую высоту, съ которой онъ падалъ на насъ какъ проливной дождь, такъ что мы порядкомъ его наглотались... По счастью, ураганъ продолжался недолго и прекратился совершенно внезапно. На другой день, не въ силахъ сдержать свое нетерпѣніе, я уже скакалъ во всю прыть по дорогѣ къ Кяхтѣ, оставивъ своихъ дорожныхъ спутниковъ назади, и голова моя горѣла, сердце билось и самыя восторженныя чувства наполняли душу.

Когда я выѣхалъ изъ лѣсу и увидѣлъ, за границей песчаныхъ равнинъ, высокую колокольню Кяхты съ крестомъ наверху, мнѣ почудилось, что это Ламаншскій маякъ, въ лицѣ котораго я привѣтствовалъ всю Европу, бросивъ шляпу вверхъ и крича восторженное ура! Надѣюсь, что мое волненіе понятно читателю и не требуетъ объясненій.

И такъ мы совершили путешествіе изъ Пекина въ Кяхту въ девятнадцать дней, а майоръ М*** сдѣлалъ тотъ же переѣздъ въ двѣнадцать. Это значитъ, что изъ Кяхты до Омска въ Сибири, откуда идетъ телеграфное сообщеніе со всѣми европейскими государствами, приблизительно можно достичь сухимъ путемъ въ недѣлю, а моремъ въ восемь недѣль. Монгольская почта переправляется черезъ пустыню на верблюдахъ, но по этому способу газета «*Journal de S. Petersbourg* получается въ Пекинѣ только черезъ два мѣсяца, а въ Иркутскѣ, въ виду Китая, журналы приходятъ гораздо скорѣе, такъ что можно имѣть № Siecle черезъ три недѣли по выходѣ его въ свѣтъ.

Не могу ничѣмъ инымъ закончить это описаніе путешествія по степямъ, какъ цитатою со словъ Тимковскаго, который путешествовалъ только четыре мѣсяца и притомъ въ жаркое время года: «Ничего не можетъ быть ужаснѣе, утомительнѣе и гибельнѣе для здоровья, говоритъ онъ, какъ путешествіе сухимъ путемъ по Китайскимъ степямъ».

ГЛАВА XII.

Пребываніе и праздники въ Кяхтѣ. — Забайкалье. — Нерчинскъ и ссыльные въ Сибири. — Наше отплытіе въ Срѣтенскъ. — Пріѣздъ въ Устъ-Стрѣлку.

Два раза уже проходили мы съ читателемъ мрачныя пустыни Монголіи, и теперь я почти также радуюсь за него, какъ за самаго себя, что мы можемъ наконецъ покинуть навсегда эту азіатскую Сахару и Татарскія горы, и спуститься внизъ по Амуру на его цвѣтущіе берега съ величественными лѣсами и отдаленными вершинами снѣжныхъ пиковъ. Съ отраднымъ чувствомъ покидаю я эти языческія страны, и уже отвсюду блеститъ мнѣ утѣшительный символъ христіанства.

Г-на Зеновича, который насъ такъ отлично принималъ въ Кяхтѣ, перевели въ Троицко-Савскъ, а на мѣсто его поступилъ г. Карповъ. Хотя я почти не зналъ послѣдняго, но лишь только сказалъ ему, что пробуду въ Кяхтѣ около мѣсяца, какъ онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ остановиться у него.

Не хочу называть по имени тѣхъ лицъ, которыя, въ продолженіе моего пятинедѣльнаго пребыванія въ Кяхтѣ, принимали меня съ необыкновеннымъ радушіемъ и почти царскимъ гостепріимствомъ. Особенно я сошелся въ Кяхтѣ съ однимъ изгнанникомъ изъ католиковъ, который изъ скромности не желаетъ быть названнымъ, и у него-то мнѣ посчастливилось познакомиться, хотя не надолго, съ однимъ католическимъ польскимъ священникомъ, объѣзжавшимъ на Амурѣ свой приходъ, который былъ пространнѣе цѣлой Франціи. Такъ какъ путь мой лежалъ въ ту же сторону, то я хотѣлъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ, но, опасаясь помѣшать его рвенію, остался въ Кяхтѣ, а пріятель мой Лавровъ отправился по дорогѣ въ Петер-

бургъ, надѣясь еще переправиться по зимнему пути по Байкалу, что было довольно сомнительно.

Въ это время генералъ Муравьевъ собирался ѣхать на Амуръ и въ Японію, но такъ какъ Кяхта была ему не по дорогѣ, то я не надѣялся увидать его, притомъ мнѣ было оказано уже столько милостей, что мнѣ совѣстно было обращаться къ нему еще съ просьбою. Но по особенно-счастливой случайности онъ заѣхалъ въ Кяхту и пробылъ тамъ недѣли двѣ, въ продолженіе которыхъ китайцы и русскіе наперерывъ другъ передъ другомъ задавали ему пиры, балы, обѣды и фейерверки. Въ тоже время пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ Игнатьевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Бухару и еще болѣе прославившійся вслѣдствіе важныхъ порученій, которыя ему не переставали давать съ тѣхъ поръ. Съ нимъ вмѣстѣ прибылъ мой пріятель графъ де С.-При, оставленный мною съ полгода тому назадъ въ Москвѣ и который намѣревался проѣхать отсюда въ Пекинъ. И такъ у насъ было много предметовъ увеселенія и развлеченія, не считая гимнастики, изобрѣтенной Боткинымъ, котораго я зналъ въ Парижѣ. Тамъ, въ одномъ прелестномъ оазисѣ, носившемъ названіе фонтана, мы каждый день давали даровыя гимнастическія представленія и часто дѣлали такія удивительныя штуки, что дамы принуждены были прибѣгать къ флаконамъ съ одеколономъ, крича нервными голосами «довольно! перестаньте»!

Я пользовался иногда также музыкой, и въ самой глуши Сибири наслаждался звуками *Carnaval de Venise*, Шульгофа; узнавъ, что я самъ немного играю на віолончели, мои знакомые позаботились достать мнѣ этотъ инструментъ, но, къ несчастію, смычокъ истерся, а самъ инструментъ, разстроившись вслѣдствіе суроваго климата, навсегда потерялъ способность издавать звуки.

Наконецъ, 13 мая, графъ Муравьевъ-Амурскій послалъ нарочно за мною и, разспросивъ о моихъ намѣреніяхъ, съ свойственнымъ ему великодушіемъ, предложилъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Въ тотъ же день мы отправились въ Устъ-Кяхту, отстоящую въ тридцати верстахъ отъ Кяхты; тамъ я присутствовалъ на роскошномъ прощальномъ обѣдѣ, данномъ купцами этого города въ честь Муравьева. Это было послѣднее пиршество, закончившее цѣлый рядъ гомерическихъ обѣдовъ, которыми насъ угощали въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Послѣ обѣда началось прощаніе. По русскому обычаю, всѣ въ молчаніи усѣлись кругомъ, затѣмъ всѣ вдругъ встали, и генералъ началъ прощаться. Прощанье было грустное, но короткое, потому что

всѣ три экипажа были готовы и рьяныя лошади нетерпѣливо рыли копытами землю. Усѣвшись въ коляску, замѣнившую мой прежній тарантасъ, я въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ радушную толпу, собравшуюся у экипажа, и особенно горячо простился съ моими друзьями, Карповымъ и Зеновичемъ; затѣмъ я снова умчался въ Азіатскія степи, полный разнообразныхъ впечатлѣній этой бродячей, какъ комета, жизни, въ которой было столько прелести и, порою, столько страданья!

Черезъ три дня отовсюду показалась растительность; горы, на глазахъ, покрывались яркой изумрудной зеленью; вездѣ журчали водопады, и солнце сѣло такое же пламенно-яркое какъ подъ тропиками. Сибирь сдѣлалась неузнаваема.

Генералъ Игнатьевъ, провожавшій насъ до второй станціи, уѣхалъ вечеромъ, а мы продолжали свой путь ночью; генералъ Муравьевъ въ коляскѣ съ своимъ секретаремъ, а я—въ другой съ однимъ изъ членовъ его свиты. Я проснулся на другой день въ своемъ экипажѣ на паромѣ, который тянули буряты, эти отвратительныя созданья, о которыхъ я уже упоминалъ. Несмотря на то, что эти люди обрусѣли, они сохранили горячую любовь къ своимъ юртамъ и свой грубый языкъ. Вскорѣ мы прибыли въ Селенгинскъ, туда, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ртуть въ моемъ термометрѣ начинала замерзать, а теперь вся здѣшняя мѣстность цвѣла какъ роскошный паркъ, такъ что я ничего не могъ узнать.

На слѣдующій день со мной случилось маленькое происшествіе, которое я позволю себѣ разсказать, пользуясь привиллегіей путешественниковъ говорить о себѣ что угодно, хотя бы разсказы ихъ не имѣли въ себѣ ничего особенно интереснаго или доблестнаго. На меня напала и страшно искусала превосходная собака, найденная генераломъ Муравьевымъ при устьѣ Амура. Надо сказать, что это животное отличалась неблагодарностью и свирѣпостью, такъ что самъ Муравьевъ едва осмѣливался подходить къ нему. Она была вся черная, какъ водолазъ, но нѣсколько меньше ростомъ; глаза ея пылали; она никогда не лаяла, а только рычала. Характеръ ея отличался такой необыкновенной мизантропіей, что она никогда никому не выказывала привязанности. Я потому и упоминаю объ ея нападеніи, чтобъ обратить вниманіе науки на такой странный характеръ животнаго; по счастью, ея укушеніе не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ того, что я на нѣсколько секундъ потерялъ сознаніе.

Все 15 мая снѣгъ и вѣтеръ не прекращались; вечеромъ мы прі-

ѣхали въ Верхне-Удинскъ, гдѣ переночевали, и на другой день, вступивъ въ Забайкалье, направились на востокъ. Эта провинція обязана вѣроятно своею славою золотымъ, серебрянымъ и свинцовымъ прінскамъ, потому что земледѣліе тамъ находится еще въ младенческомъ состояніи. Что касается до золота, разработка котораго предоставлена частнымъ лицамъ, то его добываютъ иногда до трехъ тысячъ килограммовъ въ годъ.

Замѣчательно, что въ этой чрезвычайно холодной странѣ живутъ пять тысячъ верблюдовъ, пользующіеся самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ. Меня болѣе всего поразили три вещи: отличная дорога, быстрота ѣзды и красота женщинъ. (Конечно впечатлѣнія мои ложились на душу въ иномъ порядкѣ, чѣмъ здѣсь написано.) Дорога, гладкая и бѣлая какъ мраморъ, звучала подъ ногами нашихъ лошадей, запряженныхъ шестеркой въ рядъ, которыя несли насъ съ быстротою вѣтра, и я замѣтилъ по часамъ, что мы дѣлаемъ около 25 верстъ въ часъ. Станціи смѣнялись одна другою, и мы едва успѣвали выкуривать сигару въ этихъ новенькихъ избахъ, гдѣ русскій крестьянинъ нашелъ себѣ пріютъ и убѣжище. На стѣнахъ висѣли картины изъ англійскихъ и французскихъ иллюстрацій, повѣствуя жителямъ этой громадной имперіи, на самомъ отдаленномъ краю свѣта, о славныхъ подвигахъ героевъ Севастополя, павшихъ на полѣ брани. Впрочемъ, и сами эти крестьяне не менѣе знамениты, потому что родъ ихъ идетъ отъ тѣхъ казаковъ, которые, почти по кускамъ, вырвали изъ рукъ китайцевъ половину Азіи. Это очень красивое племя, среди котораго можно встрѣтить такіе типы, которые, казалось, могли создаться только въ воображеніи Рафаэля. Небесно-голубые глаза съ выраженіемъ ангельской кротости, скромный видъ и долго продолжающаяся юность—вотъ что на каждомъ шагу поражаетъ въ Забайкальѣ.

Между тѣмъ природа одѣлась въ свои роскошныя убранства. Горы «Яблонныя», къ которымъ мы подвигались, правда, не представляли той грандіозной панорамы, какую представляютъ высочайшія горныя цѣпи, но нигдѣ я не видалъ такой роскошной растительности. Онѣ, подобно Уралу, закругляются и постепенно опускаются книзу. По нимъ растутъ дикія фіалки и ирисы, густыя непроницаемыя кущи рододендроновъ Даурін покрываютъ ихъ пурпурной мантіей, дикіе персики и ренонкулы попадаются въ изобиліи. Тутъ же видны высокіе сибирскіе кедры съ поваливш имися стволами, которые, въ разливъ, уносятся въ арктическія моря, и тамъ, подхваченные дру-

гимъ теченіемъ, они достигаютъ Бафинова моря, гдѣ ихъ жгутъ на топливо кочующіе народы. Все что есть красиваго и изящнаго въ мірѣ растеній, покрываетъ эту дѣвственную почву, дающую притомъ богатую жатву.

17-го числа мы проѣзжали мимо обольшаго озера, еще покрытаго снѣгомъ и льдомъ; а ночью, поднявшись по одному ущелью, почти въ двѣ версты вышиною, спустились къ большому бассейну Амура, и утромъ прибыли въ городъ Читу. Весь слѣдующій день мы то поднимались, то опускались по склонамъ горъ, и, несмотря на то что у нашихъ лошадей ноги были твердыя какъ желѣзо, мы нѣсколько разъ выпрягали ихъ, чтобы не уморить на мѣстѣ: 19-го числа мы остановились у береговъ Нерчи, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Шилку. Я никогда не видывалъ такихъ прозрачныхъ водъ какъ въ рѣкахъ Сибири; въ этомъ отношеніи онѣ напоминаютъ наши горные источники. Самыя большія рѣки въ Сибири имѣютъ, по большей части, спокойное теченіе и несутъ къ морю огромныя массы воды, съ которыми можетъ сравниться развѣ только рѣка С. Лаврентія. Рѣки отличаются необыкновенною шириною и глубиною; въ нихъ нѣтъ водоворотовъ и очень мало стремнинъ, однимъ словомъ, все казалось бы способствовало къ содѣланію этихъ рѣкъ самыми величавыми и полезными, еслибъ не вѣчная зима, которая почти постоянно оковываетъ ихъ льдами.

Даже самъ Амуръ, вопреки тому, что о немъ повѣтствуютъ географы, и вопреки тѣмъ широтамъ, подъ которыми находится, тоже на шесть мѣсяцевъ покрывается льдомъ и, кромѣ того, часто страдаетъ мелководьемъ. Не смотря на все это, глазъ путешественника почти ежеминутно находится подъ вліяніемъ какого-то очарованія: я ставлю Амуръ несравненно выше Св. Лаврентія, съ которою онъ имѣетъ болѣе всего географическаго сходства. Вообще, сравнивая растительность Канады и восточной Сибири, положеніе озера Байкала и Канадскихъ озеръ, одинаковое теченіе двухъ величайшихъ рѣкъ и даже самый климатъ, который, впрочемъ, въ Сибири еще суровѣе, находимъ поразительное сходство между этими двумя противуположными частями свѣта.

Мы переѣхали на паромѣ черезъ Нерчу, имѣющую около трехсотъ сажень ширины. Погода была великолѣпная, и мы отправились пѣшкомъ вдоль берега по зеленой лужайкѣ въ Нерчинскъ, живописная церковь котораго рисовалась намъ съ правой стороны. Этотъ небольшой городокъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Во-пер-

выхъ потому, что онъ далъ свое имя знаменитому договору 1689 г., которымъ русскіе передавали свои права, на Амурѣ, китайцамъ, вслѣдствіе переговоровъ двухъ іезуитовъ, Гербильона и Перейры, нарочно съ этою цѣлью высланныхъ пекинскимъ дворомъ, при которомъ они пользовались всевозможнымъ почетомъ. О. Гербильонъ оставилъ даже очень интересное описаніе своего путешествія; но его сочиненіе подверглось такому глубокому забвенію, что этотъ примѣръ долженъ бы отучить и болѣе знаменитыхъ авторовъ отъ изданія подобнаго рода книгъ. Нерчинскъ извѣстенъ также своими золотыми, серебряными и антимоніевыми рудами; къ сожалѣнію, онѣ находятся въ такомъ далекомъ разстояніи отъ города, что я не могъ ихъ осмотрѣть. Сверхъ того, Нерчинскъ служитъ мѣстомъ ссылки для величайшихъ преступниковъ, которыхъ высылаютъ сюда изъ Москвы, въ цѣпяхъ, пѣшкомъ, или въ простыхъ саняхъ, и тутъ заставляютъ ихъ работать въ подземныхъ рудникахъ, гдѣ они искупаютъ свои преступленія, за которыя, во всякомъ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, они были бы осуждены на смерть. Возможно ли считать подобную ссылку хуже смерти? Если вѣрить компетентнымъ лицамъ, у которыхъ я спрашивалъ объ ихъ положеніи, то изгнанники пользуются свободой по праздникамъ, никогда не проводятъ двухъ дней сряду въ подземныхъ рудникахъ и всегда ночуютъ на поверхности земли. Въ такомъ случаѣ участь ихъ гораздо завиднѣе участи многихъ честныхъ англійскихъ рабочихъ, трудящихся въ рудникахъ. Каждый ссыльный каторжникъ можетъ современемъ сдѣлаться свободнымъ поселенцемъ, если будетъ вести себя безукоризненно. Даже величайшіе преступники, и между ними одинъ, весьма извѣстный, сосланный за убійство сотни человѣкъ, дѣлались впослѣдствіи честнѣйшими людьми и пріобрѣтали всеобщее уваженіе. Одного только они лишены навсегда: это возможности возвратиться на родину.

Что касается политическихъ и другихъ ссыльныхъ, которыхъ простой народъ окрестилъ симпатичнымъ названіемъ «несчастныхъ», то это другой вопросъ, и я не берусь рѣшать его. Но позволю себѣ думать, что если иногда и бываетъ не вполнѣ правильное присужденіе къ ссылкѣ въ Сибирь, то все не въ такой степени, какъ привыкли объ этомъ думать. Тѣмъ, которыхъ ссылаютъ на каторжную работу, стараются облегчить ссылку, и при первомъ манифестѣ, позволяютъ возвратиться къ ихъ семейному очагу.

Въ пользованіе каждаго изгнанника представляется пятнадцать десятинъ земли, выдается лѣсъ на постройку жилья и годовой запасъ

провизіи. Притомъ, собственно говоря, ссылка въ Сибирь никого не лишаетъ дворянскаго званія, кромѣ тѣхъ, которые заслужили этого еще прежде.

Тотъ, кто желалъ бы добраться до истины, относительно этого темнаго и грустнаго вопроса, долженъ понять, что мы слишкомъ издалека смотримъ на всѣ эти вещи, чтобъ судить объ ихъ настоящемъ значеніи, и потому легко можемъ ошибиться и принять исключенія за общее правило.

Но вернемся къ Нерчинску. Городъ этотъ возвышается на триста сажень надъ уровнемъ моря и занимаетъ такую восточную долготу, при которой пользуется чрезвычайно суровымъ климатомъ, не смотря на то что широта его равняется лондонской; средняя годовая температура —5°, а термометръ доходитъ иногда до 45° и лѣтомъ показываетъ 33° въ тѣни. Не смотря на такія рѣзкіе переходы, растительность въ Нерчинскѣ поражаетъ своей пышностью.

Нерчинскъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, находится на крайней границѣ пароходнаго движенія по Амуру; я говорю въ «настоящее время», потому что въ будущемъ предполагаютъ распространить его до Читы, другими словами на 3400 верстъ за море.

Городокъ этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ кончается главная вѣтвь большаго почтоваго тракта изъ С.-Петербурга въ Сибирь, идущаго на протяженіи семи тысячъ верстъ, разстояніе,— на проѣздъ котораго необходимо употребить не меньше недѣли даже при помощи пара. Еслибъ даже проектъ этой желѣзной дороги осуществился, то едва ли окупилось бы ея содержаніе; притомъ самое добываніе пара при такомъ чрезмѣрномъ холодѣ становится сомнительнымъ; но все это вопросы, которые за насъ рѣшитъ будущее. Я увѣренъ только въ одномъ, что истинно-страстные путешественники, не смотря на всѣ неудобства нынѣшняго пути, будутъ горько сожалѣть объ этой разудалой ухорской ѣздѣ въ русскихъ саняхъ, и что вслѣдствіе желѣзной дороги, переведется великолѣпная порода здѣшнихъ лошадей и еще одна страна утратитъ свой первобытный характеръ.

Не знаю, должно ли отнести къ прогрессу это непреодолимое желаніе сокращать пути и безпрестанно мѣнять мѣста, желаніе, ради котораго человѣкъ готовъ исказить саму природу и ея творенія. Хотя пути сообщенія и способствуютъ къ процвѣтанію торговли, но нельзя сказать, чтобъ они имѣли благотворное вліяніе на отношенія людей между собою. Легкость, съ которою можно все видѣть и вездѣ

побывать, не даетъ времени во что нибудь углубляться или изучать со вниманіемъ; самая любовь къ родинѣ, если при этой бродячей жизни можетъ существовать какая нибудь родина,—утрачивается. И вотъ, наконецъ, когда родъ человѣческій утомится этимъ вѣчнымъ блужданіемъ по разнымъ мѣстамъ; когда всѣ извѣстныя страны покажутся ему мелкими и ничтожными, и онъ захочетъ посмотрѣть на жизнь первобытныхъ народовъ, то отправится шумными толпами на дѣвственные берега Амура. Но, прежде чѣмъ эти цвѣтущіе берега успѣютъ обагриться кровью, Амуръ уже перестанетъ быть самимъ собою, и утратитъ навсегда поэтическое значеніе своего имени!

По счастью, желѣзныя дороги были еще неизвѣстны въ Нерчинскѣ въ то время какъ мы тамъ проѣзжали, и мы не могли даже достать почтовыхъ лошадей, чтобъ доѣхать до Срѣтенска, изъ котораго должны были отправиться по Шилкѣ водою. Чтобъ сдѣлать четыре станціи до мѣста, мы принуждены были взять лошадей у казаковъ, поселившихся колоніями и также въ качествѣ солдатъ, на огромномъ пространствѣ отъ Урала до Камчатки. Мы все время ѣхали по гористой мѣстности съ богатыми пастбищами, и къ вечеру прибыли въ Срѣтенскъ, уже блестѣвшій огоньками по ту сторону рѣки. Темнота нѣсколько затрудняла переправу нашу со всѣмъ багажемъ на паромѣ на другой берегъ; но мы зажгли факелы и, благодаря попутному теченію, переплыли благополучно. Тотчасъ по пріѣздѣ насъ встрѣтилъ съ распростертыми объятіями генералъ Корсаковъ, извѣстный своими путешествіями по Сибири, изъѣздившій на своемъ вѣку не менѣе ста тридцати тысячъ верстъ. Не смотря на свою бродячую жизнь, онъ не утратилъ русскаго гостепріимства и радушія и непремѣнно помѣстилъ бы насъ у себя, еслибъ только достало мѣста.

Первымъ моимъ дѣломъ на другое утро было искупаться въ водахъ Шилки, но я не могъ вынести ихъ чрезмѣрнаго холода и поспѣшно выскочилъ на берегъ. Не заходя домой, я отправился къ моимъ будущимъ попутчикамъ на Амуръ, между прочимъ къ черкесскому князю Дадешкиліани, которому поручено было, въ качествѣ главнаго адмирала, доставить насъ до пункта сліянія Шилки и Аргуни, впадающихъ въ Амуръ. Три оснащенныя и совершенно готовыя барки стояли у берега. Эти суда похожи на катеры: они имѣютъ 7 саженей въ длину и одну мачту съ парусомъ посрединѣ, вообще онѣ очень легки и снабжены палубою съ хорошенькимъ домикомъ *).

*) Въ настоящее время уже существуетъ, хотя крайне дурно устроенное и мало приносящее пользы краю, пароходство. *Прим. ред.*

21-го мая, при громкихъ крикахъ «ура», мы всѣмъ обществомъ сѣли въ эти барки и отчалили отъ шумнаго и оживленнаго берега Срѣтенска въ виду провожавшей насъ толпы народа. Гребцы наши, одѣтые въ красныя рубашки, дружно ударили веслами по водѣ и затянули безконечную сибирскую пѣсню, по временамъ отдыхая и предоставляя барку теченію воды. Тогда мимо насъ, по обоимъ берегамъ свѣтлой рѣки замелькали лѣсистые пригорки и зеленыя долины; затѣмъ мы обогнули небольшой холмъ, и Срѣтенскъ скрылся изъ нашихъ глазъ. До сихъ поръ Срѣтенскъ еще не пріобрѣлъ особенной извѣстности; но такъ какъ это пунктъ, въ который всегда могутъ приходить пароходы, то вѣроятно здѣсь современемъ воздвигнется городъ, гдѣ будутъ жить американцы. Здѣсь уже выстроены разные заводы и доки; одинъ изъ доковъ названъ Муравьевскимъ, и служитъ для починки судовъ.

Въ настоящее время, населеніе Срѣтенска состоитъ преимущественно изъ казаковъ и ихъ семействъ, которые обработываютъ землю и отличаются энергіей и умомъ, просвѣчивающими въ ихъ поступкахъ и въ ихъ умныхъ и честныхъ физіономіяхъ. Хотя казацкія лошади и малорослы, но могутъ служить для легкой кавалеріи и держать китайцевъ въ почтительномъ разстояніи. Я думаю, что въ Сибири находится въ настоящее время никакъ не менѣе пятидесяти тысячъ казаковъ, изъ которыхъ двадцать могутъ во всякое время поступить на службу.

Непрерывное водяное сообщеніе соединяло меня теперь съ Европой. Человѣку, который долго путешествовалъ по материку и испыталъ всевозможныя неудобства на этомъ пути, становится чрезвычайно отрадно плыть по широкой рѣкѣ въ уютной баркѣ. Я былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, и мнѣ оставалось только вспоминать о прошедшихъ несчастіяхъ, какъ вдругъ, войдя въ общую каюту, я съ ужасомъ замѣтилъ, что въ ней нѣтъ стола для обѣда.

Я зналъ что мы тащили на буксирѣ порядочный запасъ провизіи, состоявшей изъ цѣлыхъ стадъ овецъ и свиней, предчувствовавшихъ вѣроятно свою участь, потому что онѣ не переставали испускать жалобные стоны, но мнѣ пришло въ голову, что старый казакъ, присматривавшій за ними и не имѣвшій никакого понятія о плаваньѣ, легко можетъ потопить всѣхъ своихъ питомцевъ и подвергнуть насъ голодной смерти. Но скоро всѣ мои сомнѣнія разсѣялись. Обѣ лодки подошли съ обѣихъ сторонъ къ лодкѣ генерала Муравьева, бывшей гораздо больше и красивѣе нашихъ, и мы, полу-

чивъ отъ него приглашеніе войдти, тутъ же очутились у великолѣпно-сервированнаго стола, гдѣ я имѣлъ еще разъ случай убѣдиться въ широкомъ гостепріимствѣ нашего хозяина. Трапезу благословилъ архимандритъ Аввакумъ, тотъ самый, который впослѣдствіи святилъ въ Парижѣ русскую церковь, и, постоянно проживая въ Пекинѣ и Манджуріи, могъ быть хорошимъ переводчикомъ для генерала Муравьева. Только что мы сѣли за столъ, какъ началось ученое преніе по поводу необыкновеннаго аппетита путешественниковъ Пиренейскихъ горъ. Я поддержалъ эту репутацію, постоянно оказывая честь всѣмъ подаваемымъ блюдамъ, и каждый разъ, при моемъ появленіи, меня встрѣчали какой нибудь любезной шуткой. Что было бы со мною, въ этихъ отдаленныхъ и дикихъ странахъ, еслибъ меня постоянно не окружала самая нѣжная, почти отеческая заботливость русскихъ!

Послѣ обѣда, генералъ потчивалъ всѣхъ превосходными манильскими сигарами, доставленными ему морскимъ путемъ. Скользя по водѣ, въ нашихъ освѣщенныхъ баркахъ, мимо туманныхъ и суровыхъ лѣсовъ Дауріи, мы были похожи съ своими красными фонарями на движущіеся звѣзды, и вѣроятно дикіе береговые жители принимали насъ за какіе нибудь сверхъестественные призраки.

Эта первая ночь была такъ холодна, что на слѣдующее утро вода кругомъ барокъ замерзла, а вдали, у подошвы лѣсовъ, виднѣлись цѣлыя глыбы зимняго нерастаявшаго снѣга, вышиною почти въ ростъ человѣка. Въ оврагахъ и ущельяхъ горъ тоже лежалъ почти вѣчный снѣгъ, и въ такомъ огромномъ количествѣ, что представлялъ настоящіе ледники, скрытые въ зелени лиственницъ и рододенроновъ. Проѣхавъ мимо одного, теперь опустѣвшаго, мѣста, гдѣ прежде добывали золото, мы прибыли еще довольно рано въ какую-то мѣстность, живо напомнившую мнѣ Канаду, и называвшуюся Шилкинскимъ заводомъ. Это деревня, расположенная на лѣвомъ берегу рѣка; улицы ея широки и прямы, и деревянные дома выстроены на высокихъ сваяхъ для предохраненія ихъ отъ снѣжныхъ наносовъ. Здѣсь, нѣкоторые изъ офицеровъ, провожавшихъ насъ, распростились съ генераломъ и вышли на берегъ, а мы, облегченные отъ ихъ груза, понеслись еще быстрѣе по теченію Шилки. Къ несчастію, намъ ни разу не было попутнаго вѣтра, и, кромѣ того, мы должны были огибать извилины рѣки такъ, чтобы не попасть съ одной стороны въ стремнину, а съ другой не наскочить на песчаныя банки; лодки часто теряли изъ виду другъ друга, и иногда не сходились

даже къ обѣденному часу. Однако мы плыли день и ночь, и на третій день, по выѣздѣ изъ Срѣтенска, когда Шилка была уже шириною сажень въ триста и соотвѣтственной глубины, мы наконецъ имѣли счастье въ первый разъ увидѣть дымъ парохода, можетъ быть того самаго, который чрезъ мѣсяцъ доставитъ насъ снова въ Нерчинскъ. Въ ту же минуту, я бросился на палубу, чтобъ посмотрѣть на знаменитое сліяніе двухъ рѣкъ, образующихъ азіатскую Миссисипи; направо я увидѣлъ вытекающія изъ непроницаемыхъ лѣсовъ воды Аргуни, не столь чистыя какъ воды Шилки, и источники которыхъ, до сихъ поръ остававшіеся неизвѣстными, теперь открыты: они вытекаютъ не изъ озера Дала-Нура, какъ думали прежде, и соединяются съ послѣднимъ лишь во время разлива. Китай былъ еще разъ передо мною и снова плыли по водамъ Амура.

ГЛАВА XIII.

Отъѣздъ изъ Усть-Стрѣлки на пароходѣ. — Превратности этого плаванія. — Амуръ съ точки зрѣнія комерческой и живописной. — Городъ Албазинъ и его исторія.—Благовѣщенскъ.—Айгунъ. — Суровость климата. — Прекрасная панорама Хабаровки. — Уссури и отецъ Лабрюніеръ. — Сильное желаніе воротиться къ морю.—Прибытіе въ Николаевскъ.

Пароходъ, на которомъ мы должны были плыть до моря, носилъ названіе «Лены». Выстроенный въ Америкѣ, по плану пароходовъ, крейсирующихъ по верхнему Миссисипи, т. е. съ однимъ колесомъ назади, онъ былъ привезенъ по частямъ, на парусномъ суднѣ, въ Николаевскъ при устьѣ Амура, и тамъ собранъ и приведенъ въ дѣйствіе. Назначеніе его заключалось въ томъ, чтобъ составлять часть маленькаго флота для перевозки пассажировъ и груза по этой рѣкѣ, недавно поступившей во владѣніе русскихъ. Въ ожиданіи правильнаго устройства пароходнаго движенія, онъ служилъ покуда для перевозки русскихъ офицеровъ, и былъ высланъ навстрѣчу Муравьева, основателя всей этой колоніи, который весьма естественно интересовался ею и желалъ ревизовать ее. Американцы, которые обыкновенно дѣлаютъ, если не очень изящныя, то по крайней мѣрѣ полезныя вещи, не могли изобрѣсти ничего неудобнѣе этихъ пароходовъ съ однимо колесомъ, которое какъ будто само тащится за ними, вмѣсто того чтобъ везти пароходъ за собою.

И такъ, прибывши въ Усть-Стрѣлку, у слiянія Шилки и Аргуни, и не встрѣтивъ ни одного живаго лица, такъ какъ деревня отстояла на двѣ версты, мы принялись разгружать свои барки, которыя намъ были болѣе ненужны. Затѣмъ мы сѣли на пароходъ вмѣстѣ съ тремя негоціантами изъ Кяхты, ѣхавшими по своимъ дѣламъ въ

Шангъ-Хай, подняли якорь, и оглушительный свистъ огласилъ окрестности.

Сначала мы дѣлали по семи узловъ въ часъ, благодаря спокойному теченію рѣки и, сидя за столомъ, прославляли быстроту нашего новаго парохода въ сравненіи съ прежними барками, какъ вдругъ все задрожало, мы врѣзались въ тину и остановились на мѣстѣ. Экипажъ весь выпрыгнулъ въ воду, стараясь подвести бревна подъ киль. Работающіе пробовали-было помогать себѣ пѣніемъ, но выходила какая-то разладица; они уговаривали корабль сдвинуться съ мѣста, но онъ стоялъ неумолимо. Наконецъ, послѣ долговременныхъ сверхъестественныхъ усилій, этимъ несчастнымъ, посинѣвшимъ отъ холода, удалось произвести въ пароходѣ легкое сотрясеніе. Тогда мы всѣ принялись кричать: «идетъ»! но увы! это была только обманчивая мечта. Корабль, неподвижностью, былъ подобенъ скалѣ. Рабочіе совсѣмъ закоченѣли отъ холода, но, не теряя присутствія духа, вышли только на минуту изъ воды, затѣмъ чтобъ разбѣжаться и прыгнуть еще дальше. Я часто замѣчалъ что русскіе, въ затруднительныхъ случаяхъ, дѣйствуютъ какъ-то сонливо и вяло, и какъ будто не знаютъ къ чему приведутъ ихъ усилія, но они никогда не приходятъ въ нетерпѣніе, и упорно продолжаютъ начатое дѣло, Въ этой чертѣ русскихъ видѣнъ азіатскій характеръ, и ихъ солдаты вполнѣ заслужили слово, сказанное о нихъ Наполеономъ: ихъ и убитыхъ не свалишь!» Наши матросы, едва согрѣвшись водкой, снова прыгнули въ воду, и, наконецъ, послѣ получасовыхъ усилій, едва не потопивши нѣсколькихъ рабочихъ, кое-какъ сдвинули пароходъ въ воду. Я потому такъ распространяюсь объ этомъ происшествіи, что оно случилось еще въ первый разъ, но послѣ не проходило ни одного дня, во все время нашего путешествія, чтобы мы гдѣ нибудь не застряли, благодаря тогдашнему незнанію ложа рѣки.

Прежде чѣмъ что нибудь сказать объ Амурѣ, надо вспомнить что навигація на немъ находится еще въ младенческомъ состояніи, такъ какъ генералъ Муравьевъ ввелъ судоходство только въ 1854 г. Среди этой сѣти островковъ и архипелаговъ, придающихъ рѣкѣ видъ моря, путешественники не могутъ иногда выбраться изъ фарватера, что нерѣдко случается и въ Миссисипи, и даже въ болѣе извѣстныхъ рѣкахъ. Все дѣло въ томъ, чтобы узнать ложе рѣки, которое всегда бываетъ глубоко, и если только мореплаваніе по Амуру войдетъ въ свою силу, и теченіе этой великолѣпной рѣки сдѣлается

вполнѣ извѣстнымъ, благосостояніе орошаемыхъ имъ странъ не будетъ подлежать сомнѣнію. Тогда откроется сбытъ для хлѣба, сала, дровъ и солонины, и для множества другихъ продуктовъ. Не говоря уже о рудникахъ этихъ странъ, теперь еще малоизвѣстныхъ, амурское населеніе, въ числѣ 120,000 жителей, поставляетъ ежегодно въ казну или въ частныя руки болѣе шестидесяти тысячъ бочекъ ржи, ячменю, пшеницы, овса и гречихи. Вотъ плоды свободнаго обмѣна продуктовъ на всемъ протяженіи Амура, вплоть до Иркутска *).

Что сказать объ Амурѣ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія артиста или поэта. Я нахожу, что это одна изъ прелестнѣйшихъ рѣкъ во всемъ мірѣ. Она не страдаетъ однообразіемъ большихъ рѣкъ Америки, по которымъ, проѣхавши верстъ триста, можно быть увѣреннымъ, что не встрѣтишь болѣе ничего новаго. Въ водахъ Амура нѣтъ ни отвратительныхъ морскихъ чудовищъ, ни той мутности, въ которой никогда не отражается голубое небо. Рѣка всегда чиста и прозрачна; берега ея представляютъ всевозможные виды; они то покрыты лѣсомъ, то совершенно обнажены, то разстилаются какъ океанъ, то возвышаются какъ остроконечныя скалы. На нихъ можно встрѣтить образчики растительности всего земнаго шара: тополи, ивы, лиственицы, сосны и вишневыя деревья роскошно цвѣтутъ, въ виду вѣчныхъ снѣговъ, и представляютъ безконечную перспективу, тамъ и сямъ пересѣкаемую смѣлыми очертаніями горъ. Наконецъ воздухъ, пропитанный самыми тонкими благоуханіями, невольно заставляетъ забывать, что находишься на родинѣ сѣверныхъ оленей, и переносишься мыслью въ тропическія страны, гдѣ цвѣтутъ кактусы и пальмы, и вѣетъ горячій бальзамическій вѣтеръ, наполненный жужжаніемъ насѣкомыхъ!

Что касается до плаванія по верхнему Амуру, то для этаго необходимо устроить суда, погружающіяся не болѣе двухъ футовъ въ воду; пароходы же съ однимъ колесомъ назади, съ такимъ трудомъ измѣняющіе направленіе, по моему мнѣнію, никуда не годятся. Въ рѣкѣ намъ попадались мѣста въ полторы версты шириною, и это казалось слишкомъ узко для того, чтобы повернуть нашу «Лену» на 90°!

Наконецъ, послѣ всевозможныхъ превратностей, когда мы при-

*) Все это авторъ, конечно, почерпнулъ отъ лицъ, съ которыми онъ плылъ и которыя, какъ люди заинтересованные разсказывали ему чудеса; въ дѣйствительности же даже и нынѣ населеніе большей части Амурскаго края бѣдствуетъ и обходится правительству крайне дорого, ничего не принося отъ себя. Пр. Ред.

нуждены были оставить свой пароходъ и снова пересѣсть на парусныя барки, мы прибыли, 27-го мая, въ деревню Албазинъ, столь славную въ русскихъ и китайскихъ лѣтописяхъ. До сихъ поръ еще мы не встрѣчали ни одного поселенія на манджурскомъ берегу.

Албазинъ въ настоящее время окончательно принадлежитъ Россіи. Мало найдется странъ, видѣвшихъ на своемъ вѣку столько славныхъ битвъ, хотя имя этой деревни намъ почти неизвѣстно, по причинѣ ея крайняго отдаленія. Высадившись на лѣвый берегъ, мы поднялись съ генераломъ Муравьевымъ на холмъ, служившій послѣднимъ убѣжищемъ столькихъ героевъ, въ память которыхъ воздвигнутъ деревянный крестъ, возвышающійся надъ ихъ смертными останками. Все зеленѣло вокругъ насъ, въ особенности китайскія луга, облитыя заходящими лучами солнца; но поле битвы отличалось особенно-яркой зеленью и подымалось легкими бугорками на могилахъ. Рядомъ разстилался нынѣшній Албазинъ съ вновь отстроенными улицами, заваленными кучами пней и корней старыхъ деревьевъ, которыя рубили повсюду. На опушкѣ высокаго лѣса, окоймлявшаго деревню, вился легкій голубоватый дымокъ изъ хижинъ *орочонъ*, первыхъ дикарей, встрѣченныхъ мною въ Сибири. Вотъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, касающихся Албазина.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, сибирскій казакъ Хабаровъ поселился съ нѣсколькими авантюристами на Амурѣ и основалъ Албазинъ. Въ 1685 г. русскіе имѣли первое столкновеніе съ манджурцами, которые побѣдили ихъ, разрушили крѣпость, отослали плѣнныхъ въ Пекинъ, и очень хорошо обращались съ ними во время этого перехода. Вскорѣ русскіе возобновили крѣпость, но въ одинъ прекрасный день у стѣнъ ея появилась китайская артиллерія и десять тысячъ человѣкъ. Русскій гарнизонъ, состоявшій всего только изъ пятисотъ казаковъ, храбро защищался, но побѣжденный количествомъ, готовъ уже былъ сдаться, когда заключеніе Нерчинскаго договора (1689) спасло его. Съ тѣхъ поръ Албазинъ былъ совершенно покинутъ, и до 1854 г. ни русскіе, ни китайцы не думали о немъ болѣе. Единственнымъ результатомъ этихъ распрей было то, что русскіе, воспользовавшись предлогомъ, устроили въ Пекинѣ школу, а изъ плѣнныхъ, о которыхъ говорено было выше, образовалось племя, нынѣ извѣстное подъ именемъ Албазиновъ.

Что касается до уничтоженія Нерчинскаго договора, то надо припомнить, что обѣ подписавшіяся стороны принуждены были прибѣгнуть къ посредству іезуитовъ, для того чтобъ понять смыслъ

этого договора, который и тогда былъ весьма теменъ, а впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, сдѣлался еще непонятнѣе. Поэтому неудивительно, что когда явился смѣлый и энергическій человѣкъ, съумѣвшій подѣйствовать на нервы манжурскаго генерала, ему удалось и воспользоваться своей нравственной силою и овладѣть, во имя справедливости, этими великолѣпными странами, остававшимися столь долгое время чуждыми вліянію науки и религіи.

Теперь улицы этого восточнаго Севастополя совершенно спокойны, и по нимъ разгуливаютъ казаки, постоянно прибывающіе сюда по Амуру въ огромныхъ баркахъ съ своими семействами, собаками, лошадьми, санями, телѣгами и даже маленькими медвѣжатами.

Мы пристали на ночь къ Албазину, потому что рѣка все болѣе и болѣе наполнялась песчаными банками, а 28-го перемѣстились снова на пароходъ, который, на этотъ разъ, былъ исправнѣе. Тутъ сосны и ели, мало по малу исчезли, и дали мѣсто деревьямъ умѣреннаго пояса: стали появляться дубы, ясени и вязы, которыя вскорѣ закрыли весь горизонтъ. Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ манджурскихъ хижинъ, расположенныхъ на правомъ берегу, а на лѣвомъ, прямо противъ нихъ, тянулось селеніе русскихъ, жилища которыхъ повсемѣстно отличались крестомъ наверху. Далѣе берега становились все населеннѣе и населеннѣе и 31-го числа утромъ, мы услыхали залпъ артиллеріи, сквозь дымъ котораго виднѣлся длинный рядъ домовъ Благовѣщенска, самой важной станціи послѣ Николаевска.

Мы уже начинали чувствовать на востокѣ присутствіе Америки и Европы такъ какъ здѣсь находилось нѣсколько Янки, прибывшихъ изъ Бостона и Калифорніи. Мы также надѣялись, что бѣдствія наши, по поводу безпрерывныхъ отмелей, скоро кончатся, ибо растаявшія снѣга повысили за ночь уровень рѣки на нѣсколько футовъ, хотя, все еще недостаточно для плаванія.

Генералъ Муравьевъ, вышедшій на берегъ при громѣ пушечной пальбы, былъ встрѣченъ офицерами въ парадной формѣ, и осмотрѣвъ казаковъ, прямо отправился въ домъ губернатора этой, такъ называемой, Амурской области.

Кто бы подумалъ что въ такомъ отдаленіи отъ нашихъ цивилизованныхъ странъ, существовали прелестные домики роскошно-меблированные, окруженные, несмотря на суровость климата, цвѣтущими садами и снабженные всѣмъ, что можетъ доставить пищу уму и дать развлеченіе: фортепьянами, музыкой и романами.

Въ Благовѣщенскѣ двѣ церкви, и населеніе его равняется двумъ тысячамъ душъ. Въ немъ есть угольныя копи, и говорятъ, что по сосѣдству отъ него находится желѣзные рудники.

Берега рѣки поражаютъ въ этомъ мѣстѣ своимъ великолѣпіемъ. Несмотря на чрезвычайно суровою зиму (морозы достигаютъ иногда 45°), большая часть нашихъ растеній, какъ напримѣръ капуста, лукъ, бобы и горохъ растутъ здѣсь въ изобиліи. Деревья только не достигаютъ той толщины, какъ въ верхней части Амура, иногда попадаются изуродованные дубы и орѣшники. Единственныя, неизмѣнныя деревья, растущія на всемъ протяженіи Амура отъ одного конца до другаго—тополь, береза и боярышникъ. Такъ какъ я уже заговорилъ о растеніяхъ, то замѣчу тутъ, что многіе находятъ странное сходство между флорой восточной Сибири и флорой Гималай и Сѣверной Америки. Между прочимъ «*phryma leptostachya*, которую надѣются открыть въ Японіи, свойственна всѣмъ этимъ тремъ великимъ странамъ. Громадные луга разстилаются на необозримыхъ пространствѣ въ окрестностяхъ Благовѣщенска; травы такъ высоки, что совершенно закрываютъ человѣка совсѣмъ съ головою.

Курьеръ изъ Петербурга прибылъ сюда послѣ двадцатидневнаго путешествія, и мы отправились вмѣстѣ съ нимъ и тремя негоціантами, съ которыми я разстался только въ Шангъ-Хаѣ; намъ сопутствовалъ также священникъ, въ качествѣ русскаго миссіонера въ Хакодаде. Хотя до моря оставалось еще девятьсотъ верстъ, рѣка была уже шириною въ двѣ версты, но такъ загромождена песчаными банками, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Зея сливаетъ свои воды съ Амуромъ, мы такъ завязли, что понадобилось полтораста человѣкъ изъ Благовѣщенска, чтобъ сдвинуть насъ съ мѣста. Рѣдко случается видѣть, даже въ Америкѣ подобное великолѣпное сліяніе двухъ величайшихъ рѣкъ въ мірѣ. Правда, Огіо величаво впадаетъ въ Миссисипи, но она приближается торжественно и тихо, тогда какъ Зея налетаетъ словно бѣшеная, и какъ будто хочетъ потонуть въ волнахъ какой-то Ніагары.

Вскорѣ, обыкновенно пустынный видъ праваго берега, совершенно измѣнился. Показалась китайская амурская флотилія, и мы пристали къ берегу, верстахъ въ пятнадцати внизъ по теченію Зеи, въ виду города Айгуна, или, иначе сказать, какъ его называютъ китайцы, «Черныя воды».

Здѣсь-то, 28 мая 1858 г., между генераломъ Муравьевымъ и манджурскимъ принцемъ Ихаимомъ, заключенъ былъ договоръ,

предоставлявшій весь Амуръ во владѣніе русскихъ. За исключеніемъ этого обстоятельства, городъ не имѣетъ ничего особенно замѣчательнаго; народонаселеніе его состоитъ почти изъ шести тысячъ душъ, и всѣ дома выстроены, по большей части изъ грязи.

Едва мы бросили якорь, какъ толпа ребятишекъ въ пестрыхъ одеждахъ, съ разинутыми ртами, высыпала поглазѣть на насъ. Мы прямо отправились въ *ямумъ*, дворецъ губернатора, который генералъ Муравьевъ почтилъ своимъ присутствіемъ, и, взявъ съ собой архимандрита, вмѣсто переводчика, наговорилъ кучу любезностей Ихаиму, такъ легко уступившему ему территорію, вдвое больше Франціи. Между тѣмъ слуги усердно разносили чай съ китайскими бисквитами, а мы, взамѣнъ того, подчивали своихъ хозяевъ манильскими сигарами. Безполезно говорить, что, какъ истые китайцы, они дѣлали все на выворотъ и зажигали сигару съ противуположнаго конца. Можетъ быть покажется удивительнымъ, что столь тонкіе дипломаты, какъ китайцы, рѣшились почти безспорно предоставить русскимъ огромную часть своихъ владѣній; но вотъ какъ это было. Во первыхъ, они всегда думали, хотя и не высказывались ясно на этотъ счетъ, что весь лѣвый берегъ нижняго Амура принадлежитъ Россіи; во вторыхъ, генералъ Муравьевъ, прежде чѣмъ поднимать этотъ вопросъ, овладѣлъ сначала устьями рѣки и привелъ ихъ въ состояніе выдержать нападеніе.

Вотъ границы Россіи, утвержденныя договоромъ Айгуна: весь лѣвый берегъ Амура до устья Уссури, и вся территорія между этой рѣкою и моремъ, до пункта, означеннаго въ Пекинскомъ трактатѣ отъ 14 ноября 1860 года. Не понимая ни слова изъ того, что говорилось въ *ямунѣ*, я тихонько выбрался вонъ и сталъ бродить по городу. Жители показались мнѣ довольно учтивы и веселы, но я былъ крайне удивленъ, когда, зашедши въ одинъ магазинъ, ко мнѣ обратился одинъ честный манджурскій купецъ, съ ножницами въ рукахъ, прося меня продать ему мою бороду! Густая борода·рѣдкость въ Китаѣ: тамъ носятъ только усы.

Манджурскій народъ съ виду добродушнѣе, честнѣе и понятливѣе чистокровныхъ китайцевъ. Глаза у нихъ не такъ узки, ноги у женщинъ обыкновенной величины, и только китайскій запахъ остается неизмѣннымъ. Нѣкоторыя слова въ ихъ языкѣ имѣютъ удивительное сходство съ латинскими; такъ напр. sengui (sanguis), ania (annus), furu (furor), mori, morin (по-англійски mara), shun (по-англійски *sun* вмѣсто солнца) и т. д. Глаголъ «дѣлать» выражается у нихъ различ-

ными словами, смотря по смыслу сдѣланной вещи, такъ, напр., они не говорятъ: дѣлать хлѣбъ, дѣлать платье, дѣлать домъ, но — печь хлѣбъ, шить платье, строить домъ, т. е. употребляютъ все разные глаголы для каждой вещи. Не только миссіонеры, но даже путешественники много занимались этимъ языкомъ; а вообще, манджуровъ, побѣдителей Китая, у которыхъ нѣтъ идоловъ, можно назвать самымъ цивилизованнымъ и самымъ воинственнымъ народомъ въ Азіи. То, что въ Европѣ называютъ воинственнымъ типомъ, есть именно татарскій типъ.

Послѣ четырехчасовой пріятной прогулки по Айгуну, я поспѣшно бросился на бортъ, такъ какъ якорь былъ уже снятъ, и мы поплыли мимо оживленныхъ набережныхъ, джонокъ и предмѣстій города. При блескѣ молніи и сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ съ дождемъ, мы снова вступили въ неумолимое пространство рѣки, загроможденной отмелями.

Между Айгуномъ и Хабаровкой нѣтъ ни одного замѣчательнаго города, но за то безпрерывно попадаются то палатки тунгусовъ, то нарождающіяся населенія казаковъ, занимающихся рубкой лѣсовъ, то жилища оротчоновъ, охотниковъ за бѣлками, и до пятидесяти манджурскихъ семей, испросившихъ позволеніе оставаться на этой русской территоріи и обработывать землю своихъ предковъ.

Здѣсь, по всей вѣроятности, мы вступили въ самую разнообразную часть рѣки Амура. Исчезли сосны и кедры, и отовсюду появились дубовые лѣса, покрывавшіе не только сплошною массой весь берегъ, но и сотни островковъ, испещрявшихъ воды рѣки и наполнявшихъ воздухъ прелестнымъ ароматомъ. Подъ ихъ густыми и темными сводами никогда не раздавался звукъ ружейнаго выстрѣла и никогда не ступала нога человѣка; тамъ, въ полной безопасности паслись на свободѣ стада кабановъ, оленей, зайцевъ и кроликовъ; тутъ же были лошади, крысы и дикія кошки, орлы и фазаны, соболь и бѣлка и тысячи другихъ разнородныхъ животныхъ. Казалось, природа желала соединить всѣ свои сокровища и контрасты въ одномъ мѣстѣ, и тамъ, гдѣ растительность юга смѣшивается съ растительностью сѣвера, часто въ концѣ зимы, на одномъ берегу появляется бенгальскій тигръ, а на другомъ, испуганный появленіемъ солнца, сѣверный олень направляетъ свой быстрый бѣгъ къ полюсамъ. Въ этой же части Амура можно видѣть одинаково любопытное, для геолога и пейзажиста, явленіе длинной горной цѣпи, какъ бы стремящейся преградить путь громадной рѣкѣ; цѣпь оканчивается на обо-

ихъ берегахъ двумя остроконечными вершинами, увѣнчанными хвойными растеніями.

Едва мы вступили въ темное ущелье Хинганскихъ горъ, какъ рѣка, бывшая сейчасъ шириною въ три версты, съузилась на третью часть, и, сдавленная въ узкомъ проходѣ, шумя и пѣнясь, вырвалась изъ него и помчалась верстъ на сто, бурливая какъ шумный потокъ.

Путешественнику, объѣзжающему эти страны въ пору ихъ цвѣтущей растительности, трудно повѣрить, чтобы вся эта зеленѣющая природа, почти въ теченіе цѣлаго года, спала мертвымъ сномъ подъ снѣговымъ покровомъ; ему показалось бы странно представить себѣ эти великолѣпныя деревья, покрытыя миріадами птицъ и москитовъ, съ свернувшимися у ихъ подножія змѣями — неподвижными и холодными какъ застывшіе трупы. А между тѣмъ это такъ. Путешественники или, скорѣе, географы, видя какъ пышно зеленѣетъ здѣсь рожь, пшеница и другія европейскія растенія, опрометчиво заключили что Сибирь пользуется прекраснымъ климатомъ, тогда какъ это величайшее заблужденіе: въ странѣ, которую я описываю, весною вьется дикій виноградъ, а зимою мерзнетъ ртуть въ термометрѣ. И такъ нельзя искать причину той или другой растительности исключительно въ климатическихъ условіяхъ, но надо обращать вниманіе и на почву страны, точно также какъ въ поступкахъ людей нельзя приписывать всего условіямъ и обстоятельствамъ ихъ жизни, а надо дать сколько нибудь мѣста и ихъ характеру, темпераменту и воспитанію. Почва Сибири должна отличаться какой нибудь особенностью, потому что мнѣ никогда не случалось видѣть чтобы ее унавоживали.

Но ничто не можетъ дать такого нагляднаго понятія о суровости здѣшней зимы, даже въ самой южной части Амура, какъ-то, что я видѣлъ собственными глазами въ іюнѣ мѣсяцѣ, подъ широтою, равною парижской. Отправляясь на землю въ лодочкѣ, мнѣ часто приходилось видать на берегу огромныя глыбы льда, фута въ четыре толщиною, которыя казались обрушившимися стѣнами, или, лучше сказать, плитами гигантской мостовой, и были всѣ испещрены правильными и параллельными блестками какъ на трубахъ органа.

Меня болѣе всего удивляло, что онѣ не таяли даже отъ огня. Я самъ видѣлъ на верховьѣ Амура, какъ онѣ недвижно лежали у подножія горѣвшихъ сосенъ, распространявшихъ такой жаръ, что къ нимъ едва можно было подойти на нѣсколько шаговъ.

4-го іюня, вечеромъ, мы пристали въ русской деревенькѣ, гдѣ одинъ офицеръ угостилъ насъ портвейномъ, привезеннымъ изъ Ев-

ропы въ Азію черезъ Америку. Это ничтожное обстоятельство такъ обрадовало меня, какъ будто на меня повѣяло близостью моей милой родины, которую я уже не надѣялся болѣе увидать. Въ то время я еще не зналъ, что жажда любознательности, снѣдающая путешественниковъ, увлечетъ меня гораздо далѣе, чѣмъ я ожидалъ, и что я пріѣду на родину несравненно позднѣе, чѣмъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ.

Ночью была сильная гроза, и я слышалъ ревъ дикихъ звѣрей. Говорятъ, что въ сосѣднихъ лѣсалъ водятся тигры, въ чемъ я ни мало не сомнѣвался. Они нисколько не боятся людей и не щадятъ ихъ скотины; говорятъ даже, что они пробираются по льду до самого острова Сахалина. Мы провели ночь на суднѣ, бросивши якорь возлѣ этой русской деревеньки, на берегу которой собрались крестьяне, вѣчно безпечные сибирскіе казаки, распѣвая веселыя пѣсни до одиннадцати часовъ ночи, при блескѣ зажженныхъ факеловъ. На другой день, 5-го іюня, мы прибыли къ устью Сунгари, классической страны, гдѣ водятся соболи, которыя, впрочемъ, здѣсь очень дороги, онѣ стоятъ отъ шести до пятнадцати рублей серебромъ.

По выходѣ изъ этого довольно пустыннаго мѣста, рѣка становится шире чѣмъ когда нибудь, такъ что на горизонтѣ видно почти столько же воды, сколько земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между островками, какъ будто разливается безпредѣльное море, прерываемое отдаленными пиками горъ, высящимися на южной и сѣверо-восточной сторонѣ. Сунгари—довольно большая рѣка, которую манджуры считаютъ своей главной рѣкою, хотя по картѣ намъ извѣстно, что она несравненно меньше Амура, протекающаго по крайней мѣрѣ три съ половиною тысячи верстъ.

Отсюда до моря тянется одинъ непрерывный архипелагъ, среди котораго такъ трудно найти проходъ, что необходимо выкидывать лотъ; здѣсь также часто поднимаются внезапныя и очень сильныя бури.

Приближаясь къ устью Уссури, снова появляется сѣверная растительность, кедры и ивы замѣняютъ липы и лиственницы, и я былъ очень удивленъ, когда, подъѣзжая къ Хабаровкѣ, живописно раскинувшейся на склонѣ холма, увидѣлъ, при сліяніи Уссури и Амура, вязы необыкновенной величины. Здѣсь, 6-го іюня, солнце такъ невыносимо пекло, что я принужденъ былъ укрыться отъ москитовъ, шмелей и пчелъ, подъ тѣнью орѣшниковъ и дубовыхъ деревьевъ, гдѣ могъ бы легко подвергнуться укушенью ядовитыхъ змѣй, скрываю-

щихся въ травѣ; но, по счастью, этого не случилось, и я увидѣлъ чудовищные экземпляры этихъ змѣй только закупоренные въ стклянкахъ.

Въ Хабаровкѣ есть прекрасная греческая церковь, которую мы осмотрѣли, казармы, линейный батальонъ, и при немъ докторъ. Само селеніе пользуется такимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, что трудно найдти гдѣ нибудь на свѣтѣ, что нибудь подобное этой прелестной панорамѣ. Съ вершины остроконечнаго утеса, выдающагося сажень на пятьдесятъ надъ рѣкою, гдѣ выстроенъ буддійскій храмъ полускрытый въ тѣни деревьевъ, съ одной стороны рисуется Уссури, окоймленный темными дремучими лѣсами и раскинувшійся версты на полторы въ ширину, съ другой — Амуръ, подобно колоссальной змѣѣ, описывающій величественную дугу почти безконечнаго круга. Передъ зрителемъ поперемѣнно развертываются свѣтлые и темные ковры изъ зеленыхъ луговъ, а тамъ далеко, верстъ за сто отъ него, на границѣ Кореи, высятся горныя вершины, покрытыя вѣчными снѣгами. Подъ самыми ногами видно сліяніе двухъ рѣкъ, версты въ четыре шириною, которыя, катя свои волны къ сѣверо-востоку, разливаются въ роскошную рѣку, втрое шире Миссисипи. Кто на своемъ вѣку имѣлъ счастіе видѣть весь восточный край Сибири и Индію, того уже не можетъ удивить ничто, хотя бы онъ прошелъ весь земной шаръ отъ экватора до полюсовъ.

Уссури, имя котораго, связанное съ убіеніемъ французскаго миссіонера, героя Лабрюніера, должно заставить биться сердце каждаго католика, принадлежитъ теперь русскимъ, и они устроили на немъ довольно сносное плаваніе, съ восьмидесятью станціями на пути. Въ верхней части Уссури недавно изслѣдовали одно изъ величайшихъ, хотя мало-извѣстныхъ озеръ, именно озеро Ханка, имѣющее не менѣе двухсотъ верстъ въ окружности; говорятъ, что въ близлежащей долинѣ, наполненной богатѣйшими разнородными лѣсами, находятъ также золото. Еслибы климатическія условія всей этой части Азіи были не такъ суровы, то могло бы исполниться извѣстное пророчество многихъ путешественниковъ, что участь міра будетъ рѣшаться на Тихомъ океанѣ, между Россіею и Америкою.

А покуда, изъ всѣхъ европейцевъ, только одни миссіонеры, высылаемые изъ Франціи, изъѣздили Корею и Манджурію во всѣхъ направленіяхъ. Желающіе получить географическія свѣдѣнія о положеніи и обитателяхъ этихъ необъятныхъ пространствъ, могутъ обратиться къ интересному письму о. Лобрюньера, помѣщенному въ

1848 г. въ двадцатомъ томѣ *Annales de la Propagation de la foi.* Вотъ послѣдняя фраза этого письма:

«Если Богу угодно, чтобъ я достигъ мѣста моего назначенія, то десница Его устранитъ отъ меня всѣ препятствія и приведетъ меня къ цѣли, здрава и невредима, и Его же святая воля возвратитъ меня на родину. Но покуда, что бы ни ожидало меня въ будущемъ, я считаю, что первая обязанность миссіонера идти впередъ съ молитвой на устахъ и въ сердцѣ, повторяя слова священнаго псалма: «Не сомкну очей моихъ и не склоню главу мою, дондеже не обрящу мѣста для храма Господа Бога моего, Бога Іаковлева».

Отецъ Лабрюніеръ, спустившись внизъ къ устью Амура и Уссури, былъ убитъ тамъ свирѣпыми гиляками; смерть его осталась не отмщенною, потому что эти дикія орды не подлежатъ еще законамъ никакой страны.

Если читатель когда нибудь изъѣздилъ пятнадцать тысячъ верстъ по разнымъ дорогамъ и плылъ три тысячи верстъ по рѣкѣ, не видя моря, то онъ безъ труда пойметъ съ какимъ жаднымъ нетерпѣніемъ, я отыскивалъ на землѣ и на небѣ какихъ нибудь признаковъ близости океана, забывая о пріятномъ обществѣ окружавшихъ меня спутниковъ.

Однажды, когда дулъ вѣтеръ, напитанный какими-то странными испареніями, я былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго феномена. Мы шли противъ сѣверо-восточнаго вѣтра, дувшаго все время съ удивительнымъ постоянствомъ, какъ вдругъ, оглянувшись назадъ, мы увидали черный столбъ, мчавшійся по рѣкѣ, между тѣмъ какъ на берегу крутившійся песчаный вихрь, съ трескомъ, ломалъ и коверкалъ деревья. Очевидно происходила отчаянная борьба между двумя противуположными теченіями вѣтровъ; вскорѣ югозападный вѣтеръ пересилилъ, и вода вокругъ насъ такъ заколыхалась, что началась сильная килевая качка. Курьеръ, котораго я потомъ встрѣтилъ въ Николаевскѣ, разсказывалъ мнѣ, что около этого времени онъ потерпѣлъ крушеніе на серединѣ рѣки на парусномъ суднѣ, и едва успѣлъ спастись.

Если на Амурѣ будутъ устроены пароходы, приспособленные къ мелкимъ водамъ, то тогда надо совсѣмъ отказаться отъ системы американскихъ пароходовъ, построенныхъ въ два и въ три этажа, или, по крайней мѣрѣ, застраховывать, при отъѣздѣ, жизнь пассажировъ, а затѣмъ уже отдавать ихъ на съѣденіе осетрамъ, которые, момоходомъ сказать, достигаютъ, въ нижней части Амура, огромной величины, что, однако, не спасаетъ ихъ отъ нападенія медвѣдей.

8-го іюня мы путешествовали мимо горъ, сажень въ триста вышиною, поднимавшихся справа и съ лѣва какъ стѣны гигантскаго амфитеатра; въ нихъ находятся реальгаровыя жилы. 9-го мы проѣхали близъ селеній Марьинска и Софійска, гдѣ скоро должна пройдти такая же желѣзная дорога какая проходитъ при устьѣ Дуная между Кюстенджи и Черноводы *). Здѣсь рѣка разливается верстъ на пять въ ширину и между обоими ея берегами не видно ни одного островка и ни малѣйшаго еще признака морскаго прилива. Это самое широкое мѣсто на всей рѣкѣ Амуръ, не загроможденное островами, но есть мѣста, въ которыхъ онъ разливается на пятнадцать и двадцать верстъ, хотя громадность этого пространство глазъ не можетъ вполнѣ оцѣнить по причинѣ обилія островковъ.

Къ вечеру мы очутились при великолѣпномъ лунномъ сіяніи, какъ будто на озерѣ Альпійскихъ горъ, среди синихъ, глубокихъ водъ, недвижно дремавшихъ между отвѣсными горами. Слегка посеребренныя блѣдными лучами ночнаго свѣтила, виднѣлись вдали неясныя очертанія мысовъ, полускрытыхъ въ туманномъ заливѣ. По временамъ, изъ глубины горныхъ ущелій поднимались синеватыя струи дыма и вырывались зловѣщіе огонки, служившіе какъ бы символомъ необузданныхъ и свирѣныхъ характеровъ дикихъ обитателей этого острова. Наконецъ, 10-го іюня, я затрепеталъ отъ радости, замѣтивъ на скалахъ отчетливую черную линію, оставленную на нихъ морскимъ приливомъ. Тутъ мнѣ невольно пришла въ голову фраза, сказанная однимъ острякомъ-пассажиромъ, во время моихъ прежнихъ путешествій, когда я отправлялся въ Америку: «Ну, слава Богу, на свѣтѣ есть еще кусочекъ твердой земли». Теперь мнѣ хотѣлось перефразировать это замѣчаніе, потому что я такъ давно не видалъ моря, что мнѣ начинало казаться, будто оно исчезло съ нашей планеты. А между тѣмъ, я вовсе не люблю мореплаванія, и во все время морскаго пути считаю себя какъ въ тюрьмѣ. Но первый видъ моря всегда очаровываетъ меня, въ особенности когда я гляжу на него съ высоты остроконечнаго утеса и вѣтеръ гонитъ его пѣнистыя волны на берегъ, по вереску и зеленымъ травамъ, слегка пригибающимся отъ его прикосновенія; люблю его также при блескѣ солнца, обливающаго его лучезарнымъ сіяніемъ, при которомъ оно напоминаетъ какія-то волшебныя, сказочныя страны! Да! въ эти минуты море въ

*) Опять разсказы спутниковъ автора, которые конечно не осуществились, оставшись только на планахъ, представлявшихся въ свое время въ Петербургъ. Пр. Ред.

Японскій береговой видъ.

самомъ дѣлѣ очаровательно! Но что остается отъ него, когда уже плывешь по немъ, и послѣднiй клочокъ земли исчезаетъ изъ глазъ. Гдѣ тогда вся поэзiя? Увы, она отлетаетъ такъ далеко, что самое пылкое воображенiе не въ силахъ догнать ее.

И все-таки сердце мое радостно забилось, когда, вырвавшись, наконецъ, изъ этихъ материковъ Стараго Свѣта, я увидалъ море и портъ, съ развѣвающимся флагомъ, который, казалось, царилъ надъ всѣмъ океаномъ!

Въ то же самое мгновенiе, на высотѣ нашей мачты, появился флагъ Муравьева, встрѣченный съ островка оглушительнымъ залпомъ находящихся на немъ пушекъ; манджурскiя горы дрогнули въ своемъ основанiи, какъ бы привѣтствуя знаменитаго гостя, впервые вступившаго на эти берега. Что до меня касается, то я не отводилъ глазъ отъ Николаевска, его лѣсовъ, горъ и рѣкъ, и спрашивалъ самого себя, не первый ли я путешественникъ, который вступаю въ море, не видя на немъ Британскаго флага?

ГЛАВА XIV.

Необъятность Русской имперіи. — Николаевскъ. — Замѣчанія о сибирскихъ дорогахъ и климатѣ извѣстныхъ мѣстъ. — Море. — Островъ Сахалинъ. — Бухты Кастри и Барракуты. — Первый видъ Японіи. — Прибытіе въ Хакодаде.

И такъ мы объѣхали всю Сибирь отъ края до края. Громадное пространство, котораго не могъ бы наполнить весь материкъ Африки и даже вся поверхность луны, отдѣляло меня отъ столицы Россіи на одиннадцать тысячъ верстъ. И все-таки, какъ ни вѣроятно это оказалось, въ ушахъ моихъ еще раздавался языкъ Кронштадта, а передъ глазами мелькали зданія, напоминающія московскія. Всюду виднѣлись только одни русскіе штыки; ихъ освѣщало солнце, восходящее на скалистыхъ горахъ, и ихъ же освѣщало оно опять, обойдя два полушарія и скрываясь за вершины Африканскихъ горъ! Казалось бы, что подобная, колосальная имперія должна раздавить собою все окружающее и поколебать равновѣсіе вселенной, потому что она не только необъятна, но и однородна. Могущество ея крѣпнетъ съ каждымъ днемъ на крайнемъ Востокѣ, и Николаевскъ, существующій какихъ нибудь тринадцать лѣтъ, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія. Онъ довольно хорошо укрѣпленъ, потому что кромѣ форта «Константина», выстроеннаго среди рѣки на песчаной банкѣ, отстоящей на 500 сажень отъ каждаго берега, имѣетъ еще нѣсколько другихъ укрѣпленій, вмѣщающихъ въ себѣ не менѣе пятидесяти пушекъ самаго крупнаго калибра, защищающихъ входъ. Тутъ есть пушки, доходящія до четырехсотъ пудъ вѣса; онѣ были доставлены сухимъ пу-

темъ по Сибири, и безъ затрудненій переправлены по льду Байкальскаго озера *).

Надо также замѣтить, что здѣсь существуетъ эскадра въ 200 пушекъ, безпрерывно обходящая эти берега. Къ несчастію, ни одно большое судно не можетъ войдти въ Амуръ по причинѣ его мелководья, и тѣ, которыя приходятъ въ Николаевскъ, останавливаются на одиннадцати брассахъ воды; приливовъ и отливовъ почти не бываетъ.

При всей доброй волѣ, я не могу похвалить Николаевскій климатъ, не потому чтобы онъ отличался суровостью (температура доходитъ до 70°), но потому, что зимою здѣсь безпрерывныя мятели, сопровождаемыя туманами и такимъ огромнымъ количествомъ снѣга, что его наваливаетъ на рѣку, открытую для всѣхъ вѣтровъ на полтора аршина, въ лѣсахъ же снѣгъ доходитъ до двухъ сажень глубины.

Амуръ, окованный льдами, закрытъ для всякаго судоходства, начиная съ половины ноября до 18-го мая. Впрочемъ, это самая холодная часть свѣта, гдѣ, по замѣчанію ученаго Шренка, температура стоитъ ниже чѣмъ на крайнихъ границахъ полярныхъ морей, такъ какъ онъ нашелъ въ мартѣ 1856 г. на островѣ Сахалинѣ дѣйствительно баснословную температуру—52°.

Все это служитъ важнымъ препятствіемъ для торговли, хотя американскія, гамбургскія и французскія суда ежегодно привозятъ къ устьямъ Амура на полтора милліона разныхъ товаровъ; что касается до вывозной торговли, то она незначительна, потому что русское правительство воспрещаетъ сплавку лѣсовъ, хотя ихъ такъ много, что могло бы достать на продовольствіе цѣлаго міра. Мнѣ кажется было бы выгоднѣе, вмѣсто того, чтобы отдавать бѣличьи и собольи шкурки по четырнадцати рублей за штуку, — продавать огромныя деревья лиственницы, годныя, какъ говорятъ, на стройку кораблей.

Въ топографическомъ отношеніи, Николаевскъ очень хорошо расположенъ на длинномъ плоскогорьѣ лѣваго берега Амура; онъ отстоитъ на тридцать шесть верстъ отъ его устья и возвышается саженъ на 10 надъ рѣкой. Населеніе его состоитъ изъ четырехъ тысячъ душъ; всѣ дома почти деревянные, какъ и повсюду въ Сибири,

*) Слѣдуетъ замѣтить, что на укрѣпленія Николаевска, которыя и до сихъ поръ еще не окончены и по всей вѣроятности вовсе будутъ брошены, истрачены значительныя суммы, а въ сущности они не стоютъ и сотой части похвалъ, расточаемыхъ авторомъ. *Прим. ред.*

за исключеніемъ Томска; тротуары тоже деревянные, пересѣкаемые широкими прямыми улицами. Въ самомъ цетрѣ города находится площадь съ красивой греческой церковью посрединѣ; не подалеку отъ нея гостиница, которую содержитъ предпріимчивый швейцарецъ, хорошо понимающій свои выгоды.

Такъ какъ мы всѣ не могли помѣститься у адмирала Казакевича, занимавшаго должность губернатора, то нѣкоторые изъ насъ отправились въ эту гостинницу и заняли въ ней нѣсколько комнатъ. Я долженъ признаться, что цѣны на все показались намъ возмутительны, въ особенности при сравненіи этой необыкновенной алчности къ наживѣ съ почти царственнымъ гостепріимствомъ, распространеннымъ повсюду въ Россіи. Здѣсь, каждый день мы встрѣчали за табль-дотомъ американцевъ, пріѣхавшихъ поселиться на Амурѣ, послѣ того какъ они уже попытали счастья въ Калифорніи, Ситхѣ и Камчаткѣ. Русскіе, несмотря на обыкновенную способность къ языкамъ, рѣдко говорятъ по-англійски; поэтому можно судить, каковъ былъ восторгъ американцевъ, когда я привѣтствовалъ ихъ на ихъ языкѣ; меня чуть не потопили въ шампанскомъ, которое, мимоходомъ сказать, здѣсь очень дорого; въ гостиницѣ бутылка шампанскаго стоитъ шесть рублей серебромъ. Когда я пошелъ въ лавку купить себѣ сапоги, то торговавшій тамъ янки чуть не рехнулся отъ того, что я заговорилъ съ нимъ по-англійски, и на мой простой вопросъ: «Есть ли у васъ сапоги»?—отвѣчалъ восторженнымъ крикомъ: «Ахъ, я зналъ, что это вы!!!» какъ будто всякій говорящій по-англійски непремѣнно долженъ быть, *ipso facto*, членомъ великой республики.

Впрочемъ, я далекъ отъ того, чтобы набросить тѣнь смѣшнаго на американцевъ, тѣмъ болѣе что они готовы были пойдти для меня въ огонь и въ воду, и я самъ былъ очень радъ встрѣтить наконецъ англо-саксонцевъ, которыхъ не видалъ ни разу на всемъ пути, отъ Кронштадта до Амура. Еслибъ у меня спросили, какой народъ, по моему мнѣнію, преимущественно распространенъ на всемъ земномъ шарѣ, я бы не задумываясь отвѣчалъ: «нѣмцы», потому что они вездѣсущи; нѣмцы не только заселяютъ большіе города Америки, но и самые отдаленные лѣса, оспаривая ихъ у медвѣдей;—нѣмцами наполнена вся Австралія, и съ одного конца Сибири до другаго, вездѣ гдѣ только есть гостиница, слышенъ и нѣмецкій говоръ.

Лошадей очень мало видно въ Николаевскѣ, быть можетъ по причинѣ суроваго климата, но за то здѣсь столько собакъ, что если послѣ солнечнаго захода выйдешь за городъ побродить между сруб-

ленными стволами и корнями деревъ, приготовленныхъ для стройки, то рискуешь быть заживо съѣденнымъ этими ужасными животными, отъ которыхъ можно спастись только спрятавшись по уши въ грязь. Впрочемъ, амурскія собаки, въ особенности тѣ, которыя служатъ для ѣзды, очень интересны; онѣ небольшаго роста, съ прямыми ушами и пушистымъ хвостомъ, никогда пе лаютъ, а воютъ, и вообще, очень похожи на волковъ. Сани, вѣсящія пудовъ десять и запряженныя семью собаками, могутъ сдѣлать до десяти верстъ въ часъ, а одиннадцать или тринадцать собакъ везутъ по сту верстъ въ день, въ особенности, если ихъ вволю кормить мерзлыми селедками. Однѣ только собаки мужескаго пола служатъ для ѣзды, ими управляютъ безъ возжей и безъ кнута; но впередъ ихъ пускаютъ одну собаку, заслуживающую болѣе довѣрія чѣмъ другія, которая служитъ имъ вожатымъ, и когда другія устанутъ или зазѣваются по сторонамъ, то она бросается на нихъ съ угрожающимъ воемъ, какъ бы говоря: «Ахъ вы бабье!» Когда самолюбіе ихъ разыгрывается, то по нимъ пробѣгаетъ какъ бы электрическая искра; онѣ съ слѣпой отвагой бросаются впередъ чтобъ побѣдить или умереть, но всегда слѣдуютъ за своимъ путеводителемъ, не обращая вниманія на то, куда желаетъ ѣхать путешественникъ.

По пути я видѣлъ нѣсколькихъ сѣверныхъ оленей, которые еще драгоцѣннѣе для ѣзды, потому что на нихъ, при акуратности станцій, можно сдѣлать до трехсотъ верстъ въ день! Такъ какъ я ѣхалъ весною, то олени имѣли болѣзненный видъ и, казалось, умирали отъ жару; но чтобъ видѣть ихъ въ дѣлѣ и во всемъ блескѣ ихъ силы, нужно пріѣхать въ Николаевскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и прожить тамъ всю зиму. Впрочемъ, по моему мнѣнію, зима самое лучшее время для осмотра Сибири и подобныхъ ей холодныхъ странъ, точно также какъ жаркія страны нужно осматривать лѣтомъ, чтобъ видѣть и тѣ и другія въ настоящемъ ихъ видѣ. Смѣшно было бы одѣть индѣйскаго брамина въ пальто, а европейца — въ легкую тунику, подвязанную веревкой; точно такъ и съ природой: она лучше всего въ той одеждѣ, которая ей свойственна. Въ настоящее время по берегамъ Амура устроено правильное судоходство, и разумѣется по немъ пріятнѣе плыть весною, когда все кругомъ цвѣтетъ и зеленѣетъ; но еслибъ мнѣ пришлось сдѣлать сухимъ путемъ восемь тысячъ верстъ отъ Нерчинска до Петербурга, то я предпочелъ бы зимній путь. Во-первыхъ, съѣстные припасы почти совсѣмъ не портятся отъ холода и ихъ стоитъ только разогрѣвать на каждой станціи; во вторыхъ, не

боишься ни москитовъ, ни лихорадокъ, ни болотистыхъ испареній. Ѣзда чрезвычайно быстра, и слѣдовательно путешествіе обходится дешево, за исключеніемъ того пространства, гдѣ нужно проѣзжать по Амуру и гдѣ зимнія почтовыя станціи необыкновенно дороги. Наконецъ, самое путешествіе въ саняхъ чрезвычайно пріятно, въ особенности сравнивая его съ тряской ѣздой въ тарантасѣ. Въ экономическомъ отношеніи, возвращеніе въ Европу этимъ путемъ несравненно дешевле чѣмъ по Суэзскому перешейку; для послѣдняго понадобилось бы не менѣе полуторы тысячи рублей, тогда какъ отъ устьевъ Амура, черезъ Сибирь, можно доѣхать до Европы за треть этой суммы. Читатель, слѣдовавшій за мною въ этомъ длинномъ путешествіи, можетъ быть позволитъ мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній насчетъ совершенно-исключительнаго климата этихъ занимательныхъ странъ. Мнѣ кажется, что самое удивительное явленіе, менѣе всѣхъ объясненное матеорологами, есть то, что по мѣрѣ приближенія къ востоку температура на обоихъ материкахъ, Стараго и Новаго Свѣта, постоянно понижается, потому что, если относительная теплота Европы зависитъ, какъ говорятъ, отъ дѣйствія Гольфстрема, несущаго къ нашимъ берегамъ свои теплыя воды, то какъ объяснить ту же умѣренную теплоту въ западной Америкѣ, гдѣ никогда не бывало Гольф-стрема?

Формой материковъ, направленіемъ горъ, сосѣдствомъ моря и степей, способомъ обработки земли—можно объяснить себѣ нѣкоторое различіе въ температурѣ двухъ мѣстностей, находящихся подъ одною широтою, но никакія объясненія метеорологіи и географіи не дадутъ понятія о томъ, почему въ Сибири, на широтахъ совсѣмъ не отдаленныхъ отъ экватора, температура бываетъ ниже нежели на самыхъ крайнихъ границахъ арктическихъ морей. Поэтому мнѣ часто приходило въ голову, нельзя ли рѣшить удовлетворительнѣе этотъ вопросъ съ помощью геологіи. Считая это возможнымъ, я рѣшаюсь предложить на судъ читателя мое мнѣніе, не выдавая его, впрочемъ, ни за что иное, какъ за простое предположеніе и—такъ сказать;—фантаію аматера.

Вотъ на чемъ я основываюсь: чѣмъ болѣе какая нибудь часть поверхности земнаго шара удалена отъ своего центра, тѣмъ на ней должно быть холоднѣе, ибо если признать за фактъ, что по мѣрѣ нашего углубленія внутрь земли температура все возвышается, то изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что чѣмъ ближе мы находимся къ поверхности земли, тѣмъ температура становится холоднѣе. Въ на-

стоящее время уже доказано, что земной шаръ несовершенно круглъ, а въ однихъ мѣстахъ сплюснутъ, въ другихъ — выпуклъ; поэтому, если предположить, что въ Сибири или въ другомъ мѣстѣ существуетъ одна изъ этихъ выпуклостей, то, по нашей теоріи, тамъ должно быть холоднѣе. «Эти выпуклости—гипотеза», скажутъ мнѣ. Пусть такъ, но движенія часоваго маятника могли бы легко доказать ея справедливость, и я могу, въ пользу моей теоріи, выставить тотъ фактъ, что у полюсовъ, гдѣ земля значительно сплюснута, климатъ нисколько не суровый, и даже, по словамъ доктора Кэна, дважды побывавшаго тамъ, возвышеніе температуры на этихъ широтахъ такъ значительно, что еслибъ такое же возвышеніе существовало на полюсахъ, то тамъ можно было бы собирать хлѣбъ. Мнѣ возразятъ на это, что по той же самой причинѣ, на экваторѣ, гдѣ земля выпуклѣе, должно быть холоднѣе, чѣмъ на полюсахъ. Совсѣмъ нѣтъ, потому что здѣсь астрономическія условія берутъ верхъ и разрушаютъ дѣйствіе всѣхъ другихъ, притомъ же эта выпуклость экватора доказана только въ отношеніи къ полюсамъ, а можетъ быть на самомъ дѣлѣ Квито и Сингапуръ гораздо ближе къ центру земли чѣмъ Иркутскъ и Пекинъ. Но я пойду еще дальше и буду утверждать, что одной метеорологіи недостаточно, чтобъ объяснить холодъ, господствующій на вершинахъ горъ, хотя она всегда бралась за это объясненіе: разрѣженный воздухъ, говорятъ метеорологи, не можетъ поглощать такого значительнаго количества теплотвора.

Но когда мы ставимъ термометръ на гору и онъ понижается до нуля, то мы знаемъ, что онъ показываетъ не температуру малѣйшихъ частицъ воздуха, а температуру мѣста и *пространства*, которыя могутъ существовать даже при совершенной пустотѣ, потому что, въ концѣ концовъ, *температура* и *матерія*—двѣ вещи разныя, и я увѣренъ что термометръ не будетъ измѣняться, если его поставить подъ колоколъ воздушнаго насоса, изъ котораго вытянутъ воздухъ.

Чувствительная теплота жидкости или газа не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ плотности—пониженіе температуры въ верхнихъ слояхъ воздуха слѣдуетъ ариѳметической прогрессіи, а плотность воздуха — геометрической.

И такъ, если мнѣ удалось доказать, что даже холодъ, господствующій на высотахъ, не можетъ быть объясненъ чисто атмосферическими причинами, и что въ этомъ непремѣнно должны учавствовать причины геологическія, то я не только *a priori*, но и *a posteriori*

могу заключить, что большее или меньшее удаленіе отъ ра сплавленнаго центра земли должно дѣйствовать на температуру мѣстности. Я часто размышлялъ объ этомъ вопросѣ, и съ радостнымъ изумленіемъ узналъ, что другой, еще прежде меня, имѣлъ хотя не такую же, но сходную мысль. Я говорю о сочиненіи Гилля о Сибири, въ которомъ онъ касается этого вопроса, принимая за основаніе своихъ выводовъ большую или меньшую толщину земной коры.

Въ настоящее время одинъ ученый занимается разработкою вопроса о проводимости теплотвора въ различныхъ слояхъ, составляющихъ земную кору, и если это правда какъ онъ доказываетъ, что эта проводимость мѣняется въ отношеніи одного къ десяти, то какъ отказать геологіи въ огромномъ и почти главномъ участіи при образованіи климата въ какой нибудь мѣстности. Мнѣ очень хотѣлось сдѣлать всѣ эти замѣчанія прежде чѣмъ покинуть Сибирь, гдѣ я столько испыталъ и изучилъ свойства холода. Теперь я выѣзжаю оттуда съ чувствомъ благодарности ко всѣмъ друзьямъ, которыхъ я тамъ оставилъ; надѣюсь, что я моимъ длиннымъ описаніемъ не очень напугалъ тѣхъ изъ моихъ читателей, которые можетъ быть собирались сами поѣхать и посмотрѣть эти прекрасныя страны.

Въ Николаевскѣ было устроено три торжества для празднованія пріѣзда генерала Муравьева; парадная обѣдня, большой обѣдъ, на которомъ адмиралъ Казакевичъ, сказавши рѣчь и провозгласивши тостъ за здоровье человѣка, доказавшаго своей патріотизмъ пріобрѣтеніемъ для Россіи такихъ обширныхъ владѣній, обнялъ и поцѣловалъ его, и наконецъ вечеромъ, передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ, роскошный балъ, на которомъ всѣ говорили по-французски. Оркестръ морскихъ музыкантовъ былъ очень порядочный и мы разошлись только въ три часа. При свѣтѣ факеловъ отправились мы благодарить адмирала, а когда блѣдные бучи разсвѣта посеребрили горы, мы сѣли на шлюпку *Манджура*, большаго парохода, ожидавшаго насъ, и поплыли по теченію. Мѣрно ударяли вокругъ меня весла; нѣкоторые изъ товарищей, побѣжденные усталостью, крѣпко спали, а я, среди этой тишины, все размышлялъ о жизни путешественниковъ, о томъ какъ они легко привыкаютъ къ мѣстности и личностямъ, съ которыми такъ часто должно разставаться. Мнѣ было жаль Сибири, и я почти съ любовью припоминалъ малѣйшія подробности этого долгаго путешествія, которое, конечно, бывало иногда тягостно, но вообще совершилось такъ благополучно, какъ я никогда не смѣлъ ожидать. Съ тѣхъ поръ я много видѣлъ странъ, которыя

гораздо болѣе поражали мое воображеніе, но никогда, ни одна изъ нихъ не была такъ мила моему сердцу какъ Русская имперія и ея добродушные сыны. Теперь я покидалъ это все, и отправлялся въ другія страны, гдѣ жажда золота достигла своихъ крайнихъ предѣловъ и гдѣ я дорого поплатился за нее, хотя въ то время еще не подозрѣвалъ что со мной будетъ. И такъ я съ грустью взошелъ на палубу *Манджура* и тотчасъ же отправился спать съ тяжелымъ сознаніемъ, что никогда не увижу больше Сибири. Когда я проснулся, мы плыли по открытому морю, и кораблемъ командовалъ самъ адмиралъ, который вскорѣ уѣхалъ отъ насъ.

Вскорѣ мы вышли изъ Амура въ воды его *лимана*—такъ называется солоноватое пространство воды, усѣянное песчаными мелями и находящееся на сѣверѣ Татарскаго пролива.—Плаваніе здѣсь очень трудное, несмотря на устроенные повсюду створы, потому что глубина часто бываетъ различная на штирбортѣ и на бакбортѣ.

Зимою это море совершенно замерзаетъ и покрывается сверху такимъ количествомъ снѣга, что при оттепели онъ, своею тяжестью, проламываетъ ледъ, который идетъ ко дну.

Въ полдень показался островъ Сахалинъ съ своими горами и, видя себя окруженными отовсюду опасностями, мы сочли за лучшее благоразумно бросить якорь близъ острова.

Въ Айгунскомъ договорѣ не было и рѣчи объ островѣ Сахалинѣ, на южную часть котораго японцы такъ упорно изъявляли свои притязанія; но на его оконечности, въ Анивской бухтѣ устроенъ былъ русскій постъ, подъ названіемъ «Муравьевскій постъ»; при приближеніи нашихъ эскадръ его благоразумно оттуда удалили.

Говорятъ, что японцы ловятъ, въ этомъ маленькомъ заливѣ, несмѣтное количество селедокъ, которыя посылаютъ въ Матсмай; можетъ быть это и есть причина, почему они такъ держатся за обладаніе островомъ.

Островъ этотъ напоминаетъ своимъ видомъ мрачнаго опустошенія Огненную землю, находящуюся недалеко отъ антиподовъ.

Вѣчныя снѣга лежатъ тамъ на вершинахъ гранитныхъ горъ, и холодъ тамъ такъ ужасенъ, что самъ океанъ, несмотря на безпрерывныя бури, замерзаетъ на необъятное пространство вокругъ береговъ. Одна только есть драгоцѣнность на этомъ островѣ: это уголь Жонкьерской бухты, извѣстный своимъ превосходнымъ качествомъ и дающій восемдесять процентовъ на сто углетвору.

*

Французъ не можетъ, безъ ощущенія гордости, проѣзжать мимо многихъ береговъ Австраліи и Татаріи, прославленныхъ подвигами столькихъ французовъ и носящихъ ихъ имена; тутъ припоминались намъ безпрестанно: Ла Перузъ, Суффренъ, Гукъ, Лессепсъ, Наполеонъ, и наконецъ Кастри, когда мы, 15-го іюня, остановились въ бухтѣ этого имени.

Тутъ мы опять встрѣтились съ курьеромъ изъ Москвы. Кажется бы невозможно, на такомъ разстояніи, слышать что нибудь о Москвѣ, но русскимъ это ни почемъ; эти курьеры—молодые люди изъ военнаго званія—проѣзжаютъ въ шесть недѣль весь Старый Свѣтъ, возвращаются также быстро назадъ и опять уже готовы пуститься въ путь. Обыкновенно ихъ отсылаютъ обратно въ Россію черезъ Суэзскій перешеекъ и выдаютъ имъ на дорогу тысячу рублей серебромъ, не считая пяти рублей кормовыхъ въ день*). Кстати я здѣсь замѣчу, какъ странный фактъ, что не только эти курьеры, но и морскіе офицеры и вообще всѣ русскіе называютъ этотъ путь, то есть отправиться изъ Москвы сухимъ путемъ, дойти до устья Амура и воротиться въ Европу черезъ Суэзскій перешеекъ—*путешествіемъ кругомъ свѣта*. Мнѣ это кажется чистымъ парадоксомъ, но не надо спѣшить рѣшеніемъ этого вопроса. По нашимъ понятіямъ объѣхать кругомъ свѣта—значитъ перерерѣзать всѣ земные меридіаны, то есть болѣе или менѣе параллельно приблизиться къ экватору. Но экваторъ и меридіаны существуютъ только какъ научныя названія; въ природѣ же ихъ вовсе нѣтъ. Земля есть круглый шаръ и слѣдовательно можно описывать на ней круги все въ разныхъ мѣстахъ: если, напримѣръ, выѣхать изъ Парижа и не отклоняться ни на шагъ отъ меридіана, то проѣдешь черезъ оба полюса, захвативши частичку Азіи и вовсе не захватывая Америки, и однако все-таки объѣдешь кругомъ весь земной шаръ. На это можно возразить что этотъ кругъ, во всякомъ случаѣ, гораздо обширнѣе нежели тотъ, который совершаютъ русскіе, объѣзжая Сибирь. Это правда; но еслибъ кто нибудь проѣхалъ изъ Сибири въ Калифорнію и возвратился въ Европу чечезъ Нью-Іоркъ (какъ это и дѣлали нѣкоторые), то неоспоримо было бы, что онъ также объѣхалъ кругомъ земной шаръ, хотя кругъ этотъ до того малъ, что находится почти на равномъ разстояніи отъ полюса и отъ экватора. Поэтому, мы никакъ не можемъ оспаривать у

*) Свѣдѣнія это не вѣрны, ибо по Амуру курьеры разъѣзжаютъ ежеминутно взадъ и впередъ по одному и тому же пути между Иркутскомъ и Николаевскомъ.
Прим. ред.

русскихъ право называть свой объѣздъ «кругосвѣтнымъ путешествіемъ», тогда какъ нашихъ глазахъ, онъ просто «путешествіе вокругъ Азіи».

Въ Кастрійской бухтѣ мы нашли всю амурскую флотилію и дожидались еще три дня полнаго сбора эскадры. Какъ послѣднее доказательство всего того, что я говорилъ о климатѣ этой части Азіи, я приведу одну невѣроятную вещь именно то, что 18 іюня берегъ былъ покрытъ огромными кусками льда, и въ это утро постоянно шелъ снѣгъ!

Въ продолженіе этихъ трехъ дней бездѣйствія, я часто смотрѣлъ на островъ, называемый *Обсерваторія* и заслоняющій вполовину эту знаменитую бухту; онъ напоминалъ мнѣ славнаго ла-Перуза, но все-таки я ни разу не чувствовалъ охоты сойти на берегъ, гдѣ виднѣлось только нѣсколько деревянныхъ хижинъ и за ними дремучіе лѣса.

18 іюня мы тронулись съ мѣста; но нашъ неуклюжій *Манджуръ*, не смотря на свою массивность, покатилъ вдругъ такъ быстро, что, отмахавши двадцать миль и встрѣтивши сильнѣйшую качку, мы принуждены были опять вернуться и бросить якорь въ томъ же мѣстѣ; со всѣми пассажирами, кромѣ генерала Муравьева и меня, сдѣлалась сильнѣйшая морская болѣзнь.

Наконецъ прибылъ одинъ изъ желанныхъ американскихъ кораблей, шедшій изъ Калифорніи въ Николаевскъ. Это было трехъ-мачтовое судно, экипажъ котораго состоялъ только изъ шести человѣкъ; однако, не смотря на это, они дошли съ Сандвичевыхъ острововъ до Японіи въ три недѣли. Судно это бросило якорь возлѣ насъ, и капитанъ былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ читать калифорнійскія газеты, изъ которыхъ я узналъ кое-какія европейскія новости. Одинъ американскій пассажиръ, хотѣвшій ѣхать въ Іеддо, пришелъ къ намъ просить генерала взять его на пароходъ, но я взялся объяснить ему, что у насъ не было больше мѣста, и тогда онъ продолжалъ путь въ Николаевскъ. На другой день это американское судно потерпѣло крушеніе, и пассажиръ, просившійся къ намъ, спасся вплавь. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я встрѣтился съ нимъ за столомъ въ Хонгъ-Конгѣ, на другой день послѣ втораго его кораблекрушенія, во время котораго онъ не могъ спасти даже свое платье. Съ одними только американцами могутъ случаться на каждомъ шагу такія приключенія!

19 числа, не довѣряя уже болѣе *Манджуру*, мы сѣли на пароходъ *Америка* и поспѣшили выдти изъ Кастрійской бухты, на ко-

торой въ настоящее время уже устроенъ маякъ и постоянно живутъ нѣсколько опытныхъ лоцмановъ.

Механикъ парохода былъ образованный американецъ, очень довольный тѣмъ, что могъ говорить со мною по-англійски, вслѣдствіе чего онъ предложилъ мнѣ половину своей каюты. Но погода опять не благопріятствовала намъ: дождь не переставалъ идти, море волновалось и холодъ былъ такъ силенъ, что на другой день мы должны были опять остановиться въ превосходной бухтѣ, давно извѣстной подъ именемъ *бухты Императора Николая*, хотя, во время войны, одинъ англійскій корабль счелъ своимъ долгомъ перемѣнить ей названіе и окрестилъ ее именемъ *Barracouta harbour*. Этотъ рейдъ имѣетъ сходство съ Сиднейскимъ рейдомъ въ томъ отношеніи, что точно также раздѣляется на пять или шесть отдѣльныхъ рукавовъ, спокойныхъ какъ озеро, и въ которыхъ можно вездѣ бросать якорь на десяти и пятнадцати брассахъ глубины, совершенно потерявши изъ виду море. Это настоящій норвежскій *fiord;* въ немъ такъ много извилинъ, что цѣлый флотъ могъ бы тамъ размѣститься такъ, что ни одному кораблю не было бы видно другаго. Русскій фрегатъ *Паллада* былъ тамъ потопленъ во время войны, почти въ виду нашихъ укрѣпленій, которыя не подозрѣвали даже его присутствія.

Такъ какъ дождь становился все болѣе и болѣе «тропическаго» свойства, то мы потеряли терпѣніе и, не дожидаясь уже хорошей погоды, окончательно оставили негостепріимные берега Татаріи и повернули носъ *) къ Японіи.

Плаваніе на русскомъ пароходѣ не представляло особеннаго интереса; я удивлялся только съ какимъ благоговѣніемъ весь экипажъ, при закатѣ солнца, стоялъ съ открытыми головами на палубѣ и пѣлъ вечернюю молитву передъ склоненнымъ національнымъ флагомъ, который также какъ будто преклонялся предъ Богомъ морей. Зачѣмъ тутъ не было Шатобріана? Онъ оставилъ бы потомству еще одну безсмертную страницу.

Два дня спустя послѣ нашего отъѣзда изъ Барракуты, мы увидали на юго-востокѣ землю: это была южная часть острова Іессо, находившагося еще въ большомъ отдаленіи, но уже явственно рисовавшагося среди своей яркой зелени. Опять, послѣ суровыхъ сосенъ и снѣговъ Сибири, мнѣ приходилось видѣть свѣтлозеленые ковры и

*) Надѣюсь, что читатели простятъ мнѣ это выраженіе, также какъ и многія другія техническія слова, которыя я принужденъ буду употреблять во все время описанія плаванія.

изумрудную листву! Лучи солнца вдыхали жизнь во всю природу, все освѣщали и согрѣвали. Море не лежало уже, какъ подъ широтой Байкала, неподвижной, застывшей массой, но блестѣло, какъ растопленный сапфиръ, и тихо колыхалось отъ дуновенія вѣтра, переходя отъ голубаго цвѣта къ розовому. Живописные острова, какъ будто плававшіе на его поверхности, не имѣли тѣхъ рѣзкихъ очертаній, которыя придаютъ сѣвернымъ мѣстностямъ такой суровый видъ; подернутые, какъ газомъ, легкими испареніями, они неопредѣленно и граціозно рисовались на горизонтѣ, рядомъ съ красивыми парусами японскихъ джонокъ, лѣниво дремавшихъ на солнцѣ. Твердая земля была перерѣзана зигзагами дорогъ, проходившихъ черезъ сады и парки до самой вершины горъ; на берегахъ разстилались деревни и селенія. Благодаря тишинѣ моря, мы скоро дошли до Сангарскаго пролива, оставляя позади себя длинный пѣнистый слѣдъ; тутъ волна Великаго океана въ первый разъ прошла подъ нашимъ килемъ, и наше утлое судно дрогнуло отъ этого прикосновенія.

Городъ Матемай, прислонившійся къ горамъ и опоясанный цѣлымъ лѣсомъ джонокъ, появился и исчезъ мгновенно, потому что очень сильное теченіе съ запада несло насъ впередъ съ такою быстротою, что мы едва имѣли время разглядѣть контуры и растительность прекрасныхъ горъ острова Іессо и острова Нипона, лежавшаго направо отъ насъ. Эта мѣстность имѣла чрезвычайно оригинальный видъ; горныя вершины и пики были до такой степени зубчаты, остры и изборождены, что походили на пилы; а почва была вся прорыта маленькими долинами, придававшими ей сходство съ волнующимся моремъ. Такъ какъ люди вообще, во всѣ времена, заимствовали модели своей архитектуры изъ различныхъ произведеній природы того края, гдѣ они жили, то я полагаю, что почва Японіи, растреснутая, разорванная, изборожденная и испиленная, вѣроятно, подала своимъ жителямъ первую идею этихъ крошечныхъ вещицъ, которыя они такъ превосходно выдѣлываютъ, съ такими мелочными подробностями, что ихъ нужно разсматривать въ увеличительное стекло.

Извѣстно, что въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ деревья отличаются крѣпостью, а не изяществомъ, гдѣ горы вообще покаты и скорѣе круглы, люди не могутъ заниматься такими тонкими работами, да и сами бываютъ тяжелы и неповоротливы, наподобіе своихъ ледяныхъ холмовъ; тамъ же, гдѣ растетъ бамбукъ и пальма, люди граціозны, тонки и гибки какъ змѣи.

Размышленія мои недолго продолжались, для меня наступала наконецъ минута ступить ногою на одну изъ самыхъ таинственныхъ частей земнаго шара, и все вниманіе мое сосредоточилось на волканическихъ вершинахъ, окружавшихъ бухту Хакодаде, единственный пунктъ во всей Японіи, куда я могъ пристать. Сначала облака скрывали ихъ почти совершенно отъ нашихъ глазъ, но къ вечеру облака эти спустились къ подошвѣ, и мы увидали пики, позлащенные солнцемъ. Подъ защитой этихъ гигантовъ, охранявшихъ насъ отъ яростныхъ волнъ океана, мы бросили наконецъ якорь въ пятистахъ саженяхъ отъ Хакодаде, обойдя почти кругомъ всю бухту, чтобъ не наткнуться на мель.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я первой возможности выйдти на берегъ; но была уже ночь и это пришлось отложить до слѣдующаго утра. Однако я успѣлъ уже, вмѣстѣ съ многими изъ моихъ товарищей, собрать многочисленныя свѣдѣнія о японцахъ и даже пошутить надъ ихъ костюмомъ и наружностью, въ лицѣ нашего кормчаго и его помощниковъ. Я констатировалъ четыре очень важные факта: во-первыхъ, что японцы не носятъ косы; прическа ихъ состоитъ изъ густой пряди волосъ, смазанныхъ какимъ-то веществомъ, зачесанной сначала назадъ, а оттуда горизонтально проведенной напередъ, по обоимъ бокамъ головы, и тутъ обѣ половинки этой пряди крѣпко связываются снуркомъ. Сначала, увидѣвъ такую прическу на головѣ кормчаго, я подумалъ что она представляетъ собою румпель, но потомъ я узналъ что ее носятъ всѣ.

Во-вторыхъ, японцы показались мнѣ безрукими, и я поспѣшилъ было занести въ свою тетрадь эту замѣтку, долженствовавшую изумить міръ, но оказалось, что я ошибся, и что японцы просто отъ холоду прятали руки въ свои огромные рукава; потомъ я замѣтилъ что у нихъ вообще были чрезвычайно красивыя и аристократическія руки.

Въ-третьихъ, они ходили или босикомъ, или на маленькихъ деревянныхъ скамеечкахъ, подвязанныхъ къ ногамъ.

Наконецъ, упомяну о самомъ важнѣйшемъ фактѣ, въ которомъ я несомнѣнно убѣдился, хотя многіе, можетъ быть, ему не повѣрятъ. Японцы, живущіе такъ близко отъ китайцевъ, — не имѣютъ никакого запаха!.. Да! отъ нихъ ничѣмъ не пахнетъ!!! Китайцы присвоили себѣ всѣ міазмы и всѣ газы!

Послѣ такого замѣчательнаго открытія, я тотчасъ отправился спать, боясь еще открыть что нибудь такое, что не дастъ мнѣ спать всю ночь отъ удивленія.

Японскій полиціантъ.

ГЛАВА XV.

Хакодаде и японцы. — Генералъ Муравьевъ предлагаетъ мнѣ ѣхать въ Шангъ-Хай на канонерской шлюпкѣ. — Отъѣздъ. — Тифонъ. — Островъ Кельпаертъ. — Русскіе матросы. — Возвращеніе къ сѣвернымъ широтамъ. — Синяя рѣка и прибытіе въ Шангъ-Хай.

На другой день пріѣхало на пароходъ множество гостей, въ томъ числѣ губернаторъ города, въ огромной джонкѣ съ тридцатью гребцами, за которой слѣдовала другая джонка съ солдатами. Замѣчу при этомъ, что гребцы не погружали, какъ у насъ, весла въ воду, но управляли ими, технически выражаясь, *à la godille*, т. е. дѣлая такія движенія какъ рыба хвостомъ, когда плыветъ, и ни разу не вынимали ихъ изъ воды. У насъ такъ правятъ только челнокомъ, когда въ немъ ѣдетъ одинъ человѣкъ, который садится у кормы; здѣсь же всѣ матросы, сидѣвшіе по пятнадцати въ рядъ, правили такимъ образомъ; это внушило мнѣ мысль, можетъ быть и ошибочную, что японцы далеко не могутъ похвалиться искусствомъ мореплаванія, хотя и живутъ на островѣ. Однако, между ними есть и хорошіе моряки, въ особенности теперь, когда они завели пароходы и многочисленныя суда, на которыхъ ходятъ по Тихому океану. Это доказываетъ не только матеріальный, но и нравственный прогрессъ, потому что съ улучшеніемъ мореплаванія рушился варварскій обычай отнимать компасы у крейсирующихъ судовъ, лишь только они выходили въ открытое море, чтобъ воспрепятствовать имъ такимъ образомъ выѣхать изъ страны.

Въ то время какъ генералъ Муравьевъ высаживался на берегъ, губернаторъ вступилъ на корабль; его тотчасъ усадили на палубѣ и стали подчивать шампанскимъ. Занявшись тщательнымъ изуче-

ніемъ его особы, я замѣтилъ что когда ему захотѣлось высморкаться, то онъ деликатно вынулъ изъ кармана кусочекъ бумажки, и кончикомъ пальцевъ ущипнулъ имъ себя за носъ; но затѣмъ онъ былъ въ большомъ смущеніи, не зная куда дѣвать эту бумажку и не рѣшаясь бросить ее на палубу, чтобъ не запачкать ее; наконецъ, улучивъ минуту, когда никто на него не смотрѣлъ, онъ кинулъ ее въ море.

Сопровождавшая его свита была вооружена великолѣпными саблями, острыми какъ бритвы и выдѣланными изъ самой лучшей стали. Когда мы изъявили желаніе купить одну изъ нихъ, то японцы съ значительнымъ видомъ провели рукою по шеѣ, давая этимъ знать, что за это преступленіе у нихъ полагается смертная казнь. Въ настоящее время предразсудокъ этотъ кажется уже болѣе не существуетъ, и японскимъ офицерамъ позволено продавать сабли.

Свита губернатора состояла не изъ однихъ солдатъ: съ нимъ былъ переводчикъ, молодой человѣкъ съ очень изящными манерами, говорившій по-англійски не совсѣмъ правильно, но съ довольно чистымъ акцентомъ, хотя онъ только два мѣсяца тому назадъ началъ учиться этому языку. Въ географіи онъ былъ повидимому несравненно слабѣе, потому что когда я его спросилъ о числѣ жителей въ Іеддо, онъ отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ.

Китайцы, говоря на какомъ нибудь европейскомъ языкѣ, не могутъ выговорить *р* и взамѣнъ его употребляютъ *л*, въ противуположность японцамъ, которые вездѣ выговариваютъ *р*. Впрочемъ, японское нарѣчіе показалось мнѣ гораздо яснѣе и отчетливѣе китайскаго, въ которомъ всѣ звуки чрезвычайно смѣшны и не имѣютъ въ себѣ почти ничего человѣческаго.

Какъ уроженцу южной Франціи, мнѣ было очень интересно узнать, что слово *gava* по-японски означаетъ *рѣку*, точно также какъ у насъ въ Пиренеяхъ рѣка называется *gave*. Впрочемъ, въ физіономіи этихъ деликатно-сложенныхъ островитянъ нѣтъ ничего общаго съ наружностью нашей энергической расы. Японцы любезны, учтивы, веселы и повидимому добродушны, но они малы ростомъ, тщедушны, и хотя стараются принимать на себя видъ достоинства и величавости, но успѣваютъ въ этомъ лишь на столько, на сколько могутъ люди маленькаго роста. Составить мнѣніе объ азіатцѣ—вещь весьма нелегкая, потому что онъ такъ быстро измѣняется какъ хамелеонъ:—на его честную наружность совершенно нельзя полагаться. Въ первую минуту энтузіазма, нѣтъ такихъ прекрасныхъ качествъ, кото-

рыми бы иностринцы не надѣлили японцевъ, но впослѣдствіи оказывается, что этотъ народъ имѣетъ только наружный лоскъ, прикрывающій самое низкое варварство. Убійство, самоубійство, пьянство и еще болѣе постыдные пороки не считаются у нихъ пороками, а скромности у нихъ еще менѣе чѣмъ у китайцевъ. Въ Японіи повидимому уважается только чувство чести; японцы храбро дерутся; ихъ мужество не похоже на отрицательное мужество индусовъ, состоящее въ томъ, чтобъ ожидать смерти, не дѣлая шагу ей на встрѣчу. Фехтованіе, дуэли, турниры у нихъ въ большомъ употребленіи; общій характеръ ихъ носитъ на себѣ отпечатокъ мужественности. Образованіе здѣсь тоже довольно распространено, судя потому количеству книгъ, которое расходится даже въ такомъ маленькомъ городѣ какъ Хакодаде. Мнѣ случилось видѣть одинъ японскій атласъ, гдѣ, не смотря на грубыя ошибки, было много замѣчательнаго для народа, жившаго всегда отдѣльно отъ прочихъ народовъ. На немъ изображенъ былъ южный континентъ, покрывавшій весь полюсъ; другія части свѣта были всѣ на своемъ мѣстѣ, и первый меридіанъ проходилъ чрезъ Мійако; что касается до широты и долготы, то онѣ были такъ точно обозначены, что я съ трудомъ могъ повѣрить, не смотря на нѣкоторыя важныя ошибки, что эти карты составлены не подъ руководствомъ нашихъ миссіонеровъ, внесшихъ свѣтъ просвѣщенія въ Японію и получившихъ такое плохое вознагражденіе за свои труды.

Насладившись вдоволь обществомъ губернатора Хакодаде и его солдатъ, мнѣ захотѣлось сойти на землю и осмотрѣть городъ вблизи; послѣ завтрака мы, въ числѣ десяти человѣкъ, высадились съ корабля на японскую землю. Мѣстность, на которой расположенъ Хакодаде и его бухта, имѣющая почти совсѣмъ круглую форму—прекрасны; городъ перерѣзанъ парками, виллами и садами съ расчищенными аллеями; надъ нимъ возвышается гора сажень въ двѣсти, выдающаяся въ море и соединяющаяся съ землей длиннымъ плоскимъ берегомъ; вокругъ бухты взоръ не встрѣчаетъ ничего кромѣ горъ, которыя становятся все выше по мѣрѣ своего отдаленія; нѣкоторыя изъ нихъ огнедышащія. Самый городъ имѣетъ довольно бѣдную наружность, такъ какъ улицы тамъ узки, а дома малы и крыши на нихъ такъ непрочны, что ихъ покрываютъ большими камнями, для того чтобъ вѣтеръ не могъ снести ихъ. Магазины тамъ такъ хороши, что европейцу невозможно не опорожнить своего кошелька при видѣ такихъ чудесъ изъ лака и шелку; но за всѣ покупки, гдѣ бы

онѣ ни были сдѣланы, плата принимается только въ одномъ большомъ центральномъ магазинѣ, который называется «складомъ». Тамъ находится «счетчикъ», съ проворствомъ фокусника перебирающій шарики, нанизанные на нѣсколько параллельныхъ проволокъ, прикрѣпленныхъ къ деревянной дощечкѣ. Сколько бы ни было вещей и по какимъ бы различнымъ цѣнамъ онѣ ни были куплены, онъ въ нѣсколько секундъ подведетъ вамъ итогъ всѣхъ покупокъ, съ быстротой молніи перебрасывая шарики съ мѣста на мѣсто. Онъ дѣлаетъ это съ такимъ проворствомъ, что пальцы его только мелькаютъ передъ глазами, и невольно вспоминается Тальбергъ, выполняющій одну изъ своихъ самыхъ блестящихъ фантазій. Эта счетная машина такъ любопытна, что стоило бы написать ея исторію, потому что она въ большомъ ходу не только въ Японіи и въ Китаѣ, но даже и въ Петербургѣ, хотя первоначальное происхожденіе ея неизвѣстно; впрочемъ, русскіе далеко не съ такимъ искусствомъ дѣйствуютъ ею какъ японцы.

Сдѣлавъ разныя покупки, мы пошли бродить безъ цѣли по главной улицѣ, до тѣхъ поръ, пока не дошли до воротъ одной изъ тѣхъ странныхъ японскихъ бань, тайны которыхъ такъ любятъ описывать всѣ путешественники. Имъ по большей части не вѣрятъ, а между тѣмъ они говорили сущую истину, которую впрочемъ безполезно здѣсь повторять. Многіе утверждаютъ что такой порядокъ вещей служитъ доказательствомъ или чрезвычайной невинности, или возмутительнаго разврата японцевъ; что касается до меня, то я считаю, что въ этомъ явленіи, также какъ и во многихъ другихъ странныхъ фактахъ, нужно видѣть только всемогущую силу привычки. Трудно предположить въ язычникахъ такую первобытную невинность; но нельзя также, на основаніи упомянутаго факта, обвинять ихъ въ развращенности нравовъ, особенно въ сравненіи съ нами, потому что въ этомъ случаѣ мы поступаемъ гораздо лицемѣрнѣе ихъ, прикрывая наши пороки покровомъ благопристойности.

За входъ въ эти бани платятъ по сантиму, и за это отпускается каждому приходящему столько холодной и горячей воды, сколько онъ пожелаетъ; японцы проводятъ тамъ цѣлые часы, занимаясь куреніемъ, пѣніемъ и разговорами о политикѣ, какъ въ любомъ парижскомъ кафе; вообще замѣтно, что они любятъ развлеченія и *far niente*.

Мы продолжали нашу прогулку и зашли въ зданіе русскаго консульства, изъ котораго можно обозрѣвать весь городъ. Консулъ принялъ меня очень любезно и далъ мнѣ нѣсколько японскихъ монетъ,

которыя всѣ литыя; мѣдныя и бронзовыя монеты имѣютъ овальную форму, съ четвероугольной дырочкой посрединѣ, для того чтобъ ихъ удобно было нанизывать какъ четки, а серебрянымъ придана форма продолговатаго четыреугольника.

Между тѣмъ наступила ночь; мы поспѣшили вернуться на корабль, и должны были снова проходить по тѣмъ же самымъ улицамъ безъ фонаря, что было крайне неудобно, такъ какъ въ темнотѣ мы безпрестанно попадали въ грязь и въ канавы. Я пришелъ очень поздно въ гавань, откуда и добрался до корабля въ самое время, чтобъ перенести мои вещи съ *Америки*, на канонирскую шлюпку *Джигита*, отправлявшуюся въ Шангъ-Хай. Я наскоро простился съ генераломъ Муравьевымъ и со всѣми моими друзьями и спутниками; тутъ только, разрывая всѣ дорогія связи, соединявшія меня съ русскими, я почувствовалъ сильнѣе чѣмъ когда нибудь всю силу привязанности, которую они съумѣли внушить мнѣ. Они всѣ были мнѣ дороги, но съ однимъ изъ нихъ, особенно г. Муравьевымъ, мнѣ тяжело было разставаться.

Наконецъ, я разстался съ нимъ, сказавъ ему «до свиданья», а не «*прости*», такъ какъ я надѣялся когда нибудь встрѣтиться съ нимъ во Франціи. Затѣмъ я сѣлъ въ шлюпку *Америки*, въ сообществѣ г. Спѣшнева, секретаря генерала, и трехъ негоціантовъ изъ Кяхты, и мы поплыли въ прекраснѣйшую лунную ночь по направленію къ чернѣвшемуся вдали *Джигиту*. Все было тихо; раздавался только одинъ торжественный гулъ, казалось, наполнявшій собою весь міръ: то былъ могучій рокотъ Тихаго океана, катившаго свои тяжелыя волны по прибрежнымъ камнямъ, которые обдавала морская пѣна, сверкающая бѣлизной. Этотъ величественный гулъ потрясаетъ каждаго путешественника до глубины души, потому что онъ одинъ всегда и всюду остается неизмѣннымъ, тогда какъ все въ мірѣ проходитъ и измѣняется. Попробуйте отнять у земли эту поэзію океана, которая для путника тоже, что боевая музыка и пушечная пальба для солдата,—и ни одинъ самый страстный любитель путешествій не захочетъ болѣе никуда ѣхать. Вступивъ на *Джигитъ* съ тѣмъ, чтобъ снова отправиться въ новыя для меня страны, я легъ спать и заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что проснулся на другой день уже въ открытомъ морѣ, и не слыхалъ ни одного изъ нестройныхъ звуковъ, сопровождающихъ обыкновенно отплытіе корабля.

Еслибъ мнѣ не посчастливилось отыскать эту канонирскую шлюпку и занять на ней мѣсто, я бы, можетъ быть, пренужденъ былъ ждать

нѣсколько мѣсяцевъ въ Хакодаде, гдѣ не было другихъ судовъ кромѣ японскихъ джонокъ и гоэлетты. Я выѣхалъ изъ Японіи 25-го іюня, ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда изъ Баньеръ-де-Бигоръ; мнѣ пріятно было вспомнить какъ судьба постоянно благопріятствовала мнѣ и сколько я превозмогъ въ это время преградъ и опасностей. Въ настоящую минуту я былъ также очень доволенъ своимъ положеніемъ; офицеры *Джигита* были какъ нельзя болѣе ко мнѣ предупредительны. Они дали мнѣ такую каюту, какою я еще не пользовался ни на одномъ суднѣ, и которая не могла бы помѣститься ни на какой другой канонирской шлюпкѣ, такъ какъ онѣ отличаются вообще малыми размѣрами; эта же шлюпка вмѣщала въ себѣ тысячу тоннъ и обладала очень быстрымъ ходомъ; это была трехмачтовая гоэлетта, построенная по образцу клиппера и легко дѣлавшая по одиннадцати, двѣнадцати, а иногда и тринадцати узловъ въ часъ на однихъ парусахъ. Паровикъ находился на ней въ видѣ вспомогательной машины и почти постоянно былъ обреченъ на бездѣйствіе, по причинѣ дурнаго качества угля, взятаго изъ Хакодаде и вышедшаго въ два дня, тогда какъ онъ былъ разсчитанъ на цѣлую недѣлю. Впрочемъ, нѣкоторые путешественники обречены на вѣчныя неудачи во время плаванія, и я изъ числа ихъ; особенно плаваніе на парусныхъ судахъ для меня неблагопріятно. Въ первые три дня намъ постоянно дулъ противный вѣтеръ, и когда онъ переставалъ, то наступало полное затишье, а на четвертый мы претерпѣли настоящій тифонъ, — хотя это рѣдкое явленіе подъ этими широтами, но подлинность его не подлежитъ сомнѣнію. — Такъ какъ у меня записаны всѣ фазы этого феномена, то я прошу позволенія помѣстить ихъ здѣсь, употребляя при этомъ необходимыя техническія выраженія.

20-го іюня, 8 часовъ утра. Барометръ опускается почти на глазахъ, вѣтеръ поднимается и усиливается; мы дѣлаемъ по одиннадцати узловъ на всѣхъ парусахъ. Менѣе чѣмъ въ три четверти часа вѣтеръ до того усиливается, что приказано убрать одни за другими лисели (малые паруса) штаги, два передніе стакселя, два брамъ-флагштока, большой парусъ на бригантинѣ и взять два рифа въ марсъ-стенгѣ.

Море все въ глубокихъ бороздахъ; поднимаются высокіе грозные холмы, встаютъ цѣлыя горы зеленой влаги, и отъ нихъ летятъ мелкія брызги, точно пыль; неправильные порывы и свистъ вѣтра; молніи мгновенно прорѣзываютъ небо и также быстро потухаютъ, ко-

гда нѣтъ молніи, море мутнаго цвѣта, а при ея блескѣ становится совершенно чернымъ. Птицы, захваченныя врасплохъ, напрасно ищутъ прибѣжища и описываютъ круги въ воздухѣ; мачты качаются, паруса рвутся, и каждая часть корабля звенитъ какъ колоколъ. Скоро по всему горизонту разстилается какъ будто черный занавѣсъ; внизу же море совершенно бѣлое; паруса трещатъ и разрываются; кливеръ падаетъ въ море, испещренный тысячами серебряныхъ линій. Вѣтеръ, налегая какъ будто сверху, придавливаетъ валы; мы постоянно совѣтуемся съ барометромъ, который въ два часа опустился уже на полвершка. Тогда снимаютъ фокъ-мачту; все море раздѣляется на три гигантскія волны, сражающіяся другъ съ другомъ; дождь идетъ ливмя, такъ что почти нельзя смотрѣть въ ту сторону откуда вѣтеръ. Въ полдень, на одно мгновеніе является солнце, прорѣзывающее какъ лучъ небесный глубины ада; мы проѣзжаемъ по трупу кита, перевернувшагося на спину; все море кажется объято пожаромъ и представляетъ массу кратеровъ и пирамидъ, смѣняющихъ однѣ другія. Люди кричатъ какъ бѣшеные; ни на какомъ языкѣ нѣтъ словъ, чтобъ дать понятіе объ этомъ зрѣлищѣ, и еслибъ въ эту минуту десять человѣкъ свалились въ море,—никто бы того не замѣтилъ.

Вѣтеръ безпрестанно переходитъ отъ сѣверо-восточнаго къ юго-восточному и юго-западному; градъ соленой воды, глыбы пѣны, застилающія дневной свѣтъ, окутываютъ насъ какъ саваномъ; слово тифонъ переходитъ изъ устъ въ уста; съ большой мачты снимаютъ рифъ и мы ложимся въ дрейфъ. Вѣтеръ повертываетъ къ западу и море стоитъ неподвижно какъ громадный котелъ, въ которомъ одинаково исчезаетъ подъ пѣною какъ гигантскій корабль, такъ и ничтожная скорлупка. Но эта пѣна ничто въ сравненіи съ тѣми правильными пѣнистыми холмами, которые, катясь подобно водопадамъ по направленію къ мысу Горнъ, ослѣпляютъ насъ своей влажной массой.

Въ три часа барометръ, какъ бы въ нерѣшимости то возвышается, то понижается, и постоянно остается въ состояніи колебанія; въ пять часовъ вѣтеръ повертываетъ къ сѣверо-западу, но сила его уже ослабѣваетъ: это его послѣднее усиліе, его предсмертная агонія; въ шесть часовъ наступаетъ полный штиль и начинаютъ ходить глубокія волны.

Вотъ какимъ образомъ, безъ всякаго преувеличенія, примчался и миновалъ этотъ страшный гость, посѣщающій по нѣскольку разъ, отъ іюня до октября, моря Китая и Японіи, и приводящій въ трепетъ

все окружающее. Во время обыкновенныхъ бурь, свирѣпствующихъ зимою подъ нашими широтами, всѣ знаютъ съ чѣмъ имѣютъ дѣло, потому что вѣтеръ идетъ прямо съ какой нибудь одной стороны и вступаетъ въ честный бой съ мореплавателями; здѣсь же вѣтеръ крутится вокругъ васъ, какъ волкъ вокругъ ягненка и запираетъ всѣ пути къ спасенію. Въ полдень, напримѣръ, начинаетъ дуть бурный вѣтеръ съ сѣвера, а чрезъ два часа съ юга уже мчится новый врагъ на встрѣчу первому, волнуя все море въ разныхъ направленіяхъ и высоко вздымая и крутя волны, которыя скачутъ и шатаются какъ пьяныя. Эти перемѣны вѣтра во время тифоновъ, когда въ продолженіе двадцати часовъ онъ дуетъ почти со всѣхъ сторонъ горизонта, долго оставались тайною для науки, но въ настоящее время, хотя еще и не вполнѣ разъяснено происхожденіе тифоновъ, но извѣстны по крайней мѣрѣ законы, ими управляющіе, а слѣдовательно и средства уклоняться отъ нихъ. Не занимаясь спеціально изученіемъ этого предмета, я не въ состояніи объяснить свойства и законы тифоновъ и всѣхъ этихъ ураагановъ, которые называютъ «круговыми»; но вотъ ихъ главныя черты.

Это просто смерчи въ большомъ видѣ, т. е. занимающіе собой такое пространство что могли бы покрыть все Средиземное море; вѣтеръ же движется вокругъ извѣстнаго центра съ необыкновенной быстротой. Но кромѣ этого *круговращательнаго* движенія, тифоны или «циклоны», имѣютъ еще движеніе *переносное*, посредствомъ котораго они переносятся съ быстротою многихъ миль въ часъ, съ одного мѣста на другое. Это-то самое двойное движеніе, которое совершаютъ планеты, или, выражаясь проще, точно такое круженіе какъ въ вальсѣ. Это переносное движеніе теперь такъ ясно доказано, что иные неловкіе капитаны иногда плывутъ въ продолженіе шести или семи дней посреди тифона, не выходя изъ него, тогда какъ могли бы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ удалиться отъ него, еслибъ понимали въ чемъ дѣло, потому что въ нѣсколькихъ лье отъ того пункта, гдѣ они борятся съ вѣтромъ, другіе корабли благополучно продолжаютъ свой путь, ни мало не подвергаясь дѣйствію бури. Къ несчастію, большая часть капитановъ на купеческихъ корабляхъ смотритъ съ ужасомъ и недовѣріемъ на всякую попытку теоретически объяснить имъ направленіе вѣтра, которое они всегда считаютъ неизбѣжнымъ. Еслибъ не существовало этого предразсудка, то многіе корабли не терпѣли бы крушенія, потому что стоитъ только придерживаться слѣдующаго правила, чтобъ не попасть, по крайней мѣ-

рѣ на открытомъ морѣ, въ самый центръ этихъ ураганов, гдѣ они свирѣпствуютъ съ такой силой, что застигнутый ими корабль неминуемо долженъ погибнуть. Нужно стать задомъ къ вѣтру,—и центръ будетъ всегда у васъ вправо: тогда можно подвигаться къ периферической линіи, замыкающей кругъ, за которымъ вѣтеръ почти внезапно стихнетъ. Для того, чтобы понять, почему вѣтеръ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ безпрерывно мѣняется на извѣстномъ пространствѣ и дуетъ со всѣхъ сторонъ разомъ, нужно начертить на листѣ бумаги рядъ концентрическихъ круговъ, которые будутъ изображать вѣтеръ и его направленіе; потомъ провести въ какомъ нибудь мѣстѣ прямую линію, которая будетъ изображать судно. Если всѣ эти круги движутся въ одно время, въ какомъ бы то ни было направленіи, или что то же самое, если они стоятъ неподвижно, а судно подвигается, то можно тотчасъ же увидѣть, продолживъ линію, изображающую ходъ судна, что вѣтеръ, дувшій сначала слѣва долженъ будетъ дуть послѣ того сзади, а потомъ справа и т. д., и все это въ точности исполняется.

Странно только то, что въ южномъ полушаріи крутовращательное движеніе вѣтра совершается въ ту же сторону какъ и движеніе часовой стрѣлки, а въ нашемъ полушаріи—совершенно обратнымъ образомъ. Какъ общее правило, принято, что круговые ураганы не могутъ заходить за предѣлы тропиковъ; но мы сами видѣли исключеніе изъ этого правила; быстрота вѣтра во время этихъ ураганов полагается сто двадцать верстъ въ часъ. Многіе старались распознавать приближеніе тифона по разнымъ признакамъ, но даже искусные безпрестанно ошибались. Вѣрнѣйшемъ признакомъ, по моему мнѣнію, можетъ служить то, когда солнце заходитъ совершенно красное и при этомъ внезапно понижается барометръ, всегда вѣрно возвѣщающій близость этихъ ужасныхъ атмосферическихъ сотрясеній, которыя разражаются быстро какъ молнія и также внезапно прекращаются, никогда не продолжаясь долѣе пятнадцати или двадцати часовъ.

Послѣ этого тифона, мы подвергались еще всевозможнымъ непріятностямъ; въ продолженіе многихъ дней дулъ только сѣверо-западный вѣтеръ, заставившій насъ простоять три дня въ Корейскомъ проливѣ, подъ 35° широты. Къ большому моему удовольствію, рѣшено было, что мы пойдемъ за запасомъ угля въ Нагасаки. Мы снова увидѣли обширный островъ Нипонъ и другіе окружающіе его, маленькіе островки. Наконецъ, 4-е іюля утромъ, послѣ того какъ наканунѣ былъ сильный порывъ вѣтра, мы очутились въ виду огромной горы,

имѣвшей форму сахарной головы, которая отъ жару была какъ будто подернута туманомъ. Это былъ островъ *Кельпаэръ*, возвышавшійся надъ моремъ почти на тысячу сажень въ вышину, зеленый обитаемый островъ, на которомъ издали виднѣлся дымъ изъ трубъ. Подошва этой горы имѣетъ шестьдесятъ верстъ въ окружности, и солнце освѣщаетъ ее такъ ярко со всѣхъ сторонъ, что на другой день она еще была видна намъ на разстояніи двухсотъ верстъ.

Въ началѣ этой книги я отозвался съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о первыхъ русскихъ матросахъ, видѣнныхъ мною въ Кронштадтѣ; но здѣсь я долженъ отдать справедливость матросамъ *Джигита*, которыхъ едва ли кто можетъ превзойти въ силѣ, ловкости и проворствѣ. Я видѣлъ ихъ въ дѣлѣ во время самыхъ трудныхъ испытаній, изъ которыхъ они вышли побѣдителями. Вообще русскіе обладаютъ самымъ необходимымъ качествомъ для моряка — упорной настойчивостью, которую ничто въ мірѣ не можетъ поколебать; кромѣ того, ихъ крѣпкое тѣлосложеніе позволяетъ имъ выносить всевозможные физическіе труды; я нигдѣ не видывалъ такихъ силачей и такихъ сытыхъ матросовъ; о нихъ даже болѣе заботятся чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ; во время плаванія по жаркому поясу ихъ заставляютъ непремѣнно обливаться водой каждый день! Наконецъ, и сами офицеры, не смотря на то, что менѣе нашихъ видѣли свѣтъ, очень образованы, благоразумны и имѣютъ представительную наружность.

Кромѣ капитана, на *Джигитѣ* было еще пять офицеровъ и докторъ, съ которымъ я ежедневно сражался въ шахматы, что намъ служило сильнымъ подспорьемъ отъ скуки. У насъ также была музыка, состоявшая изъ двухъ скрипокъ, и мы два раза въ день садились за столъ и ѣли такъ, какъ будто хотѣли доказать, что аппетитъ бываетъ вдвое сильнѣе на морѣ, нежели на сушѣ. Я былъ этимъ какъ нельзя болѣе доволенъ; тутъ я въ первый разъ отвѣдалъ одно новое очень здѣсь употребительное и здоровое кушанье, извѣстное подъ названіемъ *кэрри*. Сначала оно жжетъ и щиплетъ во рту, и даже на нѣсколько дней притупляетъ вкусъ, но впослѣдствіи дѣлается настоящимъ источникомъ жизни, и въ жаркомъ климатѣ безъ него нельзя обойтись.

Насъ всѣхъ очень развлекалъ одинъ шведскій механикъ, ѣхавшій съ нами и приведенный въ бѣшенство открытіемъ, что его уголь никуда не годился; не зная ни по-нѣмецки, ни по-русски, онъ осыпалъ насъ ругательствами на какомъ-то невѣроятномъ языкѣ. Что касается до г. Спѣшнева, секретаря генерала Муравьева, то я былъ совершенно лишенъ его общества, потому что морская болѣзнь от-

няла у него движеніе, языкъ и чуть не самую жизнь. Я напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ говорить по-русски съ тремя кяхтинскими негоціантами, и наконецъ, благодаря ихъ снисходительности, достигъ того, что они стали понимать меня и впослѣдствіи я не разъ служилъ имъ переводчикомъ въ Шангхаѣ. Словомъ мы старались какъ только могли, разнообразить дни, проводимые на морѣ и казавшіеся намъ еще болѣе безконечными по той причинѣ, что при выходѣ изъ Корейскаго канала подулъ попутный вѣтеръ, и было рѣшено, что мы не пойдемъ въ Нагасаки, отстоявшій только въ пятидесяти миляхъ; мнѣ было это чрезвычайно досадно; но дѣлать нечего; цѣлой жизни не хватило бы, еслибъ отдаляться на каждомъ шагу отъ цѣли путешествія, и, какъ бабочка, перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ. Много подобныхъ жертвъ пришлось мнѣ принести въ продолженіе моихъ путешествій, которыми я однакожъ совершенно доволенъ, хотя и не вполнѣ насыщенъ всѣмъ, что я видѣлъ; всѣ желанія мои увѣнчались бы успѣхомъ, еслибъ я могъ представить читателямъ вѣрную картину моихъ странствій, хотя бы даже описаніе ихъ не отличалось особенной привлекательностью.

Я скоро утѣшился въ своей неудачѣ, потому что съ каждымъ часомъ передо мной развертывались величественныя чудеса этой незнакомой мнѣ природы: барометръ показывалъ уже 30° въ тѣни; солнце разливало жизнь повсюду, и самая кровь быстрѣе струилась по нашимъ жиламъ; летучія рыбы скакали по волнамъ; густыя, тяжелыя и массивныя облака не повиновались болѣе вѣтру и сохраняли ту торжественную неподвижность, которая такъ идетъ ко всему великому; все кругомъ было ярко и блестяще, въ противуположность блѣдному, холодному свѣту, окружавшему насъ еще наканунѣ.

Многіе, можетъ быть, обвинятъ меня въ неблагодарности въ отношеніи Сибири; но это совершенно несправедливо; я попрежнему сохраню о ней пріятное воспоминаніе, но въ эту минуту наслаждаюсь именно контрастомъ, и чувствую въ себѣ какъ бы приливъ новой жизни, въ виду этой природы, которая въ разнообразнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ остается всегда и вѣчно прекрасною. Видя ее такою спокойною и величавою, послѣ всѣхъ сотрясеній и переворотовъ, видѣнныхъ мною, я не могъ не поддаться ея кроткому вліянію, и нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ, не пора ли мнѣ отправиться прямо въ Европу и отдохнуть отъ всѣхъ моихъ воспоминаній? Искушеніе это сильно овладѣло мною, когда, приблизившись къ устью Синей рѣки, я увидѣлъ большой пароходъ съ британскимъ

флагомъ: все существо мое содрогнулось при одной мысли о старой Европѣ, которую я такъ давно не видалъ. Но меня ожидали въ Австраліи драгоцѣнныя письма отъ родныхъ, и я долженъ былъ туда ѣхать какъ для того, чтобъ имѣть извѣстія о моемъ семействѣ, такъ и для того, чтобъ привести въ порядокъ мои финансы, и потому я остался терпѣливо ждать на палубѣ утѣшительнаго появленія земли.

6-го іюля мы вступили въ Желтое море, которое было совершенно зеленое, а на другой день, близъ устья Синей рѣки, оно сдѣлалось желтое. Воды его дотого грязны и мутны, что превзойти ихъ въ этомъ отношеніи могутъ только устья Янгъ-Тзе-Кіанга и устье Миссисипи, гдѣ весь горизонтъ представляется шоколатнаго или кофейнаго цвѣта, смотря по погодѣ. Такъ какъ тамъ много песчаныхъ отмелей, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море пѣнилось и бурлило, и зрѣлище это не лишено величія своего рода.

Когда мы подошли ближе къ землѣ, къ намъ на судно явился молодой китайскій лоцманъ, франтовски одѣтый, и предложилъ свои услуги, показывая при этомъ аттестатъ; но аттестатъ былъ такого подозрительнаго вида, что можно было думать, что онъ фальшивый, и поэтому мы его отослали. Затѣмъ явился чрезвычайно красивый и сильный американскій лоцманъ, съ сигарой во рту и небрежными манерами знатнаго джентльмена; его тотчасъ же приняли, не смотря на обременительныя условія: онъ потребовалъ восемдесятъ четыре мексиканскихъ піастра (сто пятдесятъ рублей) вознагражденія.

Эту ночь мы провели на морѣ, читая до поздней ночи европейскіе журналы, возвѣщавшіе намъ приближеніе той неизбѣжной, блистательной войны, которая должна была пронестись и кончиться быстро и шумно какъ грозовая туча. На другой день, вмѣстѣ съ нѣсколькими бочками угля, оставленными въ запасъ, на всякій случай, мы вступили въ Янгъ-Тзе-Кіангъ, и взяли потомъ налѣво въ Вусонгъ, воды котораго еще грязнѣе; тутъ мы встрѣтили сотни кораблей, и могли вдоволь любоваться ослѣпительной зеленью рисовыхъ полей, окоймлявшихъ рѣку, совершенно недостойную протекать между такими берегами. Наконецъ, проѣхавъ мимо большихъ кораблей, безъ названія и безъ флага, какъ будто притаившихся въ углу рѣки, чтобъ скрыть свой стыдъ, потому что они до сихъ поръ, вопреки всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ, занимаются постыдной торговлей, мы стали, 7-го іюля, въ шангхайскомъ рейдѣ, спустя двѣнадцать дней послѣ отъѣзда изъ Хакодаде.

ГЛАВА XVI.

Описаніе Шангхая. — Возмутительныя цѣны судоходной компаніи Peninsular and Oriental.—Замѣтки о китайцахъ.—Смерть капитана Ванзитарта.— Прогулка по окрестностямъ. — Наша грубость въ отношеніи къ китайцамъ. Ихъ концерты. — Взглядъ на набережныя Шангхая. — Г.' Брюсъ и Бурбулонъ.

Шангхай—одинъ изъ величайшихъ торговыхъ городовъ Азіи, и, можетъ быть современемъ будетъ первѣйшимъ изъ нихъ; но за исключеніемъ торговаго интереса, я не видывалъ другаго города, который бы заключалъ въ себѣ такъ мало занимательнаго. Вся окружающая страна, хотя и обработанная съ необыкновеннымъ тщаніемъ, представляетъ совершенную плоскость; рѣка ничто иное какъ текущая грязь; лѣтомъ бываетъ такъ жарко какъ въ тропическихъ странахъ, а зимою — необыкновенно холодно. Кромѣ того, всѣ жители подвержены офталміи, глазному воспаленію, происходящему, какъ говорятъ, отъ летающей въ воздухѣ пыли какого-то вредоноснаго растенія. Понятно, что пребываніе въ подобной странѣ не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго, и все-таки я долженъ былъ прожить здѣсь цѣлый мѣсяцъ изъ-за такой причины, о которой я нисколько не намѣренъ умалчивать. Знаменитая пароходная компанія *Peninsular and Oriental* накладывала такія невѣроятныя цѣны за каждый малѣйшій переѣздъ, что я предпочелъ оставаться и терпѣливо ждать прохода паруснаго судна, идущаго въ Хонгъ-Конгъ, хотя и дулъ юго-западный вѣтеръ что было мнѣ отнюдь не по пути. Я находилъ, что какова бы ни была дороговизна угля, подобныя притѣсненія всегда останутся возмутительными, когда за какой нибудь трехдневный проѣздъ съ васъ требуютъ двѣсти рублей серебромъ. Эта

необыкновенная алчность и жадность къ деньгамъ тѣмъ болѣе поражала меня, что я только что прожилъ шесть мѣсяцевъ въ странѣ, гдѣ долженъ былъ изумляться чрезвычайной щедрости, постоянно окружавшей меня.

Въ Шангхаѣ находятся четыре города, расположенные въ такомъ порядкѣ, что они составляютъ очень красивую дугу съ прелестными набережными, вокругъ лѣваго берега Ву-Сонга. Подъѣзжая къ нему, видишь сначала цѣлую группу домовъ съ гостиницей *Astor House* посрединѣ, надъ которою развѣвается американскій флагъ.

Затѣмъ, пройдя по деревянному мосту черезъ грязную и мутную рѣку, вступаешь въ англійскій городъ, съ красивыми домами, верандами, садами и стѣнами; за нимъ непосредственно слѣдуетъ французскій городъ съ двумя церквами, церковью іезуитовъ и церковью ордена св. Лазаря. Всѣ эти три города составляютъ въ Шангхаѣ европейскую часть и въ нихъ насчитывается не болѣе полоторы тысячи жителей. На крайней границѣ французскаго города находится высокая, толстая, древняя стѣна, на которой, какъ символъ варварства, вывѣшены клѣтки съ головами казненныхъ. За этой стѣной начинается китайскій городъ,—чудовищный, вонючій и мрачный какъ вертепъ, въ которомъ кишатъ, по крайней мѣрѣ, триста тысячъ человѣкъ. Здѣсь конецъ всякой правильности и простору, какіе мы видимъ въ сѣверныхъ городахъ; нѣтъ ни широкихъ улицъ, ни перспективы; видѣнъ только тѣсный лабиринтъ переулковъ, по которымъ немыслимо проѣхать въ какомъ бы то ни было экипажѣ, и нельзя пробыть часу безъ того, чтобы не очутиться, неизвѣстно какимъ образомъ, въ томъ же мѣстѣ, откуда пришелъ. Не видно болѣе ни магазиновъ, ни дворцовъ, ни украшеній на дверяхъ; однѣ только безобразныя каморки, въ которыхъ гомозятся, ползаютъ и курятъ, отравляя воздухъ, сотни обнаженныхъ до пояса торговцевъ, съ лоснящимися тѣлами и лицами, обреченные жить на такомъ пространствѣ, котораго было бы мало для кучи барановъ. На землѣ—на плитахъ, предназначенныхъ служить мостовою, но на которыя нельзя ступить въ сапогахъ, а развѣ только на лыжахъ—валяются овощи, сосиски, крысы, мертвыя собаки, и не только всякаго рода нечистоты, но даже тутъ, при всѣхъ, совершаются самыя возмутительныя животныя отправленія, рядомъ съ ресторанами, гдѣ сотни человѣкъ сидятъ вокругъ столовъ и пьютъ чай. Я не пойду далѣе; воображеніе можетъ докончить остальное, не рискуя ошибиться или преувеличить.

Однако, среди всего этого безобразія, вони и грязи, здѣсь, какъ и

повсюду, даже въ пустыняхъ, бѣлѣютъ стѣны и сверкаетъ крестъ католической церкви. Уже многіе годы живутъ здѣсь преданные и уважаемые народомъ священники, постоянно стремящіеся слиться съ своей паствою, которая не имѣетъ другой, болѣе крѣпкой связи. Французскіе священники въ Китаѣ одѣваются по китайски, они усвоили себѣ даже шлейфъ и опахало: я часто встрѣчалъ ихъ на улицѣ и не могъ узнать. Они не забыли ни Франціи, ни французскаго языка, но бѣгло читаютъ и пишутъ по-китайски. Весьма естественно, что мнѣ приходилось даже злоупотреблятъ иногда ихъ терпѣніемъ, собирая свѣдѣнія о характерѣ и привычкахъ этого необыкновеннаго народа, котораго никто не знаетъ такъ хорошо, какъ они. Замѣчательно, что не только католическіе, но и лютеранскіе священники не менѣе свѣдующіе по этому предмету, словомъ, единственные авторитеты, къ которымъ можно отнестись за положительными свѣдѣніями объ умѣ и сердцѣ китайцевъ, единодушно соглашаются съ тѣмъ, что этотъ народъ отличается понятливостью, привязанностью, постоянствомъ и чувствительностью. Въ особенности дѣти у нихъ развиваются раньше чѣмъ у насъ. Это можно замѣтить и по ихъ лицамъ, которыя, послѣ того какъ объ нихъ привыкли судить по грубымъ рисункамъ на китайскомъ фарфорѣ, представляющимъ ни болѣе-ни менѣе какъ чистыя каррикатуры, поражаютъ тонкостью очертаній, умными глазами и развязностью. Не понимаю, отчего на свѣтѣ существуетъ столько заблужденій, напримѣръ: всѣ воображаютъ, что индусы бронзоваго цвѣта, тогда какъ они скорѣе какъ будто покрыты тушью; точно также въ Европѣ никто не можетъ представить себѣ — китайца иначе какъ въ видѣ рыхлой жирной массы какого-то раздутаго и неуклюжаго. Какое глубокое заблужденіе! Неуклюжихъ и тучныхъ не существуетъ въ Азіи. Разумѣется, вездѣ бываютъ исключенія, но вообще про китайцевъ можно сказать, что они рослые, крѣпкіе и мускулистые люди. Желтый цвѣтъ лица, обыкновенно приписываемый имъ, также есть заблужденіе, потому что въ Кантонѣ на каждой улицѣ можно повстрѣчать китайцевъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ чистаго бѣлаго до совершенно смуглаго. Глаза ихъ тоже не представляютъ формы французской буквы v, но нѣсколько горизонтальны и приподняты къ вискамъ, что придаетъ, въ особенности молодымъ китаянкамъ, своего рода красоту, которую живописецъ конечно можетъ оспаривать у себя въ кабинетѣ, но тѣмъ не менѣе преклоняется передъ нею въ дѣйствительности.

Разъ заговоривъ объ этомъ предметѣ, я могъ бы привести еще множество другихъ заблужденій относительно китайцевъ; но, чтобы не прерывать моего разсказа, я лучше отложу это до болѣе удобнаго времени.

10-го іюля, *Джигитъ*, исполнивши свое назначеніе, снова готовился къ отплытію въ Японію, и я отправился проститься съ командиромъ и офицерами, которые были такъ добры ко мнѣ во все время пути. Мы роспили вмѣстѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго, ознаменовавши этимъ еще новое прощаніе, присоединившееся ко всѣмъ старымъ. Хотя въ Хакодаде мнѣ очень деликатно дали почувствовать, что я долженъ буду, наравнѣ съ другими офицерами, заплатить путевыя издержки за столъ, но теперь объ этомъ не хотѣли и слышать, и я, видя что безполезно настаивать, принужденъ былъ еще разъ согласиться, спрашивая самого себя, чѣмъ я заслужилъ то неизмѣнное великодушіе со стороны русскихъ, которое они мнѣ постоянно оказывали. Когда Спѣшневъ, мой лучшій другъ, отправился въ Японію, я остался въ Шангхаѣ одинъ, съ тремя негоціантами изъ Кяхты, которые составляли теперь для меня все, что оставалась дорогаго отъ многочисленнаго общества, мало по малу разсѣявшагося въ разныя стороны. Мы неутомимо болтали о Сибири и Кяхтѣ за блестящими обѣдами, которыми меня угощали негоціанты, и время шло довольно пріятно, несмотря на то, что термометръ показывалъ 38° въ тѣни, до тѣхъ поръ пока они тоже не собрались уѣзжать на наемномъ суднѣ, которое бралось доставить ихъ въ Николаевскъ за триста рублей серебромъ. Такъ какъ я не видѣлъ для себя еще ни малѣйшей возможности выйти изъ этой ужасной страны, въ которой, вдобавокъ, должна была въ скоромъ времени начаться пушечная пальба, то я чрезвычайно былъ огорченъ этой новой разлукой. Но судьба, часто вмѣшивающаяся въ дѣла путешественниковъ, и на этотъ разъ рѣшила по своему. Капитанъ корабля, опасаясь пуститься въ море, не имѣя при себѣ хорошихъ картъ, все откладывалъ поѣздку, и моимъ друзьямъ пришлось дожидаться еще дольше чѣмъ мнѣ; спустя нѣсколько времени я узналъ, что едва они успѣли выѣхать какъ потерпѣли крушеніе.

Между тѣмъ въ послѣдній мѣсяцъ нашего общаго пребыванія въ Шангхаѣ, я успѣлъ познакомиться въ *Astor House*, американскомъ отелѣ, гдѣ я стоялъ, съ нѣсколькими очень неглупыми молодыми людьми, которые помогли мнѣ провести пріятно время. Но ходъ событій и разнаго рода треволненія, волнующія человѣческіе умы, за-

ставили меня вскорѣ забыть и о моихъ тревогахъ и о моемъ путешествіи. Не прошло еще трехъ дней, какъ я былъ въ Шангхаѣ, какъ въ одно утро военный англійскій корабль *Highfiyer* присталъ къ берегу со всѣми признаками глубокаго траура, т. е. съ опущеннымъ флагомъ и скрещенными реями. На немъ находился храбрый капитанъ Ванзитарръ, смертельно раненый при кровавой схваткѣ въ Таку, несчастный исходъ которой поразилъ и опечалилъ всю Европу.

Не буду входить въ разсужденія по поводу этого случая, о которомъ каждый можетъ судить самъ. Скажу только, что если общественное мнѣніе въ Шангхаѣ было сначала противъ китайцевъ, то оно очень быстро измѣнилось, и всѣ стали обвинять только одного адмирала Гопе. Что касается до китайцевъ, то они сдѣлались такъ дерзки, что можно было бы опасаться всеобщаго возстанія, и можетъ быть даже рѣзни, еслибъ ихъ не удерживалъ страхъ возмездія, который неминуемо долженъ былъ послѣдовать за ихъ вспышкой. Впрочемъ, чувство глубокаго огорченія и всеобщаго траура заглушило на минуту все остальное въ сердцахъ европейскаго населенія, видѣвшаго собственными глазами, какъ къ берегу подходили одна за другою изуродованныя канонирскія лодки и суда съ покрытыми кровью палубами. Къ счастію, Франція играла только второстепенную роль въ этомъ сраженіи, но и она потеряла значительное количество воиновъ изъ числа шестидесяти человѣкъ, посланныхъ на помощь англичанамъ. Между прочимъ, одинъ молодой воспитанникъ умеръ въ Шангхаѣ отъ ранъ, полученныхъ имъ на корветѣ *Duchayla*, превосходно устроенномъ и имѣвшемъ видъ фрегата. Я зналъ многихъ офицеровъ съ этого фрегата, также какъ и съ парохода *Norzagaray*, купленнаго въ Америкѣ и находившагося подъ командою извѣстнаго лейтенанта Лепеца; ему и всѣмъ этимъ офицерамъ я былъ обязанъ многими счастливыми минутами, проведенными мною въ Китаѣ; но теперь они всѣ были погружены въ такую глубокую скорбь отъ неожиданной смерти молодаго моряка, что почти не обращали на меня вниманія.

На другой день по приходѣ *Nighflyer*, совершились торжественные похороны капитана со всевозможною пышностью. Экипажи, со всѣхъ кораблей, бывшихъ на лицо, сошли на землю вмѣстѣ съ своими офицерами; впереди шли англичане, за ними французы и наконецъ появилась лодка, причалившая къ берегу съ тѣломъ капитана. Тогда процессія торжественнымъ шагомъ отправилась въ цер-

ковь, гдѣ всѣ стояли въ глубокомъ благоговѣйномъ молчаніи, исполненномъ непритворной горести. Одинъ только священникъ показался мнѣ въ высшей степени ненатуральнымъ. Афектація проглядывала въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи, въ тонѣ, которымъ онъ читалъ молитву. На кладбищѣ, когда гробъ стали опускать въ могилу, священникъ подошелъ къ самому краю, и, возведши очи горѣ, проговорилъ или, лучше сказать, протянулъ замогильнымъ голосомъ нѣсколько словъ, которыя сами по себѣ такъ хороши, что не нуждались бы въ прикрасѣ. Вмѣстѣ съ первой горстью земли, ударившейся о крышку гроба, раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ, — за нимъ другой и третій. Когда народъ разошелся, я подошелъ къ могилѣ и прочелъ на ней слѣдующую, слишкомъ скромную надпись: *Captain Wansittart, Rayal navy.*

14-го іюля я вмѣстѣ съ моими русскими товарищами отправился къ французскимъ іезуитамъ. Привратникъ — молодой китаецъ изъ католиковъ, — посмотрѣлъ на насъ съ улыбкой и сказалъ мнѣ: — «Boujou» (bonjour)! Видя по этому началу, что мы съ нимъ не далеко уйдемъ въ разговорахъ, и что я не съумѣю объяснить ему что мнѣ нужно, я попробовалъ сказать: «Отецъ, *padre*»? — Ахъ да, отецъ! повторилъ онъ, и въ то же время вспомнивъ, что онъ видѣлъ меня, когда я сходилъ съ Джигита, прибавилъ исковерканнымъ англійскихъ языкомъ:» Russian man-ofwar?.. (русскій офицеръ?) Затѣмъ, вспомнивъ, что я спрашивалъ про «отца», онъ продолжалъ на своемъ жаргонѣ, широко разводя руками: *Lâge pièce ofman* (вотъ такого толстаго). Вѣроятно любимый его іезуитъ былъ толстякъ. Послѣ всѣхъ этихъ объясненій, мы вошли, и разумѣется были приняты отлично; точно также меня принимали и въ другомъ училищѣ, устроенномъ въ самомъ центрѣ китайскаго города, когда я отправился въ одно воскресенье ко всенощной. Миссіонеры, несмотря на свою святость и китайскую одежду, сохранили чисто французскую веселость, и кромѣ того на ихъ лицахъ лежитъ отпечатокъ громадной силы воли. Они почти взяли съ меня слово, чтобъ я сходилъ посмотрѣть большую школу *Tsikaré*, въ четырехъ миляхъ отъ Шангхая; это образцовое заведеніе, гдѣ китайцевъ не только учатъ живописи, музыкѣ и скульптурѣ и другимъ искусствамъ, но гдѣ они выдерживаютъ самые строгіе экзамены и получаютъ степень баккалавровъ съ пуговицею на шляпу, что считается въ Китаѣ величайшимъ знакомъ отличія. Мнѣ очень хотѣлось пойдти осмотрѣть эту школу и послушать органъ, изобрѣтенный и сооруженный однимъ

изъ этихъ господъ и сдѣланный весь изъ бамбука; даже трубы были въ немъ бамбуковыя. Къ несчастію, настроеніе китайцевъ становилось съ каждымъ днемъ все грознѣе, и я, несмотря на мое желаніе послушать всенощную, спѣтую голосами туземцевъ, при звукѣ сотни бамбуковыхъ трубъ, принужденъ былъ отказаться отъ этого удовольствія и не смѣлъ даже далеко отходить отъ дома.

Наконецъ, это заключеніе надоѣло мнѣ, и въ одно прекрасное утро я рѣшился нанять татарскую лошадь и отправился верхомъ, вмѣстѣ съ однимъ моимъ товарищемъ, осматривать окрестности Шангхая. Мы незамѣтно проѣхали весь китайскій городъ, мимо убогихъ погодъ, зеленыхъ болотъ и безконечныхъ переулковъ, по которымъ, какъ и вездѣ въ Китаѣ, сновали толпы народа. Мы чуть не задавили нѣсколькихъ пѣшеходовъ, которые дивились нашей рѣшимости ѣхать по улицѣ верхомъ; притомъ въ моего товарища какъ будто вселился бѣсъ, и, раздражаясь всякимъ препятствіемъ, онъ лѣзъ на проломъ и хотѣлъ переѣзжать черезъ толпу, какъ черезъ ручей или черезъ заборъ. Признаюсь, что, оставивъ въ сторонѣ всякое чувство человѣколюбія, мнѣ бы хотѣлось для собственнаго удовольствія останавливаться почаще передъ разными, представлявшимися мнѣ картинами, передъ домами, изъ которыхъ слышались звуки адской музыки, вѣроятно ознаменовывавшіе какое нибудь радостное событіе въ родѣ свадьбы; передъ храмами, куда несли жертвоприношенія и кормили вѣчно голодныхъ боговъ; наконецъ я желалъ бы заглянуть въ одну изъ тѣхъ лавочекъ, хозяинъ которой объявлялъ себя мастеромъ на всѣ руки, и гдѣ вывѣска торжественно гласила: «*Paul Cheong, undertakes to make boots, watches, bind books and stuff birds*» (Павелъ Шенгъ берется шить сапоги, дѣлать часы, переплетать книги и набивать чучела). Какое обширное поле для изученія характера и обстановки этого человѣка! Но надо было спѣшить, и вотъ, наконецъ, мы выѣхали изъ этихъ катакомбъ живыхъ людей и вздохнули чистымъ свѣжимъ воздухомъ. Передъ нами тянулись узкія прямолинейныя тропинки, пересѣкавшія поля, засѣянныя всевозможными овощами, по временамъ попадались цистерны для сохраненія воды и для другаго употребленія, которое я не смѣю назвать, и которое чрезвычайно полезно для путешественниковъ и для удобренія полей. Множество гусей, утокъ, собакъ и бѣлыхъ козлятъ бросались прямо въ глаза при выѣздѣ изъ города въ окресности Шангхая. Пейзажъ былъ великолѣпенъ; каждый клочекъ земли поражалъ своей обработкою, но вся эта роскошь помра-

чалась многочисленными гробницами, разставленными повсюду въ поляхъ, какъ будто для нихъ не нашлось болѣе приличнаго мѣста; кромѣ того, тянулось безчисленное количество бугорковъ, покрытыхъ тростниками, подъ которыми тоже покоился прахъ умершихъ. Можно судить, каково должно быть населеніе такой страны, въ которой не только живые скучены, какъ муравьи, но даже вся окружающая мѣстность представляетъ огромное кладбище! Чтобъ платить такую дань смерти, нужно чтобъ жизнь развилась въ неслыханныхъ размѣрахъ, и еслибъ мнѣ сказали, что въ Китаѣ не четыреста, а восемьсотъ милліоновъ жителей, то я бы безъ труда повѣрилъ этому, предполагая, что еслибъ на всю имперію, включая Тибетъ, Туркестанъ, Монголію и Манджурію, приходилось на каждую квадратную милю хоть самая меньшая часть изъ населенія, приписываемаго собственно Китаю, то составилось бы уже болѣе милліарда! Между тѣмъ, мы съ товарищемъ отъѣхали уже верстъ на семь отъ города и не переставали удивляться безпрерывному появленію парусныхъ джонокъ, прорѣзывавшихъ поля во всѣхъ направленіяхъ по невидимымъ для насъ каналамъ. Наконецъ, мы остановились подъ деревомъ, сошли съ лошадей, и, не смотря на тропическое солнце, отправились гулять; воротившись назадъ, мы увидали, что китаецъ которому поручены были лошади, по небрежности или съ намѣреніемъ, упустилъ одну изъ нихъ. Земля въ этомъ мѣстѣ была такъ рыхла, а тропинки такъ узки и изборождены такими глубокими канавами, что легче было бы сдѣлать двадцать верстъ въ Европѣ, чѣмъ двѣ — здѣсь. Но раздумывать было нѣкогда и я, безъ разсужденій, пустился за бѣглецомъ. Мнѣ удалось поймать лошадь только въ полуторѣ верстѣ отъ мѣста, потому что шедшіе по дорогѣ китайцы, изъ опасенія ли, или изъ желанія побѣсить европейца, не только не останавливали ее, но еще подгоняли впередъ. Сознавая, что безполезно обращаться къ нимъ за помощью, я бѣжалъ только за лошадью, и почти уже касался ея хвоста, когда меня остановила глубокая рытвина, пересѣкавшая дорогу. Я начиналъ уже думать, что буду вѣчно гоняться за этою лошадью, когда она вдругъ остановилась у земляного вала, и я могъ схватить ее за узду и привести назадъ.

Но это было еще не послѣднее наше приключеніе, и въ этотъ короткій промежутокъ времени мнѣ пришлось многое узнать по части китайскихъ характеровъ. Случай съ лошадью задержалъ насъ на цѣлый часъ, такъ что ночь застигла насъ въ открытомъ полѣ, и мы принуждены были почти ощупью отыскивать городскія ворота.

Когда мы подъѣхали, они были уже заперты, но насъ очень любезно впустили, не спросивъ съ насъ ни копѣйки.

Теперь намъ предстояла задача проѣхать весь городъ, что было трудно во всякое время дня, но ночью становилось также невозможно, какъ править кораблемъ безъ компаса.

Для меня было совершенно ясно, что мы находимся въ рукахъ китайцевъ, и я понималъ что здѣсь, на ихъ территоріи, невозможно обращаться съ ними такъ, какъ привыкли это дѣлать въ европейскихъ городахъ Китая, т. е. кричать на нихъ: *«Jou d... beast! do along! burse gou!»* и сопровождать эти слова пинками и тычками. Но мой неукротимый товарищъ никакъ не хотѣлъ понять этого, и еслибъ я не взялъ на себя распрашивать о дорогѣ, учтиво обращаясь къ прохожимъ, то я думаю, что китайцы сыграли бы съ нимъ плохую шутку. Что до меня касается, то я безъ хвастовства скажу, такъ какъ считаю это долгомъ всякаго порядочнаго человѣка, что я никогда не былъ грубъ съ китайцами, и не могу пожаловаться, чтобъ мнѣ было отъ этого хуже. Мнѣ не разъ случалось видѣть какъ молоденькіе китайцы, отличавшіеся наивнымъ и скромнымъ видомъ, подходили къ своему господину, и какъ этотъ послѣдній жестоко билъ ихъ, иногда за воображаемую вину, но при этомъ яркая краска всегда выступала имъ въ лицо, и мнѣ казалось, что въ душѣ они клялись отмстить. И послѣ этого меня хотятъ увѣрить, что съ ними нельзя обращаться по человѣчески, и что тогда они пойдутъ на ножи. Конечно, это можетъ случиться теперь, когда мы своимъ обращеніемъ вызвали въ нихъ кровавую необходимость защиты, вмѣсто того чтобы служить имъ примѣромъ человѣколюбія.

Между тѣмъ мы ѣхали уже болѣе часа по городу и, несмотря на мои разспросы и снисходительные отвѣты туземцевъ, никакъ не могли выбраться изъ его закоулковъ. Наконецъ я нанялъ проводника, обѣщавъ заплатить ему четверть піастра, и когда онъ довелъ насъ до мѣста, то я, ощупавъ у себя въ карманѣ только монету въ полпіастра, хотѣлъ лучше дать ему больше, чѣмъ не сдержать даннаго слова. Съ этою цѣлью я передалъ деньги моему товарищу, чтобы онъ отдалъ ихъ проводнику, который стоялъ ближе къ нему; но вмѣсто того спутникъ мой погналъ лошадь во весь опоръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на китайца. Признаюсь, что когда я увидѣлъ послѣдняго бѣгущаго за лошадью съ протянутою рукой и жалобными криками на устахъ, я далъ себѣ слово воротить европейца и заставить его сдѣлать то, что слѣдуетъ. Я бы въ жизнь себѣ не

простилъ, еслибъ мнѣ не удалось возвратить деньги китайцу, благодарность котораго выразилась въ слѣдующихъ безсвязныхъ словахъ: «*Tank ye, sir, tank, ye: you a gentleman, i see it; i pôo man, tank ye*». «Благодарю, благодарю, господинъ... вы дворянинъ; я это вижу, а я бѣднякъ... благодарю!» И весь запыхавшись, онъ побѣжалъ домой.

Часто случается, утверждая какую нибудь вещь, выдавать исключеніе за общее правило и такимъ образомъ представлять вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ. Но единственный примѣръ, приведенный мною здѣсь, къ несчастью, не есть исключеніе, но общее правило въ Китаѣ. Что же могутъ объ насъ думать китайцы? Насиліе, грубость, насмѣшка, вотъ единственное орудіе употребляемое всегда и вездѣ европейцами. Въ гостинницѣ, гдѣ я стоялъ, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ какъ одинъ европеецъ принужденъ былъ бѣжать отъ мальчика пятнадцати лѣтъ, гнавшагося за нимъ съ поднятой палкой въ рукѣ, внѣ себя отъ гнѣва за нанесенное ему оскорбленіе. Европеецъ заперся въ своей комнатѣ и въ теченіе двухъ дней не смѣлъ показаться ему на глаза. Напрасно думаютъ, что китайцами можно вертѣть какъ игрушкою. Если терпѣніе ихъ кажется неистощимо, то разъ выйдя изъ себя они становятся страшны, и очень можетъ-быть, что еслибъ ихъ войска были хорошо вооружены и управляемы, то они исполняли бы свои обязанности нисколько не хуже нашихъ. Но дѣло въ томъ, что между двухъ націй, не имѣющихъ общихъ интересовъ, существуетъ непримиримая ненависть, а слѣдовательно и предубѣжденіе, не позволяющее дѣйствовать никакими другими путями кромѣ насилія.

Когда даже въ Европѣ двѣ самыя цивилизованныя націи, которыя по развитію, должны бы стоять во главѣ человѣчества и дружно стремиться къ общему благу, враждуютъ между собой: то чего же ожидать отъ китайцевъ и европейцевъ, кромѣ самыхъ чудовищныхъ предубѣжденій?. Напримѣръ, не только у насъ, но даже въ Хонгъ-Конгѣ и Шангхаѣ принято и выдается какъ за евангельскую истину то, что въ Китаѣ дѣтоубійство допускается въ огромныхъ размѣрахъ. А между тѣмъ, кто изъ европейцевъ въ состояніи это доказать? Докторъ *Мильнъ*, старавшійся провести въ своемъ превосходномъ твореніи мысль, что это клевета, только возстановилъ всѣхъ противъ себя; а между тѣмъ авторитетъ подобнаго человѣка, прожившаго столько лѣтъ въ самой тѣсной связи съ народомъ, могъ бы имѣть сколько нибудь вѣсу. Что касается до обвиненія китай-

цевъ въ употребленіи въ пищу крысъ и собакъ, то объ этомъ было уже столько говорено, что еслибъ я вздумалъ опровергать это,—никто бы мнѣ не повѣрилъ. И однако я утверждаю что я никогда не видѣлъ, чтобъ китайцы совершали такой возмутительный поступокъ; мало того, я убѣжденъ, что ни одинъ европеецъ не скажетъ, положа руку на сердце, что онъ былъ самъ свидѣтелемъ этого, я уже не говорю о китайцахъ, положительно отвергающихъ этотъ фактъ. Единственный аргументъ, обыкновенно приводимый какъ доказательство противъ китайцевъ,—это то, что у нихъ на рынкахъ открыто продаются эти животныя; но кто можетъ сказать, идутъ ли они въ пищу людямъ, или служатъ для откармливанія свиней, до мяса которыхъ мы такъ лакомы, когда оно появляется у насъ за столомъ. Очень можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, что въ странѣ, гдѣ бѣдность доведена до крайнихъ предѣловъ, дѣйствительно есть несчастные питающіеся крысами и собаками, точно такъ какъ во время осадъ мы видимъ женщинъ, съѣдающихъ собственныхъ дѣтей; но все это только исключенія, и невозможно допустить, чтобы къ отвратительнымъ и нездоровымъ туземнымъ маслянымъ кушаньямъ присоединялись еще эти отвратительные продукты. Но возвратимся къ разсказу.

Въ тотъ вечеръ когда я описывалъ мои приключенія съ товарищемъ, мы не тотчасъ возвратились домой, а зашли сначала къ одному китайцу, въ домѣ котораго слышалась музыка и шло представленіе. Это былъ какой-то семейный праздникъ, можетъ быть финалъ свадьбы, и такъ какъ мы вошли непрошеные, то я боялся нарушить общее веселье. Но ничуть не бывало: намъ тотчасъ подали кресла, предложили чаю, и представленіе продолжалось своимъ чередомъ. Несмотря на мою симпатію къ китайцамъ, я долженъ сознаться, что они не могутъ похвастаться ни хорошимъ слухомъ, ни хорошими голосами. Мужчины у нихъ не поютъ вовсе, а занимаются этимъ молодыя пѣвицы, которыя пресмѣшно конфузятся въ присутствіи европейцевъ. Онѣ цѣлые часы проводятъ въ переходахъ отъ рѣзкихъ завыванія къ какому-то мяуканью, въ которомъ самое развитое ухо не можетъ уховить ни мелодіи, ни такта. Въ китайской музыкѣ преобладаетъ только одинъ оглушающій шумъ, свистъ и громъ, прерываемые такими высокими нотами, что ихъ даже нельзя опредѣлить. Затѣмъ идутъ пронзительныя вскрикиванья; въ которыхъ кварта слѣдуетъ непосредственно за секундо, и такъ продолжается нѣсколько минутъ, словомъ—нѣтъ ничего, что бы говорило душѣ.

Комедія, гдѣ роли женщинъ играютъ мальчики, исполняется гораздо успѣшнѣе, благодаря тому что китайцы склонны по натурѣ къ насмѣшкѣ и сарказму. Порядокъ царствуетъ при этомъ всегда, какъ и во всѣхъ китайскихъ сборищахъ, безъ вмѣшательства полиціи; но когда случается провести ночь на улицѣ и присутствовать при трехъ-четырехъ подобныхъ концертахъ, то невозможно не подумать, что всѣ актеры перерѣзались, а въ домѣ пожаръ. Европейцы, не имѣющіе никакихъ особенныхъ занятій по вечерамъ, часто посѣщаютъ эти концерты, извѣстные подъ названіемъ *sing-sons*; и если они ведутъ себя тихо, то никто ихъ не трогаетъ, такъ что даже можно ходить ночью одному безъ всякой опасности въ самомъ центрѣ китайскаго города. Китайскіе негоціанты даже очень рады, если имъ удается, по возвращеніи съ дневныхъ работъ, встрѣтиться съ какимъ нибудь порядочнымъ европейцемъ, съ которымъ они заводятъ разговоръ на чистомъ англійскомъ нарѣчіи и время отъ времени покуриваютъ свои трубки съ опіумомъ. Гостя обыкновенно потчуютъ чаемъ и осыпаютъ его вопросами объ его занятіяхъ, лѣтахъ и доходахъ, и никогда не забудутъ освѣдомиться о томъ, который часъ, потому что горятъ желаніемъ похвастаться собственными золотыми часами, составляющими предметъ гордости повсемѣстно въ Азіи. Сидятъ не долѣе одиннадцати часовъ и расходятся въ здравомъ умѣ и добромъ порядкѣ, не успѣвши накуриться опіума до опьяненія, какъ тѣ записные курильщики, которые не выпускаютъ изо рта трубки ни днемъ, ни ночью. Европейцу дозволяется невозбранно входить въ *opium shops*, не подвергаясь ни малѣшей опасности.

Тамъ, среди удушливой атмосферы, пропитанной наркотическими испареніями, растянувшись на диванахъ, лежатъ въ неподнижной дремотѣ съ трубками во рту несчастные, очевидно лишившіе себя пищи чтобъ только добыть опіума. Не разъ европейцы пробовали курить эти трубки, содержащія въ себѣ едва замѣтное количество опіума, плавающаго какъ капля сургуча на поверхности и испаряющагося очень скоро; но чтобъ почувствовать его дѣйствіе, надо долго употреблять его, и европеецъ даже не засыпаетъ отъ той дозы, которая убила бы всякаго записнаго курильщика опіума.

Эти лавочки также какъ и игорные дома, въ которыхъ европеецъ непремѣнно хоть разъ да побываетъ изъ любопытства, находятся почти всегда въ самыхъ темныхъ и узкихъ закоулкахъ, представляющихъ отличное убѣжище для воровъ и разбойниковъ. Несмотря на то, нападенія на европейцевъ бываютъ здѣсь чрезвы-

чайно рѣдки, тогда какъ въ кварталахъ Шангхая, гдѣ шляются наши матросы, и въ особенности тѣ, которые возвращаются съ Манильскихъ острововъ, почти невозможно ходить ночью по улицѣ, не подвергаясь величайшей опасности.

Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ, и я нарочно выставляю его на показъ, чтобъ еще разъ убѣдить европейцевъ, что въ Китаѣ уже добились того результата, котораго мы до сихъ поръ не можетъ достигнуть въ нашихъ большихъ европейскихъ городахъ, фактъ ясно доказывающій мирный отъ природы характеръ китайцевъ. Сколько книгъ можно было бы написать и перечитать объ этомъ интересномъ народѣ, еслибъ только захотѣть углубиться и изучить его во всѣхъ подробностяхъ! Я увѣренъ, что еслибъ кто нибудь изъ насъ, вполнѣ владѣющій китайскимъ языкомъ, прожилъ безвыѣздно въ какомъ нибудь мѣстѣ Китая года два или три и потомъ передалъ свѣту плоды своихъ наблюденій, то въ нихъ нашлось бы тысячу вещей, о которыхъ мы теперь и не подозрѣваемъ. Въ настоящее время на всемъ земномъ шарѣ почти не осталось мѣста, гдѣ не побывали бы европейцы и гдѣ они не считали бы себя также хорошо ознакомившимися съ страною какъ съ Франціею и Англіею. Но Китай они знаютъ только въ одномъ торговомъ отношеніи, пріѣзжаютъ въ него единственно для обогащенія, и, вмѣсто того чтобъ сближаться съ народомъ, смѣются надъ нимъ и стараются быть отъ него въ такомъ почтительномъ отдаленіи, что не знаютъ ни его исторіи, ни его понятій, ни его литературы. А кажется это все такія вещи, которыя слѣдовало бы изучить прежде всего, въ особенности имѣя въ виду—низвергнуть весь старый порядокъ и ввести новые законы и цивилизацію.

Такъ какъ я пріѣхалъ въ Китай не наживать, а проживать деньги, то я посвятилъ все мое время наблюденіямъ, правда, поверхностнымъ, но весьма для меня интереснымъ. Поэтому я не особенно сближался съ европейцами, и часто старался отклонить ихъ слишкомъ дорогія услуги, обращаясь къ туземцамъ. Все, что идетъ изъ Европы, всякая европейская работа цѣнится здѣсь втрое противъ своей настоящей цѣны, и еслибъ заѣзжій европеецъ не слѣдилъ за собою, то онъ легко могъ бы истратить въ одинъ мѣсяцъ въ Шангхаѣ болѣе чѣмъ въ полгода самой безалаберной жизни въ Парижѣ. Китайскіе портные, которымъ я заказывалъ платье, дѣйствительно не умѣютъ шить по мѣркѣ, но за то превосходно копируютъ. Я далъ одному изъ нихъ свой старый жилетъ на фасонъ и велѣлъ ему сдѣ-

лать точно такой же новый. Черезъ нѣсколько дней я былъ удивленъ появленіемъ портнаго, который въ совершенномъ отчаяніи, поднимая руки къ небу и мотая головою, шелъ съ видомъ человѣка, для котораго все кончено, все погибло кромѣ чести! И все это отчаяніе было изъ-за того, что новый жилетъ не приходился съ математической точностью по старому. Я взялся успокоить несчастнаго, готоваго покуситься на самоубійство, и черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ отъ меня совершенно довольный.

Въ Китаѣ невозможно имѣть порядочнаго помѣщенія менѣе пяти рублей въ день безъ вина. Бутылка самаго простаго вина стоитъ около двухъ рублей серебромъ. Изъ предметовъ роскоши здѣсь дешевы только сигары: ихъ везутъ съ Манильскихъ острововъ и продаютъ здѣсь по двѣ копѣйки за штуку. Мясо очень вкусно, въ особенности свинина; изъ плодовъ замѣчательны великолѣпные сингапурскіе ананасы, которые въ Хон-Конгѣ можно имѣть по двѣ копѣйкѣ за каждый. Чай въ гостинницахъ самого посредственнаго качества, потому что лучшій сортъ отправляется въ Россію и въ Англію. Словомъ, еслибъ не торговая аристократія, которая являетъ собою примѣръ величайшей роскоши, то въ этой странѣ нельзя было бы найдти ни комфорта, ни удовольствія. Наживать, проживать и снова наживать деньги — вотъ единственная цѣль, съ которою пріѣзжаютъ сюда и остаются здѣсь на житье. Нѣтъ ни баловъ, ни театровъ, ни концертовъ, ни публичныхъ библіотекъ: только время отъ времени даются торжественные обѣды, на которыхъ, по особенной милости хозяевъ, гостямъ дозволяется являться во всемъ бѣломъ, по случаю жаровъ. Приглашенные спѣшатъ уѣхать съ этихъ обѣдовъ до десяти часовъ, чтобъ встать на другой день на разсвѣтѣ и отправиться въ контору, гдѣ они проводятъ каждый день своей жизни, доживая такимъ образомъ до сѣдыхъ волосъ.

Если жизнь въ Шангхаѣ скучна и однообразна, если китайскій городъ оказывается самымъ прозаическимъ мѣстомъ земнаго шара, то не таково первое впечатлѣніе, которое онъ производитъ на васъ, когда вы въѣзжаете въ него вечеромъ и видите его оживленныя улицы и еще болѣе оживленныя набережныя трехъ городовъ французскаго, англійскаго и американскаго, имѣющихъ каждый свой личный характеръ, свою особенную полицію и особенное названіе, соотвѣтствующее языку его жителей. Какая пестрота! Какіе рѣзкіе переходы отъ самой поразительной роскоши къ самой безобразной нищетѣ! Китайскія няньки прогуливаются съ своими европейскими

питомцами; бѣлокурые высокіе *дэнди* въ короткихъ бѣлыхъ жилетахъ или длиннополыхъ пальто идутъ бокъ-о-бокъ съ китайскими учеными съ очками на носу, которые держатъ въ лѣвой рукѣ опахало, а въ правой зонтикъ изъ желтой матеріи съ изображеніемъ уродовъ, — длинные и тощіе фланеры, устрашенные пожарными насосами, изливающими потоки воды на пыльную набережную, стоятъ возлѣ китайскихъ куколъ, которыя тоже, повидимому, удивлены и испуганы; красивыя молодыя англичанки въ кринолинахъ полулежатъ въ своихъ экипажахъ, которыми управляетъ индусъ, между тѣмъ какъ китайскій слуга, стоя на запяткахъ, не сводитъ съ нихъ глазъ. Тамъ и сямъ мелькаютъ голубые паланкины и смѣшныя шляпы, въ формѣ грибовъ, шариковъ и конусовъ желтаго и бѣлаго цвѣта; юноши, стройные какъ Аполлонъ Бельведерскій, съ нѣсколько женственной физіономіей, съ задумчивымъ взглядомъ и длинной шелковистой косой, падающей до ногъ, возвращаются изъ школы въ бѣлыхъ обтянутыхъ панталонахъ, съ голыми руками и открытой головой; африканцы, свирѣпые тагалы, малайцы, армяне, итальянцы, прибывшіе сюда изучать жизнь шелковичныхъ червей, — все это смѣшивается и толпится въ живописномъ безпорядкѣ. По временамъ раздаются мѣрные крики неутомимыхъ, замученныхъ «кули», осыпаемыхъ градомъ ударовъ и ругательствъ; далѣе, на рѣкѣ, видна безконечная вереница кораблей и слышенъ звонъ колокола, сзывающаго моряковъ на молитву въ пловучую церковь; звонъ другаго — отбивающаго перемѣну на вахтѣ, разносится до самаго отдаленнаго конца порта; раздаются крики матросовъ, отъѣзжающихъ въ Европу; хрипло звенятъ якоря своими натянутыми цѣпями на джонкахъ, гикахъ и фрегатахъ; блестятъ покатыя кровли китайскихъ домовъ и развѣваются три величайшіе флага въ мірѣ, позлащенные солнцемъ, заходящимъ среди пламенныхъ облаковъ. Ему поклоняются и падаютъ передъ нимъ ницъ усердные парсы, ученики Зороастра: — вотъ зрѣлище, которое ежедневно представляетъ шангхайскій портъ около пяти часовъ вечера. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ нельзя сдѣлать столько замѣчаній о человѣческой природѣ, и это единственное занятіе для тѣхъ, кто пріѣзжаетъ сюда безъ всякихъ комерческихъ цѣлей.

Что касается до меня, то я былъ очень радъ, что въ мое пребываніе тутъ были французскій и англійскій министры г. Бурдулу и г. Брюсъ, которые, узнавъ о моемъ прибытіи изъ Пекина, пригласили меня на обѣдъ, на которомъ мнѣ было оказано всевозможное радушіе. Но я не могъ сообщить имъ ничего новаго и былъ совер-

шенно пораженъ тѣмъ, что они знали изъ книгъ столько же, сколько я знамъ по опыту. Въ особенности г. Вадъ, секретарь англійскаго пссольства, выказалъ необыкновенныя познанія въ географіи сѣверной части Китая, тѣмъ болѣе удивительныя, что онъ тамъ никогда не былъ. Если, какими бы то ни было средствами, въ концѣ концовъ, достигается успѣхъ, то мы можемъ сказать, что въ настоящее время также прочно сидимъ въ Пекинѣ какъ въ Петербургѣ. Наши дипломаты добросовѣстно исполняютъ свои обязанности и нисколько не виноваты въ ненависти къ намъ китайцевъ; виноватъ въ ней тотъ классъ, который могъ быть уважаемъ, а между тѣмъ позоритъ себя:—это офицеры и капитаны торговыхъ судовъ, въ особенности американскихъ, наглость и высокомѣріе которыхъ превосходятъ всякое описаніе относительно тѣхъ, кого они считаютъ ниже себя. Изъ тысячи примѣровъ я приведу только одинъ, именно случившійся во время моего пребыванія въ Шангхаѣ. Одинъ *comprador* (китаецъ служащій посредникомъ между продавцомъ и покупателемъ), видя, что капитанъ американскаго судна распускаетъ паруса, бросился за нимъ въ погоню, уцѣпился за бортъ и требовалъ своихъ денегъ. Свирѣпый капитанъ столкнулъ его въ воду, и смерть его была отмщена, потому что судно погибло въ пути. Можно бы исписать цѣлые томы о тѣхъ происшествіяхъ, въ которыхъ бѣлая раса играетъ самую унизительную роль; я конечно не возьму на себя этого неблагодарнаго труда, но не буду обходить молчаніемъ тѣхъ фактовъ, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ вблизи или издали.

ГЛАВА XVII.

Нѣсколько словъ о капитанахъ торговыхъ судовъ. — Отъѣздъ въ Хонгъ-Конгъ на прусскомъ бригѣ. — Китайскія джонки. — Гигантская качка. — Высота валовъ. — Прибытіе въ Хонгъ-Конгъ.

Когда въ Шангхаѣ хотятъ переѣхать изъ одного мѣста въ другое и избѣжать невыносимаго жара, царствующаго на берегу, то обыкновенно нанимаютъ *сампанъ*, т. е. небольшую гондолу, которою управляетъ одинъ человѣкъ по вышеописанному способу *à la godille*. Тамъ, внутри маленькой каютки, совершенно защищенный отъ солнца, комфортабельно располагается путешественникъ, имѣя подъ рукой для развлеченія кипу англійскихъ иллюстрацій и всевозможныхъ карикатуръ въ болѣе или менѣе сохраненномъ видѣ. Когда приходится подыматься во время прилива, который здѣсь бываетъ очень силенъ, то лодка почти не подвигается, и бѣдный гребецъ выбивается изъ силъ, сидя на солнечномъ припекѣ и поджариваясь такимъ образомъ три-четыре часа сряду для вашего удовольствія: — за это онъ получаетъ двадцать пять копѣекъ, и счастливъ еще, если у него, подъ какимъ нибудь предлогомъ, не отнимутъ этихъ денегъ.

Я доѣхалъ однажды на такой лодочкѣ до середины китайскаго порта, гдѣ колыхалось болѣе двухъ тысячъ джонокъ всевозможной величины; нѣкоторыя изъ нихъ были четырехмачтовыя и вмѣщали въ себѣ не менѣе тысячи тоннъ; всѣ онѣ держались на якоряхъ, заброшенныхъ съ обѣихъ сторонъ; выстроившись въ одну линію, раздѣлялись такими симетричными промежутками воды, что составляли какъ бы рѣчныя улицы. Не менѣе сорока тысячъ жителей живутъ въ этихъ пловучихъ домикахъ, не заботясь о томъ, что происходитъ въ остальномъ мірѣ и наслаждаясь полнымъ спокойствіемъ.

Я нахожу, что шангхайскіе китайцы, въ особенности жители Кантона, принадлежатъ къ болѣе красивой расѣ чѣмъ сѣверные китайцы. Они гораздо выше ростомъ и лица у нихъ открыты; вообще они живѣе и несравненно болѣе занимаются своимъ туалетомъ, отличаются понятливостью и развязностью, и всѣ, безъ исключенія, необыкновенно чистоплотны, борода и волосы составляютъ для нихъ предметъ такого ужаса, что они брѣютъ себѣ свою голову, носъ, лобъ, уши, шею и подбородокъ; вслѣдствіе этого ихъ можно бы назвать женоподобными, еслибъ мускулы ихъ рукъ, груди и ногъ не поражали своей развитостью. Въ самомъ дѣлѣ, физическая сила китайскихъ кули и ихъ дѣятельность на раскаленномъ солнцѣ, подъ лучами котораго наши работники растаяли бы какъ воскъ отъ огня, достойна замѣчанія; напр., четверо кули несутъ на двухъ бамбуковыхъ палкахъ, параллельно лежащихъ на ихъ плечахъ такіе огромные камни, которые были бы тяжелы для верблюда; при этомъ они идутъ такимъ легкимъ шагомъ, что европеецъ, безъ всякой клажи, долженъ бѣжать, чтобы поспѣть за ними. Нельзя объяснить подобной силы одной привычкой къ жару, потому что эти люди такъ же хорошо переносятъ суровыя шангхайскія зимы, которыя, несмотря на широту, подъ которой лежитъ этотъ городъ, еще холоднѣе чѣмъ въ Парижѣ. И объ этомъ народѣ такъ дурно отзываются всѣ, даже люди, которые знаютъ его ближе другихъ, и тѣ не могутъ рѣшиться признать за нимъ какого бы то ни было достоинства, какъ будто это была, богъ знаетъ, какая невѣроятная вещь. Если путешественникъ пріѣзжаетъ въ Китай безъ всякой предвзятой идеи, и если ему припомнится все, что онъ слышалъ о китайцахъ въ Европѣ, то онъ невольно задастъ себѣ вопросъ: «Да гдѣ же эти китайцы? Гдѣ эти смѣшные, женоподобные люди съ глазами въ видѣ щелочекъ, съ обвислыми щеками въ видѣ пряниковъ, которыхъ мнѣ выдавали за китайцевъ?»

Едва ли найдется гдѣ нибудь другая страна, за исключеніемъ Индіи, гдѣ было бы такъ мало уродствъ какъ въ Китаѣ, и гдѣ молодость была бы такъ продолжительна; это очень странный фактъ, послѣ того какъ знаешь, и я съ этимъ вполнѣ согласенъ, что это одна изъ странъ, гдѣ царствуетъ величайшая распущенность нравовъ; впрочемъ чрезмѣрная воздержность въ пищѣ и питьѣ вѣроятно парализуетъ дѣйствіе разврата, а иначе китайцы должны бы состарѣться прежде тридцати лѣтъ. Впрочемъ, въ Китаѣ одни только мужчины не старятся; женщина въ двадцать лѣтъ уже отцвѣла и послѣдніе ос-

Набережная въ Шангхаѣ.

татки свѣжести уничтожаются слишкомъ частымъ употребленіемъ румянъ. Это очень жаль, потому что молодыя образованныя китаянки, въ особенности уроженки Кантона, отличаются необыкновенной граціей, скромностью и миловидностью. На сѣверѣ Китая женщины не имѣютъ хорошаго цвѣта лица, и вообще здѣсь нельзя найдти нигдѣ такой свѣжести какъ въ Европѣ; но на югѣ онѣ обладаютъ жаркимъ колоритомъ и всѣмъ очарованіемъ креолокъ; у нихъ маленькія руки и очаровательныя ноги, когда ихъ оставляютъ въ настоящемъ ихъ видѣ; длинная и граціозная талья, атласистая кожа и блестящая черная коса, падающая на спину съ затылка, гдѣ она связана красной лентой или разложена по всей головѣ въ видѣ тяжелаго и некрасиваго зданія, называемаго по всей справедливости tea-pot (чайникомъ). Мужчины, какъ извѣстно, тоже носятъ на головѣ косу, но она по большей части берется изъ магазановъ и не похожа на настоящую. Никогда и не въ какомъ случаѣ, гдѣ бы ни находился китаецъ, онъ не рѣшается разстаться съ этой косой, и только укладываетъ ее вокругъ головы въ родѣ чалмы или, скорѣе, въ родѣ короны, для того чтобы не слишкомъ отличаться отъ иностранцевъ, а также чтобы не пачкать платья.

Я потому такъ распространился о наружности китаянокъ, что меня часто спрашивали объ этомъ предметѣ, которому я не желаю оставаться совершенно чуждымъ. Теперь же я попрошу моихъ читателей забыть все то, что я говорилъ о красотѣ этихъ женщинъ, потому что всѣ прилагательныя и эпитеты, которыми я надѣлялъ ихъ, должны поблѣднѣть и исчезнуть передъ тѣмъ, что впослѣдствіи я долженъ буду сказать о красотѣ женщинъ Индіи.

Я обѣдалъ разъ у издателя *North China Herald*, журнала менѣе заносчиваго и лучше издаваемаго чѣмъ другіе. По случаю этого обѣда, достойный издатель, г. Комптонъ, пригласилъ съ себѣ англійскаго консула, г. Мидоу, и секретаря англійскаго посольства, г. Ваде. Общество людей умныхъ и свѣдущихъ, съ такимъ широкимъ взглядомъ на вещи, что ихъ хочется слушать, болѣе чѣмъ говорить самому, въ особенности при сорока градусахъ тепла — чрезвычайно пріятно въ странѣ, гдѣ время идетъ однообразно, и гдѣ одинъ день такъ похожъ на другой, что трудно ихъ отличить между собою. Я также часто ходилъ обѣдать на корабль *Норзагарай*. чтобъ воспользоваться не только французской кухней, но и нѣкоторой прохладой; тамъ мнѣ всегда были рады мой другъ, командиръ Лепецъ и его офицеры. Лепецъ не разъ предлагалъ мнѣ плыть вмѣстѣ съ нимъ въ

Хонгъ-Конгъ какъ только его пошлютъ туда, но, къ несчастью, онъ все не ѣхалъ, а я все болѣе и и болѣе раздражался и приходилъ въ нетерпѣніе. Наконецъ я началъ проводить все время въ сампанѣ, переѣзжая отъ одного корабля къ другому и узнавая не отправляется ли который нибудь изъ нихъ въ Хонгъ-Конгъ. Тутъ я долженъ повторить еще разъ, хотя мнѣ это очень непріятно, что капитаны торговыхъ кораблей, за небольшими исключеніями, такіе люди, съ которыми нельзя вести никакого дѣла. Если разговаривать съ ними скромно и осторожно, они непремѣнно постараются сконфузить и сбить васъ съ толку; если вы входите на корабль и относитесь къ нимъ какъ къ простымъ смертнымъ, а не такъ какъ относились посланники Сіамскаго короля къ Людовику XIV, они выходятъ изъ себя, краснѣютъ, топаютъ ногами и прославляютъ вездѣ, что вы невѣжда. Можно себѣ представить каковы должны быть помощники такихъ капитановъ; я не говорю, конечно, объ ихъ усердіи къ своему дѣлу, которому они всегда преданы, но о той наглости и дерзости, подобныхъ которымъ нельзя найдти нигдѣ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Хорошо еще, если они выкажутъ себя во всемъ блескѣ до отъѣзда, тогда вы покрайней мѣрѣ успѣете убѣжать отъ нихъ какъ отъ чумы, но по большей части они надѣваютъ на себя маску смиренія и ползаютъ у вашихъ ногъ до тѣхъ поръ, пока не снимутся съ якоря; а тутъ-то начинается внезапная метаморфоза, когда вы чувствуете себя обреченнымъ оставаться на все время пути съ самыми невыносимыми людьми, готовыми превратиться въ тирановъ, если только вы не будете противиться этому всѣми силами. Самый жестокій семейный разладъ всетаки не такъ ужасенъ какъ это постоянное сожительство на кораблѣ съ людьми, непонимающими другъ друга. Если на сушѣ согласіе есть первое условіе счастья, то оно становится крайне необходимымъ на морѣ, для людей обреченныхъ провести цѣлые долгіе мѣсяцы съ глазу на глазъ среди воды и неба. Горькій опытъ научилъ меня никогда не садиться на корабль, какъ бы ни былъ коротокъ переѣздъ, не ознакомившись предварительно, хоть сколько нибудь, съ капитаномъ. Притомъ я хорошо помнилъ, что мы находимся въ самомъ сердцѣ пассатныхъ юго-западныхъ вѣтровъ, которые могли задержать насъ на пять или на шесть недѣль въ морѣ.

Изъѣздивъ портъ во всѣхъ направленіяхъ, я напалъ наконецъ на одинъ прусскій бригъ, подъ названіемъ «Миранда», которымъ командовалъ еще очень бодрый старичокъ, не утратившій повидимому всей

сердечной теплоты, несмотря на то, что уже сорокъ лѣтъ онъ провелъ на кораблѣ. У него не было, какъ у другихъ его товарищей, претензій на всемірное знаніе и какую то необыкновенную учтивость,—ни смѣшнаго пристрастія къ нарядамъ такъ не идущаго моряку, но за то за нимъ водился другой грѣшокъ, который едва ли былъ не хуже всего остальнаго для его пассажировъ, тѣмъ болѣе что онъ открывался только послѣ отплытія,когда уже шли по открытому морю, именно—страшная скупость въ раздачѣ сдѣстныхъ припасовъ. Для каждаго непріятно сидѣть на порціи и полпорціи; но каково это было мнѣ! И однакожъ пребываніе въ Шангхаѣ мнѣ такъ опостылѣло, что я рѣшился ѣхать, рискуя даже умирать голодною смертью, и между мною и прусскимъ капитаномъ немедленно было заключено условіе, что онъ доставитъ меня въ Хонгъ-Конгъ за 250 франковъ на всемъ готовомъ, кромѣ вина.

6-го августа я совсѣмъ уложился и распростился съ друзьями, а 7-го, въ четыре часа утра, сѣлъ въ «сампанъ» и отправился на *Миранду*, стоявшую на якорѣ въ недалекомъ разстояніи отъ города.

Еще одна тяжелая разлука! Еслибъ не приходилось разставаться съ друзьями, путешествіе было бы слишкомъ легко и пріятно. Проѣзжая въ своемъ «сампанѣ» мимо городскихъ набережныхъ, я увидѣлъ, несмотря на ранній часъ утра, что мои вѣрные товарищи изъ Кяхты вышли проводить меня и кричали, махая мнѣ платками, praschaité! (Прощайте). Это грустное слово разлуки, которое не повторится для меня болѣе на русскомъ языкѣ. Черезъ четверть часа я входилъ на палубу «*Миранда*», и новый свѣтъ еще разъ открывался передо мною.

На этотъ разъ съ нами ѣхалъ китайскій лоцманъ, который превосходно зналъ рѣку и вывелъ насъ изъ нея въ теченіе трехъ дней за самую ничтожную плату. Но такъ какъ онъ былъ китаецъ и слѣдовательно не могъ выговорить буквы «р», то, отдавая приказанія, часто говорилъ такія слова, отъ которыхъ весь экипажъ покатывался со смѣху.

Желтыя и мутныя волны Янъ-Тзе-Кіанга бурлили и пѣнились какъ кипятокъ, вздымаясь на всемъ пространствѣ, столь же обширномъ въ этомъ мѣстѣ какъ море, громадная гора свинцовыхъ облаковъ воздвиглась со стороны Шангхая; молніи, сверкая одна за другою, обрисовывали контуры этихъ облаковъ въ какомъ-то чудовищномъ видѣ; нельзя было различить ни земли, ни неба, ни кораблей; при блескѣ молній видны были только, время отъ времени, верхушки деревьевъ и цѣлые лѣса мачтъ.

Вѣтеръ, какъ бѣшеный, бросалъ изъ стороны въ сторону бѣдную *Миранду*, трепетавшую какъ листъ, слетавшій съ дерева, и гналъ и все впередъ, прямо на огромную джонку, стоявшую на якорѣ; по счастію, намъ удалось миновать ея, и мы, вмѣстѣ съ капитаномъ, бросились на помощь къ лоцману, совершенно выбившемуся изъ силъ. Въ продолженіе четверти часа, громъ гремѣлъ и молніи ослѣпляли насъ безпрерывно, а черезъ часъ наступила внезапная и полная тишина. Самые опытные моряки не могутъ опредѣлить времени этихъ неожиданныхъ атмосферическихъ измѣненій, случающихся близъ тропиковъ, и никто не можетъ объяснить причины этихъ явленій, начинающихся и кончающихся также быстро какъ землетрясеніе.

9-го числа, при благопріятномъ восточномъ вѣтрѣ, мы были уже близъ устьевъ Янъ-Тзе-Кіанга; почти рядомъ съ нами шла большая, четырехмачтовая джонка, тоже искавшая выхода. Чрезвычайно любопытно было бы ознакомиться короче съ веденіемъ судоходства у китайцевъ. Замѣчательно то, что на ихъ судахъ дисциплина какъ будто не существуетъ; матросы громко ругаются и совершаютъ всякія неистовства; всевозможныя форми порока проявляются между ними въ такихъ размѣрахъ, что Гуцлавъ, путешествовавшій на многихъ изъ этихъ джонокъ, назвалъ ихъ Содомомъ и Гоморромъ.

И не смотря на то, нельзя отрицать въ китайцахъ мужества; во время опасности они никогда не теряютъ присутствія духа, всегда спокойны и хладнокровны. Это не мое личное мнѣніе, которое разумѣется, слишкомъ мало имѣло бы цѣны, но мнѣніе всѣхъ англійскихъ и французскихъ моряковъ, которыхъ я разспрашивалъ и съ которыми я много говорилъ объ этомъ предметѣ. Они всѣ единодушно утверждали, что китайцы неподражаемы въ искусствѣ лавированія, хотя, въ другомъ отношеніи, очень мало смыслятъ въ мореплаваніи обширныхъ рязмѣровъ, и что ихъ джонки во многихъ отношеніяхъ достойны подражанія.

Я не стану употреблять техническіе термины, которые будутъ непонятны и для другихъ, и для меня самого, но позволю себѣ нѣсколько замѣчаній, относительно джонокъ. Во первыхъ, онѣ вовсе не имѣютъ той изогнутой и некрасивой формы, которую общее мнѣніе имъ приписываетъ. Уже нѣсколько лѣтъ ихъ дѣлаютъ дотого прямыми и крѣпко держащимися на водѣ, что издали ихъ можно было бы принять за европейскіе яорабли, еслибъ не правилъ ими китайскій лоцманъ. Руль у нихъ огромный и весь пробитъ дырочками. Зная, что китайцы никогда не дѣлаютъ ничего безполезнаго, я ча-

сто пытался разспрашивать у нихъ, для чего сдѣланы эти дырочки, но не могъ добиться никакого объясненія: если это для того чтобъ онъ былъ легче на водѣ, то самая эта легкость лишаетъ его дѣйствія; но можетъ быть эти самыя дырочки, дѣлая его легче, въ тоже время уменьшаютъ на него давленіе воды, въ тотъ моментъ, когда руль повертываютъ. Разсматривая вышину этихъ рулей и слабую связку, придерживающую ихъ на кораблѣ, я не разъ удивлялся тому, что они не ломаются поминутно: ихъ можно во всякое время убрать на палубу, и, по всей вѣроятности, въ дурную погоду, они не употребляются.

Большія джонки, въ тысячу и болѣе тоннъ, имѣютъ около двадцати сажень въ долину и десяти въ ширину; на нихъ помѣщаются отъ восьмидесяти до ста человѣкъ матросовъ, которымъ платятъ, какъ говорятъ, большое жалованье. Эти суда, также какъ и военныя джонки, не глубоко сидятъ въ водѣ, не болѣе какъ футовъ на шесть глубиною. Правда, что ихъ постройка, хотя далеко не такъ красивая какъ наша, отличается необыкновенною легкостью; на джонкѣ нѣтъ ни рей, ни цѣпей, никакого тяжелаго лѣсу. Она почти вся сдѣлана изъ бамбука, который почти ничего не вѣситъ, и слѣдовательно дѣлаетъ ее несравненно легче нашихъ судовъ. Кромѣ того, джонки эти нигдѣ не сбиты гвоздями, а просто сшиты бамбуковой корой, какъ полы какого нибудь платья, и сдѣлано это такъ аккуратно, что сквозь нихъ не проникаетъ ни одной капли воды, такъ что многіе увѣряютъ даже, что будто на джонкахъ нѣтъ и насосовъ для выкачиванья воды; я не ручаюсь за этотъ фактъ, такъ какъ его очень трудно провѣрить, по причинѣ опасности, которой подвергается европеецъ, садящійся на китайское судно и предоставляющій себя во власть китайскихъ матросовъ; примѣръ тому—несчастіе, случившееся съ г. Воше, который былъ убитъ китайцами, между Хонгъ-Конгомъ и Кантономъ. Въ періодъ страшныхъ ураагновъ, свирѣпствующихъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ на китайскихъ моряхъ, неминуемо должны гибнуть сотни и даже тысячи джонокъ, но всѣ, кому случалось плыть на нихъ въ это время, говорятъ единодушно, что эти суда все таки несравненно лучше нашихъ выдерживаютъ ураганы. Они несутся по поверхности волнъ какъ безжизненные трупы, безъ руля и безъ парусовъ; на палубѣ не видно ни одной души, и вся свирѣпость урагана разбивается безплодно объ эти суда, какъ будто они были сдѣланы изъ пробки.

Вотъ еще одно изъ преимуществъ джонокъ надъ нашими судами:

паруса ихъ очень легко могутъ свертываться снизу, по способу, который употребляютъ для складыванья вѣеровъ, такъ что китайскимъ матросамъ не приходится влѣзать на верхъ, во время дождя и вѣтра и возиться съ полчаса надъ уборкой рифовъ или спусканіемъ парусовъ; имъ это также легко, какъ намъ — дернуть за снурокъ сонетки; даже ребенокъ, стоящій на палубѣ, можетъ совершенно свободно сложить совсѣмъ, или только вполовину, самый большой парусъ, котораго нижній край величественно поднимается до требуемой степени высоты. Поэтому-то, китайскіе матросы, нанимающіеся на наши суда, не соглашаются иначе влѣзать на мачты, какъ за сумму двадцати пяти рублей, въ мѣсяцъ, потому что это для нихъ дѣло непривычное, и они, не смотря на свою ловкость, подвергаются большой опасности.

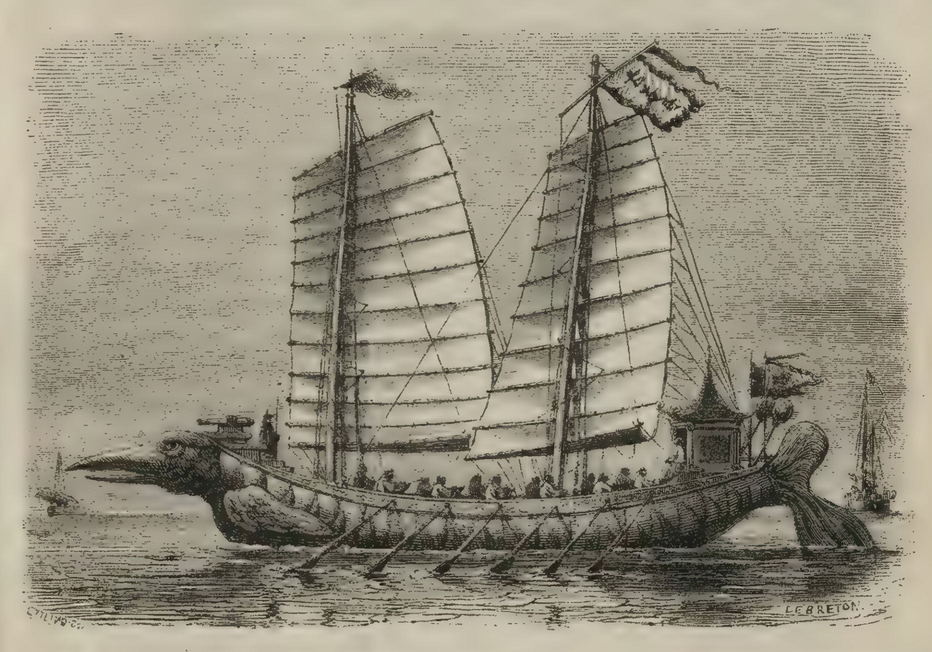
Мнѣ остается теперь сказать только нѣсколько словъ объ устройствѣ джонокъ. Во первыхъ, онѣ слишкомъ широки и недовольно длинны, чтобъ выдержать сравненіе даже съ самымъ скромнымъ изъ нашихъ кораблей, исключая одного только случая,—когда идутъ противъ вѣтра, не потому, чтобъ въ это время онѣ шли скорѣе, но потому, что самая огромная джонка можетъ поворотиться на другой галсъ въ одно мгновеніе, перевернувшись на носу, этимъ она много выигрываетъ противъ вѣтра и доходитъ скорѣе. Разительный примѣръ этому мы видѣли на джонкѣ, вышедшей въ одно время съ нами изъ Янгъ-Тзе-Кіанга: *Миранда*, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, не могла бы сдѣлать десяти узловъ, а упомянутое судно, при тѣхъ же условіяхъ, едва бы сдѣлало восемь, но при противномъ вѣтрѣ эта джонка обогнала насъ такъ скоро, что мы совершенно потеряли ее изъ виду.

Что касается до наружной красоты, то нельзя даже сдѣлать и сравненіе между китайской джонкой и европейскимъ кораблемъ, который, можетъ быть, есть величайшее произведеніе искусства, между тѣмъ какъ джонка представляетъ чистое уродство. Разница между ними будетъ еще больше, если прибавить, что самый плохой изъ нашихъ капитановъ можетъ послѣ трехмѣсячнаго плаванья по морю утвердительно сказать, что близка такая-то земля, которая дѣйствительно появляется чрезъ нѣсколько времени, между тѣмъ какъ бѣдному капитану китайской джонки, остается только пустить себѣ пулю въ лобъ, если онъ потеряетъ изъ виду землю; кромѣ того отправляясь въ Австралію, онъ часто рискуетъ высадиться въ Камчаткѣ. Тѣмъ

не менѣе, въ Китаѣ существуютъ всѣ элементы для хорошаго мореплаванія и для превосходныхъ моряковъ...

Волна, все прибывающая съ юга, принимаетъ гигантскіе размѣры; я никогда не видалъ подобной въ Атлантическомъ океанѣ.

Когда Араго отважился сказать, что самыя высокія волны моря никогда не поднимаются выше пяти саженъ, то великій человѣкъ первый разъ въ своей жизни сдѣлалъ большую ошибку. Въ этомъ можно убѣдиться легко, хотя и не совсѣмъ точно, влѣзши на мачту въ то время, когда корабль стоитъ вертикально, до того пункта, когда

Китайская джонка.

верхушки волнъ перестаютъ скрывать горизонтъ, и тогда съ этой высоты можно приблизительно опредѣлить ихъ возвышеніе. Я дѣлалъ этотъ опытъ, и убѣдился, что онѣ имѣли въ этомъ случаѣ болѣе сорока футовъ вертикальной высоты. При всемъ томъ, качка была очень правильна; но еслибъ можно было измѣрить огромныя сахарныя головы, образующіяся посреди тифона, когда нѣсколько волнъ сталкиваются вмѣстѣ и поднимаются пирамидой, то навѣрно открылось бы, что морскія волны могутъ вертикально подниматься на высоту вдвое большую той, которую опредѣлилъ Араго.

Ширина, масса и промежутки между этими водяными холмами были пропорціональны ихъ высотѣ; онѣ прибывали величаво и безшумно, и гнали передъ собой море, волнуемое сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. На протяженіи цѣлой мили катились только семь или восемь огромныхъ волнъ, которыя, поднявши насъ на хребтѣ своемъ, какъ скорлупку, стремились дальше къ берегамъ Китая, обдавая землю и островки пѣной, которая стояла надъ ними нѣсколько секундъ какъ занавѣсъ, потомъ падала съ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому. Никогда еще море не волновалось съ подобнымъ величіемъ, покрайней мѣрѣ я никогда не видѣлъ такаго грандіознаго зрѣлища. Поэтому несомнѣнному признаку мы почти навѣрное могли сказать, что гдѣ нибудь по близости свирѣпствуетъ тифонъ, бичъ Китайскихъ морей, о которомъ я уже говорилъ выше. Въ самомъ дѣлѣ, справившись по числамъ мы узнали впослѣдствіи, что дѣйствительно находились въ эту минуту только въ пятидесяти миляхъ отъ тифона и что почти всѣ корабли, вышедшіе въ этотъ день изъ Хонгъ-Конга, снова вернулись назадъ съ сломанными мачтами; въ самомъ же Хонгконгскомъ рейдѣ, защищенномъ отъ бурь высокими горами, вѣтеръ снесъ мачты съ кораблей какъ соломенку и разметалъ крыши съ домовъ.

Сидя съ капитаномъ на палубѣ *Миранды*, мы съ какимъ-то замираніемъ сердца все еще не могли отвести глазъ отъ огромныхъ массъ волнъ, этихъ предвѣстницъ бурь, которыя катились теперь медленно и въ стройномъ порядкѣ, какъ побѣжденные батальоны, изгнанные съ поля сраженія, но все еще страшные для побѣдителя; мы прислушивались къ шуму вѣтра, стараясь уловить въ немъ тѣ странные звуки, которые слышатся, какъ говорятъ, во время тифона, подобные реву дикихъ зрѣрей; но ничего подобнаго не было слышно. Сильный вѣтеръ продолжалъ дуть неизмѣнно съ сѣверо-восточной стороны, и мы наконецъ убѣдились, что намъ не предстоитъ никакой опасности. Тогда мы начали разсказывать другъ другу разныя приключенія и несчастія, производимыя этими страшными ураганами, съ которыми капитанъ въ особенности былъ очень хорошо знакомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ однажды, во время бури, его матросы вздумали лѣзть на верхъ убирать паруса, но вѣтеръ ихъ такъ крѣпко прижалъ къ снастямъ, что они не могли ничего сдѣлать, и спѣшили спуститься ползкомъ на палубу, боясь чтобы вѣтеръ не унесъ ихъ какъ листокъ съ дерева; онъ увѣрялъ меня также, что будто самъ видѣлъ, какъ во время урагана отрывались

куски дерева отъ корабля, не отъ напора волнъ, а просто отъ одной только силы вѣтра.

Настала ночь, но волна не унималась, и хотя мы не могли ее видѣть въ темнотѣ, но явственно слышали, вокругъ насъ, шумъ пѣнившагося и клубившагося моря, подобный шелесту скомканныхъ бумагъ. Когда утомленныя волны стихали на нѣсколько мгновеній, то на мѣсто ихъ появилась неизмѣримая водяная равнина, освѣщенная дрожащимъ, фосфорическимъ блескомъ, который мало по малу распространялся по всему морю.

Въ непроглядной тьмѣ, окружавшей насъ, пріятно было видѣть на горизонтѣ блестящіе зигзаги электрическаго свѣта, оставлявшіе впрочемъ море въ глубокомъ мракѣ, хотя мы постоянно чувствовали какъ волны подбрасывали насъ на высоту тридцати или сорока футовъ, и затѣмъ снова низвергали въ невидимыя глубины. Невольно мысль моя перенеслась къ домашнему очагу, вокругъ котораго теперь вѣроятно собрались спокойно и весело мои друзья и родные; затѣмъ я углубился въ размышленія о могуществѣ матеріи, и еще болѣе,—о власти надъ ней человѣка, который подчиняетъ ее своей волѣ, тогда какъ повидимому долженъ бы быть ея игрушкой. Не довольствуясь однимъ только знаніемъ непреложныхъ законовъ природы, онъ съумѣлъ воспользоваться ими для своей выгоды и научился управлять неразумными стихійными силами, дѣйствующими повидимому слѣпо и безъ всякихъ законовъ; онъ взялъ себѣ въ союзники бурю и вѣтеръ, и сдѣлалъ изъ нихъ себѣ крылья, обративъ такимъ образомъ себѣ на пользу даже то, что явно становилось ему преградой. Какъ ни велики силы природы, а все же онѣ ничтожны передъ волей человѣка, когда онъ захочетъ употребить всѣ усилія своего разума для того, чтобы притиводѣйствовать имъ.

Я долго оставался на палубѣ въ этотъ вечеръ 20-го августа, зная, что мы находимся теперь только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ земли и вблизи подводныхъ камней, которые такъ страшны для мореплавателя. Къ десяти часамъ ночи, сѣверно-восточный вѣтеръ прекратился, и на небѣ засверкали чудовищныя молніи, появлявшіяся чрезъ довольно долгіе промежутки; затѣмъ полилъ сильный тропическій дождь, звучно ударявшійся о палубу и мѣрно отскакивавшій отъ нея, но и этотъ дождь скоро прекратился. Ненормальная быстрота измѣненій погоды не предвѣщала ничего хорошаго, и мы сочли благоразумнымъ, по примѣру всѣхъ опытныхъ моряковъ, никогда не рискующихъ безопасностью судна въ виду земли, свер-

нуть наши паруса, и ждать разсвѣта чтобъ вступить въ Хонгъ-Конгскій рейдъ.

21-го солнце во всемъ своемъ блескѣ появилось на небѣ, позлащая величавыя прибрежныя горы, которыя издали представлялись гигантскими стражами, и казалось не хотѣли допустить даже самой маленькой лодочки къ своимъ берегамъ. Море совершенно упало и являло поверхность изумрудно-зеленаго цвѣта, которая тихо плескалась о прибрежные песчаные утесы. Капитану нашему такъ хорошо былъ знакомъ каждый уголокъ этой мѣстности, что онъ не счелъ нужнымъ брать лоцмана, и мы безъ затрудненія вошли въ узкій и извилистый проходъ, гдѣ море совершенно скрылось изъ нашихъ глазъ. Хонгъ-Конгскій рейдъ чрезвычайно походитъ на озеро, и какъ бы ни свирѣпствовалъ вѣтеръ, на немъ не бываетъ ни волнъ, ни качки. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами, правда лишенными всякой растительности, но тѣмъ не менѣе живописно разбросанными въ фантастически-граціозномъ безпорядкѣ. Городъ кажется гораздо обширнѣе издали, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ, и расположенъ амфитеатромъ по крутизнамъ горъ, огибая берега рейда, наполненнаго безчисленными судами; тамъ и сямъ виднѣются нѣсколько зеленыхъ полянъ среди дикихъ утесовъ, по водѣ снуютъ тысячи джонокъ, перебивающихъ другъ у друга честь свезти васъ на берегъ. Вотъ картина, представившаяся моимъ взорамъ, когда я очутился въ одно прекрасное утро, по особенному благоволенію Божію, въ виду Хонгъ-Конга, чрезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда изъ Шангхая.

ГЛАВА XVIII.

Гонгъ-Конгъ. — Готовность китайцевъ ко всему. — Кантонъ. — Его сады. — Любезность французскихъ офицеровъ. — Тифонъ. — Цвѣточныя лодки. — Китайская музыка.

Если читателю когда нибудь случилось бывать на знаменитыхъ, хотя и мало извѣстныхъ ирландскихъ озерахъ «Киларней», то онъ непремѣнно вспомнитъ о нихъ въ Хонгъ-Конгскомъ рейдѣ, представляющемъ совершенное подобіе озера, потому что съ него совсѣмъ не видно моря. Гора, на крутизнахъ которой расположенъ городъ, извѣстна подъ именемъ горы *Викторіи*; она чрезвычайно живописна, хотя покрыта однимъ только верескомъ и развалинами обрушившихся утесовъ; съ вершины ея, возвышающейся на триста сажень надъ землею, открывается прелестный видъ на море и горы, который обнимаетъ все пространство отъ Макао до Кантона. Съ сѣверо-западной стороны видны нѣсколько горъ съ совершенно изрытыми и обнаженными вершинами, какъ это всегда бываетъ съ тѣми горами въ Китаѣ, которыя достигаютъ высоты пятисотъ сажень. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ долинъ, въ особенности одна, извѣстная подъ названіемъ *Happy-Valley*, отличается богатой и совершенно тропической растительностію; въ другихъ же мѣстахъ, кромѣ лазури неба и изумрудной поверхности моря, весь пейзажъ подернутъ какимъ-то тусклымъ, шоколатнымъ оттѣнкомъ; окрестность необработана и представляетъ дикій видъ, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходятъ нѣсколько прекрасныхъ дорогъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчательна одна, идущая вдоль океана и огибающая весь пикъ *Викторіи*, подножіе которой и составляетъ островъ Хонгъ-Конгъ. Къ сожалѣнію, дороги эти почти также пустынны и

уединенны какъ у насъ зимою дороги, идущія по снѣжнымъ ущеліямъ Альпійскихъ и Пиренейскихъ горъ. Европейцы, живущіе подъ тропиками, такъ боятся солнца, что никогда не выходятъ изъ дому днемъ, а ночью на этихъ пустынныхъ дорогахъ часто попадаются китайцы, которые не всегда оставляютъ европейцевъ въ покоѣ. Поэтому, выходя изъ дому, надо непремѣнно запасаться оружіемъ, имѣя въ виду, что на этомъ островѣ на каждаго европейца приходится пятдесятъ китайцевъ.

Нигдѣ не бываетъ такой толкотни и давки какъ на рейдѣ, въ то время, когда въ Китай откуда нибудь прибываетъ корабль. Прежде чѣмъ онъ успѣетъ выбросить якорь, его уже со всѣхъ сторонъ окружаетъ вереница сампановъ, привязанныхъ другъ къ другу и ежеминутно сталкивающихся; въ нихъ сидятъ мужчины и женщины всѣхъ сословій, старающіеся всѣми правдами и неправдами попасть на палубу. Эти легкія остроконечныя лодочки безстрашно пускаются въ море, какова бы ни была погода, несмотря на то что весь экипажъ состоитъ почти исключительно изъ однѣхъ только молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ матерей съ дѣтьми за плечами, которыхъ онѣ таскаютъ за собой всюду на самыя тяжелыя работы. Онѣ сильны какъ матросы, проворны какъ бѣлки, и неустрашимо справляются съ веслами, парусами и якоремъ, между тѣмъ какъ дѣти спящія за ихъ спиной, также мало подозрѣваютъ о томъ, что происходитъ вокругъ, какъ лоскутья, собранные парижскимъ тряпичникомъ въ его рабочей корзинѣ.

Лишь только весь этотъ людъ взберется на бортъ, какъ каждый начинаетъ оглушать путешественниковъ заявленіемъ о своемъ ремеслѣ. Прежде всего выступаютъ прачки съ цѣлымъ грузомъ аттестатовъ, свидѣтельствующихъ о ихъ превосходной стиркѣ и о томъ, что онѣ никогда не были замѣчены въ воровствѣ.

Затѣмъ идутъ цѣлыя фаланги портныхъ, башмачниковъ, мясниковъ, зеленщиковъ и всякаго рода мошенниковъ, которыхъ всегда сопровождаютъ толпы ребятишекъ, предлагающихъ всѣмъ и каждому свои услуги. Не оскорбляя никого, путешественники обѣщаютъ заняться надосугѣ всѣми ихъ просьбами, спѣшатъ спровадить ихъ съ палубы и садятся въ сампанъ, который отвозитъ ихъ на берегъ. Если путешественникъ имѣетъ страсть самъ править лодкою, то онъ долженъ каждую минуту опасаться, чтобы не налетѣть на старые понтоны, или на клиппера, стоящіе на якорѣ, куда его постоянно относитъ быстрота теченія въ этомъ мѣстѣ. Противъ вѣтра надо

также принимать всевозможныя предосторожности, потому что онъ чрезвычайно непостояненъ въ Хонгъ-Конгѣ, вертитъ со всѣхъ сторонъ и бѣшено налетаетъ порывами, производя такія же внезапныя опустошенія, какъ разрывъ бомбы.

Такъ какъ мы бросили якорь миляхъ въ двухъ отъ берега, то городъ, потонувшій въ густомъ утреннемъ туманѣ, представлялся намъ издали, какимъ-то неяснымъ, бѣловатымъ очертаніемъ растянувшимся вокругъ подножія *Victoria Peak*; но какъ только мы стали подъѣзжать ближе, съ лѣвой стороны ясно обрисовалась церковь, среди зеленыхъ полянъ и множество домиковъ, не скрывавшихся другъ за другомъ, благодаря покатости, на которой они были выстроены; наконецъ передъ нами запестрѣли флаги всевозможныхъ націй, развѣвавшіеся по волѣ вѣтра. Вышедши на берегъ, мы узнали, что тифонъ, о которомъ, я говорилъ выше, разразился надъ самымъ Хонгъ-Конгскимъ рейдомъ, о чемъ свидѣтельствовало множество разбитыхъ и сломанныхъ мачтъ. Мнѣ страстно хотѣлось узнать что нибудь объ итальянской войнѣ, но такъ какъ я совершенно чуждъ на этихъ отдаленныхъ берегахъ, то мнѣ приходится отложить всякое подобное желаніе въ сторону и думать только о томъ, чтобы пріискать себѣ приличное помѣщеніе по умѣренной цѣнѣ... Я отправился въ такъ называемый *Oriental Hotel*, содержимый американцами, въ которомъ тотчасъ же нашелъ помѣщеніе, и впослѣдствіи остался имъ очень доволенъ. Правда, комнаты были не очень велики, и сосѣди мои *«янки»* чуть не съ шести часовъ утра начинали стрѣльбу въ цѣль изъ револьверовъ, но за то прислуга была исправная, притомъ отель часто посѣщался французскими морскими офицерами, и я, за свои двѣнадцать франковъ въ день, рѣшительно не могъ ни на что пожаловаться. Меня безпокоила только мысль о моемъ огромномъ багажѣ, который я долженъ былъ помѣстить въ этомъ отелѣ, гдѣ я еще никого не зналъ и не могъ даже опредѣлить сколько времени въ немъ пробуду; не менѣе тревожился я тѣмъ, что назначилъ свой адресъ въ Мельбурнъ и слѣдовательно не могъ надѣяться получать письма изъ Европы, сколько бы я ни прожилъ въ Хонгъ-Конгѣ.

По этому я былъ въ самомъ грустномъ расположеніи духа, отправляясь вечеромъ за общій столъ и невольно отыскивалъ глазами между посѣтителями какого нибудь симпатичнаго лица, не поглощеннаго всецѣло страстью къ золоту и къ которому я могъ бы обратиться за участіемъ, какъ къ искреннему другу, столь необходимому

для иностранца въ моемъ положенін. Люди, путешествующіе внѣ Европы, сближаются между собою только по разсчету и ради своей выгоды, оставаясь холодны ко всему остальному. Въ тѣхъ, которые уже прижились въ этомъ краю и пустили тамъ прочные корни, можно еще найти услужливыя и теплыя сердца: они охотно готовы принять участіе въ чужестранцѣ, но среди общества, кочующаго по Китаю, Соединеннымъ Штатамъ, Перу, Австраліи и даже Индіи, можно видѣть на лицахъ только выраженіе алчнаго поклоненія золотому тельцу, смѣняющееся повременамъ выраженіемъ скуки и отчаянія, а иногда безобразно багровыми пятнами пьянства. Только что я усѣлся за столъ, гдѣ собралось уже довольно много посѣтителей, обѣдавшихъ совершенно по американски, т. е. съ быстротою вѣтра, къ намъ подошелъ еще одинъ американецъ, желавшій тоже принять участіе въ обѣдѣ. Онъ былъ высокаго роста и довольно неуклюжъ; шляпа его съѣхала на затылокъ, синій фракъ съ золотыми пуговицами былъ застегнутъ наглухо, кромѣ верхней и нижней пуговицы; онъ шелъ вытянувъ шею и заложивъ руки въ карманы съ видомъ человѣка, не знающаго куда онъ идетъ и откуда пришелъ. Жизнь козалась ему опостылѣла и все окружающее наводило на него тошноту, покрайней мѣрѣ такое выраженіе было на его лицѣ, когда, окидывая взглядомъ собравшееся общество, онъ какъ будто спрашивалъ: «Зачѣмъ вы здѣсь, что вамъ тутъ дѣлать?» Безпрерывные плевки со свистомъ вылетали изъ его губъ, которые онъ почти не раздвигалъ; рыжая борода его была обрита какими-то уступами, и, судя по его походкѣ, можно было заключить, что онъ уже порядочно выпилъ; по всей вѣроятности ему неудалась какая нибудь спекуляція, а иначе, въ случаѣ успѣха, онъ былъ бы мертвецки пьянъ. И эта личность, возбуждающая скорѣе жалость чѣмъ смѣхъ и описанная мною безъ малѣйшаго преувеличенія, является не какъ исключеніе, но почти какъ общее правило въ большихъ торговыхъ городахъ, въ особенности въ Америкѣ. Если этихъ несчастныхъ можно пожалѣть, то не меньшаго состраданія заслуживаетъ бѣдный путешественникъ, по неволѣ сталкивающійся съ ними почти ежедневно. По счастью, мнѣ удалось свести иныя, болѣе пріятныя знакомства, оставившія во мнѣ до сихъ поръ пріятныя воспоминанія. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Хонгъ-Конгѣ, я близко сошелся съ офицерами французскаго и англійскаго флотовъ, и могъ дѣлать очень интересныя сравненія между ихъ характерами. Изъ нихъ пять человѣкъ стояли въ той же

гостиницѣ, гдѣ я, да кромѣ того насъ частенько посѣщали офицеры съ *Флежетона*, *Норзагарайя* и *Жиронды*. Я оставилъ свою карточку, на другой день послѣ моего пріѣзда, у французскаго консула г-на Воше, оказавшаго мнѣ значительныя услуги и у котораго я всегда былъ желаннымъ гостемъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я могъ наслаждаться пріятными разговорами и веселостью, никогда не переходившею за границы приличія.

Вечеромъ занимались музыкой или пѣніемъ, играли на билліардѣ и читали журналы; вслѣдствіе этого не только французы, но и англичане съ удовольствіемъ проводили вечера у г. Воше, гдѣ каждый чувствовалъ себя какъ дома и могъ уходить и приходить когда вздумается—огромный ресурсъ въ городѣ, гдѣ некуда дѣваться по вечерамъ, кромѣ описанныхъ мною выше sing-songs съ ихъ адской музыкою.

День быстро проходилъ для тѣхъ, которые занимаются дѣлами, но для меня, обреченнаго на бездѣйствіе и на терпѣливое ожиданіе отплытія какого нибудь судна въ Мельбурнъ, — было не такъ легко найдти себѣ занятіе. Я, не смотря на солнце, дѣлалъ далекія прогулки пѣшкомъ, и, на другой же день послѣ пріѣзда, исходилъ весь городъ, который въ сущности имѣетъ видъ деревни хотя и расположенъ на протяженіи восьмидесяти пяти китайскихъ миль. Это довольно правильный городъ съ одной большою главною улицей, идущей параллельно съ подножіемъ *Victoria Peaak;* нѣсколько другихъ улицъ расположены по тому же направленію и пересѣкаются на углахъ множествомъ узенькихъ и дурно вымощенныхъ переулковъ, которые спускаются по горѣ къ морю такъ круто, что для пѣшеходовъ принуждены были во многихъ мѣстахъ устроить лѣстницы.

Выйдя изъ города, я сталъ подниматься вверхъ по горѣ, шагая по влажному тростнику и обломкамъ скалъ, чтобъ скорѣе насладиться съ этой высоты зрѣлищемъ прелестнаго рейда, на которомъ колыхалось около сотни большихъ судовъ. Шумъ вѣтра и моря, нарушавшіе тишину этого мѣста, невольно наводили на размышленія, которыя вдругъ приняли опредѣленный характеръ, когда я совершенно неожиданное, наткнулся на маленькомъ китайское клабище, удаленное отъ всякаго жилья, и глаза мои съ ужасомъ остановились на трупѣ мертвеца, лежавшаго подъ открытымъ небомъ и достигшаго послѣдней степени разложенія! Вѣтеръ шелестилъ его волосами, и время отъ времени прикрывалъ это покинутое тѣло вѣтвями растеній, какъ будто сама природа стыдилась оставить его безъ покрова.

Это былъ вѣроятно трупъ какого нибудь убитаго, потому что подобныя злодѣянія совершаются здѣсь зачастую, не далѣе какъ версты за полторы отъ города.

Возвращаясь съ этой печальной прогулки, я зашелъ въ одинъ буддійскій храмъ, выстроенный, какъ большая часть изъ нихъ, на возвышеніи, съ котораго онъ господствовалъ надъ городомъ, надъ рейдомъ и надъ флотами, покачивающимися на якоряхъ. Служили вечерню. Три жреца въ желтыхъ одеждахъ сидѣли передъ алтаремъ и мяукали поочередно псалмы изъ книги, которую передавали другъ другу, когда уставали, что случалось очень скоро, потому что они читали пыхтя и задыхаясь какъ локомотивъ, дѣлающій пятьдесятъ верстъ въ часъ. Напѣвъ былъ очень однообразенъ, но оживленъ; въ немъ не было ни спокойствія, ни достоинства, да и какъ могли бы они быть у священника, держащаго въ одной рукѣ кастаньеты, служившіе акомпаниментомъ для его пѣнія, а въ другой—опахало, которымъ онъ усердно обмахивался, чтобы не растаять какъ полупотухающія свѣчи на его алтарѣ. Тутъ же находились, для вящаго торжества, двое людей, игравшихъ на гитарѣ и на віолончели, за ними присматривалъ ризничій, исполнявшій, кромѣ того, и другую обязанность; онъ безпрестанно приносилъ то воды, то сигаръ тому или другому священнику, изнемогавшему отъ жара и слишкомъ усерднаго исполненія своихъ обязанностей.

Европеецъ, входя въ эти храмы, можетъ не снимать съ головы шляпы и даже, не грѣша противъ этикета, можетъ подойти къ священнику съ сигарой въ рукахъ и, послѣ тысячи извиненій, попросить его прервать на минуту богослуженіе и дать ему огня. Когда наконецъ, надсадивши себѣ легкія, священники перестали пѣть, то дверь ризницы отворилась, и на порогѣ, вмѣсто ключаря, появилась молодая дѣвушка съ длинными полосами раскрашенной бумаги въ рукахъ. Появленіе женщины въ алтарѣ производитъ непріятный эфектъ, особенно здѣсь, гдѣ утвердительно можно сказать, что женщина занимается не однимъ только украшеніемъ храма, если судить по тѣмъ скандаламъ, которые допускаются и даже поощряются въ индійскихъ храмахъ. Все здѣсь, казалось, играло комедію, и даже самъ идолъ какъ будто гримасничалъ подъ покровомъ красныхъ бумажныхъ лентъ, скрывавшихъ его до половины и придававшихъ ему видъ чего-то сверхъестественнаго.

Возвращаясь домой по городскимъ улицамъ, я не могъ не подивиться искусству, котораго достигаютъ китайцы въ каждомъ ремеслѣ;

у нихъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенныя способности ко всему. Въ Хонгъ-Конгѣ есть молодые живописцы, не достигшіе еще вполнѣ искусства снимать портреты прямо съ оригинала, но зато копирующіе съ фотографій, масляными красками, съ такимъ совершенствомъ, до котораго едва ли могутъ достигнуть наши европейскіе артисты. Кромѣ необыкновеннаго терпѣнія, у нихъ есть особенныя краски, между прочимъ зеленое индиго, которое привозится также и въ Европу, но продается тамъ чрезвычайно дорого. Они превосходные портные и отличные столяры, мебель ихъ изъ бамбука отличается прочностью и чистотою отдѣлки; почти всѣ китайцы знаютъ хоть нѣсколько словъ по-англійски, это самые расторопные и вѣрные слуги; они умѣютъ переплетать, шить сапоги, легко привыкаютъ ко всему, знаютъ всѣ наши ремесла и, кромѣ того, дѣлаютъ такія чудеса искусства, на которыя они одни только способны и которыми восхищается весь свѣтъ. За что же вѣчно подавлять ихъ презрѣніемъ и насмѣшками? Это не логично. Много ли мы знаемъ цивилизованныхъ государствъ въ Европѣ, гдѣ каждый бы умѣлъ читать и писать? Не думаю чтобъ нашлось, гдѣ бы то ни было, хотя половину граматнаго населенія; между тѣмъ какъ въ Китаѣ каждый мальчишка, каждый нищій, каждый послѣдній кули, не только знаетъ грамоту, но и пользуется своимъ знаніемъ во всякую свободную минуту. Праздность незнакома въ этой странѣ; можно сказать про нее, что въ ней много пороковъ, что правленіе въ ней скверное, что законы жестоки, что справедливости нѣтъ. Но на этомъ и надо становиться, потому что, рядомъ со всѣми недостатками, она имѣетъ свои прекрасныя стороны и характеръ, способный, при искусномъ направленіи, преобразовать все въ хорошую сторону. Лошадь нельзя усмирить раздирая ей бока шпорами, а ротъ удилами; а если нельзя этого сдѣлать съ лошадью, то тѣмъ менѣе съ разумными существами. Если впослѣдствіи мнѣ придется проповѣдывать систему силы въ отношеніи къ нѣкоторымъ народамъ, и меня, вслѣдствіе этого, обвинятъ въ непослѣдовательности и пристрастіи къ китайцамъ, то я могу смѣло отвѣчать, что считаю характеръ этихъ народовъ неукротимѣе всякаго животнаго, и что съ ними невозможно обходиться по человѣчески. Одни только китайцы изъяты изъ этого правила.

Мнѣ съ самаго дѣтства особенно нравились горы, и потому неудивительно, что при всякомъ удобномъ случаѣ я старался удовлетворить свою страсть—влѣзать на нихъ. Не прошло и трехъ дней какъ я поселился въ Хонгъ-Конгѣ, а уже успѣлъ побывать на самой

вершинѣ пика «Викторія». Это восхожденіе можно бы шутя сдѣлать въ Европѣ, но подъ тропиками оно становилось совсѣмъ не шуточнымъ. Въ то время въ этомъ мѣстѣ пролегала только тропинка; теперь, говорятъ, здѣсь проходитъ великолѣпная дорога, видъ съ которой долженъ вполнѣ вознаградить за всѣ трудности работы. Кажется, что здѣсь учрежденъ также «sanitarium» для солдатъ, живущихъ внизу и страдающихъ страшной хонгъ-конгской лихорадкой, т. е. какой-то смѣсью холеры, желтой лихорадки и тифа. Какъ блѣдны и изнурены несчастные солдаты китайскаго гарнизона! Я два раза былъ на европейскомъ кладбищѣ въ Хонгъ-Конгѣ и оба раза присутствовалъ при погребеніи солдатъ. Среди самыхъ драматическихъ изліяній скорби, я самъ чуть не заплакалъ, очутившись передъ двумя надгробными камнями, лежавшими рядомъ и осѣненными двумя деревянными крестами съ простою надписью: «Сестра М.... Сестра А...» И только. Быть можетъ, надпись была бы слишкомъ скромна для героя, подвиги котораго должны воспѣваться и послѣ его смерти, но какъ она была краснорѣчива, какъ трогательна на могилѣ дѣвушки, посвятившей всю свою жизнь для служенія больныхъ и вслѣдствіе этаго погибшей безвременной смертью.

27-го числа, запасшись письмомъ отъ г-на Воше, я отплылъ на на пароходѣ «Фейма» въ Кантонъ, отстоявшій отсюда за двадцать пять миль. Не знаю нужно ли, и не надоѣстъ ли читателямъ подробное описаніе строгихъ и однообразныхъ, хотя живописныхъ ландшафтовъ, горъ, пагодъ, *Bocca Figris*, развалинъ, разбросанныхъ на берегу дѣйствіемъ нашихъ пушекъ, труповъ и головъ казненыхъ, приплывшихъ вмѣстѣ съ приливомъ, джонокъ съ гребцами, темной зелени рисовыхъ полей, окружающихъ Вампоа и Кантонъ,—однимъ словомъ, всего, что можно видѣть въ продолженіе короткаго переѣзда, уже такъ часто описаннаго. Скажу только (хотя и не стану жалѣть какъ г-жа И. Пфейферъ, что не поѣхалъ на джонкѣ), что пароходъ «Фейма» очень дурно устроенъ, идетъ чрезвычайно медленно и цѣна за переѣздъ необыкновенно высока. Я заплатилъ тамъ пятьдесятъ франковъ со столомъ за нѣсколько часовъ ѣзды. Воды были такъ покойны, что можно было подумать, что ѣдешь по огромному озеру; лучи солнца отражались на волнахъ нестерпимымъ блескомъ; жаръ былъ чрезвычайный. Къ удовольствію моему, вмѣстѣ со мной ѣхалъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей, какихъ только можно найдти въ Китаѣ, протестантскій англійскій священникъ, имя котораго я умалчиваю по его желанію. Въ продолженіе нѣскольких часовъ онъ плѣ-

нялъ меня своими разсказами о мѣстахъ извѣстныхъ разными происшествіями, и, между прочимъ, о такихъ преступленіяхъ европейцевъ, послѣ которыхъ можно почти извинить всѣ ужасы, происходившіе въ Китаѣ. Онъ обратилъ также наше вниманіе на развалины, произведенныя свирѣпостью европейцевъ, и на одну башню, построенную съ неизвѣстной цѣлью и неизвѣстно кѣмъ; сообщилъ намъ, что въ воспоминаніе о безуміи голландцевъ, которые высадились въ Кантотѣ съ своей артиллеріей, одинъ островъ, мимо котораго мы проѣзжали, получилъ извѣстное теперь имя «Duch folly»; показалъ намъ мѣсто, гдѣ прежде останавливали каждый сампанъ, плывшій вверхъ по теченію, съ цѣлью казнить всякаго, который попытался бы провезти соль какъ контрабанду; потомъ онъ разсказалъ намъ съ негодованіемъ слѣдующій фактъ:

«Нѣсколькой матросовъ убили совершенно случайно—а можно даже сказать, невзначай,—двухъ китайцевъ или китаянокъ. Кантонское правительство немедленно вытребовало выдачи виновныхъ, грозя, въ случаѣ отказа, тотчасъ же остановить торговлю. Напрасно представляли властямъ, что тутъ не было преступленія, а только несчастная случайность: онѣ не хотѣли ничего слышать и совсѣмъ уже приготовились закрыть торговлю... Что же тогда сдѣлали? Въ виду такой ужасной угрозы, забытъ былъ голосъ крови, голосъ чести и голосъ религіи; несчастныхъ матросовъ выдали головою на вѣрную смерть, и китайскіе палачи казнили ихъ за воображаемое преступленіе».

Мое вниманіе было отвлечено отъ разсказа густымъ черным туманомъ, ложившимся на воды и поля вмѣстѣ съ наступленіемъ ночи; тамъ и сямъ мелькали высокія мачты, кровли домовъ и развалины. Это былъ Кантонъ съ своимъ туманомъ, который невольно напомнилъ мнѣ Лондонъ и Темзу. Въ этомъ мѣстѣ было такое теченіе, что мы едва могли дѣлать по одному узлу, разсѣкая отвратительную грязь, пѣнившуюся съ обѣихъ сторонъ нашего судна. Между тѣмъ, среди волнъ и возрастающей темноты стали показываться отовсюду сампаны съ молодыми дѣвушками, которыя такъ усердно работали веслами, какъ будто плыли по стремнинамъ Ніагарскаго водопада. Мы бросили якорь среди пловучаго народонаселенія, которое сталкивалось, задѣвало и проклинало другъ друга. Одни стремглавъ летѣли по теченію, другіе тяжело поднимались противъ теченія. Такъ какъ въ Кантонѣ гостиницы нѣтъ, то туда нельзя показаться безъ рекомендательнаго письма къ какому нибудь

европейцу, поселяющемуся обыкновенно или на берегу, или на самой рѣкѣ, въ большихъ баркахъ, называемыхъ *chops*. Г-нъ Воше далъ мнѣ такое письмо къ другу своему, г. Борелю, имѣвшему мѣстопребываніе на водѣ, въ большой баркѣ, подъ названіемъ «Вильгельмъ Тель». Я отправился къ нему и безъ церемоніи спросилъ себѣ обѣдать; по дорогѣ мнѣ встрѣтилась великолѣпная джонка, возвращавшаяся изъ дальняго плаванія и праздновавшая свое прибытіе громкими оглушительными криками передъ маленькой часовней, находившейся на ютѣ джонки. Ночь была темная, вдали гремѣлъ громъ, и множество бумажныхъ фонарей, освѣщавшихъ лодку, придавали ей какой-то фонтастическій видъ.

У г. Бореля я нашелъ такой радушный пріемъ и такое отсутствіе всякаго этикета, что помѣстился на «Вильгельмѣ Телѣ» какъ у себя дома; въ продолженіе нѣсколькихъ дней я пользовался рѣдкимъ гостепріимствомъ, которое тѣмъ болѣе меня трогало, что было совершенно безкорыстно, потому что я, въ качествѣ вѣчно-кочующаго путешественника, едва ли могъ воздать хозяину тѣмъ же. Впрочемъ, не одинъ г. Борель чествовалъ меня въ Кантонѣ: неподалеку развѣвался флагъ большаго французскаго корвета *Capricieuse*, офицеры, котораго расположившіеся на корветѣ а также и въ ямунѣ татарскаго эксъ-генерала на сушѣ, наперерывъ предлагали мнѣ свои услууи, — и это не было пустыми фразами, а вытекало прямо изъ сердца.

На слѣдующее утро, очень рано, я пригласилъ съ собою, съ французскаго корвета, одного хирурга, и, понадѣявшись на его пистолеты, отправился осматривать самые дальніе закоулки этого славнаго города, въ которомъ, несмотря на то, что онъ имѣетъ въ окружности не болѣе двѣнадцати верстъ и вовсе не считается обширнымъ городомъ въ имперіи, находится полный милліонъ жителей. Но какая разница съ Пекиномъ! Это ни болѣе ни менѣе какъ громадная деревня въ родѣ Шангхая, въ которой иностранецъ, если не запасется компасомъ, непремѣнно заблудится съ перваго шага. За то въ Кантонѣ царствуетъ необыкновенная чистота; почти всѣ улицы вымощены большими широкими плитами и въ нихъ не слышно никакого зловонія. Меня поразило то, что на улицахъ часто встрѣчались вереницы слѣпыхъ, состоящіе изъ четырехъ-пяти человѣкъ, держащихся гуськомъ одинъ за другаго и руководимые однимъ *«кривымъ»*. Говорятъ (не знаю съ какого права?), что будто имъ нарочно выкалываютъ глаза для возбужденія состраданія въ прохожихъ.

Если въ Кантонѣ провести цѣлый мѣсяцъ осматривая базары, то

и тогда еще многаго не успѣешь осмотрѣть, зато любитель рѣдкостей можетъ разориться здѣсь въ самый короткій срокъ: до такой степени заманчива выставка и разнообразіе въ выборѣ всевозможныхъ предметовъ искусства. Эмаль, фарфоръ, обдѣланный рогъ носорога, самой тончайшей, изящной работы, клѣтки, множество вещицъ изъ слоновой кости, разныя смѣшныя фигуры, фонари—вотъ что бросается въ глаза путешественнику, прогуливающемуся по Кантону; но все это не свалено въ кучу, а продается отдѣльно и каждая улица занята спеціально своей особой отраслью торговли. Далѣе встрѣчаются храмы, лишенные всякой архитекруты, въ родѣ пещеръ напр.: храмъ *Долговѣчія* и *Пятисотъ геніевъ*, изъ которыхъ каждый представленъ въ видѣ грубой статуи изъ позолоченнаго дерева съ синей бородой и увѣшанъ гитарами и саблями. Тутъ есть тюрьмы, въ которыхъ иногда обезглавливаютъ до двухъ сотъ человѣкъ въ минуту; благоуханія, одуряющія людей въ храмахъ; разноголосые барабаны, ленты развѣшенныя на улицахъ; по временамъ попадаются блѣдныя меланхолическія лица молодыхъ бонзовъ, ароматическія свѣчи, приготовляющіяся по неизвѣстному способу, и главный составъ которыхъ — коровій пометъ! маленькія книжечки для умилостивленія боговъ, тщательно заткнутыя позади идоловъ, наконецъ роскошные сады, принадлежащіе богатымъ китайскимъ негоціантамъ и мандаринамъ, съ прозрачными прудами, въ которыхъ рѣзвятся красныя рыбки, съ кустарниками подстриженными въ видѣ собакъ, стульевъ и пагодъ, съ деревьями-карликами, нарочно остановленными въ ростѣ, и пр. и пр.

Изъ числа этихъ садовъ самый лучшій—садъ *Пунтикуа*, который я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ корабля и съ переводчикомъ французскаго судна. Мы проѣхали весь городъ и его предмѣстія на превосходныхъ небольшихъ лошадкахъ, и остановились у ограды, гдѣ слѣзли съ лошадей и отдали ихъ подъ надзоръ европейскаго матроса, вооруженнаго съ головы до ногъ на случай нападенія, потому что, несмотря на присутствіе нашихъ войскъ и наше нравственное вліяніе въ Кантонѣ, все еще не безопасно было ходить по его улицамъ безъ оружія, и даже это было строго запрещено нашимъ офицерамъ. Притомъ, несмотря на геркулесовское сложеніе нашего матроса, я чуть не струсилъ за него при видѣ нѣсколькихъ китайскихъ гребцовъ, причалившихъ къ берегу, неподалеку отъ насъ. Это были чисто какіе-то колоссы, и еслибъ имъ вздумалось напасть на нашего тѣлохранителя, то они мигомъ смяли бы его

однимъ своимъ мановеніемъ. По счастью, намѣренія ихъ были повидимому самыя миролюбивыя, и притомъ мы находились довольно близко, чтобъ не допустить ихъ до нападенія.

Сады, которые я описываю, носятъ еще слѣды прежняго великолѣпія, точно также какъ и дворецъ, въ которомъ, посреди всеобщаго разрушенія, изрѣдка попадаются великолѣпныя зеркала, роскошные диваны для курильщиковъ опіума и остатки мебели изъ особеннаго бѣловатаго мрамора, на которомъ видны слѣды рисунковъ птицъ и звѣрей, сдѣланныхъ черною краской. Это невольно напомнило мнѣ видѣнное и описанное господиномъ Гюкомъ дерево, каждый листокъ котораго содержалъ въ себѣ описаніе правилъ буддійской религіи. Въ настоящее время дворецъ находится въ полномъ разрушеніи, и вотъ по какой причинѣ: Нѣсколько французовъ было убито на улицахъ Кантона; весь экипажъ бросился преслѣдовать убійцъ, и когда по дорогѣ попалось это великолѣпное зданіе, матросы вошли въ него, и, въ пылу мщенія, разграбили его до тла.

Ничего не можетъ быть прелестнѣе вида равнины, роскошныхъ рисовыхъ полей, рѣкъ, безчисленныхъ каналовъ и торговаго движенія, когда смотришь на нихъ съ высоты небольшаго кіоска, расположеннаго въ саду и окруженнаго искусственными озерами. Суровый характеръ отдаленныхъ горъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ обширными долинами и равнинами Китая, гдѣ каждая пядь земли тщательно обработана и отличается плодородіемъ. Въ этомъ ландшафтѣ столько же воды сколько земли; дороги проложены такой ширины, что на нихъ могутъ умѣщаться только по двое врядъ; обширный городъ, окутанный туманомъ разстилается влѣво, и его едва можно различить; чувство полнаго одиночества охватываетъ душу и только снующія во всѣхъ направленіяхъ джонки придаютъ жизнь этой картинѣ.

Въ 1842 г. китайцы выстроили-было настоящіе бриги, которые начали ходить по этимъ водамъ и мало по малу вытѣснили тяжеловѣсныя старинныя джонки, но война и тутъ остановила ходъ прогресса, и эти бриги были сожжены.

Возвратившись изъ садовъ *Пунтикуа*, я съ своими двумя товарищами отправился въ ямунъ, гдѣ французскіе офицеры оставили меня обѣдать и съ удовольствіемъ выслушали разсказъ о моемъ путешествіи по Сибири. Признаюсь, мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такое радушіе и гостепріимство ничѣмъ незаслуженное съ моей стороны, и въ особенности меня поразило за этимъ столомъ то, что

французскіе офицеры относились съ глубокимъ уваженіемъ, къ англійскому судоходству, и сознавали, что Франція во многихъ отношеніяхъ стоитъ ниже своей соперницы. Такъ какъ они знали, что я только вполовину англичанинъ, то они не могли говорить это изъ лести, и я тѣмъ болѣе восхищался ихъ искренностью, думая про себя, что еслибъ всѣ такъ здраво судили и отдавали каждому дань справедливости, то на землѣ скоро бы водворился миръ и согласіе.

Послѣ обѣда, я нанялъ сампанъ, на которомъ долженъ былъ проѣхать двѣ мили противъ теченія, чтобы достичь барки «Вильгельмъ Тель». Можно судить о силѣ и мужествѣ моего лодочника, если я скажу, что мы проѣхали эти двѣ мили въ теченіе двухъ часовъ, хотя онъ былъ весь покрытъ потомъ отъ усилія. Трудная жизнь лодочниковъ и лодочницъ въ Кантонѣ! Я увѣренъ что ни въ какомъ другомъ ремеслѣ нельзя подвергнуться столькимъ непріятностямъ и такой безпрерывной борьбѣ.

Г-нъ Борель привѣтствовалъ меня на палубѣ съ своимъ обычнымъ радушіемъ, но никакая его внимательность не могла обезпечить мнѣ спокойствія въ его пловучемъ жилищѣ; мы должны были вынести въ эту ночь страшный напоръ тифона, одного изъ замѣчательнѣйшихъ тифоновъ въ этомъ году. Вѣтеръ началъ дуть съ рѣки, часовъ съ семи вечера, и въ одну минуту преобразилъ всю рѣку въ глыбу пѣны. На морѣ такой вѣтеръ произвелъ бы шумъ подобный грому; на рѣкѣ же, загроможденной сотнями джонокъ, онъ свистѣлъ съ какимъ-то чудовищнымъ завываніемъ. Я рѣдко проводилъ даже на океанѣ такую безпокойную ночь. Каждую минуту мы ожидали, что громадныя тяжелыя джонки сорвутся съ цѣпей и обрушатся на наше маленькое судно, сидящее на трехъ или четырехъ якоряхъ, между тѣмъ какъ всѣ наши постели и мебель дрожали какъ осенніе листья въ бурную ночь. Наконецъ, мы подумали что наступилъ нашъ послѣдній часъ при видѣ краснаго фонаря, принадлежащаго одной джонкѣ, вмѣщавшей въ себѣ не менѣе пятисотъ тоннъ, который медленно, но прямо надвигался на насъ. А между тѣмъ мы должны были сидѣть сложа руки и съ покорностью ожидать минуты, когда страшное чудовище коснется насъ и мы всѣ пойдемъ ко дну. Видя однако приближающійся зловѣщій свѣтъ, окрашивавшій рѣку и пѣну въ красный цвѣтъ, мы рѣшились спустить лодку и отправить четырехъ сильныхъ китайцевъ на землю, чтобы они осмотрѣли, не найдется ли чего нибудь, за что мы могли бы крѣпче прицѣпить свою барку. Я также сошелъ въ лодку, но теченіе было такъ сильно, что мы не

знали какъ рѣшиться отчалить, и еслибъ мы удалились только на сто метровъ отъ барки, то уже никогда бы на нее не возвратились; насъ въ одну секунду отбросило на десять метровъ и мы, почти въ теченіе получаса, боролись противъ теченія, чтобы вернуться назадъ при помощи четырехъ веселъ и веревки, брошенной намъ съ судна. Я тысячу разъ предпочелъ бы быть въ то время среди бушующаго океана, потому что страшная джонка все приближалась и столкновеніе казалось неизбѣжнымъ, какъ вдругъ, около полуночи, джонка измѣнила направленіе и медленно прошла мимо насъ, унося на себѣ сотни людей, оглашавшихъ воздухъ проклятіями въ виду почти неизбѣжной смерти.

Не знаю что сталось потомъ съ этой джонкой, потому что въ Китаѣ также мало заботятся о погибели джонки и сотни людей, какъ въ Европѣ о пустой орѣховой скорлупкѣ; но описаніе опустошеній, произведенныхъ тифономъ, заняло въ теченіе нѣсколькихъ дней столбцы всѣхъ Хонгъ-Конгскихъ журналовъ, такъ что не осталось даже мѣста для злословія противъ французовъ.

На другой день военный англійскій корабль вошелъ въ рейдъ съ обрубленной мачтой и безъ артиллеріи, которую принужденъ былъ выкинуть въ море. Для того, чтобъ военный корабль рѣшился на это послѣднее, нужно чтобы опасность была смертельна и всѣ средства къ спасенію—истощены.

Когда снова все успокоилось, я отправился вечеромъ, 31-го числа съ г. Борелемъ и нѣсколькими друзьями, осмотрѣть знаменитыя *bateaux fleurs* въ Кантонѣ: такъ называются особенныя джонки, расположенныя въ два ряда съ математической точностью и образующія двѣ линіи, между которыми оставлено пустое пространство, служащее какъ бы улицей этого пловучаго города. Напрасно эти джонки пользуются вообще такой дурной славой; насъ оглушила въ нихъ, по обыкновенію, адская музыка, и мы были свидѣтелями великолѣпныхъ банкетовъ, на которыхъ богатые китайскіе негоціанты угощались своими желатиновыми кушаньями, посреди великолѣпной обстановки, окруженные зеркалами, позолотой и роскошными канапе и пр. и пр., но ничего похожаго на скандалъ я не могъ замѣтить въ этихъ *цвѣточныхъ* баркахъ. Я говорю это не для того, чтобы доказать нравственность китайцевъ (я скорѣе бы сталъ доказывать, что негры бѣлы), но потому, что эти барки, которыхъ мы видѣли пять или шесть экземпляровъ, есть ничто иное, какъ рестораны съ музы-

кой, куда заходятъ поѣсть и послушать музыки. Европейцы, являвшіеся въ нихъ съ иными цѣлями, принуждены были ретироваться со стыдомъ, и теперь въ нихъ допускаются только такіе посѣтители, которые совершенно приличны. Мы сами вошли въ эти цвѣточныя барки какъ въ какой нибудь салонъ, и однимъ своимъ появленіемъ заставили разбѣжаться въ разныя стороны многочисленныхъ пѣвицъ, завывавшихъ отчаянными голосами. Только нѣсколько времени спустя, онѣ рѣшились снова показаться по приглашенію нѣкоторыхъ китайцевъ, относившихся къ нимъ очень учтиво, и снова начали свой прерванный концертъ нѣсколько дрожащими голосами.

Впрочемъ, одно только чувство любопытства можетъ заставить европейца посѣщать эти мѣста, не имѣющія для него никакой особенной прелести, въ особенности если онъ не занимается изученіемъ музыки различныхъ странъ и не старается узнать какому животному старались подражать при составленіи китайской музыки. Пѣвицы, почти всѣ молоденькія, красивыя и скромныя, надрываются сидя по угламъ залы; неподалеку отъ нихъ скрипачи занимаются подстраиваніемъ инструментовъ и съ такимъ рвеніемъ подвертываютъ и развертываютъ струны, какъ будто у нихъ былъ такой тонкій слухъ, что они не могутъ выносить ни малѣйшей фальшивой нотки. Они выдѣлываютъ ногтями бѣшеныя *pizzicatos* и самыя заунывныя *tremolos*, проводя смычкомъ между струнами; скрипка лежитъ у нихъ на колѣняхъ, а смычокъ зажатъ въ кулакѣ: когда артистъ пропилитъ такимъ образомъ съ полчаса въ сопровожденіи гитаръ, то онъ заканчиваетъ свою партію оглушительнымъ *tremolo*, и, весь въ поту, потрясаетъ на воздухѣ своимъ смычкомъ, какъ человѣкъ, только что сразившій на смерть своего злѣйшаго врага.

Такова музыка китайцевъ, создавшихъ себѣ изъ нея особое искусство, науку, которою они серьезно занимаются. Но этотъ народъ слишкомъ практиченъ, точенъ и расчетливъ, чтобъ быть склоннымъ къ нѣжнымъ звукамъ и упиваться наслажденіемъ, слушая какую нибудь очаровательную мелодію. У китайцевъ нѣтъ въ характерѣ ни мечтательности, ни поэзіи; даже въ ихъ одеждѣ нѣтъ ничего, что напоминало бы Востокъ, азіатцевъ, и вообще — народовъ жаркихъ странъ. Полезное — а не пріятное — вотъ вся цѣль ихъ стремленій.

Китаецъ—это американецъ Стараго Свѣта, за исключеніемъ духа изобрѣтательности, который быть можетъ и есть у него, но нахо-

дится еще въ состоянiи непробуднаго сна, и если онъ проснется, то будетъ вѣроятно творить великiя вещи. Китайцу ничего не стоитъ сдѣлаться Ротшильдомъ, Тамерланомъ или Нельсономъ; онъ доказалъ, что изъ него можетъ выйдти Жанъ-Бартъ, но я не думаю, чтобы когда нибудь Китай могъ произвести Виргилiя или Россини.

ГЛАВА XIX.

Макао. — Тифонъ и кораблекрушеніе *Thèbes*. — Адмиралъ Гопе. — Обѣдъ на палубѣ *Chesapeake*. — Большой пожаръ. — Праздникъ фонарей. — Комическая опера въ Китаѣ. — Жизнь европейца въ Китаѣ. — Какъ онъ низко падаетъ и огда. — Пища на корабляхъ. — Приготовленія къ отъѣзду въ Австралію.— Послѣднее слово о китайцахъ. — Переѣздъ изъ Гонгъ-Конга въ Мельбурнъ.

2-го сентября, простившись съ моими добрыми друзьями на *Вильгельмъ Тель* и съ морскими офицерами, оказавшими мнѣ разнаго рода услуги, я отправился въ Макао, куда и прибылъ въ тотъ же вечеръ. Ступивъ ногой на эту древнюю католическую землю, прославленную въ былые дни подвигами столькихъ миссіонеровъ, полную воспоминаній и поэзіи, не смотря на окружающіе ее дикіе утесы и безплодные острова, проходя по улицамъ историческаго европейскаго города, стоящаго на китайской землѣ, я почувствовалъ глубокую грусть,—не потому чтобъ думалъ въ это время о тщетѣ величія мірскаго и о лежащихъ предо мной развалинахъ, но потому, что это чувство охватываетъ меня каждый разъ, когда я вижу, въ далекой странѣ что нибудь напоминающее Европу. По крайней мѣрѣ, Макао произвелъ бы на меня такое дѣйствіе, даже еслибъ онъ не находился у подножія холма, заключающаго въ себѣ останки великаго Камоэнса.

Вотъ колоколъ призываетъ къ Angelus и всѣ снимаютъ шляпы: при этомъ видѣ я уношусь мечтою не только въ Европу, но къ песчанымъ подошвамъ Андскихъ горъ, гдѣ, при звукѣ церковныхъ колоколовъ въ Лимѣ, всѣ точно также благоговѣйно снимали шляпы. До меня долетаютъ изъ оконъ звуки фортепіано; терассы покрыты разными украшеніями; присутствіе *креста* видно повсюду; ясно, что

живущій тутъ народъ, хотя и выродился, но все еще пылокъ, все еще живо чувствуетъ и имѣетъ другіе интересы въ жизни, кромѣ пріобрѣтенія денегъ; оживленныя группы гуляютъ по улицамъ; на зеленыхъ лужайкахъ играетъ полковая музыка; берегъ покрытъ толпами народа, и улицы мало по малу пустѣютъ, потому что всякій хочетъ наслаждаться прекраснѣйшимъ часомъ дня подъ тропиками и любоваться моремъ. Какъ оно великолѣпно въ эту минуту и въ такомъ мѣстѣ! Какая разница смотрѣть на него отсюда или плыть по немъ, не видя вокругъ ничего кромѣ неба и воды!

Только здѣсь, на этихъ послѣднихъ клочкахъ материка, съ высоты этихъ безплодныхъ мысовъ, на которыхъ вѣтеръ уничтожаетъ всякую растительность, море даетъ понятіе о безконечномъ и, пробиваясь между архипелаговъ, пролагаетъ себѣ путь, какъ бы домогаясь всемірнаго владычества. Шумъ и пѣна волнъ, изуродованные корабли, бросающіе якорь послѣ долгаго и опаснаго плаванія, морскіе, крутые берега, завываніе вѣтра,—однимъ словомъ, все въ этихъ мѣстахъ признаетъ могущество моря и преклоняется передъ нимъ. Но когда плывешь по этому морю, не видя ни клочка земли, то все очарованіе разрушается; безконечность—вмѣсто того чтобъ возвышать душу—превращаетъ насъ въ какихъ-то машинъ, которыя умѣютъ только проклинать силу, вертящую ими по своему произволу.

Макао расположенъ полумѣсяцемъ на прекрасномъ берегу, съ котораго видны многіе другіе острова; широкая дорога, предназначенная для ѣзды экипажей, огибаетъ весь городъ. Изъ достопримѣчательностей тутъ есть только церкви и гробница Камоэнса.

Въ этихъ церквахъ поражаетъ зрителя не только избытокъ украшеній, но многія отличительныя черты и предметы; напримѣръ: плевальницы, поставленныя для людей, страдающихъ кашлемъ; ковры, на которыхъ сидятъ португалки во время молитвы; шуршаніе вѣеровъ, производящихъ вѣтеръ по всей церкви, и наконецъ глубокая религіозность и усердіе китайцевъ въ продолженіе службы. У насъ въ Европѣ уже не увидишь зрѣлища такой наивной и трогательной вѣры! Туземцы Макао сохранили въ цѣлости всѣ обряды и догматы католической религіи, но какъ народъ они не внушаютъ къ себѣ уваженія, хотя и не упали еще такъ низко какъ ихъ соотечественники въ Гоа. Они такъ слились съ китайцами, что утратили совершенно европейскую физіономію, и только по костюму ихъ можно отличить отъ туземцевъ. Цвѣтъ ихъ кожи бываетъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, начиная съ свѣтложелтаго до совершенно чернаго, и такъ

какъ они вообще очень худы, то уступаютъ въ силѣ и въ ростѣ китайцамъ. Я не стану упоминать объ обществѣ въ Макао, такъ какъ я самъ не видалъ его и не могу довѣрять тѣмъ нелѣпымъ отзывамъ, которые приходилось о немъ слышать. Скажу только, что за нѣкоторыми исключеніями мужчины, видѣнные мною (въ особенности солдаты, ходящіе по улицамъ), не имѣютъ никакого достоинства въ осанкѣ, не смотря на претензію ихъ тулета; впрочемъ, отправившись однажды вечеромъ смотрѣть панораму, которая была такъ плоха, что все вниманіе мое перенеслось съ нее на зрителей, я замѣтилъ между ними нѣсколько благородныхъ лицъ и одинъ мундиръ, напоминающій такія великія событія, что нельзя смотрѣть на него безъ почтенія... Путешественнику всегда приходится видѣть, рядомъ съ правиломъ—исключеніе, и потому онъ научается быть осторожнымъ въ сужденіяхъ и кончаетъ тѣмъ, что не находитъ на свѣтѣ уже ничего, заслуживающаго полнаго презрѣнія.

Во всей окружающей толпѣ меня поразилъ болѣе всего маленькій китаецъ, лѣтъ четырнадцати, съ необыкновенно умными глазами, прекрасно и чрезвычайно чисто одѣтый. Онъ расхаживалъ среди всего этого народа съ высоко поднятой головой, свободными и горделивыми манерами; любезно уступалъ дорогу дамамъ и, при всемъ томъ, казалось, что онъ безпощадно насмѣхается надъ всѣми нами въ душѣ. Онъ невольно напомнилъ мнѣ маленькаго героя, найденнаго въ крѣпости Пей-хо, собиравшаго падавшія вокругъ него пули, котораго взялъ къ себѣ французскій адміралъ и отдалъ на воспитаніе сестрамъ хонгъ-конгскаго монастыря.

При панорамѣ, имѣвшей названіе *Dissolving viewes*, для приданія ей большей заманчивости, находится очень порядочный оркестръ, и я въ первый разъ, послѣ того какъ покинулъ Москву, снова услышалъ знакомую мелодію, перенесшую меня, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, въ европейскій театръ. Музыка имѣетъ на человѣка такое огромное вліяніе, что его даже трудно опредѣлить; овладѣвая одновременно душой и сердцемъ, она всецѣло уноситъ его изъ той сферы, гдѣ онъ находится, и доводитъ его до такого состоянія, что онъ какъ будто чувствуетъ себя снова на родинѣ, въ какихъ бы отдаленныхъ странахъ онъ ни находился! Она могущественнѣе самой поэзіи, которая восхищаетъ, ослѣпляетъ и волнуетъ душу, но все не до такой степени какъ музыка. Спросите у путешественниковъ, что они чувствуютъ, когда за двѣнадцать тысячъ верстъ отъ ихъ родины начинаетъ играть оркестръ національныя пѣсни ихъ

страны или отрывки изъ Беллини и Россини:—они можетъ быть не съумѣютъ описать вамъ своего чувства словами, потому что прелесть его слишкомъ неуловима, но они вамъ скажутъ, что сердце у нихъ растаяло, и вся энергія и мужество покинули ихъ при этихъ меланхолическихъ звукахъ.

Правда, что въ азіятскихъ городахъ рѣдко можно испытывать такое умиленіе, но Макао не имѣетъ въ себѣ ничего азіятскаго, такъ какъ тамъ вполнѣ сохранилась любовь къ изящнымъ искусствамъ; что же касается до нравственнаго уровня, то между Макао и Хонъ-Конгомъ такая же разница какъ между Лувромъ и улицей Bourse. Климатъ тамъ пріятный и здоровый, и поэтому туда стекается множество людей, утомленныхъ занятіями или желающихъ поправить здоровье.

Не стану описывать, послѣ стольких уже описаній, гробницу Камоэнса, составляющую такую же достопримѣчательность въ Макао какъ Башня Инвалидовъ въ Парижѣ. Тутъ непремѣнно надо взобраться, чтобъ полюбоваться прекраснѣйшими видами и прочесть стихи кавалера Ріензи; что касается до самой гробницы, то она находится въ плохомъ состояніи: аллеи, ведущія къ ней до того скользки, что, отъ страха упасть и сломить себѣ шею, забываешь совершенно весь интересъ этого знаменитаго мѣста, которое, впрочемъ, можно принять за могилу какого нибудь преступника, потому что она пришла въ совершенный упадокъ и вокругъ праха славнаго изгнанника слышится только между утесами грустный шумъ падающихъ листьевъ.

Исключая Бомбея, ни въ какомъ другомъ городѣ нельзя видѣть столько различныхъ народовъ въ своихъ національныхъ костюмахъ какъ въ Макао: португальцы, китайцы, французы, англичане, американцы, тагалы, малайцы, персы — толпятся на улицахъ, по заходѣ солнца, вокругъ полковой музыки, которая играетъ подъ сѣнью небольшой рощи, на берегу моря. Послѣ дневнаго зноя, всѣ вдвойнѣ наслаждаются этой единственной минутой, когда можно свободно дышать, при поднимающемся морскомъ вѣтеркѣ, при свѣтѣ встающей луны и при мирномъ колебаніи джонокъ на волнахъ; вдали на землѣ и на водѣ, появляются огоньки; большія облака тропическихъ странъ образуютъ изъ себя цѣлыя воздушныя горы и наполняются молніями; потомъ вдругъ наступаетъ ночь и разгоняетъ веселыя группы, которыя отправляются кто въ театръ, кто на балъ; другіе отправляются, подобно мнѣ, въ гостинницу, чтобы заснуть въ девять часовъ и встать на зарѣ. Какъ ни монотонна подобнаго

рода жизнь, но я бы охотно продлилъ ее еще на нѣсколько времени, еслибъ цѣна моего помѣщенія не была такъ дорога, и еслибъ я могъ пользоваться хоть какими нибудь удобствами за мои восемьдесятъ франковъ въ день, которые я платилъ за единственную комнату и отвратительное кушанье безъ вина.

Тѣ, которые не жили въ этомъ отелѣ, платили по 12 франковъ за обѣдъ и по девяти за завтракъ, и при этомъ пили одну только воду! Я нахожу, что для путешественниковъ, описывающихъ все, что они видѣли и испытали, это не только обязанность, но законное удовольствіе опубликовать во всеуслышаніе недостойные поступки, которыхъ они были свидѣтелями. Во-первыхъ, они этимъ предостерегаютъ тѣхъ, кто займетъ ихъ мѣсто; но я извинилъ бы ихъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ они дѣлали это единственно изъ мщенія. Я до сихъ поръ не могу простить себѣ, что забылъ имя этой подлой португальской гостинницы, которая стоитъ на берегу моря, *направо отъ входа въ бухту:*—въ то время она была тамъ одна. Такъ какъ я уже заговорилъ о гостинницахъ, которыя играютъ такую роль въ жизни путешественника, то не могу умолчать о благородномъ поведеніи содержателя *Oriental Hôtel* въ Хонгъ-Конгѣ, которому я, на другой же день моего пріѣзда, объявилъ, что, по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, мнѣ невозможно будетъ уплатить ему по счету, прежде чѣмъ я пріѣду въ Австралію. Конечно, на свѣтѣ мало такихъ содержателей гостинницъ, которые не затряслись бы съ головы до ногъ при подобномъ признаніи человѣка, совершенно имъ незнакомаго и поселяющагося подъ ихъ кровлей на неопредѣленное время. Но мой хозяинъ отнесся къ этому какъ къ вещи самой естественной, и цѣлые три мѣсяца обращался со мной предупредительно и вѣжливо, ни однимъ словомъ не намекая на денежный вопросъ. Нѣкоторые офицеры, стоявшіе въ этой же гостинницѣ, издерживали иногда въ мѣсяцъ сто десять или сто пятнадцать піастровъ; но въ счетѣ, для круглоты суммы, никогда не значилось больше ста. Я надѣюсь, что эти подробности не покажутся скучными, такъ какъ онѣ имѣютъ своего рода интересъ, но еслибъ даже цѣль моя относительно предостереженія другихъ путешественниковъ—не была достигнута, то я все-таки очень доволенъ тѣмъ, что могу выразить по крайней мѣрѣ мою благодарность. Въ этомъ я беру примѣръ съ знаменитой путешественницы, имя которой я не разъ уже упомянулъ здѣсь: она всегда неумолимо преслѣдовала тѣхъ, которые поступали недобросовѣстно, и выказывала горячую благодарность къ всѣмъ оказывав-

шимъ ей вниманіе. Я былъ бы счастливъ, еслибъ имѣлъ съ ней сходство хоть въ этомъ отношеніи.

Я выѣхалъ изъ Макао 5-го сентября прямо въ Хонгъ-Конгъ, по дорогѣ, такъ называемой бухты Тифоновъ, имя заслуженное ею по всей справедливости, потому что съ седьмаго на восьмое число этотъ ужасный бичъ не переставалъ свирѣпствовать съ такою силой, что дома дрожали въ своихъ основаніяхъ, не смотря на защиту множества окрестныхъ горъ. Видя на рейдѣ вздымающіяся суда и пароходы, подающіе отчаянные сигналы, я невольно вдрагивалъ при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, и серьезно опасался, чтобы горы не сорвались съ своихъ мѣстъ и не попадали въ море. Я сидѣлъ въ комнатѣ г. Фавіе, адмиралтейскаго интенданта, и прислушивался, не говоря ни слова, къ ужасному шуму, слышавшемуся извнѣ. Вдругъ дверь распахнулась настежь и зрѣлище, представившееся нашимъ глазамъ, еще красноричивѣе выказало всѣ ужасы этой ужасной бури! Вошло нѣсколько человѣкъ морскихъ офицеровъ въ китайской одеждѣ, которые едва могли выговорить слово, были мокры съ головы до ногъ и какъ будто совершенно потеряли голову. Они потерпѣли крушеніе на *Thebes*, суднѣ, назначенномъ отъ французскаго правительства, которое погибло на островѣ Гайнанѣ. Терзаемые голодомъ, они прибыли на маленькой джонкѣ, уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ, и привезли съ собой нѣсколько китайскихъ монетъ, данныхъ имъ изъ сострадания на островѣ, гдѣ все какъ будто сговорилось для ихъ погибели— и палящій зной, и томительный голодъ.

Никогда я не забуду этой раздирающей сцены. Еслибъ эти люди вышли изъ кровавой схватки, они не могли бы имѣть болѣе ужасающаго вида.

Между тѣмъ обшивка многихъ кораблей, стоящихъ въ портѣ, была сорвана и унесена вѣтромъ какъ соломенка; буря такъ свирѣпствовала, что невозможно было выйдти на улицу. Что же должно было происходить въ открытомъ морѣ? Мы были свидѣтелями многихъ печальныхъ событій въ это время, потому что въ теченіе нѣсколькихъ дней приходили одинъ за другимъ множество обезображенныхъ кораблей, лишенныхъ мачтъ въ первый или въ послѣдній день своего плаванія. Одинъ изъ нихъ, именно французская гоэлетта Perégrina, сохранила одинъ только остовъ. Попавши въ самый центръ тифона, въ двухъ стахъ миляхъ отъ земли, она, послѣ страшной борьбы съ ураганомъ, кончила тѣмъ, что легла на бокъ подобно забитой и израненой лошади, которая не въ силахъ болѣе подняться. Тогда ка-

питанъ велѣлъ всѣмъ матросамъ раздѣться и спуститься въ воду, чтобы освободить мачты, какъ вдругъ, разсказываетъ самъ капитанъ, сильнымъ порывомъ вѣтра мачты были приподняты на три фута надъ палубой, корабль выпрямился и всталъ. Тогда, какъ это почти всегда случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, на нихъ напали пираты, и заставили ихъ бѣжать подъ ружейными выстрѣлами; затѣмъ, коекакъ устроивши парусъ они подъѣхали настолько близко къ берегу, что повстрѣчали англійскій пароходъ, идущій изъ Макао въ Хонгъ-Конгъ. Капитанъ парохода, разумѣется, предложилъ свои услуги этому жалкому судну, сдѣлавшемуся для всѣхъ предметомъ состраданія, такъ какъ оно имѣло видъ смертельно раненаго воина, принесеннаго съ поля битвы. Кто повѣритъ послѣ этого, чтобы морякъ, англичанинъ, имѣвшій рѣдкое счастье спасти судно и весь его экипажъ, не измѣняя своего маршрута и не истративъ для этого ни одного лишняго угля, осмѣлился требовать тысячу восемьсотъ франковъ за услугу, которая не стоила ему ни копѣйки. Рискуя заслужить упрекъ, котораго я всячески стараюсь избѣжать, что будто я нападаю на англичанъ и заставляю всѣхъ нести отвѣтственность за дурной поступокъ одного, я не могу не замѣтить здѣсь, что поведеніе парохода *Dordogne*, при тѣхъ же обстоятельствахъ, было несравненно достойнѣе и заслуживало бы быть упомянутымъ въ Хонгъ-Конгскимъ журналахъ, хотя бы въ тѣ дни когда имъ нечего было описывать. Вотъ оно:

Черезъ нѣсколько дней послѣ несчастнаго случая съ *Perégrina*, одно американское судно, почти въ такомъ же состояніи, находилось при входѣ въ рейдъ около одиннадцати часовъ вечера. Проходившее мимо судно *Dordogne* предложило ему свои услуги, и когда американскій корабль былъ такимъ образомъ спасенъ, то капитанъ его тотчасъ же отправился къ командиру *Dordogne*, желая заплатить ему свой долгъ, но тотъ отвѣчалъ ему, что Франція не принимаетъ платы за подобныя услуги, и удалился съ покойною совѣстью. Этотъ фактъ, насколько я знаю, нигдѣ не былъ опубликованъ, объ немъ даже не говорили въ Хонгъ-Конгѣ, а между тѣмъ, еслибъ *Dordogne*, потерявшая въ этомъ случаѣ довольно много времени и даже подвергавшаяся нѣкоторой опасности, взяла самую ничтожную плату за свой трудъ, объ этомъ прогремѣли бы во всѣхъ газетахъ.

Сидя за гостепріемнымъ столомъ офицеровъ французскаго и англійскаго флота и видя не только ихъ дружбу между собою, но и обоюдное уваженіе, становится трудно повѣрить, чтобы могли найд-

тись такіе невѣжественные журналисты, которые согласились бы заработывать свой насущный хлѣбъ, стараясь всевозможными путями поселить раздоръ между двухъ славныхъ націй, рѣшающихъ судьбы остальнаго міра. Адмиралъ Гопе, выздоровѣвшій отъ своихъ славныхъ ранъ, сдѣлалъ мнѣ честь позвавши меня обѣдать на свой фрегатъ *Chesapeake*, одинъ изъ лучшихъ фрегатовъ англійскаго флота. Я нашелъ у него общество офицеровъ, человѣкъ до двадцати, пощаженныхъ пулями при сраженіи въ Таку и, генерала ванъ-Страбензе, которые всѣ безъ исключенія отдавали должную дань французской арміи на водѣ и на сушѣ. Адмиралъ былъ такъ добръ, что снабдилъ меня письмомъ къ комодору Лорингу, находившемуся въ Океаніи, письмо, которымъ я, къ несчастью, не могъ воспользоваться, потому что комодоръ только что ушелъ въ Новую-Зеландію въ то самое время какъ я прибылъ въ Австралію.

Такъ проводилъ я свое время въ Хонгъ-Конгѣ, гдѣ долженъ былъ оставаться нѣсколько мѣсяцевъ, посѣщая то одно, то другое военное судно и завтракая поперемѣнно подъ флагами Франціи и Англіи. Другое развлеченіе, которымъ я любилъ пользоваться, было катанье каждое утро въ сампанѣ на парусахъ, гдѣ я исправлялъ должность капитана и рулеваго, и, проѣзжая по рейду, любилъ погружаться почти въ горячія воды Хонгъ-Конга. Впрочемъ зимой здѣсь бываетъ холодно; 2-го ноября у меня совсѣмъ закоченѣли пальцы, хотя море все еще сохраняло свою тропическую температуру; нужно однако признаться, что эти купанья не совсѣмъ безопасны, не потому что здѣсь водятся акулы, большіе охотники до человѣческаго мяса, какъ говорятъ, но потому, что китайцы скрываются на берегу, и, пользуясь тѣмъ временемъ, когда купающійся находится въ водѣ, похищаютъ все его платье среди бѣлаго дня съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ они воруютъ уголь съ нашихъ кораблей и прячутъ его въ двойное дно своихъ джонокъ. Не менѣе искусны также тѣ, которые отбираютъ у васъ часы въ виду всѣхъ, на большой Хонгъ-Конгской улицѣ, или показываютъ вамъ фокусы, заставляя выбрать изъ колоды одну карту, которую потомъ угадываетъ маленькая птичка. А между тѣмъ сказать ли, и можно ли этому повѣрить, еслибъ я самъ не прочиталъ въ Хонгъ-Конгскихъ газетахъ, на островѣ находится восемьдесятъ пять тысячъ китайцевъ и едва ли двѣ тысячи европейцевъ,— а въ тюрьмахъ заключено болѣе послѣднихъ, чѣмъ первыхъ! И это не потому, чтобы китайца было труднѣе поймать, напротивъ, всякій безъ зазрѣнія совѣсти хватаетъ за длинную косу, мало мальски по-

Видъ Гонг-Конга.

дозрительную личность, несмотря ни на какія ея клятвы и даже на кусанье! Удивительная вещь, какъ при такомъ частомъ употребленіи желатина, китайцы могли сохранить на столько свои жевательные органы, что отъ нихъ отступались даже самые рьяные блюстители закона, воодушевленные двойнымъ рвеніемъ—чувствомъ чести и чувствомъ долга! Китайская артиллерія не такъ страшна, какъ китайскіе зубы.

Въ числѣ другихъ происшествій, я долженъ упомянуть о страшномъ пожарѣ, разрушившемъ совершенно нашъ соборъ, въ которомъ недавно еще пѣли *Te Deum* въ честь итальянской кампаніи. Китайцы такъ лѣниво принялись тушить огонь, что надо было взять ихъ за косы и силою повести на мѣсто пожара. На другой день послѣ того, я спросилъ не сгорѣлъ ли кто нибудь изъ людей, и мнѣ отвѣчали: «нѣтъ; сгорѣлъ только одинъ китаецъ». Эта фраза объясняетъ и дополняетъ совершенно все, что я говорилъ объ отношеніяхъ европейцевъ къ китайцамъ. Я считаю даже очень вѣроятнымъ, что этотъ пожаръ, надѣлавшій убытку на милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ, былъ зажженъ китайцами, и еслибъ не самоотверженіе адмирала Гопа, пробывшаго всю ночь съ своимъ экипажемъ на мѣстѣ пожара, то вѣроятно сгорѣла бы половина Хонгъ-Конга.

Это путешествіе повергло въ трауръ всѣхъ католиковъ, и нашъ епископъ былъ неутѣшенъ.

Я самъ видѣлъ, какъ въ этотъ соборъ приходили молиться усердные китайцы и молодыя китаянки, которые, изъ почтенія къ этому мѣсту, считали себя обязанными являться туда въ европейскомъ костюмѣ; разъ одинъ кохинхинскій священникъ говорилъ тамъ даже проповѣдь, въ которой я ничего не понялъ; но вѣроятно она была очень хороша и убѣдительна, потому что проповѣдникъ улыбался съ довольнымъ видомъ, говоря нѣкоторыя слова.

Грустно было смотрѣть на груду пепла и развалинъ, лежащую теперь на мѣстѣ зданія. Странно было то, что во время пожара вѣтеръ дулъ *изъ* самой церкви... и тѣмъ самымъ усиливалъ пламя.

13-го октября былъ «*Праздникъ фонарей*», такъ часто описываемый туристами; онъ происходилъ въ большомъ зданіи изъ бамбука, воздвигнутомъ на морѣ; а шесть недѣль спустя тамъ же давались театральныя представленія, гораздо болѣе интересныя, чѣмъ этотъ незначущій вечеръ, замѣчательный только множествомъ автоматовъ, которые двигались на невидимыхъ пружинахъ.

Китайскій театръ отличается отъ нашего тѣмъ, что сцена, куда

допускаются зрители, бываетъ всегда одна и таже съ однѣми и тѣми же декораціями; направо виситъ занавѣсъ, за который уходятъ актеры. Нѣтъ ни суфлера, ни актрисъ (такъ какъ въ Китаѣ все дѣлается на выворотъ, то я ожидалъ, что оркестръ явится на сценѣ, а актеры внизу;—впрочемъ этого не случилось). Актерамъ позволяется плакать и представлять фокусы на сценѣ; ложъ нѣтъ; въ партерѣ всѣ стоятъ, и зрители издаютъ изъ себя такой сильный запахъ, что ни одинъ европеецъ не можетъ пробыть среди ихъ болѣе четверти часа, и принужденъ выходить чтобъ не отравиться газами.

Характеръ китайскаго театра подходитъ къ нашему только блескомъ и ослѣпительной яркостью костюмовъ, накладными бородами и усами и тѣмъ, что актеры поютъ и говорятъ поочередно: по крайней мѣрѣ такъ было въ Хонгъ-Конгѣ, гдѣ я присутствовалъ при представленіи комической оперы съ оглушительнымъ оркестромъ, въ которомъ главную роль играли трубы, какъ будто авторъ вдохновился отдаленнымъ воспоминаніемъ *Роберта-Діавола*. Какъ ни смѣшно все это мнѣ казалось, но я мысленно говорилъ себѣ въ эту минуту: «Сколько я знаю парижанъ, которые готовы бы были заплатить пятьсотъ франковъ за то, чтобъ попасть въ этотъ театръ, еслибъ только какая нибудь волшебная палочка могла перенести ихъ сюда.»

Надо сознаться, что какъ ни плохъ этотъ театръ, все-таки онъ служилъ большимъ развлеченіемъ для хонгъ-конгскихъ европейцевъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ удовольствій кромѣ ѣзды верхомъ и слушанья военной музыки, да и та находитъ случай отговориться отъ игры, по крайней мѣрѣ, раза четыре въ недѣлю. Для насъ жизнь въ Китаѣ можетъ назваться полнымъ изгнаніемъ; мы чувствуемъ себя одинокими среди ста тысячъ человѣкъ. Насъ жжетъ китайское солнце, ужи наполняютъ наши комнаты, тифоны истребляютъ насъ въ огромномъ количествѣ, и вдобавокъ еще европейцы стараются сами эксплуатировать другъ друга. Ни одинъ изъ нихъ не задумается, если ему понадобится какой нибудь служащій, написать въ Европу, чтобъ съ желающимъ заключили контрактъ на десять лѣтъ, по стольку-то въ мѣсяцъ, прежде чѣмъ несчастный успѣетъ догадаться пріѣхавъ на мѣсто, что онъ могъ бы получать ровно вдвое. Въ этомъ случаѣ китайскій народъ, такъ неутомимо преслѣдуемый нами, могъ бы еще разъ дать намъ урокъ въ честности отношеніи къ своимъ соотечественникамъ. Если обнищавшій китаецъ желаетъ для обогащенія отправиться въ Калифорнію, онъ обращается къ обществу туземныхъ эмигрантовъ, которые снабжаютъ его деньгами для переѣз-

да, и затѣмъ посылаютъ черезъ нѣсколько времени одного изъ своихъ членовъ на рудники, чтобы онъ могъ удостовѣриться, что отправленный китаецъ можетъ отдать свой долгъ. Онъ счастливъ, если ему удастся привезти своему семейству какую нибудь тысячу франковъ и увернуться отъ карабина калифорнійскихъ рудокоповъ.

Разсматривая съ одной стороны монотонную жизнь европейцевъ въ Китаѣ, съ другой,—огромное жалованье, которое можетъ обогатить ихъ въ нѣсколько лѣтъ, я часто спрашивалъ себя, что можетъ заставить нашихъ европейскихъ богачей, какъ, напр.: милліонеровъ г-дъ Жардина и Дента, влачить здѣсь свое существованіе. Пріятно ли въ самомъ дѣлѣ, для совершенія самаго важнаго шага въ жизни, быть вынужденнымъ писать въ Европу слѣдующее:—«Любезный другъ, я хочу жениться; сдѣлай одолженіе, поищи мнѣ жену». Эта нареченная жена пріѣзжаетъ какъ снѣгъ на голову, не нравится, переходитъ изъ рукъ въ руки, и, наконецъ, выходитъ за мужъ почти насильно, пользуясь тѣмъ временемъ пока этотъ ужасный климатъ еще не совершенно обезобразилъ ее. Въ этомъ случаѣ естественный порядокъ вещей идетъ совершенно вверхъ дномъ. Иногда здѣсь бываютъ европейки — невѣсты, но никакъ не болѣе одной на десять мужчинъ. Понятно, какой результатъ изъ этого выходитъ, и это такъ останется до тѣхъ поръ, пока люди будутъ людьми и родъ человѣческій не усовершенствуется. Я не довольно долго жилъ въ этой странѣ, чтобъ взять на себя произнести приговоръ надъ нею; но знаю, что, *нѣкоторые* европейцы не отступаютъ тамъ ни передъ какими пороками и гнусностями. Ихъ корабли набираютъ въ китайскихъ портахъ грузъ стыда и порока и разсѣваютъ его по свѣту, въ видѣ нравственной и физической язвы. Они сами лично не стыдятся командовать джонками пиратовъ, напиваются ежедневно пьяны, не исполняютъ своихъ обѣщаній, ругаются и божатся какъ язычники. Благодаря Бога, между ними есть такіе, которые выкупаютъ своими добродѣтелями весь этотъ позоръ; но все-таки тамъ, гдѣ число европейцевъ не превышаетъ десяти тысячъ, нравственная атмосфера уже слишкомъ грязна. Поэтому-то я и не понимаю какая причина можетъ удерживать здѣсь людей, обогатившихся уже настолько, что они могли бы выстроить себѣ дворцы въ Европѣ.

И вотъ почему я прошу извиненія у моихъ хонгъ-конгскихъ друзей, французовъ и американцевъ, въ томъ что, несмотря на всѣ ихъ добрыя качества и любезность, я не переставалъ вести счетъ тѣмъ днямъ, которые мнѣ приходилось оставаться еще въ Китаѣ. Носились

слухи, что одно чилійское судно готовится къ отплытію въ Австралію, и, по словамъ его капитана, оно должно было непремѣнно отправиться завтра или послѣ завтра; выходили даже печатныя объявленія заднимъ числомъ, что судно это уже отправилось, а оно все еще стояло на мѣстѣ. Это меня глубоко огорчало, несмотря на то, что домъ г. Воше очень оживился пріѣздомъ адмирала Пажа, который мнѣ чрезвычайно нравился. Въ это же время я, къ величайшему удовольствію, получилъ извѣстія изъ Калифорніи и изъ Суэца о побѣдѣ при Маджентѣ.

16 октября *Phlegeton* отплылъ изъ Хонгъ-Конга и увезъ многихъ изъ моихъ друзуй. Погода становилась все холоднѣе, такъ что китайцы, даже подъ тропикомъ Рака, закутывались въ теплыя одежды— до такой степени они отличаются зябкостью! Наступилъ ноябрь, а я все еще не ѣхалъ! Съ какимъ удовольствіемъ услышалъ я наконецъ отъ капитана Лофа, командира трехмачтоваго судна *Mercedes*, что онъ положительно отправляется 6-го ноября въ Мельбурнъ. Мнѣ оставалась только условиться въ цѣнѣ съ арендаторами судна, которые, послѣ многихъ переговоровъ и непріятностей, едва согласились везти меня за тысячу франковъ. Не хочу называть ихъ по имени, потому что поведеніе ихъ со мною, въ отношеніи выдачи провизіи во время пути, было въ высшей степени недостойно, такъ что, вслѣдствіе этого, я дошелъ до того убѣжденія, что только на однихъ французскихъ или англійскихъ корабляхъ можно ѣздить безопасно, не подвергаясь риску сидѣть безъ пищи, худѣть, изнывать и сердиться во всю дорогу. Я говорю это безъ горечи; но если когда нибудь я забуду мучительные дни моихъ плаваній по морю, и рѣшусь снова сѣсть на корабль, то прежде, нежели освѣдомлюсь куда онъ идетъ и что стоитъ проѣздъ на немъ, спрошу къ какой націи онъ принадлежитъ.

Для меня было большимъ счастьемъ и въ тоже время несчастьемъ имѣть трехъ спутниковъ, ѣдущихъ тоже въ Австралію. Счастье состояло въ томъ, что всѣ они, въ особенности одинъ — были отличные люди, и безъ нихъ я умеръ бы со скуки; а несчастье въ томъ, что всѣ они были больные и почти ничего не ѣли, такъ что мои требованія пищи и мученія голода казались имъ непонятными и даже неизвинительными, вслѣдствіе чего капитанъ, видя что я одинъ противъ всѣхъ, счелъ себя вправѣ заставить меня также держать діэту, объясняя это тѣмъ, что необыкновенная требовательность моего желудка доказываетъ его болѣзненное состояніе.

Одинъ изъ этихъ трехъ спутниковъ былъ молодой человѣкъ, по

имени Букналь, путешествовавшій для здоровья; мы съ нимъ скоро подружились на всю жизнь; другой былъ лейтенантъ индійской арміи, у котораго палящее солнце Индіи почти изсушило всѣ источники жизни; наконецъ третьяго звали г. Барласомъ, и онъ тоже много пострадалъ отъ тропическаго климата. Въ похвалу ему, я могу разсказать какъ великодушно онъ выручилъ меня въ Хонъ-Конгѣ изъ большаго затрудненія, давши мнѣ взаймы денегъ, на уплату счета въ гостиницѣ и на проѣздъ; путешественники часто оказываютъ и принимаютъ другъ отъ друга подобныя услуги, но рѣдкіе умѣютъ это сдѣлать такъ деликатно и любезно. Читателю можетъ показаться удивительно, что, при моей опытности въ путешествіяхъ, со мной случились такого рода затрудненія и почему я упоминаю о нихъ; но я считаю, что въ правдивомъ разсказѣ не нужно скрывать ни одной истины, если она можетъ быть хоть кому нибудь полезна: иначе теряется все достоинство разсказа. На вопросъ же, какимъ образомъ могъ я пуститься въ такую даль, не запасшись самой необходимой вещью—деньгами, я отвѣчу, что я не первый путешественникъ, съ которымъ это часто случается, и что даже тѣ, у которыхъ несравненно больше моего и денегъ и кредитовъ, могутъ очутиться въ такомъ же положеніи, потому что нельзя ручаться, что путешествіе совершится съ начала до конца по предначертанному плану. Я, напримѣръ, никогда не думалъ чтобъ мнѣ пришлось два раза проѣзжать Монголію и, ѣхавши изъ Пекина въ Шангхай, сдѣлать семь тысячъ верстъ вмѣсто тысячи. Всевозможныя препятствія, неожиданныя остановки, дороговизна на такіе предметы, которые вы считали дешевыми, отсутствіе сообщенія съ такими мѣстами, гдѣ вамъ нужно быть и гдѣ можно бы было возобновить свои фонды:—вотъ что ожидаетъ путешественника на каждомъ шагу; не только поступки, но и самая жизнь его зависитъ отъ случая. Ни къ какому положенію жизни нельзя примѣнить съ большею точностью это прекрасное правило: «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Счастливъ тотъ, кто невредимо пройдетъ свой путь!

Прежде чѣмъ проститься съ Китаемъ, я сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній о его жителяхъ, и постараюсь ясно и правдиво высказать о нихъ мое мнѣніе. До сихъ поръ мнѣ приходилось только хвалить ихъ, и вѣроятно похвалы эти казались преувеличенными тѣмъ, которые представляютъ ихъ какими-то чудовищами; но мнѣ никогда не приходило въ голову, хотя это и могло показаться нѣкоторымъ,—ставить китайцевъ выше насъ, или даже на равнѣ съ ними. Я всегда готовъ

охотно отдать справеливость ихъ хорошимъ качествамъ, но тѣмъ не менѣе нахожу, что назвать ихъ цивилизованными можно только въ насмѣшку, и что всѣ ихъ учрежденія обветшали и отжили свое время. Китай, очевидно, приходитъ въ дряхлость: земля тамъ отличная, но она истощена; тамъ все нуждается въ обновленіи, въ революціи, въ нравственномъ воскресеніи; тамъ царствуетъ теперь летаргическій сонъ, но не смерть, — и нѣтъ сомнѣнія, что возвращеніе къ жизни возможно. Китайскій народъ такъ понятливъ, такъ способенъ ко всѣму, такъ послушенъ; народонаселеніе края такъ многочисленно, что можно его сравнить только съ листьями на деревьяхъ или съ пескомъ морскимъ; раса эта такъ плодородна и сильна, что вездѣ, гдѣ только женятся китайцы, ихъ потомки сохраняютъ до пятаго колѣна черты своего первоначальнаго типа;—однимъ словомъ — это такой народъ, въ будущности котораго нельзя отчаяваться. Гдѣ, кромѣ Китая, можно найти слугъ, которые бы такъ вѣрно служили своимъ господамъ и добровольно слѣдовали бы за ними на край свѣта, не получая отъ нихъ жалованья? Если правительство у нихъ жестоко, за то народъ кротокъ какъ ягненокъ. Если есть у нихъ, какъ и вездѣ, убійцы, воры и мошенники, то они слѣдуютъ примѣру, подаваемому имъ высшимъ классомъ, а китайскіе купцы обыкновенно бываютъ честные люди. Правда, что они готовы преспокойно дать денегъ взаймы чужестранцамъ, воюющимъ съ ихъ отечествомъ; но можно ли ожидать патріотизма тамъ, гдѣ господствуетъ одна сила? Нельзя отъ искренняго сердца служить такому правительству, которое васъ давитъ; низвергните это правительство—и вы увидите какія благородныя чувства скрывались подъ этимъ игомъ, потому что китайцы горды и любятъ свою родину. Европейцы, находящіеся въ войнѣ съ Китаемъ, знаютъ все это, и соглашаются, что мы сами сдѣлали много вреда китайцамъ; но бываютъ такія положенія, что, разъ уже сдѣлавъ шагъ впередъ, нельзя отступать назадъ, и именно такая исторія разыгрывается уже двадцать лѣтъ съ Китаемъ. Мнѣ кажется, что никогда еще ни одинъ народъ не бралъ на себя двухъ такихъ важныхъ отвѣтственностей: мудро управлять Индійской имперіей и періодически уничтожать китайцевъ пороховыми зарядами. Для какой бы цѣли это ни дѣлалось, по моему лучше оставить Китай въ покоѣ, точно такъ какъ эти золотыя руды, гдѣ тысячи людей обливались пóтомъ и убивали другъ друга въпродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не находя ничего.

Наконецъ, 6-го ноября, въ часъ по полудни, при небольшомъ по-

путномъ вѣтрѣ, развѣвавшемъ флаги на корабляхъ, стоявшихъ на рейдѣ, я, съ моими спутниками, отправился изъ Хонгъ-Конга, сопровождаемый колокольнымъ звономъ, призывавшимъ къ вечернѣ. Выходя изъ фарватера *Лемка*, мы увидѣли въ морѣ какой-то страннаго вида корабль, съ тремя мачтами, безъ рей и тремя теугольными парусами на бизань-мачтѣ; по-видимому корабль былъ сіамскій. Ночью подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ и понесъ насъ такъ быстро, что на другой же день китайскія владѣнія исчезли у насъ изъ виду. Я не буду утомлять читателя описаніемъ нашего шестидесятичетырехдневнаго плаванія по океану и той странной борьбы, которую мы выдержали съ бурями; скажу прямо, что 8-го января 1860 года мы огибаемъ мысъ Отвай и идемъ вдоль длинной цѣпи лѣсистыхъ горъ, расположившихся налѣво отъ насъ. Тутъ, въ виду земли, поэзія моря снова становится мнѣ понятна. Близь этихъ затерянныхъ въ морѣ маяковъ, стоящихъ на крайнихъ границахъ континента, съ которыхъ вы можете смотрѣть безъ страха на бушующія волны океана и измѣрять мысленно его глубину, море дѣйствительно представляетъ граціозное и торжественное зрѣлище. При вступленіи въ огромную бухту, отдѣляющую насъ отъ Мельбурна, мы входимъ въ Philip-Heads, морской рукавъ шириною мили въ двѣ, откуда стремится приливъ съ скоростью восьми узловъ, покрывая все вокругъ насъ вихремъ пѣны и столбами воды, которые плещутъ даже къ намъ на палубу. Это зрѣлище необыкновеннѣе и прекраснѣе Ніагарскаго водопада. Не смотря на попутный вѣтеръ и распущенные паруса, мы остаемся на мѣстѣ въ продолженіе четырехъ часовъ, въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ кораблей, изъ которыхъ только одному, идущему изъ Ливерпуля, удается выйдти изъ этого прохода. Кормчій входитъ па палубу и возвѣщаетъ намъ кораблекрушеніе Royal Charter, повергшее въ трауръ весь Мельбурнъ.

Сильное волненіе овладѣваетъ нами при приближеніи къ берегу и при мысли о вступленіи, наконецъ, въ живой міръ и въ общество людей. Взоры всѣхъ устремлены на Queen's Cliff, небольшую деревушку съ веселенькими домиками, раскинувшуюся на морскомъ берегу и какъ бы утонувшую въ зелени. Какъ описать наше волненіе. Кто пойметъ его, кромѣ того, кто самъ испыталъ на себѣ это гнетущее одиночество, въ продолженіе котораго бесѣдовалъ только съ Богомъ и самимъ собою? Сегодня воскресенье — и въ деревенской церкви звонятъ во всѣ колокола, лаютъ собаки, жужжатъ насѣкомыя; повсюду, вмѣсто завываній и стоновъ волнующейся природы, къ кото-

рымъ я такъ привыкъ въ послѣднее время, слышатся пѣніе и смѣхъ. Молодыя англичанки, гуляющія по берегу, смотрятъ на насъ съ участіемъ. Море не существуетъ болѣе для насъ; взоры наши могутъ наконецъ отдохнуть на картинѣ, въ который каждый предметъ будитъ въ насъ воспоминаніе и затрогиваетъ чувство! Невозможно не вознестись мыслью къ Богу въ такую минуту, невозможно забыть того мгновенія, когда впервые вступаешь на землю, послѣ столькихъ мѣсяцевъ страннаго существованія, гдѣ мы жили не только на волнахъ, но и жизнью волнъ, такой же тревожной и измѣчивой какъ онѣ сами. Путешественникъ съ воспріимчивой душой, для котораго природа полна жизни и симпатіи, не можетъ пройти молчаніемъ этихъ ощущеній, потрясающихъ все его существо. Если какому нибудь читателю, никогда не покидавшему береговъ своей родины, все это покажется непонятно, то пусть онъ проститъ мнѣ мои восторги.

ГЛАВА XX.

Мельбурнъ. — Невоздержность колонистовъ. — Отъѣздъ во внутренность страны. — Чрезмѣрный жаръ. — Австралійскіе лѣса. — Кестльменъ и рудокопы. — Пріѣздъ къ г. Букналю. — Поѣздка на Слоновую гору. — Характеръ Новой Голландіи. — Самый длинный морской переѣздъ.

9-го января, часовъ въ двѣнадцать утра, мы бросили наконецъ якорь въ Мельбурнскомъ рейдѣ, не доходя версты три до земли, на которой еще нельзя было разглядѣть съ палубы корабля ничего, кромѣ песку, болотъ, синеватыхъ холмовъ, поросшихъ деревьями и нѣсколькихъ разбросанныхъ домиковъ. Скоро къ намъ на корабль явились таможенные офицеры съ докторомъ, и мы, съ радостью, начали собирать свою поклажу и переодѣваться; потомъ мы пристали не къ Мельбурну, но къ *Санриджу*, близлежащему селенію, соединяющемуся съ городомъ посредствомъ желѣзной дороги; скоро оно будетъ также называться Мельбурномъ, потому что этотъ огромный городъ, имѣющій сто тридцать тысячъ жителей, распространяетъ свои вѣтви во всѣ стороны.

Человѣкъ, пріѣзжающій на твердую землю послѣ долгаго плаванія на морѣ, чувствуетъ себя совершенно ошеломленнымъ и какъ будто просыпается отъ сна: все ему кажется странно и шумно. На кораблѣ онъ считалъ свою одежду вполнѣ безукоризненною; теперь же, очутившись въ европейскомъ городѣ, съ ужасомъ видитъ всѣ недочеты своего туалета.

Мы тотчасъ отправились гулять по одной изъ лучшихъ улицъ Мельбурна, широкой какъ парижскіе бульвары, и заглядывались на магазины какъ провинціалы, въ первый разъ пріѣхавшіе въ столицу. Въ Мельбурнѣ болѣе всего поражаетъ эта чрезвычайная ширина

правильность и чистота улицъ, потому что, когда нѣтъ дождя, то ихъ постоянно поливаютъ водою огромными насосами, и это дѣлается съ такимъ искусствомъ, что можно предполагать, что жители учатся этому съ дѣтства. Странно только, что дома, окоймляющіе эти прекрасныя улицы, такъ малы и низки.

Не могу выразить, какъ я былъ счастливъ, найдя на почтѣ множество писемъ на мое имя,—тѣмъ болѣе что всѣ прежнія письма, посылаемыя ко мнѣ, были распечатаны и испепелены солнцемъ тропиковъ, такъ что я никогда не узналъ ихъ содержанія, и девять мѣсяцевъ не имѣлъ извѣстій изъ Европы!

Мы всѣ вчетверомъ остановились въ *Bignell's Hôtel*, гдѣ нашли всевозможный комфортъ и хорошій столъ; видъ изъ оконъ былъ превосходный, и цѣны на все очень умѣренныя, не болѣе трехъ рублей серебромъ въ день со столомъ и всѣми принадлежностями.

Изъ моего окна я могъ видѣть почти весь Мельбурнъ и позади его океанъ, усѣянный бѣлыми парусами. Читая письма изъ Европы и глядя на это необъятное море, я съ грустью говорилъ самъ себѣ: «По всѣмъ другимъ океанамъ можно добраться до отечества, но этотъ ведетъ только къ полярнымъ льдамъ!»

Въ Австраліи намъ пришлось въ первый разъ испытать невѣроятную сухость и жаръ тропической атмосферы (35° въ тѣни); пыль наполняла даже герметически затворенныя комнаты, и я не знаю что было бы съ нами, еслибъ, къ нашему счастью, не было по близости превосходнаго публичнаго купанья, защищеннаго отъ солнца. Мнѣ кажется, что скорѣе можно обойтись безъ воды въ Калькуттѣ, чѣмъ въ Мельбурнѣ, и, къ несчастью, ея тамъ чрезвычайно мало, тогда какъ воздухъ до такой степени сухъ, что тѣло теряетъ всякую влажность и кожа становится горячею. По моему замѣчанію, климатъ тутъ чрезвычайно измѣнчивъ, потому что въ теченіе десяти дней я испыталъ всевозможныя перемѣны температуры. 11-го числа утромъ въ тѣни было 33°, а вечеромъ 10°! 14-го числа надъ городомъ промчался смерчъ, уронившій нѣсколько капель воды на сожженную землю; послѣ чего мы нѣсколько времени дрожали отъ холода. Но это еще ничто въ сравненіи съ невѣроятными вещами, которыя я разскажу впослѣдствіи.

Мельбурнъ вполнѣ торговый городъ, представитель Лондона на австралійскомъ полушаріи, такъ какъ Сидней представитель Парижа; но смотря на его дѣловой и строгій характеръ, въ немъ можно найти нѣкоторыя увеселенія. Напримѣръ, я пошелъ однажды вече-

ромъ смотрѣть галерею восковыхъ фигуръ, въ которой были всякаго рода достопримѣчательности и знаменитости. Направо отъ входа стоялъ высокаго росту человѣкъ и держалъ дощечку съ надписью: *The immortel Schakspeare!* (Безсмертный Шекспиръ.) Въ глубинѣ налѣво находилась группа, называемая: «Судъ Саломона». Представленъ былъ самъ Саломонъ, держащій одной рукою несчастнаго ребенка, повѣшеннаго за лѣвую ногу на вѣткѣ дерева, какъ гремучая змѣя, а другой рукою заносящій надъ нимъ мечъ; настоящая мать стояла на колѣняхъ, проливая слезы, изображенныя блестками слюды.

Во второмъ этажѣ находились всѣ преступники, казненные въ Австраліи (а ихъ было порядочно), и при каждомъ находился списокъ, съ разными замѣчаніями. Въ одномъ мѣстѣ лежалъ одинъ только списокъ, гласившій: «Изломался; будетъ опять поставленъ черезъ нѣсколько дней.» О другой фигурѣ, не имѣвшей на одной рукѣ большаго пальца, было написано: «Замѣчаніе: палецъ лѣвой руки отломанъ.» Эта наивность привела меня въ восхищеніе. Не стану ничего говорить объ оркестрѣ, напомнившемъ мнѣ музыку монгольскихъ храмовъ, и перейду къ болѣе патетическимъ вещамъ.

Я отправился съ большимъ любопытствомъ въ театръ на представленіе *Троваторе*, которое обошлось порядочно; но такъ какъ артисты были частью итальянцы, частью англичане, то каждый пѣлъ на своемъ родномъ языкѣ, представляя въ лицахъ смѣшеніе языковъ при вавилонскомъ столпотвореніи. Впрочемъ, въ этомъ театрѣ, кромѣ красоты зданій, можно было еще удивляться геркулесовскому сложенію и независимымъ, свободнымъ манерамъ людей, прохаживавшихся въ фойе, во время антракта, въ огромныхъ охотничьихъ сапогахъ и съ хлыстами въ рукѣ; цвѣтъ лица у нихъ бронзовый, и бороды черныя. Нигдѣ европейская раса не достигла такого могучаго развитія какъ у неустрашимыхъ рудокоповъ Австраліи: тамъ ростъ въ три аршина очень обыкновененъ и даже выше не считается гигантскимъ, такъ что въ виду такихъ результатовъ нельзя уже жаловаться на климатъ. Здѣсь, какъ и въ Америкѣ, каждый трудится для себя: если вы не найдете носильщика для вашей поклажи, то должны сами взвалить ее себѣ на плечи; землю обработываютъ всѣ, не смотря ни накакое званіе: это развиваетъ физическую силу и ростъ и внушаетъ всеобщее уваженіе. Передъ этими рудами, на которыя зарятся всѣ, еще прежде чѣмъ изъ нихъ польется золотой дождь, уничтожаются всѣ соціальныя различія: каждый долженъ быть своимъ собственнымъ поваромъ и портнымъ, самъ себя охранять и

довѣряться только своему револьверу. Это суровая школа, но она быстро научаетъ быть человѣкомъ. Одно только для меня загадка: какимъ образомъ комплекція этихъ людей можетъ выдерживать страшное злоупотребленіе спиртными напитками, распространенное повсюду въ Австраліи, даже между самими почтенными людьми. Они скорѣе согласятся выпить синильной кислоты, чѣмъ вина, смѣшаннаго съ водой.

Можно замѣтить, не проживши тамъ недѣли, что Австралія страна безнравственная. Не смѣю говорить о семейной жизни, такъ какъ я мало знакомъ съ нею; но все то, что я видѣлъ въ отеляхъ, на улицахъ, въ театрахъ и деревняхъ, все что я читалъ въ журналахъ и слышалъ отъ другихъ, убѣждаетъ меня, что тамъ все безнравственно: и вкусы, и привычки, и литература.

«Невоздержаніе, говоритъ одинъ опытный авторъ:» есть бичъ австралійскихъ колоній: подобно заразительнымъ болѣзнямъ, оно распространяется на всѣ сословія и возрасты. Двѣ трети народонаселенія пьютъ постоянно, до излишества, всякіе спиртуозные напитки.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что въ колоніи Викторія выходитъ ежегодно табаку и алкоголя на семдесять рублей на каждаго человѣка, включая женщинъ и дѣтей. Еслибъ жители Англіи поглощали пропорціонально столько же возбуждающихъ и наркотическихъ средствъ, то цѣна этого потребленія доходила бы ежегодно до *двухъ съ половиною миллiардовъ* франковъ!

Вышедши, разъ, въ полночь, изъ итальянскаго театра въ Мельбурнѣ, я былъ такъ возмущенъ тѣмъ, что допускалось по сосѣдству отъ него, что пошелъ очиститься созерцаніемъ единственныхъ предметовъ, неподверженныхъ никакимъ несовершенствамъ и съ благоговѣйнымъ восторгомъ устремилъ взоры на великолѣпный, темный куполъ южнаго неба, на которомъ огромныя, беззвѣздныя пространства погружены въ глубокую тьму, между тѣмъ какъ на другихъ сверкаютъ яркимъ блескомъ крупныя звѣзды. Въ другой разъ я посѣтилъ ботаническіе сады, надѣясь увидѣть многочисленные образчики флоры этаго края; но тамъ меня развлекла военная музыка, игравшая замѣчательно хорошо, и толпы гуляющихъ, собравшихся ее слушать. Впрочемъ, всѣ растенія были покрыты пылью и высохшія; не было никакого сравненія съ роскошными, тѣнистыми Сиднейскими садами, и потому я не сталъ даже разсматривать растеніи, а вполнѣ предался музыкѣ, пробудившей во мнѣ много воспоминаній. Эта мелодія такъ понравилась мнѣ, что вечеромъ я опять

пошелъ туда и смотрѣлъ какъ танцовали въ Австралійскихъ «*Cremorngardens*», которые, по моему мнѣнію, вполнѣ достойны были этого названія.

Однимъ словомъ, пребываніе въ Мельбурнѣ было для меня довольно пріятно; только дней черезъ десять я собрался оттуда выѣхать, чтобъ провести нѣсколько времени въ семействѣ г. Букналя, дяди одного изъ моихъ спутниковъ, который жилъ въ ста миляхъ отъ Мельбурна.

Сначала я долженъ былъ проѣхать миль двадцать по желѣзной дорогѣ, потомъ сдѣлать шестьдесятъ миль въ дилижансѣ и въ тотъ же вечеръ быть въ Кэстльменѣ. Взявши мѣсто въ дилижансѣ на 21-е число, я велѣлъ слугѣ отеля разбудить меня въ пять часовъ, такъ какъ желѣзная дорога отходила въ шесть; но онъ пропустилъ часъ и я, по милости его, потерялъ даромъ тридцать шиллинговъ— цѣну за проѣздъ въ дилижансѣ,—потому что г. Коббъ и компанія отказали выдать мнѣ другой билетъ, хотя въ каретѣ оставались пустыя мѣста. Я не могу очень осуждать ихъ за это, такъ какъ это повсемѣстный обычай въ Австраліи; но, кромѣ того, я узналъ по опыту, что деньгами здѣсь можно было сдѣлать все. Послѣ этой неудачи, мнѣ пришлось нанять фіакръ на какія нибудь четверть часа, и извощикъ имѣлъ дерзость запросить съ меня девять франковъ; на это онъ не имѣлъ права и хотѣлъ меня обмануть; но проѣхавши слишкомъ одну милю, я долженъ былъ заплатить ему за двѣ мили, по таксѣ, учрежденной закономъ за каждую милю по три франка.

Въ Мельбурнѣ нанять извощика на цѣлый день стоитъ тридцать шилинговъ (восемь рублей серебомъ). Самый скромный плотникъ заработываетъ половину этой суммы въ нѣсколько часовъ. Однако жажда золота перестала уже свирѣпствовать здѣсь; прошли тѣ времена, когда за самый близкій переѣздъ съ корабля на землю сдирали по сту франковъ, и когда содержатели гостиницъ брали за все тройныя цѣны. Но и теперь, Букналь и я должны были заплатить болѣе двадцати франковъ лодочнику, перевозившему насъ на землю съ поклажей, хотя тутъ было разстоянія версты полторы!

Послѣ обѣда, 21-го января, я выѣхалъ въ Кэстльменъ. Теперь, послѣ описанія ледяной температуры Томска и Сибири, мнѣ придется описывать дѣйствіе самаго палящаго зноя, и показать насколько чрезмѣрный жаръ невыносимѣе чрезмѣрнаго холода, даже при способности человѣка примѣняться ко всевозможнымъ перемѣнамъ климата.

Едва только желѣзная дорога умчала меня съ береговъ Ярра-Ярра,— небольшой желтой рѣчки, орошающей Мельбурнъ,—какъ жгучій вѣтеръ съ сѣверо-востока обдалъ насъ какъ кипяткомъ и наполнилъ атмосферу такимъ зноемъ и духотой, что я едва не задохся. Пріѣхавши на станцію, гдѣ надо было пересѣсть въ карету, я съ ужасомъ увидалъ, что есть одно только свободное мѣсто наверху и, не смотря на мой страхъ, принужденъ былъ туда вскарабкаться и сѣсть на самомъ припекѣ, вмѣстѣ съ тремя итальянцами, ѣхавшими въ копи. Намъ предстояло сдѣлать въ каретѣ верстъ восемьдесять, и тутъ началась для меня пытка, которую я могу сравнить только съ мученичествомъ св. Лаврентія, хотя, можетъ быть, многіе испытавшіе сильный жаръ подъ солнцемъ одной Европы обвинятъ меня въ преувеличеніи. Восемь смертельныхъ часовъ я сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, преданный безъ защиты пожирающимъ лучамъ солнца при температурѣ 42° въ самой густой тѣни, когда мы проѣзжали подъ деревьями, и 62° на открытомъ мѣстѣ. Этотъ зной опасенъ не только для человѣка, который видитъ въ солнцѣ мечъ Дамоклеса, висящій надъ его головой, но и для всѣхъ животныхъ и растеній: онъ опустошаетъ и сожигаетъ природу. Въпродолженіе трехъ дней, какъ я узналъ впослѣдствіи, температура, даже ночью, не спускалась ниже 45° во всей колоніи, а въ Аделаидѣ доходила даже до 51°. Повсюду распространилась чрезвычайная смертность, въ особенности между дѣтьми: птицы падали съ деревъ какъ пораженныя громомъ, многія изъ нихъ ослабѣли дотого, что допускали брать себя руками; другія же влетали въ дома и пили воду изъ стакановъ; всѣ плоды и овощи пропали; всѣ растенія изпепелились и обуглились дотого, что, когда до нихъ дотрогивались, то онѣ осыпались какъ пепелъ сигары.

Я не могу выразить мои страданія словами; знаю только что когда я пріѣхалъ въ Кэстльменъ, то моя кожа была такъ похожа на пылающій уголь, что многіе не могли удержаться отъ улыбки, глядя на меня. Попробуйте сойти, въ знойный лѣтній день, въ машину парохода; станьте посреди котловъ и простойте, наклонившись надъ паромъ, восемь часовъ сряду или подойдите къ пылающему камину и всуньте въ него лице: тогда вы, можетъ быть, поймете пытку, которой я подвергался. Вся Австралія какъ будто превратилась въ чудовищную печь, изъ которой насъ обдавало огненными языками, жгучѣе самого солнца! Термометръ показывалъ въ тѣни постоянно 49°, но на самомъ дѣлѣ это было только температура воздуха безъ вѣтра; если же бы можно было уловить по пути одно изъ этихъ пла-

Китайскій купецъ.

менныхъ дуновеній вѣтра, которыя заставляли раскрывать ротъ, какъ будто нечѣмъ было дышать, то навѣрное оказалось бы 60°. Облака пыли залѣпляли мнѣ глаза и не давали дышать; палящій вѣтеръ жегъ мнѣ рѣсницы, губы у меня растрескались, вся внутренность была выжжена, и я корчился въ судорогахъ какъ животное подъ воздушнымъ насосомъ; носъ у меня испекся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я его отморозилъ въ Сибири, и, пріѣхавши въ Кэстльменъ, я не могъ проглотить ни куска: до такой степени опалены были языкъ и горло. За то съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ я сталъ подъ душъ и, подъ вліяніемъ свѣжей воды, пришелъ наконецъ въ мое естественное состояніе! Я даже, въ продолженіе ночи, нѣсколько разъ обливалъ постель свою водою, котороя высыхала почти мгновенно, какъ будто я лилъ ее на раскаленное желѣзо.

Даже въ Индіи я не видалъ ничего подобнаго и, вѣроятно, не увижу иначе, какъ спустившись въ жерло волкана. Эти внутренніе вѣтры, называемые *brick fielders*, почти каждый годъ дуютъ на всемъ югѣ Австраліи, отъ Аделаиды до Сиднея, большею частью въ январѣ, но никогда не продолжаются далѣе трехъ дней и не всегда бываютъ до такой степени знойны: впрочемъ, этотъ зной еще ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, который царствуетъ въ центрѣ австралійскаго материка, по описанію капитана Стурта, написавшаго объ этомъ очень интересное сочиненіе.

Вотъ что онъ говоритъ о жарѣ, вынесенномъ ими въ ноябрѣ мѣсяцѣ, возлѣ *Cooper creek*, дикаго мѣстечка, пріобрѣтшаго потомъ печальную знаменитость вслѣдствіе страшнаго приключенія и смерти почти всѣхъ членовъ экспедиціи Бурка:

«Едва достигли мы этого мѣстечка, какъ палящій вѣтеръ, дувшій все утро съ сѣверо-запада, превратился въ сильную бурю, и я никогда не забуду ужаснаго дѣйствія, произведеннаго этой бурей. Я искалъ убѣжища за большимъ камеднымъ деревомъ, но порывы вѣтра наполняли воздухъ такимъ одушающимъ жаромъ, что я удивлялся какъ трава не загаралась вокругъ меня. Всѣ силы животной и мертвой природы должны были уступить; лошади обернулись задомъ къ вѣтру и уткнули морды въ землю, не имѣя силы поднять голову; птицы не пѣли, и только листья деревъ, какъ будто ошпаренные, сыпались какъ снѣгъ вокругъ насъ. Въ полдень я взялъ термометръ, показывавшій до 127°, и увидѣлъ что ртуть стоитъ на 125°. Не повѣривъ этому и думая что термометръ находится подъ вліяніемъ какихъ нибудь не нормальныхъ условій, я прикрѣпилъ его къ вѣткѣ де-

рева, защитивъ отъ вѣтра и отъ солнца. Подойдя посмотрѣть на него часъ спустя, я увидѣлъ, что ртуть дошла до верхняго края инструмента и, расширившись до нельзя, разорвала шарикъ. Это такой случай, который, вѣроятно, не былъ ни съ однимъ путешественникотъ. Не могу найти выраженій, чтобъ дать понятіе о нестерпимомъ, удушующемъ жарѣ, охватывавшемъ собою все *)...» и пр.

Не будучи ботаникомъ, я не берусь называть по латыни деревья и растенія Австраліи; скажу только, что когда тамъ говорятъ о яблоняхъ, вишняхъ, чайномъ деревѣ и прочихъ, знакомыхъ намъ растеніяхъ, то разумѣютъ подъ этими именами совсѣмъ не тѣ деревья, какія мы привыкли такъ называть, и разница между ними такая же какъ между орломъ и мухой, между крысой и слономъ. Упомянутыя мною деревья вообще не высоки у насъ въ Европѣ, между тѣмъ какъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Австраліи вовсе не видать маленькихъ и молодыхъ деревъ: тамъ стоятъ только патріархи, гиганты и развѣнчанные монархи, мрачно чернѣющіе посреди обломанныхъ вѣтвей своихъ, лежащихъ на неблагодарной землѣ, рѣдко орошаемой дождемъ. Самое обыкновенное тамъ дерево—*eucalyptus*, дотого распространенное повсюду, что его можно назвать эмблемой Австраліи; это громадное дерево, какой-то фантастической формы, съ краснымъ и тяжелымъ стволомъ, изъ котораго добываютъ душистую смолу; у нѣкоторыхъ породъ стволъ покрытъ иглами, какъ у ежа; у другихъ листья похожи на ивовые, а цвѣты на липу: eucalyptus robusta, котораго плодъ похожъ на трубку, имѣетъ чрезвычайно толстый стволъ, вокругъ котораго путешественники часто располагаются на ночь и вышина его достигаетъ иногда до двадцати сажень **). Этотъ eucalyptus попадается на каждомъ шагу въ Астраліи; а изъ звѣрей не видать уже болѣе робкаго кэнгуру: его мѣсто заступилъ бѣлый и розовый какаду, наполняющій лѣса своимъ крикомъ ***).

*) Michell's *Tropical Australia*, ст. 19.

**) Есть даже деревья въ пятдесятъ сажень.

***) *Примѣч. редакціи.* Особенность австралійской растительности и оригинальный видъ пейзажей Новой Голландіи замѣчены всѣми путешественниками по этой части свѣта. Въ виду этого мы заимствуемъ изъ роскошно иллюстрированнаго, изданнаго въ русскомъ переводѣ, сочиненія Фигье «Жизнь Растеній» два рисунка, представляющіе австралійскіе пейзажи, а также и нѣсколько словъ изъ текста книги.

«Видъ, производимый листвою Австраліи, отличается совершенно отъ того, къ которому мы привыкли у себя. Дѣйствительно, первые путешественники были чрезвычайно поражены внѣшностью лѣсовъ Новой Голландіи и страннымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на глазъ такимъ распредѣленіемъ свѣта и тѣни.

Во время путешествія въ Кэстльменъ, не смотря на всѣ мученія, претерпѣваемыя мною, я былъ пораженъ великолѣпіемъ этихъ лѣсовъ, посреди которыхъ горделиво возвышалась гора Македонія, дымившаяся отовсюду, благодаря скрытымъ пожарамъ, пожиравшимъ ея внутренность. Когда, послѣ долгой засухи, вѣтеръ начинаетъ качать деревья такъ, что сучья ихъ трутся одинъ о другой, то нерѣдко они загараются и отъ этого дѣлается пожаръ, хотя многіе путешественники приписываютъ эти пожары исключительно небрежности рохожихъ, пкоторые, разведя на травѣ огонь для кушанья, забываютъ потушить его. Но это несправедливо, потому что эти пожары происходятъ и въ такихъ мѣстахъ, куда еще не проникала нога человѣка.

Мы ѣхали часовъ восемь и перемѣняли лош адей разъ пять или шесть, останавливаясь на станціяхъ для ѣды. Тутъ всѣ путешественники выходили и пили водку въ огромномъ количествѣ; притомъ же каждый имѣлъ обычай, какъ бы ни былъ бѣденъ, приглашать съ собою товарищей пить всевозможныя жидкости, для названія которыхъ существуетъ особенный словарь. Въ окрестностяхъ Мельбурна рюмка какого бы то ни было напитка стоитъ двѣнадцать копѣекъ; но чѣмъ дальше отъѣзжаешь оттуда, тѣмъ все становится дороже, и цѣны удвоиваются и утроиваются. Результатомъ этого бываетъ то, что бѣдный матросъ или работникъ, заработавшій порядочныя деньги въ рудникѣ, значительно облегчаетъ свой кошелекъ во время путешествія, пріѣзжаетъ въ Мельбурнъ пьяный, въ недѣлю истрачиваетъ плоды нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, и опять безъ копѣйки отправляется въ рудники, гдѣ надѣется съ перваго разу найти такой кусокъ золота, что одному даже поднять его будетъ нельзя.

Я также пилъ не переставая, до самаго пріѣзда въ Кэстльменъ,

«*Эвкалипты* (Eucalyptus), занимаютъ самое видное мѣсто въ ряду австралійскихъ растеній. Подъ ихъ тѣнью въ лѣсу, дикіе обитатели этихъ странъ хоронятъ умершихъ. Натуралистъ Митчель, которому мы обязаны первымъ научнымъ описаніемъ Австраліи, далъ подробности объ этихъ «рощахъ смерти». Небольшія насыпи, покрытыя газономъ, и дорожки, усыпанныя пескомъ, указывали и разграничивали могилы, находившіяся надъ сѣнью эвкалиптовъ.

«Къ великолѣпнымъ эвкалиптымъ и мимозомъ, придающимъ австралійской растительности совершенно особый характеръ, присоединяется еще *ксантарея* — дерево съ толстымъ стволомъ, съ узкими и длинными листьями, загнутыми на вершинѣ, съ удлиненнымъ череномъ, который поднимается изъ средины корневыхъ листьевъ и увѣнчанная громадныхъ цвѣтовъ, что придаетъ совершенно особый отпечатокъ пейзажу».

довольствуясь, впрочемъ, однимъ лимонадомъ, по примѣру китайцевъ, которые, находясь въ кругу пьяныхъ и шатающихся европейцевъ, спокойно спрашиваютъ на четырехъ человѣкъ одну бутылку этого невиннаго напитка. Впрочемъ, они бы скоро разорились, еслибъ вздумали соперничать въ этомъ отношеніи съ другими рудокопами, потому что ихъ прогоняютъ отовсюду и принуждаютъ довольствоваться остатками золотоносныхъ жилъ, брошенныхъ и уже истощенныхъ. Лишь только пронесется слухъ, что гдѣ нибудь открыта новая золотая жила, какъ сорокъ или шестьдесятъ тысячъ человѣкъ стремятся къ этому мѣсту какъ дикіе звѣри, и тогда китайцы исчезаютъ посреди этой жадной толпы какъ соломинки посреди урагана пѣску; если они не уходятъ добровольно, то ихъ удаляютъ силою, и даже я слышалъ, что есть такіе изверги, которые стрѣляютъ въ этихъ бѣдняковъ и убиваютъ ихъ, чтобъ выиграть пари!

Можно смѣло сказать, что въ этихъ рудокопняхъ (diggings) и окружающихъ ихъ лѣсахъ существуютъ варварскіе обычаи. Случается, что тамъ происходятъ ожесточенныя битвы между конвоемъ, переносящимъ золото, и членами того франкъ-массонскаго общества воровъ, которое называютъ *лѣсными бродягами* (bushrangers). Все свободное отъ работы время, рудокопы проводятъ въ ссорахъ и пьянствѣ.

Кэстльменъ — мѣстечко, имѣющее до двухъ тысячъ жителей; но если сосчитать всѣхъ живущихъ въ окрестностяхъ подъ палатками и ведущихъ исключительно жизнь рудокоповъ (diggers), то это число удвоится. Впрочемъ, золото относительно тамъ рѣдко; каждый владѣетъ частью золотоносной жилы и роетъ золото для себя, платя за это пошлины нѣсколько шиллинговъ; операція промыванія золота совершается посредствомъ самой простой процедуры, и здѣсь нѣтъ тѣхъ большихъ компаній, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи, добывающихъ все золото изъ кварца, посредствомъ давленія его паровыми машинами.

22-го числа я отправился на станцію *Букналь*, находившуюся въ двадцати верстахъ, и сидѣлъ все время возлѣ кучера, въ 48° жара, ожидая каждую минуту, что лошади упадутъ мертвыя; и я думаю, что никакія другія лошади, кромѣ австралійскихъ, не могли бы этого выдержать.

Какъ ни былъ я избалованъ и какъ ни привыкъ встрѣчать повсюду самый дружескій и благосклонный пріемъ, на который, казалось бы, не имѣлъ никакого права, но все-таки не ожидалъ такого

радушія и ласки, какія встрѣтили меня въ домѣ г. Букналя, добродѣтельнаго, почтеннаго патріарха, окруженнаго подростающими и взрослыми дѣтьми и внучатами, которыхъ безчисленное множество напоминало первобытные вѣка. Подъ этимъ гостепріимнымъ кровомъ я прожилъ цѣлый мѣсяцъ, и теперь приношу всѣмъ его обитателямъ живѣйшую благодарность, желая чтобъ на нихъ посыпались всѣ блага небесныя. Во время пребыванія моего въ этомъ семействѣ я предпринималъ разныя экскурсіи, и между прочимъ къ Слоновой горѣ, которая есть ничто иное, какъ потухшій волканъ; кратеръ, находящійся въ его серединѣ, имѣетъ версту въ окружности. Дойдя до его вершины на слѣдующее утро въ шесть часовъ, мы увидѣли предъ нашими глазами только необъятныя пустыни и посреди ихъ одно только единственное озеро на юго-востокѣ. Это зрѣлище огорчило меня, какъ любителя природы, и я готовъ былъ воскликнуть со вздохомъ: «Такъ вотъ какая Австралія! Еслибъ на всемъ этомъ пространствѣ было хоть одно животное, хоть одинъ дикій, опирающійся на копье — это все-таки придало бы поэзію пейзажу, потому что пустыня имѣетъ такую же поэзію какъ море, когда и пустыня и море наполнены живыми существами, властителями природы — все равно людьми ли, львами или страусами. Но здѣсь это образъ смерти. Напрасно въ нѣкоторыхъ книгахъ прославляютъ плодородіе и великолѣпіе юго-западныхъ странъ этого обширнаго континента; напрасно путешественники провозглашаютъ, что въ извѣстныя времена года можно найти настоящій эдемъ въ этихъ таинственныхъ пространствахъ, о которыхъ всѣ географы отзываются такъ глухо. По разсказамъ Стурта, Лейкарта и другихъ мы теперь уже знаемъ, что девять десятыхъ Австраліи состоятъ изъ самыхъ ужасныхъ и необитаемыхъ пустынь, какія только могутъ существовать на нашей планетѣ; что это страна, обреченная на вѣчное безплодіе, по недостатку воды; что въ ней свирѣпствуютъ изнурительныя лихорадки и что температура достигаетъ тамъ до степени такаго жара, которому нѣтъ примѣра даже въ центрѣ Африки. Внутренность страны, по описанію Стурта, походитъ на то, какъ астрономы представляютъ намъ луну, то есть — погружена въ вѣчное безмолвіе, трауръ, безплодіе и бездождіе. Въ бытность мою въ Мельбурнѣ тамъ устроивалась экспедиція, съ цѣлью проѣхать, если возможно, черезъ весь континентъ отъ юга до сѣвера и выйдти въ Карпентарскій заливъ: мнѣ предложили участвовать въ этой поѣздкѣ, и я едва было не искусился, потому что этотъ подвигъ уже нѣсколько

разъ предпринимали безъ успѣха и совершить его — казалось мнѣ верхомъ человѣческой славы. Еслибъ эта экспедиція, вмѣсто того чтобъ направлятı ся на восточную часть материка, взяла бы на сѣверо-западъ, съ тѣмъ чтобъ прорѣзать всю западную часть Австраліи, до сихъ поръ еще никому неизвѣстную, и еслибъ она имѣла опытнаго и искуснаго путеводителя, то я непремѣнно принялъ бы въ ней участіе, но, къ сожалѣнію, обоихъ этихъ условій недоставало: верблюды, ожидаемые изъ Индіи, не приходили, и, къ тому же, никто не умѣлъ обращаться съ этими животными; время года было неблагопріятное и вообще вся обстановка не предвѣщала удачи. По этому я, по зрѣломъ размышленіи, отказался; и хорошо сдѣлалъ, потому что теперь вѣроятно всѣ слышали о плачевной смерти всѣхъ членовъ экспедиціи, кромѣ одного. Честь перваго изслѣдованія этого таинственнаго материка будетъ принадлежать, по всей вѣроятности, неутомимому г. Стурту, который уже проѣхалъ по немъ нѣсколько тысячъ верстъ.

Если кто нибудъ найдетъ неосновательнымъ мое сужденіе объ Австраліи, то я могу привести въ свое оправданіе нижеслѣдующія строки, написанныя этимъ неустрашимымъ изслѣдователемъ, послѣ безплодныхъ его покушеній добраться до центра этого материка. Находясь отъ него только въ двухъ стахъ верстахъ, онъ принужденъ былъ вернуться вспять, и опысываетъ слѣдующимъ образомъ эти ужасныя мѣста:

«Съ вершины песчанаго холмы мы увидѣли на сѣверѣ параллельный рядъ такихъ же холмовъ, тянувшихся до безконечности на всемъ видимомъ пространствѣ, и казавшихся издали волнами моря, катившимися съ востока на западъ. Песокъ былъ темно-краснаго цвѣта, и вершина каждаго холма отдѣлалась блестящей, узкой полосой отъ чахлой и тусклой растительности, окружавшей насъ. Я боюсь, что успѣлъ уже утомить читателя описаніемъ подобныхъ сценъ, но эта превосходила своей мрачностью все прежде видѣнное нами, и мой спутникъ невольно сдѣлалъ восклицаніе изумленія при видѣ такой картины: «Боже мой, сказалъ онъ: — я даже представить себѣ не могъ подобной мѣстности!» *).

Все это припомнилось мнѣ при видѣ равнинъ, окружающихъ Слоновую гору; впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ онѣ совершенно подходили подъ описаніе Стурта, потому что намъ по временамъ попа-

*) Стуртъ, томъ 1, ст. 405.

дались домики скваттеровъ и купы деревьевъ, похожія на острова среди моря; демаркаціонныя линіи между этими владѣніями тянулись по горизонту съ математической точностью, проходя черезъ озера, существовавшія только какъ оптическій обманъ. Впрочемъ, въ этомъ краю и настоящія озера не болѣе какъ лужи, разливающіяся только во время дождей, а когда наступаютъ жары, то они совершенно испаряются. Тоже самое можно сказать и о рѣкахъ: многія изслѣдователи заявляли, что видѣли собственными глазами бурно-текущія рѣки; но когда, спустя нѣсколько дней послѣ того кто нибудь отправлялся по ихъ слѣдамъ, то находилъ на этомъ мѣстѣ только одинъ раскаленный песокъ.

Австралія постоянно находится въ какихъ-то нервическихъ конвульсіяхъ: вы можете идти утромъ по улицамъ Мельбурна, задыхаясь въ облакахъ пыли, а въ полдень принуждены уже будете плыть по нимъ въ лодкѣ, тогда какъ къ вечеру онѣ сдѣлаются опять совершенно сухими.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть самъ, что невозможно знать что нибудь положительное о новооткрытыхъ частяхъ этого материка, не смотря на все усердіе изслѣдователей и ихъ великолѣпныя описанія.

Спустя нѣсколько дней послѣ поѣздки я сталъ готовиться къ отъѣзду и пошелъ въ послѣдній разъ на Лысую гору, чтобъ проститься съ этими равнинами, по которымъ я леталъ какъ стрѣла.

Проведя затѣмъ нѣсколько дней въ Мельбурнѣ, я успѣлъ осмотрѣть прелестныя окрестныя деревни *Sait-Kilda*, *Brighton* и *Sandridge*, лежащія на берегу моря; въ нихъ устроены превосходныя купальни, обведенныя заборомъ изъ досокъ для предохраненія отъ акулъ, которыя водятся во множествѣ въ этихъ водахъ.

Я видѣлъ въ Нью-Іоркѣ, въ Ливерпулѣ и въ Лондонѣ болѣе кораблей чѣмъ въ Мельбурнѣ; но тамъ они сбиты въ кучу какъ сельди въ бочонкѣ, и только однѣ мачты ихъ эффектны на взглядъ, тогда какъ въ Мельбурнскомъ рейдѣ корабли стоятъ отдѣльно и представляютъ величественную и живописную картину. Это цѣлый флотъ *Левіафановъ*: одни размѣромъ и наружностью похожи на фрегаты, другіе тонкіе и изящные, окрашенные черной краской и съ огромными мачтами, очевидно могутъ дѣлать по семнадцати узловъ (тридцать одна верста) въ часъ. Многіе изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Европу черезъ мысъ Горнъ на семидесятый день; одинъ изъ нихъ совершилъ это плаваніе въ шестьдесятъ три дня; другой въ теченіе одного го-

да два раза ходилъ туда и возвращался; наконецъ помѣщеніе на этихъ корабляхъ такъ роскошно, при умѣренности цѣны, что на нихъ всегда бываетъ пропасть пассажировъ. Эти европейцы пріѣзжаютъ на антиподы въ томъ убѣжденіи, что тутъ все должно быть навыворотъ и что золото здѣсь рвутъ какъ маргаритки, и съ благородною гордостью слышатъ, что и здѣсь, на другомъ краю земнаго шара, раздается все тотъ же британскій языкъ, на которомъ говорили они всю дорогу. Хотя я и проѣхалъ огромныя пространства и цѣлыя страны, гдѣ ничто не напоминало объ англичанахъ, но я отъ души прощаю имъ ихъ любимую иллюзію, что вся земля принадлежитъ ихъ націи и что нѣтъ такого уголка ея, гдѣ бы не знали объ англичанахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это должно такъ казаться людямъ, совершающимъ путешествія только морскимъ путемъ, потому что гдѣ бы они ни были, на мысѣ ли Горнѣ или на мысѣ Доброй Надежды, вездѣ они встрѣчаютъ эти гордые британскіе флоты, безпрестанно объѣзжающіе кругомъ земной шаръ и высаживающіе почти на всѣ берега толпы мужщинъ, женщинъ и дѣтей, совершающихъ это плаваніе такъ спокойно какъ поѣздку изъ Лондона въ Парижъ, не смотря на бури, свирѣпствующія на обоихъ мысахъ. Теперь, такъ какъ довольно вѣрно опредѣлено направленіе западныхъ вѣтровъ въ высшихъ широтахъ южнаго полушарія, въ Австралію ѣздятъ всегда черезъ мысъ Доброй Надежды, а возвращаются черезъ мысъ Горнъ; долгота плаванія приблизительно три мѣсяца; тутъ немного поближе чѣмъ до Японіи, или чѣмъ русскимъ кораблямъ отъ Балтійскаго или Бѣлаго моря до устьевъ Амура. Длиннѣе этого плаванія нѣтъ во всемъ мірѣ, такъ какъ тутъ будетъ тысячъ двадцать морскихъ миль, то-есть тридцать пять тысячъ верстъ.

ГЛАВА XXI.

Республиканскіе нравы Мельбурна.—Умственное образованіе.—Протестъ китайца противъ общаго преслѣдованія китайцевъ.—Отъѣздъ въ Сидней.—Прибытіе на рейдъ.—Параматта.—Ботани-Бей и каторжники.—Прелести Сиднея.—Климатъ.—Отъѣздъ въ Новую-Зеландію.—Предчувствіе несчастья.—Нельсонъ и племя маорисовъ.—Характеръ Новой Зеландіи.—Восходъ на гору Дуннъ.—Богатство флоры.

Я уже сказалъ, что за исключеніемъ скваттеровъ, я не чувствовалъ симпатіи ни къ кому изъ европейцевъ, встрѣченныхъ мною въ Австраліи. Въ Мельбурнѣ чувства мои, въ этомъ отношеніи, приняли еще болѣе положительный характеръ, такъ что я, противъ воли, забылъ заповѣдь о христіанскомъ милосердіи. Только мысль о добротѣ старика Букналя, провожавшаго меня до конца своего сада, когда я уходилъ отъ него съ котомкой за плечами и разставался съ нимъ навсегда, могла удержать меня отъ проклятій и даже отъ враждебныхъ дѣйствій противъ жителей Мельбурна. Насколько бываютъ вѣжливы купцы въ Лондонѣ и даже въ Сиднеѣ, настолько же грубы они въ Мельбурнѣ. «Вы все вздоръ мелете!» говорятъ они покупщикамъ, которымъ не нравится ихъ товаръ. Мельбурнъ населенъ демагогами, ярыми республиканцами, обогатившимися бродягами, между которыми царствуетъ полное равенство, такое же какъ въ Нью-Іоркѣ; но тамъ оно уже освящено обычаемъ и нравами страны, а здѣсь невыносимо потому, что къ этой англійской колоніи не успѣли еще привиться истинные принципы равенства. Положимъ что теперь уже не то время, когда содержатели гостиницъ принимали къ себѣ постояльцевъ изъ милости и, при малѣйшей ихъ жалобѣ, приглашали ихъ удалиться, но все таки вы можете ожидать, что къ вамъ

*

подойдетъ какой нибудь обогатившійся матросъ, ударитъ васъ по плечу и скажетъ: «Пойдемъ-ка, пріятель, выпьемъ!»

Въ Америкѣ въ модѣ—фамильярность, а въ Австраліи—наглость; можно извинить первую, но никакъ нельзя извинить вторую; особенно возмутительны, по моему мнѣнію, высокомѣрный видъ и высокопарныя рѣчи чиновниковъ, занимающихъ правительственныя должности въ колоніи; я самъ слышалъ какъ многіе умные люди называли ихъ «политическими шарлатанами». Прибавьте къ этому, что лучшіе ихъ журналы, говоря объ иностранныхъ новостяхъ, могутъ выдержать сравненіе развѣ только съ самыми негодными нашими романами; невѣжество ихъ смѣшно до высшей степени. Если благосостояніе края зависитъ единственно отъ энергіи отдѣльныхъ личностей, то конечно Австралія пойдетъ далеко; но если брать въ расчетъ умственный уровень народа и его правителей, то кажется, что все благосостояніе должно будетъ ограничиться матеріальной стороной. Гдѣ у нихъ литература? Есть ли здѣсь кому нибудь время, даже при всемъ желаніи, заняться образованіемъ своего ума? Я думаю, что можно положительно сказать, что вся сила Австраліи сосредоточена въ отдѣльныхъ личностяхъ, а масса народа и правительство ровно ничего не значатъ.

Я льстилъ было себя надеждою ѣхать изъ Мельбурна въ Сидней по желѣзной дорогѣ, но узналъ что чуть не накаждой милѣ этой дороги земля разрыта золотоискателями! Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось ѣхать изъ Сиднея въ Синія горы, по большой Батурской дорогѣ, то я нашелъ на этой главной золотоносной жилѣ только расщелины, наполненныя пылью.

Впрочемъ я вовсе не хочу этимъ сказать, что въ Австраліи все идетъ медленно и дурно; тамъ каждый желающій можетъ найти для себя развлеченіе въ многочисленныхъ библіотекахъ и въ театрахъ, гдѣ стараются, не безъ успѣха, подражать безсмертнымъ гимнамъ божественнѣйшаго изъ всѣхъ искусствъ.

Одинъ извѣстный авторъ сдѣлалъ о здѣшнемъ обществѣ слѣдующее замѣчаніе, которое я нахожу слишкомъ строгимъ: «Вообще старые и богатые колонисты смотрятъ на высшія отрасли воспитанія какъ на вещь совершенно ненужную для своихъ дѣтей и для всего края. Они даже никогда не говорятъ и рѣдко вспоминаютъ объ этомъ предметѣ, совершенно чуждомъ того, что они называютъ цѣлью жизни; если же какъ нибудь случайно зайдетъ рѣчь о воспитаніи,

то они тотчасъ же возстаютъ противъ серьознаго образованія, какъ противъ безполезной и нелѣпой роскоши...

«Эти жалкіе невѣжды думаютъ, что единственное необходимое дѣтямъ ихъ знаніе заключается въ слѣдующемъ убѣжденіи, которое они всячески стараются внушать имъ: что «нравственная и физическая энергія даны человѣку единственно только для пріобрѣтенія золота, потому что въ обладаніи золотомъ лежитъ вся сущность земнаго счастья» *).

Мое же мнѣніе таково, что умственныя потребности находятъ въ себѣ болѣе пищи въ Сиднеѣ, чѣмъ въ Мельбурнѣ, который, будучи по преимуществу дѣловымъ городомъ, носитъ на себѣ печать Америки.

Относительно природы можно сказать только, что она поскупилась на окрестности Мельбурна Въ продолженіе трехъ четвертей года здѣсь не видать ни одной травки и никакой зелени; только одинъ песокъ повсюду, на землѣ, на деревьяхъ и въ воздухѣ; мнѣ кажется, что это одна изъ причинъ, почему городъ кажется такъ неодушевленъ и скученъ, хотя жители его очень склонны къ увеселеніямъ, что зависитъ, можетъ быть, отъ вліянія чистаго неба и дѣятельной жизни. По воскресеніямъ всѣ дороги, ведущія къ столицѣ, превращаются въ Парижскія гулянія, въ особенности во время скачекъ, которыя Англія ввела въ моду въ цѣломъ мірѣ. Словомъ сказать,—туристу мудрено соскучиться въ Мельбурнѣ и горевать также не о чемъ, если только его еще не успѣли обокрасть. Надъ бѣдными китайцами здѣсь тяготѣетъ, также какъ и вездѣ, общая ненависть, одиночество и притѣсненія: они живутъ особенно въ маленькой улицѣ, предоставленной исключителкно имъ. Я уже говорилъ выше, что они не могутъ высадиться на берегъ колоніи Викторія, не заплативши пошлины въ двѣсти франковъ; но большая часть изъ нихъ умѣютъ избѣгать этой формальности, высаживаясь въ Сиднеѣ и приходя сюда пѣшкомъ, хотя путь длиненъ и утомителенъ и англійскій языкъ имъ мало знакомъ. Эга раса отличается необыкновенной энергіей и хитростью.

Если я успѣлъ внушить моимъ читателямъ сколько нибудь участія къ судьбѣ китайцевъ, то вѣроятно они простятъ мнѣ слѣдующую длинную цитату очень любопытнаго и поучительнаго письма, пу-

---

* Rise and progress of Austratia, Tasmania and New-Seland, by an Englishman, p. 16.

ликованнаго однимъ китайскимъ ученымъ въ то время, когда правительство возбудило вопросъ о томъ, не должно ли выгнать всѣхъ его соотечественниковъ изъ Австраліи, подъ предлогомъ, что они похищаютъ у страны все добываемое ею съ такимъ трудомъ богатство.

Вотъ это письмо:

«Рѣчь Куангъ-Чу,

«недавно пріѣхавшаго, добраго и разсудительнаго человѣка, пятаго кузена мандарина Та-Куангъ-Цинь-Лу, имѣющаго нѣсколько садовъ близъ Макао.

«Добрый народъ обольстительной страны золота! Я, человѣкъ нѣсколько постарше другихъ китайцевъ, недавно высадившихся на гостепріимныхъ берегахъ вашихъ желтыхъ луговъ; человѣкъ желающій смиренно выразить благодарность своего сердца и благодарность всѣхъ сопровождающихъ и предшествовавшихъ мнѣ и находящихся еще въ пути; человѣкъ умѣренный и благоразумный, — я не могу удержаться, обсудивши предметъ съ обѣихъ сторонъ, по мудрымъ законамъ и по совѣту Кунгъ-Фу-Ци и Лао-Шанга, чтобъ не высказать моего удивленія по поводу бамбуковыхъ узловатыхъ палокъ, грозно поднятыхъ, по словамъ нашего переводчика Атчая, надъ головами всѣхъ желтокожихъ народовъ, пріѣхавшихъ моремъ изъ центральной Имперіи цвѣтовъ, нашего далекаго отечества.

«Каждый человѣкъ, будучи подверженъ многимъ перемѣнамъ и чернымъ немочамъ, долженъ терпѣливо всему покоряться. Человѣкъ долженъ быть всегда терпѣливъ и почтителенъ. Этому насъ научаютъ всѣ законы, а всякій добрый китаецъ чтитъ законы, потому что это прекраснѣйшіе цвѣты и плоды, произрастающіе, подъ лучами небеснаго солнца, изъ корней древа мудрости. Поэтому человѣкъ и долженъ всегда смиряться передъ начальниками и передъ высшими, ибо они самые и суть корни мудрости.

«Со всѣми обрядами и церемоніями, требуемыми приличіемъ, мы приступаемъ колѣнопреклоненно къ губернатору этого города.

«Въ чемъ мы, китайцы, смиренно высадившіеся на ваши благословенные берега, провинились передъ вами и подали вамъ поводъ къ жалобамъ? Вотъ что я желаю знать. Мы хотимъ отъ васъ поучаться. Человѣкъ во всякое время имѣетъ нужду въ поученіи, особенно когда пріѣзжаетъ въ чужую страну. Нашъ переводчикъ Атчай не сталъ бы насъ обманывать. Атчай достойный уваженія молодой человѣкъ, бывшій прежде однимъ изъ агентовъ Хаокуа и Наокуа, чай-

ныхъ торговцевъ; но можетъ быть Атчай ошибся въ значенiи вашихъ словъ и передалъ намъ ихъ не въ томъ видѣ, какъ они были сказаны. Таково мое мнѣнiе и также мнѣнiе Айунгъ-Фи, человѣка благоразумнаго и мудраго, одного изъ главныхъ кантонскихъ портныхъ. Я скажу болѣе. Всѣ старшiе и умные люди между нами думаютъ тоже что я,—и Айунгъ убѣжденъ, что Атчай представилъ васъ въ дурномъ зеркалѣ.

«Мы прибыли, зная, по увѣренiю многихъ людей, уважаемыхъ въ нашей странѣ, и отъ другихъ, побывавшихъ здѣсь и возвратившихся въ Имперiю цвѣтовъ, что сюда прiѣзжаютъ не только изъ Англiи, но изъ Индiи, Японiи и Америки, также изъ Францiи и другихъ мѣстъ; что никакой народъ не только не исключается изъ доли, но принимается здѣсь съ отверстыми объятiями и съ барабаннымъ боемъ, прiѣзжая изъ цивилизованныхъ странъ, гдѣ изучаются искусства и другiя полезныя ремесла по преданiямъ древней мудрости: теперь, со всѣмъ должнымъ почтенiемъ и со всѣми требуемыми церемонiями, я, Куангъ-Чу, человѣкъ смиренный, но разсудительный, скажу что вѣсы правосудiя будутъ невѣрны въ рукѣ вашего мудраго губернатора если желчные и безплодные совѣтники (буквально по китайски: мандарины, желтые какъ померанцы) внушаютъ ему, что всѣ нацiи могутъ безпрепятственно пользоваться здѣсь гостепрiимствомъ, исключая однихъ китайцевъ. Я беру васъ всѣхъ въ свидѣтели, различные народы обольстительной страны золота, не будетъ ли такой поступокъ сворачивать вкривь и вкось съ пути справедливости? При мысли быть позорно изгнанными отсюда, безъ всякой вины съ нашей стороны, мы краснѣемъ, хотя чувствуемъ себя невинными,—мы трепещемъ какъ преступники, хотя свободны отъ всякаго преступленiя.

«Между нами есть люди, искусные въ садоводствѣ и въ уходѣ за всякаго рода плодами и цвѣтами; есть плотники, рѣзчики по дереву и по слоновой кости; есть опытные земледѣльцы, умѣющiе извлекать выгоду изъ самой дурной земли, въ особенности Ле-Ли и его пять племянниковъ; потомъ два человѣка, умѣющiе строить мосты и монументы, и одинъ, по имени Iо, который можетъ дѣлать несравненные летучiе змѣи, украшенные крыльями и большими стеклянными глазами; также Инъ, который воспитываетъ рыбъ, птицъ, собакъ и кошекъ; есть также много отличныхъ поваровъ, умѣющихъ соблюдать во всемъ экономiю и пр.

. . . .

«Зачѣмъ же позорно изгонять ихъ всѣхъ?

«Если случилось такое несчастье, что кто нибудь изъ насъ, по незнанію вашихъ законовъ, сдѣлалъ вамъ невольную обиду, то пусть онъ подвергнется заслуженному наказанію. Человѣкъ долженъ всему научаться или путемъ принципа, или путемъ наказанія:—вотъ все, что я могу сказать объ этомъ предметѣ; теперь же буду говорить о золотѣ.

«Подумавши объ этомъ хорошенько, я вижу ясно, что не каждый человѣкъ можетъ найти здѣсь много золота. Нѣкоторые даже вовсе не найдутъ и должны будутъ жить трудами другихъ, которые очень будутъ этимъ довольны. Тогда эти бѣдняки могли бы возвратиться и разсѣяться по всѣмъ вашимъ городамъ, деревнямъ, селамъ и фермамъ, и продавать тамъ свои услуги и дарованія за незначительную плату, можетъ быть, за одинъ рисъ. Зачѣмъ же гнать съ презрѣніемъ всѣхъ нашихъ садовниковъ, поваровъ, воспитателей рыбъ и птицъ, фокусниковъ, когда они могли бы принести столько пользы, оставаясь здѣсь. Даже, еслибъ вы рѣшили, что необходимо не позволять болѣе какъ десяти или двадцати тысячамъ китайцевъ пріѣзжать сюда, то всетаки жестоко бы было выслать тѣхъ, которые уже пришли сюда такъ издалека и такъ почтительно относятся къ вамъ.

. . . .

«Если въ моей рѣчи есть какой нибудь смыслъ, то я знаю что ее выслушаютъ внимательнымъ ухомъ и наклонивши голову на одинъ бокъ, и я смѣло надѣюсь, что губернаторъ этого города и другихъ городовъ и земель удостоитъ взвѣсить и оцѣнить мои слова и размыслить о нихъ: въ этой увѣренности, съ полнымъ сердечнымъ смиреніемъ и со всѣми почтительными церемоніями, мы ожидаемъ, въ молчаніи отвѣта, окрашеннаго малиновой краской».

Въ послѣдніе дни февраля, предшествовавшіе моему отъѣзду въ Сидней, случились только два замѣчательные факта. Во первыхъ, сгорѣлъ до тла американскій огромный корабль *Фениксъ*, благодаря небрежности американцевъ, которая дотого извѣстна, что въ нѣкоторыхъ портахъ не позволяютъ стоять ихъ кораблямъ ни за какую цѣну. Потомъ, 1-е марта, всѣ хляби небесныя внезапно разверзлись и, въ нѣсколько часовъ, превратили улицы въ бурные потоки. Къ счастью, всѣ мои приготовленія къ отъѣзду были кончены и даже всѣ нужныя книги закуплены, такъ какъ я никогда не забываю запасаться чтеніемъ на время путешествія. Тутъ я позволю себѣ замѣтить, что стоитъ пожалѣть о томъ, что французскую литературу такъ дурно понимаютъ и представляютъ въ такомъ извращенномъ видѣ вездѣ,

Китайскіе солдаты.

кромѣ Франціи. Хорошихъ французскихъ авторъ нельзя найти нигдѣ за границей, между тѣмъ какъ романисты, которыхъ во Франціи стыдятся читать, красуются у всѣхъ книгопродавцевъ, покупаются и читаются съ жадностью, въ убѣжденіи, что это цвѣтъ французской литературы. Неудивительно послѣ этого, что иностранцы иногда насмѣхаются надъ великой націей, откуда вывозится такой товаръ, и обвиняютъ въ пустотѣ и развращенности нравовъ народъ, говорящій на языкѣ Паскаля, Монтескье и Боссюэта.

Я уложилъ въ чемоданъ купленныя мною книги, и 1-е марта отплылъ въ Сидней на пароходѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ семьсотъ тридцать тоннъ и очень медленно идущемъ, не смотря на свою длинную и узкую фому. Когда мы выѣзжали изъ бухты, въ Philip-Head, погода нѣсколько прояснилась.

2-го мы потеряли изъ виду землю и пришли на другой день въ знаменитую бухту *Твофольдъ*, извѣстную тѣмъ, что изъ нея отправляются тысячи странниковъ, стремящихся, какъ дикіе звѣри, на добычу въ новооткрытые рудники «Снѣжной рѣки». Рудники эти находятся миляхъ во ста оттуда, въ неприступныхъ и необитаемыхъ горахъ, куда нѣтъ ни прохода, ни проѣзда, окруженныхъ лѣсами и заваленныхъ снѣгомъ. Жалкія и трагическія повѣтствованія можно было бы написать о большемъ числѣ этихъ авантюристовъ, забывающихъ обо всемъ въ мірѣ, ради жажды золота и рѣшающихся, съ котомкой за плечами, рискуя жизнью, вступить въ эти лѣса, гдѣ одинъ опрометчивый шагъ рѣшаетъ ихъ участь. Много ихъ погибло отъ голода или холода, а изъ остальныхъ немногіе обогатились въ нѣсколько дней, тогда какъ тысячи не нашли даже пылинки золота. Мы остановились въ *Твофольдъ-Бенъ*, чтобъ высадить пять или шесть семействъ, которыя тотчасъ же исчезли въ лѣсахъ, по едва протоптанной тропинкѣ, съ такой же увѣренностью какъ будто отправлялись изъ Сен-Клу въ Парижъ. Какая участь постигла ихъ? Этого я никогда не узналъ, но, во всякомъ случаѣ, если только они достигли мѣста назначенія, то вѣроятно очутились въ большомъ обществѣ, потому что туда еще прежде отправились тысячъ пятдесятъ народу, хотя холодъ многихъ уже прогналъ оттуда въ полузамерзшемъ состояніи. Въ этой части континента находятся пики, сажень въ тысячу высоты, принадлежащіе къ австралійскимъ Альпамъ и одѣтые вѣчными снѣгами.

Этотъ берегъ покрытъ лѣсами и горами и перерѣзанъ прекрасными лужайками и утесами, о которые разбивается море; можно по-

думать скорѣе, что находишься въ глубинѣ Ліонскаго залива чѣмъ по близости песчанаго материка. 4-го марта утромъ, послѣ двухъ дней съ половиною плаванія, мы очутились у какихъ-то стоявшихъ перпендикулярно береговъ, почернѣвшихъ и растрескавшихся отъ вѣтра и дождя; у подошвы этихъ горъ были навалены безпорядочныя груды обломковъ, омываемые волнами: мы приближались ко входу въ Сиднейскую бухту, зеленые холмы которой представляли разительную противуположность съ этими мрачными утесами; на нихъ дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершилось одно изъ самыхъ ужасныхъ кораблекрушеній, извѣстныхъ въ исторіи мореплаванія. Въ этомъ мѣстѣ возвышается маякъ, сажень на сорокъ надъ моремъ. Мы осторожно огибаемъ мысъ, составляющій южную оконечность Сиднейской бухты, повертываемъ налѣво, внезапно теряемъ изъ виду океанъ, какъ будто его никогда и не бывало и, плавно, какъ лебедь, вступаемъ въ прекраснѣйшій рейдъ во всей вселенной.

Самъ не знаю почему, я люблю Сидней до такой степени, что еслибъ у меня спросили, какъ обыкновенно спрашиваютъ у путешественниковъ, какой городъ въ мірѣ мнѣ больше всего нравится, то я отвѣчалъ бы, не вспоминая даже Томска: «Сидней». Въ чемъ же заключается, въ самомъ дѣлѣ, прелесть этого города, не говоря о публичныхъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ я вообще удаляюсь? Вѣроятно въ веселости его обитателей, въ чистотѣ улицъ, въ ясности неба и особенно въ прогулкахъ по окрестностямъ. Однако я не могъ долго здѣсь оставаться. По обыкновенію, для меня скоро опять пробилъ часъ отъѣзда. Прежде чѣмъ оставить эту часть свѣта, мнѣ оставалось еще побывать въ одной любопытной странѣ, хотя для этого приходилось сдѣлать крюкъ и возвратиться опять назадъ. Меня тянуло въ Новую-Зеландію, именно потому, что ее такъ рѣдко посѣщаютъ путешественники, и, не смотря на то, что, по послѣднимъ полученныхъ извѣстіямъ, тамъ была война, я рѣшился туда ѣхать, хотя и колебался долго между нею и Новой-Каледоніей. Но въ Каледонію не ходили пароходы, и это случилось къ моему счастью, потому что еслибъ я туда поѣхалъ, то въ описаніи моего путешествія не было бы ничего интереснаго для читателей, тогда какъ тутъ со мною случилось такое приключеніе, которое два раза въ жизни не бываетъ съ однимъ человѣкомъ.

Это было въ мартѣ мѣсяцѣ, соотвѣтствующемъ, въ этомъ полушаріи, нашему сентябрю мѣсяцу; но было жарче чѣмъ въ Европѣ и доходило до 30° въ тѣни.

Здѣсь въ продолженіе семи мѣсяцевъ сряду небо бываетъ постоянно ясно, и въ одинъ мѣсяцъ не выпадетъ столько дождя, сколько въ Калькутѣ и въ Бомбеѣ идетъ въ одинъ день. Въ іюлѣ и августѣ, которые считаются здѣсь самыми холодными мѣсяцами въ году, температура никогда не доходитъ до точки замерзанія; поэтому растенія тропическихъ странъ отлично принимаются въ этихъ мѣстахъ, хотя отсутствіе пальмъ отнимаетъ у здѣшней флоры тропическій характеръ. Виноградъ растетъ здѣсь въ изобиліи, и нѣтъ сомнѣнія, что превосходныя здѣшнія вина расходились бы по всему свѣту, еслибъ не были такъ страшно дороги. Я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ плодовъ и цвѣтовъ какъ на рынкѣ въ Сиднеѣ; тамъ долго лежала одна тыква въ четыре съ половиной пуда вѣсомъ! Я каждый день ѣлъ тамъ ананасы, апельсины и виноградъ, до тѣхъ поръ пока надо было снова собирать свои пожитки и отправляться странствовать по океану.

14-го марта, при сильномъ и холодномъ вѣтрѣ съ ю.-ю.-в., я отплылъ изъ Сиднейской гавани на пароходѣ *Лордъ-Ашлей*, который двигался такими спазмодическими скачками, какъ будто его ломали судороги, и я во всю жизнь мою не забуду каково было на немъ ѣхать. Мнѣ не случалось еще никогда видѣть такого дряннаго парохода, хотя я заплатилъ за мѣсто на немъ 425 франковъ, а за эту цѣну можно было надѣятся имѣть что нибудь порядочное. Простыни остались грязныя послѣ послѣднихъ пассажировъ, которые, кромѣ того, оставили и другія доказательства своей неопрятности и болѣзненнаго состоянія во время путешествія. Внутри былъ вездѣ безпорядокъ, а снаружи буря, дождь и голодные альбатросы, обступавшіе пароходъ; ничего другаго мнѣ не привелось видѣть во всю эту недѣлю плаванія, тѣмъ болѣе что большая часть пассажировъ лежала, по обыкновенію, въ своихъ каютахъ, въ полумертвомъ состояніи отъ морской болѣзни. Въ первые дни вѣтеръ сильно дулъ съ востока, но потомъ перемѣнился на западный, по мѣрѣ того какъ мы приближались къ берегамъ Новой-Зеландіи, которой горы показались въ первый разъ 21-го марта, живо напомнивши мнѣ, издали, горы сѣверной Японіи. Въ полдень мы вошли въ бурныя воды пролива *Кукъ* и, повернувши направо, вскорѣ очутились въ превосходной бухтѣ, длиною въ двѣнадцать лье, шириною въ четыре, окруженной высокими горами. Уже можно было видѣть на ея оконечностяхъ бѣлые домики Нельсона, вырѣзывающіеся на черномъ фонѣ, какъ выточенные изъ слоной кости.

При видѣ этой страны, самой отдаленной въ мірѣ отъ Европы, я сильнѣе чѣмъ когда нибудь почувствовалъ огромное разстояніе, отдѣлявшее меня отъ родины. Этотъ край напоминалъ мнѣ Пиренейскія горы, и однако я чувствовалъ, что между ними и мною лежитъ цѣлый шаръ земной, и что, не смотря на всѣ рессурсы человѣческаго генія и торжество его надъ пространствомъ и временемъ,—мнѣ невозможно передать туда никакого извѣстія прежде двухъ мѣсяцевъ! Можетъ быть грусть, овладѣвшая мною при видѣ маорисовъ, гордо прохаживавшихся по своему родному берегу, была предчувствіемъ ожидавшихъ меня несчастій, траура и самой смерти, подкарауливавшей меня въ этихъ мрачныхъ горахъ; но въ то время я этого не зналъ, и хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ, но съ живымъ любопытствомъ ступилъ на эту землю, полную для меня романизма и поэзіи; я привѣтствовалъ ее какъ Адамъ, въ первый разъ ступившій на цвѣты и зелень земнаго рая, и Богъ, въ своемъ милосердіи, скрылъ отъ меня, что я скоро буду изгнанъ изъ него какъ Каинъ.

Счастливый и веселый городокъ Нельсонъ, съ своими шалѐ, готическими домиками, двумя церквами и высокими горами, обрамлявшими его, окончательно разсѣялъ мою меланхолію, не смотря на дождь, лившій какъ изъ ведра. Въ самомъ дѣлѣ, трудно пайти болѣе опрятный и красиво обставленный городокъ, имѣющій кромѣ того выгоду находиться на берегу моря и въ глубинѣ пространной, спокойной бухты. Еслибъ эти воды не были такъ спокойны, то корабли по временамъ находились бы въ критическомъ положеніи, потому что входъ въ гавань, составляющую единственное ихъ прибѣжище, имѣетъ въ ширину не болѣе двадцати сажень и наполненъ подводными теченіями.

Такъ какъ мы пріѣхали ночью, то я могъ сойти на землю только на слѣдующее утро 22-го марта, и пошелъ въ деревню по прекрасному шоссе, идущему вдоль морскаго берега. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ изъ Сибири, мнѣ не приходилось дышать такимъ чистымъ, живымъ и эластическимъ воздухомъ, и о благотворномъ дѣйствіи его на человѣка можно было судить по колоссальнымъ формамъ и геркулесовскому сложенію встрѣчающихся мнѣ новозеландцевъ. Навѣрное ни одна европейская или дикая раса не можетъ похвалиться такимъ сложеніемъ, такимъ густыми волосами и могучими руками какъ эти, такъ называемые, маорисы, хотя ростъ они имѣютъ средній. Насмотрѣвшись на нихъ вдоволь и попытавшись отыскать въ выраженіи ихъ лица характеръ антропофагіи, я отправился въ сопровож-

деніи одного молодаго метиса — помѣси европейца и маориса—въ скромную гостиницу Уакату, гдѣ тотчасъ же нанялъ себѣ комнату со столомъ, на недѣлю. Если читатели полюбопытствуютъ узнать о чемъ былъ у насъ первый предметъ разговора, когда я усѣлся у камина съ англичанами Новой-Зеландіи, то я могу сообщить имъ, что мы говорили исключительно о лошадиныхъ скачкахъ въ Кэнтербюри, городѣ, находящемся на восточной сторонѣ большаго острова и вѣроятно могшемъ бы сдѣлаться столицей его, еслибъ не орошали его безпрерывные дожди. Такъ какъ городъ Отаго на югѣ находится въ тѣхъ же условіяхъ, то Нельсону предоставляется честь, съ его двумя тысячами жителей, фигурировать на первомъ мѣстѣ между городами великаго острова, или *Middle Island*; на сѣверѣ же столица — Аукландъ, имѣющая до двадцати тысячъ жителей изъ европейцевъ. Аукландъ есть также мѣстопребываніе правительства. Сѣверный островъ, хотя гораздо меньше средняго и менѣе перерѣзанъ горами, заключаетъ въ себѣ не только четыре пятыхъ всего европейскаго народонаселенія колоніи, т. е. около сорока тысячъ душъ, но и девять десятыхъ маорисовъ, которыхъ всего на все тысячъ шестьдесятъ: вѣроятно причиной тому его пріятный климатъ, хорошее мѣстоположеніе и рѣки, болѣе доступныя для навигаціи, тогда какъ на среднемъ островѣ, носившемъ прежде болѣе звучное и мѣткое названіе «Тавай Пунаму», напоминавшее о его страшныхъ буряхъ, находятся очень высокія горы, прорѣзывающія его съ одного конца до другаго, какъ спинной хребетъ. Въ нихъ лежитъ снѣгъ и протекаютъ бурные, непроходимые потоки; на западѣ они рѣзко граничатъ съ моремъ, а на востокѣ полого спускаются въ плодоносныя равнины провинціи Кэнтербюри. За исключеніемъ этихъ равнинъ, зима въ этомъ краѣ бываетъ очень суровая; снѣгъ выпадаетъ тамъ какъ въ альпійскихъ горахъ, и много разъ европейцы тамъ погибали отъ холоду или тонули въ этихъ страшныхъ горныхъ потокахъ, широкихъ и глубокихъ какъ рѣки, которые попадаются на каждомъ шагу.

Я нигдѣ не видалъ такихъ величавыхъ, лѣсистыхъ и крутыхъ горъ какъ въ Новой-Зеландіи: ихъ можно назвать вполнѣ дѣвственными, благодаря непроницаемымъ лѣсамъ, покрывающимъ ихъ до самыхъ снѣговъ; вышина ихъ немного недостаетъ до Монблана, такъ какъ гора Кукъ имѣетъ до 2000 сажень. Единственное средство ходить по этимъ горамъ — это оставаться постоянно на хребтахъ, гдѣ лѣсъ не такъ дремучъ; если же спуститься на нѣсколько шаговъ вправо или влѣво, то очутишься тотчасъ въ такой густой тѣни, что

надо будетъ идти ощупью, а немного подалѣе совершенно нѣтъ прохода отъ массъ растительности, до того плотной что змѣя съ трудомъ могла бы проползти сквозь нее. Поэтому можно судить какъ здѣсь тяжело для тѣхъ, которые взялись изслѣдовать эти невѣдомыя мѣстности; иногда недостаточно бываетъ одного дня чтобъ перейти съ одной горы на другую, которая отстоитъ верстахъ въ двухъ; ночевать приходится на высотахъ въ нѣсколько тысячъ саженъ, постоянно переплывать потоки и ничего не ѣсть, такъ какъ дичь не всегда находится въ этихъ мѣстахъ; наконецъ ничего нѣтъ легче какъ заблудиться, и если съѣстная провизія вся выйдетъ, то остается только питаться папоротникомъ. Одинъ смѣлый путешественникъ разъ пропадалъ болѣе года въ этихъ горахъ, и, въ одно прекрасное утро, явился въ Нельсонъ здравымъ и невредимымъ: понятно, что его появленіе произвело такой же эффектъ какъ появленіе самого Кука; но не всѣ же могутъ быть такъ счастливы какъ онъ.

Между дѣвственными горами этого края есть двѣ, стоящія рядомъ, какъ близнецы, называемыя *Кайкора* и вышиною въ полторы тысячи саженъ; онѣ находятся въ ста сорока верстахъ, на юго-востокѣ отъ Нельсона. Быть въ такомъ сосѣдствѣ и не употребить всевозможное чтобъ влѣзть на эти горы—было свыше моихъ сихъ, и я рѣшился, по истеченіи недѣльнаго срока, отправиться въ путь. Чтобъ удостовѣриться, что ноги мои, попиравшія столько разъ пики Пиренейскихъ горъ, не ослабѣли пройдя подъ столькими широтами, я прежде заблагоразсудилъ войти на гору Дуннъ, вышиною въ семьсотъ саженъ, которая возвышается надъ Нельсономъ съ юга. Она знаменита своими рудами, которыя слывутъ за мѣдныя, хотя вѣроятно производятъ не болѣе какъ *хромъ* (chrome), точно такъ какъ иногда деревянный мостъ величаютъ каменнымъ. Туда ведутъ двѣ дороги: одна идетъ прямо въ горы, находящіяся между Дунномъ и моремъ,—это кратчайшая дорога; вторая лежитъ на юго-востокѣ по руслу потока, называемаго Майтай; по ней можно доѣхать до руды, находящейся на пятистахъ саженяхъ высоты, но оттуда приходится уже всходить наверхъ пѣшкомъ. Дороги тутъ нѣтъ, да и не нужно, потому что гора Дуннъ совершенно лысая.

Хотя меня и увѣряли, что по кратчайшей дорогѣ я проѣду не болѣе трехъ часовъ, но я проѣхалъ цѣлыхъ пять; это былъ мой первый урокъ въ Новой-Зеландіи и долженъ бы былъ послужить мнѣ въ пользу. Впрочемъ, я не жалѣлъ о потерянномъ времени, хотя, выѣхавши поздно, мнѣ уже невозможно было возвратиться домой въ

тотъ же день. Лишь только я поднялся на полтараста сажень выше Нельсона, какъ весь проливъ Кука явился предо мною облитый яркимъ свѣтомъ, и за нимъ, плавающія въ туманѣ, величавыя горы сѣвернаго острова, гдѣ знаменитый волканъ *Эгмонтъ* поднималъ свою сѣдую вершину сажень на полтораста надъ водами, орошавшими его подошву. A vol d'oiseau онъ былъ отъ меня въ двухъ-стахъ верстахъ; но атмосфера была такъ прозрачна, что его снѣжная вершина рѣзко выдѣлялась на голубомъ небѣ. Часа черезъ два я уже углубился въ лѣса до того дремучіе, что никогда, даже подъ тропинками, я не бывалъ въ такой темнотѣ среди бѣлаго дня; только черезъ рѣдкіе промежутки мнѣ удавалось выходить на прогалины, откуда видъ былъ несравненный. Рамка картины состояла изъ гигантскихъ стволовъ деревъ, стоявшихъ какъ гранитныя колонны; между ними *ратта* (le ratta) разстилалъ свои красные листья, вырѣзывавшіеся на необозримой синей равнинѣ моря, которое величественно колыхалось; я былъ потрясенъ этимъ зрѣлищемъ, и задавалъ себѣ вопросъ, чья рука невидимо удерживала въ границахъ это стихійное могущество?

Нашедши опрокинутое бревно, въ которомъ выдолблено было маленькое корыто и оставленъ нарочно пустой ящикъ отъ сардинъ, чтобъ путникъ могъ утолить свою жажду дождевою водою, я сѣлъ тутъ и съѣлъ кусокъ хлѣба, закусывая шоколатомъ. Уединеніе мое было сначала совершенное; но скоро появились откуда-то птицы и начали описывать круги надъ моей головою, наблюдая за каждымъ кускомъ, который я клалъ въ ротъ. Я не зналъ къ чему это приписать: фамильярности, любопытству или голоду, но, во всякомъ случаѣ, не обвинялъ въ дерзости этихъ бѣдныхъ созданій, никогда еще не удостоивавшихся лицезрѣнія человѣка; даже и впослѣдствіи, когда онѣ непозволительно близко ко мнѣ подлетѣли, я все-таки извинялъ ихъ. Когда человѣка видятъ въ первый разъ, нельзя вдругъ полюбить его; но если животное довѣрчиво подойдетъ къ намъ, то, конечно, мы его приласкаемъ: не доказываетъ ли это того: что благородныя качества перваго бываютъ часто омрачены злобою и пороками?

Я пришелъ къ такъ называемымъ мѣднымъ рудамъ около заката солнца и ускорилъ шагъ, потому что съ долинъ, находившихся подо мною, начали подниматься облака и скоро окутали меня всего такъ, что хотя я и продолжалъ всходить вверхъ, но ничего уже не видѣлъ вокругъ себя. Иногда облака разсѣевались, чтобъ дать мнѣ понятіе

о зрѣлищѣ, которое я терялъ; но скоро вѣтеръ опять сгущалъ ихъ, и я видѣлъ передъ собою только обнаженные пики и между ними *Чортовы Кресла*, выставляющіяся въ совершенной наготѣ изъ глубины дремучаго лѣса. Туманъ окружилъ меня со всѣхъ сторонъ, поднялся холодный вѣтеръ, и я такъ продрогъ, что принужденъ былъ возвратиться къ рудамъ, теряя по временамъ дорогу, хотя и принялъ предосторожность замѣтить уголъ, который онѣ дѣлали съ вѣтромъ: безъ этого я могъ бы совсѣмъ заблудиться.

Въ рудахъ я снова имѣлъ случай удостовѣриться въ гостепріимствѣ англичанъ, потому что тамъ рудокопы дали мнѣ ужинъ, постель и все что мнѣ было нужно, не взявши съ меня никакого вознагражденія. На другое утро пошелъ проливной дождь, но я всетаки долженъ былъ идти и покориться тому, чтобъ провести пять или шесть часовъ безъ крова, подъ дождемъ. Углубляясь въ эти ущелья, принадлежавшія только мнѣ и Богу, я громко прочелъ молитву, какъ будто предчувствуя приближеніе несчастья; однако въ этотъ день все обошлось для меня благополучно; только завтракать мнѣ неудалось раньше трехъ часовъ. Въ Пиренейскихъ горахъ, когда бываютъ облака вокругъ горныхъ вершинъ прежде восхода солнца, то, по восходѣ, они еще болѣе сгущаются и скоро покрываютъ все пространство; въ антиподахъ же, напротивъ, первый лучъ солнца разгоняетъ все, что можетъ омрачить природу. Такъ и теперь, слой облаковъ, висѣвшій надъ вершинами, распался на бѣлые клочья, которые разнеслись по небу и быстро растаяли какъ сахаръ въ водѣ; наконецъ, день сдѣлался до того великолѣпенъ, что я былъ бы въ полномъ восхищеніи, еслибъ желудокъ мой не предъявлялъ своихъ требованій. Меня окружали великолѣпныя деревья, которыхъ названія были мнѣ неизвѣстны, а иначе я наполнилъ бы ими цѣлый каталогъ. Я узналъ только дерево—папоротникъ, гигантскую пихту, называемую *каори* (pinus australis), которой стволъ поднимался иногда до ста футовъ вышины, непроизрастая изъ себя ни одной вѣтви, и знаменитый *phormium tenax*, имѣющій фибры крѣпче пряденаго льна и конопли. Кстати о богатой флорѣ этого края, замѣтимъ мимоходомъ тотъ странный фактъ, указанный Ричардомъ Тэйлоромъ, что всѣ растенія, свойственныя антарктическимъ островамъ (а ихъ въ Новой-Зеландіи до двадцати шести родовъ), находятся исключительно только на вершинахъ горъ. Этотъ авторъ прямо говоритъ, что тутъ существуетъ одинъ изъ великихъ «ботаническихъ центровъ», и думаетъ, что они могутъ быть въ связи съ недавно открытыми магнетическими центрами.

Сходя внизъ подъ густымъ зеленымъ сводомъ, я постоянно шелъ по берегу бурныхъ, пѣнящихся потоковъ, которыхъ воды, свѣтлыя какъ стекло, имѣли въ моихъ глазахъ одинъ только недостатокъ: тотъ, что я закоченѣлъ отъ холоду, когда мнѣ пришлось семь разъ переходить ихъ въ бродъ. Къ вечеру я пришелъ въ Нельсонъ, убѣдившись въ двухъ истинахъ, которыя очень полезно знать каждому новопріѣзжему въ Зеландію: во-первыхъ-то, что тамъ легко заблудиться; во вторыхъ — что рѣки надо переплывать или переходить въ бродъ, такъ какъ тамъ нѣтъ ни мостовъ, ни паромовъ. Наконецъ, была еще третья печальная истина, которую я вполнѣ испыталъ только въ Новой-Зеландій: она состоитъ въ томъ, что желудокъ часто долженъ оставаться совершенно пустымъ. Читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, черезъ какія горькія испытанія долженъ былъ пройти этотъ необходимый и полезный органъ моего тѣла.

* * *

ГЛАВА XXII.

Путешествіе пѣшкомъ на Кайкорасскія горы. — Я теряю дорогу, остаюсь три дня безъ пищи и прихожу умирающій къ пастуху Андерсону.

Прежде чѣмъ отважиться на одинокое путешествіе во внутренность страны, я имѣлъ предосторожность предложить маорисамъ слѣдующіе вопросы: «Ѣдятъ ли они человѣческое мясо? Вкусно ли оно? Часто ли они имъ лакомятся?» Къ величайшей моей горести, мнѣ пришлось услышать изъ ихъ собственныхъ устъ, что они отвѣдывали человѣческое мясо; впрочемъ, къ утѣшенію моему, они увѣряли, что больше никогда не станутъ ѣсть это блюдо, потому что бѣлые очень невкусны. Разсудивъ, что вслѣдствіе утомительнаго путешествія по Монголіи и по морю, я сдѣлался худъ почти какъ скелетъ, я окончательно успокоился на той мысли, что людоѣды навѣрно на меня не польстятся, если даже я съ ними и встрѣчусь, что было еще сомнительно, такъ какъ ихъ во всемъ островѣ было не болѣе двухъ-трехъ тысячъ.

Впрочемъ, я не хочу быть несправедливымъ къ этому народу, и спѣшу сказать, что онъ обладаетъ такими рыцарскими качествами, которыя отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ дикихъ, хотя и эти другіе также развѣ только тѣмъ нравственно ниже остальныхъ людей, что всегда и повсюду должны употреблять обманъ и вѣроломство. Надо принять общимъ правиломъ, что никогда не нужно полагаться на человѣка нецивилизованнаго и нехристіанина: онъ поступаетъ чисто по внушенію природы, а природные инстинкты по большей части дурные, если ихъ предоставляютъ самимъ себѣ.

Хотя и правда, что въ Новой-Зеландіи происходили страшныя убійства и отдѣльные примѣры жестокости и подлости; но все-таки

надо отдать справедливость маорисамъ, что они имѣютъ врожденное чувство чести, истинное мужество, человѣколюбіе, состраданіе ко всему, что слабо, и способность къ развитію. Еслибъ я не былъ въ этомъ убѣжденъ, то, конечно, не рѣшился бы путешествовать одинъ посреди ихъ горъ, въ то время какъ они были въ войнѣ съ англичанами; но я зналъ, что не подвергаюсь никакому риску. О дальнѣйшихъ качествахъ и недостаткахъ этого народа, также какъ и другихъ австралійскихъ туземцевъ, я буду говорить впослѣдствіи; теперь же займусь только моимъ несчастнымъ путешествіемъ въ Кайкорасскія горы.

Я направилъ свой путь вверхъ по ущелью горы Майтай и пришелъ въ прекрасное апрѣльское утро (въ Новой-Зеландіи въ это время осень) въ гостиницу *Сиглицъ*, на берегу потока, въ трехъ миляхъ отъ Нельсона. Я былъ такъ увѣренъ въ ожидавшемъ меня тамъ готовомъ обѣдѣ, что не взялъ съ собой ничего съѣстнаго и, нагрузивъ карманы носовыми платками, манишками, чулками и рубашками, весело шелъ, постукивая палкой и наслаждаясь своей свободой. Я, увѣренъ что всѣ материки и закоулки земнаго шара были бы давно пройдены вдоль и поперегъ, несмотря ни на дикихъ звѣрей, ни на вредныя испаренія и суровый климатъ, еслибъ только не замѣшалась эта несчастная потребность пищи, отъ которой человѣческая натура никакъ не можетъ отвыкнуть! Войдя въ гостиницу, я спросилъ себѣ бифштексъ; но хозяйка не была дома и провизіи также не обрѣталось; передо мною стояли на столѣ только два ящичка сардинокъ, которые я заблагоразсудилъ приберечь на случай крайности. Весь этотъ день у меня пропалъ въ ожиданіи возвращенія г. Сиглица, который пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ изъ Нельсона, куда ѣздилъ за провизіей.

Добравшись на другой день до гостиницы *Вильсонъ*, я нашелъ тамъ довольно большое общество путешественниковъ, еще болѣе уставшихъ чѣмъ я, хотя они всѣ ѣхали верхами и, при въѣздѣ на такія высокія горы, никакъ не могли сдѣлать больше верстъ въ день нежели пѣшій человѣкъ. Они всѣ дремали и, къ десяти часамъ, окончательно заснули. Снаружи было слышенъ только трескъ вѣтвей на верхушкахъ старыхъ деревъ, загорѣвшихся Богъ знаетъ отчего: у нихъ пылала только макушка и они были похожи на огромные факелы. Не слышалось ни рева дикихъ звѣрей, ни жужжанія насѣкомыхъ, такъ какъ Новая Зеландія бѣдна животными; ядовитыхъ же въ ней вовсе нѣтъ: благотворительная природа вѣроятно сочла за лиш-

нее присоединять еще этотъ бичъ ко всѣмъ другимъ опасностямъ, угрожающимъ людямъ на каждомъ шагу или потопленіемъ, или голодною смертью въ непроходимыхъ дебряхъ. Тутъ не только не водится ядовитыхъ животнымъ, но даже никогда собаки не бѣсятся.

Познакомившись на слѣдующее утро съ г. Элліотомъ, редакторомъ Nelson Examiner, я получилъ отъ него позволеніе воспользоваться для отдыха двумя его фермами, лежащими у подошвы горъ, на которыя я собирался всходить. Показалась заря, легкій туманъ поднялся изъ *Pélorus Sound*. Тогда я снова вооружился дубинкой и началъ третій день моего путешествія привѣтствіемъ мѣстамъ, наполненнымъ памятью Кука.

Пройдя съ часъ по берегу моря, я повернулъ въ сторону и углубился въ лѣса огромныхъ деревьевъ, подъ непроницаемой тѣнью которыхъ я шелъ, по крайней мѣрѣ, четыре часа не встрѣчая ни одного живаго существа и не слыша другаго шума кромѣ журчанія ручьевъ, обильно протекающихъ въ этой влажной странѣ, по сосѣдству отъ которой находится самый безводный и безплодный материкъ земнаго шара. Нѣкоторые изъ этихъ гигантскихъ деревъ лежали опрокинутые и корни ихъ казались развалинами какого нибудь города. Другіе, массивные какъ колоссы и прямые какъ стрѣла, тянулись вверхъ до невѣроятной вышины, превосходящей всѣ наши обелиски и колонны: стволы ихъ почернѣли отъ сырости, а листья были прозрачнаго зеленаго цвѣта. У самой подошвы стволъ расходился по землѣ въ разныя стороны, образуя треугольникъ, имѣющій иногда въ окружности до трехъ сажень. Впрочемъ, это сжатые лѣса Новой Зеландіи, гдѣ деревья растутъ такъ близко другъ отъ друга, что вѣтвямъ негдѣ раскинуться, не такъ красивы какъ лѣса Индіи и Америки. Полузадохшись въ этомъ Эребѣ какъ въ подземельѣ, я съ радостью увидѣлъ, наконецъ, свѣтъ солнца, вышедши, къ пяти часамъ вечера, въ долину *Вайро*, лежащую отъ запада на востокъ и окоймленную высокими горами; шириной она была въ двѣ мили, а длиной въ сорокъ. Мнѣ доставило чрезвычайное удовольствіе слышать, посреди общаго безмолвія природы, глухой гулъ океана, вливавшагося въ проливъ Кука, который находился отсюда въ трехъ миляхъ; направо отъ меня разстилалась цѣпь горъ, налѣво катились, вдоль утесовъ, бурныя воды Вайро, напоминавшія плачевное и мрачмое происшествіе. Мнѣ надо было переправляться черезъ эту рѣку безъ парома и даже безъ веревки, что было трудно и опасно. Путешественники давно избавлены бы были отъ необходимости риско-

вать жизнью, еслибъ скупость не помѣшала выстроить тутъ деревянный мостъ, матеріалы для котораго находились подъ рукою.

Я никогда не забуду эту переправу черезъ Вайро, потому что мнѣ пришлось часа полтора бродить по водѣ, напрасно ища удобнаго для перехода мѣста. Тамъ, гдѣ рѣка была не очень глубока, ея яростное и бурное теченіе могло бы сшибить съ ногъ вола; тамъ же, гдѣ вода была спокойная, синяя и прозрачная, невозможно было достать дна ногами, а ширина между обоими берегами доходила до двухсотъ сажень. Однако я дошелъ до середины и считалъ себя въ безопасности, какъ вдругъ окунулся съ головой въ ледяную воду, стремившуюся съ такой быстротой, что я не могъ даже повернуться назадъ, и непремѣнно погибъ бы въ этой борьбѣ съ могучимъ врагомъ, еслибъ не спасла меня дубинка; вся одежда моя, разумѣется, намокла и я, побѣжденный, долженъ былъ отретироваться назадъ. Наконецъ я рѣшился идти по теченію и перерѣзать рѣку діагонально: такимъ образомъ, выбившись изъ силъ и совсѣмъ замерзая, я достигъ къ ночи другаго берега, представлявшаго изъ себя пространную равнину, гдѣ ожидаемая мною гостиница одна только и бѣлѣлась вдали, напоминая монгольскія юрты степи Гоби. Нигдѣ разстоянія не бываютъ такъ обманчивы какъ на безплодныхъ равнинахъ, гдѣ не видать ни одного предмета, могущаго служить точкою сравненія для глаза: сдѣлавши въ этотъ день сорокъ шесть верстъ пѣшкомъ, мнѣ пришлось еще идти около часу до гостиницы *Гудманъ*, которая сначала казалось въ десяти шагахъ отъ меня.

Путешественниковъ тамъ не было кромѣ меня; г. Гудманъ подалъ мнѣ отличной баранины, хлѣба, пива, и полюбопытствовалъ услышать разсказъ о моихъ приключеніяхъ; вообще, я рекомендую его домъ всякому, хотя по дорогѣ отъ него начались всѣ мои несчастья.

Дѣло въ томъ, что отъ долины Вайро, гдѣ я находился, до фермы г. Элліота, лежащей у подошвы Кайкораеса, были двѣ дороги: одна въ двадцать миль, другая въ шестнадцать. Натурально я выбралъ кратчайшую, и отправился съ ранняго утра, держась на югъ; но едва я успѣлъ отойти двѣ мили и увидать вдали снѣжную вершину, на которую мнѣ предстояло взойти, какъ почувствовалъ дурноту и принужденъ былъ опять возвратиться къ г. Гудману на весь день. На другой день я вышелъ на разсвѣтѣ, въ полной увѣренности, что завтра же побѣдоносно взойду на эти пики, куда рѣдко кто отваживался ступить и, весело распѣвая, пришелъ вечеромъ на первую ферму г. Элліота, которую занималъ, въ его отсутствіе, старый шот-

ландскій пастухъ, по имени Андерсонъ, съ женою и дѣтьми. Этотъ бѣлый домикъ, какъ будто отдѣленный отъ цѣлаго міра, окруженный пропастями, ручьями, деревьями и пастбищами, совершенно плѣнилъ меня своей поэтической обстановкой, тѣмъ болѣе что меня тамъ приняли по пріятельски: въ самомъ дѣлѣ, посреди этого очаровательнаго уединенія можно было забыть всѣ дрязги и неудовольствія жизни, и я тамъ пріятно заснулъ, думая о счастьѣ тѣхъ, кто умѣетъ жить довольнымъ подъ этой мирной кровлей и не тревожиться напрасными мечтами и желаніями.

На слѣдующее утро, при первыхъ лучахъ яркаго солнца, я снова отправился въ путь, въ сопровожденіи стараго пастуха, который непремѣнно хотѣлъ проводить меня до конца долины. Тутъ онъ остановился у подошвы крутаго пика, называемаго *Bocky gill*, вышиною въ пятьсотъ сажень; я долженъ былъ взойти на него, потомъ спуститься по южной сторонѣ и тамъ перейти черезъ горный потокъ. Проводникъ мой сказалъ мнѣ, что я долженъ потомъ идти вверхъ по теченію этого потока, по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ его слова, и тутъ мы разстались какъ отецъ съ сыномъ, хотя оказалось потомъ что, вслѣдствіе недоразумѣнія между нами на счетъ дороги, я едва не лишился жизни.

И такъ я, въ прекрасную погоду, взошелъ на Bocky gill, наслаждаясь, въ первый разъ, грандіознымъ зрѣлищемъ двухъ знаменитыхъ пиковъ, для которыхъ собственно я и прошелъ сотни миль. Теперь я ихъ видѣлъ передъ собою сверху до низу: они стояли обнаженные, безплодные и гордые, какъ все до чего не дотрогивалась рука человѣка. На самой вершинѣ лежалъ снѣгъ, который, впрочемъ, по моему замѣчанію, долженъ растаять, хотя, говорятъ, его остается много на южныхъ скатахъ. Вокругъ меня поднимался цѣлый хаосъ растреснутыхъ пиковъ, безмолвныхъ какъ полярные льды и одѣтыхъ до извѣстной высоты густыми лѣсами, изъ-за которыхъ виднѣлись ихъ лысыя вершины, похожія на головы хищныхъ птицъ.

Чувствуя, что становлюсь поэтомъ, посреди этой безмолвной пустыни, на которую солнце кидало отвѣсно свои лучи, проходя черезъ миридіанъ въ ту самую минуту, когда столько дорогихъ мнѣ существъ были погружены въ ночной мракъ и сонъ... Можетъ быть, имъ снился въ это время далекій путешественникъ посреди горъ! Погрузившись въ эти мысли, я совсѣмъ не замѣтилъ, что со всѣхъ сторонъ собирался туманъ и мало по малу окутывалъ цѣпь горъ, вверху которой я стоялъ; въ полчаса мнѣ уже не стало видно ничего

Курильщикъ опіума.

вокругъ себя: компаса у меня не было, и мнѣ приходилось отыскивать дорогу только по двумъ признакамъ: по углу, образуемому вѣтромъ, и по неопредѣленнымъ слѣдамъ, оставленнымъ стадомъ барановъ г. Эллiота, которое часто водили въ гору.

Представьте себѣ слѣпую муху, которая должна ползти по спинѣ верблюда отъ самой головы до кончика хвоста, не сбившись съ дороги: таково было мое положенiе при спускѣ съ Bocky gill, котораго безконечные и острые хребты торчали какъ огромные зубцы пилы. Пока они не раздѣлялись, я не могъ заблудиться; но вскорѣ послѣ того какъ я прошелъ мимо столба, оставленнаго тутъ нарочно для заблудившихся путешественниковъ, хребетъ горы раздѣлился на три части; я прилегъ къ землѣ, чтобъ разсмотрѣть слѣды барановъ: они показались мнѣ направо и я пошелъ въ эту сторону, продолжая сходить по крутымъ утесамъ, гдѣ одного неосторожнаго шага довольно было, чтобъ полетѣть стремглавъ въ бездонную пропасть, скрытую туманомъ. Дождь шелъ проливной и, очутившись въ какой то темной ямѣ, я принужденъ былъ остановиться, спотыкаясь на скользкой землѣ, окруженной болотами и деревьями. Напившись воды въ протекавшемъ тутъ же потокѣ, я снова мужественно поднялся вверхъ по почти перпендикулярному откосу до того мѣста, гдѣ находилось роковое развѣтвленiе дороги. Всѣ члены мои были окровавлены; я дрожалъ отъ волненiя и усталости; дождь промочилъ меня до костей и, умирая отъ жажды, я началъ жадно сосать мокрые листья деревьевъ, въ которыхъ свистѣлъ и завывалъ вѣтеръ.

Тутъ я попробовалъ пойти по средней дорогѣ, чувствуя что если опять ошибусь, то уже не въ состоянiи буду воротиться къ третьей тропинкѣ. На этотъ разъ сомнѣнiя мои продолжались недолго; пройдя нѣсколько сажень, я попалъ въ средину высокой и густой растительности, пропитанной дождемъ какъ губка и скрывающей собою расщелины утесовъ, въ которыя я безпрестанно падалъ, едва не сламывая руки и ноги. Теперь я былъ безпомощенъ и безсиленъ, и еслибъ мой лучшiй другъ лежалъ умирающiй въ десяти шагахъ отъ меня—я бы не могъ тронуться съ мѣста. Между тѣмъ ночь, быстро наступающая въ горахъ, спустилась совершенно; туманъ, опускавшiйся сверху на несчастнаго, поверженнаго въ ущелье, сдѣлался темно-синимъ; потомъ все вокругъ погрузилось въ непроглядную тьму, и я остался одинъ, безъ луча свѣта, въ этомъ страшномъ одиночествѣ.

Я ничего не ѣлъ съ шести часовъ утра и провелъ полсутокъ въ

ходьбѣ; но внутренняя тревога заглушала голодъ и я думалъ въ эту минуту только о томъ, чтобъ укрыться отъ поливавшаго меня дождя. Заслышавъ подъ деревьями какое-то журчаніе, я растянулся по землѣ какъ крокодилъ и проползъ черезъ траву, репейникъ и одно растеніе, называемое *Spear-grass*, потому что оно рѣжетъ какъ ножъ, до берега маленькаго ручья, гдѣ и расположился провести ночь. Понятно какъ я долженъ былъ благословлять Провидѣніе за то, что въ Новой-Зеландіи не было ни хищныхъ звѣрей, ни змѣй, которые были бы такъ опасны во всякой другой странѣ. Однако я вздрогнулъ отъ волненія и страха, когда при первомъ глоткѣ выпитомъ мною изъ ручья, возлѣ меня раздалось страшное хрюканіе и нѣсколько кабановъ убѣжали прочь, съ трескомъ ломая вѣтви.

Когда дѣло идетъ о сохраненіи жизни, поневолѣ является присутствіе духа; я спокойно началъ искать спичекъ, чтобъ зажечь огонь, что было очень зструднительно въ такую погоду, во первыхъ тѣмъ, что деревья и сучья были совершенно мокрые, а во вторыхъ—тѣмъ, что я рисковалъ, заснувши, зажечь все вокругъ меня. Я расчистилъ ножомъ маленькую просѣку вокругъ себя и, наломавъ сучьевъ посуше, свалилъ ихъ въ кучу посрединѣ. Вскорѣ затрещалъ огонь; сырой, красный дымъ повалилъ изъ моего импровизированнаго очага и исчезъ въ туманѣ; тогда я, наполовину утѣшенный, началъ повертываться передъ огнемъ чтобъ обсушиться. Черезъ минуту изъ меня повалилъ такой паръ, что меня можно бы было принять за послѣдняго изъ Могиканъ, видя какъ я переворачивался съ боку на бокъ и подставлялъ къ самому огню мое лице, окровавленное сучьями; во всякомъ случаѣ меня сочли бы сумашедшимъ и думали бы, что я подвергаюсь вѣрному ревматизму, но такой поступокъ, который въ Европѣ можетъ убить человѣка, становится совершенно безвреднымъ въ странахъ, гдѣ воздухъ такъ чистъ и благотворенъ. Вполовину обсохши, я подложилъ себѣ подъ голову вѣтвей и растянулся въ грязи, расположившись такъ, чтобъ вѣтеръ относилъ пламя въ мою сторону; долго пролежалъ я въ размышленіи, вздрагивая по временамъ отъ холоду — если не отъ отчаянія, до тѣхъ поръ пока дождь опять смочилъ меня совершенно и потушилъ мой бѣдный огонь. Такъ провелъ я всю ночь, съ разбитыми плечами, но съ надеждой въ душѣ, потому что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ я, наутро не нашелъ дороги и не пришелъ бы къ завтраку на вторую ферму г. Элліота.

Надежда есть лучшая привиллегія, лучшее достояніе человѣка!

При первомъ признакѣ зари я уже вскочилъ съ моего сыраго ложа, хотя погода все еще была ужасная и на окрестности лежалъ туманъ. Я наскоро выпилъ нѣсколько глотковъ изъ ручья, журчавшаго всю ночь подъ моимъ ухомъ, и, энергически раздвигая руками массу переплетшихся растеній, въ третій разъ взобрался до развѣтвленія горнаго хребта и, не смотря на то, что я двадцать четыре часа ничего не ѣлъ, это было для меня дѣломъ получаса. Тутъ, при первыхъ лучахъ солнца, облака разорвались, расплылись клочками по небу и скоро совсѣмъ исчезли; въ неизмѣримой глубинѣ подо мною я увидáлъ, въ видѣ серебряной ленты, тотъ потокъ, о которомъ мнѣ говорили; слѣды барановъ опять показались на третьей дорогѣ, которую я еще не пробовалъ и я пустился бѣгомъ по утесамъ внизъ, распѣвая при яркихъ лучахъ солнца аріи изъ Нормы и Сонамбулы, потому что увѣренъ былъ въ своемъ спасеніи.

Къ десяти часамъ утра я дошелъ до подошвы *Rocky gill*, гдѣ разстилался потокъ, который я долженъ былъ перейти въ бродъ и потомъ опять подняться *вверхъ* по его теченію, какъ я понялъ изъ словъ Андерсена. Снявши чулки и башмаки я довольно легко, совершилъ переправу, и сталъ подниматься, на другомъ берегу на такіе крутые пики, что невольно мнѣ въ душу запало сомнѣніе, точно ли возможно, чтобъ такая дорога вела къ какому нибудь человѣческому жилью. Вѣроятно читателямъ покажется странно, что я не взялъ съ собой провожатаго; но на это я отвѣчу, что здѣсь не Альпы и не Пиренеи; народу здѣсь мало и онъ слишкомъ, занятъ, чтобъ заниматься провожаніемъ путешественниковъ.

Около полудня я пришелъ къ соединенію двухъ ущелій, гдѣ, разумѣется, не нашелъ никакого признака увѣдомленія, по какой нужно идти дорогѣ, и пошелъ наудачу прямо, съ предчувствіемъ, что ни одна изъ этихъ дорогъ не приведетъ меня къ цѣли. На самомъ дѣлѣ мысль опять заблудиться въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятельствахъ, приводила меня въ такое отчаяніе, что я считалъ почти грѣхомъ противъ Бога питать подозрѣніе, что онъ готовитъ мнѣ еще этотъ ударъ.

Такимъ образомъ я дошелъ до источника потока, который протекалъ между такими высокими и крутыми берегами, что мнѣ невозможно было долѣе идти по берегу и пришлось взбираться на такое мѣсто, гдѣ бы можно было идти, съ помощью палки, не подвергаясь неминуемому риску свалиться въ бездну. Вся природа, казалось, была въ заговорѣ противъ меня: не видно было больше признака живот-

ной жизни; меня окружали сожженные солнцемъ кустарники, которыхъ вѣтки, протянутыя горизонтально какъ желѣзные прутья, скоро превратили одежду мою въ лохмотья, а кожу въ живую рану; я видѣлъ, что положительно заблудился въ страшной пустынѣ, у неизвѣстнаго никому источника; наконецъ—солнце уже садилось, а я еще ничего не ѣлъ другія сутки... Безполезно было идти дальше или искать дороги; оставалось только собрать все свое мужество, предаться на волю Провидѣнію и, по христіански, приготовиться къ смерти. Я такъ и сдѣлалъ; послѣ того я началъ пронзительно кричать и всѣ окрестныя эхо наперерывъ повторяли мои крики, какъ будто въ восторгѣ отъ того, что слышатъ въ первый разъ голосъ человѣка. Я уже рѣшился-было возвратиться опять по той же дорогѣ, по которой пришелъ, когда увидѣлъ неподалеку отъ себя барана, также заблудившагося. Я тотчасъ же схватилъ камень и, съ яростью, бросилъ въ него, но онъ убѣжалъ и я былъ не въ состояніи его преслѣдовать, потому что ноги подо мной подгибались.

Было пять часовъ вечера, и облака снова стали собираться; чтобъ не потерять изъ виду, по крайней мѣрѣ, источникъ, я слѣзъ опять внизъ, вошелъ въ воду и подвигался впередъ, пока могъ выносить холодъ; но силы мои слабѣли съ каждой минутой, я нѣсколько разъ падалъ и снова, на этихъ дикихъ берегахъ, покрытыхъ непроходимыми лѣсами, начались тѣ же терзанія, что и утромъ, до тѣхъ поръ, пока ночь со всѣми своими ужасами не окутала меня своею мглою.

Въ эту минуту мнѣ представилось, что я послѣдній человѣкъ на землѣ, которому не остается больше въ мірѣ ничего, кромѣ надежды, когда всѣ знавшіе его перестали уже о немъ думать.

Далеко, не доходя до подошвы Bocky gill, я расположился въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ раскинулась мягкимъ ковромъ зеленая лужайка, прислонившаяся къ холму, поросшему деревьями. Эти деревья почти сгнили отъ дряхлости; можно было надѣяться развести изъ нихъ хорошій огонь, и я еще чувствовалъ себя способнымъ жить и дѣйствовать по крайней мѣрѣ еще сутки; наконецъ моя участь вполнѣ зависѣла отъ погоды, потому что если на другой день будетъ туманъ, то я ни за что на свѣтѣ не найду дороги къ Bocky gill, чтобъ воротиться оттуда на ферму Андерсона, и мнѣ предстояла въ этой мрачной долинѣ мучительная смерть, о которой никто бы не узналъ, такъ какъ меня нигдѣ не ожидали.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить мои чувства въ эту страшную ночь моей жизни, и я думаю, что свѣтило, названное однимъ изъ нашихъ

поэтовъ «меланхолическимъ свѣтиломъ», никогда еще не проливало свои лучи на человѣка болѣе несчастнаго чѣмъ я.

Возлѣ меня не было ни человѣка, ни животнвго; я былъ одинъ... одинъ съ природой, которую такъ часто называютъ незаслуженнымъ именемъ подруги человѣка и утѣшительницей въ горестяхъ! Въ этомъ случаѣ можетъ утѣшить только религія и, пожалуй, еще. философія, потому что при пособіи ея я открылъ до какой степени природа нѣма и безполезна въ практической жизни, когда надо не мечтать, а дѣйствовать, быть не поэтомъ, а человѣкомъ.

Въ эту минуту я былъ тѣмъ человѣкомъ природы, о которомъ мечтали Жанъ-Жакъ Руссо и Шатобріанъ; и что же она значила для меня? Я о ней даже и не думалъ, а думалъ о моихъ ближнихъ, покинувшихъ меня, и о Томъ, Кто создалъ ихъ одинъ для другаго. Въ этомъ страшномъ кризисѣ, вѣра въ религію любви и милосердія доставляла мнѣ величайшее утѣшеніе; мнѣ казалось, что ангелы невидимо осѣняютъ своими крылами несчастнаго, виновнаго только въ сумасбродствѣ и неосторожности. Отъ вигвамовъ Америки до снѣговъ Туркестана, отъ Кремля до Патагоніи — я прошелъ невредимо, не потерявъ ни одного волоса съ головы моей; Тотъ, Кто былъ тогда моимъ путеводителемъ, не оставитъ меня и теперь, не допуститъ, чтобъ я въ послѣдній разъ заснулъ на этой землѣ, тогда какъ на другомъ ея полушаріи отецъ мой и мать начинаютъ день молитвой за меня; невозможно, чтобъ солнце могло въ одно и тоже время заходить надъ умирающимъ сыномъ и восходить надъ молящимися за него родителями! Поэтому я не предавался отчаянію, но размышлялъ о всей моей жизни и спокойно приготовлялся къ концу, лежа на сыромъ зеленомъ коврѣ, въ которомъ сострадательная природа не хотѣла отказать мнѣ.

Однако я долженъ признаться, что меня терзала тоска; содроганіе ужаса пробѣгало по моимъ членамъ при мысли о смерти въ этомъ ущельѣ, гдѣ некому будетъ даже собрать моихъ костей! Погибель моя была неизбѣжна, если завтра будетъ туманъ, или если небо не пошлетъ мнѣ чего нибудь въ пищу.

Я лежалъ въ нѣмомъ созерцаніи облаковъ, заволакивающихъ луну, и, въ то же время, прислушивался ко всякому шуму, могущему изобличить присутствіе животнаго. Наконецъ, въ кустарникѣ, посреди утесовъ, я увидѣлъ что-то живое, бѣгущее мимо, и тотчасъ же, вооружившись камнемъ, притаился подъ деревомъ, чтобъ поразить врага, лишь только онъ опять покажется. Къ несчастью, волненіе мое

было слишкомъ велико, а силы слишкомъ слабы; и когда ко мнѣ приблизилось таинственное существо, оказавшееся дикой курицей, то я никакъ не могъ попасть въ него ни однимъ ударомъ. Опять всякій звукъ прекратился, кромѣ однообразнаго шума потока, и я опять легъ на землю въ грязи, возлѣ ярко пылающаго огня изъ древесныхъ сучьевъ. Вѣроятно я, при свѣтѣ его, былъ похожъ на какое нибудь адское божество этихъ мѣстъ! Увы! я былъ дѣйствительно такъ несчастенъ, какъ только можно быть въ аду! Хотя тѣло мое было совершенно изнурено голодомъ, но аппетитъ во мнѣ погасъ и душевныя мученія заглушили тѣлесныя, потому что при такомъ положеніи невозможно не упасть духомъ. Видъ горъ былъ мраченъ и безнадеженъ; свѣтъ луны какъ-то блѣдно и мертвенно освѣщалъ голые утесы въ тѣ минуты, когда нѣсколько раздвигалась тяжелая завѣса дождевыхъ облаковъ; преспектива трагической смерти стояла неотступно передо мною; однимъ словомъ, никакая нравственная сила не могла устоять противъ этой пытки! Тѣни смерти уже носились надо мною, хотя тѣло мое, закаленное въ испытаніяхъ всякаго рода, было еще крѣпко и бодро; теперь я, съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на величественное зрѣлище природы, которое въ другое время привело бы меня въ восторгъ. Однако теперь, когда я уже не страдаю, а только разсказываю о прошлыхъ страданіяхъ, я съ восхищеніемъ вспоминаю ночи Новой Зеландіи и великолѣпіе ея неба, на которомъ горѣло, неизвѣстное въ нашемъ полушаріи, созвѣздіе, изображавшее эмблему надежды *)

Моя вторая ночь была спокойнѣе первой, вѣроятно благодаря усталости, вслѣдствіе которой я крѣпко заснулъ, не смотря на холодъ и дождь. Я просыпался раза три или четыре, когда потухалъ огонь и, такимъ образомъ, ночь не показалась мнѣ долгою. Лишь только я открылъ глаза при первыхъ лучахъ солнца, какъ затрепеталъ отъ счастья: я былъ спасенъ! Каждая гора отчетливо рисовалась на ясномъ фонѣ неба: всякая опасность миновалась, кромѣ той, что силы измѣнятъ мнѣ прежде, чѣмъ я перейду Воску gill и достигну фермы Андерсона. Мнѣ надо было ободрять себя и, въ особенности, противиться опасной дремотѣ и лѣни, овладѣвавшей мною. Тутъ я замѣтилъ, съ сокрушеніемъ, что потерялъ ножикъ, съ помощью котораго хотѣлъ было открыть ящикъ съ сардинками, сберегаемый мною для послѣдней крайности. Я пробовалъ разбить его камнями,

*) Южный крестъ.

но они только просверливали въ немъ дырочки, изъ которыхъ выступало такое противное смѣшеніе масла, рыбы и грязи, что я скорѣе рѣшился бы умереть съ голоду, чѣмъ питаться имъ. Одна только сардинка была проглочена мною, но, очутившись въ моемъ желудкѣ какъ рыба безъ воды, она тутъ же извергнулась вонъ.

И такъ я началъ восходить на Bocky gill съ южной стороны, работая руками и ногами и взглядывая на часы, чтобъ черезъ каждыя пять минутъ садиться отдыхать. Погода была превосходная; по мѣрѣ того какъ ущелья, полныя для меня такихъ мрачныхъ воспоминаній, оставались внизу, гордыя вершины Кайкорасскихъ горъ, казалось, выпрямлялись и съ насмѣшкою глядѣли на отважнаго безумца, задумавшаго взойти на нихъ. На лѣво величественно стояла Патріаршая Гора, извѣстная въ кровавой исторіи маорисовъ, и я почти уже касался ея плоской вершины: все вокругъ меня было грандіозно, строго и ярко освѣщено солнцемъ; наконецъ, взглянувши назадъ, на пройденную мною дорогу, я увидѣлъ небольшой столбъ дыма надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я провелъ ночь: этотъ дымъ показался мнѣ чѣмъ-то живымъ посреди мертвой природы, старымъ знакомцемъ, другомъ! Никто послѣ меня не зажжетъ уже этотъ огонь, и если путнику придется проходить мимо, то онъ только подумаетъ съ недоумѣніемъ, чьи руки могли зажечь его?

Въ три часа по полудни я добрался до каменистой вершины Rocky gill, но вмѣстѣ съ тѣмъ силы мои почти истощились, голова кружилась, ноги дрожали. Какъ ни близко было отъ меня спасеніе, но оставалась еще очень сомнительнымъ, удастся ли мнѣ достигнуть пристани. При такомъ истощеніи силъ, человѣкомъ овладѣваетъ всегда разслабленіе и усыпленіе, и если поддаться въ это время сну, то болѣе не проснешься.... Тутъ уже надо полагаться только на одну энергію, потому что силъ нѣтъ больше. Не могу описать читателямъ всѣхъ подробностей моего нисхожденія съ горы, потому что для меня это было скорѣе сонъ, нежели дѣйствительность: я шелъ впередъ совершенно машинально, какъ будто повинуясь безсознательно данному импульсу.

Помню только, что, достигнувъ подошвы горы, я былъ весь въ поту и чувствовалъ такую палящую жажду, что, не смотря на всѣ совѣты благоразумія, вошелъ до половины тѣла въ ледяной потокъ, протекавшій въ нѣсколькихъ шагахъ. Теперь меня отдѣляли отъ фермы Андерсона только нѣсколько миль, которыя надо было проходить прекрасными лугами. Можетъ быть я и заслуживалъ упрека

за мой необдуманный походъ, но навѣрное никто, встрѣтивъ меня здѣсь, не имѣлъ бы духу обратиться ко мнѣ съ укоризной. Глаза мои закрывались, голова падала на грудь, изъ которой вырывалось хрипѣніе; лицо было покрыто кровью и грязью, одежда въ клочкахъ, тѣло поцарапано: кто бы рѣшился бросить въ меня первый камень? Я самъ даже не слишкомъ строго судилъ себя, а только философски разсуждалъ: на чемъ же держится самое крѣпкое здоровье человѣка, если три дня поста могутъ сломить его до такой степени? Можетъ быть въ этомъ случаѣ именно сильныя и молодыя натуры погибаютъ скорѣе, потому что если пламя жизни горитъ въ нихъ ярче, за то оно перегораетъ и потухаетъ быстрѣе.

Настала наконецъ минута, глаза мои завидѣли издали благословенную кровлю пастуха Андерсона и дѣтей его, игравшихъ на порогѣ. Я не могъ произнести ни слова при видѣ человѣческихъ знакомыхъ лицъ, и, дотащившись до дома, упалъ на стулъ какъ безжизненное тѣло.

ГЛАВА XXIII.

Твердость характера англичанъ. — Возвращеніе изъ Нельсона черезъ Вайросскую долину. — Сто двадцать миль пѣшкомъ. — Коокское ущелье. — Буря. — Велингтонъ и посѣщеніе маорисовъ. — Разлука съ католическими миссіонерами и съ Новой Зеландіей. — Нѣсколько словъ о маорисахъ. — Людоѣды.

Страданія облагораживаютъ и совершенствуютъ: это каждый испыталъ самъ, объ этомъ много говорили и много писали! Принужденный въ первый разъ лежать неподвижно, задержанный неожиданной катастрофой, и какъ бы опрокинутый бурей, я также узналъ всю прелесть и все благотворное дѣйствіе уединенныхъ размышленій. И въ ту минуту, когда, казалось, книга природы должна была навсегда закрыться для меня, я почувствовалъ, какъ въ глубинѣ души моей шевельнулись самыя глубокія и святыя чувства.

Однажды въ воскресенье, вечеромъ, почти засыпая, я услышалъ, въ сосѣдней комнатѣ пѣніе, которое тронуло меня до глубины души: то пѣлъ псалмы дрожащимъ голосомъ старый пастухъ, и ему вторили всѣ его дѣти; такъ проводили праздникъ эти набожные люди. Безъ сомнѣнія, это духовное пѣніе на меня подѣйствовало бы всюду; но тамъ больному, въ пяти тысячахъ миляхъ отъ Европы, въ глубинѣ долины, которую я не иначе назвалъ бы какъ долиною *отчаянія*, оно показалось мнѣ ангельскимъ. Счастлива нація, сыновья которой переносятъ культъ свой даже въ самыя ненаселенныя части свѣта! *Постоянство* и *твердость* эти два качества болѣе всего принадлежатъ англійской націи: постоянство и твердость въ убѣжденіяхъ въ дружбѣ, въ учрежденіяхъ, въ войскѣ, въ кушаньѣ и даже въ обстановкѣ.... Все англійское постоянно; у остальныхъ болѣе или менѣе

измѣнчиво: англичанина при его постоянствѣ и твердости трудно вывести даже изъ заблужденій; если онъ по временамъ неподвиженъ и суровъ, какъ скала, то также онъ силенъ и твердъ.

Надо сознаться, что французъ, вдали отъ своей родины, очень быстро измѣняется, и легко подчиняется въ своихъ религіозныхъ и политическихъ идеяхъ туземнымъ обычаямъ; русскій теряетъ свою физіономію и свой языкъ, онъ все принимаетъ и ко всему примѣняется; испанецъ становится неузнаваемымъ; нѣмецъ дѣлается жестокимъ;... непоколебимыми и твердыми остаются только одни англичане.

Я былъ глубоко тронутъ какъ набожностью этой патріархальной семьи, такъ и всевозможными заботами, которыми они меня окружили.

Въ продолженіе двухъ-трехъ дней мой желудокъ не могъ ничего переваривать, и ночью со мною дѣлались такія судороги, что я вставалъ и своимъ крикомъ будилъ весь домъ: все это сносилось безропотно; мнѣ приносили чаю съ улыбкою на губахъ; днемъ всячески старались унимать дѣтей отъ малѣйшихъ шалостей.

По выздоровленіи я отправился въ путь пѣшкомъ и, дѣлая небольшія экскурсіи каждый день, черезъ мѣсяцъ, дойдя до Нельсона, достигъ цѣли своего путешествія.

Я нашелъ маленькій городъ Нельсонъ въ большомъ волненіи, чтобы не сказать въ траурѣ, по причинѣ все болѣе и болѣе увеличивающихся размѣровъ войны: почти все населеніе вооружалось на общественную защиту, сотни женщинъ и дѣтей, возвратившіяся съ поля битвы, наполняли дома, которые имъ охотно уступали; а журналы, въ свою очередь, упрекали въ равнодушіи королевскія войска. Если въ Англіи говорятъ только о томъ, въ чемъ вполнѣ увѣрены, то въ колоніи далеко не такъ: тутъ, напротивъ, каждый знаетъ все и желаетъ играть роль. Я удивляюсь даже, какъ эта маленькая колонія *Таранаки* не могла быть взята однимъ приступомъ: это показываетъ прямо, что здѣсь всякій исполняетъ свой долгъ; между тѣмъ пресса съ одной стороны, протестантскіе миссіонеры, съ другой—непрестанно порицали дѣйствія этой маленькой геройской арміи, что легко могло ослабить ея геройскій духъ. Претензіи самыхъ невѣжественныхъ людей и особенно писателей этихъ отдаленныхъ колоній, гдѣ кажется забываютъ, что талантъ не дается по вдохновенію, весьма непріятны. Тутъ каждый воображаетъ себя хорошемъ полководцемъ или государственнымъ дѣятелемъ и, какъ кажется, здѣсь часто стыдятся своей профессіи. Многіе портные называютъ себя не иначе, какъ

ulofilter, а докторамъ не слишкомъ нравится названіе *medical practitioner*. Я уже ранѣе имѣлъ случай упомянуть о высокомѣрности и напыщенностии здѣшнихъ государственныхъ людей и журналистовъ; здѣсь же говорю только для того, чтобы указать на то единодушное негодованіе, какое выразили они при неудачномъ началѣ войны.

Руководясь тѣмъ мнѣніемъ, что журналы, гдѣ бы это ни было, всегда въ состояніи дать нѣкоторое понятіе объ ихъ читателяхъ, я приведу здѣсь слѣдующія выдержки.

Вотъ реклама веллингтонскаго (ново-зеландскаго) парикмахера:

«Профессоръ Раулей!

«Изъѣздившіе весь земной шаръ, отъ одного полюса до другаго, не найдутъ (въ этомъ я не мало не сомнѣваюсь) ничего лучшаго исполненія этого неподражаемаго профессора, утверждающаго, что онъ по совѣсти, nec plus ultra своей профессіи. Получивъ посылку изъ *Бей-Рума,* онъ весь къ услугамъ своихъ посѣтителей, желающихъ имѣть лучшій цвѣтъ и пр. и пр.

«Профессоръ Раулей».

Вотъ другая изъ журнала деревушки Бивертаунъ:

«Приглашаю всякаго желающаго изъ женатыхъ въ округъ въ десяти миляхъ отъ Бивертауна для того, чтобы собрать тамъ сто камней, на разстояніи метра одинъ отъ другаго (т. е. пространство отъ перваго одинъ метръ, а до крайняго сто одинъ) и унести каждый камень въ корзинѣ для того приготовленной.) Пари въ двѣсти пятьдесятъ франковъ)».

Сдѣланная мною выдержка, повидимому, совершенно не идущая къ дѣлу, показываетъ тѣмъ не менѣе, чѣмъ могутъ заниматься люди, искренно убѣжденные, что безъ нихъ не можетъ крѣпко держаться государственный строй, между тѣмъ онъ вполнѣ держится и безъ ихъ поддержки. Администраціи, можетъ быть, покажется смѣшнымъ наше мнѣніе, но вся ея сила заключается въ общемъ довѣріи колонистовъ, неоднократно доказавшихъ свое всегдашнее единодушное стремленіе къ общей цѣли во времена всеобщихъ бѣдствій. Вотъ въ чемъ заключается тайная причина благосостоянія всѣхъ англійскихъ колоній: каждый желаетъ здѣсь играть роль и имѣть на себѣ отвѣтственность, и никто не парализируетъ дѣйствіе своего сосѣда.

Оставивъ теперь большой островъ, переплывемъ Куковъ про-

ливъ, чтобы взглянуть на островъ, не столь живописный, но безспорно составляющій собою центръ колоніи, гдѣ процвѣтаетъ городъ Веллингтонъ.

Въ Веллингтонѣ, гдѣ я не узналъ ничего новаго о ходѣ войны, только и было разговору, что объ эксцентричной выходкѣ нѣкоего американца: онъ одинъ, съ пистолетомъ, отправился въ Ангсенуэ, въ лагерь маорисовъ, клянясь всѣми нелегкими, что заставить ихъ себя почувствовать. Это называется «идти въ огонь». Къ моему крайнему несчастію, въ Веллингтонѣ попалъ я въ гостиницу втораго разряда (собственно говоря, третьяго, ибо лучшія изъ нихъ принадлежатъ ко второму), гдѣ пьянство было всеобщее: ему предавались даже люди, почтенные во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Признаюсь, я нигдѣ не видывалъ такого пьянства, и маорисы, по моему, должны имѣть слишкомъ много природной стойкости или сила воли, чтобы не слѣдовать дурному примѣру тѣхъ, которые во всемъ должны быть ихъ руководителями. Къ этому-же я долженъ прибавить, что эти послѣдніе не отличаются безукоризненною честностію, такъ, напр., въ Нельсонѣ я былъ обманутъ дважды на дню: въ первый разъ хозяиномъ гостиницы, который, пользуясь моимъ поспѣшнымъ отъѣздомъ, взялъ съ меня, вмѣсто 30, сто; затѣмъ книгопродавцемъ, продавшимъ мнѣ старые нумера Лондонской Иллюстраціи за новые. Здѣсь никто не можетъ поручиться за безопасность своихъ вещей, какъ-то: трубокъ, тростей и даже пивныхъ кружекъ, со стороны своего сосѣда.

Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ столь удобныхъ естественныхъ гаваней, какъ въ Веллингтонѣ, и вообще въ Новой Зеландіи—море, глубоко вдаваясь въ высокія горы, образуетъ бассейны, которые можно принять за озера.

Въ разстояніи восьми миль отъ города расположена деревня *Хутъ*. Это поселеніе ранѣе другихъ возникло на этомъ берегу. Тамъ же находится *пахъ* или деревня маорисовъ.

Не смотря на здѣшній апрѣль, соотвѣтствующій нашему октябрю, погода стояла чудесная, такъ что однажды я рѣшился предпринять прогулку по дорогѣ, пролегавшей вдоль берега. Здѣсь я наткнулся на толпу изъ ста человѣкъ женщинъ и мужчинъ. Большинство изъ нихъ имѣло головной нарядъ изъ львиныхъ гривъ и бычачьихъ шкуръ. Не смотря на предубѣжденіе относительно вѣрности этихъ дикарей, я рѣшился подойти къ нимъ одинъ и притомъ не имѣя при себѣ никакого оружія: дотого располагали меня къ себѣ ихъ

открытыя лица. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимнаго смущенія, я встрѣтилъ здѣсь самый братскій пріемъ. Болѣе всего заинтересовала ихъ моя толстая палка, вывезенная мною изъ Китая; при имени «бамбукъ» каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ и разсматривалъ ее съ видомъ знатока. Затѣмъ ко мнѣ приблизился ихъ начальникъ. Онъ былъ весь татуированъ, и съ плечъ его спускалось одѣяло. Онъ освѣдомился у меня на счетъ окончанія войны съ Россіей. Послѣ моего утвердительнаго отвѣта водворилось полнѣйшее молчаніе; мужчины усѣлись въ кружокъ. Ихъ чудовищной величины плечи и жилистыя руки, которыя они при этомъ показали, такъ вотъ и говорили: «совѣтуемъ беречься! мы можемъ тебя истолочь, сжарить и даже съѣсть»; но дикари были далеки отъ этого намѣренія, ибо, вынувъ свои старыя карты, пригласили меня принять участіе въ вистѣ, и, мало этого, появился горячій обѣдъ, состоявшій изъ только-что пойманной рыбы и картофеля. Все это было подано на деревянныхъ блюдахъ; прислуживали женщины. Начальники, живописно откинувъ назадъ свои покрывала, попросили меня еще разъ составить имъ компанію; нѣкоторые изъ нихъ перекрестились, произнося послѣобѣденную молитву. Если-бъ я не боялся возбудить неосторожнымъ словомъ ихъ на время заснувшіе кровавые инстинкты, то, поблагодаривъ за вкусный обѣдъ, сказалъ-бы: «развѣ это не вкуснѣе человѣческаго мяса?»

Я имѣлъ намѣреніе, пробравшись чрезъ сѣверной островъ, пройти оттуда сушей въ здѣшную столицу Ауклэндъ, съ цѣлью осмотрѣть тамъ горячіе источники, считающіеся соперниками исландскихъ гейзеровъ, и безчисленные вулканы. Всякій, а особенно путешественникъ, желаетъ все видѣть, все узнать; въ этомъ отношеніи онъ не предпологаетъ ровно никакихъ препятствій, хотя и встрѣчаетъ ихъ на каждомъ шагу въ продолженіе всѣхъ своихъ странствованій. На этотъ разъ препятствіемъ явилась война, возгорѣвшаяся въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Веллингтона. Благоразуміе требовало теперь здѣсь отъ каждаго бѣлаго всего болѣе заботиться о своей собственной безопасности. Меня здѣсь ничто не задерживало, и при рѣшеніи вернуться въ Нельсонъ мое сердце забилось при мысли, что волей неволей я все-таки долженъ буду приближаться къ Европѣ.

5-го мы вошли въ Нельсонъ, гдѣ мнѣ предстояло избрать цѣль дальнѣйшаго моего путешествія. Но прежде я скажу нѣсколько словъ о характерѣ маорисовъ, невполнѣ еще мною обрисованномъ. Я уже имѣлъ случай упомянуть объ ихъ природной храбрости и чест-

ности; но этого мало: они весьма воспріимчивы къ цивилизаціи и отнюдь не склонны къ застою. Три четверти націи, еще такъ недавно считавшейся за ужасныхъ кровопійцъ, въ настоящее время добрые христіане. По словамъ капитана Паслея, принимавшаго столь завидное участіе въ послѣдней войнѣ, они отличаются необыкновенною набожностію: такъ они не предпринимаютъ ничего важнаго безъ предварительной молитвы, и одна изъ ихъ *пахъ* была взята безъ всякаго сопротивленія единственно потому, что дѣло было въ воскресенье, когда всѣ жители находились въ церкви и потому не разсчитывали на возможность нападенія въ это время со стороны непріятелей, такихъ же христіанъ, какъ и они сами.

Помимо этого качества, которое едва ли вполнѣ можно признать за дикарями, столь склонными къ принятію однѣхъ только внѣшнихъ сторонъ европейской цивилизаціи, маорисы отличаются честностію; между ними никогда не встрѣчается убійствъ; за ними не водится сквернаго порока пьянства; всѣ они необыкновенно признательны, такъ что за малѣйшую услугу готовы отдать вамъ чуть-ли не все, что имѣютъ; къ тому же они невѣроломны, качество, вообще не присущее дикарямъ, не исключая даже и тѣхъ, которые были столь объидеализированы Шатобріаномъ и Куперомъ.

Живя среди роскошной природы, они отличаются поэтическою натурой, которая ясно сказывается въ складѣ ихъ рѣчи. Коренное измѣненіе произошло не только въ ихъ нравственной жизни, но и во всемъ томъ, что относится къ матеріальной ея сторонѣ. Такъ что въ то время, какъ индѣецъ Америки, какъ какой нибудь кротъ, боится вылезти изъ своего вигвама, въ то время какъ упрямый монголъ предпочитаетъ задыхаться въ своей дымной юртѣ, и еще хуже—негръ остается вовсе незащищеннымъ отъ знойныхъ лучей солнца, ново-зеландецъ, о которомъ распускали столько ужасовъ, спѣшитъ перемѣнить на болѣе лучшее свое дурное и мрачное жилище. Въ настоящее время всѣ маорисы носятъ покрывала и строятъ себѣ жилища; мало того, между ними встрѣчаются, и весьма нерѣдко, истые денди и снобсы. Есть и такіе франты, которые щеголяютъ въ сапогахъ цѣною въ 125 франковъ. Въ галстукахъ, со шпорами и съ сигарой въ губахъ, отбиваютъ они городскія панели, ничуть не хуже европейцевъ. Я думаю, что модный журналъ нашелъ-бы много подписчиковъ въ этой странѣ, гдѣ не вполнѣ еще вывелось людоѣдство. Индусъ сытъ тѣмъ, чего едва хватаетъ для цыпленка; маорисы перестаютъ питаться папортниковыми корнями, и изъ нихъ многіе

Общественный садъ въ Кантонѣ.

любители ростбифа. Но самое важное то, что маорисъ — человѣкъ вполнѣ почтенный. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Кинги, глава возстанія, человѣкъ невполнѣ надежныхъ убѣжденій, препроводилъ заблудившуюся близъ его лагеря англійскую лошадь съ грумомъ, снабженнымъ, вмѣсто бѣлаго знамени, кускомъ бѣлой матереи, который онъ навязалъ на хлыстикъ.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что всѣ эти перемѣны свершились въ весьма короткое время, и что не далѣе какъ полстолѣтія тому назадъ Новая Зеландія была классическою страною людоѣдства; такъ что не удивительно послѣ этого слышать эти ужасныя слова, вырывающіяся у маориса, въ минуту его сильнаго раздраженія: «я съѣмъ твою голову, я поѣмъ твоихъ родителей». Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, съѣдались не только плѣнные, но и рабы, въ наказаніе за самую малую провинность. Прекрасная молодая дѣвушка была убита за то только, что отлучилась на два дня изъ дома своихъ родителей. Обезглавивъ тѣло и вынувъ внутренности, положили какъ то, такъ и другое въ корзину; затѣмъ разрѣзали на куски самое тѣло. Все это дѣлалось съ страшнымъ звѣрствомъ и цинизмомъ. Голова ея была брошена, вмѣсто игрушки, дѣтямъ, и тѣ бросали ее, какъ мячъ, катали, втыкали въ нее щепки и, наконецъ, выкололи глаза. Остатки ея были положены въ корзину и снесены на рѣку, гдѣ ихъ вымыли. Затопили печь, нарвали зелени, и чрезъ полчаса кушанье было уже готово, и за него тотчасъ же принялись *). Я не берусъ далѣе распространяться о нравахъ страны, въ которой провелъ я столь мало времени. Наружность жителей указываетъ на ихъ умѣренный образъ жизни, и маорисъ такъ любитъ свою жену, что безпрекословно повинуется закону, обязывающему его по смерти ея передавать приданое ея отцу. Разсказъ, о томъ, что маорисъ, обязанный, послѣ крещенія, имѣть всего одну жену, съѣлъ другую, — чистѣйшая сказка, выдуманная для забавы дѣтей. Къ сказанному мною о маорисахъ, я прибавлю еще, что они отличные игроки въ шашки. Формы не стѣсняютъ маориса, и говорятъ даже, что, не смотря на его склонность къ признательности, въ его языкѣ не существуетъ слово «благодарю». Но въ его фамильярности нѣтъ ничего такого, чтобы отталкивало васъ отъ него, ибо она не доходитъ до грубости. Войдя въ магазинъ, онъ внимательно осматриваетъ все, до всего дотрогивается, рветъ кольца зубами, и это все не для того,

*) Polak's New-Zealand, vol II.

чтобы что нибудь купить, а такъ, изъ простаго любопытства. И будьте спокойны, онъ ничего не украдетъ, а выйдетъ себѣ съ чѣмъ пришелъ, и пойдетъ по берегу моря, беззаботно распѣвая гимны.

И такъ, какъ видите, современные новозеландцы не дикари съ запекшеюся на губахъ кровью, съ животными инстинктами и дикими лицами, какими ихъ до сихъ поръ представляли.

Въ европейскомъ костюмѣ ихъ трудно различить отъ нашихъ матросовъ: тѣ же широкія плечи, тотъ же смуглый цвѣтъ лица. Если справедливо то, что люди находятся подъ вліяніемъ климата своей страны, будь то холодный, жаркій, морской, то туземцы поставлены въ этомъ отношеніи въ самыя благопріятныя условія. Здѣсь съ одной стороны необыкновенно прозрачный воздухъ, вѣчно зеленѣющіе лѣса, почти вѣчное лѣто, съ другой — веселый и открытый характеръ жителей. Словомъ, ни одна англійская колонія не обѣщаетъ въ будущемъ ничего лучшаго. Они богаты естественными произведеніями: углемъ, металлами, на что указываютъ Кукъ и его спутники; отъ пчелъ своихъ собирается съ улья въ 4 года до тысячи килограммовъ меду. Не буду также распространяться о красотѣ пастбищъ и барановъ. Здѣшняя шерсть стала извѣстна повсюду. Среднимъ числомъ здѣсь съ каждаго барана получается до четырехъ фунтовъ шерсти въ годъ; ежегодное же приращеніе стадъ колеблется между 80 и 100 процентами.

Становясь снова на почву туриста, я повторяю, что природа здѣсь повсюду величественна; въ воздухѣ свѣжесть необыкновенная, даже и вѣчные снѣга не наводятъ здѣсь никакого унынія. Словомъ, тяжелое чувство грусти является здѣсь только при мысли о томъ громадномъ разстояніи, которое отдѣляетъ васъ отъ Европы.

ГЛАВА XXIV.

Возвращеніе въ Сидней. — Ботаническій садъ. — Пресса. — Прощаніе съ Сиднеемъ.

5-го мая 1860 года, въ 10 часовъ вечера, разстался я навсегда съ этою прекрасною страною. Налѣво оставлялъ я за собою снѣжные вулканы Таранаки съ ея подножіями, еще такъ недавно колеблимыми землетрясеніемъ, и еще теперь вторично подверженными новымъ сотрясеніямъ, на этотъ разъ, ужъ политическимъ. Землетрясенія здѣсь не рѣдки; одно изъ такихъ произвело повышеніе почвы на цѣлыхъ три фута.

Начиная съ самой Новой-Зеландіи мы шли подъ парами, при сильномъ юго-восточномъ вѣтрѣ, и я имѣлъ при этомъ случай какъ нельзя лучше убѣдиться въ неудобствѣ этого рода судовъ, вслѣдствіе той боковой качки, которая мучила всѣхъ пассажировъ. Каюта казалась мрачной и пустынной, лампы и барометры, качаясь, бились о потолокъ; то и дѣло, былъ слышанъ звонъ отъ разбившихся стакановъ. Садясь, нужно было принимать всѣ предосторожности, какія предпринимаетъ взлѣзающій на верблюда. Съ юга представлялась еще болѣе мрачная картина: дождь, смѣшанный съ градомъ, ударялъ прямо въ лицо чуть-ли не съ силой артиллерійскаго заряда; сквозь брызги отъ волнъ ничего не было возможно различить въ разстояніи десяти шаговъ. Освѣщаемое на минуту лучемъ солнца, море представлялось двигающимися водяными массами, которыя, образуясь, терялись одна за другой и затѣмъ появлялись снова: бросаясь одна на другую съ яростію извергающагося вулкана, волны сталкивались между собою, послѣ чего наступала тишина, какая слѣдуетъ за погибелью обоихъ противниковъ, тишина, которую фило-

софъ сравнилъ бы съ спокойствіемъ растерзаннаго сердца, въ то время, какъ на него сыплются со всѣхъ сторонъ удары. При такихъ-то неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ началось мое путешествіе въ Европу.

Ново-зеландскіе пароходы обязаны доходить до Сиднея ровно въ шесть дней, чтобы дать возможность пассажирамъ пересѣсть на пароходы компаніи Peninsular and Oriental, ежемѣсячно отправляющіеся въ Суэцъ, но отчасти опаздываютъ какъ по причинѣ сильныхъ вѣтровъ, дующихъ въ этихъ моряхъ, такъ и по причинѣ своего медленнаго хода. Эти нѣсколько часовъ и были причиной того, что я увидѣлъ Европу только спустя 18 мѣсяцевъ, успѣвъ измѣнить въ это время свое намѣреніе.

14-го числа судно наше вошло въ Сиднейскій рейдъ.

На первомъ мѣстѣ у только что сошедшаго на берегъ путешественника стоятъ прежде всего удобства, и только, спустя нѣкоторое время, ихъ смѣняетъ дешевизна, что легко соединяется въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Вотъ почему прежде всего поселился я здѣсь въ Королевской гостиницѣ.

Подвергался я болѣе всего неудобству въ томъ отношеніи, что, живя въ странѣ, гдѣ почти совершенно не существуетъ соціальныхъ различій и гдѣ степень уваженія опредѣляется количествомъ денегъ, я не пользовался должнымъ уваженіемъ. И это въ Мельбурнѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ Сиднеѣ. Путешествуя, слѣдуетъ помнить о необходимости забыть то положеніе, какое занималъ въ своемъ отечествѣ, и о томъ уваженіи, какимъ, вслѣдствіе того, пользовался, и во всемъ примѣняться къ туземнымъ обычаямъ: нужно повышать или понижать нормальный уровень своего самоуваженія и гордости, подобно барометру при измѣненіи высоты мѣста. Слѣдуйте этому совѣту, пріобрѣтенному опытностію: если вамъ не по вкусу эти всеуравнивающіе обычаи, то помните, что, можетъ быть, наши многоуважаемые обычаи уже отживаютъ свое время: во время путешествія какъ-то невольно приходитъ на мысль, что Европа съ своимъ механизмомъ, уже отжившимъ свой вѣкъ и потерявшимъ во многомъ всякій смыслъ, нуждается въ коренныхъ перемѣнахъ. Не смотря на полнѣйшее уединеніе, я не скучалъ въ Сиднеѣ. Каждый день отправлялся я въ ботаническій садъ подышать морскимъ воздухомъ, полюбоваться растеніями со всего свѣта, и послушать музыки, безъ которой англичане, хотя народъ далеко не музыкальный, не могутъ обойтись, и поглядѣть на наряды столичныхъ франтовъ. Меня всегда смѣшилъ

тамошній капельмейстеръ, воображавшій себя композиторомъ и вслѣдствіе того оставлявшій на закуску (очень похвальная скромность!) пьесу своего собственнаго сочиненія, торопясь при этомъ, какъ можно скорѣе исполнить всѣ остальныя, чтобы дать возможность усладить своею. Я никогда не могъ скрыть того чувства, которое производила на меня эта мелодія, раздающаяся въ Лондонѣ, Сиднеѣ, въ землѣ Готентотовъ, до самаго Квебека, погружавшая меня въ продолжительную задумчивость.

Что касается до костюмовъ, то всѣ они были приличны и изысканы, за исключеніемъ богатыхъ золотопромышленниковъ, щеголявшихъ своими бархатными жакетами, косматыми бородами безъ бакенбардовъ и усовъ, золотыми пуговицами и прическами на манеръ краснокожихъ.

Изъ растеній болѣе всего заинтересовала меня сосна, привезенная съ острова Норфолька, отстоящаго отсюда на нѣсколько миль. Островъ этотъ сталъ извѣстенъ по слѣдующему происшествію. Однажды возмутившійся экипажъ былъ на островѣ, по сосѣдству съ другимъ, обитаемымъ дикарями; многіе изъ матросовъ женились на негритянкахъ. Переселенные потомъ на Норфолькъ, вмѣсто тамошнихъ дикарей, они, не смотря на неблагопріятное родство съ варварами, сдѣлались примѣрными христіанами и вообще вполнѣ цивилизованными людьми.

Очень многимъ обязанъ я американцу Рикордсу, открывшему мнѣ входъ въ Exchange Rooms, гдѣ къ моимъ услугамъ были журналы, собранные со всего свѣта. Недовольствуясь однимъ этимъ, я подписался также въ библіотекѣ школы искусствъ и ремеслъ, гдѣ увидѣлъ, къ крайнему моему удовольствію, что 8 % всѣхъ читавшихъ составляли рабочіе. Сиднейскіе журналы, отличающіеся талантливостью писателей, имѣютъ впрочемъ и слабую сторону, которая заключается въ тѣхъ крайне невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, какія они сообщаютъ объ европейской политикѣ. Изъ этихъ газетъ я узналъ нѣчто и объ жителяхъ этой мѣстности: между ними развито въ вышей степени пьянство, которое такимъ образомъ парализируютъ ихъ добрыя качества. Мужъ напивается до полусмерти еще въ субботу, жена немногимъ терпѣливѣе его: она дожидается воскресенья.

Нетерпѣливо ожидаемыя европейскія телеграммы и новости печатаются обыкновенно гдѣ нибудь въ уголкѣ, и все мѣсто занимается объявленіями, въ которыхъ оповѣщается съ великою важностію, равносильною той, съ какою бы говорилось о паденіи цѣлаго

государства, событія подобныя слѣдующему: кулачный бой, долженствующій быть тогда-то, окончен успѣшно! бой людей обратившихся на время въ бульдоговъ. Битва какихъ-нибудь «Heenan и Sayers» одинаково взволнуетъ каждаго Австралійца, какъ и извѣстія объ уничтоженіи или отмѣнѣ «Королевской хартіи» Не желая нисколько обидѣть, и вполнѣ сознавая свое собственное безсиліе, я тѣмъ не менѣе никакъ не могу удержаться отъ того, чтобы не привести цѣлаго ряда изысканныхъ и торжественныхъ словъ, встрѣчаемыхъ въ Австраліи и въ объявленіяхъ, въ журналахъ, и въ театральныхъ афишахъ! *Stylish, smart, exquisite, unrivalled, unique*, superb (это о панталонахъ и жилетахъ): rectitude, verity, eternal; затѣмъ латинскія слова, bona fide, Senex albus, котораго надо было бы замѣнить Senex stultus; афиши Traviata, или la Dame de Camile! Все это вызываетъ смѣхъ, но вотъ и другое, что вызоветъ слезы: умершіе, напр., отъ пьянства супруги; ежедневныя извѣстія объ убійствахъ и самоубійствахъ, заявленія въ родѣ слѣдующихъ: «Не отвѣчаю за долги моей супруги», или—«Не обязуюсь уплачивать долги моей жены, похитившей мои вещи и покинувшей меня, больнаго»; наконецъ различные анонимные доносы, и т. п.

Въ городѣ свирѣпствуетъ гриппъ; откройте журналы, и вы найдете въ нихъ средства къ излеченію: одинъ ученый полагаетъ, что все зло происходитъ отъ задуванія свѣчей развивающихъ «acrolline», и потому совѣтуетъ запасаться гасильниками. Другой увѣряетъ что гриппъ появился отъ излишка селенгибрической кислоты, увеличившагося вслѣдствіе наводненій; далѣе этого онъ однако не идетъ, и не рѣшается предлагать средства, которыя бы задерживали оныя. Приведеннаго мною совершенно достаточно, чтобы видѣть, судя по журналамъ и разсказамъ въ гостиницахъ, до какой степени австралійцы легковѣрны.

Къ дѣламъ же религіи они высказываютъ большую ревность. Безчисленныя сиднейскія церкви по воскресеньямъ полны народомъ: лавки заперты, театры закрыты! и католикъ, войдя въ роскошный храмъ св. Маріи, будетъ вполнѣ удовлетворенъ тою пышностію, съ какою тамъ совершается богослуженіе.

Совѣтую только не идти слишкомъ рано до начала службы, если не желаете наткнуться на какого нибудь дерзкаго ирландца, какъ это было со мною, не стѣсняющагося даже близостью храма. Въ толпѣ, наполнявшей дворъ, особенно выдавался маленькій старичекъ, типъ педанта; онъ въ негодованіи топалъ ногами, ругался и нако-

нецъ, желая излить свой гнѣвъ, подошелъ ко мнѣ, человѣку ему совершенно незнакомому, съ замѣчаніемъ, высказаннымъ такимъ тономъ, какъ будто дѣло шло о какомъ нибудь постановленіи Тридцати, о томъ что слѣдовало хотя бы одну дверь оставлять незапертою. На его слова, высказанныя съ такимъ знаніемъ дѣла, я ничего не отвѣтилъ и опустилъ долу глаза.

Въ Сиднеѣ лучше всего—это климатъ. Во все продолженіе мая, соотвѣтствующаго нашему ноябрю, въ моемъ журналѣ нѣтъ иныхъ помѣтокъ, какъ: «погода прелестна, день лѣтній, и т. п» Температура во все это время не спускалась ниже 20 гр. въ тѣни, небо было безоблачно и дулъ теплый береговой вѣтеръ. Я продолжалъ купанье, погружаясь ежедневно въ глубокія и прозрачныя воды залива. Ванны и рядомъ ресторанъ были устроены на старомъ суднѣ, а мѣсто для купанья было огорожено плетнемъ въ защиту отъ акулъ.

24-го мая, рожденіе королевы, день чтимый каждымъ англичаниномъ, отпразднованъ былъ очень весело. Затѣмъ открылись скачки, продолжавшіяся три послѣдніе дня этого мѣсяца. Кромѣ австралійскихъ лошадей, извѣстныхъ своею силою, привезены были лошади изъ внутренней части Индіи; ихъ находили однако мало статными и плохо выдресированными.

Путешественнику на одномъ мѣстѣ долго жить невыносимо; я начиналъ это чувствовать; до отъѣзда же у меня оставалось цѣлыя двѣ недѣли, и я рѣшилъ употребить это время на изслѣдованіе Синихъ-горъ. Но за тѣмъ, по окончаніи этой экскурсіи, остававшіеся мнѣ дни я пріятно провелъ въ чтеніи путешествій и посѣщеніи итальянскаго театра, въ которомъ исполнялись довольно сносно лучшія произведенія Верди, въ особенности *«Травіата»*, хотя въ печати это подымало цѣлую бурю на сколько поучительныхъ, настолько же и забавныхъ споровъ. Ратовать такимъ образомъ во имя нравственности слѣдовало бы не о томъ, что представляется на сиднейскихъ театрахъ, а скорѣе о томъ, что замѣтно для всякаго на порогѣ и у очага, но что никѣмъ не затрогивается; ибо вы получили бы весьма жалкое и, мнѣ хочется вѣрить, весьма ложное представленіе о нравственности этого города, если судить по скандаламъ, совершающимся на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Кто счастливо добрался до дверей австралійскихъ театровъ, тотъ можетъ безнаказанно смотрѣть и слушать тамъ все.

Но неслишкомъ ли дурно отозвался я объ этой прекрасной и цвѣтущей колоніи? Если это и такъ, то уже одного благосостоянія

ея достаточно, чтобы опровергнуть меня, и если я недостаточно рѣзко выставилъ ея хорошую сторону, то это по той невольной винѣ, что я не имѣлъ возможности вглядѣться въ нее ближе. За то я и не представлю никакого сужденія, чтобы, такимъ образомъ, утверждая только наблюденія, оставаться подъ защитою отъ всякой критики. Я не буду скрывать, что я былъ огорченъ, когда приблизился часъ моего отъѣзда, и я въ послѣдній разъ пошелъ посидѣть на скамейкѣ среди лужковъ ботаническаго сада, на концѣ мшистаго мыса, выходящаго на рейдъ.

Между тѣмъ хотя съ грустью, но я желалъ, чтобы пробилъ наконецъ для меня часъ возврата, какъ для блуднаго сына, и я проговорилъ, оглядываясь вокругъ: «О, мои милыя Пиренеи! Я еще больше люблю ваши вѣковне лѣса и благоговѣйные колокола вашихъ деревень, благочестивой гармоніи которыхъ я не слышу больше! Воспоминаніи о васъ настолько же драгоцѣнно, насколько оно неизгладимо, и я не знаю сколько слезъ долженъ пролить я, когда ни одинъ голосъ не говоритъ мнѣ больше про васъ, когда цѣлый міръ между мною и вами!»

Въ этотъ моментъ отъ бока огромнаго клипера, стоявшаго на якорѣ метрахъ въ пятистахъ отъ берега, отдѣлилась шлюпка съ двумя юнгами. Въ нее сошла съ берега со слезами молодая женщина, обнявши сотню разъ повидимому свою мать: она оборачивалась нѣсколько разъ во время переправы, затѣмъ вошла на палубу и исчезла одна въ глубинѣ корабля.

Такъ же грустно, какъ и она, отправился я снова въ Сидней и вошелъ въ гостиницу, чтобы пообѣдать одному, безъ друзей. Вотъ испытанія кочующей жизни, болѣе жестокія, чѣмъ всевозможное тѣлесное утомленіе; чтобы привыкнуть къ такимъ испытаніямъ, нужно быть человѣкомъ безъ сердца.

Я обѣщалъ очеркъ дикихъ туземцевъ Австраліи; но такъ какъ мы должны встрѣтиться съ ними въ западной Австраліи, гдѣ я провелъ нѣсколько часовъ, то я буду говорить объ нихъ послѣ.

ГЛАВА XXV.

Отъѣздъ изъ Сиднея. — Роскошь компаніи Peninsular and Oriental. — Мельбурнъ. — Западная Австралія. — Дикари: ихъ оружіе, ихъ пляски. — Людоѣдство. — Мнѣніе о нихъ различныхъ авторовъ. — Западная Австралія наполнена таинственностью.—Прибытіе на Цейлонъ.

14 іюня 1860 я оставилъ сиднейскую *гостиницу Татерсаль*, въ кабріолетѣ, у которой кучеромъ была не то гіена, не то гарпія. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ привезъ меня на набережную, съ которой я долженъ былъ сѣсть на корабль—переѣздъ никакъ не больше одной мили—и когда я ему вручилъ за это тридцать шесть су, онъ дошелъ до крайней степени ярости, продолжавшейся не менѣе часу. Гнусное племя вездѣ эти извощики! Такъ думалъ я, и такъ прокричалъ я въ самую бороду недовольнаго, который, ободряемый вскорѣ толпою своихъ собратій и кумовей и обращеннымъ ко мнѣ ихъ тиканьемъ принялся даже оскорблять меня. Я можетъ быть бросилъ бы его въ воду, предоставивъ ему самому спасать себѣ жизнь, если бы не подошелъ какой-то чиновникъ, очевидно облеченный нѣкоторою властью, и не заставитъ его замолчать, приказавъ въ то-же самое время удовольствоваться тѣмъ, что ему дано.

Освобожденный отъ этой чумы, я сошелъ на маленькій пароходъ, который долженъ былъ отвезти меня на стоящее на якорѣ, въ болѣе открытомъ мѣстѣ моря чудовище, въ которомъ я долженъ былъ заключить себя на нѣсколько недѣль. Это былъ *Мальта*—величественный и красивый корабль, въ тысячу девятьсотъ тоннъ и въ пятьсотъ лошадиныхъ силъ, палуба котораго представляла площадь въ сто метровъ по прямой линіи Едва только я взобрался на него и едва только онъ началъ шипѣть, выбрасывая клубы пара, какъ мы

*

были окружены лодками и маленькими пароходами съ родственниками и друзьями пассажировъ. Можно было подумать, что готовилась гонка судовъ или какой нибудь праздникъ, если бы сотни платковъ не были омочены слезами. Когда пробило два часа и когда на кораблѣ остались только тѣ, кому нужно было ѣхать на немъ,—бухта, въ которой мы стояли на якорѣ, представляла дѣйствительно очаровательный видъ. Четверо красивыхъ европейскихъ матросовъ, весьма загорѣвшихъ, одѣтыхъ въ новое и неподвижныхъ, какъ будто съ нихъ хотѣли снимать фотографіи, стояли у румпеля и были готовы привести въ движеніе колесо, которое величиною было выше ихъ, а передъ ними стоялъ офицеръ въ формѣ, который казался предводителемъ оркестра. Надъ ними же вѣтеръ то свертывалъ, то развертывалъ во всѣхъ направленіяхъ колоссальный флагъ, символъ морскаго могущества; около пассажировъ и въ особенности пассажирокъ офицеры компаніи въ полной формѣ порхали съ блескомъ и легкостью бабочекъ. Раздался сигналъ, пароходъ дрогнулъ, какъ бы отъ землетрясенія, и пароходный винтъ завертѣлся. Движеніе и шумъ сдѣлались всеобщими. Нѣмецкій оркестръ началъ играть меланхолическую мелодію, а между тѣмъ двѣ пушки извергали раскаты грома одинъ за другимъ. Пестрыя толпы индусовъ, абиссинцевъ въ красныхъ шапкахъ и египтянъ принялись копошиться на снастяхъ, повинуясь рѣзкому звуку свистка, который господствовалъ надъ всѣмъ; крики ура неслись отъ окружавшей насъ флотиліи, а съ берега въ то же самое время печально махали платками. Мы шли, но движеніе было еще такъ плавно и такъ нечувствительно, что, казалось, земля бѣжала отъ насъ. Проходя мимо военнаго судна, мы опустили взаимно по три раза свои флаги, и затѣмъ всѣ, за исключеніемъ сипаевъ, составлявшихъ стражу на палубѣ, мы оставались какъ прикованные къ своему мѣсту и созерцали въ послѣдній разъ эту столь знаменитую бухту, ея виллы, скалы, парки и луга, до тѣхъ поръ, когда, вступили въ океанъ между двумя желѣзными руками, сдерживающими его ярость; мы кинулись въ область бурь и исчезли въ ней.

Небо, темное, сѣрое, не предвѣщало ничего добраго; а вѣтеръ, дувшій съ юго-запада, крѣпчалъ все больше и больше. Мы однако усѣлись за столъ, чтобы пообѣдать въ первый разъ (при чемъ каждый изъ насъ нашелъ свое имя на назначенномъ ему мѣстѣ), при довольно дурныхъ предзнаменованіяхъ, разсѣять которыя далеко не способствовалъ пронзительный крикъ, раздавшійся на палубѣ,—крикъ,

къ которому невозможно привыкнуть, какъ бы часто ни слышать его: *«человѣкъ въ морѣ»*! Въ одну минуту мы всѣ очутились на палубѣ' встрепенувшись, какъ будто корабль загорѣлся. Машина была въ минуту остановлена, но *стремительность* была такъ велика, что когда мы совершенно остановились, то несчастный былъ отъ насъ по крайней мѣрѣ въ тысячѣ метровъ.

Согласно съ наиболѣе просвѣщенными взглядами, я, кажется, имѣю основаніе сказать, что останавливать машину въ подобномъ случаѣ ошибка,—напротивъ, слѣдуетъ заставить корабль со всевозможною скоростью описывать по возможности наименьшій кругъ, около несчастнаго утопающаго, къ которому подойти такимъ образомъ можно гораздо скорѣе. Въ настоящемъ случаѣ, все время, требовавшееся на то, чтобы намъ остановиться, десять минутъ, ушедшія необходимо на спусканье на воду шлюбки, соотвѣтствующей такому громадному морю, двадцать минутъ, употребленныя на то, чтобы доѣхать съ большимъ рискомъ на помощь жертвы—все это время, т. е. около трехъ четвертей часа онъ долженъ былъ оставаться въ водѣ, да еще въ такое время года, когда и пяти минутъ было бы слишкомъ много. Это былъ житель, тропиковъ нубіецъ; когда его вытащили на бортъ—онъ былъ въ обморокѣ. Однакоже, на другой день онъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ когда либо. Разъ я увидѣлъ также, какъ человѣкъ упалъ въ Миссисипи, и по причинѣ огромнаго раздѣлившаго насъ разстоянія и невозможности измѣнить направленіе сейчасъ-же, онъ умеръ въ обморокѣ черезъ часъ.

Послѣ этого происшествія я обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство новаго міра, въ которомъ мнѣ предстояло прожить такъ долго. Прежде всего я долженъ сказать, и сказать во всеуслышаніе, что относительно роскоши и великолѣпія, я не знаю ничего подобнаго пароходамъ «полуостровной и восточной» компаніи. Если цѣны и непомѣрны, то удобство, чтобы о немъ ни говорили, мнѣ кажется, доведено до самой высшей степени развитія, какая только возможна на морѣ.

Каюта, которую я занималъ одинъ, хотя она устроена для троихъ, имѣла не менѣе двадцати пяти кубическихъ метровъ, и я могъ прогуливаться въ ней совершенно свободно. Для освѣщенія были не маленькія *окошечки* (hublots) величиною съ чайное блюдечко, а квадратныя окна, снабженныя ставнями, стекольными рамами и пр. и пр., а со стороны двери были жалюзи, открывающіяся когда вамъ угодно, посредствомъ пружины. Бѣлый мраморный умывальникъ, во-

ды и полотенецъ сколько угодно, диванъ, зеркало—все есть. Но что за непомѣрная роскошь, если перечислить все, что есть въ большомъ залѣ, гдѣ не проходитъ и трехъ часовъ безъ сарданапаловыхъ наслажденій! Бархатъ, золото, драгоцѣнное дерево, *пунки* для вентиляціи подъ тропиками, библіотека, всевозможныя игры и пр. и пр. Если мы обратимся къ штабу судна, то найдемъ офицеровъ на цѣлый полкъ, всегда изысканно, опрятныхъ и даже излишне элегантныхъ, что не очень пристало моряку, имѣющему въ своемъ распоряженіи такую пеструю милицію, которую одинъ жестъ ихъ заставляетъ летѣть отъ поверхности воды на верхушку мачты, или собираетъ по утрамъ каждое воскресенье на смотръ.

Даже слуги—большіе господа. Если вы обратитесь за чѣмъ нибудь не къ тому, которому вы принадлежите (ибо каждый изъ нихъ съ самаго начала завладѣваетъ извѣстнымъ числомъ пассажировъ), онъ вамъ почтительно отвѣтитъ, указывая на одного изъ своихъ сотрудниковъ: «Вамъ услужитъ этотъ *джентльменъ.*» Этотъ-то джентльментъ будитъ васъ каждое утро въ семь часовъ съ чашкою чаю въ одной и кофе—въ другой рукѣ; въ девять часовъ онъ безпокоится и суетится за вами на счетъ завтрака; въ полдень—насчетъ закуски; въ четыре часа онъ старается накормить васъ обѣдомъ, послѣ котораго ждешь ужина, бывающаго въ семь часовъ, не считая уже винъ, бисквитовъ и сыровъ, которые являются въ девять часовъ.

Другой классъ на кораблѣ—классъ музыкантовъ, которые, соединясь на палубѣ въ веселый кружокъ, каждую минуту плѣняютъ вашъ слухъ, разсѣявая по океану пѣсни, пріятнѣе соловьиныхъ, или посвящая бурямъ мрачныя мелодіи, какъ будто вдохновленныя самими бурями.

Пусть бы вѣтеръ дулъ какъ ему угодно, но если бы отъ этого не происходило качки, то на такомъ большомъ и прекрасномъ кораблѣ вы и неподозрѣвали бы, что вы плаваете, или что вы оставили свою гостинницу. Я прибавлю даже, что и скучать тутъ трудно, ибо вы окружены людьми всевозможныхъ характеровъ, всевозможнымъ вкусовъ, собравшихся изъ различныхъ мѣстъ, людьми, у которыхъ есть что поразсказать, и между которыми вы свободны выбирать себѣ друзей. Между офицерами всегда есть хирургъ, и хотя компанія не доставляетъ священниковъ, но такъ какъ между пассажирами почти всегда находится хоть одинъ священникъ, то никогда не бываетъ затрудненія устраивать по воскресеньямъ службу, если холодно—то въ залѣ, если жарко,—то на палубѣ и подъ шатромъ, при чемъ рели-

гіозное пѣніе любителей, имѣющихъ дѣйствительный или воображаемый ими голосъ, сопровождаетъ піано или гармоніумъ.

Жизнь на такихъ корабляхъ, говоря относительно, весьма пріятна, даже для тѣхъ, кто ѣдетъ на нихъ отъ Сиднея до Суэца, по пяти недѣль. и кто, не смотря на все это, не знаетъ, что онъ заплатилъ слишкомъ дорого. Дѣйствительно, вотъ обратная старона медали и главный недостатокъ этой компаніи: доставляя черезъ-чуръ много хорошаго, она ставитъ черезчуръ тяжелыя условія. Зачѣмъ давать даромъ, чуть не каждый часъ, самыя изысканныя европейскія вина и заливать ими глотки своихъ пассажировъ? Было бы гораздо лучше отмѣнить такое пированье, предоставивъ каждому свободу покупать себѣ вино, и спустить за то цѣны на половину.

Впрочемъ, конецъ, который я проѣзжалъ теперь, стоитъ дешевле всѣхъ, такъ какъ отъ Сиднея до Калькутты (тридцать дней въ морѣ) везли за тысячу пятьсотъ франковъ, т. е. среднимъ числомъ, по пятидесяти франковъ въ день; между тѣмъ въ индійскихъ моряхъ платятъ вдвое больше, а въ моряхъ китайскихъ до суммы баснословной *триста франковъ въ день!*

Другой горькій упрекъ, который я сдѣлаю этой компаніи, состоитъ въ томъ, что у ней нѣтъ или по крайней мѣрѣ она не хочетъ имѣть втораго класса. Что же происходитъ отъ этой громадности цѣнъ? Да то, что въ Китаѣ, и въ особенности въ Индіи, есть множество больныхъ и весьма больныхъ офицеровъ и семействъ, которымъ мидицина подъ страхомъ смерти предписываетъ возвратиться въ Европу и которые дѣйствительно умираютъ, потому что у нихъ нѣтъ ни времени, чтобы ѣхать на парусахъ на мысъ Доброй Надежды, ни необходимыхъ денегъ плыть черезъ Суэцъ.

На *Мальтѣ* были большіе говоруны, но во время переѣздовъ они опоражнивали свои головы также быстро, какъ и желудки, и черезъ два дня не говорили уже ничего. Такъ было по крайней мѣрѣ, и къ счастію для меня, съ однимъ пассажиромъ, обладающимъ впрочемъ знаніями, членомъ парламента Викторіи, который не переставалъ оскорблять Францію. Всякій французъ для него былъ типомъ невѣжества, въ доказательство чего онъ разсказалъ намъ, какъ онъ встрѣтилъ француза, который не зналъ «гдѣ Трапезонтъ». Разговоръ перемѣнился; я навелъ рѣчь на Россію и заговорилъ объ Астрахани. «гдѣ этотъ городъ?» — спросила меня таже самая особа въ совершенномъ смущеніи. Я отомстилъ, думалъ я, за честь народнаго просвѣщенія во Франціи, ибо если членъ австралійскаго парламента не-

знаетъ что такое Астрахань, то какому нибудь простоватому французу весьма позволительно незнать положенія не только Трапезонда, но даже самаго Лондона.

Было также, какъ и всегда, много такихъ пассажировъ, которые предавались безмолвному созерцанію всѣхъ другихъ, боясь обмолвиться хоть однимъ словечкомъ. Но такова природа человѣка, что на кораблѣ уживаются всѣ противоположности. Счастье для общества, что на морѣ, какъ и на сушѣ, бываетъ много людей, которые кажутся гордыми и сосредоточенными, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они просто глупы.

Плывя очень близко около скалистыхъ береговъ юго-восточной Австраліи, 16-го вечеромъ, послѣ пятидесяти шести часовъ, проведенныхъ въ морѣ, мы прибыли ко входу Портъ-Филиппъ — переѣздъ достоинъ замѣчанія, такъ какъ было сдѣлано по пяти сотъ *километровъ въ сутки*. Прежде чѣмъ войти въ бухту, мы бросили лагъ; онъ показывалъ болѣе тридцати узловъ, и въ этотъ короткій переѣздъ мы выиграли двадцать часовъ, т. е. около тридцати на сто, употребляемыхъ на *City of Sidney*, на кораблѣ впрочемъ первостепенномъ.

17-го утромъ, прибывъ въ Мельбурнъ, мы высадились послѣ неизбѣжнаго визита таможенныхъ чиновниковъ и доктора.

День 18-го іюня поднялся во всемъ блескѣ, послѣ сырой ночи, убравшей поля бѣлымъ инеемъ; слегка озябшій, я желалъ бы теперь бѣжать скорѣе къ тропикамъ. Такъ же какъ и въ Сиднеѣ, музыка подала сигналъ къ отправленію, когда мы набрали, въ тридцать шесть часовъ, нѣсколько сотенъ тоннъ угля. Уже раздался было крикъ *go ahead* (маршъ на верхъ), а конвульсивное сопѣніе показывало что машина уже принимается дѣйствовать, какъ вдругъ на бортъ вскочили два человѣка и, безъ всякаго стыда, передъ всѣми нами схватили за воротъ одного изъ нашихъ пассажировъ. Снабженные приказомъ объ арестѣ, они, именемъ королевы, хотѣли отвести его въ тюрьму за долги. Это былъ нѣмецкій купецъ, съ которымъ у меня завязались маленькія отношенія по дорогѣ изъ Сиднея и который возбудилъ во мнѣ такое сожалѣніе, что, забывая всѣ совѣты благоразумія, я сейчасъ же предложилъ ему тысячу двѣсти пятьдесятъ франковъ, которыми могъ располагать. Но неумолимые кредиторы хотѣли все или ничего, не смотря на выраженное къ нимъ наше презрѣніе; но когда капитанъ, везшій почту ея величества, энергически отказался остановить машину и заявилъ, что они потеряли всѣ свои права уже съ первымъ оборотомъ пароходнаго винта, они

Мельбурнъ.

остались какъ два шамана и принялись ревѣть и грозить. А между тѣмъ мы шли уже съ полною скоростью, такъ что спуститься въ свою лодку они могли только при отправкѣ лоцмана, за сорокъ миль отсюда. Тогда, пользуясь сильнымъ припадкомъ ихъ бѣшенства, нѣкоторые изъ насъ проворно увели жертву въ комнату механика, гдѣ онъ и оставался нѣсколько часовъ, пока мы остановились у Филиппъ-Геда для отсылки лоцмана. Оба наглеца, при сильномъ дождѣ, покрытые всеобщимъ свистомъ, должны были сойти съ пустыми руками въ лодку, въ которой имъ пришлось оставаться, вѣроятно, цѣлую ночь. Преслѣдуемый пассажиръ въ этотъ моментъ вышелъ изъ внутренней части корабля и явился на палубѣ торжествующій, такъ что если бы у насъ были букеты, то мы осыпали бы его ими. Я распространился объ этомъ случаѣ потому, что это случается очень часто въ Австраліи.

Въ десять часовъ вечера мы огибали мысъ Отвай, сдѣлавши сотню миль въ теченіе девяти часовъ.

19-го, когда показалась земля, начался сильный западный вѣтеръ, который утромъ сталъ поворачивать къ N.N.O, по мѣрѣ нашего приближенія къ острову Кэнгуру. Сцена ирландская, т. е. густая зелень, вѣтеръ, проливные дожди, по временамъ ясная погода. Въ часъ мы переправили, въ весьма открытомъ мѣстѣ, почту Аделаиды на маленькій пароходъ и, почти забывая, что мы останавливались, направились къ западу.

Вѣтеръ наконецъ стихъ, и мы приблизились къ землямъ возникающей колоніи Западной Австраліи, въ которыхъ нигдѣ нельзя было отличить ничего, кромѣ скалъ и гранитныхъ острововъ, береговъ, покрытыхъ пескомъ, бѣлымъ какъ снѣгъ, и горизонта, на которомъ волновались малорослые кустарники. Мы вошли въ бухту называемую Кингъ-Джорджсъ Соундъ (King Gorge's Sound) на берегу которой есть селеніе *Альбани*, окруженное дѣвственными пустынями. Налѣво возвышалась одинокая масса гранита, настоящаа каррикатура Луи-Филиппа, а направо маленькая гора, называемая «гора Гарднеръ». Какая разница съ оживленными рейдами Мельбурна и Сиднея, съ ихъ шумомъ, торговлей, памятниками! И гдѣ теперь великіе *Eucalyptus* съ ихъ бѣлыми попугаями? Правда ли, что мы на томъ же материкѣ? Въ этомъ нельзя было сомнѣваться, какъ только мы ступили на землю и были приняты этими бѣдными негритянками, которыхъ боятся называть женщинами; это были достойныя дѣти самыхъ безплодныхъ странъ міра. Худыя, черныя и лоснящіяся

съ напачканными красною охрой волосами, онѣ были приведены сюда необъяснимымъ кокетствомъ, и воображали, что онѣ одерживаютъ побѣду за побѣдой. Между ними была даже сгорбленная старуха, у которой въ знакъ траура были проведены мѣломъ линіи, одна на лбу, а другая на голой полосѣ, служившей проборомъ остатка волосъ; и она-то считала свои прелести неопредолимыми! Какъ послѣ этого выставлять въ примѣръ дикихъ и жизнь природы! Вотъ что производитъ эта жизнь, предоставленная самой себѣ. Говоря только о физической сторонѣ, ничто не можетъ быть противнѣе формы и чертъ всѣхъ этихъ несчастныхъ, въ пользу которыхъ говоритъ только блестящее выраженіе ихъ глазъ и прекрасные бѣлые зубы. Только у европейцевъ бываютъ зубы гадки.

Что касается мужчинъ, то они меня мирятъ нѣсколько съ своей расой: хотя они костлявы и ходятъ согнувши колѣни, но они сильны на видъ и имѣютъ весьма гордую осанку. Прямые какъ стрѣлы, съ весьма развитою грудью, черною и густою бородою, шелковистыми волосами и оживленнымъ взглядомъ, они были по справедливости прекрасные мужчины. Я узналъ послѣ, что ихъ умъ не компрометировалъ ихъ физіономіи, и что въ школахъ, гдѣ воспитывались ихъ дѣти, послѣднія обличали большія умственныя способности. Что всего болѣе интересовало насъ, это посмотрѣть ихъ въ дѣлѣ, которое удавалось имъ всего лучше, т. е. какъ они владѣютъ своими луками, копьями и страшнымъ *бумарангомъ*. Поэтому мы выбрали изъ нихъ пятерыхъ или шестерыхъ, которые должны были дать намъ сеансъ за нѣсколько шиллинговъ. Всадивъ въ землю монету такимъ образомъ, что она была видна почти вся, мы просили ихъ отойти отъ нея метровъ на сорокъ и выбить ударомъ копья. Но такое разстояніе они нашли очень большимъ и, уменьшивъ его до пятнадцати или двадцати метровъ, старались попасть въ цѣль, но почти всякій разъ безуспѣшно, при чемъ движенія ихъ были болѣе граціозны и сильны, нежели мѣтки. Силою они отличаются дѣйствительно, и мы остались убѣждены въ смертельномъ дѣйствіи ихъ оружія, хотя и деревяннаго, но управляемаго подобными людьми. Послѣ игръ копьями начались упражненія *бумарангомъ*, маленькимъ деревяннымъ, слегка изогнутымъ клинкомъ, который имѣетъ оригинальное свойство двигаться въ воздухѣ по кругу и, обратившись около своей оси съ изумительною быстротою, возвращается къ той точкѣ, отъ которой онъ былъ брошенъ. Это упражненіе удалось вполнѣ и очень заслуживаетъ, чтобы посмотрѣть на него. Дикарь смотритъ

сперва на небо, какъ будто угрожая ему, дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и затѣмъ пускаетъ своего ужастнаго вѣстника съ такою силою, которая, казалось, могла бы исковеркать его всего: деревянный инструментъ, свистя разсѣкающій воздухъ, поднимается по крайней мѣрѣ на двадцать метровъ, затѣмъ, какъ будто падаетъ на землю, но, начинаетъ подниматься снова, какъ оживленный предметъ, опять таки описывая кругъ около самого себя. Пролетавши такимъ образомъ около минуты, онъ возвращается, какъ ненашедшая ничего ловчая птица, и бьется какъ бы умирая у ногъ своего господина, если только тотъ не броситъ его снова съ необычайною силой, — и въ такомъ случаѣ онъ опять начинаетъ описывать такой же кругъ. Легко понять, что, владѣя такимъ оружіемъ съ ловкостью, можно убить, даже обезглавить своего непріятеля изъ-за какого нибудь предмета. изъ-за дерева, изъ-за дома. Что касается до того, чтобы вступать въ битву безъ другихъ оружій, кромѣ этихъ метательныхъ снарядовъ, которые, назначаясь для непріятеля, возвращались бы иногда къ самимъ бросающимъ ихъ и убивали бы ихъ, то я думаю, что битва въ такомъ случаѣ долго оставалась бы нерѣшительною — это значило бы вращаться въ безвыходномъ кругу. Это оружіе, дѣлающееся изъ дерева акаціи, называется дикарями *кале*. Они пользуются имъ часто для охоты на птицъ, которыя совершенно сбиваются съ толку, видя, что между ними летаетъ такой странный предметъ. Они, кажется, бросаютъ его даже ночью, зажигая одинъ изъ его концовъ.

За различными упражненіями послѣдовалъ *корробори*, или военный танецъ, который всегда заставляютъ туземцевъ исполнять на пути въ Кингъ-Джорждсъ-Соундъ, за сорокъ су на актера. На этотъ разъ ихъ было до дюжины человѣкъ, выстроившихся въ кругъ, съ бумарангами въ рукахъ, безъ всякой одежды, кромѣ кожи кенгуру, которая, казалось, была съ давняго времени наслѣдственною въ ихъ семействахъ. Танецъ состоялъ вотъ въ чемъ. Они начинали сперва топать, испуская хриплый крикъ каждый разъ, какъ ноги ихъ опускались на землю; затѣмъ они ускоряли движеніе, разгорячались, выказывали поддѣльный гнѣвъ и въ данный моментъ всѣ разомъ кидались къ центру круга, встрѣчаясь своими противными ртами, и съ удивительнымъ единогласіемъ испускали такой крикъ, который долженъ былъ разогнать всѣхъ дикихъ звѣрей на пять миль кругомъ. Затѣмъ они разражались смѣхомъ и спрашивали у насъ, на очень хорошемъ англійскомъ языкѣ, мнѣнія объ этомъ маневрѣ.

Это было днемъ; но если вы хотите знать, до какой степени чело-

вѣческое лицо можетъ сдѣлаться ужаснымъ, особенно у людей съ такими подвижными чертами, надо видѣть это *корробори* ночью, при свѣтѣ факеловъ.

Но какіе странные люди эти австралійскіе негры и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніи, въ моральномъ въ особенности; изъ какихъ разнородныхъ элементовъ они составлены. Такъ людоѣдство и братоубійство у нихъ явленія самыя обыденныя, а между тѣмъ молодыхъ людей убиваютъ часто за распутное поведеніе. Если вамъ угодно знать ихъ вполнѣ, то можно рекомендовать превосходное сочиненіе, я скажу даже, что кромѣ него и нѣтъ другихъ — это сочиненіе, озаглавленное *Mémoires historiques sur l'Australie* г-на Рюдезиндо Сальвадо, бенедиктинца, епископа Порта-Викторіи, переведенное на французскій аббатомъ Фальсиманемъ. По поводу людоѣдства, на стр. 197, я нахожу слѣдующія строки: «Я сказалъ, что въ случаѣ крайняго голода австралійцы питаются человѣческимъ мясомъ. Вотъ разсказъ, данный мнѣ моимъ вѣрнымъ Библіагоро: «Это было въ зимнее время, говорилъ онъ мнѣ, когда, послѣ обильнаго дождя, продолжавшагося шесть дней подрядъ, и по причинѣ крайняго холода, мы не находили для ѣды никакой дичи. Насъ было четыре семейства, доведенныхъ голодомъ до отчаянія. Въ такой печальной крайности, одинъ изъ нашего общества взялъ свой данакъ (кусокъ дерева, весьма отвердѣвшій отъ дѣйствія огня) и ударилъ имъ измѣнническимъ образомъ мою молодую сестру по головѣ, такъ что она упала на землю полумертвая. Ее сейчасъ же взяли и еще полуживую, не изрѣзавши на куски, положили на большой огонь, и прежде чѣмъ она успѣла изжариться вполнѣ, раздѣлили ея члены. Такъ какъ я былъ настолько же голоденъ, какъ и другіе, то и я получилъ часть. Но хотя кровь производившая во мнѣ отвращеніе и виднѣвшаяся на подбородкѣ и рукахъ, была кровь моей несчастной родной сестры, однако крайній голодъ, мучившій меня въ эту минуту, заставилъ меня забыть все. Правда, я былъ тогда слишкомъ молодъ, и мало понималъ, что я дѣлалъ; еслибъ это было теперь, она не была бы убита, потому что я смогъ бы постоять оружіемъ противъ того, кто покусился бы на ея жизнь. Но въ такомъ случаѣ несчастный жребій палъ бы на какую нибудь другую молодую дѣвушку, конечно самую полную и самую беззащитную, потому что голодъ былъ отчаянный и, во что бы то ни стало, ѣсть было надо». Какой ужасъ! какое безчеловѣчіе! Если бы даже наши труды и старанія не доставили этимъ несчастнымъ никакого другаго блага, кромѣ

уничтоженія этихъ столь варварскихъ обычаевъ, то мы считали бы себя достаточно вознагражденными и счастливыми. Но это не было единственнымъ результатомъ нашихъ заботъ.

«Когда мы проникли въ эти лѣса, въ февралѣ 1846, мы нашли тамъ лишь существа, которыя меньше походили на человѣка, чѣмъ на животное; это дикари, которые убиваютъ одинъ другаго, какъ вы увидите, для того, чтобы пожирать одинъ другаго, — которые *вырываютъ своихъ мертвецовъ,* даже черезъ три дня послѣ ихъ похоронъ, *затѣмъ, чтобы питаться ими* въ крайнихъ случаяхъ; мужья, убивающіе своихъ женъ ни за что; матери, предающія смерти своихъ третьихъ дочерей, потому только что число женщинъ велико *).»

Далѣе, стр. 275, мы читаемъ: «Ужасна судьба третьей дочери— погибнуть отъ руки родной матери, и основаніемъ къ этому — они считаютъ только то, что не слѣдуетъ допускать умножаться женщинамъ. Даже и вторая дочь предается смерти, если роды были трудны или если ребенокъ неугомоненъ.»

Наконецъ, на стр. 314, мы читаемъ еще: «я сказалъ, что австралійцы, въ случаяхъ крайняго голода ѣдятъ человѣческое мясо и, дѣйствительно, въ извѣстное время года, когда корни становятся очень рѣдки, а охота, по причинѣ дождливаго періода, становится очень трудна, они могутъ быть доведены до этой жестокой необходимости. Если они узнаютъ въ подобной крайности, что какой нибудь дикарь похороненъ недавно, то они скорѣе предполагаютъ *отрыть и съѣсть его,* нежели жертвовать молодымъ и невиннымъ человѣкомъ. Я представлялъ имъ, сколько ужаснаго заключается въ подобномъ дѣлѣ и что мясо вырытаго трупа для нихъ совершенно вредно. Они отвѣчали мнѣ, что трупъ, пролежавшій въ землѣ три дня и двѣ ночи, ѣсть еще можно, и что отъ его мяса не могло выйти ничего особеннаго, кромѣ поноса. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, это кушанье приготовляется на огнѣ, точно также какъ мясо кенгуру. Но если, при такихъ обстоятельствахъ, родные покойника узнаютъ что надъ его могилой совершено насиліе, и что его тѣло съѣдено, то они красятъ себѣ лобъ черной краской и начинаютъ войну и опустошеніе противъ оскорбителей могилы *).»

Австралійцы часто выбиваютъ себѣ зубы и увѣчатъ себя, какъ бы въ знакъ отреченія навсегда ѣсть и убивать кого либо, а между

*) Salvado стр. 195 и 196.

*) Salvado стр. 314.

тѣмъ, если кто нибудь изъ нихъ умираетъ не насильственною смертію, то они не могутъ увѣрить себя, чтобы это было возможно, но даютъ обѣтъ убить на мѣстѣ мнимаго убійцу ихъ друга, котораго они находятъ, смотря по тому, въ какую сторону упадетъ палка, поставленная моментально въ равновѣсіе или посредствомъ какого нибудь другаго подобнаго пріема.

Въ физическомъ отношеніи они представляютъ также замѣчательная особенности: прежде всего ихъ чрезвычайная изогнутость и выпуклость ихъ груди, ихъ сила и гибкость, хотя они ѣдятъ чрезвычайно мало и могутъ оставаться безъ пищи также долго, какъ верблюды. Ихъ подвижность не требуетъ другаго доказательства, кромѣ извѣстнаго всѣмъ: это ихъ способъ лазать на деревья, дѣлая ямки на корѣ для того, чтобы ставить въ нихъ большіе пальцы ногъ, всегда съ томагаукомъ въ рукѣ, которымъ они пролагаютъ себѣ дорогу, штука, которая затруднила бы самаго искуснаго акробата, хоть бы онъ переходилъ по канату Ніагару.

Даже въ физическомъ отношеніи они стоятъ, конечно, не такъ низко, какъ хотятъ насъ въ этомъ увѣрить — личной уголъ бѣлыхъ часто бываетъ острѣе ихъ личнаго угла, и по крайней мѣрѣ въ Западной Австраліи, волосы у нихъ далеко не походятъ на волосы негровъ, а напротивъ они бываютъ гладкіе и иногда совершенно русые. Г. Сальвадо, который провелъ между ними столько лѣтъ, увѣряетъ насъ, что кровь у нихъ въ высшей степени чистая, въ доказательство чего онъ приводитъ тотъ фактъ, что онъ встрѣтилъ всего четырехъ австралійцевъ слѣпыхъ и ни разу не встрѣчалъ глухихъ, нѣмыхъ, калѣкъ и безумныхъ. Они не знаютъ ни оспы, ни другихъ болѣзней, составляющихъ, на сколько позоръ, на столько же и бичь народовъ наиболѣе цивилизованныхъ. Они доживаютъ часто до преклонной старости, не имѣя даже и понятія о самоубійствѣ, несмотря на всѣ испытанія ихъ несчастнаго существованія. Они, дѣйствительно, проводятъ иногда, по нѣсколько дней безъ пищи, и что̀ они поглащаютъ послѣ такого говѣнія превосходитъ всякое вѣроятіе. По изслѣдованіямъ Грэя, кромѣ шести породъ кенгуру, они пожираютъ собакъ, черепахъ, змѣй, тюленей, множество рыбъ, всевозможныхъ птицъ, а также ихъ яйца и яйца ящерицъ, безчисленную массу растеній, и даже землю смѣшанную съ какими-то корнями. И вотъ послѣ вынужденнаго поста, на нихъ нападаетъ страшный кошмаръ, котораго они принимаютъ за злаго духа. Они вскакиваютъ ночью

чтобы прогнать его, зажигают головню и сильно машут ею вокруг головы съ тысячами заклинаній.

Таковы главнѣйшія физическія черты этой столь малоизвѣстной расы. Если мы обратимся къ ихъ нравственной сторонѣ, то найдемъ въ австралійцахъ свойства, которыя имъ сдѣлают весьма много чести. «Я знаю очень хорошо, говоритъ Стуртъ, что между ними бываютъ индивидуальные примѣры скотства, которые незаслуживаютъ снисхожденія даже въ дикой жизни; что у нихъ есть отвратительные обычаи; что они мстительны и преданы воровству. Но я скажу, что за то у нихъ есть качества, искупающія все это. Прежде всего мнѣ хочется думать, что тѣ гнусные поступки, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, были явленіями мѣстными; что же касается остальнаго, я не вижу, чтобы они были хуже другихъ варварскихъ племенъ. Вѣроломство и хитрость свойственны всѣмъ дикимъ. По моему еще вопросъ, не смотрятъ ли они на нихъ какъ на главныя добродѣтели; но, допуская даже у австралійскихъ туземцевъ самыя необузданныя страсти, можно было бы представить такіе примѣры ихъ уваженія къ правдѣ и честности, которые должны имѣть вѣсъ во всякомъ сужденіи, какое мы можемъ сдѣлать объ ихъ характерѣ. Ни одинъ европеецъ, даже самъ г. Эйръ, не видалъ столько первобытныхъ жителей австралійскаго материка, сколько я, и къ тому же при такихъ обстоятельствахъ, что борьба казалась неизбѣжною; но жаловаться на это не приходилось. Если люди эти угрожали моей экспедиціи; если копья ихъ сотнями поднимались противъ насъ, такъ это потому, что наше появленіе было для нихъ неожиданностью, и они дѣйствовали подъ вліяніемъ страха. Если бы я бросился на этихъ бѣдныхъ людей, я подвергся бы ихъ ударамъ, и я долженъ былъ бы поднять на нихъ руку; но, давъ имъ время придти въ себя отъ изумленія, дозволивъ имъ исполнить свои обычныя церемоніи, при мирныхъ демонстраціяхъ, мы избѣжали враждебныхъ столкновеній....

. . . .

. . . .

Они способны къ прочнымъ привязанностямъ, они снисходительные родители и конечно выражаютъ чувство любви относительно своей семьи, они неосмотрительны и великодушны, не заботятся о завтрашнемъ днѣ. Съ другой стороны, они мстительны, хитры и крайне жестоко обращаются съ своими женами, возлагая на нихъ тяжесть почти всѣхъ своихъ дѣлъ. Тотъ, у кого ихъ всего больше,

считается самымъ богатымъ, потому что самъ онъ можетъ сидѣть въ своей хижинѣ и ихъ посылать отыскивать себѣ пищу» *).

Посмотримъ, что говоритъ о нихъ Митчель, который такъ много изучалъ ихъ:

«Нѣтъ предмета относительно Австраліи менѣе понятаго въ Англіи, чѣмъ характеръ и свойства первобытныхъ туземцевъ. Ихъ изображаютъ какъ послѣднюю ступень человѣчества; однако тѣхъ, которые сопровождали меня, я нашелъ превосходившими въ проницательности и сужденіяхъ бѣлыхъ, составлявшихъ мою экспедицію.

«Мнѣ вовсе не пристало бы унижать характеръ туземцевъ, когда одинъ изъ субъектовъ именно этой несчастной расы былъ моимъ путеводителемъ, товарищемъ, совѣтникомъ и другомъ въ самыхъ критическихъ случаяхъ этого послѣдняго путешествія съ цѣлію изслѣдованія страны. Іурани былъ малъ и слабъ на видъ, но его мужество и рѣшительность были самыя положительныя. Его умъ и сужденія сдѣлали его столь необходимымъ для меня, что онъ всегда былъ со мною, и пѣшкомъ и верхомъ. Моя довѣрчивость къ нему ни разу не была обманута....

«Ничто не ускользало отъ его проницательнаго глаза и тонкаго слуха; его короткія, но краснорѣчивыя фразы были всегда умны, хотя произносились такъ называемымъ «дикаремъ»; а его любовь и доброта къ маленькому Дикки оказывались совершенно родительскими **)».

Возвратимся къ нашему святому епископу. По поводу способности австралійцевъ выучиваться всему, онъ говоритъ намъ: «Пытавшись растолковать нѣкоторымъ маленькимъ мальчикамъ первыя основанія религіи и грамоты, я нашелъ, что они выучиваются съ большою легкостью и быстротою. Одинъ изъ нихъ съ перваго же дня выучилъ въ десять минутъ сорокъ буквъ, раздѣлявшихся на большія и малыя и разнаго англійскаго шрифта: по восьми буквъ въ каждомъ изъ пяти алфавитовъ. Пусть, въ самомъ большомъ европейскомъ институтѣ сдѣлаютъ такой же опытъ съ пятью неизвѣстными алфавитами или пятью различными шрифтами, и вы увидите, можетъ ли ребенокъ девяти лѣтъ, какъ этотъ, въ десять минутъ удержать въ памяти сорокъ знаковъ, различать ихъ и повторить ихъ названія въ разбивку.

---

*) Sturt. т. II. стр. 275.

**) Mitchell's *Tropical Australia*, стр. 415.

«Другой, черезъ нѣсколько уроковъ, повторялъ наизусть слѣва направо и *наоборотъ* всѣ разряды сложныхъ чиселъ, отъ двухъ до девяти цифръ, увеличиваемыхъ послѣдовательно, но вовсе не въ прогрессивномъ порядкѣ; однако онъ дѣлалъ это съ такою быстротою, что его можно было принять за опытнаго счетчика.

«Третій почти тѣхъ же лѣтъ, какъ и первый, въ нѣсколько недѣль научился нѣсколькимъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ, хотя извѣстная у нихъ нумерація нейдетъ дальше трехъ.

«Я видѣлъ одного изъ нихъ, который въ пять минутъ наблюденія научился вязать чулки, видя только, какъ дѣлала это одна женщина, занимавшаяся этой работой.

«Другой, видя какъ одинъ капитанъ корабля опредѣлялъ меридіанъ секстантомъ, повторилъ тотъ же опытъ успѣшно. Тотъ же самый капитанъ увѣрялъ меня, что четверо молодыхъ людей, его учениковъ, въ три мѣсяца научились производить эту операцію; что одинъ австраліецъ, моложе десяти лѣтъ, понялъ дѣло съ точностью съ перваго разу. Его заставляли потомъ повторить это нѣсколько разъ въ присутствіи разныхъ лицъ, чтобы убѣдиться, что это не было дѣломъ случая *)».

Что у нихъ въ самомъ первобытномъ видѣ, такъ это ариѳметика, которая у нихъ пока нейдетъ дальше трехъ. Мы и не будемъ надѣяться теперь открыть австралійскаго Паскаля, за то можемъ утѣшить себя тѣмъ, что въ глубинѣ этихъ пустынь существуютъ трогательныя религіозныя вѣрованія и зачатки благочинія. «Австралійцы вѣрятъ, что душа безсмертна, и что послѣ смерти дикаря она переходитъ въ тѣло другаго или, что она, странствуя, поетъ грустнымъ тономъ и порхаетъ съ одного дерева на другое. Разъ ночью я видѣлъ, какъ одна австралійская женщина, у которой умеръ недавно сынъ, поднялась и пустилась бѣжать одна въ лѣса, потому что она услышала меланхолическое пѣніе какой-то ночной птицы, и вѣрила, нисколько не сомнѣваясь, что это была душа ея любимаго ребенка. Она звала его по имени, вела съ нимъ самыя нѣжныя рѣчи и, разражаясь слезами, звала его съ собою. Часто часа по два она употребляла на доказательства своей дѣйствительной материнской нѣжности, и такимъ образомъ уходила далѣе, чѣмъ за милю отъ своего жилья.

«Во второй части этого сочиненія я сказалъ, что дикіе, вѣря, что

*) Salvado, стр. 251 и 252.

можно увидѣть душу, которая перелетаетъ съ дерева на дерево, подходятъ къ нему одинъ за другимъ, чтобы встрѣтить, когда она спустится, такъ какъ они увѣрены, что если какимъ нибудь случаемъ душа послѣдуетъ ихъ зову, то она останется въ тѣлѣ перваго, если онъ одинъ, или послѣдняго, если ихъ нѣсколько, проходя для этого сквозь тѣла тѣхъ, кого она встрѣтитъ первыми. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, есть австралійцы, обладающіе двумя душами. Если дикарь убитъ ударомъ гиси, то они вѣрятъ, что душа покойника остается приколотою на концѣ оружія, поразившаго его, и что потому этотъ конецъ шеи нужно жечь послѣ погребенія трупа, чтобы душа его могла улетѣть. Они вѣрятъ, кромѣ того, что душа испытываетъ дѣйствіе ночнаго холода: вотъ почему неподалеку отъ могилы они зажигаютъ большой огонь, чтобы она могла грѣться, и этотъ огонь поддерживается весьма часто долѣе мѣсяца *)».

Не родится ли новой Куперъ или Шатобріанъ, чтобы воспѣть этихъ поэтическихъ дикихъ? Можетъ быть они были бы болѣе достойны этого, чѣмъ варварскія орды американскихъ лѣсовъ. Правда, сходя на берега западной Австраліи, васъ поражаютъ одни лишь самыя грубыя зрѣлища, — но тамъ есть европеецъ, который испортилъ все. «Дикарь, говоритъ еще Сальвадо, никогда не прощаетъ оскорбленія, нанесеннаго стыдливости принадлежащихъ ему женщинъ. За это оскорбленіе платятся дорого, всего чаще смертью. Первые европейцы, сдѣлавшіеся преступными въ такихъ злодѣяніяхъ, знали объ этомъ кое-что. Наши путешественники конечно не найдутъ столь строгихъ нравовъ вблизи европейскихъ поселеній, потому что доведенные до нищеты и порабощенные силою, бѣдные дикари принуждены переносить терпѣливо оскорбленіе изъ страха чего нибудь еще худшаго. Но совсѣмъ другое дѣло, — которые живутъ вдали отъ соприкосновенія съ европейцами, среди своихъ лѣсовъ. Въ три года моего пребыванія, я ни разу не замѣчалъ между ними въ нашихъ окрестностяхъ ни одного дѣйствія, сколько нибудь непристойнаго или безчестнаго, а напротивъ я находилъ нравы въ высшей степени похвальные. Кагда семья располагается спать, мальчики старше семи лѣтъ спятъ одни, вокругъ общаго огня, самые маленькіе съ отцомъ, дѣти у груди матери, а дѣвочки, какихъ бы онѣ лѣтъ ни были, спятъ съ матерью. Жены пользуются правомъ старшинства,—первая спитъ ближе къ мужу и т. д. **)».

*) Salvado, стр. 260.
**) Salvado, стр. 280.

Что касается меня, видѣвшаго Австралію въ качествѣ туриста, не бывшаго въ состояніи даже составить себѣ имѣніе объ ея первобытныхъ обитателяхъ, то наблюденія надъ ними служили мнѣ скорѣе забавою, нежели чѣмъ нибудь другимъ. Смотря какъ проходили передо мной эти странныя и смѣшныя формы, слыша звуки ихъ довольно музыкальнаго языка, видя ихъ оборотившимися спиной къ цивилизаціи и возвращающимися безъ страха въ свои пустыни, я любилъ спрашивать себя съ глубокимъ интересомъ: «Какого рода страну населяютъ эти странные люди и откуда пришли они?»

Какой вопросъ способенъ болѣе заинтриговать всякое существо, очарованное и обольщенное таинственною перспективою приключеній? Проведите линію отъ точки, въ которой мы находимся теперь, къ неяснымъ берегамъ, обмываемымъ, но не освѣжаемымъ, Карпентарійскимъ заливомъ, и вся страна по лѣвую сторону этой линіи составитъ поверхность величиною въ четыре Франціи, извѣстную намъ почти столь же мало, какъ географія Сатурна. Можно было бы посвятить себя, и есть люди уже въ самомъ дѣлѣ посвятившіе себя безчисленнымъ умозрѣніямъ о природѣ этой страны, о землѣ и водѣ, о садахъ эдемскихъ и пустыняхъ; на очень правдоподобныхъ основаніяхъ полагаютъ, что тамъ должно существовать или море или большое озеро: но, несмотря на предположенія, тотъ, кто, отправившись изъ Альбани, пристаетъ въ заливѣ Карпентарія, тотъ пріобрѣтетъ такую славу, которой никогда не забудетъ самое отдаленное потомство. При видѣ этого безграничнаго горизонта, простирающагося къ сѣверу, на которомъ нѣтъ ни дома, ни дороги, не слышно даже никакого шума, кромѣ шума вѣтра въ деревьяхъ, какъ бы осужденныхъ на то, чтобы не расти, я спрашивалъ себя на вершинѣ гранитной скалы: исполнять подобное дѣло — не значитъ ли слишкомъ рисковать своею жизнью? Но человѣкъ поэтъ, и ничего больше, когда, видя пустыню подъ своими ногами, онъ мечтаетъ о ея глубинахъ. Но развѣ только дотронувшись до этого песка и ожегшись подъ этимъ солнцемъ, онъ пойметъ трудности своей задачи и убѣдится еще разъ, что человѣческимъ желаніямъ никогда не будетъ предѣловъ. Удивительна однако иллюзія, которая заставляетъ насъ вѣрить противному, и возбуждаетъ всю нашу энергію, часто даже гораздо больше, чѣмъ нужно, на предпріятія, непревосходящія нашихъ силъ!

Нѣкоторые пассажиры накупили въ гостиницѣ Альбани прекрасныхъ переплетовъ изъ кожи *опоссума* и перьевъ *эме*, и мы поспѣ-

шили съ первымъ же свисткомъ продолжать путь на *Мальтъ*, который уже не долженъ былъ останавливаться до самаго Цейлона. Хотя я не чувствовалъ никакой привязанности къ чернымъ туземцамъ, окружавшимъ насъ на берегу, но я былъ тронутъ и гордился, убѣдившись на нихъ, насколько европейская честность выше того, которой рѣдко достигаетъ дикарь, что впрочемъ онъ понимаетъ всегда, и, предлагая часто бѣлымъ вопросъ: «Вы мнѣ обѣщаете это? — и получивъ въ отвѣтъ «да», усумнился бы скорѣе въ своихъ божествахъ, нежели въ словѣ европейца.

Въ минуту отправленія, я купилъ у пришедшаго на корабль цвѣточника множество сѣменъ, которыя я считалъ драгоцѣнными, такъ какъ они были изъ страны столь малоизвѣстной, изъ страны, въ которой иногда цѣлыя стада барановъ отравляются неизвѣстно какъ и чѣмъ. Мы приняли на корабль одного католическаго миссіонера, прибывшаго изъ Перта, столицы маленькой колоніи; плывя вдаль бухты, мы увидѣли громадныя глыбы гранита, наваленныя другъ на друга, но сохраняющія однако равновѣсіе; затѣмъ, обогнувъ справа мысъ Луи-Филиппъ, мы пустились на всѣхъ парусахъ въ Индійскій океанъ.

Наши нѣмецкіе музыканты сопровождаютъ насъ еще въ видѣ утѣшенія въ томъ, что мы не на сценѣ, и мелодіи изъ Эрнани, нарушающія теперь тишину многихъ американскихъ лѣсовъ, веселятъ и океанъ, несясь на крыльяхъ пасатовъ и полярнаго вѣтерка.

Мы слишкомъ быстро проходимъ счастливыя мѣста, гдѣ царствуетъ вѣчно ясная погода; вотъ уже начинаются дожди и шквалы, предвозвѣстники ихъ границы.

Вотъ земля, хотя не страна Фараоновъ или Монтезумы, но самый поэтическій и самый цвѣтущій, счастливый, очаровательный островъ Цейлонъ съ его благоуханіемъ и съ его тѣнистыми берегами! Пески, зима и перспектива погибнуть одиноко въ глубинѣ горныхъ ущелій далеко отъ насъ впереди, ибо если существуетъ рай на землѣ, то мы уже въ его вратахъ.

ГЛАВА XXVI.

Г. Кольманъ.—Сингалезцы.—Путешествіе въ Коломбо и Канди.—Буддизмъ и воспоминаніе о Монголіи.—Слоны на работѣ.—Восхожденіе на пикъ Антони.—Возвращеніе въ Галль.—Мусульманская свадьба.—Красота природы на Цейлонѣ.—Одинокость путешественника.

Никогда не забуду того дня, когда, въ одно прекрасное іюльское утро, я проснулся на якорѣ въ виду чудесъ, составляющихъ картину Пуанъ-де-Галля. Весь берегъ, пока онъ не терялся изъ виду, былъ окоймленъ стѣною кокосовыхъ деревьевъ, самыхъ граціозныхъ въ мірѣ, и по природѣ своей всегда свѣшивающихся къ водѣ. Внизу этой черной линіи, въ морѣ, тянулся хаосъ скалъ, то стоявшихъ въ уровень съ водою, то господствовавшихъ надъ всѣмъ ихъ окружающимъ, около которыхъ разбитыя и превращенныя въ пыль волны составляли ковры рокочущей, ослѣпительной пѣны. Нельзя было видѣть конца этихъ береговъ, потому что отъ морскаго прибоя являлся бѣлый паръ, который, даже съ нашей стороны, покрывалъ ихъ какою-то полутѣнью: это былъ не мрачный туманъ дождливыхъ странъ, а бѣлый газъ, легкій вуаль, сквозь который едва проникали блестящіе лучи солнца. Надъ этими теплыми парами и надъ всѣмъ этимъ шумомъ, отдаленные пики, воспѣтые индѣйскими поэтами, возвышались на двѣ тысячи метровъ на тысячью долинъ, составлявшихъ быть можетъ колыбель человѣческаго рода. У насъ едва хватало времени любоваться этою прекрасною сценою, столь отличавшеюся отъ недавно видѣнной нами, — мы были совершенно окружены весьма оригинальными лодками, составлявшими исключительную особенность Цейлона и называемыми часто, но ошибочно, *котимаронами*, съ которыми онѣ не имѣютъ ничего общаго, ибо ихъ настоящее на-

званіе, по англійски—*autriggers*. Такъ какъ объ нихъ вѣроятно будетъ говориться еще часто, то я и опишу ихъ здѣсь.

Эти лодки длиною около шести метровъ, а шириною только въ шесть дюймовъ; къ килю ихъ, состоящему изъ бревна, пришиты, но вовсе не приколочены, всѣ другія части. Возвышающаяся среди ихъ мачта поддерживаетъ подвижную рею, къ которой придѣланъ весьма большой парусъ, способный раздуваться какъ бока воздушнаго шара. Легко понять, что какое бы то ни было столкновеніе, а въ особенности вѣтеръ, въ одну минуту перевернулъ бы такую узенкую лодку, которая сидитъ въ водѣ лишь на нѣсколько дюймовъ и высоко выставляется изъ воды, если бы она не была снабжена однимъ весьма важнымъ дополнительнымъ аппаратомъ, сообщившимъ ей свое названіе *autrigger*—рея. Это просто напросто округленный брусъ, плавающій футахъ въ шести паралелльно лодкѣ и соединенный съ нею двумя толстыми изогнутыми палками такъ крѣпко, что онъ составляетъ какъ бы часть лодки и необходимъ ей также, какъ ноги человѣку. Ибо, если начинается вѣтеръ — и парусъ совершенно надувается, и если этотъ прибавочный аппаратъ приходится *подъ вѣтромъ*, то его сопротивленіе, при которомъ ничто не заставитъ его погрузиться, мѣшаетъ лодкѣ опрокинуться съ этой стороны; если же онъ приходится *противъ вѣтра*, то трудность вытащить его изъ воды производитъ тотъ-же самый результатъ. Я говорю «трудность», потому что собственно «невозможности» подобнаго случая при очень сильномъ вѣтрѣ, нѣтъ; но въ такомъ случаѣ на деревянныя прутья, соединяющіе лодку съ этимъ брусомъ, становятся два или даже три человѣка и тѣмъ увеличиваютъ его давленіе на воду, а слѣдовательно и сопротивленіе вѣтру. Я не знаю ничего совершеннѣе этой комбинаціи, которая соединяетъ крайнюю легкость съ такою надежностью, и лодкамъ, которыя могли бы снести два человѣка, позволяетъ слѣдовать, а иногда даже обгонятъ, и притомъ въ довольно открытомъ морѣ, большія паровыя суда. Но остальное въ этихъ лодкахъ уже менѣе остроумно. Такъ, онѣ дотого узки, что въ нихъ могутъ помѣститься лишь нѣсколько человѣкъ; рулевой помѣщается въ такой щелкѣ, которую заняла бы всю маленькая собака; весла состоятъ изъ двухъ кусковъ и проч. и проч.

Ступая на этотъ островъ, я думаю описать также еще два довольно странные предмета. Дѣло идетъ вопервыхъ объ одномъ энергическомъ человѣкѣ, который сталъ такъ знаменитъ, что я считаю себя

Типы австралійскихъ жителей

вправѣ говорить о немъ, какъ о публичномъ дѣятелѣ, а потому составляющемъ общественную собственность: это г. Кольманъ.

Каждый разъ, какъ паровое судно становится на якорѣ у Пуанъ-де-Галля (а это бываетъ нѣсколько разъ въ недѣлю), едва только оно успѣетъ спустить якорь, какъ палуба его наполняется толпою молодыхъ разсыльныхъ, посылаемыхъ владѣльцами гостиницъ, съ перевязями, на которыхъ большими буквами значится имя ихъ хозяевъ. Посланный г. Кольмана всегда представляетъ между ними важность посланника какой нибудь великой державы. Но это еще ничего. Когда вы наконецъ спустились на землю съ трудомъ (ибо волненіе всегда очень сильное), то что прежде всего бросается вамъ въ глаза при высадкѣ на незнакомую землю? Это новые посыльные, носящіе на особыхъ листахъ, какъ бѣдные слѣпцы, знаменитое имя г. Кольмана.

Налѣво въ городской стѣнѣ большія ворота, но на самой стѣнѣ, вмѣсто названій двадцати побѣдъ, красуется имя знаменитаго трактирщика. Вы идите по аллеѣ изъ прекрасныхъ деревьевъ и на каждомъ стволѣ дощечка съ рукою указывающею, какъ магнитная стрѣлка къ сѣверу: *къ Кольману*. Наконецъ мы взбираемся по лѣстницѣ гостиницы, хозяинъ которой самъ все еще продолжаетъ прятаться отъ васъ, и наконецъ, какъ въ театрѣ, появляется вдругъ передъ всѣми, какъ бы говоря: «Вотъ я! Довольны ли вы?» Я долженъ сказать однако, что г. Кольманъ человѣкъ съ чувствомъ и, что еще дороже, человѣкъ съ сердцемъ. Онъ до мелочей заботится о своихъ гостяхъ и недовольствуется служить имъ только своими ликерами, которые у него никогда не разбавлялись водою и секретъ приготовленія которыхъ принадлежитъ только ему: онъ старается еще болѣе быть пріятнымъ для нихъ, когда, послѣ обѣда, онъ выпрямляется во весь свой ростъ и запѣваетъ бахическія пѣсни, которыя неслышны развѣ только у морской артиллеріи. Вотъ имена, которыми онъ, вдохновленный можетъ быть поэзіею острова, украсилъ нѣкоторые изъ своихъ ликеровъ, отвергающихъ химическую номенклатуру: *The celebrated nectarian crashez, gum ticklers, eye openers, palate irritators, bosom caressers, sleed in ducers, morning desos*, и проч. и проч.

. . . .

Переходимъ къ другому цейлонскому курьезу: это волосы у мужчинъ. Оттого ли, что это даръ природы, или отъ кокосоваго масла, которымъ они мажутъ ихъ ежедневно, или отъ обѣихъ этихъ причинъ вмѣстѣ, все равно,—но нѣтъ льва, у котораго они были бы

гуще; нѣтъ женщины, у которой бы они были шелковистѣе; нѣтъ артиста, который умѣлъ бы ихъ красивѣе носить. Это настоящая бархатная черная мантія, спускающаяся волнистыми складками на плечи, на спину, даже на бедра.

Впрочемъ престранный типъ представляютъ молодые сингалезцы: у нихъ глаза такъ красивы, всѣ черты такъ тонки, всѣ члены такъ гибки, что буквально никогда не узнаешь, съ мальчикомъ ты говоришь или дѣвочкой — замѣчаніе, которое дѣлали всѣ путешественники. Говоря правду, у нихъ физіономія и осанка даже пріятнѣе, чѣмъ у женщинъ, крайняя застѣнчивость которыхъ придаетъ имъ понурый и угрюмый видъ, между тѣмъ какъ у молодыхъ людей на губахъ всегда улыбка.

Зубы сингалезцевъ также достойныя изученія, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые не жуютъ *бетеля.* Это чистая слоновая кость, и доказательствомъ того, что сами они въ ихъ бѣлизнѣ видятъ красоту, служитъ то стараніе, съ которымъ они чистятъ ихъ постоянно своими пальцами. Правда, по этому поводу я могъ бы привести другой вкусъ одного изъ нихъ, который на мой вопросъ: развѣ бетель дѣлаетъ зубы красивѣе? отвѣчалъ: — «Да.» — Это дѣлаетъ ихъ бѣлѣе? « —Нѣтъ чернѣе!»

Такъ какъ только немногіе изъ насъ должны были отправляться въ Калькутту, большая же часть расчитывали въ тотъ же вечеръ ѣхать въ Суэзъ, то мы поспѣшили раздѣлиться на нѣсколько кружковъ, чтобы отправиться посмотрѣть сады *Уакъ Валлика,* расположенные въ четырехъ миляхъ отъ Пуанъ-де-Галля. Хотя я и долженъ былъ оставаться тамъ двѣ недѣли, но воспользовался случаемъ и также отправился въ каретѣ съ тремя другими лицами, направившись по дорогѣ, которая не переставала извиваться среди лѣсовъ, кокосовыхъ деревьевъ, доходившихъ иногда вышиною до сорока метровъ и болѣе. Хотя мы ѣхали очень скоро, но почти все время насъ преслѣдовали уличные мальчишки, бѣжавшіе за нами какъ гончія собаки, заваливая насъ букетами и прося у насъ денегъ. Тысячи деревьевъ, именъ которыхъ я не знаю, покрывали своею тѣнью холмъ Уакъ-Валлика, гдѣ я узналъ однако рѣзко выдающіяся между всѣми деревьями красную акацію, хлѣбное дерево, изящное алоэ.

Проѣхавши, мы нашли тамъ ресторанъ, въ которомъ болѣе нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, мы были осаждены этими толпами дѣтей, которыя разживаются на Цейлонѣ продажею легковѣрнымъ европейцамъ цвѣтныхъ стеколъ вмѣсто всевозможныхъ драго-

цѣнныхъ камней. Нельзя сказать, конечно, чтобы нельзя было найти настоящихъ камней, но для этого нужно было обращаться къ извѣстнымъ купцамъ Галля и Коломбо, у которыхъ вы найдете все, что есть самаго хорошаго: такъ, напр., знаменитый камень, называемый «кошачій глазъ», и составляющій разновидность стекловиднаго кварца съ зелеными и фосфорическими отливами. Если этотъ камень имѣетъ величину въ монету десяти су, если онъ лучшаго качества, то цѣна его на Цейлонѣ доходитъ до десяти тысячъ франковъ. Я видѣлъ также одинъ сафиръ величиною въ наперстокъ, съ прекрасно изображенною звѣздою, лучи которой отражались на его бокахъ; этотъ великолѣпный камень, называемый у гранильщиковъ, я думаю, *морскою звѣздою* (asterie), стоилъ не менѣе семи или восьми тысячъ франковъ. Наконецъ, нельзя было бы отрицать, что почти всѣ драгоцѣнные камни есть на этомъ островѣ, о которомъ безъ преувеличенія можно сказать, что природа соединила въ немъ наибольшую часть своихъ сокровищъ и исчерпала, если это возможно, всѣ свои средства. Даже у рыбъ, видѣнныхъ нами на рынкѣ при возвращеніи въ Галль, цвѣта были также ярки, какъ цвѣта рубина или сафира. На этомъ островѣ нѣтъ ничего тусклаго, все блеститъ, все сверкаетъ, все говоритъ о той родинѣ, въ которой не живетъ уже падшій человѣкъ, поэтому простительно его жителямъ твердо вѣрить, что Адамъ любилъ прогуливаться на той величественной вершинѣ, которая носитъ его имя. Цейлонъ это чистый перлъ, это самое блестящее украшеніе Индіи. Итакъ я былъ не совсѣмъ недоволенъ, что мнѣ приходилось провести здѣсь нѣсколько времени, хотя жизнь въ гостинницѣ была дорога, а экскурсіи еще дороже.

Однако прежде нежели отправиться во внутренность острова, я хотѣлъ узнать окрестности этого кокетливаго города Пуанъ-де-Галля, и не прекращалъ своихъ прогулокъ въ кокосовыхъ лѣсахъ и по прилежащимъ къ нимъ шумнымъ берегамъ. Эти кокосовыя деревья были самыя красивыя, какія я когда-либо видалъ. При малѣйшемъ вѣтеркѣ видно было какъ они покачивали своими вѣтвями и шевелили своими граціозными верхушками Невозможно, чтобы на людяхъ, родившихся въ странахъ, гдѣ все такъ изящно, такъ гармонично, не отразилось бы въ ихъ осанкѣ, а также въ ихъ характерѣ нѣкоторыя черты такой очаровательной природы. Это въ высшей степени замѣтно во всѣхъ индѣйскихъ владѣніяхъ, но въ особенности на Цейлонѣ, гдѣ, и это внѣ всякаго сомнѣнія, люди всегда имѣютъ такой видъ, что просятся на картину. Нужно посмотрѣть на молодыхъ сик-

галезцевъ, какъ они взбираются, въ родѣ бѣлокъ, вверхъ по стволамъ своихъ кокосниковъ, разгуливаютъ по ихъ вѣтвямъ на высотѣ болѣе ста футовъ отъ земли, переходятъ не падая на землю съ одного дерева на другое по нарочно протянутой веревкѣ. Это было бы почти школой для Блондена. Я не уставалъ заставлять ихъ дѣлать такіе маневры и затѣмъ болтать съ ними, потому что почти всѣ они говорятъ очень хорошо по-англійски и смѣются больше всѣхъ на свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы заставить грустить людей, избавленныхъ отъ закона труда, тяготѣющаго надъ всѣми другими, и получающихъ отъ своихъ любимыхъ деревьевъ, не занимаясь ничѣмъ, *пищу, питье, дрова, освѣщеніе, домъ и всякую утварь?* Всегда счастливые и довольные, они проводятъ свою жизнь въ пѣніи, въ бѣганьѣ, въ пляскѣ.

Находясь однажды среди ихъ, я просилъ ихъ дать мнѣ попробовать *бетеля*, розоваго тѣста, состоящаго изъ негашенной извести, добываемой изъ пережженаго коррала, изъ листьевъ нѣкоторой породы перца, изъ мякоти *арека* (капустной пальмы). Попробовавъ, я нашелъ, что не можетъ быть хуже, и выразилъ самое сильное отвращеніе, возбудившее въ нихъ такой смѣхъ, какаго вы не услышите даже во Франціи, родинѣ веселости. Я не буду ѣсть больше бетеля, но если когда-либо я впаду въ меланхолію, то отправлюсь и сяду въ тѣнь цейлонскихъ кокосовыхъ деревьевъ.

Всѣ окрестности Галля наполнены обезьянами, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него встрѣчаются слоны и леопарды. Туземцы утверждаютъ, что эти леопарды (*tshitas*) вполдень, и вслѣдствіе разслабляющей ихъ теплоты, имѣютъ силы не больше одного человѣка, въ два часа—двухъ человѣкъ и т. д. Слоны каждый день скрываются отъ охотниковъ, а обезьяны слишкомъ много заставляютъ трудиться прежде чѣмъ покажутся; передо мной пробѣжали всего на все съ дюжину обезьянъ и то во всю прыть и кинулись на вершины деревьевъ.

Среди рифовъ, окоймляющихъ всюду берегъ, я нашелъ весьма пріятное мѣсто для купанья, въ теплыхъ и спокойныхъ водахъ, куда не могутъ приблизиться акулы; морское купанье — это роскошь, которую оцѣнить можно только подъ тропиками, гдѣ можно проводить въ водѣ цѣлые часы совершенно безнаказанно. Принимайте каждый день холодную ванну, ложитесь въ девять часовъ, вставайте съ пѣніемъ пѣтуха, не позволяйте себѣ никакого излишка, особенно въ питьѣ,—и нужно чтобы ваше тѣлосложеніе было очень плохо, или вы

не сохраните здоровья даже въ странахъ съ самыми заразительными болѣзнями.

Теплота на Цейлонѣ вовсе не невыносима, хотя онъ такъ близокъ къ экватору, но она вліяетъ сильно только потому, что никогда не прекращается, и европейцы, живущіе тамъ на уровнѣ моря, всѣ желты и изнурены. Къ счастью, на одномъ и томъ же пространствѣ, величиною меньше Ирландіи, есть почти всѣ климаты, даже такіе, при которыхъ никогда нельзя спать безъ двухъ одѣялъ. Я пріѣхалъ туда во время юго-западнаго муссона, въ періодъ дождей и внезапныхъ бурь, когда въ тѣни не бывало больше 30°. Но кого интересуетъ метеорологія, естественныя богатсва и, я прибавлю, исторія этой прекрасной страны, тотъ узнаетъ все это, прочтя замѣчательное сочиненіе Сэра Эмерсона Теннента, сочиненіе до такой степени превосходное, что послѣ него стыдно говорить чтобы то ни было о томъ же предметѣ. Однако я прошу извинить меня за разсказъ о моемъ маленькомъ путешествіи въ Канди, во внутренность острова, которое совершилъ при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, въ сопровожденіи, между прочими лицами, кавалера Бунзена, оказывавшаго мнѣ всевозможное вниманіе.

12-го іюня, въ четыре часа утра, послѣ страшной бури, мы отправились въ каретѣ въ Коломбо, дорогою, пролегавшею все по берегу моря и описанною, я хотѣлъ сказать — воспѣтою г-жею Идою Пфейфферъ. Солнце было слишкомъ близко къ тропику Рака, и потому небо въ этотъ часъ было еще совершенно темно; видъ моря былъ свѣжій и живой, и когда показались первые отблески зари, влѣво отъ насъ мы увидѣли океанъ, совершенно зеленый, за исключеніемъ безчисленныхъ рифовъ, отъ которыхъ онъ отпрыгивалъ въ пѣнистомъ туманѣ до высоты вершинъ кокосовыхъ деревьевъ. Вотъ единственный моментъ, когда подъ тропиками можно вздохнуть полною грудью и когда хочется двигаться. Однако это чувство пріятнаго расположенія духа значительно уменьшилось, когда мы замѣтили, что данныя намъ почтовыя лошади были совершенно дикія, такъ что кучеръ былъ совершенно лишній, и онѣ кинулись бы въ море, если бы не *загонщикъ*, человѣкъ худой и длинный, который всю свою жизнь проводитъ въ томъ, что прыгалъ съ кареты на землю, чтобы учить лошадей слѣдовать по большой дорогѣ.

Отъ Галля до Коломбо семьдесятъ двѣ мили или сто пятнадцать километровъ, которыхъ добрыя двѣ трети скороходъ пробѣжалъ пѣшкомъ, догоняя, бранясь и направляя на прямую дорогу лошадей, кото-

рыя кидались въ галопъ, какъ будто на погибель. Къ счастію для насъ, дорога была превосходная и чрезвычайно живописнаа. Я не думаю, чтобы въ продолженіе этого переѣзда можно было, не выѣзжая ни разу изъ самыхъ густыхъ лѣсовъ, найти хоть одинъ километръ, на которомъ не виднѣлось бы какой нибудь чистенькой хижины, наполненной дѣтьми и наполовину спрятанной въ тѣни деревьевъ; нельзя проѣхать пяти километровъ, не встрѣчая деревни, въ которой вокругъ кареты начинаетъ прыгать цѣлая веселая толпа дѣтей, съ несравненными волосами, служащими имъ украшеніемъ и даже одѣяніемъ, идущихъ въ школу съ книжками въ рукахъ. Желая удовлетворить свое любопытство во всѣхъ отношеніяхъ, мы пробовали все, что только намъ предлагали: сперва отвѣдали *арака*, индійской водки, извлекаемой чрезъ дистилляцію *тодди* (кокосоваго сока), напитка чрезвычайно спиртуознаго, опьяняющаго даже воловъ до такой степени, что ихъ часто приходится отпрягать. Затѣмъ отвѣдали самого тодди, кокосоваго орѣха, пирожковъ, которыхъ на два су намъ дали восемь штукъ, и сигаръ, стоившихъ еще меньше, но такихъ, что зажечь ихъ нужно было больше времени, чѣмъ курить, ибо на первую операцію пойдетъ нѣсколько минутъ, а между тѣмъ стоитъ только разъ курнуть, чтобы бросить сигару въ море, подальше и поскорѣе — она сдѣлана изъ растенія безъ имени, но съ такою горечью, какой нѣтъ равной.

Наѣвшись наскоро, мы хотѣли продолжать свой путь, но на этотъ разъ оказалось нужнымъ схватить не только за уши лошадей, но и колеса кареты, изъ страха, чтобы они не покатились прямо въ ровъ;— но такъ именно и случилось, и лошади попали туда первыя. Никогда не будетъ бояться ѣздить въ каретѣ тотъ, кто ѣздилъ въ ней на Цейлонѣ.

Особенно, когда приходилось переѣзжать широкіе и глубокіе ручьи, наполненные крокодилами, по расшатавшимся мостамъ, и спрашивать себя, со страхомъ, во первыхъ, зачѣмъ сдѣланы эти чудовища, а во вторыхъ, назначена ли когда нибудь лошадь по природѣ своей къ какому нибудь другому дѣлу, кромѣ скаканья и брыканья въ степяхъ? Къ счастію крокодилы не показывались на поверхности воды и не пугали нашихъ лошадей: мы видѣли въ водѣ только тысячи кокосовыхъ орѣховъ, положенныхъ туда бухнуть съ тою цѣлію, чтобы легче отдѣлялись волокна ихъ коры. Что же касается печальныхъ замѣчательностей, то мы встрѣтили тащившихся по дорогѣ несчастныхъ, у которыхъ ноги были чудовишной толщи-

ны; они были заражены болѣзнью elephantiasis (слоновья проказа), болѣзнью почти неизлечимою и происходящею, говорятъ, вслѣдствіе близости болотъ, или мяса рыбъ, которыхъ они тамъ ловятъ. Я былъ удивленъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ калѣкъ и слѣпцовъ показались мнѣ вообще здоровыми.

Нѣтъ ничего живописнѣе этой узкой дороги, извивающейся между колоннадами кокосовыхъ деревьевъ, образующихъ надъ дорогою сводъ защищающій всегда отъ солнца. Налѣво постоянно виднѣется море бьющееся о свои берега, а на самой дорогѣ, на каждомъ шагу, встрѣчаются веселыя группы людей, изъ которыхъ осмѣливаются иногда показаться женщины, подъ покрывалами тысячи цвѣтовъ, накинутыми съ такимъ естественнымъ изяществомъ, какого искусство никогда не достигнетъ. На полудорогѣ въ Коломбо, мы остановились въ скверномъ трактирѣ и завтракали тамъ съ членами прусскаго посольства, отправлявшагося въ Японію, къ которому принадлежалъ и г. Бунзенъ. За тѣмъ мы углубились въ густой кустарникъ, изъ за котораго потеряли изъ виду море, и вечеромъ выѣхали на громадную площадь подъ стѣнами Коломбо, столицы острова, послѣдовательно переходившей подъ иго португальцевъ, голландцевъ и англичанъ.

Это городъ, построенный правильно, съ широкими и хорошо освѣжаемыми, но тѣмъ не менѣе весьма нездоровыми улицами, какъ это свидѣтельствуютъ мертвенныя фигуры всѣхъ встрѣчающихся здѣсь европейцевъ.

На другой день, выкупавшись въ морѣ и освѣжившись духомъ и тѣломъ, я отправился въ Канди, городъ расположенный въ срединѣ острова, въ горной мѣстности. Хотя мы отправились въ путь весьма рано утромъ, однако уже увидѣли, что почти всѣ молодые деревенскіе жители на порогахъ своихъ домовъ мыли себѣ зубы и расчесывали гребнями волны своихъ длинныхъ волосъ. Я читалъ много разъ, что у сингалезцевъ есть правило носить въ своихъ волосахъ гребенку, но ничто не можетъ быть несправедливѣе этого, ничто не дѣлало бы ихъ смѣшнѣе, ничто не безобразило бы ихъ больше. Правда, что подобный обычай служитъ отличіемъ нѣкоторой касты, или скорѣе секты, но по крайней мѣрѣ у девяти десятыхъ сингалійцевъ слишкомъ много самолюбія и здороваго смысла, и они совершенно свободно распускаютъ по плечамъ свои волосы.

По выѣздѣ изъ Коломбо вскорѣ мы увидѣли многочисленные образчики совершенно другой породы людей, называемыхъ неопредѣ-

ленно «малабарами»; они отличаются такимъ же чернымъ цвѣтомъ кожи, какъ негры, и большимъ мускульнымъ развитіемъ. Хотя они хорошо сложены, но безобразны и до такой степени привыкли къ солнцу, что работаютъ цѣлые дни на большихъ дорогахъ съ непокрытою головою. Люди эти, дикій видъ которыхъ заставлялъ насъ колебаться просить ихъ объ услугѣ, тѣмъ не менѣе оказали намъ услугу весьма важную: при первомъ же подъемѣ, лошади наши, столь же упрямыя, какъ и наканунѣ, принялись пятиться, и мы навѣрное были бы сброшены въ бездну, если бы эти малабары, побуждаемые настолько же кнутомъ, насколько своею доброю волею, не подскочили къ колесамъ съ воемъ дикихъ животныхъ, и не втащили насъ на самый верхъ косогора.

Здѣсь я увидѣлъ въ первый разъ людей, принимавшихъ для отдыха такое положеніе тѣла, обыкновенное впрочемъ во всей Индіи, которому могли бы подражать развѣ только наши скоморохи: я хочу сказать, что они садились на землю, поджимая пятки и касаясь колѣнами своего подбородка. Можно видѣть индусовъ проводящими цѣлые часы на корточкахъ такимъ образомъ и даже спящими, какъ крокодилы на солнцѣ; для всякого, кто попробовалъ посидѣть въ такомъ положеніи, это служило бы лучшимъ доказательствомъ чрезвычайной гибкости, которою одарены азіатцы.

Мы видѣли также много телѣгъ, запряженныхъ волами, которыми граціозно правили мужчины, которые, по симетричности своихъ формъ, могли бы остановить на себѣ взглядъ художника: даже рядомъ съ перпендикулярными и тонкими стволами дерева *арака*, они были эмблемами изящества; женщины, сложенныя еще лучше, расхаживали взадъ и впередъ, съ золоченою маленькою пуговкою, въ лѣвой ноздрѣ, съ ослѣпительными шарфами, съ серьгами, украшенными маленькимъ цилиндромъ и съ кольцами на пальцахъ ногъ. Если это были матери, то онѣ носили бы своихъ дѣтей верхомъ на своихъ бедрахъ, поддерживая ихъ за спину граціознѣйшими въ мірѣ руками—обычай, которому часто приписываютъ искривленіе, остающееся у этихъ дѣтей на всю жизнь.

Между тѣмъ мы все поднимались и поднимались, хотя доказательствомъ этого служило только весьма чувствительное пониженіе температуры. Кокосовыя деревья стали исчезать, какъ вслѣдствіе высоты, такъ и отдаленія моря, съ которымъ они кажется не могутъ разстаться, и мы вступили въ область кофейныхъ плантацій, гдѣ

насъ уже совершенно окружили горы, скалистыя пропасти и почти Пиренейскія ущелія.

Арабъ, отыскавшій въ пустынѣ оазисъ, умирающій, возвращаемый къ жизни, даже утопающій послѣ кораблекрушенія, когда онъ замѣтитъ корабль, не могъ бы испытать большаго чувства благополучія, нежели европеецъ, оставляющій экваторіальныя равнины и подымающійся въ здоровую и упругую атмосферу высокихъ мѣстностей. Можно было бы сказать даже, что природа въ этой странѣ доказываетъ совершенно особую относительно его заботливость, ибо я замѣчалъ часто, что, при одинаковой высотѣ, разница температуры подъ тропиками и у насъ гораздо больше, а разрѣженіе воздуха гораздо меньше; на высотѣ тысячи метровъ надъ самыми теплыми равнинами въ мірѣ температура почти никогда не превосходитъ 30°, и на высотѣ четырехъ тысячъ метровъ въ тѣхъ же самыхъ странахъ дышется еще свободно. Это вопросъ весьма интересный, и въ эту минуту я сдѣлалъ на него только намекъ, но часто буду имѣть случай возвращаться къ нему снова. Задолго еще до прибытія въ Канди, мы были уже почти на его уровнѣ, т. е. около шести сотъ метровъ надъ поверхностью моря—высота, которая въ Европѣ не произвела бы еще большой разницы въ климатѣ. А между тѣмъ уже холодный вѣтеръ, стремившійся изъ внутреннихъ ущельевъ, заставлялъ насъ закутываться получше, и мы замѣтили, что всѣ туземцы отказались отъ экономичнаго и легкаго костюма долинъ и одѣлись въ разныя яркія и пестрыя матеріи, красныя, желтыя или бѣлыя. Достигнувъ верха обрыва, весьма опаснаго по недостатку перилъ, по окружившимъ насъ пропастямъ, по свирѣпости нашихъ лошадей, мы замѣтили одну изъ самыхъ живописныхъ группъ, состоящую изъ нѣсколькихъ жилищъ, съ браслетами какъ на рукахъ, такъ и на ногахъ, и расположившуюся около гигантскаго *баніана*. У кого только есть чувство художественнаго и прекраснаго, тому невозможно было бы не остановиться предъ столь естественно изящною картиною. Наши симпатіи всегда будутъ за европеянкою, которая говоритъ нашимъ языкомъ, которой сердце бьется въ унисонъ съ нашимъ, которая молится тому же Богу какъ и мы, но мы меньше будемъ удивляться ея формамъ, ея граціи, увидѣвши, хоть одинъ разъ, абсолютную правильность, всегда округленный, стройный и всегда тонкій станъ и походку молодой индіянки, не говоря уже о ея глазахъ и великолѣпныхъ волосахъ. Я не скажу того же самаго о мужчинахъ, слишкомъ,

*

женственныхъ на наши вкусы; на порогѣ, каждой хижины молодые люди валялись на соломѣ или спали на солнцѣ.

Совершенно особенное свойство горъ Индіи, за исключеніемъ Гималая, то, что въ нихъ почти нѣтъ остроконечныхъ вершинъ: — вершины ихъ вообще имѣютъ форму квадратную, цилиндрическую или форму уступовъ. Съ высоты горнаго ребра, о которомъ я говорю, мы видѣли одну гору, вершина которой состояла почти только изъ одной квадратной скалы, изъ которой, я думаю, можно было бы высѣчь цѣлый дворецъ, на пьедесталѣ отъ пяти до шести сотъ метровъ вышины. Въ западныхъ Гатахъ, около Бомбея, можно видѣть много такихъ оригинальныхъ горъ. До прибытія въ Канди, мы видѣли еще большія плантаціи кофе, изборожденныхъ цинковыми трубами, проводящими сюда издалека воду, множество рисовыхъ полей, расположенныхъ послѣдовательными террассами, какъ ступени гигантской лѣстницы, нѣсколько хлопчатниковъ и довольно красивую колонну, называемую *«Captain Dawson's pillar»*.

Я позабылъ-было упомянуть о стадахъ коровъ, татуированныхъ, какъ новозелландцы, краснымъ желѣзомъ, для того чтобы онѣ жирѣли. Перейдя одну большую и прозрачную рѣку по смѣлому мосту, состоящему изъ одной арки, мы прибыли къ обѣду въ веселенькій городокъ Канди, расположенный въ глубинѣ долины, совершенно окруженной высокими горами. Предъ гостиницей разстилалась площадь, къ которой примыкалъ искусственный бассейнъ величиною съ доброе озеро и знаменитый буддистскій храмъ, въ которомъ, въ золотомъ кивотѣ, хранится зубъ самаго Будды.

Тутъ мысль моя испытала внезапный поворотъ и унеслась въ Монголію, землю по преимуществу буддистскую,—землю страданій для меня, землю, воспоминаніе о которой было еще живо во мнѣ. Я пролетѣлъ въ умѣ безплодныя страны, которыя эта религія и ея апостолы должны были пройти, и нашелъ ихъ въ одной и той же формѣ, проповѣдывающими одни и тѣже ученія на такомъ разстояніи, которое я боялся измѣрить. Съ слѣдующаго же дня двери того храма открылись передо мною, и я, при помощи переводчика, разговаривалъ съ почтеннымъ ламою, его вышнимъ жрецомъ: я сказалъ ему, что я былъ въ Ургѣ, что я знаю даже нѣсколько по монгольски, и, если бы этотъ человѣкъ былъ христіанинъ, былъ плоть отъ плоти моея и кость отъ костей моихъ, то я не чувствовалъ бы къ нему больше влеченія нежели теперь. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще, со времени суровыхъ эпизодовъ моего путешествія въ Пекинъ, я не могъ

обмѣняться съ кѣмъ-бы то ни было своею мыслію объ этомъ предметѣ, мыслію, которую по крайней мѣрѣ могъ бы кто нибудь понять или раздѣлить со мною. У этого ламы я испытывалъ такое же чувство, какое волновало бы мое сердце предъ французскимъ миссіонеромъ, когда бы я разсказывалъ ему о Парижѣ, хотя тутъ вопросъ шелъ о религіи, которую я не могъ бы полюбить. Самый идолъ бога сдѣланъ былъ въ Пекинѣ и имѣлъ совершенно такое же выраженіе, какъ и всѣ идолы въ Монголіи. Дѣйствительно, когда я вспоминалъ мѣста, гдѣ я въ первый разъ остановилъ свой взглядъ на этомъ типѣ между ветхими завѣсами ургійскихъ храмовъ, земля показалась мнѣ весьма большою, годы, употребленные на то, чтобы пройти ее, слишкомъ долгими, и пространства, въ которыя еще вовсе не проникъ свѣтъ Евангелія, безотрадно громадными.

Цейлонъ, основательпо или нѣтъ, считается колыбелью этой религіи, исповѣдуемой цѣлою четвертью человѣчества, и что всего загадочнѣе, это что здѣсь сохраненъ зубъ ея основателя, хотя намъ показываютъ только кивотъ его или футляръ изъ чистѣйшаго золота. Исторія этого зуба должна бы была быть описана и его судьба разъяснена, такъ какъ онъ поднялъ столько споровъ, и слухъ о немъ обошелъ весь міръ. Кто имѣлъ честь видѣть его, тотъ опишетъ вамъ даже его размѣры.

Отъ буддистскаго храма мы отправились за нѣсколько километровъ изъ Канди посмотрѣть, какъ работаютъ слоны при сооруженіи каменнаго моста—зрѣлище чрезвычайно любопытное. Ихъ было два, и одинъ изъ нихъ, едва оторванный отъ своей дикой жизни, былъ еще слишкомъ опасенъ, чтобы намъ можно было приближаться къ нему. Другой же исполнялъ дѣло какъ работникъ, отправляясь за камнями въ тысячу пять сотъ килограмовъ, которые онъ тащилъ весьма легко къ мѣсту ихъ назначенія, затѣмъ поднималъ ихъ концомъ своего хобота и катилъ ихъ, упираясь въ нихъ лбомъ. Во время этой работы, видя, какъ животное такихъ размѣровъ напрягаетъ всѣ свои мускулы, дѣлаетъ величайшее усиліе, которое едва достаточно для достиженія надлежащаго результата, вы по справедливости находите въ слонѣ эмблему силы. Во время небольшаго отдыха слона, о которомъ я говорилъ, мы заставили его поставить лѣвую ногу на камень и, ухватившись за ухо, безъ труда поднялись къ нему на спину. Но нужно замѣтить, что цейлонскіе слоны малы въ сравненіи съ бенгальскими, на которыхъ мы никогда не могли бы взобраться такимъ образомъ. Онъ весьма охотно склонился въ этомъ случаѣ сдѣ-

лать намъ удовольствіе, хотя вожакъ сердилъ его и, чтобы испугать насъ, заставилъ его испускать самые дикіе крики.

Этотъ человѣкъ сообщилъ намъ относительно своего питомца, что средняя жизнь слона продолжается сто лѣтъ; что онъ съѣдаетъ ежедневно по тридцати фунтовъ листьевъ и зеренъ и стоитъ приблизительно пять тысячъ франковъ. Когда онъ давалъ намъ свои объясненія, животное разсердилось на одну изъ нашихъ лошадей, упрямую, какъ и всѣ лошади цейлонской породы, и онъ махнулъ хвостомъ, такъ что мы непремѣнно были бы сшиблены на землю, если бы, уступая законному любопытству, подошли немного поближе, чтобы разсмотрѣть пучекъ волосъ, которымъ онъ украшенъ. Отъ этого нравственнаго потрясенія его бросило въ потъ, ему дали древесную вѣтвь и онъ началъ ею вытирать себя. Затѣмъ, взявши щетку, повалили его на бокъ, какъ, выкинутый на берегъ корабль, на мель, и принялись его скоблить и мыть, какъ будто собирались конопатять его. Но мы еще ничего не видѣли собственно: сеансъ долженъ былъ закончиться такой штукой, которая должна была разъяснить нѣкоторыя сомнѣнія относительно способа слоновъ плавать.

Рѣка, на которой строили мостъ, имѣла по всей вѣроятности около двухсотъ метровъ ширины и была довольно глубока; мы настаивали на томъ, чтобы заставить переплыть ее животное, которое уже представило столько доказательста своего повиновенія. Случилось вотъ что, и я прибавлю (хотя и не вѣрятъ, когда я разсказываю этотъ фактъ), что все случившееся вожакъ предсказалъ намъ, утверждая, что слонъ не умѣетъ плавать, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Дѣйствительно, какъ только онъ потерялъ изъ подъ ногъ землю, онъ сейчасъ же исчезъ подъ водою, вожакъ же оставался на поверхности воды, стоя можетъ быть на его невидимой спинѣ; затѣмъ, метрахъ въ десяти отъ этого мѣста, онъ показался снова, какъ китъ, вынырнувшій для того чтобы вздохнуть, затѣмъ снова погрузился въ воду на нѣкоторое время, потомъ снова показался, чтобы набрать воздуху, и такъ далѣе, до тѣхъ пока онъ недостигъ другаго берега, откуда возвратился точно такимъ же образомъ. Разъ онъ подъ водою опустился прямо на дно и шелъ по дну, подтверждая вполнѣ сказанное объ немъ его вожатымъ, т. е. что слонъ не можетъ двигаться въ глубокой водѣ иначе, какъ такимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ отвѣтственность за этотъ фактъ, котораго я видѣлъ только одинъ примѣръ, я возлагаю на вожака.

Мы весьма скоро возвратились въ Канди, горною дорогою, оброс-

шею по сторонамъ дикими кактусами; затѣмъ, видя, что солнце еще высоко, и глядя на весьма острый пикъ, который казалось дразнилъ насъ, мы рѣшили взобраться на него. Этотъ былъ *Муттонъ Буттонъ*, или, на языкѣ болѣе понятномъ, *Пикъ Антони*, подошва котораго въ трехъ миляхъ отъ города по дорогѣ въ Коломбо. Нужно сказать, что, несмотря на относительную свѣжесть воздуха, не смотря на кипучій пылъ и молодость, я чувствовалъ бо́льшую усталость, нежели въ Пиренеяхъ. Если бы мы могли дойти до заведенія *Новая Ореллія*, превращенное въ *sanitarium*, взгромоздившееся на высоту почти восьми тысячъ футовъ, я нашелъ бы тамъ родной воздухъ и свою бодрость, но члены прусскаго посольства завладѣли всѣми имѣвшимися лошадьми, и мы остались въ среднемъ поясѣ, составлявшемъ какъ бы чистилище. Между тѣмъ уже на склонахъ пика легкія наши, дыша, начали уже втягивать струю очищеннаго отъ всякихъ міазмовъ воздуха. Мы старались избѣгать только самой естественной опасности, которой, ступивши на Цейлонъ, подвергаешься уже на каждомъ шагу—это ужаленія какой нибудь ужасной змѣи, напр. *тикъбелонга*, или *death by the roay*, ужаленіе причиняющее смерть почти мгновенно. Онѣ тысячами живутъ на кофейныхъ плантаціяхъ, гдѣ мы пролагали себѣ дорогу открытою силою. Намъ приходилось избѣгать еще другихъ, хотя менѣе опасныхъ непріятелей, — это длинныя земляныя піявки, которыя совершенно безполезны въ медицинѣ, но которыя въ этихъ лѣсахъ прицѣпляются къ вамъ такъ, что покрываютъ все тѣло, вопреки всякимъ предосторожностямъ. Я не говорю уже о скорпіонахъ, которые достигаютъ здѣсь иногда до пятнадцати синтиметровъ, ибо на такія встрѣчи въ теплыхъ странахъ вовсе не стоитъ обращать вниманіе. Что живо интересовало насъ, не заставляя дрожать, это была громадныя, совершенно черныя тысяченожки, которыя позволяли намъ дѣлать съ собою что угодно, какъ напр. мы собирали ихъ кучами, разсматривали ихъ (что было весьма трудно) и давили своими ногами. Бабочки всевозможныхъ цвѣтовъ порхали по цвѣткамъ, какихъ я никогда еще не видалъ; между ними былъ одинъ называемый *trumpet flower*, трубоцвѣтомъ, вслѣдствіе своей расширенной формы, бѣлый какъ лилія. Онъ растетъ у васъ на глазахъ. Это, я полагаю, тотъ самый цвѣтокъ, который на французскомъ языкѣ называется *stramoine*, т. е. дурманъ, которому приписываютъ опьяняющее свойство, чего впрочемъ я подтверждать не стану.

Когда мы достигли вершины Антони-Пика, то предъ нами открыл-

ся прекрасный видъ, несмотря на постоянный въ это время года туманъ, скрывавшій отъ насъ высокія вершины, образуемыя группою пика Адама. Горизонтъ былъ не обширенъ по причинѣ близости горъ, окружавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ; но кандійская долина, въ которую открывались пять или шесть дикихъ ущелій, хотя зеленыхъ, влажныхъ, извивавшіеся по ней ручьи, самъ маленькій городъ, блистающій на солнцѣ, и надъ всѣмъ этимъ грозныя, бурныя тучи, хотѣвшія казалось разразиться надъ нами, составляли картину довольно величественную. Спустившись поневолѣ изъ этихъ здоровыхъ мѣстъ на дно долинъ, мы возвратились въ Канди около ночи, проходя мимо казармы малайскаго гарнизона, помѣщающагося здѣсь нарочно, по причинѣ смертельной ненависти этой расы къ сингалійцамъ — самая вѣрная гарантія быстраго востановленія порядка, если бы таковый былъ нарушенъ. Но англійское иго вовсе не тяготѣетъ надъ счастливыми обитателями Цейлона, которые понимаютъ прекрасно всѣ выгоды этого, и поступаютъ умнѣе въ этомъ отношеніи, нежели ихъ сосѣди индійцы, которые безпрестанно грызутъ свою узду. «Англійскіе законы весьма мягки и справедливы», говорили мнѣ кандійскіе купцы, въ лавкахъ которыхъ я любилъ поболтать, такъ какъ находилъ ихъ всѣхъ безъ исключенія людьми въ высшей степени обязательными, умными и здравомыслящими. На вопросъ мой, что дѣлаютъ они, для того чтобы быть столь довольными, несмотря на посредственность своей доли, они отвѣчали по истинѣ философски: «Что толку въ богатствѣ? Предки наши довольствовались малымъ»!! Они очень интересовались Восточною войною и хотѣли знать, изъ какого я графства Англіи. Меня вездѣ просили садиться, написать свое имя, потомъ дарили мнѣ тѣ вещи, которыя я приходилъ покупать, зная очень хорошо, что я лишь перелетная птица, которая не покажется больше. Разъ въ одномъ магазинѣ, владѣлецъ котораго, уже христіанинъ, далъ мнѣ свою карточку по сингалійски, на которой значилось *don André de Silva*, настаивалъ, чтобы я выпилъ *milkpunch'a* или молочнаго пунша, нѣжнаго и вкуснаго ликера, составляемаго изъ коровьяго молока, арака, муската, корицы, сахару, апельсиннаго и ананасоваго сока. Послѣ тысячи благодарностей, высказанныхъ мною отъ чистаго сердца, меня упросили подождать еще нѣсколько минутъ, чтобы показать мнѣ одинъ феноменъ; это былъ двадцати-восьмилѣтній геркулесъ, человѣкъ, котораго по размѣрамъ можно было бы сравнить съ быкомъ; у котораго руки были татуированы и подбородокъ украшался полною бородою —

Австралійскій пейзажъ.

знакъ того, что онъ не былъ еще женатъ. Весьма довольный этимъ днемъ, я поднялся наконецъ уже окончательно изъ толпы этихъ весьма умныхъ людей, цвѣтъ которыхъ варьировался отъ цвѣта слоновой кости до цвѣта чернаго дерева; мнѣ надарили еще очень крѣпкихъ сигаръ, называемыхъ *bidullas* и, пообѣщавши дону Андре де-Сильва, настаивавшему особенно на томъ, чтобы имя его было помѣщено въ моемъ сочиненіи, я возвратился въ гостиницу къ европейцамъ, людямъ одной плоти и крови со мною, но людямъ, съ которыми однако же мнѣ не разъ приходилось сожалѣть о полной искренности, о естественной веселости и безкорыстной предупредительности людей, съ которыми они стыдились знаться.

Если я долженъ показать и обратную сторону медали, чтобы не скрыть ничего, то мнѣ приходится сознаться, что нравы кандійцевъ считаются развратными, — совершенно естественное послѣдствіе праздной жизни и климата, хотя и не столь тягостнаго, какъ на равнинахъ, способствующаго бездѣятельности. Но, несмотря на незначительную силу моихъ словъ, мнѣ страшно каждый разъ, какъ я высказываю свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, потому что я невольно спрашиваю себя, какимъ образомъ можетъ осмѣлиться писатель судить о народахъ, которыхъ онъ едва знаетъ костюмъ и внѣшнія черты, если даже въ странахъ и городахъ Европы, гдѣ истина повидимому, не могла бы ускользнуть, мнѣнія въ этомъ отношеніи расходятся. Весьма возможно, что Европа испорчена наиболѣе изъ всѣхъ странъ; мнѣ совѣстно за это, но я не сталъ бы и отрицать этого. Что вѣрно, такъ это то, что врядъ ли есть расы, сложенныя хуже, малокровнѣе, бѣднѣе нашей, которая своимъ превосходствомъ на земномъ шарѣ обязана исключительно нашей энергіи и умственнымъ способностямъ. Почти нѣтъ страны, гдѣ бы мы могли жить, не вырождаясь, между тѣмъ какъ китайцы и многіе другіе народы живутъ и благоденствуютъ во всякихъ климатахъ.

16-го іюля, въ томительную погоду, я спустился съ кандійскихъ высотъ въ Коломбо, гдѣ я встрѣтилъ снова тотъ же зной, котораго необходимо было избѣгать, тѣмъ болѣе что почти повсюду свирѣпствовала холера. Между тѣмъ въ самый полдень я безъ всякаго прикрытія сдѣлалъ прогулку по окрестностямъ, гдѣ я тщетно предлагалъ, двадцать франковъ за одинъ маленькій камень, который продаютъ малабары и которому приписываютъ свойство поглощать какъ губка ядъ, остающійся отъ укушенія змѣй. Вѣра эта, хотя очевидно основанная на лжи, слишкомъ всеобща, какъ достаточно доказы-

ваетъ это тотъ фактъ, что бѣднякъ, живущій пятью франками въ мѣсяцъ, отказывается отъ двадцати франковъ за самый маленькій камешекъ.

Коломбо окруженъ, какъ поясомъ, прекрасными кокосовыми деревьями — и природа кажется не дала ему ничего больше, ибо портъ его скверенъ, какъ и всѣ порты острова, за исключеніемъ *Тринкомалé*, который находится на сѣверо-востоку и который путешественники объявляютъ прекраснѣйшимъ въ мірѣ. По близости его живетъ почти угасшее племя дикихъ *ведасовъ*, скрывающихся въ деревьяхъ и прокармливающихъ себя охотою. Въ этихъ лѣсахъ и горахъ, составляющихъ почти непреодолимую преграду Канди и Тринкомале, водится также множество слоновъ, сберегаемыхъ охотниками; ихъ, какъ увѣряли меня, оставалось тамъ не болѣе двухъ тысячъ. Обычный способъ ихъ ловли состоитъ въ томъ, что охотники составляютъ вокругъ нихъ большой кругъ, который они постепенно съуживаютъ, сгоняя всѣхъ къ центру, гдѣ и ловятъ ихъ между изгородями. Это называется дѣлать *краулъ*. Но есть еще другое, весьма оригинальное средство овладѣвать ими, состоящее въ томъ, что отправляются отыскивать ихъ ночью, съ фонаремъ, который направляютъ прямо на нихъ. Они, какъ ослѣпленные, въ испугѣ кидаются бѣжать въ желаемомъ направленіи.

Отправляясь изъ Коломбо, я замѣтилъ фактъ, который показался мнѣ страннымъ: еще совершенно молодыя кокосовыя деревья выходятъ изъ земли съ совершенно развитыми и такими же большими вѣтвями, какъ это бываетъ у взрослыхъ. Нѣсколько позже ихъ стволы окружаютъ иглистыми вѣтвями, чтобы помѣшать лазить на нихъ, ибо они должны служить лишь на удовлетвореніе ежедневныхъ потребностей тѣхъ, кто живетъ среди ихъ.

На этотъ разъ нашъ «скороходъ», изъ ста пятнадцати километровъ между Коломбо и Пуанъ де-Галлемъ, сдѣлалъ по крайней мѣрѣ восемдесять галопомъ и особенно усталъ — фактъ неизъяснимый, если принять въ соображеніе, что эти люди ѣдятъ не больше десятилѣтняго европейскаго ребенка.

Я пріѣхалъ въ Галь какъ быть во время, чтобы отправиться съ однимъ изъ моихъ товарищей по путешествію смотрѣть на мусульманскую свадьбу, которая должна была совершиться при большомъ оркестрѣ, среди ночи, въ густомъ лѣсу, за милю отъ деревни.

Европейцу при подобномъ обстоятельствѣ остается только слѣдовать правилу: быть со всѣми какъ можно вѣжливѣе, не забывая ни-

когда, что никто не бываетъ въ этомъ отношенiи щекотливѣе азiятца.

Такъ какъ мы поступали согласно этому правилу, то были встрѣчены съ торжествомъ достойнымъ посланниковъ, и мясникъ, который долженъ былъ вѣнчаться, принялъ насъ съ благосклонностью монарха. Еслибы даже не было этой оригинальности мѣста фантастическихъ декорацiй, фейерверковъ, варварской музыки и танцевъ баядерокъ, то и тогда я былъ бы тронутъ оказываемыми намъ вниманiемъ и уваженiемъ. Обоихъ насъ заставили сѣсть на эстрадѣ за столъ, который вскорѣ уставился шербетами, ликерами, имѣвшими вкусъ настоящаго нектара, и ананасами, а между тѣмъ маленькiе мусульмане обмахивали насъ сухими кокосовыми листьями. Какой интересъ для нихъ былъ во всемъ этомъ? Никакого. Это была чистая доброта души къ лицамъ, которыхъ они знали, что не увидятъ больше, доброта, которую часто выражали мнѣ въ Индiи, но всегда съ цѣлiю какого нибудь интереса. Но, къ несчастiю для насъ, невѣста упрямо пряталась отъ насъ, и потому, около полуночи, послѣ всевозможныхъ извиненiй и благодарностей, мы должны были проститься съ этими добрыми людьми, изъ которыхъ нѣкоторые провожали насъ съ факелами до самаго выхода изъ лѣса.

Въ теченiе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами въ ожиданiи судна шедшаго изъ Суэца въ Калькутту, на которое мы должны были сѣсть, мы возобновили охоту на обезьянъ, при чемъ видѣли между ними нѣсколькихъ совершенно бѣлыхъ; но онѣ были такъ робки, что мы не стали нарушать ихъ мизантропическихъ привычекъ, и прекратили преслѣдованiе. Окрестности Пуанъ-де-Галля, этого истиннаго сокровища изъ всѣхъ сокровищъ на землѣ, доставляли бы намъ прогулки достаточно прiятныя сами по себѣ, чтобы отвлечь насъ отъ безцѣльнаго убiйства невинныхъ существъ, даже если бы онѣ не имѣли ни обитателей, ни историческихъ воспоминанiй. Самое абсолютное одиночество, какъ одиночество Робинзона Крузо, было бы выносимо въ такой странѣ, если бы можно было прогнать оттуда вредныхъ животныхъ. Это единственное мѣсто, которое я посѣтилъ бы, когда бы мнѣ показалось, что одна природа сама по себѣ можетъ надолго замѣнить для человѣка общество, быть ему истинной, любимой подругой. Близость моря, его могучiй говоръ, тѣнь и свѣжесть, блескъ самой пышной растительности, безчисленные ручьи— все это наполнило бы душу философа, если бы онъ былъ способенъ на это; говоря по всей строгости, что еще нужно было бы ему для

жизни, если бы, сверхъ того, онъ могъ найти себѣ пищу и убѣжище въ каждомъ деревѣ лѣса? Я сказалъ «говоря по всей строгости», намекая этимъ на то, чтобы философъ нашъ не умеръ ни отъ сумасшествія, ни отъ изнеможенія: вотъ все чего я хочу, ибо если бы онъ какъ нибудь вспомнилъ, что онъ человѣкъ и что онъ одинъ, то его испуганная душа оказалась бы способною улетѣть отъ него въ одно мгновеніе, проклиная существованіе, на которое она увидѣла бы себя обреченною въ пространствѣ, какъ звѣзда, оставшаяся одна по разрушеніи вселенной безъ возможности тяготѣть къ чему нибудь. Отъ песчинки до солнца, отъ дитяти до Бога, ни матеріальное, ни моральное не довольствуется само собою, и если позволительно мысли возноситься столь высоко, то можно осмѣлиться даже вѣрить, что самому Богу пріятно думать, что человѣкъ обожаетъ его и будетъ безсмертенъ за тѣмъ, чтобы могъ обожать его всегда. Нѣтъ свѣта безъ освѣщаемаго предмета; нѣтъ ума безъ познаваемой истины; нѣтъ существа безконечно добраго безъ предмета его любви; человѣкъ не существовалъ бы безъ своего подобія! Мы знаемъ это всѣ, мы это чувствуемъ всѣ, въ особенности мы—странники, испытывающіе столь часто это одиночество среди созданнаго Богомъ великолѣпія: мы страдали въ такомъ случаѣ неопредѣленною и безъимянною болѣзнію, болѣзнью, которая тѣмъ неизлечимѣе, чѣмъ она загадочнѣе, и мы инстинктивно обращались къ Богу, къ родинѣ, къ семьѣ.

ГЛАВА XXVII.

Мадрасъ. — Фокусники. — Катимароны. — Прибытіе къ устьямъ Ганга и въ Калькутту. — Описаніе этого города. — Адъютанты. — Плутовство и подличанье туземцевъ. — Бенгальское солнце. — Паланкинъ.

Приходилось снова уѣзжать и покинуть эту прекрасную страну; я пошелъ проститься со скромной католической часовней, которая наполовину закрыта кокосовыми деревьями, но все-таки видна съ моря и всякому напоминаетъ о необходимости молиться; затѣмъ, 24-го, я сѣлъ на большой пароходъ *Кандія*, шедшій отъ Суэца, который почти во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже быстраго парохода *Мальта*, а главное потому, что старъ. Вотъ что записано въ моемъ журналѣ относительно переѣзда отъ Цейлона въ Калькутту.

«25-го. Огибая островъ съ юга, чтобы перейти на востокъ, мы преодолѣваемъ силу муссона, бури, шквалы, промежутки между которыми составляютъ полное затишье, обыкновенно при температурѣ въ 30°. Судно лѣниво, грязно и приходитъ въ ветхость. Музыки нѣтъ какъ на *Мальтѣ*, и безъ особой платы намъ не даютъ ни лимонаду, ни сельтерской воды . . . .

26-го. Вѣтеръ Ю.; онъ ломаетъ у насъ источенный червями рей большаго марселя. Температура 32°, по моимъ наблюденіямъ самая высокая, какая только случается на морѣ, подъ какой бы то ни было широтой *).

27-го. Мадрасъ виденъ. Ужасная волна, разбиваясь съ громомъ, образуетъ нѣсколько параллельныхъ стѣнъ вышиною въ четыре метра во всю длину берега, гдѣ намъ нужно будетъ высаживаться.»

*) Тогда я не бывалъ еще въ Красномъ морѣ.

Пока я не рѣшаюсь еще сойти на берегъ, на судно являются фокусники, и морочатъ насъ цѣлый часъ. Нигдѣ я не видалъ такой ловкости, какъ у мадрасскихъ фокусниковъ: они продѣлываютъ всѣ свои штуки передъ вашими глазами, при чемъ одежда такъ мало прикрываетъ ихъ, какъ только позволяетъ приличіе. Всего ловчѣй и всего непонятнѣе кажется мнѣ слѣдующій фокусъ: они берутъ блюдо, наполненное однимъ рисомъ, трясутъ его такимъ образомъ, что весь рисъ подбрасывается въ воздухъ, и, по мѣрѣ того какъ онъ падаетъ онъ постепенно превращается во всевозможныя зерна, до тѣхъ поръ, пока рису не остается вовсе. За тѣмъ они берутъ волчокъ и заставляютъ его вертѣться на концѣ палочки, которую ставятъ себѣ на носъ; скажутъ нѣсколько кабалистическихъ словъ,—и палочка начинаетъ вертѣться вмѣстѣ съ волчкомъ, затѣмъ крикнутъ — и волчокъ вертится одинъ. И все это дѣлается на палубѣ корабля, который качается до такой степени, что каждую минуту валитъ съ ногъ непривычнаго человѣка. Иногда они берутъ песку и татуируютъ ими физіономію всевозможными цвѣтами, выплевываютъ цѣлые фунты ключей, замковъ, гвоздей и горящей пакли, *дѣйствительно* втыкаютъ себѣ въ горло ножъ, длиною въ восемнадцать дюймовъ, такъ что его можно ощупать, приложивъ руку къ ихъ шеѣ; даютъ вамъ старую змѣиную кожу, крѣпкую какъ пергаментъ, затѣмъ кладутъ ее подъ салфетку, и начинаютъ играть на своемъ деревянномъ барабанѣ, оставаясь все также почти нагими:—вдругъ является ужасная *cobra de capello*, и ищетъ кого укусить! Мы всѣ дали каждому изъ нихъ по шиллингу, и право не пожалѣли объ этомъ.

Мадрасъ—принадлежитъ къ числу такихъ городовъ, которые всего лучше видны съ моря, причиной чему громадное протяженіе линіи строеній, расположенныхъ вдоль берега, линіи, имѣющей въ длину не менѣе двухъ миль, и направленіе которой кажется совершенно прямымъ. Тутъ виденъ цѣлый рядъ прекрасныхъ домовъ съ верандами и крышами въ видѣ террасъ, крѣпость и гульбище; видъ величественный, при чемъ сила тропическаго освѣщенія еще болѣе увеличивается отъ темно-синяго цвѣта моря, вѣчныя волны котораго поднимаютъ и качаютъ во всѣ стороны самые большіе корабли. Чтобы перевезти пассажировъ на землю, является множество судовъ величиною съ бригъ, на которыхъ помѣщается двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ экипажа и столько же человѣкъ пассажировъ съ ихъ багажемъ. Никто и не подумалъ бы высаживаться какимъ ни-

будь инымъ образомъ. Но рядомъ съ ними скоро появляется множество совершенно другаго рода судовъ, если можно назвать судами то, что не имѣетъ ни трюма, ни киля, ни мѣста куда сѣсть, и что такъ же трудно опредѣлить, какъ математическую точку. Это знаменитые *катимароны*, т. е. два или три плотно соединенныя другъ съ другомъ бревна, на которыхъ помѣщаются обыкновенно два, и то чрезвычайно ловкіе, человѣка, которые должны стоять въ равновѣсіи и готовиться каждую минуту быть сброшенными прямо къ акуламъ.

На такомъ-то суднѣ я и намѣревался перебраться на землю. Когда я, присѣвъ на корточкахъ, оказался не только наровнѣ съ водою, но въ водѣ, и удалялся отъ корабля съ неподвижностью статуи, то на палубѣ Кандіи раздалось всеобщее ура, сопровождаемое раскатомъ смѣха. Впрочемъ, безъ дальнѣйшихъ ободреній меня предоставили моей участи, которая не замедлила опредѣлиться: всѣмъ было доказано то, въ чемъ начинали уже сомнѣваться, а именно, что европейцу легче упасть въ горнило и не обжечься, чѣмъ попытаться переплыть на катимаронѣ на берегъ Мадраса и не претерпѣть крушенія. Я вполнѣ убѣдился въ этомъ, приблизившись на своихъ двухъ бревнахъ къ клубящимся водопадамъ, которые отдѣляли меня отъ земли и настолько же ослѣпляли меня, насколько оглушали. Не думая о томъ, что я дѣлаю, я тотчасъ вскочилъ и сталъ взывать о помощи съ выраженіемъ самаго сильнаго отчаянія, прицѣпился къ большому судну, которое проходило близъ меня и, стараясь влѣзть на него, я приступилъ къ послѣднему акту своей герои-комедіи. Это былъ кризисъ, въ которомъ меня ждали самыя большія затрудненія, ибо была минута, когда можно было бояться, что одинъ изъ моихъ членовъ достанется въ пищу акуламъ. Это было именно тогда, когда, стоя на своихъ бревнахъ въ совершенномъ равновѣсіи, я ухватился обѣими руками за бортъ подошедшаго ко мнѣ судна, и когда въ это самое время набѣжавшая волна подняла его на восемь или на десять футовъ, а мой проклятый катимаронъ настолько же понизился, и я повисъ въ пространствѣ. Тутъ я думалъ, что сейчасъ раздастся выстрѣлъ съ парохода, на которомъ сотни людей видѣли себѣ подобнаго въ такомъ опасномъ положеніи, но они довѣрились моему инстинкту, а я своимъ мускуламъ и вскочилъ на судно съ энергіей осужденнаго Жана Вальжана, который перепрыгиваетъ черезъ стѣну и наконецъ вздыхаетъ свободно. Изъ этого случая, который могъ выйти и некомичнымъ, должна быть выведена полезная мо-

раль, что въ чужой странѣ должно остерегаться отказываться разомъ отъ своихъ привычекъ, вообразивши, что въ ней можно вести себя такъ же, какъ и туземцы. Что касается меня, то мнѣ было разъ навсегда доказано, что скорѣе китаецъ, даже матросъ, управится съ арабскою лошадью, англичанинъ съ блюдомъ лягушекъ, а французъ съ свободою, чѣмъ какой бы то ни было европеецъ съ катимарономъ.

Я говорилъ объ опасности сдѣлаться добычею акулъ, но я вмѣстѣ со многими моряками подвергаю сомнѣнію фактъ, чтобы акула осмѣлилась напасть на живаго человѣка, шевелящагося въ водѣ; я не отрицаю этого, а только говорю, что это сомнительно, и что вполнѣ доказано то, что акулы, не колеблясь, бросаются на трупы и на людей, плавающихъ по водѣ въ безчувствіи. Я знаю морскіе порты, наполненные акулами, напримѣръ Бомбейскій, въ которыхъ однакоже экипажъ никогда не боялся купаться. Всѣмъ извѣстно, что черные мадрасскіе лодочники, безпрестанно падающіе въ воду, всегда выходятъ изъ нея невредимыми; обстоятельство это безъ всякой причины приписываютъ черному цвѣту ихъ кожи, какъ будто голодное животное, прежде чѣмъ начать ѣсть, будетъ задавать себѣ вопросъ отъ кого происходитъ предлагаемое ему блюдо, отъ Хама или отъ Іафета?

Какъ бы то ни было, жизнь этихъ людей достаточно тяжелая для того, чтобы имѣть право надѣяться на болѣе покойную смерть. Работая вѣчно, какъ каторжники, съ непокрытою головою подъ огненнымъ солнцемъ, они рискуютъ своею жизнію почти каждый разъ, какъ въѣзжаютъ на берегъ на своихъ лодкахъ: ибо море уничтожитъ ихъ, если, по малѣйшей неловкости, они подставятъ волнѣ бокъ своей лодки.

Въ обыкновенное время бываетъ по крайней мѣрѣ три параллельныя волны, которыя разбиваются всѣ разомъ, и дѣло состоитъ въ томъ, чтобы доѣхать, не давая ни одной изъ нихъ набѣжать сзади на лодку, на которой, скорчившись, сидятъ пассажиры, защищенные отъ солнца и отъ моря, не видя, что дѣлается назади ихъ, а слыша только шумъ водопада и пронзительные крики лодочниковъ, выдающіе всякаго рода душевныя волненія. Чтобы въѣхать на берегъ, нужна скорѣе ловкость, чѣмъ сила; но чтобы снова выѣхать въ море, нужно предпринимать борьбу съ нимъ грудь съ грудью; о трудностяхъ этой борьбы можно судить уже по тому, что въ этой странѣ нельзя найти лодку, которая бы перевезла васъ на

корабль, какъ бы близко онъ ни былъ, менѣе чѣмъ за семь франковъ, тогда какъ здѣсь каждая копѣйка цѣнится въ двадцать.

Я удержусь отъ попытки описать Мадрасъ, что столько разъ предпринималось и что трудно выполнить какъ слѣдуетъ, по причинѣ столь различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ большаго индѣйскаго города. Здѣсь, какъ и въ Калькуттѣ, въ Бомбеѣ, въ Бенгалѣ, какъ вездѣ, наконецъ, гдѣ водворились европейцы, есть европейскій городъ, съ большими и широкими улицами, съ домами, которые у насъ были бы дворцами, а рядомъ съ нимъ обширный «черный» или туземный городъ съ своимъ лабиринтомъ улицъ, безконечными базарами, изящными пагодами, пылью, запахами и цвѣтами. Мадрасъ громадный городъ; хотя я мало знаю его въ подробностяхъ, я однако же искрестилъ его во всѣхъ направленіяхъ, и не думаю, чтобы онъ былъ менѣе двадцати пяти верстъ въ окружности. Мнѣ онъ нравится больше чѣмъ Калькутта, въ особенности по причинѣ легкаго морскаго вѣтра, по причинѣ того, что деревья занимаютъ добрую четверть его, по его архитектурѣ, потому что вода течетъ въ немъ въ изобиліи, и что туземцы показались мнѣ болѣе честными, если только можно примѣнять это слово, не профанируя его, къ природному индѣйцу; они по крайней мѣрѣ красивѣе, живѣе и стройнѣе, чѣмъ бенгальцы. Вотъ все, что я скажу пока о Мадрасѣ, такъ какъ это все, что я имѣлъ время замѣтить въ первое мое посѣщеніе, продолжавшееся только четыре часа; въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я снова возвращусь къ нему.

Покинувъ Мадрасъ, и какъ только *Кандія* вышла въ открытое море, я замѣтилъ, что къ намъ на судно сѣло до тридцати офицеровъ, составлявшихъ три четверти всѣхъ пассажировъ. Не бывши никогда среди такого большаго общества англійскихъ офицеровъ Индіи, я конечно долженъ былъ сначала держаться отъ нихъ подальше, а не приставать къ нимъ; въ настоящее время, когда я видѣлъ ихъ много, многихъ узналъ и узналъ коротко, я поспѣшу сказать, что я научился цѣнить ихъ, и тотчасъ же бросилъ бы въ огонь тѣ страницы, на которыхъ, говоря объ нихъ, я не хвалилъ ихъ. Но я не думалъ такъ на палубѣ *Кандіи*, гдѣ безъ сомнѣнія я внушалъ недовѣріе, и зналъ даже, что меня принимали за французскаго шпіона; и только человѣка два или три изъ этихъ господъ выказывали благосклонность ко мнѣ, убѣдившись, что я честный человѣкъ, за что я былъ имъ весьма благодаренъ, и восхищенъ какъ ихъ умомъ, такъ и ихъ разсудительностью.

*

Впрочемъ причину этихъ недоразумѣній найти возможно: она состоитъ именно въ томъ, что почти никогда не случается встрѣтить европейца, путешествующаго по Индіи ради своего собственнаго удовольствія, и если встрѣчается кто нибудь, желающій познакомиться со страной и собрать о ней свѣдѣнія, въ особенности если онъ говоритъ по-французски и никому не извѣстенъ, то нельзя быть увѣреннымъ, что его цѣль не политическая. Сколько разъ случалось мнѣ слышать увѣренія или, скорѣе, кого не увѣряли при мнѣ въ Индіи, всякій разъ, какъ рѣчь заходила о Россіи, что передъ возмущеніемъ по странѣ шныряли русскіе шпіоны. Между тѣмъ я вполнѣ увѣренъ, что это вымыселъ. Однако объ этомъ говорилось въ печати, говорилось въ *Times'ѣ*, и съ того времени ни одинъ англичанинъ въ этомъ не сомнѣвается. Несомнѣнно, что самый здравомыслящій народъ въ мірѣ всего легче убѣждается въ вещахъ самыхъ невозможныхъ, въ фактахъ, источники которыхъ скрыты болѣе чѣмъ источники Нила.

30-го іюля море стало до такой степени зеленымъ и тинистымъ, что даже не вѣрилось, что мы на морѣ, хотя невозможно было увидать ни одного дюйма земли. Я невольно думалъ о Миссисипи, съ которой азіатская рѣка сходна во многихъ отношеніяхъ, особенно по своему развѣтвленному и тинистому устью. Мы входили въ рукавъ Ганга, Хухли, протекающій подъ стѣнами Калькутты, между тѣмъ какъ остальныя его воды теряются на востокѣ въ лабиринтѣ острововъ и болотъ, знаменитыхъ *зундербундовъ*, предметъ борьбы между тиграми, крокодилами, холерою и всякаго рода лихорадками.

Когда подумаешь, что эта громадная рѣка есть только ничтожный рукавъ Ганга, то удивляешься тому, какъ громадна должна быть вся масса воды, которую онъ несетъ къ морю, ибо одинъ Хухли уже шире Миссиссипи. Но даже мало привычный глазъ, приближаясь къ берегу, сразу видитъ, принадлежитъ ли онъ острову, или большому материку; точно также, входя въ устье такой рѣки, какъ эта, нельзя ни минуты сомнѣваться въ томъ, что она принадлежитъ почти безконечнымъ землямъ, по которымъ она должна была протечь по крайней мѣрѣ тысячу миль, чтобы увеличиться до такой степени.

Что касается болота, то въ пять часовъ мы проѣхали всѣ сорокъ пять миль, отдѣлющія *sand Heads* отъ Калькутты, переѣздъ, представляющій мало интереса, въ особенности по причинѣ отдаленности береговъ, ихъ болотистаго, въ это время года болѣе чѣмъ когда нибудь, характера и полнаго отсутствія какой бы то ни было воз-

вышенности. Однако отъ легкаго морскаго вѣтерка роскошныя пальмы покачивали своими верхушками среди такой растительности, какая встрѣчается лишь въ странахъ чрезвычайно жаркихъ и чрезвычайно сырыхъ. Надъ этой монотонной картиной, наполовину занятой тинистыми изгибами рѣки, было нѣчто представлявшее болѣе разнообразія: это гнѣвное небо, покрытое грозовыми тучами, мѣднаго и стальнаго цвѣта, въ которыхъ не переставали раздаваться глухіе раскаты грома. Однимъ словомъ, мы болѣе среди муссона или дождливаго времени года, продолжающагося въ Бенгалѣ отъ начала іюня до конца августа.

Наконецъ послѣ величественнаго поворота рѣки, уже окоймленной дворцами, среди которыхъ выдавались по правой сторонѣ дворецъ ex-короля Удскаго, а по лѣвой *Bishop's college*, окруженный казуаринами и другими царями растительнаго царства, сквозь сотни мачтъ моимъ глазамъ впервые представился *городъ дворцовъ*. Мысли мои тотчасъ перенеслись къ Новому-Орлеану, хотя архитектура въ немъ не представляетъ ничего подобнаго тому, что видишь, высаживаясь въ Калькуттѣ.

Эта равнина, въ четыре раза больше Марсоваго поля, окоймленная съ одной стороны рѣкою, покрытою судами, а со всѣхъ остальныхъ, на протяженіи пяти или шести километровъ, почти непрерывнымъ рядомъ дворцовъ, крѣпостей и церквей. На горизонтѣ, покрытомъ лугами, видны разсѣянныя тамъ и сямъ щедрою рукою природы группы большихъ деревьевъ, тѣнь которыхъ драгоцѣннѣе для европейца, ищущаго въ ней защиты отъ пожирающаго зноя солнца, чѣмъ самый прекрасный оазисъ для араба степей; на сѣверѣ обрисовывается величественная масса дворца генералъ-губератора Индіи, со своими ста колоннами, куполомъ и террасами; на югѣ видъ всюду замыкается страшною крѣпостью, *fort William*, и почти посрединѣ возвышается приблизительно на восемьдесять футовъ окруженная статуями колонна, на перекресткѣ аллей, которымъ позавидовалъ бы Парижъ, но, къ сожалѣнію, колонну эту нельзя назвать ни прекрасною, ни изящною. Если въ то время, когда выходишь на берегъ, солнце на горизонтѣ, то эта обширная равнина покажется такою же пустынною, какъ Сахара, а рано утромъ или въ сумерки она будетъ походить на Елисейскія поля, украшенныя блестящими костюмами низвергнутыхъ принцевъ Азіи.

Такова на первый взглядъ Калькутта; это дѣйствительно европейскій городъ, это дѣйствительно «городъ дворцовъ.» Теперь пройди-

тесь по такъ называемому *Майдану*—и вы найдете нѣсколько улицъ годныхъ для самыхъ прекрасныхъ столицъ въ мірѣ; вы найдете тамъ также нѣсколько скверовъ, которые отличаются искусственными резервуарами, величиною почти съ озера, къ которымъ сходишь по широкимъ каменнымъ лѣстницамъ. Вы увидите также нѣсколько довольно длинныхъ шпицевъ церквей, за тѣмъ нѣсколько европейскихъ экипажей; наконецъ мало по малу перестанете встрѣчать бѣлыя лица, и войдете въ міръ заразы съ ветхими покривившимися черными домами, иногда нависшими другъ надъ другомъ, и пойдете по кривымъ улицамъ, въ которыхъ надо побывать сотню разъ, чтобы не заблудиться. Пятьсотъ тысячъ, или даже, говорятъ, до милліона людей кишитъ въ этихъ мрачныхъ вертепахъ; они продаютъ тамъ все, атакуютъ васъ какъ бандиты, чтобы заставить васъ купить что нибудь; говорятъ на всѣхъ языкахъ, признающихъ своимъ корнемъ санскритскій; тысячи изъ нихъ спятъ на порогахъ своихъ домовъ, куда иные приходятъ только за тѣмъ, чтобы совершать публично то, на что не рѣшится иногда собака; за тѣмъ, въ самой скверной изъ улицъ вы встрѣтите нѣсколько дворцовъ раджей, гдѣ скучены всѣ сокровища искусства и природы такъ же безполезныя и такъ же скрытыя, какъ подъ развалинами Помпеи. Будемъ продолжать путь, пройдемъ нѣсколько верстъ и миль, и вотъ налѣво, на берегу священной рѣки, текущей одною грязью и трупами, увѣнчанными воронами, мы увидимъ вертепъ еще болѣе отвратительный вслѣдствіе дыма, которымъ онъ отравляетъ все, его окружающее. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ стѣною, исключая обращенной къ рѣкѣ; войдемъ, и посмотримъ что тамъ? Трупы, приготовленные къ сожженію, уже разложены на кострѣ подъ багровой серебряной бумагой, которую зажжетъ отецъ, или мать, неспособные быть можетъ проронить слезу хоть разъ въ жизни! Всюду дымятся или вспыхиваютъ по временамъ костры печальнымъ угасающимъ пламенемъ, не сдѣлавши своего дѣла, ибо между полѣньями видны еще ноги и волосы. Уйдемте скорѣе изъ этихъ мѣстъ, и отправимся въ кварталы туземной аристократіи. Вотъ толстый раздобрѣвшій *бабу*, круглота котораго доказываетъ, что онъ христіанинъ, по крайней мѣрѣ за столомъ; онъ растянулся съ босыми ногами въ самой прекрасной европейской каретѣ, запряжонной лошадьми, которыя гнутся подъ тяжестью серебряной сбруи. Паланкины сталкиваются среди ругательствъ; купцы кричатъ безпрестанно, продавая всѣ продукты земли, учебники географіи, дождевые зонтики, фотографическія карточки, столовую посуду, сапоги

и жирные пирожки, прилипающіе къ пальцамъ. Вотъ одинъ, который, каждый разъ какъ продастъ что нибудь, дастъ дотронуться до своего большаго пальца на ногѣ:—это священникъ. Но приближается ночь; газа здѣсь нѣтъ, а вы одни во власти милліона людей, которые, свернувъ вамъ голову, считали бы отпущенными всѣ свои грѣхи. Однако не бойтесь:—вопервыхъ, темнота скоро разсѣется отъ сотень шкаликовъ, которые повѣсятъ у дверей, а затѣмъ вы имѣете дѣло съ овечьей породой людей, которые не осмѣлятся дотронуться до волоска на вашей головѣ, пока есть хоть одинъ европеецъ въ десяти миляхъ отсюда: вы бы гораздо спокойнѣе могли прогуливаться въ полночь по Калькуттѣ, чѣмъ по Парижу, если бы шакалы уважали васъ также, какъ люди.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ столицѣ Индіи, мнѣ никогда не надоѣдало отправляться одному въ паланкинѣ изучать базары, гдѣ я всегда открывалъ что нибудь новое. Жара тамъ такая страшная, что европейцу вовсе невозможно гулять на солнцѣ, а потому, спрятавшись въ паланкинѣ, я всегда могъ съ удобствомъ наблюдать нравы, въ особенности въ кварталѣ «*Китайскій базаръ*», гдѣ можно получить всѣ произведенія Китая почти за такую же цѣну, какъ въ Кантонѣ. Впрочемъ, мнѣ удалось узнать о существованіи этихъ базаровъ долгое время спустя послѣ моего пріѣзда, такъ какъ вначалѣ я былъ сильно занятъ, и не скрывая скажу, что причиной тому была крайняя дороговизна жить въ гостиницѣ. Въ Калькуттѣ двѣ главныя гостиницы, т. е. такія, въ которыхъ можно жить: это Spence's Hotel и Wilson's Hotel, въ которомъ я и поселился. Это почти такое же чудовищное зданіе, какъ луврская гостиница, стоящее на самомъ лучшемъ мѣстѣ, на сѣверо-восточномъ углу Майдана. Комнаты, какъ во дворцѣ; кроватъ поставлена по серединѣ, чтобы было прохладнѣе, а надъ нею устроенъ *пункъ*, винтиляторъ, который я опишу впослѣдствіи. Столъ тамъ такой, что лучшаго желать нельзя, но мнѣ казалось непомѣрнымъ платить по четырнадцати шиллинговъ въ день, не получая никакого другаго питья кромѣ воды, а потому, не рѣшаясь проживать двадцать пять франковъ ежедневно, я вскорѣ началъ искать какую нибудь другую гостиницу.

Каждому пріѣхавшему въ Калькутту предстоитъ огромная непріятность, вслѣдствіе которой еще болѣе падаешь духомъ, потому что не ожидаешь ее: она состоитъ въ томъ, что немногіе туземцы говорятъ по-англійски. Индія — это единственная видѣнная мною

покоренная страна, гдѣ европейцы не вкоренили своего языка, и если не говоришь по индостански, то въ десяти миляхъ Калькутты собьешься съ толку совершенно также, какъ въ серединѣ Китайской имперіи. Прежде чѣмъ найти порядочный домъ, въ которомъ бы я могъ поселиться, мнѣ предстояло сдѣлать тамъ еще болѣе удивительныя открытія. Къ счастію, найдти помѣщеніе было не слишкомъ трудно, такъ какъ въ Паркъ-Стритѣ есть превосходные *boarding-houses* на всякую цѣну. Я договорился съ мадамъ Фрюшъ имѣть квартиру и столъ за семьдесять пять франковъ въ мѣсяцъ, безъ сожалѣнія отказываясь отъ гостиницы съ пышностью.

Когда я покойно устроился въ своей новой квартирѣ, и когда, не смотря на весьма основательныя увѣщанія, я уходилъ безъ зонтика среди дня бродить по Калькуттѣ, чтобы удовлетворить жаждѣ своего любопытства, то вотъ самая странная вещь, которая поразила меня.

На верхушкахъ всѣхъ общественныхъ памятниковъ сидѣли въ безпорядкѣ огромныя птицы до такой степени неподвижно, что я весьма долго принималъ ихъ за изваянія; большая часть изъ нихъ стояли на одной ногѣ, опираясь другою, граціозно согнутою ногою на сосѣдку, чтобы поддержать въ равновѣсіи свое чудовищное тѣло. Клювъ у нихъ былъ противный и больной, съ нѣсколькими дырами сверху, а надъ нимъ два красные утомленные глаза, устремленные прямо въ пространство; голова у нихъ была плѣшивая, а фіолетовый зобъ, имѣющій видъ перезрѣвшаго, готоваго упасть плода, висѣлъ подъ грязнымъ основаніемъ клюва. Эти неизвѣстныя мнѣ существа, казались эмблемою болѣзни и грусти, особенно въ ту минуту, когда я подошелъ къ одному изъ нихъ, бывшему близко отъ меня, какъ докторъ, желающій пощупать пульсъ у холернаго больнаго, и когда тронутое животное поворотило верхнюю часть своего тѣла и остановило на мнѣ такой взглядъ, котораго я никогда не забуду; я рѣшился бы дотронуться до него, но его клювъ внушалъ мнѣ страхъ и говорилъ: «не приближайся». Да и само животное дичилось меня, ибо, скоро, опустивъ другую ногу, отошло въ сторону, не переставая глядѣть на меня, какъ лошадь, желающая убѣжать тайкомъ, или, скорѣе, какъ молодой танцоръ въ первомъ кадрилѣ. Наконецъ, не издавши ни одного звука, птица тяжело поднялась въ пространство, сдѣлавши зонтикъ изъ того, что мнѣ показалось полами платья; не только при первомъ взглядѣ на этихъ животныхъ, но еще долго затѣмъ нельзя рѣшить живое ли это что нибудь, или нѣтъ, впрочемъ, даже и сдѣлавши это первое открытіе, но видя какъ

Экволиптія — австралійское растеніе.

онѣ идутъ по восьми и по десяти въ рядъ, вытягивая ногу, и съ оживленнымъ на минуту взоромъ, еще не рѣшишь люди это во фракахъ или что другое. Въ общежитіи этихъ безмолвныхъ животныхъ открывающихъ свой клювъ, кажется, только тогда, когда нужно проглотить кошку, или какую бы то ни было городскую дрянь, называютъ, *адъютантами*, вслѣдствіе ихъ важныхъ манеръ, а болѣе разумная зоологія, вслѣдствіе ихъ отвисшаго зоба, называетъ ихъ *аистами съ мѣшкомъ*. Несомнѣнно, что безъ нихъ вся Калькутта скоро покрылась бы нечистотами, почему нельзя убивать ихъ, не подвергая себя тяжелымъ бѣдствіямъ: законъ страны охраняетъ ихъ, а когда они послѣ дождей переселяются оказывать услуги въ неизвѣстныхъ намъ мѣстахъ, то ихъ замѣняютъ коршуны и соколы, которые умѣютъ исполнять свое земное назначеніе, не сбивая съ толку науку и не заставляя убѣгать ребятишекъ, какъ аисты.

Нѣтъ ни одной гнусной шутки, которую бы не продѣлывали надъ несчастными адъютантами. Разъ попробовали отравить одного изъ нихъ стрихниномъ; онъ невинно проглотилъ его, но и не почувствовалъ что принялъ ядъ. Тогда ему брызнули въ физіономію хлористою кислотою—и бѣдное животное меланхолически отошло прочь съ навсегда закрытымъ глазомъ. Вотъ что говоритъ Вальбезенъ объ этихъ странныхъ птицахъ:

«Въ дождливое време года *argeelahs* или *butcher's-birds* или *философы*, птицы, величиною съ небольшихъ людей, съ длиннымъ клювомъ, красноватымъ зобомъ, плѣшивымъ черепомъ и черными крыльями, прилетаютъ раздѣлять съ воронами работы по очисткѣ воздуха въ городѣ. Одна изъ самыхъ оригинальныхъ чертъ въ характерѣ столицы Бенгаліи та, что эти огромные пернатые жители безъ страха и важно прохаживаются по улицамъ и на гульбищахъ, среди толпы и экипажей, повидимому вполнѣ пользуясь постановленіемъ закона, налагающаго штрафъ въ пять фунтовъ стерлинговъ на всякаго, кто осмѣлится дотронуться до пера ихъ крыльевъ,—я основательно не говорю—до волосъ на ихъ головѣ *).»

Кто еще никогда не бывалъ въ Индіи, тотъ, пріѣхавши туда, сдѣлаетъ еще одно открытіе, которое удивитъ его хотя нѣсколько: туземцы, которыхъ онъ воображалъ коричневаго или бронзоваго цвѣта, оказываются по большей части такими же черными, какъ эфіопы; я хорошо знаю, что это не вездѣ: такъ—въ Канарѣ и Майсурѣ я

*) Англичане Индіи.

встрѣчалъ желтый и даже самый прекрасный бѣлый цвѣтъ; но это не составляетъ общаго правила. Кромѣ того, по тѣлосложенію, бенгальцы на мой взглядъ стоятъ ниже всѣхъ народовъ Индіи, гдѣ человѣческія формы достигаютъ почти всегда такого совершенства, такой симетріи, какія едва ли встрѣтишь у насъ въ скульптурѣ.

Если бы кто нибудь ожидалъ встрѣтить въ Индіи ту естественную мягкость, тѣ возвышенныя чувства, которыя свойственны обыкновенно существамъ страдающимъ, обиженнымъ или угнетаемымъ, тотъ тоже убѣдился бы, что онъ жестоко ошибался. У индуса есть мягкость во взглядѣ, но она полна лукавства.

Пришлось бы написать не нѣсколько строкъ, а цѣлые томы, если бы захотѣть доказывать, сотнями примѣровъ, что честность распространена въ этой странѣ такъ же, какъ кретинизмъ внѣ ея; она свойственна не многимъ людямъ, и въ этомъ убѣждаешься, прежде даже чѣмъ переступишь порогъ гостиницы. Среди улицы васъ осаждаютъ толпы, вооруженныя старыми книгами, шляпами, щетками и т. д., за которыя эти мошенники запрашиваютъ непомѣрныя цѣны, и оканчиваютъ тѣмъ, что отдаютъ ихъ за четверть той суммы, которую хотѣли сначала, сбавляя однако все по копѣйкѣ, при чемъ за каждую копѣйку стоятъ такъ, какъ будто отъ нея зависитъ жизнь. Въ вашей комнатѣ, гдѣ вы считаете себя совершенно свободнымъ, скоро появляется двадцать-тридцать человѣкъ, которые распростираются передъ вами какъ передъ идоломъ: это слуги, вооруженные свидѣтельствами, переходившими изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ знаменитыя пилюли антимонія въ средніе вѣка, или же данныя имъ какимъ нибудь господиномъ, у котораго черезъ минуту они обобрали бы все, что онъ имѣетъ. Однакоже необходимо взять хотя двухъ изъ нихъ: одного—убирать комнату, а другаго—служить за столомъ, иначе ничто не будетъ дѣлаться даже въ самой лучшей гостиницѣ, гдѣ у каждаго есть свой слуга, или свои слуги. Вы хотите остаться одни, хотите сами распаковать свои чемоданы, перемѣнить дорожное платье, но это невозможно: васъ берутъ за руки, за ноги, хватаютъ ваши чемоданы, вы становитесь вещью вашего слуги, который, впрочемъ, скорѣе дастъ отсѣчь себѣ голову, чѣмъ выпьетъ изъ вашего стакана. Часъ спустя является общество портныхъ съ цѣлой грудой свидѣтельствъ и образчиковъ. Ихъ цѣны кажутся вамъ болѣе чѣмъ умѣренными: вы заказываете съ дюжину панталонъ, но едва успѣютъ они уйти, какъ вы узнаете, что цѣны взяты тройныя противъ обычныхъ. Въ Индіи невозможно получить никакой вещи и

никакой услуги, не будучи порядкомъ обманутымъ тѣми, кто предлагаетъ ихъ. Это аксiома.

Коварство не могло бы идти далѣе, и какъ нищiй, умирающiй съ голода, такъ и браминъ миллiонеръ будетъ вести съ вами скромную войну изъ каждаго лишняго сантима. И это еще не все: еще недостаточно знать, что васъ обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ; приходится еще открыто и благосклонно подчиняться тому, что вашъ слуга получаетъ извѣстный процентъ прибыли отъ всѣхъ вашихъ покупокъ—это установившiйся обычай, признанный европейцами, передъ которыми они преклоняются всякiй разъ, какъ имъ случается покупать что нибудь въ присутствiи ихъ слуги или кого нибудь изъ ихъ чиновниковъ; отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что они за все платятъ слишкомъ дорого. Можетъ быть скажутъ, что это вещь весьма справедливая, и весьма простительная для несчастныхъ, получающихъ только пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ; но эти пятнадцать франковъ стоятъ шестидесяти для людей, кормящихся на три копѣйки въ день, одѣвающихся за нѣсколько франковъ въ годъ и могущихъ прожить на десятую долю своихъ доходовъ отъ вашихъ покупокъ на базарахъ.

Въ первые дни этотъ обычай такъ поразилъ меня, что я не захотѣлъ подчиниться ему и рѣшилъ самъ покупать все, что мнѣ нужно; но это совершенно безполезно, ибо какъ только европеецъ примется самъ торговать какую нибудь вещь, то всѣ купцы отъ одного конца базара до другаго сейчасъ же сговорятся не уступать вещь дешевле чѣмъ за извѣстную цѣну.

Когда же я отправлялся въ паланкинѣ, боясь быть испеченнымъ солнцемъ, то дѣло было еще хуже: мои четыре носильщика тормошили меня, какъ гiены, и если я старался сдѣлаться съ какимъ нибудь купцомъ, то они начинали грозить ему. Между тѣмъ когда мнѣ приходилось расплачиваться съ ними, и при этомъ случалось только монета въ восемь она (двадцать четыре су), то они начинали, поднявъ руки къ небу, увѣрять меня, что у нихъ нѣтъ ни одного сантима, тогда какъ, схвативши мѣшокъ, привѣшенный у нихъ къ поясу, я всегда находилъ, что онъ полонъ мѣди; а когда они начинали отыскивать мнѣ монету въ одну рупiю, то пересчитать всѣ находившiяся въ мѣшкѣ деньги мнѣ казалось невозможнымъ. Отъ всего этого, проживши въ Индiи, ужъ я не говорю десять лѣтъ, а даже десять дней, дойдешь до того, что станешь презирать родъ человѣческiй, не только потому, что честный человѣкъ здѣсь рѣже брил-

ліанта, но потому что, здѣсь ничего не возьмешь никакою филантропіею въ мірѣ, если не станешь обращаться съ этими людьми какъ съ ослами или собаками.

Однако я ушелъ слишкомъ далеко отъ Калькутты и въ особенности отъ моего путешествія; но если я кинулся въ политику, такъ это потому, что прожилъ въ столицѣ Индіи довольно долго, и не претендую дѣлать ежедневныя сообщенія о моихъ дѣйствіяхъ, какъ это дѣлаютъ во время путешествія царственныя особы, тѣмъ болѣе, что время шло очень однообразно; дождь лилъ почти непрерывно цѣлыми водопадами; а когда появилось солнце, то оно составляло серьезное препятствіе для прогулокъ. Впрочемъ я никогда не могъ или скорѣе не хотѣлъ убѣдиться, не смотря на увѣренія всѣхъ, что гулять днемъ—это значитъ рисковать жизнью; иностранецъ готовъ смѣяться, когда ему говорятъ подобныя вещи; онъ довѣряетъ своимъ силамъ, своему здоровью, и никогда не можетъ себѣ представить, чтобы солнце могло сразить здороваго человѣка такъ же внезапно, какъ громъ. Однако это какъ нельзя болѣе справедливо, и многіе только что высадившіеся и недовѣрчивые путешественники поплатились за это свѣдѣніе, хотя, по особой благости судьбы, они рисковали меньше другихъ. Солнце Индіи и ея климатъ вообще имѣютъ ту особенность, что чѣмъ дольше тамъ живешь, тѣмъ меньше къ нимъ привыкаешь: въ теченіе недѣли, мѣсяца и даже года вы почти безнаказанно можете гулять днемъ; но придетъ день, придетъ также несомнѣнно, какъ день вашей смерти, когда это станетъ невозможнымъ: печень перестаетъ дѣйствовать, пищевареніе прекращается, все тѣло лишается соковъ и даже способности испаряться; человѣкъ высыхаетъ и умираетъ, или сходитъ съ ума.

Это не то, чтобы температура солнечныхъ лучей была здѣсь выше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ; мнѣ случалось испытывать гораздо болѣе сильный жаръ, но лучи дѣйствовали на поверхность, жгли кожу и причиняли потъ, какъ будто они, падая на васъ, *отражались*; здѣсь же они проникаютъ васъ, *проходятъ насквозь* какъ стрѣлы, разстроиваютъ ваши способности, нарушаютъ всѣ ваши отправленія и какъ бы прожигаютъ васъ до мозга костей, производя лихорадку. Европейца убиваетъ въ этой или иной странѣ не повышеніе температуры до такого-то или до такого-то градуса, а продолжительный и непрерывный жаръ. Между самымъ сильнымъ жаромъ въ Петербургѣ и въ Калькуттѣ почти нѣтъ разницы,—единственная существенная разница состоитъ въ томъ, что въ Каль-

куттѣ съ 1-го января по 31-е декабря едвали случится хоть одинъ день, когда бы температура не достигла 30°. Ничто не въ силахъ противостоять этому медленному и продолжительному дѣйствію удушливаго жара. Легче было бы жить въ Европѣ съ полупудовымъ грузомъ на плечахъ, чѣмъ въ Индіи съ воздержаніемъ трапписта.

Такъ какъ подобная вынужденная бездѣятельность никоимъ образомъ не согласовалась съ моими вкусами, то я всячески искалъ развлеченій духовныхъ и поэтому абонировался за одну рупи (пятьдесятъ су) въ мѣсяцъ въ великолѣпной библіотекѣ, основанной лордомъ Меткальфомъ, Metcalfe Hall. Во все время моего пребыванія я отправлялся въ нее пѣшкомъ и даже безъ зонтика, хотя жилъ въ трехъ верстахъ отъ нея. Когда встрѣчаешь въ этой странѣ европейца, идущаго пѣшкомъ, то можно сдѣлать только два заключенія: или что у него нѣтъ десяти су въ карманѣ, чтобы заплатить за паланкинъ, или что онъ сумасшедшій; а потому, чтобы не вводить въ заблужденіе по этому поводу, я нанималъ иногда *palkis*, въ которыхъ ѣздить чрезвычайно удобно. Это родъ постели приблизительно въ два метра длиною, одинъ метръ шириною и вышиною; въ нее входятъ чрезъ дверцы и затѣмъ растягиваются на подушкахъ. Васъ несутъ четыре человѣка, два спереди и два сзади, при помощи короткаго дышла, которое они кладутъ себѣ на плечи, такъ что вы висите между ними. Идутъ они такъ плавно, что вы не чувствуете никакихъ толчковъ, и проходятъ, среднимъ числомъ, по семи, а иногда по восьми верстъ въ часъ, неся тяжесть не менѣе чѣмъ въ двѣсти килограмовъ, поднять которую не хватило бы ни силы, ни ловкости у самыхъ сильныхъ изъ нашихъ матросовъ. Вотъ какимъ образомъ проѣзжаются не только большія улицы, но все государство Индіи по ночамъ, въ паланкинѣ, въ которомъ спится такъ хорошо, что носильщики останавливаются иногда на нѣсколько часовъ, а путешественникъ и не замѣтитъ этого. Такъ ѣздятъ и женщины, однѣ за сотни миль, и ничего съ ними не случается, ибо хотя ихъ несутъ по дѣвственнымъ лѣсамъ, наполненнымъ тиграми, но несутъ такіе люди, которые умѣютъ преодолѣть все, кромѣ гнѣва европейца.

Плата за проѣздъ въ паланкинѣ въ Калькуттѣ равняется приблизительно четыремъ су за версту т. е. по одному су на человѣка. Хотя носильщиковъ этихъ (*bearers*) безконечное множество, и хотя экипажи всякаго рода ведутъ съ ними конкуренцію, однако же они находятъ возможность на свои сбереженія содержать скотъ, курить

сигары и не обкрадывать ежедневно тѣхъ, кого имъ есть выгода носить. Идя, они всегда издаютъ такіе неопредѣленные звуки, которые вообразить себѣ можетъ только тотъ, кто видѣлъ въ Каирѣ «dervischs hurleurs»; они дѣлаютъ это для того, чтобы идти въ ногу, ободрять себя и предостерегать прохожихъ; но когда бѣдняти запыхаются, то звуки эти становятся все жалобнѣе и жалобнѣе, и европейцу просто становится стыдно не выйдти. Впрочемъ приближаясь къ назначенному мѣсту, они начинаютъ пѣть нѣчто въ родѣ *аллилуія*, въ которомъ они какъ будто бы спорятъ между собою о томъ, сколько господинъ (sâhib) дастъ имъ. Когда они высадятъ васъ, то ихъ изнеможеніе просто не имѣетъ границъ, они дышатъ какъ умирающіе, такъ что вновь пріѣзжій готовъ бѣжать за о-де-колономъ; это искусные комедіанты; но играя свою роль, они никогда не умѣютъ умирать какъ Мольеръ. Они превосходно понимаютъ свою выгоду и всегда дорожатся лѣтомъ, когда безъ нихъ нельзя обойтись. Зимой же они спускаютъ цѣну, и при малѣйшемъ знакѣ европейца самые сильные бросаются на своихъ сосѣдей, съ паланкиномъ на плечахъ съ непомѣрною яростью; часто случалось мнѣ быть причиною этихъ безплатныхъ сценъ; бывало я всегда изображалъ изъ себя либо важнаго барина, который умѣетъ ходить и не нуждается въ ихъ услугахъ, либо даже Юпитера Громовержца; но по моемъ возвращеніи въ Европу, я часто съ сожалѣніемъ, даже съ любовью вспоминалъ своихъ кроткихъ и неутомимыхъ калькуттскихъ носильщиковъ.

ГЛАВА XXVIII.

Печать.—Странды и военная музыка.—Фанатизмъ.—Жизнь европейца въ Калькуттѣ. Коршуны срываютъ съ меня шапку вмѣстѣ съ волосами.—Танецъ баядерокъ у одного раджи.—Надувательство, суевѣріе и распутство.—Немыслимыя отношенія между европейскими и индусскими расами.—Памятники Калькутты.

Черезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ въ Калькутту, въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ магазиновъ происходила аукціонная продажа различныхъ подарковъ, полученныхъ генералъ-губернаторомъ отъ народовъ сѣверо-запада въ его послѣдній объѣздъ, такъ какъ существуетъ строгое правило, по которому онъ не можетъ удержать ихъ. Я конечно не упустилъ такого прекраснаго случая для изученія физіономій, ибо на этой продажѣ были представители всѣхъ народовъ полуострова, въ лицѣ ихъ самыхъ богатыхъ купцовъ. Къ тому же была еще выставка драгоцѣнныхъ вещей и матерій, какую едва ли случится увидѣть въ другой разъ въ жизни, и которая возбудила во мнѣ удивленіе; признаюсь, всего этого было достаточно, чтобы заставить меня войдти и остаться въ такомъ залѣ, гдѣ европеецъ еле могъ дышать. Купить что нибудь было невозможно, такъ какъ вся процедура шла на индостанскомъ языкѣ, и я довольствовался разсматриваніемъ этихъ выразительныхъ, умныхъ и красивыхъ лицъ, прибывшихъ изъ столькихъ различныхъ странъ. У всѣхъ грація была врожденною, а искусство еще болѣе возвышало ее при помощи самыхъ блестящихъ и необыкновенно красиво надѣтыхъ костюмовъ. Послѣдній нищій въ Индіи, какъ ни низка его душа, сохраняетъ, какъ и раджа, видъ важнаго барина, а хорошо воспитанный, тщательно одѣтый и опрятный индусъ въ физическомъ отношеніи представляетъ

безъ сомнѣнія самый красивый и, главное, самый правильный типъ, какой только можно встрѣтить. Для фотографіи было бы открыто широкое поле, если бы кому вздумалось составить коллекцію всѣхъ костюмовъ этой огромной страны, гдѣ одинъ тюрбанъ, который тамъ во всеобщемъ употребленіи, надѣвается двадцатью различными манерами. Мнѣ случалось видѣть богатыхъ молодыхъ людей въ ихъ полномъ нарядѣ, у которыхъ тюрбанъ былъ длиною до сорока пяти метровъ, и искусно повязывался человѣкомъ, который только этимъ и занимается.

При продажѣ я былъ крайне удивленъ чрезвычайно высокими цѣнами на кашемировыя шали; очень немногія изъ нихъ были уступлены менѣе чѣмъ за двѣ тысячи франковъ. Все было куплено туземцами, ибо они одни были способны пробыть въ такой атмосферѣ столько времени, сколько нужно для заключенія торга; для европейца легче было бы переночевать на вершинѣ Монблана.

Тутъ я увидѣлъ, что для достиженія чего бы то ни было, а въ особенности для того, чтобы путешествовать, мнѣ необходимо сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ всѣ пріѣзжіе иностранцы, т. е. засѣсть за изученіе языка. Для этого берутъ обыкновенно туземнаго учителя, называемаго *мунши*, который даетъ свои уроки весьма добросовѣстно за какіе нибудь тридцать франковъ въ мѣсяцъ. Я думалъ, что можно научиться одному, и былъ вполнѣ разочарованъ въ этомъ лишь тогда, когда уже покидалъ страну. Знать языкъ не только полезно, но необходимо; не зная его рискуешь во время путешествія умереть съ голоду, въ случаѣ если тебя покинетъ переводчикъ, который, кромѣ того, обходится весьма дорого и безнаказанно можетъ продѣлывать всевозможныя штуки съ своимъ хозяиномъ. Почти во всякой другой странѣ европеецъ можетъ оставаться тѣмъ, что онъ есть, сохранить свой языкъ, свой костюмъ, свои привычки; въ Индіи же надо начать новую жизнь, войдти въ новую атмосферу, отрѣшиться отъ прежней личности, надо *индіанизироваться*, и полагаться всего болѣе на самаго себя, потому что иной разъ придется быть можетъ проводить недѣли и мѣсяцы, не видя ни одного европейца, ибо это чистая иллюзія, что въ странѣ живутъ милліоны европейцевъ; не основываясь ни на какой статистикѣ, я осмѣлюсь утверждать, что, не принимая въ расчетъ армію, въ которой считается восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, на пространствѣ въ семь разъ большемъ нежели Франція, не будетъ и такого числа европейцевъ, сколько ихъ въ Ліонѣ или въ Ливерпулѣ; можно судить по этому, какъ до-

рогъ каждый изъ нихъ, какъ велика была бы его отвѣтственность, и какимъ опасностямъ подвергался бы онъ всюду безъ правъ, какое даютъ ему его руки и сила арміи. Собственно въ Калькуттѣ, гдѣ европейцевъ довольно много, отношеніе ихъ къ туземцамъ никакъ не болѣ одного къ двумъ стамъ. Въ виду господствующаго тамъ спокойствія, что можетъ служить сильнѣе этого доказательства естественной способности одниxъ—повелѣвать, а другихъ — повиноваться?

Но поговоримъ немного о томъ кружкѣ, въ который я самъ былъ брошенъ, какъ бы рукою Провидѣнія. Замѣчательно, право, что я попалъ, самъ того не зная, въ среду единовѣрцевъ, въ кварталъ пропитанный католическою атмосферою. Противъ меня возвышалась коллегія іезуитовъ, а немного подалѣе возвышался шпицъ ихъ церкви; а какъ утѣшительно среди такой безпокойной жизни и столь разнообразныхъ впечатлѣній, встрѣчать постоянно напоминаніе о томъ, что никогда не измѣняется, о религіи, которую почиталъ съ дѣтства. Тутъ только кажется, что ты не покидалъ родины тутъ только снова подкрѣпляется характеръ, снова загорается ослабѣвшій священный огонь. Проходя по улицамъ столицы такой глубоко-языческой страны, католикъ можетъ гордиться тѣмъ, что на каждомъ шагу встрѣчаются церкви его культа, и что онѣ полны народомъ; ему придется горько сожалѣть лишь о томъ, что почти никогда въ нихъ нельзя встрѣтить туземца, ибо индѣйцу также трудно сдѣлаться христіаниномъ, какъ полярнымъ льдамъ проплыть за тропики. При случаѣ я скажу, что думаютъ объ этомъ миссіонеры, не тѣ миссіонеры, которые не могутъ тронуться иначе, какъ въ сопровожденіи жены дѣтей и слугъ, а апостоловъ, преданныхъ своему дѣлу, которыхъ я встрѣчалъ иногда на моемъ пути. Для меня было также весьма дорого встрѣтить въ католической средѣ, окружавшей меня, одного городскаго управителя, дѣти котораго воспитывались въ монастырѣ въ Дорджелингѣ, одной гималайской деревнѣ, куда я намѣревался отправиться отдохнуть, какъ только кончатся дожди. Это былъ М. Чэпмэнъ, оказавшій мнѣ большія услуги въ то время своими совѣтами, а впослѣдствіи и дѣломъ. Такъ какъ дождливое время представляетъ непреодолимое препятствіе для всякаго путешествія, то мнѣ не оставалось ничего болѣе какъ ждать, что конечно не легко.

Отказываясь отъ всякаго общества, чтобы пользоваться полною свободою, я предался литературнымъ занятіямъ, и возъимѣлъ счастливую мысль, пользуясь свободнымъ временемъ, напечатать свое путешествіе

изъ Кяхты въ Пекинъ, и внизъ по Амуру. Такъ какъ Пекинъ не былъ взятъ въ это время, то мнѣ казалось, что я могу разсказать кое-что интересное, и, засѣвши, я черезъ мѣсяцъ представилъ свой скромный, но добросовѣстный трудъ въ *Englishman*, главный журналъ Калькутты. При этомъ мнѣ значительно помогли превосходныя сочиненія, съ которыми я могъ справляться въ библіотекѣ *Меткальфа*, гдѣ мнѣ всегда было странно встрѣчать такъ много туземцевъ и такъ мало европейцевъ. Мнѣ кажется, что въ Индіи умы питаются почти исключительно журналами, пищей нездоровою и тѣмъ болѣе опасною, что ее подаютъ всегда на золоченныхъ блюдахъ. Быть можетъ мнѣ и не пристало бы возвышать свой голосъ противъ журналовъ Калькутты, послѣ того какъ мое имя въ теченіе чуть не четырехъ мѣсяцевъ можно было читать на ихъ столбцахъ; меня льстило то, что ими были приняты страницы чисто литературныя, однако же я не считаю себя лишеннымъ права порицать ихъ политику, а иногда ихъ дурное направленіе, и не сдѣлалъ бы себѣ никакого упрека, начавъ съ ними такую же войну, какъ съ журналами Китая и Австраліи, не отрицая впрочемъ, что они написаны лучше тѣхъ. Доказать, что Франція есть адская машина; что всѣ сыны ея падаютъ либо уже упали до послѣдней ступени человѣческой лѣстницы; что ея солдаты ни что иное, какъ шарлатаны, и ея государь—Неронъ: вотъ та программа, которую, прежде чѣмъ взяться за перо, начертываютъ себѣ многіе журналисты Индіи. Если бы разсказываемыя ими вещи были совершенно справедливы, то и тогда нужно было бы имѣть менѣе такта, чѣмъ у какого нибудь обитателя Новой-Каледоніи, чтобы изложить ихъ въ такой неподходящей формѣ. Но что должно думать о писателѣ, и можно ли сравнивать его даже съ негромъ Папуазіи, когда оказывается, что у него не написано притомъ ни одного слова правды? Разсказывая въ качествѣ очевидца о взятіи Пекина, одинъ парижскій корреспондентъ осмѣливается характеризовать одного изъ нашихъ храбрыхъ генераловъ, уже и безъ того осыпаннаго бранью такимъ образомъ: «*A conceited, vainglorious and very paltry coxcomb* (тщеславный, надменный и пустой вѣтрогонъ). Я объявляю по совѣсти, съ горечью, но безъ ненависти, что отъ одного края земли до другаго существуетъ непрерывная полоса англійской колоніальной прессы направленная противъ всего, что есть французскаго: для ея апостоловъ языкъ Корнеля все равно что языкъ ирокезовъ, какъ по его собственнымъ свойствамъ, такъ и потому какъ они понимаютъ его. О врагахъ, будь они хоть сами антропофаги, не го-

ворятъ такъ, какъ они говорятъ о французахъ. Простые умы, а тѣмъ болѣе умы серьезные и развитые никогда не увлекаются такою дикою ненавистью, да и не честно непрестанно стараться унизить флагъ, водруженный въ настоящее время на всѣхъ берегахъ. Впрочемъ, никому нѣтъ пощады, могъ бы сказать лордъ Канингъ, если бы онъ оказывалъ честь своимъ журналамъ и читалъ бы ихъ. Громъ Ватикана никогда не бывалъ такъ страшенъ, какъ стрѣлы, направленныя противъ человѣка, который однако же спасъ Индію, и о которомъ сожалѣли, когда онъ покинулъ ее. Мнѣ кажется, что люди, сующіе у насъ въ звѣринцахъ свои головы въ пасти львовъ и остающіеся невредимыми, предпринимаютъ менѣе трудную задачу, нежели сдѣлать общественное дѣло и не быть съ неблагодарностью растерзаннымъ журналистами Индіи. Это слѣдовало бы называть не «свободою», а «безстыдствомъ» прессы.

Впрочемъ, она поетъ не всегда на одинъ ладъ, а иногда варіируетъ свои выходки, какъ доказываетъ слѣдующая выписка:

«Къ издателю Englishman'a

«Милостивый Государь!

«Многія близко знакомыя мнѣ дамы просили меня извѣстить, посредствомъ вашего журнала, одного господина, приходящаго иногда въ церковь, о неприличности его поведенія, такъ какъ во время службы онъ только и дѣлаетъ, что смотритъ на нихъ, вмѣсто того чтобы смотрѣть въ книжку или на проповѣдника. Я надѣюсь, что это извѣщеніе будетъ имѣть желаемое дѣйствіе. Дамамъ было бы желательно, чтобы этотъ дикій господинъ (jungly) понялъ, что онѣ не

«Куки *)».

Журналъ, заботящійся объ интересахъ нравственности, вмѣсто того чтобы печатать такую глупую протестацію, сдѣлалъ бы лучше, какъ мнѣ кажется, если бы обратилъ свое оружіе противъ самаго прекраснаго пола, ежедневно выставляющаго себя на стыдъ на городскомъ гуляньѣ, гораздо чаще посѣщаемомъ чѣмъ всякая церковь. Я хочу говорить о *Страндѣ*, аллеѣ, идущей вдоль рѣки и наводняемой каждый вечеръ, при закатѣ солнца, европейскимъ населеніемъ города, въ экипажахъ или верхомъ, но никогда не пѣшкомъ. Картина вообще напомилъ бы собою Longchamps, если-

---

*) Полудикое племя, живущее, кажется, около Брама-Путры.

бы не болѣзненный видъ встрѣчающихся здѣсь личностей. Но какъ же можно сохранить цвѣтъ лица, если не дѣлать ни одного шага, если не выходить изъ дому иначе, какъ по захожденіи солнца? Всѣ европейцы всѣхъ трехъ главныхъ городовъ Индіи, стремящіеся въ своихъ экипажахъ ежедневно къ одной и той же цѣли ни что иное, какъ трупы, какъ привидѣнія. Совершенно справедливо, что тамъ при самомъ даже крѣпкомъ тѣлосложеніи дѣлаешься неспособнымъ къ какой бы то ни было усиленной дѣятельности; но отсюда еще далеко до того, чтобы васъ никогда нельзя было видѣть въ томъ положеніи, для котораго человѣкъ созданъ, т. е. прямо стоящимъ на ногахъ. Чтобы тамъ ни говорили о дѣйствіяхъ неумолимаго солнца, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, что люди, обязанные во что бы то ни стало подвергаться ему по своей работѣ, напр. добыватели индиго, землемѣры и инженеры, суть единственные люди изъ европейцевъ, которые здоровы на видъ. Это прекрасное мѣсто для гулянья находится между Хугли и ботаническими садами, и раздѣляется надвое, верхомъ ѣздятъ по одной сторонѣ, а экипажи по другой, и какъ я уже сказалъ, пѣшеходы не встрѣчаются вовсе; въ Индіи никто не ходитъ пѣшкомъ, даже матросы находятъ возможность щеголять въ кабріолетѣ по восьми и по десяти человѣкъ разомъ, при чемъ они еще правятъ сами, безнаказанно задѣвая всѣхъ.

На одной изъ лужаекъ этихъ прекрасныхъ садовъ, разведенныхъ такъ, какъ умѣютъ разводить только англичане, почти каждый вечеръ играетъ музыка, какъ въ Сиднеѣ, Гонгъ-Конгѣ, Квебекѣ и вообще всюду, гдѣ есть англійскій гарнизонъ. Внѣ Европы и Америки люди въ музыкѣ не взыскательны, иначе пришлось бы часто обходиться вовсе безъ нея, между тѣмъ, хотя и искалѣченная на всѣ лады, она все же плѣняетъ душу изгнанника, напоминая ему дорогія мѣста, болѣе чѣмъ все другое, что онъ можетъ видѣть и слышать. У меня не проходило ни одного дня въ Калькутѣ безъ того, чтобы я не отправлялся и не садился среди цвѣтовъ и кустарниковъ, европейцевъ и азіатцевъ передъ блестящимъ кругомъ, наполнявшимъ великолѣпными аріями изъ *Вильгельма Теля* и изъ *Роберта Дьявола* бальзамическую и ясную атмосферу тропическихъ вечеровъ, какъ нельзя болѣе подходячую для этихъ небесныхъ звуковъ. Музыка имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе возвышенное въ странахъ напитанныхъ поэзіею, гдѣ поклоненіе прекрасному распространено повидимому даже среди растеній, среди животныхъ и среди всей неодушевлен-

ной природы; пальмы содрогаются и склоняются, какъ будто слушая, насѣкомыя жужжатъ, даже атмосфера трепещетъ при грустныхъ звукахъ, которые люди, превратившіеся на счастливое мгновеніе въ ангеловъ, похищаютъ у неба. Только мы, европейцы, да воздадутъ намъ хвалу, понимаемъ это невыразимое искусство, самое великое изъ всѣхъ искусствъ, возвышающее даже самую ничтожную матерію. Самый нашъ голосъ, когда мы взволнованы, становится мелодіею, которой не знаетъ дикарь, ибо кромѣ сластолюбія для него нѣтъ никакихъ волненій. Иные утверждали, что музыка есть наслажденіе исключительно чувственное, но какимъ же образомъ люди, наиболѣе пристрастные къ матеріи, не понимаютъ въ ней рѣшительно ничего? Индѣйцы, о которыхъ у насъ теперь идетъ рѣчь, слушаютъ музыку съ удовольствіемъ, но мы ничего не можетъ отвѣтить имъ, когда они смиренно заявляютъ, что во всемъ стоятъ ниже насъ, кромѣ этого божественнаго искусства. Народъ столь порабощенный своими страстями не можетъ имѣть достаточно легкихъ крыльевъ, которыя уносили бы его въ возвышенныя сферы музыкального вдохновенія! Грязи не доступны впечатлѣнія высокаго!

Я очень часто сожалѣлъ, что англичане въ колоніяхъ такъ мало обращаютъ вниманія на полковую музыку: можно сказать безъ преувеличенія, что изъ всего числа музыкантовъ рѣдко четверо стараются играть согласно; всѣ остальные блуждаютъ въ пространствѣ, безъ всякихъ правилъ и порядка, и я не буду несправедливымъ, если скажу, что музыканты туземныхъ полковъ въ Мадрасѣ и Бенгалорѣ, если и играютъ какъ машины, лишенныя чувства и жизни, за то какъ машины гораздо лучше настроенныя, чѣмъ въ европейскихъ полкахъ столицы; они всегда играли согласно и въ тактъ.

Я жилъ въ Калькуттѣ безвыходно уже болѣе недѣли; дождь замѣтно уменьшался, и вотъ однажды, 1-го сентября, мнѣ пришла мысль проѣхаться въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ до деревни *Коссипуръ*, находящейся въ десяти миляхъ отъ города и замѣчательной своимъ пушечнымъ литейнымъ дворомъ. Тамъ я былъ весьма любезно принятъ полковникомъ X., который показалъ мнѣ все строеніе во всѣхъ подробностяхъ, а также и свой великолѣпный садъ, который очаровалъ меня гораздо болѣе.

Какая другая рѣка въ мірѣ имѣетъ такіе берега какъ Гангъ? Природа, какъ она ни великолѣпна, почти затмѣвается здѣсь твореніями искусства, этими легкими куполами, этими минаретами, этими громадными каменными лѣстницами и дворцами древнихъ ца-

рей, скрывающимися, почти утопающими въ зелени и цвѣтахъ. Горецъ никогда не можетъ вообразить, что такая плоская страна можетъ быть такъ прекрасна, и если поднимется по Гангу, то подумаетъ про себя, какъ ничего не видавшее дитя: какова же должна быть красота тѣхъ странъ, гдѣ этотъ гигантъ беретъ свое начало, падая съ вышины въ четыре тысячи метровъ.

О, зачѣмъ паганизмъ и варварство оскверняютъ еще эти прекрасные берега. На низкомъ болотѣ окоймляющемъ рѣку, можно часто видѣть умирающихъ, которыхъ убиваютъ ихъ родители, набивая имъ ноздри и ротъ священною грязью; за тѣмъ они предоставляютъ ихъ судьбѣ, пока рѣка, при разливѣ, не позаботится освободить отъ нихъ землю. Если прогуливаться утромъ вдоль рѣки, даже въ самой Калькуттѣ, то можно быть увѣреннымъ, что часто увидишь на ней трупы, болѣе или менѣе растерзанные воронами и усѣянные раками, которые въ тотъ же день явятся на столѣ богачей.

Близь Кассипура есть деревня, которой избѣгаютъ какъ чумы, потому что она населена одними несчастными, которые, будучи предоставлены священной рѣкѣ, имѣли дерзость и низость возвратиться къ жизни. Они исключены изъ касты и никогда не увидятъ болѣе ни друзей, ни родныхъ.

Нѣтъ ни одной книги въ Индіи, которая не говорила бы обо всемъ этомъ; точно также всякій ребенокъ знаетъ, что фанатики въ странѣ ложатся, при извѣстныхъ празднествахъ, подъ колеса колесницъ и бываютъ раздавливаемы, такъ по крайней мѣрѣ прежде дѣлали это и что жены сжигались на кострахъ своихъ мужей; что великіе грѣшники давали обѣтъ держать поднятою одну руку въ продолженіе десяти лѣтъ, и тысячи другихъ исторій, къ сожалѣнію, на столько же справедливыхъ, насколько невѣроятныхъ. Но не должно вдаваться въ заблужденіе по этому поводу; подобныя вещи никогда не были такъ обыкновенны, какъ это полагаютъ;—я приведу только одно доказательство, что я сдѣлалъ тысячу миль сухимъ путемъ по Индіи и только разъ или два случилось мнѣ видѣть кающагося съ поднятою вверхъ рукою. Другія упомянутыя мною церемоніи запрещаются въ настоящее время англійскимъ правительствомъ, и если даже справедливо, что инымъ фанатикамъ позволяется еще при извѣстныхъ праздникахъ давать подымать себя на верхушку столба посредствомъ крючка, зацѣпляемаго за спину, то я заявляю, что никогда не видалъ ничего подобнаго. Единственная, еще остающаяся язва

Мужскіе и женскіе типы сингалезцевъ.

этого рода, хотя несомнѣнно уменьшающаяся мало по малу, это каста со всѣми ея предразсудками. Если излагать этотъ предметъ подробно, то можно написать книгу, которой никто никогда не повѣритъ:—столько безумства пришлось бы считать возможнымъ для человѣческаго разума. Я, съ своей стороны, ограничусь только замѣтками о томъ, что я могъ наблюдать во время своего путешествія.

Я сказалъ уже, что я жилъ въ Калькуттѣ одинъ; однако я не могу не назвать нѣкоторыхъ личностей, оказавшихъ мнѣ большія услуги, между прочимъ г-на Морано, который, несмотря на множество дѣлъ, не отказывалъ мнѣ ни во времени, ни въ необходимыхъ совѣтахъ при корректурѣ моей рукописи о путешествіи въ Пекинъ. Его усердіе было также неутомимо, какъ его дружба, не измѣнившая себѣ ни на одну минуту. Впослѣдствіи мнѣ придется говорить о другихъ личностяхъ, предупреждавшихъ всѣ мои нужды и желанія; выполненіе этого долга тѣмъ болѣе пріятно, что почти о всѣхъ лицахъ, съ которыми я имѣлъ сношенія въ Индіи, я сохранилъ такое воспоминаніе, которое можно назвать даже любовью. Ни въ какой странѣ, исключая развѣ Россіи, я не встрѣчалъ такого искренняго радушія.

Когда я окончилъ свой небольшой трудъ, то я чувствовалъ себя уставшимъ отъ сидячей жизни, которую я принужденъ былъ вести, и горѣлъ желаніемъ отправиться на границы Тибета. Въ первыхъ числахъ октября, по мѣрѣ того какъ тучи муссона стали проясняться, жара становилась невыносимою. 12-го числа была буря, настоящая бенгальская буря, предшествуемая такими порывами вѣтра, которые могли сшибать съ ногъ какъ людей, такъ и животныхъ. Съ быстрымъ приближеніемъ раската грома, всѣ памятники, окружающіе *Майданъ*, казалось блѣднѣли, вырѣзываясь своими бѣлыми стѣнами на совершенно черномъ небѣ. Пыль, образовавшаяся отъ солнечнаго жара на улицахъ, гдѣ два часа тому назадъ не было ничего, кромѣ грязи, столбами неслась къ сѣверу; склонявшіяся деревья шумѣли; мелькали метеоры какъ маленькія бомбы; наконецъ все содрогалось, какъ при приближеніи непріятельской арміи. Между тѣмъ не упало ни одной капли воды, хотя тучи, висѣвшія надъ городомъ, казалось, заключали въ себѣ цѣлые водопады паровъ, терявшихся однако прежде чѣмъ достичь земли. Мало по малу дни становились все менѣе и менѣе дождливыми, и вмѣстѣ съ хорошимъ временемъ года начались и единственныя развлеченія Калькутты, гдѣ нѣтъ общественнаго театра. Пріѣхала конная труппа, которую

я видѣлъ въ Сиднеѣ и поселились на Майданѣ, гдѣ была раскинута огромная палатка. Я заплатилъ три рупи за жалкое мѣсто во второмъ ярусѣ, но впрочемъ увидалъ оттуда сцену, за которую стоило заплатить десять. Когда зала была почти полна, то вошли сперва нѣсколько индѣйцевъ, а за тѣмъ толпа китайцевъ, и заняли всѣ вакантныя мѣста, находившіяся именно тамъ, гдѣ было всего болѣе европейцевъ. Если бы за англійскимъ обѣдомъ подали блюдо лягушекъ то крику было бы не болѣе. «Пусть они идутъ назадъ, внизъ, вонъ!» кричали ото-всюду. Такимъ образомъ бѣдные индѣйцы принуждены были отправиться назадъ къ двери, и очень можетъ быть, что не получили даже назадъ своихъ денегъ. Но съ китайцами вышло совсѣмъ не то, они безстрастно сидѣли на мѣстахъ, за которыя заплатили, и съ твердымъ и рѣшительнымъ видомъ посматривали на моихъ сосѣдей, грозя даже прибѣгнуть къ силѣ, если ихъ не оставятъ въ покоѣ. Они устроили такъ, что никто не говорилъ имъ больше ничего, и они остались, несмотря на слышавшіяся еще ворчанія въ родѣ слѣдующаго: «Вотъ еще! англичанину, да сѣсть рядомъ съ китайцемъ!» и т. п.

Такъ какъ по утрамъ воздухъ становился нѣсколько свѣжѣе, то до восхода солнца я гулялъ по крышѣ дома, составлявшей террасу, какъ это всегда бываетъ къ Индіи. Отсюда я наблюдалъ приближеніе и удаленіе прекрасныхъ грозъ, иногда ничего не приносившихъ съ собою, кромѣ страшнаго вѣтра; затѣмъ, когда на краю горизонта появлялось солнце, то, не будучи въ состояніи ждать долѣе, я сходилъ внизъ къ *tchôta hazir* (маленькому завтраку), какъ называютъ въ этой странѣ чашку чаю съ кускомъ хлѣба съ масломъ, за два часа до настоящаго завтрака. Въ часъ наступалъ *tiffin*, такъ сказать полдникъ, причемъ всегда подается два блюда мяса, а затѣмъ, около шести часовъ, обѣдъ, послѣ чего все растягивается подъ верандами, окутавшись нѣсколькими лоскутками, которые я не могу назвать костюмомъ; тутъ, развалившись въ огромныхъ бамбуковыхъ креслахъ и еле дыша, несмотря на вечернюю пору и на всякія искусственныя вентиляціи, можно слышать, сквозь глубокій мракъ тропической безлунной ночи, жалобные крики шакаловъ, которые своимъ голоднымъ воемъ нарушаютъ покой пріюта смерти, кладбищъ, почти окружающихъ городъ и напоминающихъ европейцу на чемъ держится его жизнь въ этотъ климатѣ. Можетъ быть и воображеніе играетъ тутъ свою роль, но этотъ крикъ, чтобы онъ ни значилъ, имѣетъ въ себѣ что-то ужасное и дикое.

Около десяти часовъ всѣ отправляются спать, чтобы быть въ состояніи встать на слѣдующій день ранѣе нежели покажется на горизонтѣ врагъ болѣе опасный, чѣмъ желѣзо войны. Время отъ двѣнадцати до пяти почти всѣ, кромѣ слишкомъ незанятыхъ офицеровъ, проводятъ гдѣ нибудь на службѣ, откуда возвращаются въ *булги* (кабріолеты), точно также, какъ и пріѣзжаютъ туда; а кто пощеголеватѣе — такъ въ *гари* (карета о четырехъ колесахъ). Пріѣхавши на службу, кабріолетъ отсылаютъ домой со своимъ *saiss* (грумомъ), который, какъ улитка, сидѣлъ на корточкахъ сзади, пока хозяинъ правилъ, и который никакъ не долженъ, отвозя назадъ экипажъ, садиться въ него. Однакоже очень часто онъ все таки садится въ него, но спрятавшись въ его глубинѣ, такъ что его голова высовывается оттуда лишь тогда, когда ему надо посмотрѣть куда его везетъ лошадь.

Такъ какъ служащій европеецъ получаетъ не менѣе пяти сотъ франковъ въ мѣсяцъ, то нѣтъ ни одного человѣка, у котораго не было бы необходимаго булги, безъ котораго онъ никогда не попадалъ бы на службу. Даже большая часть туземцевъ, какъ по причинѣ жары, такъ и изъ самолюбія не любятъ ходить пѣшкомъ.

Скажу здѣсь по поводу *булги*, *гари-палки* и многихъ другихъ словъ, которыхъ и не припомнишь, что ни въ одной странѣ нѣтъ такого множества названій для экипажей, и гдѣ не существовало бы столько притомъ неудобствъ для путешествія; это открытіе я сдѣлалъ очень скоро. Точно также нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы было такъ развито искусство увѣрять въ преданности, и гдѣ бы можно было встрѣтить такъ мало вѣрности.

Однажды я послалъ моего слугу, маленькаго повѣсу, мусульманина, на базаръ купить кое-что; нашедши что онъ далъ слишкомъ дорого, заплативши, какъ онъ увѣрялъ, тридцать шесть су, я попросилъ его, чтобы онъ былъ откровененъ на этотъ разъ, на что онъ сказалъ: «О, баринъ! вы добрый, вотъ почему я заплатилъ только тридцать шесть су; если бы вы были злой, то вамъ пришлось бы заплатить пятьдесятъ...» Итакъ онъ говорилъ откровенно на этотъ разъ, съ наивностью, которая, по странному смѣшенію свойствъ, присуща только самому хитрому индѣйцу. Однако, обворовывалъ онъ меня или нѣтъ, я часто отказывался отправляться самъ на базаръ, гдѣ мнѣ приходилось иногда стоять въ паланкинѣ по цѣлому получасу, потому что по улицамъ просто проходу нѣтъ.

Однажды я купилъ тамъ башмаки; возвратившись домой, я замѣ

тилъ что они безъ завязокъ; я отправился назадъ заявить объ этомъ; но напрасно,—мнѣ возразили: «Вѣдь вы покупали башмаки, а не завязки.» Предметъ конечно былъ не дорогой, однакоже за него пришлось заплатить особо. Я доволенъ, что со мной не случилось такой исторіи, какъ съ одной знакомой мнѣ дамой, которая, купивши за шесть рупи отличный вуаль изъ валесіаннскихъ кружевъ и возвратясь съ нимъ домой, замѣтила, что эта ея собственный вуаль, но украденный у нея; на немъ даже была еще ея мѣтка.

Въ этой несчастной странѣ васъ обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ, не только люди, но и животныя. Отвратительные аисты съ мѣшкомъ, которые держали себя слишкомъ гордо, были замѣщены коршунами, питавшимися не исключительно нечистотами. Однажды утромъ, когда я прогуливался съ книгою по верху террасы, я почувствовалъ сильный ударъ въ голову сзади, какъ будто бы упалъ камень; полуошеломленный я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ противную птицу, на лету уносившую въ клювѣ мой шотландскій беретъ, купленный наканунѣ. Къ счастію, онъ показался ей слишкомъ тяжелъ и она уронила его въ садъ. Опасаясь подобныхъ фамильярностей, на слѣдующій день я прогуливался уже съ непокрытою головой, какъ вдругъ кто-то сильно рванулъ меня за волосы и вырвалъ ихъ, какъ вырываютъ перья у голубя, котораго хотятъ варить. Это былъ снова коршунъ, нашедшій, что мои волосы хороши для постройки гнѣзда; но это еще не все. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, позабывъ объ этомъ приключеніи, при полномъ благоуханіи январскаго утра, я снова бродилъ въ поэтическомъ настроеніи по верху дома, который былъ окруженъ школами для юношества; воспитанники этихъ школъ въ данную минуту готовились разразиться смѣхомъ, какъ бы ожидая того удара, который долженъ былъ поразить меня; тогда у меня была надѣта прекрасная греческая шапочка, очень яркая, полученная мною въ подарокъ отъ одной дамы, съ которою я былъ знакомъ въ Гималайѣ. Едва успѣлъ я сдѣлать четыре шага, какъ вдругъ чудовище накинулось сзади на мою изящную шапочку, схватило ее въ когти вмѣстѣ съ клочкомъ моихъ волосъ и унесло на дерево, вышиною не менѣе ста футовъ, привѣтствуемое и быть можетъ ободряемое моими прекрасными сосѣдками; послѣ этого я никогда уже не выходилъ безъ дубинки, которая впрочемъ не всегда предохраняла меня, потому что мои враги налетали сзади: однажды ударъ былъ такъ силенъ, что послѣ у меня весь день болѣла голова. Наконецъ мнѣ

пришлось смириться, ибо не могъ же я въ самомъ дѣлѣ, упрекать птицу въ томъ, что она *воруетъ*.

Вовсе не удивительно, что послѣ такого гоненія со стороны людей, животныхъ и климата, жизнь въ Калькуттѣ начала становиться для меня тягостною. Мнѣ кажется, что нѣтъ болѣе столицы столь сильно преданной занятіямъ и лишенной развлеченій. Интересны только *notch*, или танцы баядерокъ, сезонъ которыхъ начался въ октябрѣ. Да успокоятся моралисты: эти знаменитые танцы, которые считаются у насъ измышленіемъ ада, происходятъ также прилично и съ такою же важностью, какъ бы религіозныя церемоніи. Нечего повторять, что неприличіе такъ же рѣдко въ Индіи, какъ добродѣтель, и мнѣ было бы очень жаль, если бы я не попалъ на прекрасное представленіе въ этомъ родѣ, которое было дано безплатно всѣмъ европейцамъ однимъ раджей, имени котораго я непомню. Это было 21-го октября. Я отправился въ каретѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями въ семь часовъ вечера, и мы проѣхали не менѣе шести километровъ по *Wellesl.y S'reet*, самой длинной и самой прямой улицѣ Калькутты, пока мы приблизились къ чернымъ и грязнымъ предмѣстьямъ заканчивающимъ ее на сѣверѣ. Тутъ, поворотивши налѣво въ вонючіе переулки, никогда ничѣмъ не освѣщаемые кромѣ солнца, мы очень скоро подъѣхали къ иллюминованному дворцу, совершенно ослѣпившему насъ; можно было подумать, что въ немъ пожаръ. Такъ какъ, не смотря на размѣры зданія, въ немъ не нашлось достаточно большой залы, чтобы вмѣстить тысячи любопытныхъ, то просто была растянута на внутреннемъ дворѣ прочная ткань, подъ которой легко могли помѣститься четыре тысячи человѣкъ, не подозрѣвая вовсе, что они не подъ крышей. Общій видъ дѣлалъ бы честь даже самому Парижу. Во всю длину стѣнъ было пять или шесть рядовъ скамеекъ и стульевъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что въ серединѣ оставался свободный квадратъ величиною съ залу манежа. Слѣдуя весьма естественному инстинкту я снялъ шляпу входя въ чужой домъ, но былъ смущенъ и ошеломленъ увидѣвъ, что только я одинъ сдѣлалъ это, даже когда вошелъ почтенный раджа, согбенный лѣтами, съ важностью, чтобы принять гостей, и тогда никто не снялъ шляпы и не привсталъ. Когда онъ обходилъ залу и кланялся каждому самымъ достойнымъ образомъ, я замѣтилъ что многія лица, которымъ свойственнѣе было бы жить въ минахъ или въ трюмѣ корабля, оставались лежать на диванахъ съ трубкою въ зубахъ, какъ будто бы они оказывали большую честь своимъ присутствіемъ старому низ-

вергнутому принцу, но все же принцу во всемъ своемъ существѣ. Старецъ, сопровождаемый своими офицерами, имѣлъ достаточно такту, чтобы не выказать, что онъ огорченъ; но не можетъ быть, чтобы кровь по временамъ не закипала въ немъ, и я былъ счастливъ за него, когда увидѣлъ, какъ нѣсколько молодыхъ англичанъ, очевидно весьма высоко поставленныхъ, снявъ шляпы, подошли привѣтствовать его и благодарить за его щедрость.

Когда появилась первая танцовщица въ сопровожденіи нѣсколькихъ музыкантовъ, я оглядѣлъ ее съ головы до ногъ, но ожиданія мои были сильно обмануты. Индіанка никогда не можетъ не быть самымъ граціознымъ созданіемъ; формы были безукоризненны, высокая, тонкая прямая и гордая, дѣвушка эта, когда смотрѣть на нее немного издали, была просто совершенство, но черты ея были пошлы; въ ея погаснувшемъ взорѣ не было ничего артистическаго, даже ничего умнаго, какъ ни черны были ея глаза; цвѣтъ лица у ней болѣзненный и молодость отлетѣла отъ нея уже навсегда, хотя ей не было еще шестнадцати лѣтъ. Если эти годы уже не цвѣтущіе годы для большинства женщинъ въ Индіи, даже для тѣхъ, жизнь которыхъ никогда не была запятнана, то какъ же имъ не быть старостью для тѣхъ, которыя, едва научившись ходить уже посвятили свою жизнь пороку? Такова однако доля не девяти десятыхъ баядерокъ, а всѣхъ, какъ ни безукоризненны ихъ манеры и нарядъ. Безконечная гибкость ихъ членовъ просто идеальна. Чтобы привести примѣръ этой гибкости, мнѣ стоитъ только упомянуть всѣмъ извѣстный фактъ, свидѣтелемъ, котораго я былъ самъ, а именно: если первой встрѣчной изъ нихъ, гдѣ бы то ни было, дать рупи, то она начнетъ съ того, что положитъ его на землю между ногами, за тѣмъ перегибается назадъ, такъ что лицо ея касается пятокъ, и тогда она поднимаетъ рупи ртомъ, ноздрями, глазами и даже ушами.

Драпированная самыми роскошными и яркими матеріями, которыя великолѣпно обрисовываютъ ея талію, танцовщица оставляетъ незакрытыми только ноги, пальцы и лодыжки которыхъ, а также руки до плечъ покрыты золотыми украшеніями. Никогда античная скульптура не производила руки подобной рукѣ индіанки; всегда тонкая и округленная, а не костлявая, она подвижна отъ одного конца до другаго, подобно змѣѣ, и украшена выше локтя и у кистя золотыми браслетами, и заканчивается длинною и гибкою кистью: это совершенство, какого ни природа, ни искусство не производили нигдѣ.

Самые великіе геніи никогда еще не могли опредѣлить красоту;

быть можетъ потому, что она происходитъ отъ цѣльности всего предмета, отъ отношеній, отъ симетріи или отъ извѣстныхъ пропорцій; но есть вещи, и индѣйская Венера принадлежитъ къ числу ихъ, передъ которыми всякій человѣкъ невольно и нисколько не думая воскликнетъ: «вотъ эта истинная красота».

Перейдемъ теперь къ вещамъ болѣе прозаичнымъ, къ описанію такъ называемаго танца *notch-girls*. Во-первыхъ это не танецъ, но простая пантомима, во время которой танцовщица то подается впередъ, то отходитъ назадъ съ пѣніемъ или скорѣе съ крикомъ, много жестикулируя и подергивая каждымъ мускуломъ руки и каждымъ пальцемъ ноги, впрочемъ, не выходя изъ границъ степенности. Три музыканта, всюду ее сопровождающіе, вооруженные тамбуринами и гитарами, далеко не такъ достойны вниманія; они дѣлаютъ ужасныя гримасы, принимаютъ жалостный видъ, улыбаются и ищутъ вдохновенія, которое никогда не проходитъ; это настоящія каррикатуры. По прошествіи четверти часа европейцу уже совсѣмъ опротивѣютъ всѣ эти кривлянья, мяуканья и пѣсни, которыхъ онъ вовсе не понимаетъ, и можетъ быть все это опротивѣло бы ему еще скорѣе, если бы онъ понималъ; но я всетаки остался на этотъ вечеръ и затѣмъ бывалъ еще на многихъ другихъ, какъ для того, чтобы видѣть костюмы богатыхъ туземцевъ и образъ пониманія ими вѣжливости, такъ и для того, чтобы отвѣдать иногда винъ раджей за столомъ его избранныхъ. Такъ какъ невозможно было бы угостить во время представленія такое множество народу, то довольствуются тѣмъ, что обносятъ кругомъ розовую воду, которою слуги натираютъ вамъ руки. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ думать, что раджа или *бабу* *) сядетъ за столъ съ тѣми, кого онъ пригласитъ къ себѣ ужинать; иные изъ гостей скорѣе согласились бы умереть; онъ сообщаетъ вамъ, что на столъ подано, и тогда вы отправляетесь къ столу, сервированому обыкновенно съ крайнею роскошью; тутъ вы можете ѣсть, пить и бить посуду сколько вамъ угодно, нисколько не думая о хозяинѣ, ибо никогда и ни за что онъ не согласится пить изъ стакана, который вы подносили къ вашимъ губамъ.

Живя въ уединеніи, я никогда не имѣлъ возможности присутствовать за тѣми рѣдкими обѣдами, когда братски садятся рядомъ обѣ расы, побѣдившая и побѣжденная; мнѣ хотѣлось бы видѣть принцевъ богатыхъ какъ Крезъ, и всетаки раздирающихъ пищу руками, хотя

*) Туземный буржуа.

впрочемъ у нихъ не всегда хватаетъ силы отказываться отъ запрещеннаго мяса и запрещенныхъ винъ. Впрочемъ, мнѣ случалось видѣть мусульманъ изъ нисшаго класса, которые отвѣдывали мое вино и опоражнивали бутылки въ моемъ кабинетѣ, между тѣмъ какъ на дворѣ мой проводникъ, сидя около моихъ быковъ послѣ цѣлаго дня дороги, набожно очерчивалъ на землѣ кругъ, въ который садился съ своимъ обѣдомъ, оставляя лѣвую руку внѣ круга, какъ нѣчто позорное или какъ руку прокаженнаго. Прошу отвѣчать откровенно, какъ можно цивилизовать подобную личность? Какъ можно повѣрить тому, что онъ когда нибудь пойметъ обязанности христіанина, и что раса, къ которой онъ принадлежитъ, будетъ умѣть управлять сама собою, или оцѣнивать тѣхъ, кто принимаетъ на себя этотъ трудъ? Народъ, и тѣмъ болѣе людей, обязанныхъ руководить имъ, можно судить только ставъ близко къ этому народу.

Много злоупотребленій было искоренено силою, уничтожено на примѣръ ужасное франкъ-масонство *туговъ*, организованное со спеціальною цѣлью убивать, для того чтобы угодить богинѣ кровопролитія; массу охраняютъ отъ зла, но замѣнить его добромъ невозможно, несмотря на неутомимыя старанія святыхъ отцовъ миссіонеровъ, которыхъ я встрѣчалъ и разспрашивалъ почти всюду. О. Дюбуа утверждаетъ, что въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ онъ не встрѣтилъ ни одного истиннаго христіанина въ Индіи. Обманъ, суевѣріе и необузданное распутство,—вотъ три врага, встрѣчаемые на каждомъ шагу и ничѣмъ непреодолимые; отсюда вытекаетъ постоянное отчужденіе, какъ между расами, такъ и между отдѣльными личностями, вмѣстѣ съ недовѣріемъ, презрѣніемъ и ненавистью: европеецъ входитъ въ сношенія съ туземцами лишь настолько, насколько это необходимо.

Между европейцемъ и индусомъ, говоритъ Вальбезенъ, существуетъ большая преграда, чѣмъ китайская стѣна, преграда, которую не въ силахъ преодолѣть даже ежедневныя сношенія, втеченіе цѣлыхъ годовъ. Если вы проживете даже двадцать лѣтъ въ Индіи, чего, впрочемъ, я не желаю вамъ, любезный читатель, то и тогда вы будете видѣть только внѣшнюю оболочку индѣйца, только то, что можно видѣть на улицѣ, и затѣмъ ничего болѣе.

Вашъ слуга прислуживаетъ вамъ за столомъ, не говоря ни слова, а вечеромъ удаляется неизвѣстно куда; по прошествіи двадцати лѣтъ вы не знаете даже его имени, вы знаете только, что сестра его должна была много разъ перемѣнить фамилію, ибо чуть не каж-

дый мѣсяцъ онъ приходилъ просить у васъ позволенія отлучиться на день, чтобы присутствовать на ея свадьбѣ. Впрочемъ я былъ очень счастливъ въ выборѣ слуги, пятнадцатилѣтняго мальчика мусульманина, въ которомъ силою мягкаго обращенія мнѣ удалось пробудить нѣкоторые признаки признательности. Весьма смышленный, онъ тотчасъ же понималъ что мнѣ надо, хотя я не зналъ его языка, а онъ не зналъ моего. За пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ онъ прислуживалъ мнѣ за столомъ и убиралъ мою комнату, исключая метенія и другихъ низкихъ услугъ, предоставленныхъ менѣе благороднымъ, чѣмъ онъ. Когда я однажды захворалъ, то онъ осмѣлился идти противъ предразсудковъ своей касты и собственноручно ставилъ мнѣ піявки. Мнѣ кажется даже, что онъ почти не обворовывалъ меня, и, наконецъ, я никогда не забуду одного выраженія, вышедшаго изъ устъ мусульманина, а именно: когда я окончательно покидалъ Калькутту, то, запирая дверцу, онъ сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ: «*You very good gentleman!*» (Вы очень добрый господинъ!)

При первомъ взглядѣ всякій склоненъ обвинить въ самой грубой небрежности то правительство, которое, повидимому, такъ мало работаетъ надъ нравственнымъ усовершенствованіемъ этихъ несчастныхъ расъ. Но истинная причина въ томъ, что почва слишкомъ неблагодарна, чтобы на ней могло прозябать что бы то ни было, и слѣдующія замѣчанія нѣкоторыхъ писателей, писавшихъ объ Индіи, хотя вполнѣ справедливы, но не точны въ выводахъ. Такъ по поводу воспитанія Капперъ открылъ, что «сумма, назначаемая ежегодно на воспитаніе въ президенствѣ Бенгаліи, а именно 1.275,000 франковъ, на 50,000 франк. менѣе стоимости нѣсколькихъ мѣсяцевъ путешествія генералъ-губернатора по сѣвернымъ провинціямъ... Мы скажемъ еще болѣе, что сумма предоставляемая на воспитаніе въ президенствѣ Мадрасѣ съ его семнадцати-милліоннымъ населеніемъ, есть ни болѣе, ни менѣе какъ годовая стоимость обѣдовъ и прохладительныхъ напитковъ въ большомъ каменномъ домѣ въ Лиденхоль-Стритѣ *)

«Что же касается учебныхъ заведеній, содержащихся на счетъ правительства въ Индіи, то въ нихъ положительно запрещено какимъ бы то ни было образомъ помѣщать христіанъ.

На основаніи весьма компетентныхъ авторитетовъ, которымъ нельзя не вѣрить, говорятъ, что на пятьдесятъ или шестьдесятъ человѣкъ

*) The tree Presidencies of India, стр. 38.

*

воспитанниковъ въ индусской коллегіи Калькутты, спрошенныхъ начальникомъ о ихъ вѣрованіи, только четыре объявили, что исповѣдуютъ религію Веды; нѣкоторые были неопредѣленнаго вѣроисповѣданія, а всѣ остальные откровенно признались, что они не вѣрятъ ни въ браманизмъ, и ни въ какую другу религію *).

Все это можетъ быть правдой; но если ставить это въ упрекъ англичанинамъ, то придется пожалуй у жителей Сибири спросить, зачѣмъ они не разводятъ пальмъ въ своихъ садахъ.

Я не считаю нужнымъ говорить о похоронахъ министра финансовъ М. Вильсона, о которомъ такъ много сожалѣли; хотя я и присутствовалъ на нихъ, скажу только, что мнѣ показалось очень страннымъ, что когда гробъ былъ спущенъ, всѣ тотчасъ же бросились прочь съ кладбища. Я не стану описывать также рѣчной приливъ (bore), случившійся 17-го августа, при которомъ волны вышиною въ нѣсколько метровъ проходятъ снизу вверхъ по всему Гангу, разбивая все, что случится по сторонамъ. За подробнымъ же описаніемъ Калькутты, зданія которой я почти всѣ прошелъ молчаніемъ, я отсылаю читателя къ географическимъ словарямъ; а самъ упомяну только мимоходомъ: *Мартиньеру*, превосходное зданіе, на которое генералъ-маіоромъ Клодомъ Мартиномъ было пожертвовано милліонъ франковъ и въ которомъ безплатно помѣщаются и воспитываются до ста дѣтей; затѣмъ замѣчательны нѣсколько статуй, пагодъ и колоннъ, индусская коллегія, азіатскій музей, весьма богатый древними индусскими изваяніями; ледникъ, монетный дворъ, представляющій вдвое меньшую копію съ храма Минервы въ Аѳинахъ; дворецъ генералъ-губернатора, стоившій четыре милліона франковъ; наконецъ значительное число церквей католическихъ, армянскихъ, протестантскихъ, греческихъ и т. д. и т. д. Калькутта, особенно для вновь пріѣхавшаго, есть безспорно одинъ изъ самыхъ роскошныхъ городовъ въ мірѣ, напоминающій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ С.-Петербургъ. Скоро я возвращусь снова къ этому предмету, а теперь спрашиваю только читателя, не слишкомъ ли онъ утомленъ стольkими переходами, и можетъ ли онъ слѣдовать за мною, по примѣру того, какъ дѣлаютъ подъ конецъ дождливаго періода сотни туристовъ и больныхъ, по направленію къ великой и единственной горной цѣпи, Гималайской, при одномъ имени которой содрагаются ноги и душа горца, съ самыхъ первыхъ годовъ его жизни.

*) The tree Presidencies of India, стр. 446.

ГЛАВА XXIX.

Способы путешествовать въ Индіи. — Отправленіе на Гималай. — Раймагалъ и Гангъ. — Bungalows. — Весьма тревожная ночь. — Прибытіе въ Пурнахъ. — Католическая часовня. — Отъѣздъ въ паланкинѣ. — Восходящее солнце на Гималаѣ. — Величіе этого зрѣлища. — Кишенгуни. — Хищныя животныя.

Кто читалъ сочиненія объ Индіи, или самъ бывалъ въ ней, тотъ знаетъ, что въ различныхъ точкахъ ея территоріи, тамъ, гдѣ возвышаются горы, существуютъ европейскія учрежденія, называемыя *санитаріумами*, въ которыхъ, на высотѣ отъ тысячи до тысячи пятисотъ метровъ, поселяются больные, чтобы собрать растраченныя въ долинахъ силы въ болѣе чистой атмосферѣ. Самый знаменитый и самый модный санитаріумъ—это санитаріумъ *Симла*, находящійся на сѣверо-западѣ; а наименѣе посѣщаемый, хотя наиболѣе заслуживающій, какъ я надѣюсь доказать, это *Дорджилингскій*, находящійся въ шести стахъ верстахъ къ сѣверу отъ Калькутты, среди самыхъ высокихъ горъ земнаго шара. Мое желаніе отправиться туда было такъ сильно, что если бы въ октябрбѣ 1860 г. мнѣ предложили сдѣлать выборъ между озеромъ Чадъ и Дорджилингомъ, то безъсомнѣнія я предпочелъ бы послѣднее, по той весьма простой причинѣ, что слово Гималай звучало для моего уха такъ же, какъ звучитъ золото для скряги, и, вѣрнѣе, какъ звучали бы звуки, исходящіе отъ луны для тревожнаго уха астронома. Мысль стать лицомъ къ лицу съ такими гигантами очаровывала меня; а та мысль, что моя нога будетъ стоять на нихъ, что я буду измѣрять, хотя взоромъ, то непроходимое пространство между мною и Лассою, которое не могъ пройти даже О. Гюк, окончательно кружила мнѣ голову. За то теперь мнѣ предстоитъ весьма трудная задача, а именно разсказать, не выходя изъ

предѣловъ правды и не слишкомъ горячась, то путешествіе, во время котораго я былъ почти внѣ себя отъ волненія; мнѣ прискорбно, что я никогда болѣе не могу повторить ни одного дня изъ этого путешествія.

Я начну съ подробностей весьма прозаичныхъ, но я обязанъ сказать здѣсь, что одинъ видъ Гималая можетъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ за преходящія непріятности, которыя приходится вынести во время этого маленькаго путешествія. Отъ Калькутты до Роймагала на Гангѣ, т. е .разстояніе въ триста верстъ, вы проѣзжаете по желѣзной дорогѣ въ десять часовъ; а чтобы проѣхать остальныя триста мнѣ пришлось употребить туда восемь дней, а на обратномъ пути девять дней, и перепробывать всевозможные способы передвиженія. Правда, я никогда не путешествовалъ въ Индіи, а эту науку необходимо изучать весьма долго. Во всякой другой странѣ чѣмъ меньше багажу, тѣмъ лучше себя чувствуешь; здѣсь же надо везти съ собой весь домъ или покрайней мѣрѣ все, что въ немъ есть: слугъ всякаго рода, лошадей, кареты, паланкины, столы, кресла, кухонную батарею, провизію, ружья; надо чтобы все было съ собой, если желаешь подвигаться впередъ и имѣть свободу движенія. Собственно почти по всему пространству полуострова, на разстояніи пяти миль среднимъ числомъ, другъ отъ друга существуютъ зданія (*bungalows*), строющіяся на счетъ правительства, чтобы служить *убѣжищемъ* для путешественниковъ; но если послѣдніе надѣются найти въ нихъ пищу, то они рискуютъ жизнью, отдаляясь отъ большихъ городовъ. На главномъ пути сообщенія, называемомъ *grand trunk rood*, и идущемъ отъ Калькутты къ границамъ Авганистана, отстоящимъ отъ нея на двѣ тысячи четыреста верстъ, въ каждомъ bungalow есть не только провизія и кухня, но и почтовая служба и общественныя кареты для путешественниковъ. Это единственная дорога въ Индіи, которая имѣетъ такія усовершенствованія; въ другихъ же мѣстахъ путешественникъ всюду бываетъ поставленъ въ двойное затрудненіе: во-первыхъ, ему нечего ѣсть; во вторыхъ, онъ лишенъ всякой возможности продолжать путь. Что касается передвиженія, то это послѣдняя страна въ мірѣ, не исключая даже пустынь Африки. Впрочемъ, вотъ что обыкновенно дѣлаютъ, когда ѣдутъ куда нибудь: отправляются на почту въ Калькутту или въ какой нибудь другой большой городъ, и просятъ поставить *докъ* (*to lay a dowk*); выраженіе это требуетъ поясненія, потому что оно взято изъ словаря страны, въ которомъ неразберешь ничего, касающагося

путешествій. *Докъ*—это ни то—ни се, ни карета, ни лошадь, ни верблюдъ, это просто заранѣе, т. е. до отъѣзда устроенныя вамъ услуги на всѣхъ станціяхъ дороги, и вы услышите, въ чемъ онѣ состоятъ. Докъ хорошъ тѣмъ, что съ нимъ можно быть если не вполнѣ, то въ значительной степени увѣреннымъ, что всюду будешь имѣть возможность продолжать путь; но онъ не хорошъ тѣмъ, что стоитъ очень дорого, а именно не менѣе одного франка, или даже пятидесяти су на каждую англійскую милю, не считая того, что дается на водку (backchish), чѣмъ надоѣдаютъ каждую минуту. Другое неудобство системы дока заключается въ томъ, что приходится платить впередъ, имѣя въ перспективѣ вѣроятность остаться въ одну прекрасную ночь среди лѣса, покинутымъ всѣми на волю тигровъ, и не имѣя возможности искать правосудія. Право, даже плаваніе по морю представляетъ менѣе испытаній для характера, не говоря уже о здоровьѣ, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ путешествія по Индіи, при чемъ самое главное оружіе, которое никогда не слѣдуетъ покидать,—это терпѣніе, такое терпѣніе, что кажется невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ къ нему. Терпѣніе прежде всего потому, что васъ обворовываютъ и обманываютъ на каждомъ шагу, на что сердиться совершенно безполезно; терпѣніе потому, что, по незнанію туземнаго языка, индѣйцы смотрятъ на васъ какъ на забаву для самихъ себя; а когда вы посылаете за покупками, то вамъ приносятъ ихъ не ранѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ и притомъ все съѣстное попробованное; наконецъ терпѣніе потому, что индѣйское солнце постоянно виситъ надъ вами какъ Дамоклювъ мечъ.

Отправясь разъ окольными путями, съ трудомъ попадаешь потомъ на большую дорогу, и возвращаешься къ ней обыкновенно измученнымъ и голоднымъ. Въ продолженіе года, проведеннаго въ Индіи, несмотря на все мое желаніе, мнѣ не удалось проѣхать больше того разстоянія, какое существуетъ между Москвою и Иркутскомъ, составляющимъ въ цѣломъ около мѣсяца пути. Этому причиною были не однѣ только климатическія условія, но и многое другое, существенно отличающее Индію отъ Сибири. Но объ этомъ потомъ.

Не имѣя вполнѣ яснаго представленія о характерѣ *дока* или *dowk*, и несмотря на всѣ совѣты, я тѣмъ не менѣе распорядился такъ какъ г-жа Ида Пфейферъ, то есть отправился въ путь, запасшись только мясными и бараньими консервами, сухарями, сардинками и т. п. Въ концѣ октября, въ четыре часа утра, я шелъ по дорогѣ Гари, къ пристани Раджмагалъ, лежащей на противуположномъ

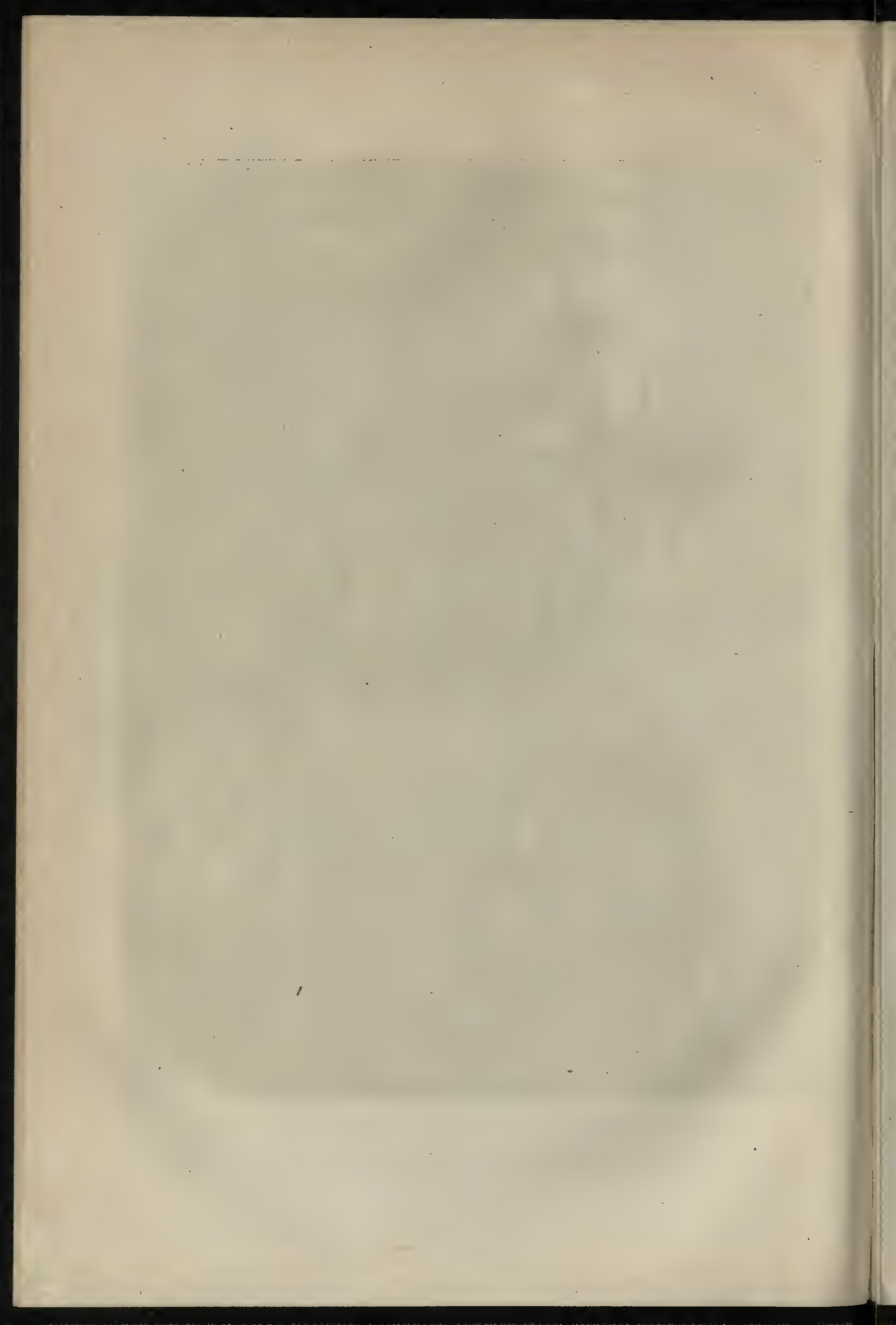
берегу рѣки. Время было праздничное, а именно справляли *Дургу-Пуджу*, и въ этотъ часъ, проходя майданъ, я встрѣтилъ процессію, состоящую изъ толпы растрепанныхъ мужчинъ. Они бѣжали съ зажженными факелами, оглашая воздухъ воплями и рыданіями, точно вырвавшіеся изъ ада. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ мнѣ надо было переплыть Гугли, я послалъ своего кучера по близости размѣнять монету стоимостью въ соверенъ, приказавъ ему торопиться, такъ какъ времени до отхода поѣзда оставалась немного; но проходитъ десять минутъ, четверть часа, поѣздъ на другомъ берегу вскорѣ долженъ тронуться, а мой посланный не является; наконецъ онъ подходитъ, едва передвигая ноги; раздраженный еще до этого незнаніемъ языка, я хотѣлъ было его ударить, но удержался, и, въ вознагражденіе за свою доброту, изъ размѣнныхъ денегъ не досчитался восьми или десяти копѣекъ. Съ этой минути я потерялъ хорошее расположеніе духа на все время путешествія, и крайне сожалѣлъ, что оставилъ слугу: ужь если быть обворованнымъ такъ сразу и однимъ воромъ, чѣмъ по мелочамъ и на каждомъ шагу; я о немъ сожалѣлъ и тогда, когда увидѣлъ насколько неудачны всѣ мои поиски въ изученіи Индустана; совершенно огорченный всѣми этими обстоятельствами, я грустный усѣлся въ вагонъ.

Видъ пальмовыхъ лѣсовъ, растущихъ среди болотъ, и рисовыхъ полей, можетъ быть и не особенно живописный, совершенно освѣжилъ меня послѣ удушливаго воздуха Калькутты. Вся мѣстность была подернута еще бѣлымъ неподвижнымъ туманомъ, который тотчасъ же разсѣялся при первыхъ лучахъ солнца, и мы увидѣли передъ собою бѣдныя хижины туземцевъ, полусгнившія и наполненныя такими же вонючими міазмами, какъ и окружающая ихъ атмосфера. Этотъ печальный видъ разнообразился болотами, наполненными безчисленнымъ количествомъ маленькихъ рыбокъ; всюду вился гигантскихъ размѣровъ плющъ, покрытый желтыми цвѣтами; кругомъ разстилались рисовыя поля; и ихъ прелестная зелень, ласкаемая вѣтеркомъ и освѣщаемая солнцемъ, напоминала собою тропическое море,—и ко всему этому присоединялась свѣжесть октябрскаго утра, послѣ котораго наступаетъ всеусыпляющій и умерщвляющій жаръ. Я вполнѣ наслаждался, и тутъ только въ этихъ Бенгальскихъ долинахъ я узналъ, что и въ Индіи по временамъ легко дышется.

Я обратилъ скоро свое вниманіе на болѣе близкіе предметы: каждую минуту дорогу переходили женщины и дѣти, съ любопытствомъ

Дорога изъ Пуанъ-де Галь въ Коломбо.

останавливались и смотрѣли на нашъ поѣздъ; эти живописныя группы заставили подумать меня о жалкомъ управленіи этой компаніи, которая допускаетъ такую страшную неосторожнось и безпечность относительно этихъ людей. Откормленные бабу вѣроятно и не воображали, что въ эту минуту находится между ними человѣкъ, который впослѣдствіи, какъ это не непріятно, долженъ будетъ оповѣстить въ своихъ разсказахъ о ихъ дѣяніяхъ.

Еще съ большимъ удивленіемъ смотрѣли уземцы на нашъ поѣздъ, подошедшій къ только что открытой станціи. Дорога окружена была густою толпою крестьянъ, имѣвшихъ видъ болѣе тупой и покорный, чѣмъ тѣ коровы, которыя, мыча, со страхомъ убѣгали при появленіи локомотива. Я съ наслажденіемъ любовался смѣлымы позами, романтическимъ видомъ и роскошными тюрбанами или головными уборами этихъ несчастныхъ дѣтей природы. Южныя страны отличаются преимущественно красотою, сѣверныя силою. Въ странѣ пальмъ и леопардовъ—природа, соотвѣтственно разслабляющему климату, создала людей съ сладострастнымъ темпераментомъ; въ странѣ же елей и медвѣдей—она вложила въ нихъ силу и энергію, съ помощью которыхъ они создаютъ свои великія дѣла;—въ первомъ случаѣ человѣкъ смотритъ на себя какъ на падшее божество; во второмъ, онъ силится стать выше того уровня, въ которомъ онъ находится: въ однихъ преобладаетъ поэзія, въ другихъ, грубый здравый смыслъ. Мы жители Сѣвера, всегда будемъ говорить съ особенною любовью объ этихъ земляхъ, ласкаемыхъ солнцемъ, гдѣ даже деревья какъ будто склоняются надъ нашими головами съ какою-то тонкою нѣжностію; у подножія нашихъ родныхъ зеленыхъ холмовъ и обильныхъ источниковъ будемъ вспоминать мы объ усыпляющемъ шелестѣ кокосовъ и о задумчивыхъ нимфахъ, скрывающихся подъ ихъ тѣнистыми вѣтвями.

У береговъ Ганга погода стала хмуриться, и холмистый видъ этой страны вмѣстѣ съ этимъ пасмурнымъ оттѣнкомъ напомнилъ мнѣ Ирландію: такая же зелень, тотъ же вѣтеръ, тѣ же долины, все за исключеніемъ деталей и температуры, которая даже и въ октябрѣ была невыносимо удушлива. Пріѣхавъ въ вечеру на станцію Раджмагалъ, я долго не зналъ куда мнѣ отправиться: въ гостиницу или бунгалау для путешественниковъ, — и въ концѣ концовъ рѣшился, по незнанію языка, выбрать первую. Къ несчастію, гостиница была переполнена народомъ, въ ней помѣщалось до ста человѣкъ, многіе изъ нихъ приказали уже на ночь вынести свои матрасы на откры-

тыя терассы. Къ моему великому удовольствію однако, въ комнатѣ, гдѣ помѣщалось шестеро, отъискался и для меня уголокъ съ незанятою постелью. Устроивъ себѣ ночлегъ, я подумалъ объ ужинѣ, и при этомъ еще разъ почувствовалъ какъ тяжело обходиться безъ слуги; въ отелѣ не кормили, и я рѣшительно не зналъ гдѣ достать провизіи. Это была моя первая неудача, и, какъ потомъ оказалось, одна изъ самыхъ незначительныхъ въ продолженіе моего новаго путешествія. Я провелъ ночь очень скверно, благодаря несмолкаемому шуму десяти господъ, которые, по принятому обычаю страны, напились послѣ сытнаго обѣда. Я былъ въ странѣ, о которой Жакмонъ сказалъ, что «въ ней трезвы только одни чудаки».

Призывать къ порядку было совершенно безполезно, обращаться же къ содѣйствію полиціи не приходило даже и въ мысль, такъ какъ полиція состояла изъ туземцевъ. Какъ бы ни велъ себя европеецъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, *ниггръ* никогда не посмѣетъ сдѣлать ему замѣчаніе. Туземныя собаки, и тѣ разбѣгаются передъ нимъ и не кусаютъ его! Нѣтъ, нашимъ младшимъ внучатамъ не увидать того дня, въ который европеецъ и азіатецъ встанутъ на одинъ уровень и назовутся братьями; не мало препятствуетъ этому и самая природа: какъ въ химіи не соединимы кислоты, или невозможно смѣшеніе огня и воды, такъ и тутъ намъ представляется такое различіе не только характеровъ, но и нравовъ, что о сближеніи не можетъ быть и рѣчи: одни смотрятъ на женщину, какъ на вѣнокъ созданія, другіе лишаютъ ее свѣта. На выѣзжающихъ и живущихъ въ обществѣ англичанокъ индусъ смотритъ какъ на скверныхъ женщинъ!

Дѣло въ томъ, что до завоеванія Индіи англичанами, деспотизмъ мужей доходилъ до такой жестокости, что жены при малѣйшемъ послабленіи съ ихъ стороны бросались въ развратъ; вслѣдствіе этого женъ и по сіе время держатъ въ заперти, слѣдуя тому принципу, что если человѣка, содержавшагося долго въ тюрьмѣ, выпустить сразу на свѣтъ, то солнце ослѣпитъ его! Индѣецъ искренно убѣжденъ, что каждый, получившій свободу или власть, непремѣнно злоупотребитъ ею; во избѣжаніе этого, онъ только повинуется, доводя свое повиновеніе до того, напр., что если бы однажды генералъ-губернатору пришла фантазія уничтожить или избить цѣлый городъ, онъ не увидѣлъ бы въ этомъ ничего обыкновеннаго. Въ полнѣйшемъ невѣжествѣ онъ находитъ свое благополучіе, «не сознаетъ того зла, какое причиняютъ ему управляющіе имъ!»

Наконецъ, достигли мы береговъ самой величайшей и грандіоз-

нѣйшей рѣки въ свѣтѣ. Въ этомъ мѣстѣ она находилась еще на разстояніи двухъ сотъ верстъ отъ моря; отъ одного берега до другаго насъ раздѣляло только нѣсколько верстъ, а влѣво за пустынными островами и мелями, гдѣ спали крокодилы, уже не было видно границъ. Ея воды не столь прозрачные и изумрудные какъ воды сибирскихъ рѣкъ, бѣгущія по каменистымъ русламъ, и ея низкіе берега, не украшеные какъ тѣ высокими скалами и крутыми скатами, покрытыми алмазными снѣгами, тѣмъ не менѣе чрезвычайно красивы.

Представьте себѣ пустыню, которую обхватываетъ со всѣхъ сторонъ вода, усѣянная песчаными наносами: таковъ видъ Ганга близъ Раджмагала; во время дождливаго времени года, съ одного берега, лежащаго почти въ уровень съ водою, другой берегъ уже не видѣнъ. Слѣдуетъ прибавить, что берега рѣки чрезвычайно плоски, и, поросшіе густою высокою травою, они имѣютъ не малое сходство съ американскими лугами. Эти травы доходятъ до трехъ или четырехъ метровъ вышины, и, путешествуя въ паланкинѣ, часто незамѣтно натыкаешься въ травѣ на тигра, почему необходимо тщательно занавѣшивать всѣ портьеры.

Въ концѣ августа всѣ берега затоплены водою и наполнены чудовищами: крокодилами, тиграми, змѣями и др. гадами. Разливъ этой рѣки, начинающійся съ мая, къ этому времени уменьшается, и снова увеличивается въ половинѣ сентября, и затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ быстро спадаетъ. Говорятъ, что въ одну ночь вода спала на восемь футъ. Средняя скорость рѣки не бываетъ менѣе четырехъ узловъ съ половиною, самая большая восемь и наименьшая во время засухи два узла *).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега рѣки такъ рыхлы, что вязнетъ нога; въ другихъ же они состоятъ изъ породы известковаго угля, извѣстнаго подъ именемъ *кунксра*, очень плотнаго. Съ Раджмагала влѣво открывались передъ мною только одни холмы, извѣстные подъ этимъ же самымъ названіемъ, на которыхъ охотятся за медвѣдями и тиграми, а далѣе къ сѣверу, за этими густыми туманами высился Гималай! Иногда послѣ сильныхъ дождей эта высокая цѣль, удаленная на триста верстъ, бываетъ видна отсюда. Докторъ Хукеръ видѣлъ горы даже на разстояніи трехъ сотъ сорока верстъ, и притомъ совершенно ясно. Какъ малы показались мнѣ родные Пиренеи,

*) Узелъ — верста и три четверти.

когда я подумалъ, что на половину этого разстоянія никакой-бы человѣческій глазъ не могъ ихъ усмотрѣть!

Познакомившись въ Раджмагалѣ съ протестантскимъ священникомъ, находившимся относительно меня въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ у него былъ слуга, говорившій по-англійски, я съ удовольствіемъ присоединился къ нему на все остальное путешествіе. Къ нанашему счастью, мы нашли тутъ паровое судно, наполненное уже многими пассажирами въ числѣ которыхъ былъ акклиматизированный французъ (un indigotior). Судно было плоскодонное, и даже оно, такимъ образомъ устроенное, едва двигалось по этой священной рѣкѣ. Въ томъ случаѣ, когда приходится ждать его нѣсколько дней, вслѣдствіе неправильныхъ рейсовъ, приходиться нанимать туземное парусное судно, которое своимъ чрезвычайно тихимъ ходомъ выводитъ изъ всякаго терпѣнія.

Цѣна на этихъ пароходахъ, идущихъ съ моря до Аллагабады, двадцать франковъ въ день,—цѣна сравнительно съ тамошними очень умѣренная, тѣмъ болѣе что во все продолженіе пути кормятъ превосходнымъ мясомъ. Любителямъ рѣчныхъ путешествій плаваніе по Гангу и особенно осенью представляетъ не малую прелесть; сидя въ мягкомъ креслѣ, вы не чувствуете ни толчковъ, ни качки: кругомъ мертвая тишина и жаръ въ тѣни достаточно сносенъ. Совершенно отдавшись въ руки европейца, вы вдыхаете въ себя ароматы, приносимые береговымъ вѣтеркомъ; мимо васъ мелькаютъ города, прославившіеся послѣднею войною; не боясь смотрите вы на громадныхъ крокодиловъ, а ночью въ окружающихъ долинахъ раздается безобидное рычаніе тигровъ и тявканье шакаловъ. И еслибы ко всему этому ходъ судна былъ быстрѣе, не было бы такихъ частыхъ береговыхъ ночевокъ, и если бы мы не рисковали попасть каждую минуту на мель, гдѣ иной разъ приходится простоять нѣсколько часовъ и даже дней, то путешествіе могло бы быть названо вполнѣ пріятнымъ. Поднимаясь по рѣкѣ, пароходъ не дѣлаетъ болѣе двадцати верстъ въ день, такъ что изъ Кальтутты въ Аллагабадъ надо плыть около мѣсяца. Я, не охотникъ до водяныхъ сообщеній, радовался, что черезъ десять часовъ буду уже въ Караголѣ, лежащемъ на противуположномъ берегу, гдѣ, къ счастію, не вѣдалъ, что меня ожидало; но ошибся въ разсчетѣ; стемнѣло такъ быстро, что пришлось остановиться и бросить якорь.

На слѣдующее утро мы пристали къ деревушкѣ *Караголь*, или, говоря классически, въ *Караголь-готъ*; слово готъ необходимо тре-

буетъ объясненія; подъ нимъ понимаютъ склонъ или скатъ, нисходящій къ рѣкѣ или бассейну. Въ эту минуту дневной свѣтъ освѣтилъ отдаленные холмы *Колгонка*, окрасивъ пурпурнымъ цвѣтомъ клубы дыма, выходящіе изъ лежащихъ тамъ деревень; вправо же отъ насъ рѣка была такъ широка, что походила бы на море, еслибы не теченіе, съ силою взволновавшее тину и пронесшее передъ нами трупы, истерзанные хищными птицами не нарушило иллюзіи; трупы мужчинъ несло на спинахъ, а женщинъ—на груди.

Наконецъ и мнѣ довелось познакомиться съ индійскими *бунгалау*. Я увидѣлъ предъ собою жалкое помѣщеніе, отъ котораго пришелъ въ совершенное уныніе: домъ былъ сдѣланъ изъ глины, чрезвычайно сырой и мрачный, уставленный внутри изломанными стульями и ветхими постелями. Бабу съ лукавымъ выраженіемъ лица (какъ и всѣ изъ нихъ говорящіе по-англійски) встрѣтилъ насъ и отвѣсивъ безчисленное множество поклоновъ, спросилъ что намъ угодно. «Что вы дадите намъ поѣсть, «спросилъ я».—Все что прикажите.—«Мясо есть?»—Нѣтъ. — «Баранина?»—Нѣтъ.—«Хлѣба»? —Нѣтъ.—«Такъ что-же у васъ есть?»—*Мургисъ*. Читатель мой, не бывавшій въ Индіи, конечно не знаетъ, что слово *мургисъ* значитъ цыпленокъ, котораго англичане называютъ «скоропостижною смертью»; путешественникъ, входя въ бунгалау, видитъ какъ бѣгаютъ эти молодые, веселые цыптята, а спустя два часа они уже стоятъ на столѣ. Въ Караголѣ эти неизменные цыплята приводили меня въ отчаяніе, — а шесть мѣсяцевъ позднѣе я охотно бы побился за одного изъ нихъ!

Дѣло было не въ одномъ завтракѣ, надо было отправиться въ Пурнеа, въ городъ лежащій въ сорока пяти верстахъ, гдѣ у меня былъ знакомый, съ помощью котораго я разсчитывалъ ѣхать дальше. Здѣсь нельзя было достать ни паланкина, ни кареты, ни лошадей, ни даже слона! или, какъ бы сказали французы, ни даже осла! У насъ былъ одинъ выходъ, одно спасеніе, за которое мы и ухватились:— это *bullock-hackeray*, или телѣжка запряженная волами, къ которой привязывалась другая, устроенная наподобіе *тарантаса*, въ которомъ сидѣть нельзя было. Сидѣть въ немъ было крайне неудобно, не говоря уже о тряскѣ и объ опасности быть съѣденными тиграми, но главное неудобство состояло въ томъ, что онъ двигался не скорѣе четырехъ верстъ въ часъ. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ довольные что можемъ тотчасъ же ѣхать, а не жить здѣсь въ продолженіе двухъ или трехъ дней, мы въ веселомъ расположеніи духа усѣлись за одинъ столъ съ калькуттскимъ лоцманомъ, оказавшимся человѣкомъ очень

образованнымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, и главное чрезвычайно добрымъ: онъ подѣлился съ нами своею провизіею, запасшись ею, какъ благоразумный человѣкъ, въ дастаточномъ количествѣ. Я замѣчу при этомъ, что всякій разъ, какъ я встрѣчался въ бунгалау съ европейцемъ, онъ, самъ полуголодный, дѣлился со мною послѣднимъ кускомъ. Только долгое время прожитое среди лѣсовъ и между людьми, къ которымъ не чувствуешь ни малѣйшей симпатіи, даетъ намъ возможность оцѣнить вполнѣ то удовольствіе, какое доставляетъ намъ обмѣнъ мыслей и искреннее вниманіе нашихъ собратовъ по духу. Въ Бенгальскихъ предмѣстіяхъ рѣдко можно встрѣтить незанятыя бунгалоу, чаще же они бываютъ переполнены народомъ, и тогда не знаешь гдѣ укрыться отъ сырости и змѣй. Существуетъ правило, по которому всякій путешественникъ, индусъ или европеецъ, имѣетъ право за рупи занять двѣ или три залы, изъ которыхъ состоятъ обыкновенно бунгалау, но не болѣе какъ на одни сутки; по прошествіи же этого времени, первый пришедшій имѣетъ право занять его мѣсто. Въ этомъ и единственномъ случаѣ индѣецъ одноправенъ съ европейцемъ; но зная хорошо практическое примѣненіе этого права, онъ никогда не пользуется имъ и не представляетъ своихъ требованій. Желательно было бы, чтобы это право и вовсе было уничтожено: пристаница эти учреждены на капиталъ «компаніи», не получающей съ нихъ никакой выгоды, почему не будетъ несправедливо, если они останутся въ исключительномъ пользованіи европейцевъ; путешественникъ, умирая у порога хижина индійца, не найдетъ въ ней пристанница, и потому тѣмъ болѣе не слѣдуетъ допускать захвата единственнаго его убѣжища.

Въ хорошо устроенныхъ бунгалау всегда найдется *бисте*, или водовозъ; *канзама*, или экономъ и поваръ, стряпающій кушанье въ маленькомъ домикѣ, выстроенномъ на концѣ двора, у изгороди. Я сомнѣваюсь существуютъ ли честные канзамы, я знаю только одно, что они берутъ съ васъ въ три дорога; и знаю также что въ предмѣстьяхъ Мадраса на всѣ съѣстные припасы существуетъ извѣстная такса, и, не смотря на это, европейцы, вслѣдствіе ли естественнаго отвращенія, или изъ желанія досадить, нерѣдко отказываются платить даже и эту умѣренную цѣну; нѣкоторые чиновники и вовсе не платятъ, о чемъ свидѣтельствуютъ афиши, приклеенныя на дверяхъ нѣкоторыхъ бенгальскихъ бунгалау. Это тѣмъ болѣе непростительно, что цѣны здѣсь очень умѣренныя; за рупію можно всегда имѣть прекрасный обѣдъ; если же провизію купитъ вашъ слуга и отдастъ

приготовить повару, нанимаемому компаніей, то вы издержите баснословно малую цѣну. Я нерѣдко покупалъ дюжину цыплятъ за пятьдесятъ коп., и за копѣйку четыре яйца. Каковы же въ такомъ случаѣ должны быть выгоды ненасытныхъ индійскихъ метръ-д'отелей, запрашивающихъ цѣны какъ бы въ голодный годъ. Еще разъ повторяю, чтобы жить и путешествовать въ Индіи необходима большая ловкость и опытность,—едва вы вступите на землю, какъ становитесь добычею и своихъ, и туземцевъ. Можно жить въ Индіи съ извѣстною роскошью и истрачивать сто тысячъ фунтовъ въ годъ; но можно жить акуратно и тратить только немного, смотря по тому конечно, какъ жить: по европейски или по индійски. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ пріятномъ явленіи, а именно о гостепріимствѣ, чрезвычайно распространенномъ всюду и въ такой степени, что пользоваться имъ становится для васъ неизбѣжнымъ. Предъ вами открыты двери плантатора, чиновника и каждаго живущаго тамъ европейца. Но мы забыли однако нашихъ цыплятъ.

Хорошо пообѣдавъ, мы занялись куреніемъ, разговорами и чтеніемъ, и, за неимѣніемъ развлеченій, обратили наше вниманіе на граціозныхъ индіянокъ, которыя, подобно библейскимъ женщинамъ, шли къ колодцамъ съ кружками на головахъ, придерживая ихъ руками, обвѣшанными браслетами. Послѣ заката солнца, наполнивъ тарантасъ соломою, мы двинулись въ путь, и имѣя въ виду провести всю ночь въ этомъ убійственномъ экипажѣ, я и священникъ рѣшились пройдти нѣсколько пѣшкомъ по широкой, но пыльной и отвратительной пурнеаской дорогѣ.

Эта страна буквально наполнена тиграми; направо и налѣво на безконечное пространство тянутся болота и стоячія озера, поросшія высокою травою, среди которыхъ царствуютъ лихорадки, бичи европейцевъ; ночью тамъ слышится неумолкаемое карканье, рычаніе и жужжаніе; блуждать въ такихъ мѣстахъ ночью было бы съ нашей стороны крайне неосторожно. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ бабу верхами; одинъ изъ нихъ сошелъ съ лошади и, въ знакъ уваженія, упалъ передъ нами ницъ; мы миновали затѣмъ нѣсколько деревень съ соломенными хижинами, и по наступленія ночи усѣлись въ нашъ экипажъ. Невыносимые толчки, однообразный грохотъ экипажа и беззаботный храпъ кучера лишали меня сна и невольно наводили на грустныя размышленія. Меня охватило такое страшное чувство одиночества, какое я испытывал только въ безлунныя ночи въ степяхъ Гоби и Новой-Зеландіи. Лисицы и шакалы ежеминутно

скользили между ногъ нашихъ воловъ; въ болотахъ кричали дикіе гуси; кустарники съ трескомъ гнулись подъ тяжестью невидимыхъ животныхъ; ничто здѣсь не напоминало человѣка; все было дико и пустынно! Въ полночь, въ полудремотѣ, я услыхалъ какъ нашъ экипажъ остановился, и кучеръ сталъ выпрягать воловъ, чтобы покормить ихъ и дать имъ вздохнуть. Но когда пришлось ихъ снова впрягать, произошла сцена, передъ которой исчезли всѣ наши предъидущіе страхи: волы точно пьяные артачились и не шли въ упряжь, страшно ревели и смотрѣли на насъ въ темнотѣ своими огненными глазами, въ которыхъ, казалось, выражалось и презрѣніе и сарказмъ. Послѣ немалыхъ усилій они были наконецъ впряжены, и долгое время спустя продолжали наполнять воздухъ своими дикими криками, разгоняя въ сторону всѣхъ хищныхъ животныхъ. Наконецъ я заснулъ, и послѣ четырехчасоваго сна былъ разбуженъ еще болѣе бурною сценою: шла перебранка между двумя людьми, товарищемъ моимъ по путешествію, котораго я едва различалъ въ темнотѣ, и индусомъ, высказывавшимъ свое недовольство. Оказалось слѣдующее: наша телѣга проѣхала по избушкѣ этого бѣднаго человѣка, своротила ее съ мѣста и раздавила вмѣстѣ со всѣмъ находившимся тамъ скарбомъ, и онъ, во имя Бога и жизни, просилъ вознагражденія. Священникъ, не запасшись достаточнымъ количествомъ денегъ, и не имѣя въ виду тратить ихъ на постройку разрушенныхъ нами домовъ, рѣшительно отказывалъ ему, но наконецъ сердце его сжалось, и онъ въ порывѣ великодушія вскричалъ: «Ну! во сколько-же ты цѣнишь домъ?»—Въ десять копѣекъ, баринъ, въ десять копѣекъ!... Капиталъ былъ тотчасъ же выданъ, и мы безъ приключеній продолжали нашъ дальнѣйшій путь.

Мѣстность совершенно измѣнилась: наша дорога теперь, по обѣимъ сторонамъ окоймлялась *бананами*, этими гигантами растительнаго царства; ихъ вѣтви окружали толстый стволъ и поднимались вверхъ прямыми линіями. Они на видъ были очень стары; плантаторъ, который ихъ видѣлъ въ продолженіи шестидесяти лѣтъ, говорилъ, что они на его глазахъ повыросли очень мало. Сквозь вѣтви этихъ колоссовъ, освѣщаемыхъ солнцемъ, мнѣ хотѣлось видѣть неприступныя горы, хотѣлось видѣть снѣга тамъ, гдѣ виднѣлся только безоблачный горизонтъ! Первое впечатлѣніе при видѣ Гималайевъ остается на всю жизнь неизгладимымъ событіемъ.

Мы направились прямо къ бунгалау, находившемуся, какъ и всѣ они обыкновенно, въ лучшей части мѣстности. По пріѣздѣ я тот-

часъже написалъ своему другу, г. Чапману, первому лицу въ этомъ округѣ, который немедленно явился за нами въ каретѣ, запряженный горячимъ бутанскимъ *пони.* Два дня, проведенные въ его семействѣ, насъ окружало самое радушное гостепріимство. Большую часть времени мы проводили въ саду, любуясь прелестными растеніями, бананами, сливами, розами, рододендрами и др.; пахучихъ растеній однако было немного. Бананы, какъ я узналъ тутъ, тѣмъ неудобнѣе, что ихъ ежегодно необходимо срѣзать: это растеніе сильно истощающее землю. Чудный вкусъ его плодовъ заставляетъ забывать опасности сбора, близость змѣй и сосѣдство леопардовъ, скрывающихся въ высокихъ кустахъ. Леопардъ считается гораздо опаснѣе королевскаго тигра. Не смотря на свою меньшую величину, онъ чрезвычайно быстръ въ движеніяхъ, дѣлаетъ громадные скачки и ловко скользитъ между деревьями; смертельно раненый, онъ бросается на своего противника, тогда какъ тигръ въ этомъ случаѣ чаще всего отступаетъ. Это дикое животное дѣлаютъ однако настолько ручнымъ, что могутъ пользоваться его свирѣпыми инстинктами, и изъ закрытыхъ фуръ или телѣгъ его выпускаютъ на оленей, которыхъ онъ чрезвычайно быстро и ловко схватываетъ. Я конечно не стану описывать всѣхъ волненій, сопровождающихъ охоту за этими страшными животными,—я не охотникъ, да и мнѣ это едва-ли подъ силу. Въ Бенгаліи ходятъ на слоновъ и не боятся идти одинъ на одинъ съ этимъ страшнымъ противникомъ; мнѣ кажется, что охотиться на нихъ слѣдовало-бы съ помощью какой нибудь уловки или хитрости, что было бы даже и человѣчнѣе: ежегодно тысячами гибнутъ люди въ этомъ жестокомъ и неравномъ бою.

Въ Пурнахѣ рѣдкому юношѣ не удавалось убить тигра. Они охотятся за ними верхомъ на слонахъ; у г. Чапмана мы ѣздили на одномъ изъ этихъ громадныхъ слоновъ; на спинѣ у него была страшная, еще незажившая рана, полученная имъ въ послѣдней борьбѣ, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ. Взлѣзая на него, мы ему выказали наше полное уваженіе, и, не смотря на его лежачее положеніе, могли взобраться на него только съ помощью лѣстницы.

Его поступь напомнила мнѣ верблюжью, но сидѣть на его спинѣ было гораздо спокойнѣе. Почти не замѣчая, шагомъ мы проѣзжали отъ семи до восьми верстъ въ часъ.

Какъ ни пріятно было оставаться въ семействахъ г-на Чапмана и К..., съ которымъ онъ насъ познакомилъ, все же надо было думать объ отъѣздѣ. Отъ Дорджилинга насъ раздѣляло всего шесть-

десятъ верстъ, но эти шестьдесятъ верстъ было труднѣе сдѣлать, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ шестьсотъ. Экипажей достать было неоткуда, а также слоновъ и лошадей, и только за большую цѣну можно нанять было *носильщиковъ* паланкиновъ, которыхъ у насъ не было. Еслибы не Чапманъ и К....съ, которые были такъ любезны, что одолжили намъ свои на все путешествіе, то намъ пришлось бы вернуться назадъ и не увидать великихъ горъ. Въ продолженіе этихъ двухъ дней намъ указывали на виднѣвшіеся вдали большія бѣлыя пятна, утверждая, что это снѣжныя вершины горъ, я не противорѣчилъ, но сомнѣвался, чтобы это были дѣйствительно онѣ, такъ какъ эти точки постоянно измѣняли свое положеніе.

29-го вечеромъ, мы отправились въ путь: съ нами было двѣнадцать носильщиковъ, изъ которыхъ четверо несли насъ, двое *музальши*, или факельщиковъ, обязанные разгонять дикихъ животныхъ, и человѣкъ для багажа. Багажъ нашъ онъ несъ на плечахъ, привязавъ его къ концамъ палки. Къ девяти часамъ вечера они всѣ собрались у бунгалау; худые, изнуренные, угрюмые, они дрожали подъ своими дырявыми плащами.

Первое путешествіе въ паланкинѣ мнѣ навсегда врѣзалось въ память: при свѣтѣ факеловъ, при оглушительныхъ крикахъ людей, напоминавшихъ собою бѣсноватыхъ, проходили мы по бенгальскимъ лѣсамъ. Пламя большихъ факеловъ, просвѣчивая сквозь мой паланкинъ, казалось мнѣ языкомъ дьявола, вырвавшагося изъ пекла; въ тоже время свѣтъ отъ нихъ разсѣявался по сторонамъ и освѣщалъ чудовищные кустарники бамбука, черезъ которые никогда не проникалъ солнечный лучъ, которые оставались неподвижными даже во времена страшныхъ бурь. Въ глубинѣ могилъ, гдѣ черви уже кончили свою работу, и тамъ даже не можетъ быть темнѣе и тише, чѣмъ въ этихъ уединенныхъ лѣсахъ, по которымъ мы скользили, освѣщенные пламенемъ и оглушаемые не человѣческими криками, подобные которымъ раздадутся вѣроятно въ послѣдній день, когда ангелъ смерти будетъ отъискивать оставшихся въ могилахъ. Только отчаяніе, гнѣвъ или послѣднія минуты могутъ исторгать такіе крики, какъ тѣ, которые выходили изъ груди нашихъ людей; мое сердце обливалось кровью, и мнѣ становилось жаль этихъ несчастныхъ, не смотря на ихъ отвратительную внѣшность; я только тогда успокоился, когда они положили насъ на берегъ рѣки, которую мы должны были переплыть. Убаюканный качкою, ночною сыростью и тяжелою атсмосферою этихъ долинъ, я проснулся только на другомъ

Видъ близъ Коломбо.

берегу: меня разбудилъ голосъ перевозчика; онъ стоялъ передо мною съ протянутою рукою. Не смотря на то, что онъ не имѣлъ права просить, я ему далъ двѣнадцать копѣекъ, и снова заснулъ; спустя нѣкоторое время я опять былъ разбуженъ такою же просьбою; подумавъ, что мы переплыли другую рѣку, я далъ еще двѣнадцать копѣекъ. Но добравшись до станціи, я узналъ, что во второй разъ это была продѣлка носильщиковъ, и роль перевозчика была съиграна однимъ изъ нихъ. Не зная языка, ничего не подѣлаешь, и потому я рѣшился переносить все стоически. Подъ быструю ходьбу моихъ носильщиковъ я снова заснулъ, и къ удивленію не былъ оставленъ ими ни на минуту, между тѣмъ какъ многихъ европейцевъ они зачастую посреди ночи бросаютъ на землю, отдавая ихъ въ жертву тиграмъ, крокодиламъ и шакаламъ. Въ Индіи съ ума сведетъ не одно солнце, но и темная ночь!

Взошла луна, а вмѣстѣ съ нею скрылись и *музальши*; получивъ впередъ деньги они нашли, что услуги ихъ при свѣтѣ безполезны; я не особенно огорченный этимъ заснулъ. Проснувшись въ сумерки, я увидѣлъ себя брошеннымъ на землѣ рядомъ съ моимъ товарищемъ, который еще спалъ и не вѣдалъ о своемъ бѣдственномъ положеніи! Въ такую критическую минуту я не пришелъ въ бѣшенство, но расхохотался: наши паланкины лежали рядомъ какъ разъ посреди улицы деревни, портьеры были приподняты какъ бы въ утѣшеніе, чтобы мы, проснувшись, могли бесѣдовать другъ съ другомъ. Всѣ люди изчезли, и Богъ вѣдаетъ какъ и когда!

Но, читатель мой, я все забылъ, забылъ самаго себя въ виду невиданнаго, невообразимаго зрѣлища. Все небо было безоблачно и ожидало восхода солнца, только на сѣверѣ я увидѣлъ вдругъ бѣлыя массы, отдаленныя на такое громадное пространство, что казались какъ бы облаками. Если же это были не онѣ, то не было ли это отраженіемъ или миражемъ большаго міра.... Но нѣтъ заря засвѣтилась: ея свѣтъ, подобно электрическому, освѣтилъ эти видѣнія, и я больше не сомнѣвался въ томъ, что видѣлъ передъ собою Гималай, это были онъ, ему могли поклоняться не одни идолопоклонники! Въ этихъ долинахъ, поднятыхъ не болѣе какъ на сто метровъ надъ водою, въ странѣ пальмъ, вѣчной зелени и жгучей атмосферы, я созерцалъ эти страшныя выси, гдѣ воздухъ не выноситъ облака или полета птицъ; гдѣ никогда не раздался и не раздается человѣческій голосъ; бросивъ взглядъ на нихъ, вы увидите тамъ больше льду, чѣмъ въ полярныхъ моряхъ! Это была такая красота, которую я не побоюсь

назвать сверхъестественною; это было выше всего, что обыкновенно называютъ чуднымъ, особенно въ тотъ моментъ, когда солнце освѣтило только вершины горъ, тогда какъ вся остальна масса оставалась въ тѣни, позолотило снѣга и обозначило расщелины, которыя походили на вены на лбу взбѣшеннаго человѣка. Эти вершины, касавшіяся неба и окрашенныя какими-то адскими красками, представились мнѣ тѣми знаменіями, которыя появятся въ послѣдній день; невольно объятый ужасомъ я вспомнилъ слова апостола: «Глазъ человѣческій не видѣлъ,» и т. д.

Къ сѣверу возвышалась *Дедунга*, или Эверестъ, высочайшая гора въ свѣтѣ, немного вправо поднималась и соперница, считаемая второю по высотѣ, *Кичинджунга*; видъ ея былъ даже грандіознѣе первой: она поднималась терассами и уступами бѣлыми какъ мраморъ, на которыхъ могли бы помѣститься горы вышиною въ Монъ-Бланъ; еще правѣе шли цѣпи горъ не ниже 7000 метровъ, сзади которыхъ въ таинственномъ Тибетѣ виднѣлся куполъ *Чхамулари*. Къ сѣверо-востоку, на такомъ дальнемъ разстояніи, что по временамъ совершенно скрывались очертанія, виднѣлась отвѣсная пирамида, которую туземцы называли *Давалагири*; эта знаменитая гора отстояла отъ насъ на пятьсотъ верстъ,—изъ чего ясно, что она не была ниже 8000 метровъ, потому что Дедунга на разстояніи 300 верстъ видна намъ была также ясно, какъ если бы мы смотрѣли на Пиренеи на разстояніи девяти верстъ.

Я нерѣдко слышалъ, и самъ такъ думалъ, что какъ скоро горы переходятъ извѣстную вышину, доходя до трехъ или десяти тысячъ метровъ, то самый опытный глазъ не видитъ уже между ними никакой разницы. Дѣйствительно, скромныя ирландскія горы, не превышающія тысячи метровъ, покрытыя по временамъ снѣгомъ, представляются съ моря такими же величественными какъ и Пиренеи, — тоже самое и Анды, которыя, не смотря на свою громадную величину, не производятъ впечатлѣнія болѣе сильнаго чѣмъ европейскія горы. Поставьте самаго искуснаго геометра, или художника съ самымъ вѣрнымъ глазомѣромъ передъ горами, которыхъ онъ раньше не видѣлъ, и спросите у него о высотѣ ихъ, — онъ, знакомый по картѣ съ высотою каждой отдѣльной вершины, въ этомъ случаѣ надѣлаетъ тьму ошибокъ. Это объясняется очень просто, а именно: до извѣстныхъ границъ вещи намъ кажутся большими или меньшими только относительно, и въ томъ случаѣ, когда мы теряемъ точку сравненія и не въ состояніи схватить цѣлаго, мы не можемъ судить

Видъ горы *Кинченджунга* въ Гималайскомъ хребтѣ.

и о частностяхъ; мы судимъ тогда о разстояніяхъ и высотахъ какой либо страны по мѣркѣ уже намъ знакомой. И если эта мѣрка можетъ быть примѣнима относительно всѣхъ величинъ земнаго шара, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ она быть примѣнима къ горамъ Гималайя, которыя выходятъ изъ ряду всѣхъ извѣстныхъ намъ высотъ, и, смотря на нихъ, никогда не придетъ мысль, что онѣ походятъ на Альпы или Анды. При видѣ ихъ, человѣкъ чувствуетъ какъ свое нравственное, такъ и физическое ничтожество; это такое чудо, которое поражаетъ всѣхъ и каждаго, и главнымъ образомъ своею неожиданностью; вы видите какъ эти горы безъ всякой постепенности вдругъ выростаютъ надъ самою плоскою и низменною страною свѣта, образуя своими колоссальными высотами непроницаемую стѣну.

Меня конечно не упрекнетъ читатель за такое продолжительное описаніе вида, такъ сильно поразившаго меня; я не могъ оторваться отъ него въ продолженіе получаса, послѣ котораго я снова спустился на землю и вспомнилъ о нашемъ положеніи,—по-истинѣ печальномъ и жалкомъ. Самое солнце казалось было противъ насъ, оно проникло чрезъ портьеры и обращало насъ въ бѣгство. Мы съ трудомъ подняли наши паланкины и стащили ихъ подъ тѣнь сосѣдняго дерева, гдѣ голодъ напомнилъ мнѣ о моемъ сушеномъ мясѣ. Послѣ простаго, но сытнаго завтрака, мы увидѣли приближающихся носильщиковъ, которые были за свою неисправность жестоко наказаны: имъ пришлось бѣжать до станціи *Кинченджунга* подъ лучами палящаго сонца.

Пальмы совершенно исчезли, и ихъ замѣнили пучко-образные бамбуки, вѣтви которыхъ, выходя изъ толстаго ствола, сгибаясь и утончаясь, поднимались кверху и походили на фейрверочный снопъ: деревья эти были вышиною около ста футъ. Часто встрѣчались также манговыя деревья съ чудными плодами и съ непроницаемою тѣнью, бананы и рододендры. Въ этомъ мѣстѣ къ намъ на помощь явился г-нъ Парри, о которомъ всѣ путешественники сохранили самое лучшее воспоминаніе, и отправилъ наши вещи до Пунгабари, чѣмъ много облегчилъ нашъ путь. Въ бунгалау мы нашли молодаго европейца—плантатора, который, не смотря на все свое усердіе и долгій трудъ, жаловался на неудачи; онъ говорилъ, что туземные рабочіе крайне лѣнивы, лукавы и исправленіе ихъ нравовъ посредствомъ убѣжденія положительно невозможно, а бить ихъ запрещено закономъ. Въ настоящее время они недовольны были платою, которую раньше брали охотно: шесть коп. онъ платилъ мужчинѣ, пять

женщинѣ и три копѣйки ребенку и жаловались на него суду, открывая передъ нимъ раны и побои, нанесенные будто бы ихъ хозяиномъ, между тѣмъ какъ эти раны они дѣлали себѣ нарочно. И судъ, убѣдившись въ ихъ ложныхъ показаніяхъ, наказывалъ тридцатью ударами палокъ. Я передаю только слышанное, и не берусь судить кто правъ, кто виноватъ, но скажу только, что управленіе тридцатью индусами безъ помощи палки, труднѣе чѣмъ управленіе всѣмъ нашимъ государствомъ.

Говорятъ что они не злы; я полагаю что на это у нихъ не хватаетъ храбрости. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кинченджунги, я видѣлъ какъ даже слабость дѣтей не принимается ими во вниманіе. Одинъ изъ нашихъ носильщиковъ, проходя близъ рѣки, съ жестокостью вырвалъ изъ рукъ шести или семилѣтняго ребенка рыбу, которую тотъ ловилъ, можетъ быть, жарясь на солнцѣ въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ: такъ не поступилъ бы даже дикарь.

Окрестности Кинченджунги, гдѣ находился порядочный бунгалау, наполнены были дикими животными: кабанами, змѣями и особенно тиграми, которые не любятъ густыхъ лѣсовъ, а предпочитаютъ долины, гдѣ естъ достаточное количество кустарниковъ и скалъ, гдѣ они, скрываясь, могутъ свободно прыгать. Удивительно, что кабаны не боятся нападать на нихъ; имъ удается подобно слонамъ поднимать тигровъ на клыки. Съ высоты дерева чрезвычайно удобно было бы наблюдать борьбу этихъ дикихъ животныхъ! На каждой изъ этихъ горъ можно было бы изучать эти интересные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дикіе нравы; у подошвы горъ живутъ обыкновенно тигры, а выше медвѣди и верблюды.

ГЛАВА XXX.

Восхожденіе на Джорджиллингъ. — Чудная панорама.

Послѣ величественнаго заката солнца, мы отправились съ Кинченджунги въ паланкинахъ и на слѣдующее утро безъ всякихъ приключеній дошли до деревни Титалійя; оставивъ ее, мы пошли пустынными долинами, гдѣ, къ моему удивленію, я повстрѣчалъ толпу мужчинъ, которая напомнила мнѣ лицами и одеждами до мельчайшихъ подробностей моихъ старыхъ знакомыхъ монголовъ. Мы были, слѣдовательно, на большой дорогѣ, ведущей изъ Калькутты въ Лассу и Пекинъ; достаточно пройдти этотъ путь съ одного конца въ другой, чтобы обезсмертить свое имя и увѣнчать его тою скромною славою изслѣдователя, которая дается однако путемъ большихъ трудовъ и усилій.

Неужели мнѣ удастся пройдти эти снѣжныя вершины и ступить на землю окраинъ Китая? Въ то время я не зналъ еще, что лишусь этого счастія, но и теперь еще не теряю надежды, что когда нибудь да буду тамъ.

Люди, о которыхъ я только что упомянулъ, были будистами, но не принадлежали Монголіи: это были бутанцы, непальцы или тибетцы; народъ атлетическаго сложенія, разбойники и фанатики, которые, къ несчастію географовъ, долго будутъ служить препятствіемъ къ изслѣдованію ихъ горъ.

Мы проходили теперь пастбища, покрытыя стадами, усѣянныя осами и прелестными цвѣтами, между которыми ползали змѣи, о ехидствѣ которыхъ мы могли судить послѣ нашего обѣда. Поставивъ наши тарелки въ уголъ на землю, мы услышали вдругъ шумъ, произведенный черною змѣею, подлизывавшею остатки съ тарелокъ. Въ

одну секунду я бросился на стулъ, схватилъ чайникъ и пустилъ въ нее горячую душу. Но это чудовище, одно изъ самыхъ ядовитыхъ, такъ быстро скрылось, что мнѣ не удалось размозжить ему голову. Это появленіе заставило насъ быть осторожнѣе; садясь въ паланкины, мы осматривали ихъ, опасаясь найдти тамъ кого нибудь лишняго.

Извѣстно, что на высотѣ четырехъ тысячъ футъ Гималайскія горы окружены лѣсами, извѣстными подъ именемъ *терайнеевъ*, гдѣ свирѣпствуютъ такія лихорадки, что ни одинъ еврепеецъ или туземецъ не проведетъ тамъ ночь, чтобы не захворать. Постоянная ночная сырость, чудовищное скопленіе деревьевъ, гнилость листьевъ, стволовъ и самой почвы порождаютъ міазмы, которые, наполняю росу, проникаютъ въ поры и производятъ оцѣпѣненіе членовъ и даже тошноту; кромѣ того, это любимое мѣстопребываніе тигровъ, и едва ли кто рискнетъ провести тамъ ночь. Перваго ноября мы съ трудомъ взбирались на высоты терайя, оглушаемые жалобными криками нашихъ носильщиковъ; было около пяти часовъ утра; при температурѣ не болѣе двѣнадцати градусовъ, мнѣ казалось очень холодно, хотя я съ удовольствіемъ видѣлъ въ этомъ доказательство того, что мы поднялись уже достаточно высоко, и, наконецъ-то, нашли выходъ изъ чистилища Бенгаліи. И дѣйствительно, до восхода солнца, мы были у дверей *Пуніабарійскаго* бунгалау, деревни, гдѣ уже совершенно другой климатъ. Къ сѣверу отсюда намъ представлялся видъ загроможденный пикообразными горами; поросши лѣсами, они скрывали отъ насъ дорогу; къ югу, напротивъ, съ этой незначительной высоты разстилались передъ нами безконечныя пространства однообразныхъ долинъ, которыя мы только что оставили.

Не смотря на свое знаніе высотъ и разстояній, съ перваго шага въ горахъ я впалъ въ ошибку при опредѣленіи ихъ. Смотря внизъ съ холма, я увѣрялъ своего товарища, что мы находимся на высотѣ не болѣе двухъ сотъ метровъ, но какъ я узналъ впослѣдствіи мы были вдвое выше. Я подумалъ тогда о размѣрахъ великихъ горъ, которые поразили меня сразу своею величиной. При недостаткѣ сравненія, обманъ этотъ былъ совершенно возможенъ, этому способствовали всѣ окружающіе насъ предметы. Ближайшее дерево казалось намъ въ величину нашего дуба, подходимъ и видимъ, что оно выше и толще Вандомской колонны! Мы видѣли въ терайя деревья, вышиною болѣе чѣмъ въ шестьдесятъ метровъ!

Добравшись до Пунгабари, съ котораго начинается трудное вос-

хожденіе въ пятьдесятъ верстъ, неудобное даже и въ паланкинахъ, мы дали поэтому вздохнуть нашимъ носильщикамъ и прибавили имъ на водку; они остались однако недовольны и стали просить прибавки. Ворча усѣлись вокругъ рисоваго блюда, и ежились подъ своими покрывалами, какъ будто находились въ Камчаткѣ. Но вотъ освѣтился востокъ, взошло солнце и освѣтило тамъ и сямъ мелькавшія рѣки и клубы дыма, указывавшіе на присутствіе тамъ человѣка.

Здѣсь намъ предстояли страшныя затрудненія, явившіяся слѣдствіемъ многихъ причинъ: вещи наши еще не были тутъ, и намъ некого было послать за ними, мы не могли ждать ихъ, должны были ѣхать, а лошадей достать было негдѣ. Но къ чему тутъ жалобы? Въ Индіи такого рода затрудненія путешественнику встрѣчаются на каждомъ шагу!

Послѣ скуднаго завтрака, мы тихонько двинулись по крутому подъему; насъ сопровождалъ *пахари*, или туземный носильщикъ, несшій оставшіяся съ нами вещи. Пахари это совершенно особенный типъ, сравнительно съ гибкими и ловкими индусами; его фигура съ неимовѣрно широкими плечами и сильно развитыми мускулами почти уморительна. Ему ни почемъ пройдти въ день изъ Курзіонга въ Дорджилингъ, разстояніе въ десять верстъ, стоющее цѣлыхъ пятнадцать, съ ношею, съ стофунтовую ношею, которую онъ несетъ шутя; разсказывали, что одинъ изъ нихъ, теперь уже умершій, прошелъ это разстояніе, неся на себѣ фортопіано! Этому легко повѣрить, взглянувъ разъ на ихъ чудовищныя ноги, къ которымъ присоединяется еще третья,—бамбуковая дубина, толщиною съ ихъ икры, на которой они отдыхаютъ посреди дороги, выражая свою усталость свистомъ. Вооруженный съ головы до ногъ пистолетами и согнутыми кинжалами, съ шестидесятью-фунтовой ношею на плечахъ, встрѣтивъ такого въ первый разъ явится желаніе скрыться. На своей бычачьей головѣ онъ несетъ большею частью всѣ тяжести, поддерживая ихъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Но, не смотря на ихъ нечеловѣческую силу, я не думаю, чтобы они были выносливѣе индусовъ въ ходьбѣ. Индусъ легко пробѣгаетъ долину, дѣлая въ часъ по семи километровъ съ восьмидесяти-фунтовою тяжестью; ноша привязана у него на эластической бамбуковой палкѣ, которую онъ перекладываетъ постоянно съ одного плеча на другое. Онъ судитъ, и совершенно правильно, что перемѣняя положеніе ноши, ему легче съ нею справиться, подобно тому какъ и съ противникомъ, къ которому слѣдуетъ подходить не прямо, а сбоку, отвлекая его вниманіе отъ на-

правленія главнаго удара. Только въ одномъ отношеніи индусъ стоитъ ниже горнаго пахари: послѣдній не украдетъ у васъ полушки, тогда такъ первый только по недостатку храбрости не украдетъ двухсотъ рупи, но непремѣнно своруетъ копѣйку изъ денегъ, которыя его пошлютъ размѣнять. Кромѣ того, у пахари нѣтъ кастовыхъ предразсудковъ; онъ не обратитъ вниманія на тѣ вещи, которыя онъ несетъ, а индусъ если онъ увидитъ въ своей ношѣ яйца, тотчасъ же выброситъ ихъ, и съ отчаянія будетъ рвать на себѣ волосы!

Поворачивая то вправо, то влѣво по безконечнымъ рытвинамъ и поднимаясь по безчисленнымъ изгибамъ, которые вчетверо удлиняли нашъ путь, мы встрѣчали по дорогѣ только стволы ліановъ, мхи и вѣчно колеблющіяся растенія.

Въ эту ночь, находясь подъ 27° широтою, на высотѣ 2000 метровъ, холодъ, хотя это и было 4-го ноября, все-таки былъ слишкомъ силенъ. Индусъ, бунгалаускій сторожъ, дрожалъ подъ своимъ покрываломъ, и я первый разъ подъ небомъ Индіи увидѣлъ травы и цвѣты покрытые инемъ. Какова же была въ насъ энергія и жизнь, когда мы на слѣдующее утро съ красными лицами отъ вѣтра, съ воспаленными глазами продолжали подниматься къ сѣверу! Мы видѣли передъ собою только рытвины, да деревья, которыя покрыли бы своею тѣнью высочайшія монументы Европы.

Между тѣмъ подъемъ стоновился все болѣе и болѣе отлогимъ, и наконецъ совершенно исчезъ; пройдя эту вторую терассу, мы увидимъ свѣтъ Божій; мы увидимъ границы Тибета... И дѣйствительно, въ полдень мы добрались до ущелья, лежащаго къ сѣверу, изъ котораго вилась дорога, пересѣкаемая остью горы, поднимавшейся справа и слѣва и образуя на западѣ хребетъ *Сингалъ*, на вершинѣ котораго правительство устроило нѣсколько казармъ для больныхъ солдатъ. Передъ нами шла другая округленная гора; понижаясь къ сѣверу, она образовывала собою живописный холмъ, на которомъ разбросаны были бѣлые домики и церковь Дорджилинга. Все это стояло на первомъ планѣ вида; описывать же остальное я не берусь, да едва ли это по силамъ будетъ даже великимъ поэтамъ. Я оцѣпенѣлъ когда съ вершины Сингала увидѣлъ вдругъ передъ собою вѣчные снѣга, отъ которыхъ отдѣляли меня чудно толпившіяся горы;—назвать эту панораму величественной смѣшно, такъ какъ это слово употреблялось при описаніи Альпъ или Пиреней; изъ этой картины, не поддающейся никакому описанію, я укажу толь-

ко на царицу горъ на Кинчинджунгу, которая съ Дорджилинга выдавалась рельефнѣе всѣхъ остальныхъ. Она видна отсюда съ самаго основанія до вершины, т. е. въ вышину 8000 метровъ! Нижняя часть ея представляется синею, слѣдующая за нею, величиною съ Монъ-Бланъ, совершенно бѣлая безъ одного пятна, такъ что на разстояніи шестидесяти верстъ на нее было больно смотрѣть. Среди этихъ вѣчныхъ снѣговъ высятся три громадныхъ уступа, каждый изъ нихъ въ тысячу метровъ; они идутъ по направленію къ востоку, и послѣдній изъ нихъ оканчивается вершиною, состоящею изъ двухъ остроконечныхъ пиковъ. Эта колоссальная гора, такъ сказать chef-d'oeuvre творенія, представляется намъ совершенно инымъ міромъ, такимъ же отдаленнымъ какъ страна антиподовъ: его еще освѣщаетъ солнце тогда, когда отъ насъ оно ужь скрылось; облака, проливающіяся на нашу землю дождемъ и оглушающія насъ громомъ, пресмыкаются у ногъ этого чудовища, голова котораго касается неба: гору эту, гдѣ царитъ вѣчная тишина, гдѣ не раздаются даже громы небесные, можно назвать жилищемъ смерти; человѣку нуженъ мѣсяцъ чтобы обойти ея основаніе, и достаточно пяти минутъ, чтобы уничтожить гордую голову создавшую Энеиду или воздвигнувшую куполъ св. Петра.

Взглянувъ на западъ по длинѣ главной цѣпи, мы замѣтно опустили глаза съ Кичинджунга, не смотря на то, что передъ нами былъ цѣлый рядъ остроконечныхъ хребтовъ, такихъ же отвѣсныхъ, бѣлоснѣжныхъ и такихъ же высокихъ какъ Чимборасо. Къ югу-западу они понижаются и, скрываясь въ долинахъ, остаются все еще на высотѣ 3000 метровъ!

Я полагаю, что читатель меня вполнѣ извинитъ за мое долгое пребываніе съ нимъ на вершинѣ Сингала, и также за мое частое возвращеніе къ описанію вида, къ которому, не смотря на мои продолжительныя путешествія, я вовсе не былъ приготовленъ. Останавливаясь на каждомъ шагу, мы добрались наконецъ до домиковъ Дорджилинга и помѣстились въ сыромъ и холодномъ бунгалау, носившемъ однако названіе гостиницы. Кромѣ горъ, мой взглядъ съ удовольствіемъ остановился также и на европейцахъ, круглыя и красныя лица которыхъ дышали здоровьемъ и весельемъ, особенно дѣти, игравшія здѣсь совершенно спокойно на солнцѣ; я не видѣлъ здѣсь потухшихъ глазъ, впавшихъ желтыхъ щекъ и согнутыхъ спинъ какъ въ Калькуттѣ; я нашелъ наконецъ вмѣстѣ съ европейскимъ климатомъ и людей въ которыхъ текла наша кровь.

На возвратномъ пути, спускаясь по дорогѣ, образующей терассу вокругъ Дорджелинга, мы повстрѣчали нѣсколькихъ коренастыхъ, довольно учтивыхъ амтчаховъ. При посредствѣ г-на Бюрнея, я узналъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, пришедшихъ изъ Лассы, о положеніи Чхамулари и горнаго ущелья, черезъ который они прошли. Я право завидовалъ людямъ, перешедшимъ такія преграды и мѣста, недоступныя для насъ. Кто слѣдилъ внимательно за моимъ разсказомъ, тотъ хорошо пойметъ, что цѣлью моего путешествія было не одно восхищеніе горами, но также и страстное желаніе проникнуть въ эти таинственныя мѣста. Я разсчитывалъ достигнуть по крайней мѣрѣ снѣжныхъ вершинъ и непремѣнно исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы не узналъ, что въ Гамалайяхъ для перехода съ одной горы на другую, отстоящихъ другъ отъ друга на 20 верстъ, приходится дѣлать сто, поднявшись въ тоже время на большія высоты. Взбираться на высоту 2000 метровъ, спускаться съ нея и снова подниматься на высоту трехъ или четырехъ тысячъ метровъ, и затѣмъ къ концу дня остаться безъ ночлега и воды: таковы неудобства, встрѣчаемыя изслѣдователями. Прибывъ туда, я съ отчаяніемъ узналъ, что нѣсколько молодыхъ людей отправились на одну изъ ближайшихъ сосѣднихъ горъ *Тонглу*, возвышавшуюся надъ Дорджилингомъ на 1000 метровъ и находящуюся не болѣе какъ на разстояніи двухъ миль, между тѣмъ они употребили на восхожденіе ея два или три дня. Послѣ этого нечего было и думать о Кинчинджунги, удаленной отсюда на 150 километровъ.

Хотя многое меня приводило въ раздумье, какъ, напр., встрѣча съ горцами и дикими звѣрями, незнакомство лепткасовъ съ индускимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе развѣ только непреодолимыя препятствія могли заставить меня отказаться отъ желанія сдѣлать отчаянный приступъ въ эти страшныя мѣста. Видѣть эти прекрасныя горы и не коснуться ихъ—да это хуже мукъ Тантала, какъ для меня, такъ и для всѣхъ здоровыхъ и предпріимчивыхъ людей, живущихъ тамъ. Во время моего пребыванія въ Дорджилингѣ можно было безъ особенныхъ затрудненій найти предлогъ, важности котораго я не стану теперь разсматривать, какъ-то: нарушеніе договоровъ, притѣсненіе англичанъ и т. п., для организаціи небольшой экспедиціи съ цѣлью захвата Сикима для присоединенія его къ англійской Индіи; оно открыло бы всѣмъ европейцамъ, географамъ и купцамъ дорогу изъ Калькутты въ Тибетъ. Докторъ Кэмбель, представитель санитарнаго комитета, извѣстный въ Непалѣ въ продоженіе двадцати лѣтъ какъ дѣятельный дипломатъ, но еще болѣе какъ искусный горецъ,

рискнулъ отправиться по дорогѣ ему мало знакомой во главѣ ста сипаевъ, съ пушкой и знаменемъ, съ намѣреніемъ овладѣть столицей, расположенной въ двадцати верстахъ. Онъ былъ уже въ Пеміонги, почти на половинѣ пути, откуда ночью мы могли видѣть еще огни его лагеря; онъ, узнавъ тамъ о моемъ прибытіи, очень заинтересовался мною, какъ горнымъ изслѣдователемъ, и приглашалъ меня письменно поскорѣе явиться къ нему въ лагерь, обѣщая снабдить меня всѣми жизненными припасами, людьми, барометрами и др. для достиженія вершины горъ, прибавляя, что никогда еще путешественникъ не пользовался такими благопріятными обстоятельствами. Но въ ту минуту, когда я весь горѣлъ нетерпѣніемъ и былъ полонъ гордости, счастіе, или, прибавлю съ сердцемъ полнымъ благодарности, Провидѣніе послало мнѣ помѣху, которая спасла мнѣ жизнь. Я заболѣлъ гриппомъ и кровавымъ поносомъ: я слегъ въ постель какъ генералъ, обреченный на эту казнь наканунѣ битвы, изъ которой онъ думалъ выйти побѣдителемъ... тоска снѣдала меня и я уже проклиналъ свою судьбу... какъ вдругъ явилось, подобно громовому удару, раздирающее сердце извѣстіе о томъ, что двѣ или три тысячи бутанцевъ, вооруженныхъ стрѣлами и кинжалами, напали на нашъ отрядъ; что треть людей погибла и самъ докторъ находится при послѣднемъ издыханіи. Тогда больше чѣмъ въ Шангаѣ, больше чѣмъ въ Новой Зеландіи и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, я увидѣлъ какъ горячо пробудилось въ англійскомъ народѣ, повидимому непоколебимомъ и холодномъ, чувство къ отчизнѣ и къ защитѣ чести. Человѣкъ сто здоровыхъ гарнизонныхъ солдатъ Дорджилинга отправились въ тотъ же вечеръ, пѣшкомъ, чрезъ горы, подвергаясь лихорадкѣ, нападенію тирговъ и другимъ бѣдствіямъ, чтобы пройти разстояніе пятнадцати верстъ и подать помощь своимъ соотчичамъ, между тѣмъ какъ большая часть оставшихся людей вооружалась и составляла патрули для охраненія своихъ пенатовъ. И въ этомъ случаѣ видно еще новое доказательство той несмотрительности, съ которою англичане дѣйствуютъ часто и въ болѣе важныхъ случаяхъ. Двинуться во враждебную, покрытую непроходимыми лѣсами территорію, въ которой сто ловкихъ человѣкъ могли побѣдить наилучшимъ образомъ дисциплинированную армію съ ея артиллеріей, двинуться съ нѣсколькими трусливыми и невсегда преданными неграми, и предоставить горсти европейскихъ солдатъ почти больныхъ, безъ оружія, защиту всего населенія мужчинъ, женщинъ и дѣтей:—вотъ что сдѣлалъ докторъ Кэмбель, не смотря на свои похвальныя намѣ-

ренія. За то же онъ и былъ горько, и, по моему мнѣнію, слишкомъ строго осуждаемъ, не взирая на свою долгую службу. Не желая затрогивать человѣка, къ которому чувствую до сихъ поръ живѣйшую благодарность, и пускаться въ разсужденіе о предметахъ, въ которыхъ не могу быть компетентнымъ судьею, — я позволилъ себѣ коснуться этихъ фактовъ только потому, что они имѣютъ связь съ моей исторіей и съ моими мечтаніями объ изслѣдованіяхъ.

Впрочемъ, докторъ Кэмбелъ не былъ единственнымъ человѣкомъ, которому я былъ обязанъ. Капитанъ Кумбсъ (офицеръ, приславшій мнѣ рисунки), узнавъ о бѣдственномъ положеніи моемъ въ бунгалау, великодушно предложилъ мнѣ пріютъ у себя въ домѣ, немедленно прислалъ людей за моими вещами, и менѣе чѣмъ черезъ два часа я находился уже въ его домѣ, гдѣ за мной ухаживали какъ за братомъ въ продолженіе всей болѣзни, продолжавшейся мѣсяцъ. Вотъ примѣръ гостепріимства индійцевъ, и оно оказывается всѣмъ безъ различія званія. Полковникъ Вишонъ и капитанъ Шервель, одолжившій мнѣ журналъ, издаваемый его братомъ, въ которомъ тотъ описывалъ свои наблюденія, произведенныя имъ въ неизслѣдованныхъ раньше его мѣстностяхъ Кинчинджунга, оба оставили во мнѣ самыя лучшія воспоминанія.

Еслибъ не возгорѣлась эта несчастная война, я могъ бы, по возстановленіи моего здоровья, отправиться, заручаясь сочувствіемъ всего свѣта и сопровождаемый тысячью добрыхъ пожеланій, въ горы, чтобы изслѣдовать ихъ и съ большимъ вѣроятіемъ достигнуть по крайней мѣрѣ нижней границы снѣга, находящейся въ разстояніи 5000 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца принужденъ я былъ съ нѣкотораго рода бѣшенствомъ и отчаяніемъ всматриваться въ телескопъ и просто невооруженнымъ глазомъ въ этотъ міръ льдовъ, который ни на минуту не переставалъ блистать при лучахъ солнца, и своими льдинами замораживать всѣ мои желанія.

Возвращаюсь къ Дорджелингу, имя, означающее, какъ кажется, на мѣстномъ языкѣ «жезлъ священства» (лингъ — собственно — мѣсто и доргъ — «жезлъ священства»), и данное ему потому, что, какъ дѣйствительно замѣчено, мѣсто это считаетса священнымъ, и сюда стекается множество богомольцевъ, даже изъ сосѣднихъ мусульманъ.

Городъ — по костюму жителей вполнѣ монгольскій, на самомъ же дѣлѣ индѣйскій и наполненъ ламами, одѣтыми почти такъ же, какъ ургійскіе, съ тою только разницею, что, вмѣсто красныхъ туникъ,

Видъ города Канди на островѣ Цейлонѣ.

носятъ бѣлыя; съ выбритою головою, постоянно они съ цилиндрикомъ для молитвъ» въ рукѣ, который вертятъ они въ рукахъ цѣлый день, бормочутъ при этомъ своимъ монотоннымъ и утомленнымъ голосомъ знаменитыя буддійскія молитвы, смущающія такъ нашихъ оріенталистовъ (знатоковъ восточныхъ языковъ).

Близъ базара находится языческій храмъ, архитектуры, имѣющей весьма мало общаго съ мусульманской. Каждый день, съ приближеніемъ вечера, старый жрецъ сзываетъ сюда вѣрныхъ трубою, сдѣланною не изъ дерева и не изъ металла, а изъ бедровой кости огромнѣйшаго скелета, какой только можно сыскать гдѣ-либо, и издающій поэтому какіе-то особенные звуки, потрясающіе воздухъ и сосѣднія горы. Слыша эти заунывные, монотонные звуки, можно подумать, что это замогильныя жалобы безобразнаго мертвеца, лишеннаго священнаго обряда погребенія.

На остроконечной вершинѣ холма, котораго склоны и волнистый хребетъ, начиная отъ самаго Дорджелинга, усѣяны множествомъ долинъ, на небольшомъ лужкѣ, пересѣкаемомъ древней расщелиной, поросшей плющемъ, на этой по истинѣ обсерваторіи, находящейся на самомъ ближайшемъ, какое только доступно человѣку, разстояніи отъ солнца, живетъ другой буддійскій монахъ — отшельникъ. Исполненный благоговѣйнаго чувства къ святынѣ обитаемаго имъ мѣста, онъ почти никогда не открываетъ рта, за исключеніемъ того случая, когда стоитъ съ лицомъ, обращеннымъ къ Тибету: это онъ молится. На самомъ дѣлѣ немудрено сдѣлаться мистикомъ и забыть все на свѣтѣ, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ даже христіанинъ готовъ пасть ницъ и потупить свой взоръ предъ всемогущимъ величьемъ природы. Человѣкъ, пусть онъ хоть двадцать разъ объѣхалъ весь земной шаръ, но не бывалъ въ этихъ мѣстахъ, взобравшись не вершину этого холма, и окинувъ взоромъ окрестность, невольно принужденъ будетъ сознаться, что не видалъ доселѣ ничего подобнаго. Алпы, нагроможденные надъ Пиренеями, гора Монъ-Бланъ, поставленныя на Тенерифскую вершину, — все это покажется, послѣ этого, божествами, потерявшими свою силу: если даже представить ихъ себѣ опрокинутыми и ихъ развалины собранными въ обширной долинѣ, то едвали въ общемъ составится что-либо столь поразительно дикое, столь переполненное пропастями, столь похожее, во множествѣ, на волненіе моря, какъ эти громады Сихимскихъ горъ, находящіяся у васъ подъ ногами, съ ихъ безсчисленнымъ множествомъ деревьевъ, съ ихъ тишиною и мракомъ. Это одно возбуждаетъ всюду удивленіе; но если

смотрѣть по другую сторону, по направленію къ горизонту, то является головокруженіе, и тогда уже не нужно быть язычникомъ, чтобъ преклонить свое чело.

Я имѣлъ здѣсь въ виду описать эффектъ, производимый этимъ видомъ; что же касается до подробностей этого чудеснаго цѣлаго, до естественной исторіи этой страны, то первыхъ невозможно передать словами, ихъ можно требовать только отъ картины; за второй же я совѣтую обратиться къ работамъ доктора Гуокера, который однакожъ, несмотря на свою ученость и то, что это было главною его цѣлью, открылъ только конецъ покрывала, скрывающаго и до сихъ поръ тайны Сихимскихъ Гималаевъ.

ГЛАВА XXXI.

Католическій монастырь въ Дорджелингѣ. — Сейкская война. — Характеръ Англо-Индѣйцевъ. — Большая поѣздка. — Закатъ солнца осенью. — Индѣйскій чай. — Неудавшіяся путешествія изъ Калькутты въ Лассу. — Отъѣздъ изъ Дорджелинга. — Протестантское богослуженіе въ Индіи. — Климатъ Бенгаліи. — Иней. — Послѣдній Гималайскій видъ. — Пурнахъ. — Ночь въ Бенгальской степи. — Сейки. — Гангъ. — Возвращеніе въ Калькутту. — Альпійскій клубъ въ Лондонѣ.

Но я долженъ оставить свои безконечныя описанія горъ, и не забывать совершенно, что они не всѣмъ-то по вкусу. Я думаю, что всѣмъ интересно знать, что въ Дорджелингѣ—двѣ церкви: одна, протестантская, построена на возвышенности, такъ что видна всюду; другая, католическая, скрывается на западѣ, въ небольшой скромной долинѣ, гдѣ возвышается самое большое зданіе въ городѣ—католическій монастырь, находящійся въ вѣдѣніи сестеръ милосердія. Тамъ наслаждаются, не имѣя причины гнѣвить небо, дѣти двухъ религій; всѣ они пребываютъ здравыми тѣломъ и духомъ въ опытныхъ и искусныхъ рукахъ, до того самаго времени, какъ отправляются на каникулы чахнуть въ долинѣ, на свиданіе съ своими родственниками.

Я сдѣлалъ визитъ священнику, достойному итальянскому пастырю, гдѣ удостоился ласковаго пріема, и игуменьѣ, которая оказалась ирландкой, какъ и большинство изъ сестеръ. Я не могу выразить, какъ тронула она меня своими заботами о дѣтяхъ, ввѣренныхъ ея попеченію, во время труднаго кризиса, который мы переживали. Она переселила ихъ на нѣсколько ночей въ возвышенную и самую населенную часть города, дрожала за нихъ, какъ родная мать, и, можно сказать, не безъ причины. Распространился слухъ, что двѣ тысячи

бутанцевъ окружили насъ вблизи; что, поощряемые своимъ успѣхомъ въ лагерѣ доктора Кампбеля, они ждутъ только удобной ночи, чтобы сдѣлать на насъ нападеніе и сжечь насъ живыхъ; что они идутъ отрѣзать намъ сообщеніе съ долиной, доставлявшей продовольствіе; наконецъ, одно только слово новая «кавипурская рѣзня» такъ устрашило болѣе заинтерессованную часть населенія, что они всѣ нѣсколько ночей сряду связывали свой багажъ и во множествѣ удалялись на разстояніе двухъ километровъ, на возвышенности, гдѣ находились казармы, защищаемыя пятьюдесятью больными солдатами. Основателенъ или нѣтъ былъ этотъ слухъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ вѣроятенъ, и мы приняли всѣ мѣры предосторожности, въ случаѣ ночной атаки, которую однакожъ яркій свѣтъ луны дѣлалъ почти невозможною. Необходимо, чтобы обаяніе европейцевъ надъ азіатцами было чрезвычайно велико, чтобы горсть насъ, вооруженныхъ большею частію игрушечнымъ оружіемъ, нѣсколькими пистолетами, или, какъ я, старой китайской шпагой, которую я положилъ подлѣ своей постели, возбуждалъ бы настолько страху въ двухъ тысячахъ людей необыкновенной силы, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился показаться. Но хуже всего было то, что мы не имѣли никакоко извѣстія о докторѣ Кампбелѣ, не смотря на то, что можно было слышать ночью пушку, гремѣвшую подлѣ его лагеря. Наше горе было въ высшей степени велико, когда, подъ вліяніемъ паническаго страха, отъ насъ сбѣжали слуги, большую часть которыхъ составляли индусы, находившіеся въ услуженіи большинства европейцевъ.

Длинными и тяжелыми показались мнѣ эти дни и въ особенности, ночи, переполненныя тоскою, при видѣ жестокаго характера и изступленной ненависти къ англичанамъ этой шайки гордыхъ жителей горъ, населяющихъ склоны Тибета и защищающихъ входъ въ него. Слабый и неокрѣпшій здоровьемъ, остался я въ семействѣ капитана Комбса, гдѣ, въ ожиданіи развязки этой ужазной тревоги, философски погрузился въ занятіе рисованіемъ, чтеніемъ и бесѣдою объ Индіи. Это, вмѣстѣ съ мѣсяцемъ, проведеннымъ мною въ Австраліи у доктора Букналя, было самымъ лучшимъ временемъ моей жизни, не смотря на все то, что пыталось нарушить спокойствіе моей души.

Сидя непрестано подлѣ привѣтливаго огонька, въ то время какъ на улицѣ свисталъ сѣверный вѣтеръ, возвѣщавшій наступленіе зимы; занимая ландшафтъ, единственный въ мірѣ, за книгой, служащей мнѣ душевною пищею и за знаменитымъ тамошнимъ чаемъ, под-

крѣплявшимъ мое на мгновеніе разстроившееся здоровье. я забывалъ всѣ свершенныя мною путешествія, и прославлялъ только гостепріимную кровлю, пріютившую меня, и доходилъ до мысли найти новыя Пиренеи въ Дорджилингѣ, гдѣ я имѣлъ счастіе остановить на минуту свой полетъ. Проведя нѣсколько дней, вовсе не имѣя знакомыхъ, я имѣю теперь честь пользоваться всеобщимъ знакомствомъ, дружбою многихъ и даже преданностью нѣкоторыхъ, какъ капитана Комбса и оффиціальнаго врача этой мѣстности, столь щедро осыпавшей меня услугами. Вотъ факты, которые я намѣренъ обрисовать, ибо, можетъ быть, это ужь слишкомъ свободно, я никогда не отзывался съ такою похвалою о характерѣ англичанъ; общежительность среди англичанъ Индіи развивается вполнѣ естественно: всегда великодушнымъ отъ природы, имъ ничто не мѣшаетъ заставить любить и сожалѣть себя всѣхъ окружающихъ; рекомендательныя письма здѣсь вполнѣ безполезны: достаточно быть европейцемъ и имѣть при этомъ хорошій характеръ, чтобы смѣло идти стучать къ каждому въ дверь, и будьте увѣрены, что, вмѣсто сплина, вы найдете здѣсь веселость, простирающуюся чуть ли даже не слишкомъ далеко.

Всего удивительнѣе покажется здѣсь то, что англичане Индіи, а особенно офицеры, по крайней мѣрѣ внѣ большихъ городовъ, занимаются изученіемъ страны, въ которой живутъ, и вполнѣ презираютъ бездѣйствіе. Такъ въ Дорджелингѣ нѣтъ никого, кто бы не занимался фотографіей, хотя, правду сказать, никто еще до сихъ поръ не успѣлъ запастись хорошимъ снимкомъ этой, въ высшей степени великолѣпной панорамы: то хребетъ горъ выйдетъ хорошо, а вмѣсто равнины пятно; то равнина хороша, а горъ совсѣмъ не видать, какъ будто онѣ слишкомъ отдалены, чтобы быть представленными на одной картинѣ съ предметами, помѣщенными на 100 километровъ ближе къ фотографу.

Многіе изъ европейцевъ составляютъ коллекціи или папортниковъ, или бабочекъ, или минераловъ, и это не только въ счастливомъ климатѣ Дорджелинга, но и ниже, гдѣ, какъ я часто говорилъ, солнце можно сравнить съ направленнымъ на васъ оружіемъ, которому остается спустить курокъ.

Уже давно прошли тѣ времена, когда молодые офицеры держали пари на все, что имѣли и даже больше, что они перебросятъ карту черезъ стѣну бунгалау; тамъ напивались они до безчувственности шампанскимъ и собирались однажды въ недѣлю, послѣ обѣда, заколотивши двери, чтобъ кто не вошелъ, прежде чѣмъ они будутъ на-

веселѣ. Нравы измѣнились: теперь поняли свою обязанность служить примѣромъ туземцамъ; но хотя сами не уважаютъ ихъ предразсудковъ, тѣмъ не менѣе изгоняютъ изъ арміи всякаго сипаи, принявшаго христіанство, или палятъ изъ пушекъ въ продолженіе цѣлаго дня, чтобы обратить въ бѣгство холеру, или запрещаютъ европейцу крестить индуса, отрекшагося отъ язычества.

Хотя еще много дурнаго можно сказать относительно нравственнаго характера англо-индѣйцевъ, однакожъ становится очевиднымъ, что онъ съ каждымъ днемъ повышаетъ свой уровень. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ ощущалась здѣсь необыкновенная нужда, такъ что человѣкъ, изучившій ее, сдѣлалъ о томъ не совсѣмъ-то лестный отзывъ: Что касается до опасеній со стороны нравственности и религіи Индіи, говоритъ онъ, то они еще многочисленны и велики. Впрочемъ, правду сказать, я не думаю, чтобы здѣсь болѣе подвержены были чудовищной безнравственности, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Пьянство почти вовсе не встрѣчается въ хорошемъ обществѣ; его дѣйствіе на здоровье столь ужасно и быстро, и оно съ такимъ отвращеніемъ устраняется большинствомъ тѣхъ, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, что мало причинъ опасаться, чтобъ оно когда либо могло войти въ моду. Тоже должно сказать и объ играхъ, скачкахъ и прочихъ забавахъ. Мнѣ кажется, что болѣе причинъ опасенія со стороны Индіи: въ убыточной хвастливости и въ чрезвычайной расточительности, и всего болѣе со стороны мѣстъ, еще болѣе отдаленныхъ, въ забвеніи и въ недостаткѣ средствъ для образца внѣшнихъ формъ цивилизаціи.

Оставляя это, я думаю описать экскурсію, которую я предпринялъ съ однимъ изъ моихъ друзей, весьма любезнымъ ученымъ, занимавшимъ мѣсто въ экскурсіяхъ калькуттскаго министра народнаго просвѣщенія и имѣвшимъ страсть къ собиранію бабочекъ. Надлежало спускаться на сѣверъ до самаго подножія горы, служащей пьедесталомъ для Дорджелинга. Хотя на взглядъ и казалось, что долина находилась ниже насъ не болѣе какъ на 800 метровъ, и что лежала не далѣе какъ на часъ ходьбы, однакожъ мы весьма скоро убѣдились, что спускъ ея равенъ 1,800 метрамъ и что для него едва хватилобы 3 часовъ. Такимъ образомъ, я еще однажды убѣдился, что въ странѣ, гдѣ все въ столь большихъ размѣрахъ, невозможно болѣе или менѣе точно опредѣлить разстояній. Къ концу часа непріятнаго спуска съ горы, впродолженіе котораго впрочемъ мы встрѣтили нѣсколько обезьянъ, множество красивыхъ бабочекъ и

крайне разнообразныхъ папортниковъ, мы окончательно потеряли изъ виду огромныя снѣжныя вершины, погрузясь въ долины съ цѣлью низойти въ воронкообразное ущелье, чуть-ли не вполнѣ лишенное воздуха. Спустившись съ горы, послѣ трехъ часовъ ходьбы, мы очутились среди горъ, до того поросшихъ лѣсомъ, что невозможно было взобраться на нихъ безъ того, чтобы не расчищать себѣ дорогу топоромъ, въ особенности же для того, чтобы добраться до стремительнаго потока, несущаго съ кинчинджунгскихъ ледниковъ свои зеленоватыя холодныя воды. Это *Greet-Runguit*, служащій границей между англійскими сейкскими владѣніями, чрезъ который мы могли бы пройдти нѣсколько часовъ тому назадъ по бамбуковому мосту, недавно унесенному наводненіемъ. Къ счастію, для меня это была не большая потеря, ибо тоже самое я могъ увидѣть на сосѣднемъ потокѣ. Эти оригальные гималайскіе мосты— весьма не надежный способъ переправы, ибо вѣтеръ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій проходящій по нимъ, заставляетъ ихъ качаться какъ люльку: они весьма рискованно перекинуты безъ свай черезъ потокъ шириною иногда въ 100 метровъ, при такой незначительной ширинѣ, что едва возможно поставить рядомъ только двѣ свои ноги и притомъ снабжены, повидимому, вмѣсто перилъ, столь ненадежною бамбуковою жердью, что до нея страшно бываетъ даже дотронуться. Нѣтъ ничего граціознѣе и легче и вмѣстѣ съ тѣмъ экономнѣе этихъ мостовъ, и они были бы въ своемъ родѣ совершенство, еслибъ были немного надежнѣе, ибо круговороты съ ихъ холодною, не смотря на чрезмѣрную жару въ атмосферѣ, водою страшны даже для самыхъ сильныхъ пловцовъ.

Мы расположились завтракать въ тѣни огромной скалы, окружавшей источникъ. Здѣсь мы были крайне удивлены разностью въ температурѣ мѣстъ нетѣнистыхъ и тѣнистыхъ, гдѣ было чуть ли даже не весьма холодно. Я вообще наблюдалъ это явленіе осенью, преимущественно же въ горахъ. Послѣ завтрака, который мрачная и мертвая природа мѣста не позволяетъ мнѣ назвать сельскимъ, но который вѣрнѣе ведетъ къ цѣли, чѣмъ большинство тѣхъ, которые бываютъ обыкновенно на вольномъ воздухѣ, на этихъ пикникахъ, напоминающихъ собою армію Ксеркса; послѣ окорока, яицъ, шоколата и пива, которое я позаботился положить въ холодный источникъ, гдѣ самъ выкупался, наступило время возвращенія, т. е. поднятія на гору. Не смотря на маленькаго пони, котораго мы взяли съ собою на всякій случай, и на которомъ ѣхали попеременно, этотъ подъемъ

продолжался нѣсколько часовъ, послѣ чего я вступилъ въ прелестную сухую атмосферу, гдѣ мой товарищъ приготовилъ мнѣ великолѣпный обѣдъ, какой едва ли найдетъ у себя сопровождавшій меня десятилѣтній мальчикъ, прошедшій съ нами непрерывно десять миль по горамъ.

Съ этого времени кончался въ Дорджелингѣ самый разгаръ лѣта; уже съ самаго отъѣзда доктора Кэмбеля не проводили болѣе дней въ танцахъ и въ угощеніяхъ на чистомъ воздухѣ; холодъ становился невыносимымъ для слабыхъ организмовъ, и приходилось уже видѣть какъ блуждали на небѣ облака, предвѣстники продолжительнаго печальнаго времени года, когда, въ продолженіе 5 или 6 сырыхъ и туманныхъ мѣсяцевъ, жители Дорджелинга не будутъ видѣть Гималаевъ, точно также, какъ и Альповъ. Прекрасное время года уже кончалось: стали наступать холода, и уже недалеко шестимѣсячное сырое время года, въ продолженіе котораго вода выпадаетъ на 36 дюймовъ, т. е. столько, сколько у насъ въ 3 года. Однако же, при всемъ этомъ, климатъ въ Гималаяхъ весьма благопріятенъ для путешествій, ибо въ продолженіе 3 мѣсяцевъ, въ которые возможны эти путешествія, горы почти совсѣмъ не скрываются въ туманѣ. До 1-го января, хотя и часто выпадаетъ снѣгъ, холода еще сносны; даже и въ Дорджелингѣ, на высотѣ большей 2000 метровъ, снѣгъ выпадаетъ весьма рѣдко, даже въ то время, когда онъ падаетъ въ изобиліи въ Китаѣ, на высотѣ уровня моря и притомъ въ тѣхъ же широтахъ. Тѣмъ не менѣе, къ концу декабря я нашелъ холода довольно сильными и вовсе не лишнимъ огонь, хоть съ утра до вечера, тѣмъ болѣе въ этой странѣ, которая можетъ своимъ лѣсомъ доставить отопленіе всему свѣту и при этомъ настолько же матеріалу для судовъ. Весьма вѣроятно, что ботаникъ нашелъ бы здѣсь весьма многое. Можетъ быть также физикъ и метеорологъ сдѣлали бы здѣсь полезныя открытія и объяснили бы какъ явленіе блеска, пересѣкающаго по ночамъ темныя дороги и перелетающаго чрезъ гнилые стволы, подобно блуждающимъ огонькамъ. Но чувствуется, что это время поэта и грезъ; найдется ли какой либо человѣкъ, какой либо впечатлительный путешественникъ, который могъ бы оставаться спокойнымъ тогда, какъ слышится звуки католическаго Angelus, повторяемаго эхомъ, какъ раздаются жалобные звуки трубы буддійскаго жреца, какъ среди полнѣйшей тишины и влажности атмосферы, луна проливаетъ свои лучи на горы, столь же голодныя и столь же невѣдомыя, какъ ея собственныя? Здѣсь онъ не только наслаждается красотами этой дикой природы, но и вмѣстѣ съ тѣмъ сравниваетъ себя

съ нею, доходя при этомъ до своего превосходства! Что значатъ, скажутъ имъ, всѣ эти образы, эти недостижимыя для человѣка высоты, эти призраки черные и бѣлые; что значитъ все это въ сравненіи съ разумомъ, который все это измѣритъ, свѣситъ и найдетъ что все еще слишкомъ ничтожнымъ? Болѣе: природа стала бы могилой и ея горы мавзолеемъ, еслибъ она лишилась голоса и дыханія человѣка. Что же касается до меня, то я испытываю нѣкотораго рода трепетъ передъ этой картиной, къ которой я безпрестанно обращаюсь, и не могу, какъ многіе другіе, читать въ ней славу небесъ. Эти снѣжныя пустыни, избороржденныя тысячами обваловъ, гдѣ свѣтъ является въ какомъ-то ненатуральномъ видѣ; когда солнце гасило, или, скорѣе, морозило на нихъ свои лучи: все это вмѣстѣ составляло зрѣлище, по моему, скорѣе адское, чѣмъ небесное.

Только картина, на которой ничего не видно кромѣ огня, льда и дыма, можетъ дать понятіе закатѣ солнца на Гималаѣ. Около вечера 21-го ноября ужасные вихри облаковъ покрыли долины и горы Сихима и, остановившись на одномъ уровнѣ съ нами скрыли отъ нашихъ взоровъ все, что было ниже насъ, такъ что мы не видѣли ничего, кромѣ клочковъ земли, плававшихъ въ облакахъ и казавшихся намъ опалами и рубинами. Послѣ одного изъ такихъ грозныхъ дней, горы сдѣлались точно живыя и можно было подумать, что онѣ двинутся съ мѣста. Надъ нами былъ лазурный сводъ неба безъ одного пятнышка, подъ нами же и на всемъ протяженіи на востокъ — простирались бронзовыя волны неподвижнаго и тяжелаго облачнаго моря. На западѣ картина была поистинѣ необыкновенная: ее можно было сравнить съ кровавой пастью ада, откуда солнце бросало какіе-то свирѣпые взгляды, сопровождаемые порывами вѣтра. Вскорѣ надъ этимъ всеобщимъ мракомъ, въ которомъ смѣшивались самые страшные цвѣта, показались и какъ будто задвигались эти прекрасныя горы, самыя высокія на всей земной поверхности, съ которой у нихъ нѣтъ ничего общаго. Припомнились мнѣ страждующія души Тартара, виднѣющіяся изъ-за льдовъ и дыма въ своемъ зловѣщемъ величіи. Правда, еслибъ весь свѣтъ покрылся пламенемъ, этотъ пожаръ не представилъ бы болѣе страшной картины, и я не знаю, увидитъ ли что нибудь печальнѣе и величественнѣе послѣдній человѣкъ, стоя на единственной уцѣлѣвшей скалѣ, въ послѣдній день міра.

Нужно однако признаться, что въ концѣ концовъ европейскія Альпы лучше этихъ мертвыхъ и монотонныхъ горъ, на которыя нико-

гда не суждено ступить человѣческой ногѣ. Только во имя науки можно подвергнуть свою жизнь опасности, взойдя на нихъ; результатъ такаго подвига будетъ, разумѣется, блистателенъ, потому что все, что тамъ есть, покрыто мракомъ неизвѣстности. Я уже говорилъ о наиболѣе замѣчательныхъ растеніяхъ, растущихъ на высотѣ трехъ тысячъ метровъ, теперь же упомяну о чаѣ, который обрабатываютъ здѣсь уже въ значительномъ количествѣ, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ выгодно. Я нашелъ, что онъ вкусенъ, ароматиченъ и похожъ на чай Ассама, только немножко жестокъ на вкусъ. Все несчастіе въ томъ, что его очень трудно ввести въ употребленіе у туземцевъ, погруженныхъ навсегда въ невѣжество. Они не имѣютъ понятія о наслажденіи, заключающемся въ этомъ напиткѣ, чистомъ нектарѣ для всякаго климата;—только онъ одинъ утоляетъ жажду, не принося никакаго вреда. Грустная истина, что какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи этотъ слѣпой и упрямый народъ отталкиваетъ отъ себя и отказывается отъ всего, что ему даютъ. Все хорошее и благородное — ядъ для испорченной души. Тщетно самые ревностные миссіонеры расточаютъ имъ совѣты въ потѣ лица. Индусъ похожъ на трупъ, который можно гальванизировать, но не воскресить. Онъ безконечно неподвиженъ и такъ пассивенъ, что рѣшительно не знаешь что съ нимъ дѣлать и что о немъ думать. «Въ Индіи, говоритъ Жакемонъ, человѣкъ странное созданіе. Одинъ индѣецъ, рѣшившись умереть, бросился подъ священную колесницу, чтобъ она раздавила его своими колесами, но поднялся въ ту минуту, какъ она должна была проѣхать черезъ него, и спасся бѣгствомъ, потому что какой-то европеецъ, ѣхавшій галопомъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, чуть не раздавилъ его! Здѣсь въ одномъ субъектѣ мы видимъ презрѣніе къ смерти, полнѣйшее безразличіе, громадную нечувствительность къ физическимъ страданіямъ и въ тоже время величайшую трусость. Есть много примѣровъ соединенія ужаснаго звѣрства съ великодушіемъ. Нѣтъ ничего противорѣчивѣе, капризнѣе и глупѣе этого народа».

Не таковы Гималайскія племена, которыя совершенно другаго закала. Онѣ не раздѣлены на касты, очень сильны, дѣятельны, воинственны и правдивы. Хоть между ними встрѣчается мало христіанъ и много приверженцовъ поліандріи, но зато вы всегда имѣете дѣло съ честными людьми, что ясно написано на ихъ лицахъ. Еслибъ возвышенныя гималайскія проходы принадлежали не такому жадному народу, какъ китайцы, то всякое ученіе, христіанское или ка-

кое другое, привилось бы въ самомъ непродолжительномъ времени на снѣговыхъ границахъ Тибета, и тогда не пришлось бы одному изъ самыхъ неутомимыхъ миссіонеровъ, отцу Гуку, вернуться назадъ, дойдя до береговъ Брамапутры и озера *Палти*, откуда еще ни одинъ европеецъ не возвращался живымъ. Сколько мы знаемъ, еще ни разу бѣлому человѣку не удалось проѣхать изъ Калькутты въ Лассу. Когда я видѣлъ на Доржилингѣ смѣлыхъ горцевъ, по всѣмъ признакамъ монголовъ, носящихъ косу, тунику, прутъ для ѣды, огниво и деревянную чашку, исповѣдующихъ ту же религію у тѣхъ же священниковъ и даже съ тѣми же четками на рукахъ, тогда я вспомнилъ видѣнные мной въ Европѣ на каминахъ предметы роскоши въ родѣ статуэтокъ Брама, священныхъ цилиндровъ и т. п. вещи, вывезенныя изъ столицы Китая. Наконецъ я нашелъ въ этихъ горахъ такую же расу, только съ короткими волосами, между тѣмъ какъ я сдѣлалъ изъ-за нея столько лишнихъ миль на другой конецъ страшной пустыни, начинающейся въ нѣсколькихъ лье отъ меня... все это навело меня на глубокія и печальныя размышленія: я удивлялся, что въ молодыхъ людяхъ Европы такъ мало любви къ открытіямъ и приключеніямъ, и далъ себѣ слово, можетъ быть слишкомъ смѣлое, вернуться опять въ одинъ прекрасный день въ эти страны, только ужь болѣе свѣжимъ, крѣпкимъ и готовымъ на всякія предпріятія. Въ настоящее же время нечего было и думать объ этомъ; — пушки еще гремѣли, приближалась зима, здоровье мое разстроилось и нужна была извѣстная храбрость даже на то, чтобы бѣжать отъ этихъ громадныхъ, но привлекательныхъ снѣговъ.

Я шелъ третьяго декабря съ капитаномъ Кумбсономъ, сохранившимъ свою любезность до послѣдней минуты, чтобы проститься съ моими многочисленными и искренними, хотя и новыми друзьями. Погода стояла прекрасная и солнце распространяло именно столько тепла, сколько нужно, чтобы покрыть зеленью природу, распустить иней ночи и придать окрестнымъ горамъ блескъ брилліантовъ; слишкомъ низкія, чтобы быть бѣлыми отъ вѣковыхъ снѣговъ, онѣ были похожи на бархатныя. Запоздалыя птицы порхали вмѣстѣ съ бабочками около тропинокъ, прорѣзывающихъ долину по всѣмъ направленіямъ; но въ какую бы сторону я ни шелъ, я совершенно инстинктивно безпрестанно оборачивался къ этому ледяному силуэту, блескъ котораго невыносимъ для глазъ въ полдень.

Въ ту минуту какъ я кончилъ свои визиты, мы были обрадованы пріятнымъ извѣстіемъ о прибытіи нашего доктора Кэмпбелля. Не

смотря на то, что онъ былъ очень опечаленъ понесенными имъ потерями, и не совсѣмъ здоровъ вслѣдствіе паденія, которое онъ совершилъ вмѣстѣ съ своей лошадью съ высоты десяти метровъ, я все-таки, не колеблясь, зашелъ къ нему на минуту, чтобы поблагодарить за участіе, которое онъ мнѣ всегда оказывалъ, и поздравить съ счастливымъ возвращеніемъ. Докторъ Кампбель былъ высокій, прямой и хорошо сложенный типъ горца, съ честной, энергической и доброй физіономіей. Я очень сожалѣлъ, что мнѣ не удалось подольше быть знакомымъ съ этимъ человѣкомъ, къ которому я чувствовалъ такую симпатію. При прощаньѣ онъ обѣщалъ, что я всегда найду его готовымъ къ моимъ услугамъ, если опять вернусь когда нибудь въ эти края.

Я также искренно благодарилъ за разные совѣты въ дорогѣ г-на Смульта, человѣка, наслаждающагося, послѣ бурной и долгой жизни, такимъ здоровьемъ и молодостью, какими не пользуются въ Индіи и въ тридцать лѣтъ. Ему и прекрасной книгѣ, изданной имъ на Нильгерійскихъ горахъ, обязанъ я тѣмъ, что остался въ Индіи шестью мѣсяцами дольше.

Этотъ день закончился визитомъ къ достойному католическому священнику и путешествіемъ въ прекрасный монастырь, гдѣ мы получили благословеніе.

Четвертаго декабря всѣ мои приготовленія были кончены; я поручилъ свой багажъ чести, или, лучше сказать, спинамъ двоихъ молодыхъ лептчусовъ, которые должны были въ этотъ же день препроводить его въ Курсіонгъ, а самъ поѣхалъ на горячемъ пони, взятомъ мною у монастырскаго священника, и, сопровождаемый добрымъ капитаномъ Кумбсономъ, съ семействомъ котораго разстался съ большой грустью, я прибылъ скоро на вершину ущелья de Sinchal, гдѣ и распрощался съ своимъ товарищемъ.

Легко догадаться, что я не вытерпѣлъ, чтобъ не оглянуться въ послѣдній разъ на Кинчинджунгъ этого царя снѣговъ, патріарха и монарха между другими, окружающими его горами. Такъ какъ эта картина навела на меня уныніе, то я пустилъ лошадь галопомъ—и вмѣстѣ съ саисомъ, бѣжавшимъ рядомъ со мной, началъ длинное и монотонное спусканье, гдѣ приходится безпрестанно обходить глубокіе овраги, дѣлая такимъ образомъ по крайней мѣрѣ версту крюку на каждые двѣсти метровъ прямаго пути. Я замѣтилъ, что всѣ, встрѣчавшіеся мнѣ туземцы, боясь, чтобъ ихъ невѣжливость не причяли за признакъ того, что они заодно съ нашими врагами, отвѣшивали

мнѣ поклоны до земли (*de salams*), принимая меня, вѣроятно, за офицера. Я встрѣтилъ по дорогѣ много отрядовъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ сотенъ солдатъ—европейцевъ и другихъ, шедшихъ на помощь къ Дорджилингу, который, говорятъ, окруженъ теперь непріятелемъ. Когда я отослалъ изъ Тшитпура свою лошадь и саиса назадъ, и продолжалъ спускаться одинъ, безъ всякаго оружія, только съ одной палкой, то былъ такъ мало увѣренъ въ своей безопасности, что счелъ за лучшее свернуть съ дороги, гдѣ были собраны вооруженныя банды Бутана, имѣвшія видъ далеко не миролюбивый. Пройдя лѣсомъ, я прибылъ раньше ночи въ бунгалоу и велѣлъ развести огонь, несмотря на то, что спустясь на тысячу миль, засталъ скорѣе осень, чѣмъ зиму. Это разница гораздо чувствительнѣе въ горахъ Индіи, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ при такихъ же условіяхъ.

Испытавъ множество затрудненій, я наконецъ прибылъ въ Пурнахъ, городъ лишенный всякаго интереса, и я ни за что не остановился бы въ немъ, еслибъ не желаніе увидѣть опять хоть на короткое время г. Чапмана, попробовать его знаменитыхъ овсянокъ и пойдти самому къ г. N. чтобы съ благодарностью возвратить ему его носилки, которыя я продержалъ у себя пять недѣль. Не думаю, чтобы въ городѣ было больше двѣнадцати европейскихъ семействъ, между которыми я укажу также на доктора Пальмера, какъ на человѣка, имѣющаго право на хорошее о немъ воспоминаніе. Этотъ еще добрый, старикъ замѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ собой довольно рѣдкій типъ европейца, прожившаго въ этой странѣ больше полувѣка и сдѣлавшагося по привычкамъ почти индійцемъ. Гостепріимству его нѣтъ границъ, и совершенно достаточно быть только ему представленнымъ, чтобъ получить дружелюбный пріемъ и приглашеніе къ обѣду, послѣ котораго лакей, спеціалистъ по этой части, приноситъ старику, опаленному пятидесяти лѣтнимъ непрерывнымъ солнцемъ, его грозный и драгоцѣнный *houkah*. Эта трубка курится также, какъ турецкій кальянъ, и отличается отъ него только тѣмъ, что гораздо длиннѣе его, сдѣлана изъ хрусталя и богаче отдѣлана. Его проводящая трубочка, называемая «змѣемъ», достигаетъ двадцати футъ длины. Табакъ, который туда кладется, приготовляется особеннымъ способомъ, состоящимъ въ томъ, что его зарываютъ на нѣсколько дней въ землю вмѣстѣ съ разными ароматическими веществами, какъ-то: съ розовыми листьями, опіумомъ, жженымъ сахаромъ и дикими сушеными яблоками. Дымъ отъ этой трубки дости-

гаетъ до рта, пройдя сначала резервуаръ съ свѣжей водой, потомъ съ розовой и такимъ образомъ освѣжаетъ янтарный наконечникъ проводящей трубочки. Какъ бы ни былъ пріятенъ этотъ, далеко не экономическій, способъ куренья, нужна однакожъ сильная привычка, чтобы наслаждаться имъ, потому что нужно постоянно изо всѣхъ силъ работать легкими, чтобы дымъ могъ достигнуть до желудка, пройдя пространство въ семь метровъ. Словомъ, это цѣлая наука, и неопытный курильщикъ часто приходитъ въ недоумѣніе отъ бурчанья, не зная происходитъ ли оно въ трубкѣ, или въ немъ самомъ. Кстати, нельзя не упомянуть здѣсь о болѣзни кишекъ, которыя трудно и почти невозможно сохранить здоровыми, живя въ Индіи. Я сильно страдалъ отъ этой боли и боялся даже, что придется пуститься въ дальнѣйшій путь съ симптомами «легкой холеры». Въ Европѣ мы тщательно избѣгаемъ насиловать натуру пріемомъ сильныхъ средствъ, довольствуясь діэтой или простой умѣренностью; въ этомъ же климатѣ, гдѣ мы насилуемъ здоровье уже тѣмъ, что живемъ тамъ, простыя лекарства не дѣйствуютъ, и потому всякій, не желающій умереть, долженъ употреблять средства, дѣйствіе которыхъ ужасно. Нельзя быть умѣреннѣе меня, однакожъ и я начиналъ чувствовать вліяніе климата, который не сдѣлаешь здоровымъ никакими предосторожностями; діэта, терпѣніе и всѣ обыкновенныя средства только усиливаютъ болѣзнь. И такъ я долженъ былъ наконецъ рѣшиться принять въ продолженіе сорока восьми часовъ семдесятъ пять капель лекарства, называемаго *хлородиномъ*, десяти капель котораго было бы совершенно достаточно для того, чтобы исцѣлить отъ холеры въ Парижѣ, если бы только тамъ кто нибудь рѣшился принять смѣсь, состоящую изъ синильной кислоты, морфія, хлороформа и тому подобныхъ веществъ. Вылечившись, какъ будто волшебствомъ, я никогда больше не путешествовалъ безъ этого, ничѣмъ незамѣннмаго лекарства, и могу похвастаться, что не разъ даже самъ лечилъ имъ.

Десятаго я отослалъ свой багажъ въ Караголу съ наемными индійцами, которыхъ досталъ съ большимъ трудомъ по случаю прохода въ Дорджилингъ войскъ, забравшихъ все, годное для переноски, какъ-то: людей, воловъ, слоновъ и телѣжки, такъ что я долженъ былъ довольствоваться одной лошадью г-на Чапмана.

Черезъ нѣсколько дней я добрался до Раджмагала. Здѣсь я отправился въ гостиницу, въ которой нашелъ на этотъ разъ немногочисленную публику, и на слѣдующее утро съ разсвѣтомъ отправился по желѣзной дорогѣ въ Калькутту.

Почтовая телѣжка въ Индіи.

Такимъ образомъ мое путешествіе въ Дорджилингъ было неудачно, и не безполезно. Я видѣлъ Тибетъ, и схватилъ болѣзнь, конечно не опасную, и отъ которой я надѣюсь современемъ излѣчиться, хотя никогда радикально. Болѣзнь эта дѣйствуетъ какъ на ноги, такъ и на сердце каждаго горца, отступившаго передъ вершиною горы. Страсть противустоять всѣмъ препятствіямъ и неудачамъ можетъ заставить биться даже сердце старика, а юношу можетъ сохранить въ жизни отъ многихъ несчастій. Мнѣ бы желательно было, чтобы во Франціи, подобно швейцарскому «Alpine-club», создалось общество горцевъ, которые, не смотря ни на какія политическія бури, уходили бы освѣжать свой духъ и тѣло въ горы; чтобы они, не взирая на неудачи, подобныя тѣмъ, какія я встрѣчалъ на Гималайяхъ, все-таки пытались бы побороть ихъ не разъ, не десять, а двадцать разъ. Такая борьба съ природой отрезвила бы ихъ отъ нервныхъ возбужденій въ кафе, и отъ другихъ подобныхъ впечатлѣній, и, кромѣ того, сняло бы съ французовъ упрекъ за ихъ замкнутость въ своей только скорлупѣ.

ГЛАВА XXXII.

Размышленіи и планы. — Г-нъ Кильбурнъ: роскошь, нравы и заработная плата. — Три пути. — Отъѣздъ въ Мадрасъ. — Мое пребываніе въ Мадрасѣ. — Я освящаю кулакомъ царства силы. — Ночной праздникъ. — Г. Димъ; мадрасскій клубъ и индѣйская роскошь.

Около пяти мѣсяцевъ я живу уже въ Индіи; восемь мѣсяцевъ тому назадъ я и не помышлялъ объ этомъ путешествіи, и пріѣхалъ сюда съ единственною цѣлью взобраться на Гималайи. Болѣе двухъ лѣтъ я разстался съ Франціей въ надеждѣ увидѣть ее чрезъ восемнадцать мѣсяцевъ... Во все это время я былъ счастливъ; не смотря даже на частыя неудачи, еще не былъ пресыщенъ этими продолжительными странствованіями, и задавалъ себѣ вопросъ: вернуться или нѣтъ, ограничиться ли видѣннымъ, или осмотрѣть и остальную часть этой прелестной страны, въ которую врядъ ли удастся мнѣ когда либо вернуться? Такого рода мысли являлись мнѣ ни разъ въ Сибири, въ Хонгъ-Конгѣ и Сиднеѣ; но, я не взирая на нихъ, двигался все далѣе и далѣе, пока не встрѣчался наконецъ съ какимъ нибудь вполнѣ непреоборимымъ обстоятельствомъ. Я понимаю, что офицеру или чиновнику, пригвожденному на нѣсколько лѣтъ къ нездоровой мѣстности, тяжело переносить эту зависимость; но свободному путешественнику, поставленному только въ зависимость отъ самого себя, вполнѣ легко переѣзжать въ одну или другую мѣстность, разстаться даже съ Индіей, съ ея нездоровымъ климатомъ ему, вслѣдствіе этихъ причинъ, становится тяжело. Любитель солнца, если бы я покинулъ Индію въ декабрѣ, то въ Европѣ встрѣтилъ бы только ненавистный холодъ и снѣга, между тѣмъ какъ тутъ это было самое благопріятное время для путешествій. Колебанія были невозможны. Я рѣшилъ

отправиться въ Бомбей, оттуда можетъ быть въ Кашмиръ, Авганистанъ, Бухару, и думалъ кончить Москвою, ея кремлевскими башнями, свидѣтелями моихъ первыхъ бѣдствій!... Счастливыя грезы, хотя онѣ и не осуществляются, но составляютъ тѣмъ не менѣе полъжизни путешественника и три четверти его счастья! Если бы онъ осужденъ былъ жить одною дѣйствительностью, мрачная меланхолія давно прогнала бы всѣ его радужные планы! Воображеніе—это колоритъ души.

Одно было вѣрно то, что я буду въ Бомбеѣ; но финансы принуждали меня остаться до новаго года. Не имѣя никакой обязательной работы, свободное время я хотѣлъ посвятить на ознакомленіе съ домашней жизнью богатыхъ индѣйскихъ собственниковъ, и, въ тоже время, я рѣшительно отказался посѣщать высшій свѣтъ, и не захотѣлъ быть представленнымъ губернатору лорду Каннингу, который былъ болѣе свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ общественнымъ дѣятелемъ.

Одинъ изъ моихъ австралійскихъ знакомыхъ, г. Броклэйхурстъ привезъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ калькуттскимъ негоціантамъ, и я черезъ него получилъ приглашеніе на обѣдъ къ одному изъ нихъ, г. Кильбурну. Въ какой бы странѣ и въ какомъ бы климатѣ англичанинъ ни находился, онъ никогда не теряетъ способности хорошо пообѣдать и другихъ угостить. Было бы заблужденіемъ думать, что въ Индіи онъ теряетъ свой аппетитъ! Трехъ сытныхъ мясныхъ блюдъ ему едва достаточно. Даже при разстройствѣ желудка онъ завтракаетъ, полдничаетъ и обѣдаетъ, приправляя все это пивомъ, шампанскимъ и водкой. Люди съ хорошими желудками не могутъ пожаловаться; признаюсь, что я по крайней мѣрѣ, нигдѣ не ѣлъ такого утонченнаго обѣда, какъ у Кильбурна. Расторопные и ловкіе слуги подавали кушанья скоро и не торопясь; не зная тамошняго обычая, я не взялъ своего слуги и, не смотря на это, они мнѣ отлично прислуживали.

Сервировка стола, мебель, дорогія бездѣлушки у Кильбурна были чисто княжескія; роскошь эта стоила ему весьма дорого, такъ какъ все это было вывезено изъ Европы. Въ Индіи ничего не стоитъ имѣть экипажи, двадцать, тридцать слугъ, но всѣ европейскія издѣлія стоятъ невообразимо дорого, какъ-то: гармоніи, ящики съ музыкой, мебель и особенно платье, стоющее здѣсь вчетверо дороже; вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій и необходимости имѣть многочисленную прислугу жизнь въ Калькуттѣ очень дорога, не смотря на то, что содержаніе слуги стоитъ среднимъ числомъ не болѣешест-

надцати франковъ, безъ пищи и одежды. Индѣйская монета рупи, стоющая пятьдесятъ су, въ дѣйствительности ходитъ только за одинъ франкъ; въ этомъ насъ убѣждаютъ большія платы, получаемыя европейцами на самыхъ скромныхъ мѣстахъ. Двѣсти франковъ въ мѣсяцъ почти нищенское содержаніе; европейскіе переселенцы съ первыхъ дней пріѣзда своего получаютъ по тысячи франковъ, двѣ тысячи считается небольшимъ содержаніемъ, а многіе чиновные люди получаютъ до двухъ сотъ тысячъ франковъ жалованья, и это не рѣдкость. Въ арміи многіе офицеры въ капитанскомъ чинѣ получаютъ наше фельдмаршальское жалованье. Это и не удивительно, слѣдуетъ хорошо платить тѣмъ, которые, при первомъ своемъ вступленіи на этотъ негостепріимный берегъ, подвергаютъ здоровье и самую жизнь разнымъ опасностямъ. Меня удивляетъ только одно, что, не смотря на такое огромное содержаніе, сотни офицеровъ находятся по горло въ долгу.

Самый небольшой европейскій домъ въ Калькуттѣ ходитъ не менѣе пяти сотъ франковъ въ мѣсяцъ; многіе доходятъ до двадцати тысячъ франковъ въ годъ, тогда какъ постройка ихъ не стоитъ болѣе ста тысячъ франковъ. Ни въ одной странѣ, впрочемъ, не чувствуется такой потребности въ просторномъ помѣщеніи какъ въ Индіи. При всякой спальнѣ необходимо должна быть комната съ ванной, и утромъ, вставая съ постели, каждый спѣшитъ въ нее. Помѣщенія необходимо должны имѣть много воздуха и простора, необходимы также большія закрытыя террасы и отдѣльная постройка для кухни. Въ каждой комнатѣ находится вентиляція: *пунка*, введенная въ настоящее время въ Китаѣ и въ другихъ жаркихъ странахъ. Она устроена слѣдующимъ образомъ: по потолку, черезъ всю комнату подвѣшена бѣлая выкрашенная доска, отъ которой идетъ по стѣнѣ шнурокъ; день и ночь эту доску приводитъ въ движеніе *пункавалла*, мрачный слуга обязанный освѣжать своего господина. Если, утомленный этой работой, слуга вздремнетъ на минуту и пунка остановиться, то проснувшійся господинъ, въ сильномъ гнѣвѣ, заставляетъ его приводить въ движеніе вентиляцію съ утроенной силой, и затѣмъ, получивши насморкъ, пишетъ во всѣхъ газетахъ о необходимости приводить пунку въ дѣйствіе посредствомъ пара.

На югѣ Индіи пунка необходима круглый годъ; въ Калькуттѣ же ею пользуются только въ февралѣ и октябрѣ. Въ январѣ, въ Калькуттѣ температура днемъ доходитъ до 30° градусовъ тепла въ тѣни; утренники бываютъ прохладными, а ночи настолько, что можно спать

подъ одѣялами; въ три часа пополудни жаръ уже такъ спадаетъ, что европейскія дѣти и солдаты могутъ на майданахъ играть въ крикетъ. Для послѣднихъ, обреченныхъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ жить въ стѣнахъ Вильямскаго форта, вырваться на воздухъ — большая радость. По словамъ лучшихъ авторитетовъ, безъ этого отдыха, уровень ихъ нравственности палъ бы еще ниже. Я мало наблюдалъ ихъ, но могу сказать, что, сравнительно съ офицерами, всегда чисто и опрятно одѣтыми, солдаты имѣютъ очень жалкій и неряшливый видъ; въ ихъ же преданности и дисциплинѣ конечно никто не сомнѣвается.

Я уже сказалъ, что деньги, которыя я ожидалъ получить къ новому году, заставляли меня оставаться въ Калькуттѣ, но въ назначенное время письмо не явилось, оно было затеряно, какъ это случается тутъ нерѣдко. Ни въ одной странѣ почта такъ не неакуратна какъ въ Индіи. Четыре письма, адрессованныя мнѣ въ Калькутту, я не получилъ, таже участь постигла и другія два или три адрессованныя мнѣ въ Бомбей. Сколько разъ приходилось мнѣ ожидать по четверти часа на почтѣ и за тѣмъ уходить не получивъ ничего, черезъ полчаса я опять возвращался и, только благодаря своей настойчивости, могъ получить письмо. Самое непріятное это то, что тутъ никого нельзя винить: европейцы не занимаютъ столь ничтожныхъ должностей, а туземцы при всемъ желаніи не всегда могутъ разобрать англійскіе адресы.

Вслѣдствіе этого первыя двѣ недѣли 1861 года — прошли для меня въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ; я не зналъ именно, можетъ ли потеря перваго письма замѣниться присылкой дубликата. И при такихъ обстоятельствахъ меня поразила обязательность, которой я даже не ожидалъ со стороны англичанъ. Между моими старыми друзьями, г-нъ М. П. Валль (искусный инженеръ, между прочимъ) предложилъ мнѣ свои услуги, отъ которыхъ многіе бы не отказались, а г-нъ Кильбурнъ, недавно-знакомый, настоялъ, чтобы я ни о чемъ не безпокоился, и открылъ мнѣ полный кредитъ. Деньги—это пробный камень людскаго характера; тѣ, которые часто высказываютъ къ нимъ полнѣйшіе презрѣніе, сами съ трудомъ могутъ отказать себѣ въ нихъ. Къ счастью, несмотря на мою глубокую благодарность этимъ лицамъ, меня вывело изъ затрудненія письмо, пришедшее въ половинѣ января изъ Ливерпуля.

Теперь меня ничто уже не удерживало въ Калькуттѣ, и я только помышлялъ какъ бы отправиться въ Бомбей по одной изъ трехъ до-

рогъ, ведущихъ туда. Главную, хваленую и воспѣтую дорогу *grand trunk road*, проходившую по многимъ знаменитымъ мѣстамъ, какъ-то: Бенаресъ, Аллагабадъ, Кэунпауръ, Агру, съ ея чудесныиъ Таймагаломъ, Дельи и другія мѣста, я не выбралъ потому, что не было ни одного путешественника, который бы не описывалъ и не разсказывалъ о ней.

Другая самая прямая и наикратчайшая проходила черезъ области Нагпуръ и Жална,—дорога совсѣмъ неинтересная, и по которой, при моемъ незнаніи языка, ѣхать было неудобно.

Наконецъ, третья дорога, по которой я рѣшился ѣхать, соединяя Мадрасъ съ Бомбаемъ, проходила по всей южной части полуострова; она была хороша извѣстна туземцамъ, но европейцы ѣздили чаще по сѣверной; мнѣ совѣтовалъ особенно ѣхать по ней г-нъ Смультъ, который находилъ особенную прелесть быть на Нильгерійскихъ горахъ; съ его рекомендательнымъ письмомъ, я могъ разсчитывать на пріятное времяпрепровожденіе тамъ; онъ снабдилъ меня также необходимою книгой, которую онъ издалъ объ этихъ горахъ.

21-го января я уложилъ свои вещи съ помощью моего маленькаго мусульманскаго слуги, который на этотъ разъ оказался очень проворнымъ и ревностнымъ помощникомъ; онъ былъ очень тронутъ старыми платьями, которыя я ему оставлялъ въ подарокъ; но когда я ему поднесъ кувшинъ, изъ котораго умывался каждое утро, то онъ, возмущенный, какъ бы предложеніемъ свинины, оттолкнулъ его, сказавъ: «Вы до него касались!» Какъ объяснить этотъ непонятный предразсудокъ, непозволяющій принять въ подарокъ кружку отъ своего господина, или ступить на кровь, вытекшую изъ его носа, боясь чтобы съ нимъ не случилось тоже самое, и вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшающій свернуть ему шею.

Затѣмъ я отправился на туземный рынокъ, или какъ его здѣсь называютъ «чернымъ» old china bazar, самый оживленный изъ всѣхъ рынковъ Калькутты; я купилъ тамъ у армянина пятьсотъ маленькихъ бирманскихъ сигаръ, которыя казались мнѣ прежде плохими и дорогими; несмотря на сырую и непріятную погоду, я посѣтилъ нѣкоторыхъ моихъ добрыхъ друзей; потомъ взялъ мѣсто въ Мадрасъ, но не въ компаніи пароходства восточнаго полуострова, а на маленькомъ хорошенькомъ суднѣ *Baltic*; на немъ я могъ доѣхать дешевле и увидѣть всѣ самыя замѣчательныя береговыя мѣста.

30-го мая мы счастливо свершили свой рейсъ и бросили якорь на Мадрасскомъ рейдѣ.

Я уже говорилъ, что подробное описаніе Мадрасса—самое интересное изъ описаній всѣхъ трехъ столицъ Индіи, и что при этомъ оно потребуетъ всего менѣе жертвы своимъ здоровьемъ со стороны его составителя, хотя, при своей обширности и многочисленности своего народонаселенія, доходящаго до 700,000, потребуетъ отъ него также продолжительнаго пребыванія и отдѣльнаго выпуска. Однако же я буду говорить о немъ поверхностно.

Дома европейскіе, съ штукатуркой изъ такъ называемаго *тчунамъ*, сдѣланной изъ разбитыхъ раковинъ и не уступающей въ отшлифовкѣ, въ крѣпости и блескѣ самому лучшему мрамору, высокіе, обширные, съ колоннами, арками и галлереями, выстроены въ рядъ на протяженіи нѣсколькихъ миль по берегу, всегда покрытому пѣною. Однакожъ это еще не европейская часть города: та находится къ востоку отъ фасадовъ этихъ зданій, позади же ихъ идетъ часть города, называемая «чернымъ» или «индѣйскимъ» городомъ, съ улицами впрочемъ болѣе широкими и чистыми, чѣмъ во всей Калькуттѣ. Европеецъ, сойдя съ парохода, бросившаго якорь въ открытомъ морѣ, и не попавъ на большое судно, называемое *массулахъ*, принужденъ съ величайшими трудностями и при постоянныхъ взываніяхъ лодочниковъ къ Франциску Ксаверію, переправляться чрезъ три или четыре гряды пѣны, отдѣляющей его отъ берега; затѣмъ онъ садится въ повозку или на носилки и отправляется, если у него нѣтъ въ городѣ никого знакомыхъ, въ Мадрасскій клубъ, наилучшій во всей Индіи. Но я, признаюсь откровенно, боясь слишкомъ большихъ издержекъ, сопряженныхъ съ пребываніемъ въ немъ, разсудилъ за лучшее водвориться на нѣсколько дней въ гостиницѣ, которая находилась въ черномъ городѣ, противъ католическаго собора, и содержалась однимъ туземцемъ. Теперь же мнѣ предстояло пока переправиться на берегъ. Для этого я порядился на мостикѣ Baltic'а съ перевозчиками, которые показались мнѣ людьми честными, и, отправившись, благополучно, безъ особенныхъ трудностей, переправился по волнамъ, начинавшимъ шумѣть уже на разстояніи двухсотъ метровъ отъ берега. Доселѣ, сколько изъ опасеній угрызенія совѣсти, столько и изъ благоразумія, я пальцемъ не тронулъ ни одного туземца: но въ этотъ разъ, какъ и смѣю увѣрить каждаго, что такъ вести себя съ ними невозможно, если желаете, чтобъ они имѣли къ вамъ уваженіе и слушались васъ. Когда я расплатился съ двѣнадцатью сво-

ими перевозчиками, давъ имъ даже болѣе назначенной платы, и сѣлъ въ коляску, они стали рычать, какъ львы, жалуясь, что я далъ имъ мало, и говоря, что воръ укралъ у нихъ, данныя мною деньги, и т. д., и т. д. Я сталъ съ ними объясняться, сначала тихо, затѣмъ, немного горячась; крики еще усиливались и дошли до высшаго своего предѣла передъ воротами гостиницы, гдѣ я сошелъ съ повозки. Въ концѣ, самъ доведенный до бѣшенства, съ презрѣніемъ, негодованіемъ и извинительнымъ въ этомъ случаѣ гнѣвомъ, бросился я въ средину этой толпы, раздвигая ее руками, и сшибъ съ ногъ негра ударомъ, который у него надолго останется въ памяти. Я могу поручиться, что это не возбудило ни въ комъ сожалѣнія къ нему: на индуса можно дѣйствовать только грубою физическою силою. Въ этомъ могутъ сомнѣваться наши филонтропы—англофобы, но я желалъ бы посмотрѣть, каковыми оказались бы они на дѣлѣ съ ихъ теоріями, по которымъ они желаютъ сравнять всѣхъ людей по способностямъ, храбрости и душевнымъ качествамъ: все это оказалось бы смѣшнымъ, и должно бы было само собой рушиться. Съ этого дня я призналъ въ своей необширной сферѣ нѣкоторое право за силой и деспотизмомъ, нѣсколько понялъ характеръ индусовъ, и разгадалъ средство избавляться отъ ихъ насилія. Еслибъ не было другихъ причинъ, кромѣ этой, мнѣ рѣдко приходила бы мысль, что я могъ бы лучше воспользоваться тремя днями, проведенными мною въ Мадрасѣ.

Но я предавался также занятіямъ болѣе мирнымъ. Вскорѣ за пять франковъ нанялъ я на цѣлый день карету, осмотрѣлъ музей естественныхъ наукъ, который нашелъ замѣчательнымъ по богатству и господствующему въ немъ порядку, затѣмъ зоологическій садъ, расположенный не подалеку отъ мѣста, изобиловавшаго тиграми. Нужно замѣтить, что я заблаговременно запасся проводникомъ, который неразлучно находился со мною въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ дней моего путешествія, и во все это время употреблялъ все свое стараніе къ тому, чтобы хорошо поставить себя въ моихъ глазахъ. Вечеромъ того же дня отправился я вмѣстѣ съ нимъ на большое ночное торжество, которое мнѣ какъ-то совѣстно назвать великолѣпнымъ, но которое однако жъ произвело на меня сильное впечатлѣніе. Надлежало, не знаю, по чему-то (о чемъ не спросите вы у туземца, онъ все берется вамъ объяснить; но вы ничего не поймете изъ его объясненій, особенно, если дѣло касается религіи) перенести двухъ деревянныхъ боговъ изъ одного храма, гдѣ, видно, они чувствовали себя не вполнѣ хорошо, въ другой, находящійся подлѣ, уже

освѣщенный и украшенный разрисованною бумагою и цвѣтами. Около десяти часовъ, сквозь глубокій мракъ, показались сотни красныхъ факеловъ, и я увидѣлъ среди моря человѣческія головы и услышалъ крики; то были вопрошенія къ богамъ, которыхъ несли они на колесницахъ, похожихъ на драконовъ, и буквально скрытыхъ въ цвѣтахъ и золотой бумагѣ. При этомъ энтузіазмъ толпы удвоился; нѣкоторые изъ нихъ неистовствовали, разиня ротъ и сложа руки; другіе хлопали въ ладоши; третьи били въ барабанъ, — однимъ словомъ, — все раздирало воздухъ своими криками; когда же священныя особы перенесли этихъ боговъ, защищаемыми зонтиками и твердо укрѣпили ихъ на новомъ пьедесталѣ, появились баядерки, безъ которыхъ не обходится въ Индіи ни одинъ праздникъ, и начали свой танецъ, который посторонніе назвали бы безнравственнымъ. Ничто не можетъ быть болѣе тяжкимъ и болѣе невыносимымъ для европейца, доказательствомъ чему можетъ служить то, что среди всей этой толпы, только одинъ я могъ опредѣлить, насколько въ дѣйствительности было нравственно это зрѣлище,

Разсудивъ, что не на что болѣе смотрѣть, я уже располагался уйти, какъ увидѣлъ луну, съ такимъ же непоколебимымъ хладнокровіемъ появляющуюся изъ-за облаковъ надъ этой картиной, надъ этимъ порожденіемъ фанатизма, какъ надъ полемъ сраженія послѣ дня битвы. Еслибъ среди этой толпы былъ хоть одинъ философъ, хоть одинъ поэтъ, я думаю, что онъ хоть на минуту сжалился бы надъ этими деревянными богами и сдержалъ бы свои кривлянья.

3-го февраля, взявъ въ свидѣтели хозяина гостиницы, я торжественно заключилъ условіе съ молодымъ слугою Себастьяномъ (такъ его звали). За двѣнадцать рупій (менѣе тридцати франковъ) онъ взялся исполнять всѣ работы (ибо, какъ христіанинъ, не имѣлъ сосословныхъ предразсудковъ); при этомъ при своей одеждѣ и пищѣ, да и еще, сверхъ того, сопровождать меня до Бомбая, при чемъ я обязался заплатить за его обратный проѣздъ въ Мадрасъ, въ томъ случаѣ, если не найду ему мѣста въ Бомбаѣ. Онъ отлично говорилъ по-англійски, по-индустански, по-тамульски, по-телегуійски, былъ превосходный поваръ, хорошій охотникъ, къ тому же человѣкъ честный: однимъ словомъ я сдѣлалъ въ немъ рѣдкую находку, такъ что съ величайшимъ удовольствіемъ задержалъ бы его у себя.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, я снарядился къ Дилису, къ которому имѣлъ письмо отъ Кильбурна. Безполезно прибавлять, что былъ принятъ со всевозможною благосклонностію, удивившую меня

*

даже въ Мадрасѣ, гдѣ однако жъ всякій образованный европеецъ можетъ смѣло стучаться въ двери, не имѣя никакихъ писемъ.

При наступленіи ночи я одѣлъ свой фракъ и отправился на веселый обѣдъ въ клубъ, куда пригласилъ меня Дилисъ вмѣстѣ съ нѣсколькими знакомыми. Они не придумали тамъ ничего лучшаго, какъ пить великолѣпное вино, которое подавалось не столь же совершенными въ своемъ родѣ слугами. И здѣсь опять таки мнѣ предстояло курить эти горькія, худо скрученыя трихинопольскія сигары, къ которымъ успѣешь привыкнуть только послѣ долгихъ странствованій по морю. Но меня выручилъ обязательный Диме, который, какъ истый джентльменъ, предложилъ мнѣ прекрасныя манильскія сигары, предупредивъ такимъ образомъ непріятный скандалъ, который непремѣнно-бъ со мной случился.

Это прекрасное учрежденіе, открытое къ услугамъ всѣхъ европейцевъ, обладая всевозможными удобствами, имѣетъ сверхъ того библіотеку; въ немъ можно жить, тратя на ежедневные расходы по пятнадцати франковъ, что однакожъ не мѣшаетъ нѣкоторымъ дѣлать излишекъ, о чемъ можно замѣтить изъ заявленій, вывѣшанныхъ на стѣнахъ, изъ которыхъ видно, что для многихъ изъ членовъ уже миновали счастливые дни кредита. Роскошь и хорошій столь прекрасныя вещи; и мнѣ, котораго широкое гостепріимство и вмѣстѣ съ тѣмъ аппетитъ вѣчной юности всегда въ состояніи заставить цѣнить все прекрасное, нечего было проповѣдовать умѣренность. Но въ Индіи роскошь вошла въ необходимость: здѣсь не умѣютъ и не хотятъ ни въ чемъ себѣ отказывать: съ презрѣніемъ смотрятъ на того, кто ходитъ, вмѣсто того, чтобы заставлять себя всюду носить; кто имѣетъ настолько смыслу, чтобы не напиваться до безчувственности; кто самъ раздѣвается, кто для здоровья пьетъ воду безъ вина. Это еще вопросъ: что еслибъ жить немного умѣреннѣе, то неудалось бы, несмотря на всевозможныя неоспоримыя гибельныя причины, намного уменьшить господствующую въ Индіи смертность, которая, по вычисленіямъ, по моему, вполнѣ точнымъ, относится какъ 1 къ 7.

ГЛАВА XXXIII.

Отъѣздъ въ Бенгалору. — Карпатикъ. — Арко. — Трипатуръ. — Станціи быковъ. — Жаръ. — Прибытіе въ Бенгалору. — Леопардъ, выпущенный на свободу. — Способы переправы. — Путешествіе въ коляскѣ; ея описаніе. — Мой характеръ становится раздражительнымъ, при столкновеніи съ туземцами. — Восходъ солнца надъ стѣнами Серингапатама. — Индѣйское торжество. — Гробница Гайдеръ-Али. — Первый обзоръ Нильгерійскихъ горъ. — Майзуръ и католическіе миссіонеры. — Раджа. — Я сажусь въ повозку.

4-го февраля наступило время моего отъѣзда изъ Мадраса; я рѣшилъ отправиться въ Утакамундъ, направляясь чрезъ Нильгерійскую цѣпь, уединенно направляющуюся въ самую глубь Индіи, откуда рано или поздно прибуду въ Бомбей тою или другою дорогою, какою именно, я этого еще не рѣшилъ, вслѣдствіе своей привычки, пріобрѣтенный опытомъ,—не строить напередъ никакихъ плановъ. Мнѣ представлялось на выборъ, по меньшей мѣрѣ, два пути: прежде всего, по желѣзной дорогѣ, идущей въ юго-западномъ направленіи; по ней я могъ чрезъ нѣсколько дней достичь до большаго города Салема, откуда, не знаю, чрезъ сколько времени, — Нильгерійскихъ горъ; затѣмъ болѣе длинный, но за то болѣе извѣстный, — по желѣзной дорогѣ, направляющейся на западъ, чрезъ Бенгалоръ; эта послѣдняя могла бы привести меня въ горы съ сѣвера, чрезъ Серингапатамъ, городъ, замѣчательный въ историческомъ отношеніи, и Майсуръ. Послѣ долгихъ колебаній, я выбралъ второй. Затѣмъ, я отправился въ лучшій мадрасскій магазинъ, гдѣ потратилъ цѣлые полчаса на покупку мясныхъ консервовъ, шоколату, бисквитовъ, чаю, сахару и пр., какъ будто бы оправлялся на открытіе цѣлой части свѣта; еще наканунѣ я позаботился сходить въ контору господъ Бург-

халля и компаніи, содержавшихъ обширныя конюшни и занимавшихся перевозкою пасажировъ изъ городовъ, гдѣ кончалась желѣзная дорога, и попросилъ, чтобъ сдѣлали распоряженіе о томъ, чтобъ по прибытіи на станцію Трипатуръ, находящуюся менѣе чѣмъ въ двухъ километрахъ, я нашелъ бы одну изъ ихъ повозокъ, запряженную быками (bullock transit carriages), на которой могъ бы добраться до Бенгалора. Если взять лошадей вмѣсто быковъ (которые пользуются въ Индіи всеобщимъ предпочтеніемъ; они могутъ бѣжать даже въ галопъ; весьма часто приходится встрѣчать богатые экипажи, запряженные ими), то заплатишь гораздо дороже и выиграешь всего нѣсколько часовъ. Я совѣтую всѣмъ выбирать именно этотъ трактъ, гдѣ со станціи на станцію, находящіяся другъ отъ друга въ разстояніи двухъ миль, переѣзжаешь всего въ одинъ часъ.

Такимъ образомъ разстался я съ Мадрасомъ, точно такъ же, какъ съ многими другими городами, впрочемъ съ меньшимъ сожалѣніемъ, такъ какъ у меня здѣсь было знакомыхъ менѣе чѣмъ гдѣлибо. Сѣвъ въ повозку вмѣстѣ съ новымъ своимъ слугою, молодымъ и проворнымъ парнемъ, разстроеннымъ только свиданіемъ съ матерью, которая, со слезами на глазахъ, пришла поручить его на мое попеченіе, отправился я на станцію, гдѣ сѣлъ въ вагонъ и полетѣлъ на всѣхъ парахъ.

Прибывъ слишкомъ поздно въ Трипатуръ, я отложилъ свою поѣздку въ Бенгалору до слѣдующаго дня, заѣхалъ въ бунгалау, заказалъ обѣдъ, и рѣшился тамъ переночевать. На слѣдующее утро, въ 5 часовъ, я сѣлъ въ большую четырехмѣстную повозку, наполненную подушками, на которыхъ я могъ преспокойно развалиться, и два здоровыхъ быка повезли меня въ галопъ по прекрасной дорогѣ, усаженной по бокамъ тѣнистыми мангами. Такъ переѣзжалъ я съ одной станціи на другую, находящіяся одна отъ другой въ разстояніи двухъ лье, и былъ весьма доволенъ такимъ способомъ переѣзда; повсюду со мной обходились здѣсь добросовѣстно, только около одной деревни мнѣ дали пару быковъ, не такъ коренастыхъ и добрыхъ, которыхъ, какъ я узналъ уже слишкомъ поздно отъ кучера, не кормили цѣлыхъ 5 дней; они шли все тише и тише, такъ что угрожали издохнуть на рединѣ дороги. Еслибъ не убѣжденіе, пріобрѣтенное мною въ теченіе многихъ мѣсяцевъ моего путешествія по Индіи, что здѣсь невозможно ожидать ничего совершеннаго, я бы просто потерялъ голову; но, сдѣлавшись философомъ, я довольствовался тѣмъ, что вздыхалъ въ спокойномъ ожиданіи. Мои испытанія однако нисколь-

ко не мѣшали наблюденіямъ надъ окружающимъ: по обѣимъ сторонамъ подымались холмы изъ груды гранита, весьма причудливые и разнообразные; виднѣлись жалкія маисовыя поля и дома съ черепитчатыми кровлями въ китайскомъ вкусѣ и со стѣнами, изпещренными красными и бѣлыми полосами. Все это меня заняло вплоть до самой деревни Кистнагери, которая росположена на верхушкѣ горы, поднимающейся на 700 футовъ; здѣсь мой желудокъ, аккуратный, какъ часовая стрѣлка, предъявилъ свои права. Въ настоящее время не было возможности отказать ему въ его справедливыхъ требованіяхъ, и я заказалъ въ превосходной bungalow'ѣ завтракъ изъ *mourghis* (цыплятъ) и чашку кофе съ молокомъ, о которомъ я прочелъ весьма похвальные отзывы путешественниковъ въ книгѣ, куда они записываютъ свои имена, сколько времени провели въ гостиницѣ, что они платили, и какъ имъ прислуживали. Я путешествовалъ въ Бенгаліи только по малолюднымъ дорогамъ, и поэтому нашелъ бенгальскія гостиницы гораздо худшими мадрасскихъ, какъ по дешевизнѣ, такъ и по услужливости и чистоплотности прислуги.

Во все время пути жара стояла страшная; 5-го февраля термометръ показывалъ въ тѣни, на высотѣ 700 метровъ надъ моремъ, 34°,

Что же должно было происходить въ это время въ Мадрасѣ. Однако, благодаря тѣмъ мелкимъ приключеніямъ, которыя неизбѣжны въ дорогѣ, я вскорѣ развлекся и позабылъ невыносимую тряску экипажа и ужасную духоту. Бѣлки, ловко перебѣгающія по вѣтвямъ, трусливые шакалы, сипаи, одѣтые въ какія—то лохмотья, курьеры, скачущіе на верблюдахъ —то и дѣло попадались намъ по дорогѣ. Но всего страннѣе была наша встрѣча съ однимъ бѣднымъ европейцемъ, который подошелъ ко мнѣ и попросилъ хлѣба. Подобный пѣшеходъ—европеецъ, въ этой странѣ, явленіе совершенно необычайное. Къ 12 часамъ ночи, мы достигли наконецъ деревни Шулагерри, расположенной, какъ разъ, по серединѣ дороги между Трипатурой и Бенгалорой, въ семнадцати лье отъ той и другой. Здѣсь я нашелъ очень порядочный *bungaloy*, снабженный всѣмъ необходимымъ; этой пріятной неожиданностью я былъ обязанъ тому обстоятельству, что мы придерживались большой дороги, по которой постоянно проѣзжаютъ европейцы, отправляющіеся, для поправленія здоровья, изъ Мадраса на Нильгерійскую возвышенность. По этому же пути слѣдуютъ всѣ офицеры, ѣдущіе въ Бенгалору.

На другой день, 6-го числа, рано утромъ, я отправился въ даль-

нѣйшій путь. Мнѣ пришлось проѣзжать по знойнымъ равнинамъ, усѣяннымъ камнями, очень похожими, по формѣ, на наши эратическіе камни, которые такъ интересуютъ геологовъ. Къ завтраку я прибылъ въ Оссуръ, замѣчательный своей высокой прекрасной пагодой, которая видна издалека, за нѣсколько лье. Проѣзжая по этой дорогѣ, окоймленной кустами клещевины и алоэ, я снова почувствовалъ совершенно неожиданное, и притомъ весьма сильное разстройство желудка. При этомъ мнѣ невольно пришла въ голову слѣдующая мысль: не по ошибкѣ ли выростила природа, въ этой родинѣ холеры, такія растенія какъ клещевина и алоэ, и не было ли бы съ ея стороны гораздо любезнѣе насадить здѣсь макъ.

Въ четыре часа пополудни мы вступили наконецъ въ столицу Майсура.

Бенгалора, также какъ и Томехъ, всегда будетъ составлять для меня одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній.

Не знаю что такъ сильно привязало меня къ этому городу: климатъ ли его, прекрасные ли сады и тѣнистыя деревья, или, наконецъ, воспоминаніе о тѣхъ сладкихъ часахъ, которые я проводилъ ежедневно въ мечтахъ, подъ его древними стѣнами. Какъ бы то ни было, я покинулъ этотъ городъ чрезвычайно неохотно, и теперь возвращался въ него съ удовольствіемъ. Я попалъ какъ разъ на интересное и волнующее зрѣлище. Вотъ въ чемъ было дѣло: одинъ англійскій сановникъ, для своей забавы, держалъ въ клѣткѣ живаго тигра; теперь этотъ англичанинъ возвращался въ Европу и, не зная куда дѣвать тигра, рѣшилъ выпустить его изъ клѣтки, среди охотниковъ, которые должны были на мѣстѣ убить его. На бѣлой равнинѣ выжженной солнцемъ, я увидалъ, миляхъ въ трехъ отъ города, разнокалиберную толпу народа. Здѣсь были и европейцы и туземцы, пѣшіе, конные и въ экипажахъ; всѣ они, съ нетерпѣніемъ ожидали начала кровавой сцены. Было уже пять часовъ; во всемъ городѣ невозможно было достать ни одного экипажа, а между тѣмъ солнце пекло безпощадно. Нечего дѣлать—пришлось отправиться пѣшкомъ, по этой жарѣ, да притомъ еще бѣглымъ шагомъ, чтобы не опоздать. Я пробѣжалъ эти 5 верстъ въ какіе нибудь полчаса и подоспѣлъ во время—клѣтка была еще заперта. Она походила скорѣе на цѣлый домъ на колесахъ, чѣмъ на клѣтку; дверь ея была обращена къ востоку, а вся толпа народа стояла полукругомъ, съ западной стороны, въ разстояніи около пятидесяти саженъ отъ клѣтки.

Черезъ нѣсколько минутъ къ аренѣ подъѣхала кавалькада анг-

Индѣйскій нищенствующій монахъ.

лійскихъ офицеровъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ; между ними я замѣтилъ двухъ дамъ съ пистолетами въ рукахъ. Все это общество подъѣхало къ клѣткѣ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ и расположились около нея полукругомъ, однако такъ, что не могло видѣть тигра, который былъ закрытъ заднею стѣнкой и не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни. Несмотря на это, превосходныя англійскія лошади тотчасъ почуяли врага и начали выказывать всѣ признаки ужаса; они становились на дыбы, храпѣли и пятились отъ клѣтки.

Солнце быстро приближалось къ горизонту. Начинало темнѣть.

Критическая минута настала: двое всадниковъ, изъ числа болѣе слабонервныхъ, удалились; прочіе, въ ожиданіи битвы, держали на готовѣ свои копья, винтовки и пистолеты. По данному знаку, нѣсколько туземцевъ отодвинули засовъ и тяжелая дверь клѣтки распахнулась, съ глухимъ шумомъ. Въ эту минуту сердца всѣхъ зрителей невольно забились сильнѣе; всѣ взоры приковались къ двери въ ожиданіи, что вотъ—вотъ чудовище прыгнетъ, какъ стрѣла, изъ своей темницы; многіе увѣряли, что оно уже убѣжало, но такъ быстро, что никто этого не замѣтилъ. На самомъ же дѣлѣ тигръ преспокойно прогуливался по своей клѣткѣ и, казалось, вовсе не намѣренъ былъ оставить ее. Чтобы выгнать животное, стали колоть его копьями сквозь рѣшетку, пробовали также стрѣлять изъ пистолета, наконецъ дразнили его, становясь передъ самымъ входомъ клѣтки— но ничто не помогало... тигръ слишкомъ хорошо понималъ что его ожидаетъ...

Такъ какъ между нами и клѣткой не было никакой преграды, то мы подошли къ ней цѣлой толпой и начали дразнить тигра, какъ только могли. Между тѣмъ наступала ночь, а дверь клѣтки нельзя было снова запереть, поэтому необходимо было выгнать чудовище во чтобы то ни стало.

Послѣ продолжительныхъ усилій удалось сломать два подпирающія колеса, такъ что вся клѣтка покачнулась назадъ, но хотя со всѣхъ сторонъ на нее сыпались удары, животное продолжало упорствовать. Тогда человѣкъ двадцать взялись за клѣтку и опрокинули ее совершенно... настала критическая минута... среди окружающаго полумрака, я различилъ какую то массу, которая сдѣлала гигантскій скачекъ съ такою силой, что казалось нѣсколько времени, какъ бы висящею на воздухѣ. Животное рѣшилось наконецъ выпрыгнуть изъ обломковъ своей темницы, отъ которой, въ этотъ моментъ, инстинк-

тивно шарахнулись всѣ лошади, испуганныя появленіемъ существа, страшной силы котораго имъ, однакоже, никогда не приходилось испытывать. Что касается до зрителей, то всѣ они, въ томъ числѣ и я, бросились, со всѣхъ ногъ, прочь отъ клѣтки; однако, послѣ перваго момента инстинктивнаго испуга, они начали оборачиваться, чтобы осмотрѣть поле сраженія. Около клѣтки на пескѣ лежали два окровавленные туземца. Ужасное животное, окруженное со всѣхъ сторонъ, было разъярено и вмѣстѣ съ тѣмъ испугано; оно стояло въ нерѣшимости на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ каждый мускулъ его прекраснаго тѣла сокращался, а глаза метали молніи гнѣва. Раздался выстрѣлъ, пущенный почти на угадъ, такъ какъ въ темнотѣ нельзя было мѣтить, и оставшійся безъ всякихъ послѣдствій. Второй выстрѣлъ, послѣдовавшій за первымъ, былъ гораздо удачнѣе—животное сразу повалилось на песокъ безъ движенія. Толпа любопытныхъ тотчасъ приблизилась къ тигру; каждый жалѣлъ объ его участи, каждому хотѣлось погладить его красивую шкуру.... Вдругъ животное вздрогнуло и вскочило на ноги. Въ одно мгновеніе, всѣ признаки сочувствія замѣнились паническимъ ужасомъ, вся толпа бросилась прочь такъ стремительно, что я только одному удивляюсь, какъ меня не раздавили.

Во всемъ этомъ зрѣлищѣ меня болѣе всего поражала необыкновенная безпечность распорядителей. Нельзя не согласиться, что выпустить тигра на открытую равнину, среди толпы народа, вблизи отъ деревень и пастбищъ, и притомъ въ такой поздній часъ—болѣе, чѣмъ неосмотрительно. Меня также чрезвычайно огорчило отношеніе молодыхъ англійскихъ офицеровъ къ раненымъ, при исполненіи своихъ обязанностей, туземцами. Никто даже не позаботился справиться объ ихъ здоровьѣ, а между тѣмъ я узналъ, что одинъ изъ нихъ умеръ на слѣдующее утро; другаго я встрѣтилъ, возвращаясь домой: онъ сильно хромалъ и былъ весь въ крови. Веселая и шумная компанія промчалась въ каретахъ мимо этого несчастнаго, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія.

Бенгалора—главная квартира англійской кавалеріи и артиллеріи всего мадрасскаго округа. Здѣсь вы безпрестанно наталкиваетесь на кавалерійскія ученья и постоянно слышите военную музыку. Лучше здѣшнихъ офицеровъ трудно сыскать гдѣ бы то ни было; они отличаются своимъ ростомъ, посадкою, и мужественностью осанки. Въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ графомъ Варреномъ, который утверждаетъ, что англійской кавалеріи принад-

лежитъ второстепенное, или даже третьестепенное мѣсто! Я согласенъ, что англійскому кавалеристу недостаетъ, быть можетъ, изящества, или ловкости, но на что эти качества солдату, или спортсмену? Англичанинъ больше всего уважаетъ твердость посадки, онъ терпѣть не можетъ шарлатанства и не обращаетъ никакого вниманія на красоту и на то, что называется хорошимъ тономъ. Этотъ невидный всадникъ, съ глубоко засунутыми въ стремена ногами, съ шапкой на затылкѣ, съ вытянутымъ впередъ туловищемъ, невольно заставляетъ насъ улыбнуться, а между тѣмъ онъ не задумавшись перескочитъ черезъ ровъ, или изгородь, которые составятъ неопреодолимое препятствіе для франтоватыхъ наѣздниковъ высшей школы, гарцующихъ, съ сигарой во рту, по парижскимъ бульварамъ. Г. Варренъ говоритъ: «тѣлосложеніе англичанъ костляво и вмѣстѣ съ тѣмъ массивно, оно лишено всякой гибкости и граціи». Можетъ быть, но за то это сложеніе желѣзное и я продолжаю утверждать, что мадрасская кавалерія превосходна, хотя ей недостаетъ, быть можетъ, изящества.

Бенгалора построена почти какъ Пурна, т. е. безъ всякаго плана и, можно сказать, безъ улицъ. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ домиковъ, окруженныхъ садами и разбросанныхъ на такомъ пространствѣ, которое могло бы вмѣстить во сто разъ большее населеніе. Въ индѣйской части города строенія, напротивъ, скучены; улицы, сжатыя высокими, полу-разрушившимися стѣнами, въ которыхъ продѣлано множество воротъ, отличаются грязью и спертымъ воздухомъ. Городъ изобилуетъ садами и лугами; всѣ мечети и пагоды обсажены кругомъ деревьями. Такъ какъ Бенгалора лежитъ на 900 метровъ выше уровня моря, то растительность ея напоминаетъ растительность Европы; клубника, персики, сливы, груши, апельсины, розы, фіалки, спаржа, рѣпа и т. д. растутъ здѣсь въ изобиліи. Температура Бенгалоры немногимъ превышаетъ температуру нашего лѣта, а отъ октября до марта ночи здѣсь бываютъ такъ холодны, что приходится спать подъ одѣяломъ. Едва ли найдется много такихъ превосходныхъ садовъ, какъ здѣшній Лаль-багъ, съ его великолѣпными розами и магноліями, съ его искусственно-орошаемыми цвѣтниками, стройными и темными кипарисами. Сидя на скамейкѣ этого сада, въ тѣни деревьевъ, невольно погружаешься въ какое-то блаженное созерцаніе, нѣсколько похожее на опьянѣніе. Въ этомъ состояніи по забываешь о времени и обо всемъ окружающемъ. Никогда не ис-

пыталъ я ничего подобнаго подъ измѣнчивымъ небомъ Европы, подъ шумъ пустой и праздной толпы.

Военная музыка играетъ почти ежедневно или въ Лаль-багѣ, или на терассѣ, устроенной среди самаго города. Сюда собираются офицеры съ ихъ женами и знакомыми, чтобы покататься вокругъ центральнаго павильона. Вы не увидите здѣсь истощенныхъ и хмурыхъ физіономій, какъ въ Калькуттѣ и Мадрасѣ, напротивъ: здѣсь всѣ здоровы, румяны и веселы. Я думаю, что жители Бенгалоры обязаны своимъ прекраснымъ цвѣтомъ лица отдаленнымъ прогулкамъ, которыя вошли въ обыкновеніе въ здѣшнемъ обществѣ. Экипажи, хотя сами по себѣ хороши, но почти всегда бываютъ запряжены быками, которые становятся очень смѣшны, когда вздумаютъ идти несвойственнымъ имъ аллюромъ. Представьте себѣ, что они ходятъ не только рысью, но также галопомъ и даже иногда становятся на дыбы. Судя по ихъ игривости, я увѣренъ, что еслибы такого быка осѣдлать, онъ бы не постыдился плясать подъ всадникомъ, подобно кровному скакуну, и постарался бы усвоить себѣ всѣ тонкости высшей школы. Этихъ животныхъ испортили тѣмъ, что употребляли ихъ для перевозки артиллеріи.

Кромѣ англійскаго города и форта, съ его стотысячнымъ населеніемъ, въ Бенгалорѣ есть еще обширный кварталъ, расположенный къ сѣверу отъ главнаго плацъ-парада (parade-ground), на которомъ вѣчно слышатся звуки трубъ. Этотъ кварталъ отличается множествомъ мечетей, бѣлые минареты которыхъ рѣзко выдѣляются на голубомъ фонѣ неба; здѣсь вы найдете рынокъ и нѣсколько порядочныхъ магазиновъ, принадлежащихъ мусульманамъ. Здѣсь если и возьмутъ съ васъ дорого, то по крайней мѣрѣ не будутъ торговаться какъ въ индусскихъ магазинахъ, гдѣ вы должны провести добрыхъ четверть часа, чтобы узнать настоящую цѣну вещи. Вообще у мусульманъ, при всей ихъ жестокости, есть извѣстная гордость и честность, между тѣмъ какъ индусы могутъ считаться представителями низости, угодливости и скрытности.

На концѣ этого базарнаго квартала, возвышается колокольня католической церкви, съ блестящимъ крестомъ на верху; кромѣ того здѣсь есть еще соборъ, невдалекѣ отъ *bungaloy*. Я зашелъ въ этотъ соборъ, во время воскресной службы, и былъ очень удивленъ, найдя его наполненнымъ почти исключительно гарнизонными солдатами; по всей вѣроятности это были ирландцы. Изъ туземцевъ не было почти никого, хотя между индѣйцами очень много католиковъ, какъ

о томъ свидѣтельствуютъ ихъ многочисленыя могилы на католическомъ кладбищѣ.

Позади колоколенъ, минаретовъ, базаровъ и артиллерійскихъ парковъ, съ сѣверной стороны города разстилается обширная равнина, куда я часто заходилъ, во время дневнаго жара, чтобы помечтать среди дикихъ гранитныхъ скалъ. Среди этой живописной мѣстности меня невольно охватывали воспоминанія, которымъ невольно предается всякій путешественникъ, особенно когда виднѣющіеся на горизонтѣ мечети и пагоды, говорятъ ему, что онъ въ чужомъ краю, вдали отъ родины. Какъ ни пріятны эти мечты, но предаваться имъ безъ мѣры очень опасно, такъ какъ индѣйское солнце болѣзненно распаляетъ воображеніе. Во всей этой атмосферѣ разлито какое то сладострастье, и несчастный иностранецъ долженъ собрать свою силу воли, чтобы побѣдить самаго себя и не пасть, подобно Адаму, въ этомъ новомъ раю, подъ вліяніемъ его чарующей и разслабляющей обстановки. Многіе европейскіе офицеры очень хорошо знаютъ дѣйствіе этого климата на воображеніе. Нерѣдко имъ приходится жить здѣсь вдали отъ всякаго общества, безъ знакомыхъ, даже безъ книгъ. Подобная жизнь можетъ считаться настоящимъ мученичествомъ; чтобы вынести ее, оставаясь человѣкомъ и христіаниномъ, нужно гораздо больше геройства, чѣмъ для того, чтобы умереть на полѣ брани.

Вотъ все, что можно сказать о Бенгалорѣ, не затрогивая исторіи Майсура, которая полна славными именами. Достаточно упомянуть Ауренъ-зебовъ, царившихъ надъ этою страною послѣ маратскихъ начальниковъ, затѣмъ лорда Корнваллиса, управлявшаго страною по смерти Типпо. Въ 1853 году здѣсь вспыхнуло страшное возстанье сипаевъ, которое могло бы очень печально кончиться, еслибы не междоусобицы, возникшія между заговорщиками, междоусобицы безъ которыхъ не обходится ни одинъ заговоръ въ Индіи. Даже въ настоящее время, когда англійское господство вполнѣ водворено, сипаямъ запрещено имѣть у себя порохъ и оружіе. Въ Бенгалорѣ мнѣ удалось устроиться очень удобно; я помѣстился даромъ въ одномъ изъ лучшихъ *bungaloy*, платя только за мой обѣдъ; состояніе моего здоровья было все время удовлетворительно, хотя я и жарился по нѣскольку часовъ въ день на солнцѣ. Вечеромъ я обыкновенно отправлялся на музыку. Несмотря однакоже на всѣ удобства и на мою рѣшительную привязанность къ Бенгалорѣ, желаніе видѣть Нильгерійскія горы разгаралось во мнѣ все сильнѣе, и, по прошествіи вось-

ми дней, 13-го февраля, я отправился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Серингапатаму.

На этотъ разъ я предпочелъ отправиться въ простой телѣжкѣ, запряженной парой быковъ, которые должны были, за пятьдесятъ франковъ, доставить меня въ Утакамундъ, городокъ расположенный на вершинѣ Нильгерійскихъ горъ, въ двухъ стахъ пятнадцати километрахъ отъ Бенгалоры. Такое путешествіе обходится чрезвычайно дешево, но зато оно требуетъ необыкновеннаго терпѣнія. Вы должны заранѣе пріучить себя къ мысли, что будете еле тащиться, дѣлая по полулье въ часъ, и что въ день вы не уѣдете дальше пяти, или шести лье. Я цѣлыхъ пять дней ѣхалъ до Серингапотама, между тѣмъ какъ на почтовыхъ лошадяхъ можно легко сдѣлать этотъ путь въ одинъ день; но мудрая медлительность гораздо болѣе подходила къ моимъ вкусамъ и къ состоянію моего кошелька. Впрочемъ, въ прежніе годы, всѣ принуждены были довольствоваться такимъ способомъ сообщенія, за неимѣніемъ лучшаго, а по нѣкоторымъ дорогамъ и до сихъ поръ нельзя ѣздить иначе. Въ такомъ случаѣ богатые англичане распоряжаются обыкновенно слѣдующимъ образомъ: съ мѣста своей стоянки они посылаютъ, подвечеръ, на слѣдующую станцію, свою прислугу со всѣмъ необходимымъ: съ мебелью, постелями, кухонными принадлежностями и т. п. На другое утро, поднявшись съ позаранку, они садятся на лошадь, на верблюда, или въ экипажъ, и дѣлаютъ безостановочно пять или шесть лье, до слѣдующей станціи. Здѣсь уже раскинута для нихъ палатка и приготовленъ прекрасный завтракъ и мягкая постель. Конечно, при такомъ порядкѣ требуется около года, чтобы проѣхать Индію изъ конца въ конецъ, но зато путешественникъ гораздо лучше знакомится съ мѣстностью, гораздо меньше утомляется и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы издерживать по сту франковъ въ день, можетъ путешествовать большимъ бариномъ, имѣя восемь тысячъ ливровъ годоваго дохода. Развѣ можно назвать путешествіемъ, когда вы, просидѣвъ закупореннымъ въ паланкинѣ, или въ почтовой каретѣ цѣлую ночь спите, какъ убитый, весь слѣдующій день, чтобы отдохнуть отъ дороги... и такъ сутокъ двадцать сряду; а ѣзда по желѣзной дорогѣ — развѣ это путешествіе... мнѣ случалось не разъ проѣзжать всю Францію, изъ конца въ конецъ, и не видать ничего кромѣ дебаркадеровъ да буфетовъ. Между тѣмъ, въ южной Индіи я въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ сдѣлалъ только пятьсотъ лье, но за то я помню каждую подробность дороги.

Такъ какъ моя телѣжка была очень длинная, то я велѣлъ положить мой багажъ напередъ и посадилъ на него моего слугу; на козлахъ расположился кучеръ, который управлялъ быками, потягивая ихъ за хвостъ въ ту или другую сторону.

Остальную часть телѣжки я доложилъ до половины сѣномъ, на него разостлалъ свой тюфякъ, а по бокамъ размѣстилъ бутылки съ виномъ и водою, сухари и книги. Такъ какъ телѣжка была закрыта только сверху и слѣдовательно солнечные лучи, при восходѣ и закатѣ, могли легко проникать въ нее сзади, черезъ отверстіе, оставленное для входа, то я устроилъ надъ этимъ отверстіемъ родъ соломенной занавѣски, которую можно было снимать, по произволу.

Устроившись такимъ образомъ, я выѣхалъ на средину двора бунгалоу; здѣсь ко мнѣ подошелъ *піунъ* (наемный лакей бунгалоу) и наговорилъ мнѣ бездну разныхъ пожеланій на дорогу.

Небо было чисто; дулъ свѣжій западный вѣтеръ. Я вынулъ часы, чтобы замѣтить во сколько времени свѣжіе быки сдѣлаютъ первую милю. Оказалось, что въ двадцать минутъ; впослѣдствіи я повторялъ нѣсколько разъ это опредѣленіе, и всегда оказывалось, что мы проѣзжали льё въ 20—25 минутъ, что соотвѣтствуетъ средней скорости трехъ съ половиною километровъ, или двухъ узловъ въ часъ, т. е. такой скорости, сохраняя которую все время, корабль сдѣлалъ бы кругосвѣтное путешествіе въ 16 мѣсяцевъ. Впрочемъ я настолько запасся терпѣніемъ, что эта медленность меня не мучила, мнѣ гораздо тяжелѣе было выносить полное одиночество. Мой человѣкъ, Себастіанъ, хотя говорилъ по англійски и вообще былъ не глупъ, но я не желалъ вступать съ нимъ въ фамильярныя отношенія, такъ какъ въ Индіи это ведетъ нерѣдко къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ. Съ другой стороны, жара была такая, какъ въ накаленной печи, несмотря на то, что окрестная мѣстность поднята на 900 метровъ надъ поверхностью моря. Я уже начиналъ предчувствовать, что не буду въ состояніи долго выносить эту пытку, и что мнѣ придется идти пѣшкомъ, что и дѣйствительно случилось впослѣдствіи.

Сдѣлавъ одиннадцать миль по совершенно пустынной мѣстности, я прибылъ къ ночи, въ первый бунгалоу, гдѣ мнѣ предложили плодовъ корнепуска и куриный супъ, сверхъ того я нашелъ въ моихъ чемоданахъ цѣлый запасъ хлѣба, сахара и свѣчей, которые были захвачены, благодаря предусмотрительности Себастіана. Я велѣлъ зажарить курицу, и въ ожиданіи, пока она поспѣетъ, пошелъ къ холму, возвышавшемуся въ разстояніи версты отъ бунгалоу. Судя по виду этого мѣста, здѣсь

еще никогда не была нога европейца; заходящее солнце освѣщало своими послѣдними лучами эту пустынную картину и бросало длинную тѣнь отъ одинако стоявшаго корнепуска, у подошвы котораго я пріютился. По направленію къ Бенгалорѣ, виднѣлись еще высокіе минареты и пагоды Оссура, выставлявшіеся, среди равнины, подобно египетскимъ пирамидамъ. Нѣсколько тощихъ кустарниковъ росли вокругъ, прямо на пескѣ или на голыхъ скалахъ; тишина была полная, не было слышно ни щебетанья птицъ, ни стрекотанія насѣкомыхъ. Я почувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, желаніе снова увидѣть Европу. Возвратившись съ прогулки, я, по обыкновенію, взялъ передъ обѣдомъ холодную ванну, если можно назвать этимъ словомъ нѣсколько кружекъ воды, вылитыхъ на голову. Можно безъ преувеличенія сказать, что вода въ этихъ странахъ также необходима какъ хлѣбъ; только при ея помощи можно поддерживать ту бодрость и чистоту, которыя такъ необходимы въ тропическомъ климатѣ. По этому вы всегда можете быть увѣрены, что найдете, въ каждомъ бунгалоу, даже самомъ удаленномъ, небольшую ванную комнату съ паркетнымъ поломъ и съ цѣлымъ рядомъ кружекъ, наполненныхъ водою.

Останавливаясь въ бунгалоу, мнѣ никогда неприходилось платить за помѣщенье, но единственно только за ѣду. Впрочемъ, нужно сказать, что прислуга тамъ отвратительная и способна вывести изъ себя самаго спокойнаго человѣка.

Невозможно себѣ представить какое гадкое впечатлѣніе производятъ на васъ лѣность, наглость и лицемѣріе всѣхъ этихъ сипаевъ, піуновъ и проч., которые встрѣчаютъ васъ съ низкими поклонами и чуть не съ королевскими почестями. Но когда вы уѣзжаете, вся эта стая накидывается на васъ, точно рой разъяренныхъ пчелъ, и осаждаетъ васъ криками, попрошайничествомъ, а нерѣдко и бранью, несмотря на то, что вы, не скупясь, раздаете «на водку».

Кромѣ того, на второй день пути, я былъ чрезвычайно раздосадованъ на моего кучера, который, боясь жара, ни за что не хотѣлъ пуститься въ путь днемъ и въ свое оправданіе указывалъ мнѣ на одного изъ быковъ, который чрезвычайно раздулся — просто оттого что слишкомъ много поѣлъ.

Хотя мы сдѣлали только одинъ переѣздъ въ это утро, и если бы продолжали ѣхать такимъ образомъ, то принуждены бы были оставаться цѣлыхъ 16 дней въ дорогѣ, я рѣшился не выказывать своей досады, и подождать что изъ всего этого выйдетъ и чѣмъ кончится

пресловутая болѣзнь быка. Въ ожиданіи, я спросилъ себѣ завтракъ въ бунгалоу *Бидиди*. Мое терпѣніе было вполнѣ вознаграждено: зайдя послѣ завтрака посмотрѣть на моихъ животныхъ, я увидалъ, что раздутый быкъ пришелъ въ совершенно нормальное состояніе. Воспользовавшись этимъ, я тотчасъ же отправился въ путь и сдѣлавъ въ этотъ день 19 миль (около 30 верстъ, прибылъ къ ужину въ бунгалоу Клуспетъ, отличающійся своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ среди скалъ и холмовъ.

Здѣсь готовились новыя непріятности. Прежде всего ко мнѣ явился «butler», т. е. метръ-дотель, съ цѣлой кипой бумагъ въ рукѣ—все это были свидѣтельства разныхъ лицъ о его неподкупной честности;— этотъ господинъ настаивалъ, чтобы я ихъ непремѣнно прочелъ: — онъ зналъ какъ трудно повѣрить въ честность въ Индіи. Когда я просмотрѣлъ штукъ пятьдесятъ, метръ-дотель прервалъ мое занятіе, сказавъ, что если я охотникъ, то пріѣхалъ какъ разъ во время: въ двухъ миляхъ отсюда появился тигръ такой страшной величины, какого еще не было видано въ этихъ странахъ; его лапа была величиной въ двѣ человѣческія руки, и онъ на дняхъ заѣлъ восемь человѣкъ. Одинъ тигръ—это бы еще ничего, но «butler» разсказалъ мнѣ далѣе, что въ окрестностяхъ развелось видимо невидимо этихъ страшныхъ звѣрей, и что недавно одинъ изъ деревенскихъ жителей убилъ ихъ болѣе ста штукъ.

Если я привыкъ обходиться въ путешествіи безъ тарелокъ, вилокъ, ножей и даже безъ соли, то я еще не понималъ до сихъ поръ, какъ можно спать, съ раскрытыми дверями, среди тигровъ и змѣй, которые безпрестанно заползаютъ въ комнату, а иногда пробираются даже и на постель къ путешественнику.

Подъ вечеръ, уже лежа въ постели, я слышалъ вой шакаловъ у самаго порога моей двери. Нѣсколько рѣзвыхъ бѣлокъ преспокойно играли въ углахъ моей комнаты, въ которую заглядывали также обезьяны и залетали птицы. Подъ конецъ усталость взяла свое и я крѣпко заснулъ.

На другое утро я отправился осматривать деревню. Я перешелъ черезъ каменный мостъ, перекинутый надъ высохшею рѣчкой, и попалъ на базаръ, гдѣ возбудилъ своей особой не малое удивленіе базарныхъ торговцевъ. Пройдя нѣсколько улицъ, усаженныхъ по сторонамъ пальмами, я достигъ наконецъ небольшой католической часовни, гдѣ жарко помолился Богу.

Послѣ легкаго завтрака, я отправился въ путь пѣшкомъ, такъ

*

какъ было еще довольно свѣжо. Мое вниманіе было вскорѣ привлечено какими-то странными гранитными постройками, попадавшимися по дорогѣ.

Онѣ состояли изъ трехъ камней: два изъ нихъ были поставлены стоймя, а третій былъ положенъ на нихъ горизонтально. Я подумалъ сначала, что это родъ алтаря для молитвы, но потомъ оказалось, что эти постройки служатъ для отдыха носильщицамъ воды, которые ставятъ свои кружки на эти подставки, такъ какъ поднять такую кружку съ земли было бы слишкомъ трудно. Во время отдыха женщины не перестаютъ поглядывать на дорогу и при первомъ появленіи европейца убѣгаютъ въ лѣсъ безъ оглядки.

Я продолжалъ идти пѣшкомъ. Въ оврагахъ, по бокамъ дороги, встрѣчались мнѣ туземцы, только что проснувшіеся. Они сидѣли, закутавшись въ свои одѣяла, у погасавшихъ огней которые поддерживаются въ этихъ странахъ опавшими листьями, наносимыми вѣтромъ въ овраги. Въ семь часовъ на горизонтѣ показались три мечети и мусульманское кладбище. Вотъ наконецъ и *Чинапатамъ* съ его черепичными кровлями, облитыми вертикальными лучами полуденнаго солнца, съ его пылью, съ его полуразвалившимся фортомъ и дворцомъ раджи; хотя раджа, и лишенъ власти но продолжаетъ жизнь въ Майсурѣ).

Черезъ ворота въ растрескавшихся стѣнахъ дворца я вступаю въ его внутренность, окруженный цѣлой толпою любопытныхъ, которые вызываются провожать меня. Я прохожу черезъ цѣлый рядъ довольно грязныхъ дворовъ и раскошныхъ комнатъ, меблированныхъ по европейски. При выходѣ проводникъ надѣваетъ мнѣ на шею гирлянду изъ бѣлыхъ, ароматическихъ цвѣтовъ, бросая, въ тоже время, жадные взоры на мой кошелекъ, изъ котораго я вынимаю рупію. Онъ смотритъ на монету съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, однако же торопливо прячетъ ее въ карманъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы индусъ поблагодарилъ кого нибудь отъ чистаго сердца; онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что сознаетъ, что самъ недостоинъ ничьей благодарности.

Придя въ бунгалоу, я принужденъ былъ въ продолженіе четверти часа читать удостовѣренія въ честности butler'а, потомъ мнѣ пришлось ждать добрыхъ два часа, пока жарились для меня цыплята и, наконецъ, когда ихъ принесли на листѣ бумаги, апетитъ мой былъ такъ возбужденъ, что я уничтожилъ ихъ въ нѣсколько минутъ единственно при помощи пальцевъ, закусывая своими сухарями. Послѣ

обѣда я принялся разсматривать интересную записную книгу, часть которой была посвящена похваламъ butler'у, а другая часть заключала въ себѣ замѣтки путешественниковъ. Читатели, понимающіе по англійски вѣроятно не безъ любопытства прочтутъ слѣдующую непереводимою замѣтку, написанную предводителемъ цѣлой кавалькады англичанъ:

«31 decem, Y Fry of the Hippodrom circu Arive this morning at it leven with the Lugage Bandies and left at 12 midnight and found the Butler veary attentive to his buisnes and all in good order for mainglore» *). «Très bien Monseer».

Жизнь до такой степени дешева въ этой странѣ, что завтракъ обходился мнѣ въ нѣсколько копѣекъ, а за помѣщеніе въ bungalou я не платилъ ничего. Я выѣхалъ изъ Чинапатама въ серединѣ дня, при температурѣ въ 27° Ц.; по дорогѣ мнѣ попалось нѣсколько почтальоновъ, или вѣрнѣе скороходовъ, съ письмами. Эти люди пробѣгаютъ два лье въ часъ и, пробѣжавъ это разстояніе, смѣняются свѣжими.

Измученный необыкновенно тихою ѣздою, я вышелъ, около 4 часовъ изъ моей телѣжки, чтобы пройдти пѣшкомъ послѣднее лье, отдѣлявшее меня отъ *Мудуры*.

Въ этомъ мѣстечкѣ, я нашелъ, къ моему величайшему огорченію, давно покинутый и почти развалившійся бунгалоу. Мой вѣрный Себастіанъ развелъ кое какъ огонь посреди двора и сварилъ мнѣ два яйца въ смятку. Закусивъ еще немного изъ моего запаса съ консервами, я легъ спать въ сырой комнатѣ, на старомъ, изодранномъ тюфякѣ.

Отъ самой Бенгалоры, мы постепенно, хотя и незамѣтно, поднимались, вслѣдствіе чего климатъ становился съ каждымъ днемъ умѣреннѣе. Сегодня я выѣхалъ въ 4 часа и термометръ показывалъ въ это время только 20°, и такая температура, съ непривычки казалась мнѣ холодной. Къ завтраку я прибылъ въ очень порядочный бунгалоу, гдѣ мнѣ подали, однакоже, куръ съ совершенно чернымъ мясомъ, такъ что страшно было за нихъ приняться; мнѣ все представлялось, что они умерли отъ холеры, или отъ меланхоліи; яйца здѣсь продаются по три *су* дюжина. Такъ какъ до Серингапатама было еще довольно далеко, а между тѣмъ мои быки замѣтно поху-

*) Мангалора.

дѣли, то я рѣшился дать имъ отдыхъ и остался тутъ до слѣдующаго утра.

17-го, отправившись въ три часа утра, я прибылъ въ Серингапатамъ какъ разъ къ восходу солнца. При въѣздѣ въ предмѣстія этого знаменитаго города, я встрѣтилъ множество свиней — явленіе довольно странное среди мусульманскаго и буддійскаго населенія. Но Себастіанъ объяснилъ мнѣ, что этотъ кварталъ занятъ *добисами*, т. е. прачками и стиральщиками, которые не считаютъ грѣхомъ употреблять въ пищу мясо этого нечистаго животнаго. Я проѣхалъ далѣе, подъ тѣнью превосходныхъ манговыхъ деревьевъ до стараго, но прочнаго моста, перекинутаго чрезъ рѣку *Кавери*. Эта рѣка имѣющая здѣсь до двухсотъ метровъ ширины, стремительно пробивается между скалами, загромождающими ея русло, обдавая ихъ брызгами пѣны. Въ тотъ моментъ, какъ я проѣзжалъ чрезъ мостъ, восходящееe солнце освѣтило всю картину своими косыми лучами; справа отъ моста глазамъ моимъ представилась пестрая оживленная толпа народа, которая копошилась точно въ муравейникѣ; одни совершали обычныя омавенія, другіе молились, третьи стирали бѣлье. Съ другой стороны возвышались мечети и пáгоды, ярко блестѣвшія на солнцѣ.

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что найду здѣсь превосходный бунгалоу, и что первый встрѣчный укажетъ мнѣ къ нему дорогу, однако я жестоко разочаровался. Побродивъ вокругъ стѣнъ и не находя ничего подобнаго бунгалоу я послалъ Себастіана внутрь самаго города. Онъ возвратился съ извѣстіемъ, что во всемъ Серингапатамѣ нѣтъ ни одного бунгалоу, такъ какъ путешественники здѣсь почти никогда не останавливаются. Поэтому я принужденъ былъ пріютиться въ одномъ ветхомъ строеніи, окна котораго выходили на огромную площадь, украшенную прекрасной пáгодой. Строеніе, въ которое я вошелъ, представляло родъ конюшни, или подвала, въ которомъ жили лишь пауки, да скорпіоны. Штукатурка вся обвалилась и обнажила полусгнившія балки, которыя, казалось, каждую минуту готовы обрушиться. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что имѣю честь находиться въ бывшемъ дворцѣ великаго Типпо, въ тѣхъ самыхъ залахъ, гдѣ онъ жилъ въ дни своей славы! По этому поводу, я предался было самымъ спасительнымъ размышленіямъ о ничтожествѣ всего земнаго, но мой желудокъ скоро напомнилъ мнѣ, что часъ завтрака наступилъ, и такимъ образомъ я былъ перенесенъ изъ области фантазіи къ реальной жизни. Я тотчасъ послалъ Себастіана,

въ сопровожденіи сипая, на рынокъ, гдѣ они, во что бы то ни стало, должны были отыскать что нибудь поѣсть несчастному, голодному европейцу. Они возвратились только черезъ два часа и сообщили мнѣ ужасную новость: по случаю какого-то религіознаго торжества, въ Серингапатамѣ набралось столько пріѣзжихъ, что городъ рѣшительно не въ состояніи былъ ихъ прокармливать; за двадцать франковъ нельзя было достать не только курицы, но даже яйца. Скажите мнѣ, гг. туристы, случалось ли вамъ когда нибудь завтракать философскими размышленіями и историческими воспоминаніями. Мнѣ пришлось бы довольствоваться этой духовною пищей, еслибъ не было со мной спасительнаго запаса консервовъ и шоколата. Усѣвшись на сыромъ полу, я началъ уничтожать эти запасы, при помощи лишь тѣхъ орудій, которыми снабдила насъ мать-природа. Но благое провидѣніе не оставляло меня и среди этихъ мрачныхъ стѣнъ, поросшихъ мохомъ: оно готовило мнѣ зрѣлище, которое могло заставить кого угодно позабыть о голодѣ. *Майданъ*, т. е. огромная площадь передъ дворцомъ, до того времени почти пустая, вдругъ наполнилась многочисленной толпой народа. Вся эта толпа была въ какомъ-то фанатическомъ настроеніи, вся она бѣсновалась и кричала. Одни ломали себѣ руки, другіе раздирали ротъ и высовывали языкъ, третьи страшно ворочали глазами. Здѣсь было собрано по крайней мѣрѣ десять тысячъ человѣкъ, одѣтыхъ въ самые яркіе костюмы краснаго, зеленаго, голубаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ. Эта пестрая толпа, залитая лучами полуденнаго солнца, представляла собою какъ бы волнующееся море свѣта, на которое больно было смотрѣть. Среди всеобщаго бѣснованія одни лишь жрецы оставались спокойны; они несли идоловъ, въ громадную пагоду, всю сплошь покрытую лѣпной работой. Извѣстно, что эта пагода выдержала цѣлую осаду и наконецъ была взята приступомъ 4-го мая 1799, причемъ убитъ Типуу. Графъ Варренъ разсказываетъ объ этомъ событіи слѣдующее: «Рѣзня была страшная; Типпу былъ раненъ однимъ изъ первыхъ и упалъ окровавленный на мостовую; всѣ его приближенные были убиты вокругъ него. Одинъ солдатъ двѣнадцатаго полка подошелъ къ Типпу и хотѣлъ сорвать съ него бриліантовое ожерелье, но оскорбленный султанъ собралъ свои послѣднія силы, приподнялся и опасно ранилъ солдата ударомъ сабли по головѣ; тогда разсвирѣпѣвшій солдатъ прокололъ его насквозь штыкомъ, самъ, впрочемъ, не зная кого онъ убилъ».

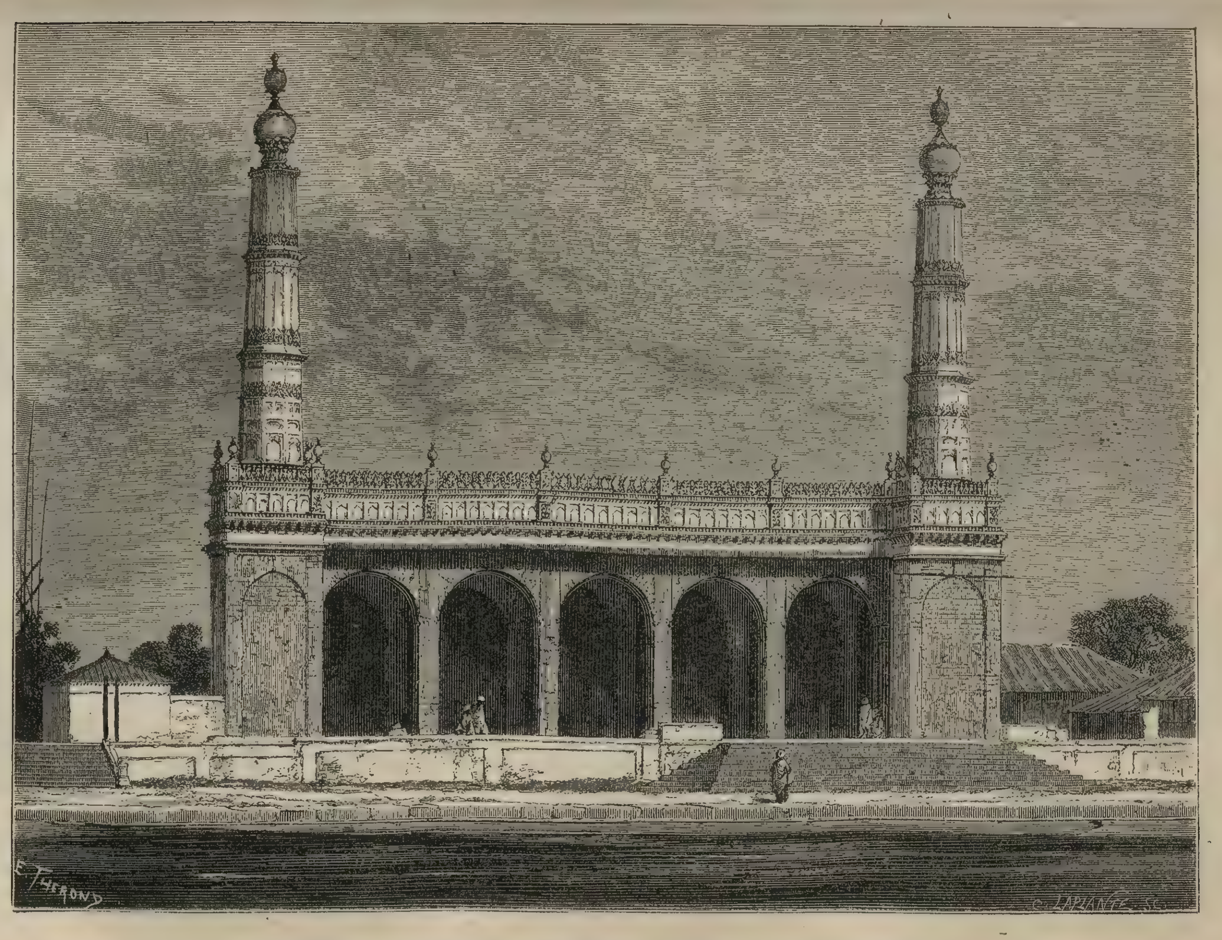
Насмотрѣвшись вдоволь на индусское празднество, я взялъ про-

водника и отправился, около полудня, осматривать могилы Гайдеръ-Али и Типпу, находящіяся въ трехъ верстахъ отъ города. Но прежде чѣмъ отправиться, я попросилъ показать мнѣ то мѣсто, гдѣ Типпу былъ убитъ; потомъ мои взоры невольно обратились къ большой группѣ домовъ, или лучше сказать развалинъ, осѣненныхъ тѣнью нѣсколькихъ старыхъ деревьевъ. Это былъ древній, разрушенный городъ, который нѣкогда содержалъ въ себѣ до трехсотъ тысячъ жителей, а въ настоящее время насчитываетъ ихъ едва четыре или пять тысячъ. Окрестности его были кругомъ выжжены, въ особенности съ сѣверной стороны, по направленію къ мѣстечку French-Rocks, занятому въ то время французскими войсками.

Я старался различить на горизонтѣ профиль Нильгерійскихъ горъ, къ которымъ я стремился съ такимъ нетерпѣніемъ, но не увидалъ ничего. Идя все время по страшно пыльной дорогѣ, я оставилъ влѣво католическую часовню и вскорѣ очутился передъ тріумфальной аркой, образующей входъ въ *Лалъ-Багъ* (розовый садъ). Длинная аллея высокихъ кипарисовъ привела меня отсюда прямо къ знаменитому мавзолею, о которомъ одинъ путешественникъ говоритъ, что «это самый лучшій памятникъ въ цѣлой Индіи».

Высокій куполъ, покрытый алебастромъ, возвышается надъ всѣмъ зданіемъ; со всѣхъ четырехъ сторонъ сдѣланы двери, украшенныя цвѣтами изъ слоновой кости; столбы, поддерживающіе куполъ, высѣчены изъ роговой обманки и смазываются ежедневно кокосовымъ масломъ, чтобы сохранить имъ первоначальный блескъ. Внутри находятся три могилы, покрытыя краснымъ бархатомъ: посрединѣ похоненъ Гайдеръ-Али, а по бокамъ его жена и сынъ. Храмъ, со всѣми его пристройками, и садомъ содержится въ необыкновенномъ порядкѣ и напоминаетъ собою скорѣе христіанскую церковь, чѣмъ языческую; жаль только что не запрещаютъ музыкантамъ, укрытымъ подъ тріумфальною аркой, производить раздирающіе ухо звуки. Какъ бы въ доказательство того, что смерть всѣхъ уравниваетъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ памятника Гайдеръ-Али погребено сорокъ шесть англійскихъ офицеровъ и солдатъ; такимъ образомъ побѣдители находятся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ побѣжденными. Надъ этой общей могилой поставленъ довольно безобразный обелискъ въ честь несчастнаго полковника Бальи, армія котораго была разсѣяна войсками Гайдеръ-Али, а самъ онъ умеръ ужасною смертью въ одной изъ башенъ Серингапатама.

Возвратившись съ прогулки, я отправился осматривать замокъ

Образецъ индѣйской архитектуры. Мечеть близъ Мадраса.

Типпу, въ которомъ жилъ, впослѣдствіи, Веллингтонъ. Въ настоящее время этотъ замокъ принадлежитъ одному богатому англичанину, который реставрировалъ его за̀ново и велѣлъ вновь раскрасить старинныя фрески самаго оригинальнаго содержанія. Онѣ изображаютъ храбраго предводителя французовъ Лалли, но онъ представленъ не въ главѣ своего войска, а позади его, и гонитъ солдатъ передъ собою, точно стадо барановъ. Со стороны англичанъ — полное пораженіе; здѣсь видны отрубленныя головы, проколотыя тѣла, и кровь льется повсюду. Среди этой сумятицы изображенъ раненый полковникъ Бальи на носилкахъ. Мнѣ хотѣлось бы еще дальше остаться въ замкѣ, чтобы подробнѣе изучить это произведеніе искусства, но я зналъ, что роскошный садъ съ его прелестной, благоуханной атмосферой представляетъ собою лабораторію тѣхъ страшныхъ лихорадокъ, которыя почти постоянно свирѣпствуютъ въ Серингапатамѣ. Поэтому я поспѣшилъ возвратиться въ мой дворецъ, приказалъ запрячь своихъ быковъ, и въ три часа отправился въ Майсуръ, до котораго оставалось еще четыре мили.

Вдоль всей дороги тянулась веселая толпа, возвращавшаяся съ утренняго празднества. Туземцы одѣваются здѣсь не такъ легко, какъ въ Мадрасѣ, что обусловливается отчасти умѣреннымъ климатомъ, а отчасти желаніемъ пощеголять прекрасными тканями, которыми славится эта страна. Тысячи мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтные костюмы, двигались подобно гигантскому потоку, по дорогѣ въ Майсуръ. Всѣ окрестные холмы были покрыты живописными группами, блиставшими на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Время отъ времени, среди этой толпы, появлялся огромный верблюдъ, служащій въ этихъ странахъ мальпостомъ, или лѣнивый быкъ съ туземнымъ всадникомъ на спинѣ. Быки играютъ здѣсь немаловажную роль: они не только перевозятъ пушки и экипажи, но служатъ и вмѣсто верховыхъ лошадей; вообще это животное очень уважается, и мясо его никогда не подаютъ къ столу.

Солнце пекло безпощадно. Мои несчастные быки видимо страдали отъ этого, и низко наклоняли свои головы; кучеръ пригнулся къ своему сидѣнью и прикрылъ рукою глаза, чтобы защитить ихъ отъ нестерпимаго блеска дороги. Обратившись лицомъ на югъ, я увидѣлъ прямо передъ собою туманный силуэтъ Нильгерійскихъ горъ. Обрадованный и ободренный видомъ этой давно желанной мѣстности, я выпрыгнулъ изъ телѣжки и почти бѣглымъ шагомъ пошелъ по дорогѣ въ Майсуръ, куда и прибылъ гораздо раньше

своего экипажа. Майсурскій бунгалоу имѣетъ прелестное мѣстоположеніе при самомъ входѣ въ городъ, влѣво отъ дороги, въ тѣни гигантсяихъ деревьевъ.

— Можете вы мнѣ дать чего нибудь поѣсть? — Все, что вамъ угодно. — Ну что же у васъ есть? — Куры. — А еще что? — Больше ничего.—Вотъ разговоръ, какой вамъ приходится вести почти въ каждомъ бунгалоу. Но Майсуръ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ исключеній: здѣсь мнѣ подали, напр., баранью ногу, да при томъ еще на тарелкѣ и съ вилкой.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно встрѣтить въ Майсурѣ двухъ французскихъ миссіонеровъ, которые приняли меня необыкновенно любезно. Я былъ очень удивленъ значительной величиной и богатствомъ ихъ церкви. Она была украшена двумя башнями, на постройку которыхъ старый раджа, большой почитатель французовъ, пожертвовалъ около четырехъ тысячъ франковъ, да сверхъ того далъ еще миссіонерамъ семьсотъ пятьдесятъ франковъ на постройку дома. Отзывы ихъ о здѣшнемъ населеніи были нѣсколько благопріятнѣе чѣмъ тѣ, къ которымъ я привыкъ въ Индіи. Жители Майсура дѣйствительно гораздо честнѣе и прямѣе своихъ собратій; они добродушны и веселы, но ихъ портитъ вкоренившаяся привычка къ нищенству и лѣни. Я не припомню, чтобы гдѣ нибудь мнѣ такъ хорошо прислуживали, какъ въ здѣшнемъ бунгалоу. Піунъ, не смотря на свои преклонные годы, отличался необыкновенной расторопностью— качествомъ, рѣдко встрѣчаемымъ у индѣйцевъ. Онъ оказался ревностнымъ католикамъ.

Въ Майсурѣ я имѣлъ удовольствіе, въ первый разъ послѣ долгаго времени, прочесть французскій журналъ; мои новые друзья дали мнѣ нѣсколько нумеровъ «le Monde». До сихъ поръ я вполнѣ раздѣлялъ воззрѣніе англичанъ на итальянскій вопросъ. Теперь только я узналъ истину. Меня поражало, что ни одинъ изъ англійскихъ журналовъ никогда не упоминалъ о молодыхъ людяхъ, выказавшихъ столько геройства и преданности въ эту войну. Я понялъ, что совершенно ошибочно смотрѣлъ на вещи сквозь призму англійской журналистики.

Имѣя намѣреніе осмотрѣть дворецъ раджи майсурскаго, и, если можно, то повидать самого раджу, я нанялъ карету, запряженную быками и, проѣхавъ нѣсколько густо населенныхъ улицъ, очутился передъ деревяннымъ строеніемъ чрезвычайно странной архитектуры. Оно напоминало сразу и готическій стиль и мавританскій, и было

раскрашено всевозможными цвѣтами. У воротъ стояло нѣсколько сипаевъ, въ ужасныхъ лохмотьяхъ; они отдали мнѣ честь по военному, но не пустили меня во внутренній дворъ, который былъ кажется очень великъ. Черезъ минуту ко мнѣ вышелъ богато-одѣтый индѣецъ, съ довольно изящными манерами, и объявилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ, что если мнѣ угодно послать карточку его высочеству, то я буду принятъ имъ завтра; я никакъ не ожидалъ подобнаго гостепріимства относительно совершенно незнакомаго человѣка. Я поблагодарилъ джентльмена и объяснилъ ему, что долженъ уѣхать въ этотъ же вечеръ, а потому не могу воспользоваться приглашеніемъ; но что онъ меня очень обяжетъ, если разрѣшитъ мнѣ осмотрѣть звѣринецъ раджи; на это онъ тотчасъ же далъ свое согласіе. Едва ли существуетъ гдѣ либо такой звѣринецъ по числу крупныхъ животныхъ; я насчиталъ тамъ двѣнадцать огромныхъ слоновъ и тринадцать тигровъ; какъ это ни невѣроятно, но я останусь вѣренъ истинѣ, если скажу, что одинъизъ этихъ тигровъ былъ ростомъ съ быка. Далѣе я нашелъ строенія, въ которыхъ жили носороги, бизоны, жвачныя разныхъ породъ и т. п.; впрочемъ, эти животныя содержались довольно плохо и почти всѣ были больны. При видѣ этого звѣринца мнѣ невольно пришелъ въ голову вопросъ: къ чему вся эта роскошь у лишеннаго власти государя, который не можетъ расплатиться съ своими долгами, не смотря на пять милліоновъ, которые отпускаетъ ему ежегодно компанія? Къ чему сохранять внѣшнюю обстановку царской власти, когда знаешь, что иностранный дипломатъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, полновластно распоряжается въ твоемъ королевствѣ, хотя при встрѣчѣ и величаетъ тебя, какъ бы въ насмѣшку, «высочествомъ»! Я не понимаю, что за охота играть роль какого-то комедіанта, одѣтаго въ бархатъ и парчу, и ждать пока наскучившая публика выгонитъ тебя со сцены свистками; чувствовать, что тобою распоряжаются, какъ пѣшкой, перевозя съ мѣста на мѣсто, и видѣть полнѣйшее равнодушіе народа, который даже не поинтересуется узнать, что дѣлается съ его бывшимъ властелиномъ. По моему лучше смерть, чѣмъ такое жалкое существованіе.

Вечеромъ я отправился на базаръ, чтобъ посмотрѣть здѣшнія богатства, состоящія, главнымъ образомъ, изъ корицы, кардомона, перца, кофе, шелковыхъ матерій, сандала и т. п. Майсуръ, обнесенный со всѣхъ странъ стѣнами, по своему мѣстоположенію принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ городовъ этой страны, которая, во-

обще, не отличается красотою пейзажей. Въ немъ насчитываютъ до восьмидесяти тысячъ жителей, въ числѣ которыхъ всего двѣнадцать европейцевъ. Резидентъ, или, что тоже, полномочный министръ, живетъ на сосѣднемъ холмѣ, возвышающемся на триста метровъ надъ городомъ; климатъ тамъ совсѣмъ другой, чѣмъ внизу. Мнѣ разсказывали о гигантскомъ каменномъ быкѣ, который украшаетъ собою вершину холма; этотъ быкъ, по своей громадности, можетъ занять мѣсто рядомъ съ египетскими сфинксами.

Климатъ въ Майсурѣ умѣренный, но солнце все-таки сильно печетъ; лихорадки здѣсь очень часты; вода плоха и пить ее не безопасно. Опасаясь заболѣть и окончательно потерять терпѣніе, которое теперь было мнѣ нужно болѣе чѣмъ когда-либо, я рѣшилъ поскорѣе уѣхать отсюда, и пошелъ проститься съ моими друзьями — миссіонерами. Они очень жалѣли, что я не могу остаться до воскресенья, чтобы посмотрѣть на всю ихъ общину въ сборѣ и послушать музыку сипаевъ, которые чрезвычайно гордятся тѣмъ, что играютъ въ нашихъ церквахъ. Напутствуемый благословеніемъ святыхъ отцовъ, я направилъ мой путь въ ту сторону, гдѣ виднѣлась въ голубомъ туманѣ длинная цѣпь Нильгерійскихъ горъ, и вскорѣ очутился въ совершенно безжизненной пустынѣ, среди которой раздавался лишь жалобный скрипъ колесъ моей телѣги, да храпѣніе слуги, убаюканнаго качкой.

ГЛАВА XXXIV.

Подъемъ на Нильгерійскія горы. — Описаніе этого кряжа. — Продолжительный спускъ въ Коимбатурскія долины. — Усталость и лишенія. — Прибытіе въ Салемъ.

Та часть моего путешествія, о которой я поведу теперь разсказъ, всего лучше запечатлѣлась въ моемъ воображеніи и оставила послѣ себя самыя пріятныя воспоминанія. Я съ наслажденіемъ припоминаю то время, когда въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не появлялось ни одного облачка на горизонтѣ, и когда, послѣ утомительнаго дня, я засыпалъ блаженнымъ сномъ, вдыхая въ себя мягкій, ароматическій воздухъ, а на другое утро просыпался свѣжій и бодрый, при яркомъ свѣтѣ неизмѣннаго свѣтила, которое вовсе не балуетъ такъ жителей сѣвера. Хотя мнѣ нерѣдко случалось переноситься воображеніемъ въ мой родной городъ, на берега любимой рѣки, но эти мечты нисколько не отбивали у меня охоты къ кочевой жизни, къ которой я, напротивъ, привязывался все сильнѣе и сильнѣе. Если у меня не было друзей,—за то дума моя была спокойна и не было въ ней ни скорби, ни сомнѣній. Здоровье мое никогда не было въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ эту эпоху, когда я проводилъ цѣлые дни на солнцѣ, терпѣлъ недостатокъ въ пищѣ и дѣлалъ, кажется, все, что можетъ разстроить здоровье.

Хотя мѣстность, по которой лежалъ нашъ путь, не представляетъ ничего привлекательнаго, но недостатокъ живописности выкупался до нѣкоторой степени яркимъ освѣщеніемъ которое придавало пейзажу веселый колоритъ и заставляло забывать скуку чрезвычайно медленнаго движенія. Ночи были прохладны, *бунгалоу* хорошо устроены и расположены на возвышенностяхъ, откуда открывался видъ на всѣ окрестности.

Ко всему этому нужно прибавить, что мы приближались къ странѣ великолѣпныхъ лѣсовъ, окоймляющихъ склоны Нильгерійскихъ горъ, которыя все яснѣе обрисовывались на горизонтѣ.

За Майсуромъ я уже не встрѣчалъ пальмъ. На плоскогорьѣ, по которому мы ѣхали, поднялся сильный, пронзительный вѣтеръ. Подъ вечеръ, когда становилось очень холодно, я обыкновенно садился гдѣ нибудь подъ деревомъ, чтобы согрѣться. Вообще во время моего путешествія по Индіи я неразъ имѣлъ случай замѣтить, что ночью подъ большими деревьями очень высокая температура: это происходитъ, по всей вѣроятности, оттого, что густая листва ихъ задерживаетъ воздухъ, нагрѣвшійся въ теченіе дня. Точно также, когда вы входите въ Бенгалѣ, холодной декабрской ночью, въ свою веранду, вы находите тамъ температуру, превышающую, по малой мѣрѣ, на 10° температуру внѣшняго воздуха, несмотря на то, что послѣдній весь день нагрѣвался отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.

20 числа, когда я проснулся, все еще дулъ сильный вѣтеръ; термометръ показывалъ, въ 6 часовъ утра, 27°, впрочемъ, въ этотъ день температура не поднималась выше 31°. Почти все время мнѣ пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ мой человѣкъ постоянно спалъ. По дорогѣ я видѣлъ нѣсколькихъ антилопъ, не особенно пугливыхъ. На ночлегъ мы остановились въ *Гоундельпетѣ*, большомъ укрѣпленномъ мѣстечкѣ, вокругъ котораго тигры бродятъ такъ же безцеремонно, какъ кошки. По обыкновенію, я нашелъ отличный *бунгалоу*, въ которомъ не оказалось ничего съѣстнаго. *Нильгерійскія горы*, отстоящія отъ этого мѣста всего въ нѣсколькихъ миляхъ, представляли издали величественную панораму, на темномъ фонѣ которой, въ ночное время, рѣзко выдѣлялись красные огоньки лѣснаго пожара.

21 числа мы стали подниматься по довольно крутому склону, и вступили въ область густыхъ бамбуковыхъ лѣсовъ; термометръ показывалъ, въ 6 часовъ утра, 16°. Бамбуковыя деревья, гибкія какъ тростникъ, имѣютъ около 20 метровъ въ вышину и до 1 фута въ поперечникѣ при основаніи, притомъ въ нихъ нѣтъ дупла, какъ въ другихъ деревьяхъ этой породы, видѣнныхъ мною прежде. Вѣсъ ихъ весьма значителенъ. Лѣсъ, въ который мы вступили, горѣлъ по всѣмъ направленіямъ, и горѣлъ не по винѣ человѣка. Въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что большіе тропическіе лѣса загораются сами собой, что бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ продолжительной засухи наступаетъ сильный вѣтеръ, производящій треніе между вѣтвями.

Отыскавъ маленькій бунгалоу, затерянный на прогалинѣ, среди обширнаго лѣса, я подкрѣпилъ немного силы изъ взятаго съ собой запаса провизіи, и напился грязной воды, которая была добыта посредствомъ вбиранія въ губку жидкой грязи. Обыкновенно путешественники никогда не прибѣгаютъ къ подобному способу утоленія жажды, а берутъ съ собой воду въ бутылкахъ, когда имъ приходится безостановочно проходить черезъ этотъ поясъ лѣсовъ, вредный для здоровья и опасный во всѣхъ отношеніяхъ; но я, къ сожалѣнію, не зналъ этого обстоятельства, и потому долженъ былъ довольствоваться жидкой грязью вмѣсто воды. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, мнѣ сообщили (хотя, по правдѣ сказать, новость эта очень обрадовала меня), что стоитъ удалиться шаговъ на сто отъ *бунгалоу*, чтобы повстрѣчаться съ тигромъ. Такъ какъ у меня не было никакого оружія, кромѣ палки, то я счелъ болѣе благоразумнымъ ждать, когда тигры первые сдѣлаютъ мнѣ визитъ.

Это случилось въ тотъ же вечеръ, въ деревушкѣ *Типпаконда*, едва только лѣсные хозяева узнали, что знаменитый путешественникъ расположился у нихъ на ночлегъ, вполнѣ увѣренный въ ихъ гостепріимствѣ. Эта деревушка, состоящая изъ десятка хижинъ, расположена на берегу небольшой рѣчки, извивающейся среди лѣса. По разсказамъ жителей, не проходитъ почти ни одной ночи, чтобы тигръ не похитилъ чьей нибудь собаки; само собой разумѣется, что рогатаго скота здѣсь держать невозможно. По этой причинѣ, а также по случаю убійственныхъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ въ этой мѣстности, и крайне вредней для здоровья воды, европейскій путешественникъ никогда не останавливается въ Типпаконда не только на ночлегъ, но даже и для болѣе кратковременнаго отдыха. Притомъ же тутъ нѣтъ бунгалоу, и путникъ, принужденный остаться на ночлегъ, долженъ довольствоваться сырой лачугой, гдѣ ни одна дверь не запирается, гдѣ нѣтъ ни стула, ни кровати. Не смотря, однако, на всѣ эти неудобства, намъ необходимо было провести здѣсь ночь, чтобы дать отдыхъ воламъ, утомленнымъ подъемомъ въ гору на протяженіи 28 верстъ. Чтобы удалить мрачныя мысли, я присутствовалъ при ужинѣ огромнаго слона, который безпрекословно позволялъ мнѣ играть его хоботомъ; затѣмъ, когда совершенно стемнѣло, побуждаемый какимъ-то безотчетнымъ любопытствомъ, я отправился одинъ, съ палкой въ рукѣ, въ лѣсъ, и отошелъ шаговъ на триста отъ бунгалоу; мнѣ мерещились за каждымъ деревомъ пара блестящихъ зеленыхъ глазъ. Вскорѣ, однако, прибѣжали жители де-

ревни, съ Себастіаномъ во главѣ, и стали умолять меня идти домой. Дѣлать было нечего,—я вернулся въ грязную лачужку, располагая предаться сладостному сну. Я говорю сладостному потому, что, несмотря на всѣ безпокойства, мнѣ было весело, что, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ сознанія той полной свободы, которою я пользовался, и которая привела меня въ эти мѣста. Замѣнивъ тарелку газетой, ложку—кускомъ бамбука, вилку—пальцами, и стулъ—чемоданомъ, я принялся пожирать съ волчьимъ аппетитомъ остатки консервовъ изъ откупоренной поутру коробки.

Вдругъ вся деревуша огласилась рычаніями; собаки подняли лай и заметались, какъ угорѣлыя, во всѣ стороны; мои волы, спокойно жевавшіе свою солому, задрожали отъ страха. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей резиденціи прогуливался королевскій тигръ, высматривая собаку и не обращая ни малѣйшаго вниманія на произведенный имъ переполохъ. Испуганный нѣсколько этимъ появленіемъ непрошенаго гостя, я, тѣмъ не менѣе, старался придать себѣ спокойный видъ, и подошелъ къ двери со свѣчей въ рукѣ, приказавъ въ то же время моему возницѣ зажечь солому, такъ какъ трепетавшіе отъ страха жители криками и жестами гнали чудовище прямо на насъ. Въ ту же минуту неподалеку отъ меня затрещали вѣтви, раздалось глухое рычаніе, и непріятель нѣсколькими прыжками вернулся во-свояси. Я знаю, что охотники на тигра, которыхъ такъ много въ Индіи, улыбнутся прочтя этотъ эпизодъ, и даже подивятся, зачѣмъ я упомянулъ о такомъ обыкновенномъ случаѣ; но признаюсь, находясь въ лѣсу въ глухую ночь, принужденный спать въ лачугѣ безъ всякихъ запоровъ, заброшенный въ мѣстность, гдѣ на 10 миль въ окружности нѣтъ ни одного европейца, я невольно испытывалъ нѣкоторое волненіе,—хотя, впрочемъ послѣ описаннаго эпизода я спалъ такъ же спокойно, какъ спалъ бы въ Луврскомъ отелѣ, забаррикадировавъ двери багажемъ. Что касается лихорадки, свойственной этимъ лѣсамъ, и, какъ говорятъ, дотого гибельной, что европеецъ, которому предстояло бы провести здѣсь ночь, считалъ бы себя обреченнымъ на вѣрную смерть, то я старался вовсе не думать объ этой опасности, которая, къ счастію, дѣйствительно миновала меня.

Такъ какъ я достигъ самаго подножія этихъ горъ, которыя, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не были еще описаны ни однимъ французскимъ путешественникомъ, то я попрошу у читателя позволенія сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе. *Нильгери* (Голубыя горы) не

составляютъ цѣпи; это отдѣльно стоящая группа, круто поднимающаяся съ равнины до высоты 2,000 метровъ; крутизна ихъ дотого велика, что, напримѣръ, на западной сторонѣ камень, опущенный съ вершины, коснется земли не прежде какъ пролетѣвъ пространство около 1800 метровъ. Группа эта, образующая на вершинѣ волнистый бассейнъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими пиками, имѣетъ не болѣе 20 миль въ длину, и содержитъ самыя высокія горы Индіи къ югу отъ Гималайскаго хребта. *Нильгерри* стоитъ на слоѣ сіенита (который не годится для построекъ по своей чрезмѣрной твердости), и содержитъ въ своихъ нѣдрахъ много желѣза, а также мѣсторожденія золота; въ верхнихъ же частяхъ она состоитъ изъ кварца и разныхъ породъ песчанника, покрытыхъ богатой растительностью. Кромѣ пшеницы, ячменя, овса, всѣхъ овощей и плодовъ, свойственныхъ Европѣ, здѣсь можно встрѣтить, на различныхъ высотахъ, множество плантацій кофе, разныя альпійскія растенія, рододендронъ (rhododendron arboreum), превосходящій по высотѣ гималайскіе рододендроны, такъ какъ онъ достигаетъ величины небольшаго дуба; далѣе, камфарное дерево, и т. д. Фауна еще разнообразнѣе, если это возможно, и содержитъ всѣхъ животныхъ, населяющихъ область отъ родины слона до отечества серны: тутъ встрѣчаются бизоны, медвѣдь, тиргъ, дикій кабанъ, олень, всевозможныя пресмыкающіяся и птицы; рыбы только мало, по недостатку глубокихъ рѣкъ и озеръ.

Какая другая страна, кромѣ Индіи, можетъ похвастать такимъ богатствомъ и разнообразіемъ естественныхъ произведеній? Кто не бывалъ въ Индіи, тотъ не имѣетъ понятія, до какой степени природа можетъ быть прекрасна и плодородна. Всѣ красоты тропиковъ и холоднаго пояса, всѣ произведенія земли, всѣ ея климаты, всѣ ея животныя, все, что она заключаетъ въ себѣ самаго нѣжнаго, самаго величественнаго и самаго ужнснаго:—все это соединено не только между Гималайскимъ хребтомъ и мысомъ Коморинъ, но иногда на одной и той же горѣ. На Нильгерри нѣтъ снѣга, но здѣсь вы встрѣтите всѣ климаты, смотря по высотѣ. Уже въ *Сигорскомъ* бунгалоу, на высотѣ 1200 метровъ и подъ 12° широты, я нашелъ каминъ, одинъ видъ котораго наполнилъ радостью мое сердце; а между тѣмъ въ три часа по полудни термометръ показывалъ въ тѣни 29°.

Бунгалоу въ Сигорѣ былъ необитаемый, и это обстоятельство невольно заставило меня подумать о томъ, въ какой зависимости я нахожусь у Себастіана: если бы ему пришла фантазія покинуть меня,

то я, не зная тамульскаго языка, не могъ бы ни купить себѣ провизіи на базарѣ, ни попросить приготовить мнѣ чего нибудь поѣсть. Поэтому я оказывалъ ему всевозможное вниманіе, и всегда позволялъ ему сидѣть въ моей тележкѣ, вопреки мѣстному обычаю.

Подъемъ съ этого мѣста становился круче, и намъ запрягли четырехъ воловъ, несмотря на то, что до слѣдующаго бунгалоу было всего около семи верстъ. Изъ шести ущелій, ведущихъ въ бассейнъ, образуемый этими горами, Сигорское считается кратчайшимъ, но за то оно и самое крутое. Наибольшая крутизна составляетъ 1 футъ на 9, средняя же 9 на 100.

Оставивъ воловъ медленно тащиться, а Себастіана бесѣдовать съ погонщиками и даже разыгрывать изъ себя ученаго, только что вернувшагося изъ путешествія по Китаю, я расправилъ свои ноги, знакомыя съ Пиренеями, и пустился пѣшкомъ по длиннымъ склонамъ дороги, гдѣ каждый поворотъ приносилъ съ собой новые пейзажи и болѣе холодный климатъ. Въ оврагахъ, на днѣ которыхъ журчатъ ручьи, весело щебетали, среди роскошной листвы, тысячи птицъ самаго разнообразнаго и красиваго оперенія; воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ; мои легкія дѣйствовали съ удвоенной энергіей; съ каждой сотней метровъ я чувствовалъ себя сильнѣе, моложе и счастливѣе; мнѣ казалось, что я снова дышу роднымъ воздухомъ, когда холодный вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо, и когда я увидалъ па сѣверѣ Майсуръ съ его лѣсами позлащенными заходящимъ солнцемъ. Вскорѣ я очутился передъ водопадомъ, окруженнымъ европейскими деревьями, и надъ которымъ стоялъ хорошенькій, чистенькій бунгалоу привѣтливо приглашавшій усталаго путника. О счастье! Здѣсь, подъ 11° сѣв. широты, среди лѣта, я долженъ былъ грѣться у камина, спать подъ теплымъ одѣяломъ, и велѣть подать на ужинъ три или четыре мясныя блюда, чтобы отпраздновать возрожденіе самаго жизненнаго и самаго испытаннаго органа въ моей бренной оболочкѣ. Вы не можете себѣ представить, что за блаженство всходитъ на тропическія горы изъ мѣстъ, гдѣ жизнь составляетъ бремя, въ мѣста, гдѣ болѣзнь и смерть кажутся чѣмъ-то невозможнымъ! Самый умъ выходитъ изъ оцѣпенѣнія, мозгъ работаетъ безъ устали, чувствуешь потребность бродить по полямъ, дышать свѣжимъ воздухомъ, гоняться за бабочками, нюхать цвѣты; являются воспоминанія о Европѣ, о деревенской жизни; тѣ же камни, то же желаніе взобраться на неприступныя вершины горъ; словомъ, путешественникъ находитъ здѣсь все, что украшало его родину, кромѣ дра-

гоцѣнныхъ цвѣтовъ дружбы. Но путешественникъ, всюду находящій радушный пріемъ, нигдѣ не имѣетъ прочнаго пристанища; ему вездѣ устроиваютъ гнѣздо, въ которое онъ никогда впослѣдствіи не возвращается; и, наконецъ, настаетъ минута, когда, мучимый тоскою по родинѣ, онъ рѣшается отправиться въ обратный путь.

Такого рода размышленіямъ предавался я, засыпая, при шумѣ водопада, въ бунгалоу *Кильгутти*, на высотѣ 1700 метровъ надъ уровнемъ моря. Термометръ, когда я ложился спать, показывалъ 19°.

Этотъ бунгалоу имѣетъ весьма приличную обстановку, но за то и цѣны въ немъ дерутъ страшныя; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ я заявилъ даже въ книгѣ для путешественниковъ, сопровождая свое заявленіе ироническими замѣчаніями, которыя впослѣдствіи, къ немалому моему удивленію, я встрѣтилъ, въ совершенно искаженномъ видѣ, на столбцахъ газеты «*Bengalore Herald*».

На слѣдующій день, 23 ч., я отправился пѣшкомъ по ущелью *Сигоръ*, возложивъ заботу о багажѣ на Себастіана. Свѣтъ въ этой возвышенной области отличается невыносимымъ блескомъ вѣроятно потому, что проходитъ черезъ менѣе плотные слои воздуха; то же самое нужно сказать и о теплотѣ, несмотря на то, что съ поднятіемъ на высоту температура чувствительно понижается. Непосредственное дѣйствіе солнечныхъ лучей, независимо отъ частицъ и массъ воздуха, которыя они нагрѣваютъ, здѣсь чрезвычайно сильно именно вслѣдствіе того, что воздухъ, по причинѣ своей разрѣженности менѣе поглощаетъ теплоты. Оставляя въ сторонѣ другія доказательства, ограничусь слѣдующимъ фактомъ: на равнинѣ я въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ ходилъ безъ зонтика, такъ что лицо у меня постоянно подвергалось дѣйствію самаго палящаго солнца во всемъ мірѣ, и, несмотря на то, я очень мало загорѣлъ; на равнинѣ жаръ скорѣе *пронизываетъ* васъ, чѣмъ *опаляетъ*: вы постоянно соприкасаетесь съ раскаленнымъ воздухомъ, который проникаетъ вамъ во всѣ поры тѣла, въ мозгъ, въ печень, въ желудокъ, въ кости, не производя особенно замѣтнаго дѣйствія на поверхности; на горахъ же совершенно наоборотъ: тутъ жаръ сообщается вашему тѣлу не окружающимъ воздухомъ, который на горахъ гораздо рѣже, чѣмъ на равнинѣ, а непосредственно солнечными лучами, которые свободно проходятъ между частицами разрѣженнаго воздуха; оттого зной на горахъ дѣйствуетъ сильнѣе на поверхности, и быстро сжигаетъ кожу, которая страшно чернѣетъ, и затѣмъ лупится: это случалось со мной каждый разъ, когда я находился на высокихъ горахъ, и нико-

гда на поверхности моря, даже подъ тропиками. Такимъ образомъ подъ тропиками, на самыхъ большихъ высотахъ, нельзя считать себя безопаснымъ отъ солнечнаго удара, даже въ такое время, когда въ тѣни вода замерзаетъ; и это не просто теоретическое предположеніе,—оно, къ несчастію, не разъ подтверждалось на опытѣ, и если случаи солнечнаго удара здѣсь вообще рѣже, чѣмъ на равнинахъ, то это происходитъ оттого, что на высотахъ обыкновенно дуетъ вѣтеръ, не позволяющій скопляться теплотѣ въ данномъ мѣстѣ. Кстати прибавлю, что тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ холоду: по причинѣ малой плотности воздуха лучеиспусканіе на горахъ несравненно значительнѣе, чѣмъ на равнинѣ; оно такъ велико, что часто земля и ѳуьи замерзаютъ въ то время, какъ на высотѣ человѣческаго тѣла термометръ показываетъ еще 6° выше нуля. Такъ, напримѣръ, въ Утакамундѣ, на Голубыхъ горахъ, температура никогда не понижается до точки замерзанія, хотя зимой бываютъ такіе холода, что рѣчки покрываются льдомъ.

Что касается меня, то хотя я болѣе не боялся солнца, сознавая, что теперь оно не будетъ пронизывать весь мой организмъ, но за то, съ другой стороны, лучи его никогда еще не были столь жгучими, какъ во время этой послѣдней части моего восхожденія по Сигорскому ущелью, на вершину котораго я взбрался въ одиннадцать часовъ дня, опаленный солнцемъ и облитый потомъ.

Это ущелье возвышается на 2200 метр. надъ уровнемъ моря, и слѣдовательно, оно только на 60 метр. ниже города Утакамунда, лежащаго на 6 верстъ южнѣе. Великолѣпная дорога, идущая среди сосенъ, кипарисовъ, дубовъ и австралійскихъ акацій, ведетъ въ глубокую долину, гдѣ пріютился Утакамундъ.

Въ этой мѣстности есть много туземцевъ и въ томъ числѣ представители одного замѣчательнаго племени, живущаго на вершинѣ Голубыхъ горъ, склоны которыхъ заселены различными племенами, все болѣе и болѣе приближающимися къ индусамъ, по мѣрѣ того, какъ спускаешься въ равнины. Племя, о которомъ я говорю, извѣстно подъ именемъ *тода*; о происхожденіи его до сихъ поръ неизвѣстно ничего положительнаго. Это народъ—ведущій исключительно пастушескую жизнь; онъ разводитъ однихъ буйволовъ, и не уважаетъ коровъ, въ противуположность индусамъ, съ которыми онъ вообще не имѣетъ ничего общаго. Религія племени *тода* не представляетъ никакого сходства ни съ браманизмомъ, ни съ буддизмомъ, ни съ магометанствомъ, и всего менѣе съ христіанствомъ; *тода* поклоняется

одному только восходящему солнцу, и вѣритъ, что душа послѣ смерти переселяется въ *Омъ-Норъ*, или «Великую страну», о которой онъ ничего не знаетъ. Языкъ его не похожъ ни на одинъ изъ азіатскихъ языковъ, и не имѣетъ письменъ. Вообще это племя напоминаетъ *басковъ* по той таинственности, которая окружаетъ его происхожденіе и его языкъ.

Что касается наружности *тода*, то они отличаются высокимъ ростомъ и густыми волосами на головѣ и бородѣ; они имѣютъ важную осанку, хотя, впрочемъ, очень смѣшливы, и охотно вступаютъ, особенно молодыя женщины, въ разговоръ съ иностранцемъ. Кожа у нихъ бѣлая, лицо осмысленное, носъ римскій, но при этомъ они возмутительно грязны. Ихъ жалкія хижины, въ которыя входятъ ползкомъ, всегда строются на склонѣ холма, или близь лѣса. Женщины тода, при всей ихъ красотѣ и живости характера, значительно уступаютъ молодымъ индіянкамъ, съ которыми онѣ не могутъ равняться ни гибкостью стана, ни врожденной граціей, ни изяществомъ манеръ. Спѣшу, однако, прибавить, что не всѣ такого мнѣнія, и что мнѣ удалось видѣть не болѣе двадцати экземпляровъ этого любопытнаго племени, которые живутъ не подалеку отъ отеля, гдѣ я остановился. Нужно замѣтить, что эти видѣнные мною экземпляры не отличались тѣмъ благороднымъ безкорыстіемъ, которое, какъ говорятъ, свойственно человѣку нецивилизованному. Представители племени тода, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать, отлично знали цѣну деньгамъ, хотя, впрочемъ, ни за какую сумму не соглашались впустить насъ въ хижину, служащую храмомъ, гдѣ одинъ изъ ихъ жрецовъ что-то пѣлъ одинъ, обмазавъ себѣ тѣло алебастромъ, что и составляло единственное его одѣяніе.

Какъ пріятно имѣть возможность гулять на открытомъ воздухѣ во всякое время дня, и пользоваться въ странѣ, гдѣ солнце стоитъ почти въ зенитѣ, климатомъ, напоминающимъ европейскую осень! Очень немногіе, вѣроятно, знаютъ что подъ 11° широты существуетъ совершенно исключительный климатъ въ отношеніи однообразія температуры. Въ подтвержденіе моихъ словъ привожу цифры, заимственныя изъ прекраснаго труда доктора *Бэки*, обработаннаго и изданнаго г. *Смаультомъ*, который, какъ я уже упомянулъ, презентовалъ мнѣ одинъ экземпляръ этого труда, когда я былъ въ Калькуттѣ.

Если сравнить наибольшую температуру всѣхъ дней въ году въ Утакамундѣ, то оказывается, что разность никогда не превосходитъ

5° стоградуснаго термометра; съ другой стороны, семилѣтнія наблюденія показали, что разность между наибольшей и наименьшей температурой сутокъ никогда не превышаетъ 12° Ц.

Самая низкая температура, какую случалось наблюдать на Голубыхъ горахъ, 4°; самая высокая—25°; средняя же температура равняется 14° (средняя температура Мадраса 30°, Лондона 10°). Вообще Голубыя горы, по ихъ превосходному климату, можно считать одной изъ лучшихъ мѣстностей на всемъ земномъ шарѣ. Хотя количество дождя, выпадающаго на этихъ горахъ въ теченіе года, выраженное въ дюймахъ, почти втрое превосходитъ то же количество для Англіи, но зато здѣсь несравненно болѣе выпадаетъ дождя заразъ, такъ что среднимъ числомъ бываетъ около 240 ясныхъ дней въ году.

Особенно въ Индіи, гдѣ смертность между европейскими полками часто достигаетъ одной десятой въ теченіи года, и откуда возвращеніе въ Европу стоитъ такъ дорого, весьма важно имѣть подъ рукой край съ подобнымъ климатомъ. Если бы Голубыя горы пользовались большею извѣстностью; если бы знали, что онѣ такъ легко доступны, тогда невозможно было бы утверждать, что «для англійскаго офицера, служащаго въ Бенгалѣ, рискъ лишиться жизни, въ продолженіе одного года, такъ же великъ, какъ если бы онъ участвовалъ въ трехъ битвахъ въ родѣ побоища при Ватерлоо». Я увѣренъ, что Голубыя горы даже для натуралиста и фотографа представляютъ одну изъ интереснѣйшихъ мѣстностей на всемъ земномъ шарѣ.

Изъ представителей растительнаго царства особенно замѣчательны исполинскіе *рододендроны*, покрытые красными цвѣтами; кромѣ того, тутъ встрѣчаются всевозможныя породы розъ и многіе виды *лобелій*. На третій день по пріѣздѣ въ Утакамундъ, я предпринялъ прогулку на одинъ крутой холмъ, лежащій позади отеля. Ноги у меня снова стали точно желѣзныя, и я шелъ быстро, но, несмотря на то, скоро почувствовалъ сильную усталость. Тогда только я вспомнилъ, что, находясь на высотѣ 2000 метр., гдѣ воздухъ очень рѣдокъ, невозможно скоро ходить безъ того, чтобы тотчасъ же не запыхаться. Взобравшись на холмъ, я вдругъ очутился на вершинѣ пика въ 2400 метр. высоты, откуда видна часть равнины Майсуръ, этой обширной печи, накаляемой жгучими лучами тропическаго солнца.

Въ Индіи, менѣе чѣмъ гдѣ либо, можно путешествовать одному и обходиться безъ сообщества людей; здѣсь вы чувствуете себя тѣмъ

Нильгерійскіе горцы — *тода.*

покойнѣе чѣмъ болѣе вы окружены всѣми принадлежностями цивилазаціи. Я, напримѣръ, зависѣлъ отъ моего слуги, отъ воловъ, отъ ямщика. Зависимость послѣдняго рода, т. е. отъ ямщика, дала себя чувствовать тотчасъ же послѣ моего отъѣзда изъ Утакамунда. Я условился съ ямщикомъ, что онъ доставитъ меня въ Бенгалоръ, по восточной дорогѣ, черезъ *Салемъ*; вдругъ въ послѣднюю минуту мой возница, какъ истый индусъ, впалъ въ оцѣпенѣніе, и объявилъ, что ни за что не повезетъ. Но я уже зналъ, какъ слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Я тотчасъ же отправилъ Себастьяна въ полицейское управленіе съ жалобой, и черезъ нѣсколько минутъ получилъ отъ полицейскаго коммисара изъ туземцевъ, еще неуспѣвшаго зазнаться, слѣдующій отвѣтъ:

«Почтенный господинъ!

Я получилъ вашу записку и уразумѣлъ содержаніе оной. Согласно вашему приказанію, препровождаю присемъ ямщика, дабы онъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Честь имѣю быть, милостивый государь и пр.

Европеецъ считается въ этихъ мѣстахъ такой важной особой, гнѣвъ его до такой степени опаснымъ, всякія требованія его такъ справедливыми, что если бы мой ямщикъ отказался дать обрѣзать себѣ уши, то и тогда, по всей вѣроятности, я получилъ бы отъ полицейскаго коммисара тотъ же самый отвѣтъ.

Итакъ я вышелъ изъ Утакамунда побѣдителемъ, и отправился пѣшкомъ по ущелью, ведущему въ Кунуръ; меня провожали, на разстояніи двухъ миль, мистрисъ Бегби и докторъ. Оставшись одинъ, я прибавилъ шагу, чтобы поспѣть въ Кунуръ до наступленія ночи, которая, однако, застигла меня въ *Джакатѣлѣ*, лежащей въ трехъ верстахъ отъ Кунура и въ тринадцати отъ Утакамунда. На слѣдующій день, часовъ въ десять часовъ утра, 2-го марта, я былъ на высотѣ 1800 метровъ надъ уровнемъ моря; было 19° въ тѣни. На головѣ у меня былъ шотландскій беретъ, зонтика я не имѣлъ, и мнѣ предстояло совершить переходъ верстъ въ двадцать пять. Сначала природа казалась мнѣ до того прекрасной и благоухающей, что я забылъ обо всемъ другомъ.

Спускаясь медленно по безпредѣльному ущелью, гдѣ соединены флоры разныхъ странъ, я на каждомъ шагу встрѣчалъ плантаціи кофе, прекращавшіяся лишь на краю крутыхъ пропастей, возлѣ которыхъ смѣло лѣпились бѣлые домики плантаторовъ съ ихъ чере-

пичными крышами. Далеко внизу изъ пара, поднимавшагося съ земли, выдвигались представители тропической флоры — пальмы и бананы, окруженные разными другими, еще болѣе наливными и болѣе роскошными деревьями; надъ всѣмъ этимъ возвышался исполинскій Купурскій пикъ, величественная гора, или, вѣрнѣе, мысъ, состоящій изъ голаго камня, какъ будто дождь и снѣгъ никогда не падали на него. Но скоро я долженъ былъ подумать о самомъ себѣ. Не прошло и часа, какъ солнечные лучи сдѣлались до того жгучими, что я началъ раскаяваться въ своемъ рѣшеніи идти пѣшкомъ, не имѣя даже зонтика. Житель Европы не можетъ составить себѣ понятія о томъ страшномъ зноѣ, который бываетъ на югѣ Индіи въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ обнаженной пустынѣ солнце, быть можетъ, печетъ еще сильнѣе, но тамъ жаръ сухой, не удушливый, не разслабляющій. Здѣсь же каждый лучъ — это своего рода отравленная стрѣла, которая разлагаетъ кровь, подавляя всякую энергію, останавливая жизнь. Зной до того томитъ васъ, что вамъ кажется будто вы несете цѣлые пуды на плечахъ. Прикрывъ голову обѣими руками, въ предупрежденіе солнечнаго удара, я сначала останавливался въ каждомъ оврагѣ, гдѣ былъ ручеекъ, и обмывалъ себѣ водой голову, спину и грудь; вода быстро высыхала, точно налитая на горячую плиту. Вскорѣ затѣмъ начался нескончаемый бамбуковый лѣсъ, гдѣ я надѣялся найти хоть немного тѣни; но увы! всѣ листья на деревьяхъ были сожжены солнцемъ, и я нашелъ одну пыль; такъ какъ, кромѣ того, и воды нигдѣ не попадалось на разстояніи почти шести верстъ, то я каждую минуту ожидалъ, что повалюсь въ изнеможеніи на землю. Наконецъ, я кое-какъ дотащился до подножія горы, гдѣ, по счастію, оказалась рѣчка, которая, какъ я узналъ впослѣдствіи, называется *Воугени*. Я спустился подъ устроенный черезъ нее мостъ, и, въ ожиданіи Себастіана и носильщиковъ съ вещами, съ наслажденіемъ погрузился въ воду, гдѣ и оставался нѣсколько часовъ сряду. Выходя изъ Кунура, при 19° Ц., я одѣлся по зимнему, а потому можете себѣ представить, какъ велико было мое удивленіе, когда раздѣваясь, подъ мостомъ, гдѣ въ эту минуту, т. е. въ четыре часа пополудни, было 35°, я увидалъ, что все тѣло у меня опалено сквозь толстую матерію, изъ которой было сдѣлано мое платье. Я начиналъ уже серьезно безпокоиться объ участи моихъ людей; но, наконецъ, они появились съ Себастьяномъ во главѣ, который шелъ прихрамывая: онъ обжегъ себѣ подошвы. «Ну, сударь, дорожка! тутъ рыба изжарится, если ее положить на землю», замѣтилъ мой вѣрный слуга.

Затѣмъ, мнѣ разсказали, что одинъ изъ *кули*, человѣкъ, впрочемъ, бывалый и ко всему привычный, упалъ въ изнеможеніи, и во время паденія повредилъ себѣ ногу, и что нужно было много хлопотъ, чтобы замѣнить его другимъ насильщикомъ. Какъ ни жаль было бѣдняка, но помочь ему не могъ; впрочемъ, онъ былъ помѣщенъ въ одинъ знакомый мнѣ домъ, гдѣ, какъ я былъ увѣренъ, его не оставятъ безъ должнаго ухода. Послѣ часоваго роздыха, я велѣлъ моимъ людямъ продолжать путь до Матуполліама, до котораго теперь было не болѣе девяти верстъ; самъ же остался подъ мостомъ до заката солнца. Только въ это время, т. е. когда солнце скрылось подъ горизонтомъ, обитатели лѣсовъ осмѣлились показаться на свѣтъ Божій и возвысить свой голосъ. Бабочки всевозможныхъ цвѣтовъ запорхали по голышамъ, лежащимъ на берегу ручья, взапуски съ колибри, которыя едва ли превосходили ихъ размѣрами тѣла; робкія ящерицы не рѣшались покидать свои убѣжища, какъ бы не вполнѣ увѣренныя, что общій пожаръ природы уже прекратился. Въ то же время у моста появились еще болѣе робкія созданія — молодыя браминки съ красными поясами, несшія на головѣ какіе-то узлы, которые онѣ поддерживали руками. Онѣ шли величаво, точно королевы, пока не замѣтили европейца, смотрѣвшаго на нихъ изъ за кустовъ, и который для нихъ страшнѣе тигра. Испустивъ крикъ ужаса, онѣ побѣжали назадъ, и только тогда рѣшились пройти по мосту, когда къ нимъ присоединились ихъ отставшія подруги. По поводу этого эпизода я невольно задалъ себѣ вопросъ: кто болѣе виноватъ — браминки ли, видящія въ всякомъ европейцѣ какого-то злаго духа, или тѣ, кто поселилъ въ нихъ убѣжденіе, что мы не уважаемъ цѣломудрія женщинъ.

Когда въ воздухѣ стало прохладнѣе, я взялъ свою палку и двинулся въ путь. Пробираясь между деревьями и заборами, я вдругъ наткнулся на какое-то огороженное поле, нѣчто въ родѣ кладбища, гдѣ, вмѣсто надгробныхъ памятниковъ, стояло цѣлое полчище воиновъ, пѣшихъ и конныхъ, сдѣланныхъ изъ алебастра разныхъ цвѣтовъ. Люди были натуральной величины; лошади же несоразмѣрно малы и въ сумерки казались какими-то чудовищами. Тутъ же были копья и разное другое оружіе. Я тщетно ломалъ себѣ голову, чтобы это могло быть, пока, наконецъ, Себастьянъ не объяснилъ мнѣ, что индусы, подобно намъ, во время великихъ бѣдствій, даютъ обѣты, и, по миновaніи несчастія, приносятъ алебастровыхъ лошадей въ жертву какому-то богу, имя и атрибуты котораго мнѣ неизвѣстны.

Наконецъ, 8-го числа, при свѣтѣ утренней зари, я любовался жи-

вописнымъ профилемъ *Шивараи*, господствующихъ надъ городомъ *Салемомъ*. Съ четырехъ часовъ я уже былъ на ногахъ, весело шагая между двойнымъ рядомъ деревьевъ, при свѣжемъ восточномъ вѣтеркѣ, и при температурѣ 24 . Порядкомъ измученный, я достигъ, сопутствуемый цѣлой толпой обезьянъ, которыя обитаютъ на деревьяхъ того мѣста, гдѣ большой трактъ развѣтвляется на двѣ дороги, изъ которыхъ одна идетъ въ *Трихинополи*, извѣстное всѣмъ курильщикамъ, и другая въ салемскій бунгалоу, до котораго оставалось всего четверть часа пути, и который отстоитъ отъ самаго города въ двухъ англ. миляхъ.

Такимъ образомъ я совершилъ почти полтораста верстъ въ пять дней, что было довольно скоро, если принять во вниманіе сильные жары и первобытный способъ передвиженія. Я разсчитывалъ, что найду здѣсь въ большомъ и знаменитомъ городѣ нѣкоторый комфортъ, который будетъ для меня наградой за всѣ испытанныя безпокойства и лишенія. Но увы! съ перваго же шага пришлось горько разочароваться: въ бунгалоу я не нашелъ ни одной живой души, ни даже работника, который бы принесъ мнѣ воды смочить мои опаленные солнцемъ члены. Наконецъ, когда распространился слухъ о моемъ пріѣздѣ, явился какой-то видный дѣтина изъ мусульманъ и, живописно драпируясь въ свой балахонъ, объявилъ, что ожидаетъ моихъ приказаній на счетъ завтрака.

Изъ Салема идетъ желѣзная дорога въ Мадрасъ, и потому я могу считать себя на нѣкоторое время избавленнымъ отъ неудобствъ и лишеній въ родѣ тѣхъ, которыя только что описаны.

ГЛАВА XXXV.

Салемъ. — Возвращеніе въ Бенгалоръ. — Холера. — Гуригуръ. — Пріѣздъ въ Шимугу на Малабарскомъ берегу. — Заутреня въ свѣтлое Христово Воскресенье. — Индѣйскіе нравы. — Гатскія горы. — Ихъ фауна. — Гонеръ.

Салемъ, главный городъ провинціи того же имени, имѣетъ около 25,000 жителей, и лежитъ на высотѣ 320 метр. надъ морскимъ уровнемъ, у подножія горъ *Шивараи,* которыя возвышаются надъ нимъ на 1,200 метр. Онъ славится своими стальными клинками, за которые получилъ прозвище индійскаго Шеффильда, и нѣкоторые даже полагаютъ, что именно его произведеніями были выгравированы іероглифы на египетскихъ обелискахъ, въ ту эпоху, когда еще ни одинъ народъ, кромѣ индусовъ, не умѣлъ выдѣлывать стали. Первое, что бросается въ глаза путешественнику,—это живописное мѣстоположеніе у подножія высокихъ горъ, видъ довольства, отражающійся на домахъ, широкія, правильныя и оживленныя улицы, усаженныя по бокамъ кокосовыми пальмами, красивыя лица жителей, которые бѣлизной кожи не уступаютъ европейцамъ. Только послѣ продолжительнаго пребыванія, вы узнаете, что этотъ городъ, производящій на первый взглядъ такое выгодное впечатлѣніе своей наружностью, ни мало не похожею на внѣшній видъ другихъ остъ-индскихъ городовъ, гдѣ царствуетъ грязь и нищета, имѣетъ чрезвычайно вредный климатъ. Европейцы думали-было найти здоровое убѣжище на вершинахъ окружающихъ горъ, на высотѣ 1,500 метр.; но лихорадки и тамъ неоставляли ихъ въ покоѣ; на горахъ можно дышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ только въ сухое время года. Кромѣ животныхъ, свойственныхъ вообще Индіи, какъ-то: слона, тигра дикаго кабана и т. д., окрестности Салема изобилуютъ бизо-

номъ (bos cavifrons) и ядовитыми змѣями. Наканунѣ моего пріѣзда одинъ мужчина умеръ отъ укушенія змѣи, и, чтобы наказать виновницу его смерти, пустили въ лѣсъ бѣлку, привязавъ ей на шею бумажку, на которой, вѣроятно, были написаны какія нибудь кабалистическія слова! При этомъ нельзя не пожелать, чтобы индусскіе врачи обнаруживали такое же усердіе къ спасенію жизни своихъ больныхъ, какое они проявляютъ ради отмщенія за ихъ смерть, и чтобы они не дѣлали съ перваго же визита болѣзнь почти неизлечимой и не отравляли паціентовъ своими медицинскими снадобьями. Я говорю это, основываясь на словахъ одного очень неглупаго туземца. Впрочемъ, туземныхъ врачей нельзя считать совершенными невѣждами въ исскуствѣ Эскулапа. «Индусы, говоритъ Капперъ, употребляютъ въ своей фармацевтикѣ препараты ртути, золота, желѣза, цинка и мышьяка, въ большей мѣрѣ чѣмъ можно бы было предполагать у народа, у котораго волшебство играетъ такую важную роль въ жизни.... Насчетъ пріема лекарствъ у нихъ существуютъ подробныя правила, въ которыхъ не забыты самыя послѣднія мелочи; между прочимъ, больному предписывается не морщиться принимая лекарство, потому что онъ такимъ образомъ уподобился бы Брамѣ и Шивѣ, и, слѣдовательно, совершилъ бы великій грѣхъ *)».

Европейскаго медика индусъ ни за что въ мірѣ не допуститъ до себя; онъ согласится скорѣе умереть, чѣмъ быть оскверненнымъ сношеніемъ съ нечистымъ существомъ. Насколько мнѣ извѣстно, изъ европейцевъ только католическіе миссіонеры пользуются привиллегіей проникать въ общество и дома туземцевъ. Впрочемъ, кастовые предразсудки начинаютъ мало по малу исчезать. Въ Салемѣ мнѣ случилось бесѣдовать съ однимъ часовщикомъ браминомъ, слѣдовательно человѣкомъ принадлежащимъ къ высшей кастѣ, но который, между тѣмъ, смѣялся надъ этими предразсудками. Правда, когда вы встрѣтите на дорогѣ брамина, котораго легко отличить съ перваго взгляда по священному шнурку, висящему у него на груди, то онъ отворачивается, чтобы избѣжать всякаго соприкосновенія съ прохожими; точно также дочь брамина, для которой честь и добродѣтель, вообще говоря, пустой звукъ, повидимому, страшится, какъ огня, приближенія европейца на большой дорогѣ, но въ сущности это ничто иное какъ боязнь общественнаго мнѣнія: и тотъ и другая смотрятъ

*) См. The three Presidenties of India, by I. Capper, p. 300.

на касту какъ на старую моду, давно отжившую свой вѣкъ, хотя и не осмѣливаются явно пренебрегать ея требованіями.

Если бы я былъ сельскій хозяинъ или ученый, я распространился бы о воздѣлываніи хлопка на склонахъ Шивараи, гдѣ съ акра получается среднимъ числомъ около тонны хлопчатой бумаги, т. е. въ два съ половиной раза болѣе чѣмъ на остр. Цейлонѣ. Далѣе, я могъ бы многое поразсказать, описывая мое пребываніе въ Салемѣ, о каолинѣ, полевомъ шпатѣ, талькѣ, слюдѣ, охрѣ, турмалинѣ и т. д., встрѣчаемыхъ въ окрестностяхъ этого города; сообщилъ бы, говоря о фруктовомъ рынкѣ, что мнѣ продали отличную дыню за одинъ су; но будучи лишь скромнымъ туристомъ, я спѣшу на станцію желѣзной дороги, находящуюся въ пяти верстахъ отъ бунгалоу и отправляюсь въ Трипатуръ, откуда располагаю ѣхать въ Бенгалоръ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, которая безпрестанно поднимается въ гору и извивается въ ущельяхъ, окруженныхъ дѣвственными лѣсами, мы прибыли въ Трипатуръ уже поздно вечеромъ, такъ что я не имѣлъ возможности посмотрѣть вблизи на тамошнюю пáгоду, которая слыветъ одною изъ великолѣпнѣйшихъ пагодъ въ южной Индіи, вообще весьма богатой памятниками этого рода.

10 ч. я нанялъ за 60 фр. колымагу въ Бенгалоръ, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ узналъ, что теперь ходитъ мальпостъ, который беретъ пассажировъ за 25 фр. Я еще болѣе раскаялся въ моей опрометчивости, когда увидалъ, что волы, которыхъ мнѣ запрягли, годятся только на убой—до того они были тощи, и утѣшалъ себя только тѣмъ, что, путешествуя по Индіи, нужно привыкать къ терпѣнію. Чтобы развлечь меня, Себастьянъ устроилъ охоту на двухъ молодыхъ шакаловъ, попавшихся намъ на дорогѣ; онъ долго бѣгалъ за ними, и наконецъ, загнавъ ихъ подъ скалу, ловко поймалъ обоихъ маленькихъ хищниковъ, и посадилъ ихъ вмѣстѣ со мною въ колымагу. Эта охота показалась мнѣ еще болѣе оригинальной, чѣмъ охота на зайцевъ, которыхъ здѣсь ловятъ въ сѣти, точно рыбу. Шакалы скоро начали вести себя неприлично въ моемъ экипажѣ, такъ что мы принуждены были отпустить ихъ на волю, и они бросились въ первый попавшійся домишко, вѣроятно чтобы скрыть тамъ свой стыдъ. Затѣмъ явилось болѣе сильное развлеченіе, которое, впрочемъ, не особенно порадовало меня: я узналъ, въ бунгалоу въ *Кистнагерри*, что вездѣ въ окрестности свирѣпствуетъ холера, и что незадолго до моего пріѣзда отъ нея умерли на дорогѣ два ямщика;

мнѣ показывали ихъ телѣги. На слѣдующій день, не доѣзжая пяти миль до Бенгалора, я встрѣтилъ одного туземца, катавшагося въ судорогахъ подъ деревомъ, съ пѣной у рта, и, очевидно, при послѣднемъ издыханіи. Себастьянъ, полагая, что это, можетъ быть, заразительная лихорадка, умолялъ меня не останавливаться; но я не поддался его увѣщаніямъ: будучи увѣренъ, что это холера, и имѣя съ собой непогрѣшимое средство къ излеченію ея, я никогда не простилъ бы себѣ, если бы прошелъ мимо умирающаго человѣка, не подавъ ему помощи, хотя бы даже человѣкъ этотъ былъ индусъ. Я велѣлъ остановить воловъ и достать изъ чемодана стклянку съ хлородиномъ, этимъ неоцѣненнымъ лекарствомъ отъ холеры, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить. Приказавъ Себастьяну открыть ротъ умиравшему, я влилъ ему сорокъ капель. Минутъ черезъ десять больной заговорилъ; онъ сказалъ, что теперь чувствуетъ себя гораздо лучше. Такъ какъ меня, разумѣется, интересовалъ исходъ его болѣзни, то я просилъ одного изъ его товарищей, сидѣвшихъ тутъ же, придти на слѣдующій день въ бенгалорскій бунгалоу, отстоящій отъ этого мѣста всего въ двухъ англ. миляхъ, и сообщить мнѣ, выздоровѣлъ ли больной; для большей вѣрности, я даже пообѣщалъ этому товарищу дать за трудъ. Слѣдуя далѣе, я встрѣтилъ отца и сестру несчастнаго, спѣшившихъ къ нему съ рисомъ, вмѣсто всякаго лекарства. Это былъ еще первый случай, когда я видѣлъ у природнаго индуса проявленіе чего-то похожаго на чувство любви къ ближнему, или по крайней мѣрѣ на чувство родственной любви; что касается постороннихъ прохожихъ, то они едва удостоивали кинуть взглядъ на умиравшаго. Себастьянъ даже не шутя увѣрялъ меня, что если индусъ, по несчастію, умретъ, то всѣ видѣвшіе, какъ я лечилъ его, непремѣнно будутъ указывать на меня какъ на виновника его смерти, какъ на человѣка, давшаго ему какой-то ядъ. Товарищъ больнаго не явился ко мнѣ на слѣдующее утро. Первая новость, которую я узналъ прибывъ въ бунгалоу, была та, что оттуда только что выѣхали четыре европейца, заболѣвшіе холерой.

Такъ какъ я заявилъ читателю, покидая Мадрасъ, что отправляюсь въ Бомбей, то его, вѣроятно, не мало удивляютъ мои безпрестанныя уклоненія отъ прямаго пути, и онъ вправѣ спросить меня куда я, наконецъ, ѣду. Я отвѣчу то же самое, что отвѣтилъ Себастьяну, который тоже, повидимому, нѣсколько недоумѣвалъ: я говорилъ только, что поѣду въ Бомбей, но не обозначалъ пути, по которому намѣреваюсь достигнуть этой цѣли. Если бы я хотѣлъ ѣхать ближай-

шимъ путемъ, то направился бы на *Веллари, Биджапуръ и Пуну*; но тогда я не видалъ бы ни Голубыхъ горъ, ни гверсепскихъ водопадовъ, этого чуда природы, на которое стоило посмотрѣть, хотя бы для этого пришлось вынести еще болѣе жестокія безпокойства, чѣмъ тѣ, какія я испыталъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забыть, что Индія слишкомъ обширна для того, чтобы одинъ человѣкъ могъ осмотрѣть въ ней все замѣчательное, въ то же время слишкомъ отсталая страна въ отношеніи средствъ сообщенія, такъ что европеецъ призадумается, прежде чѣмъ пуститься, безъ крайней необходимости, въ тотъ или другой округъ, о которомъ ему никто не можетъ сообщить точныхъ свѣдѣній. Посмотрѣть на карту, такъ это страна такъ же густо населенная, какъ и Китай, и многіе воображаютъ, что она кишитъ европейцами; на дѣлѣ ничего этого нѣтъ: народонаселеніе Индостана сравнительно рѣдкое, а европейцы теряются въ немъ такъ же, какъ, напримѣръ, теряются воды Сены на разстояніи сталье отъ береговъ Нормандіи. Я впрочемъ не буду злоупотреблять своимъ правомъ, и скажу прямо, что 26-го числа я вступилъ въ городъ Гурругуръ—въ страну Мараттовъ, прекрасные экземпляры которыхъ скоро повстрѣчались намъ на дорогѣ. Здѣсь уже питаются не рисомъ, а какой-то красноватой крупой, называемой *раджи*, и похожей на горчицу. Дорога проходила у подножія пустыннаго холма, гдѣ въ это время происходило религіозное празднество, которое непозволительно описывать. На этомъ празднествѣ, которое по справедливости слѣдуетъ назвать пиршествомъ сатаны, посвящали самому чудовищному злому духу молодыхъ и невинныхъ жертвъ, которыя никогда не узнаютъ, что такое добродѣтель. По этому поводу я завелъ разговоръ съ Себастьяномъ, который разсказалъ мнѣ самыя невѣроятныя вещи о суевѣріи своего племени. По его словамъ, есть цѣлый классъ браминовъ, которые проводятъ всю жизнь въ комнатѣ, съ закрытыми глазами и съ руками протянутыми за милостыней. Себастьянъ и самъ, несмотря на то, что онъ христіанинъ и вообще человѣкъ неглупый, вполнѣ убѣжденъ, что въ Серингапатамѣ лихорадки начались только съ того времени, когда одинъ англійскій офицеръ осмѣлился убить тамъ семиголовую змѣю, которой въ краѣ воздавали божескія почести! Послѣ этого всякій, вѣроятно, согласится, что распространеніе въ Индіи цивилизаціи—дѣло по меньшей мѣрѣ далеко не легкое.

Наконецъ, я добрался до моей первой большой станціи по дорогѣ изъ Бенгалора; въ десять дней я прибавилъ къ моимъ странствованіямъ

еще около трехсотъ верстъ утомительнаго пути, и теперь разсчитывалъ провести денекъ-другой среди европейской цивилизаціи.

По окрестнымъ равнинамъ, гдѣ, повидимому, ничего не растетъ, медленно тащатся волы, запряженные въ телѣги, въ которыхъ лежитъ навозъ; вскорѣ показывается изъ-за деревьевъ бунгалоу для путешественниковъ, по наружному виду ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ заведеній этого рода, но въ которомъ я, поважности этой станціи, разсчитываю найти всѣ удобства лучшихъ воксаловъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. И такъ я на границѣ Мадрасскаго президенства, не убитый солнечнымъ ударомъ, и буду имѣть возможность обмѣняться мыслями съ заброшенными сюда членами великой европейской семьи; встрѣча съ европейцемъ въ этой отдаленной странѣ всегда придаетъ новую энергію, и заставляетъ забыть испытанныя безпокойства и лишенія. Хотя въ Гурригурѣ я никого не зналъ, тѣмъ не менѣе пріемъ, сдѣланный мнѣ тамошними европейцами, былъ своего рода счастливый казусъ въ моемъ странствованіи, такъ что я забылъ на минуту и выжженныя солнцемъ поля, и погрязшихъ въ лѣни и апатіи людей, которые такъ долго отравляли мнѣ жизнь.

Едва я успѣлъ войдти въ бунгалоу какъ встрѣтился съ однимъ молодымъ офицеромъ, мистеромъ Тольмэчъ, который тотчасъ же угостилъ меня обѣдомъ, несравненно болѣе вкуснымъ, чѣмъ самые дорогіе обѣды у Вери или въ англійскомъ кафе-ресторанѣ, въ Парижѣ. Обѣдъ состоялъ изъ супа, изъ трехъ мясныхъ блюдъ, изъ хлѣба, котораго я давно уже не видалъ въ глаза, изъ французскихъ винъ и т. д. На слѣдующій день мистеръ Тольмэчъ пригласилъ меня завтракать за общимъ офицерскимъ столомъ, въ такъ называемой «mess». «Mess»—это табль-д'отъ, гдѣ обѣдаютъ всѣ холостые офицеры, и гдѣ царствуетъ величайшая роскошь въ убранствѣ комнатъ, въ столовой, посудѣ, бѣльѣ и т. п.; для содержанія этой кухмистерской существуетъ общая касса, въ которую каждый офицеръ, при вступленіи въ полкъ, вноситъ извѣстную сумму. Всякое неприличіе, всякое непристойное слово, все, что считается недостойнымъ истиннаго джентльмена, строго воспрещено за этимъ столомъ, гдѣ, ради поддержанія порядка, предсѣдательствуютъ президентъ и вице-президентъ, избираемые поочередно на одну недѣлю. Интересно, что какой-нибудь прапорщикъ, занимая постъ президента офицерскаго табль-д'ота, можетъ призвать къ порядку своего полковаго командира, и даже подвергнуть его аресту, въ случаѣ непослушанія. Зная, съ какой высокомѣрной холодностью относится англійскій офицеръ, при всемъ его гостепріим-

ствѣ, къ чужеземцу, котораго онъ видитъ въ первый разъ, я сначала отказывался отъ любезнаго приглашенія, но слыша неотступныя просьбы моего новаго знакомаго и сообразивъ, что послѣ завтра я уѣду изъ Гурригура, я, наконецъ согласился; притомъ же мнѣ не хотѣлось упускать удобнаго случая посмотрѣть поближе на домашнюю жизнь остъ-индскихъ офицеровъ.

Итакъ я явился на завтракъ за офицерскій табль-д'отъ. Надѣюсь, что никто не назоветъ меня неблагодарнымъ или нелюдимомъ, если я сознаюсь, что я долгое время сидѣлъ молча послѣ моего перваго словоизверженія во время обычныхъ представленій. Только къ концу завтрака, ободренный нѣкоторыми изъ моихъ любезныхъ хозяевъ, я мало-по-малу снискалъ благосклонное вниманіе окружавшаго меня общества. Я, впрочемъ, далекъ отъ мысли упрекать моихъ хозяевъ, для которыхъ я былъ совершенно неизвѣстнымъ человѣкомъ, и которые могли даже подозрѣвать во мнѣ «французскаго шпіона» или какого нибудь авантюриста; я хочу только отмѣтить тотъ фактъ, что человѣкъ, попавшій въ англійское общество и не доказавшій, бесѣдою или какими нибудь антецедентами, своей *порядочности*, служитъ предметомъ любопытства, мишенью, до тѣхъ поръ, пока его не изучатъ со всѣхъ сторонъ. Согласитесь, что это ужасное положеніе. Можетъ быть такое обращеніе съ новымъ человѣкомъ несравненно разумнѣе и даже гуманнѣе, чѣмъ встрѣтить его на первыхъ же порахъ съ распростертыми объятіями, и потомъ, черезъ нѣсколько времени, отвернуться отъ него; но, во всякомъ случаѣ, положеніе иностранца, попавшаго въ англійское общество, долго похоже на положеніе рыбы, выброшенной волною на берегъ.

Да не подумаетъ читатель, что я высказалъ здѣсь это замѣчаніе потому, что находился въ положеніи жертвы, — совсѣмъ напротивъ: когда прошла минута испытанія, всѣ офицеры наперывъ другъ передъ другомъ старались выказать мнѣ свое вниманіе, свели меня послѣ завтрака въ билліардную, и предложили въ мое распоряженіе свою библіотеку.

Я счелъ обязанностью представиться полковому командиру, который принялъ меня какъ нельзя болѣе радушно, и даже пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Я нашелъ въ полковникѣ Каррѣ прямодушнаго солдата съ мужественной и воинственной наружностью, какую не всегда встрѣтишь у англійскаго офицера, служащаго въ Европѣ. Служба въ Индіи, особенно въ послѣднее время, представляетъ суровую школу, гдѣ закаляется тѣло и лицо принимаетъ бронзовый

цвѣтъ. Только въ гарнизонахъ большихъ городовъ можно встрѣтить изнѣженныя лица, но въ Бенгалорѣ, Ауренгабадѣ, и вообще во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится вести дѣятельную жизнь, англійскій офицеръ походитъ скорѣе на араба или итальянца, чѣмъ на сына блѣднолицаго Альбіона.

Въ Гурригурѣ мнѣ бросилось въ глаза то обстоятельство, что англичане обращаются съ сипаями со всевозможнымъ уваженіемъ; послѣднимъ всегда отдаютъ военную честь, и я видѣлъ даже, какъ одинъ англійскій офицеръ, встрѣтившись на улицѣ съ сипаемъ, дружески подалъ ему руку. Полковникъ, однако, говорилъ мнѣ, что между туземнымъ солдатомъ и его европейскими начальниками существуетъ такая бездна, что онъ, напримѣръ, не знаетъ ни имени, ни квартиры служащихъ подъ его начальствомъ сипаевъ. Здѣсь кстати замѣчу, что сипаи, какъ въ Калькуттѣ, такъ въ Гурригурѣ и вообще во всей Индіи, всегда отдавали мнѣ честь по военному, что не мало забавляло меня; однажды я навлекъ неудовольствіе нѣсколькихъ встрѣтившихся со мной сипаевъ, отвѣтивъ, по разсѣянности, на ихъ привѣтствіе лѣвой рукой, что они считаютъ кровной обидой.

Гостепріимство англичанъ очень хорошо извѣстно всякому, и потому я избавлю читателя отъ подробнаго описанія великолѣпнаго обѣда у полковника; скажу только, что присутствуя на этомъ обѣдѣ, я считалъ себя перенесеннымъ въ одинъ изъ лучшихъ клубовъ Лондона. Я нашелъ здѣсь, въ одномъ изъ дальнихъ закоулковъ Индіи, среди полудикаго населенія, общество джентльменовъ въ полномъ смыслѣ этого слова, оказавшихъ самый радушный пріемъ неизвѣстному туристу, который навсегда сохранитъ о нихъ пріятное воспоминаніе.

Я выѣхалъ рано утромъ, и прибылъ въ Шимугу, на Малабарскомъ берегу.

На слѣдующій день было Свѣтлое Христово Воскресенье, и я отправился къ обѣднѣ въ католическую церковь, въ сопровожденіи Себастьяна, который облекся въ свой самый парадный костюмъ. Я не въ состояніи передать тѣхъ чувствъ, которыя овладѣли мною въ эту торжественную минуту, когда я присутствовалъ въ христіанскомъ храмѣ близъ Малабарскихъ горъ, послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ на чужбинѣ; мнѣ невольно пришли на память сибирскіе костелы, заброшенные среди снѣговъ и кедровыхъ лѣсовъ. Скоро, однако, я былъ выведенъ изъ этого возвышеннаго настроенія. Въ то время, какъ кучка мужчинъ, стоявшихъ по лѣвую руку отъ алтаря, запѣла «Adeste

fidelese», женщины, помѣщавшіяся по правую сторону, затянули «O filii et filiae!» на другой тонъ; въ ту же минуту хоръ сипаевъ, присутствіе которыхъ я до тѣхъ поръ не подозрѣвалъ, заигралъ на кларнетахъ, флейтахъ и разныхъ другихъ инструментахъ, съ акомпанементомъ барабановъ, англійскій родный гимнъ: «God save the Queen» (Боже храни королеву); наконецъ пронзительные крики, свитъ глухой гулъ остальной массы присутствовавшихъ дополнили этотъ адскій концертъ. Раздирающіе душу вопли послѣднихъ обитателей Помпеи въ тотъ моментъ, когда лава Везувія заливала ихъ подъ развалинами домовъ, вѣроятно не были такъ оглушительны, какъ это ликованіе толпы индусовъ. Оглушенный и испуганный, я опрометью бросился на улицу, въ ту минуту когда священникъ, дрожа отъ негодованія, крикнулъ громовымъ голосомъ на оркестръ, послѣ чего мгновенно воцарилась мертвая тишина.

Спѣшу, однако, прибавить, что я былъ пораженъ неподдѣльной ревностью къ вѣрѣ всѣхъ этихъ туземцевъ изъ Канары, Майсура и другихъ окрестныхъ мѣстностей. Тутъ же я впервые увидѣлъ европейца и туземца, которые причащаясь стояли колѣнопреклоненные рядомъ въ томъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ допускается ихъ равенство. Нельзя не питать уваженія къ этимъ индусамъ, которые не боятся открыто исповѣдывать христіанскую вѣру, среди языческаго населенія, въ глазахъ котораго они теряютъ всякое право на уваженіе или сочувствіе, такъ что даже родные избѣгаютъ ихъ, точно прокаженныхъ.

Остальную часть перваго дня пасхи я провелъ въ сообществѣ почтеннаго французскаго миссіонера, аббата Тюффу, сообщившаго мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній о туземномъ населеніи, которое онъ, какъ католическій священникъ, пробывшій въ Индіи болѣе десяти лѣтъ, имѣлъ возможность близко изучить. Я не могу передать здѣсь всѣ печальныя подробности быта туземцевъ; замѣчу лишь, что послѣдніе, по словамъ аббата, достигли крайней степени нравственнаго паденія. «Діаволъ, сказалъ одинъ изъ нашихъ миссіонеровъ, говоря объ Индіи, обратилъ большее число индусовъ въ христіанство, чѣмъ Господь», въ томъ смыслѣ, что многіе изъ туземцевъ становятся христіанами только потому, что нашъ священникъ соглашается лишь подъ этимъ условіемъ освятить давнишнюю незаконную связь христіанина съ язычницей и наоборотъ.

Одинъ изъ католическихъ епископовъ писалъ въ Римъ, что онъ только въ такомъ случаѣ посвятилъ бы туземца въ духовный санъ,

если бы ему предоставлена была власть разрѣшить этому туземцу предварительно вступить въ бракъ; другой архипастырь, болѣе строгій, говорилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласенъ рукоположить туземнаго жителя. И дѣйствительно, я никогда не слыхалъ, чтобы обратившійся въ христіанство индусъ — все равно браминъ или магометанинъ—сдѣлался священникомъ, тогда какъ въ Китаѣ и Кохинхинѣ есть много пастырей изъ туземцевъ, и притомъ весьма ревностныхъ въ исполненіи своей высокой обязанности.

Изъ 28 браковъ, совершенныхъ въ Бенгалорѣ, только два были такіе, которымъ не предшествовала незаконная связь. Впрочемъ, испорченность нравовъ не ограничивается нарушеніемъ требованій религіи, — она проникаетъ во всѣ сферы частной и общественной жизни туземнаго населенія.

Удивительно ли послѣ этого, что наши миссіонеры съ грустью говорятъ о результатѣ ихъ трудовъ, и потеряли всякую надежду на успѣхъ? Число ихъ прозелитовъ весьма ограниченное, и все, что они (миссіонеры) могутъ сдѣлать — это стараться сохранитъ для церкви тѣхъ туземцевъ, которые пребываютъ въ христіанской вѣрѣ уже въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Когда христіанинъ изъ туземцевъ не исполняетъ своего долга, или ведетъ себя неприлично, то священникъ, передъ которымъ онъ благоговѣетъ, видя въ немъ идеалъ добродѣтельной жизни, или налагаетъ на виновнаго эпитимію, состоящую, напримѣръ, въ томъ, что онъ долженъ ходить въ церковь на колѣняхъ, или исключаетъ его на нѣкоторое время изъ общины вѣрующихъ.

Очевидно, что миссіонеру, который, при всемъ своемъ терпѣніи и при терпимости проповѣдуемой имъ религіи, принужденъ прибѣгать къ подобнымъ карамъ, приходится имѣть дѣло съ натурами въ высшей степени строптивыми. Впрочемъ, народъ и самъ понимаетъ это, въ доказательство чего можно привести тотъ фактъ, что одинъ нашъ священникъ въ Салемѣ (который, впрочемъ, навлекъ на себя немало упрековъ за этотъ поступокъ) мигомъ образумилъ одного брамина, выстрѣливъ изъ ружья въ идола храма, при которомъ тотъ состоялъ жрецомъ, за то, что этотъ идолъ, какъ ходила молва, извергалъ хулу на христіанъ. Если протестантскіе миссіонеры такъ мало успѣваютъ, и иногда даже парализируютъ благое дѣло, дѣлаемое католическимъ духовенствомъ, то это происходитъ оттого, что они всегда стараются дѣйствовать на туземцевъ посредствомъ отвлеченныхъ метафизическихъ доводовъ, прибѣгаютъ къ насмѣшкѣ, которая

Пагода близъ Куттака.

крайне не нравится ихъ слушателямъ, и, наконецъ, говорятъ свои проповѣди туманнымъ языкомъ, непонятнымъ для индуса или сбивающимъ его съ толку. Разсказываютъ, что одинъ протестантскій миссіонеръ, однажды во время какого-то большаго праздества, обратился къ собравшемуся народу съ рѣчью такимъ высокомѣрнымъ тономъ, что туземцы, не понявшіе, конечно, его отвлеченныхъ умствованій, пришли въ ярость, и стали бросать каменьями въ проповѣдника, такъ что послѣдній поспѣшилъ убраться во-свояси. Когда впослѣдствіи аббатъ Тюффу упрекалъ туземцевъ за то, что они бросали камни въ человѣка, несдѣлавшаго имъ ничего худаго, то они отвѣчали: «А за чѣмъ онъ говорилъ намъ глупости?»

Трудно повѣрить, съ какимъ благоговѣніемъ относятся къ нашимъ миссіонерамъ туземцы, которымъ такое безкорыстіе, такая чистота нравовъ, какою отличаются миссіонеры, кажутся необъяснимымъ чудомъ. Въ воскресенье на Святой Недѣлѣ, когда я сидѣлъ у аббата Тюффу, въ его квартиру явились два брата, которые, если не ошибаюсь, въ тотъ день причащались, а теперь едва держались на ногахъ, перебраниваясь между собой; это были искатели золота, собиравшіе драгоцѣнный металлъ въ рѣчномъ пескѣ и въ магазинахъ ювелировъ. «Позвольте мнѣ, батюшка, сказалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ миссіонеру, зарѣзаться; я хочу порѣшить съ собой!...» Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что это былъ всего второй случай, когда я видѣлъ пьяныхъ туземцевъ: вообще индуса нельзя упрекнуть въ недостаткѣ трезвости и воздержности. Кромѣ того, индусы, повидимому, иногда не прочь помочь ближнему, и щедро (сравнительно съ ихъ средствами) жертвуютъ на церковь. Здѣшняя церковь хотя не велика, но отдѣлана съ большимъ вкусомъ; строителемъ ея былъ нынѣшній настоятель, аббатъ Тюффу. Что касается доходовъ послѣдняго, то они крайне ограниченны, особенно съ той поры, какъ онъ переселился въ Шимугу изъ Гурригура, гдѣ онъ получалъ отъ англійскаго правительства жалованье по 250 франк. въ мѣсяцъ, подобно всѣмъ миссіонерамъ, живущимъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть гарнизоны изъ европейскихъ солдатъ; но эта почтенная бѣдность еще болѣе возвышала его въ глазахъ туземнаго населенія, которое смотрѣло на него какъ на истиннаго апостола.

Жаль только, что индусы такъ мало пользуются его примѣромъ и наставленіями, которыя онъ постоянно преподаетъ имъ въ церкви, на ихъ родномъ языкѣ (канарскомъ), распространяя между ними ученіе, проповѣдь котораго я слышалъ во всѣхъ концахъ свѣта и на

различныхъ языкахъ. Впрочемъ, почтенный аббатъ Тюффу если и не всегда успѣвалъ въ дѣлѣ просвѣщенія своей паствы, то по крайней мѣрѣ достигъ того, что искоренилъ нѣкоторые языческіе обычаи. Такъ, напримѣръ, ему удалось уничтожить варварскій обычай плясать вокругъ трупа покойника. Усилія его разбивались главнымъ образомъ о кастовые предразсудки, глубоко укоренившіеся въ этой странѣ. Въ доказательство того, до какой степени сильны эти предразсудки, приведу слѣдующій фактъ. Браминъ, осужденный на смерть за какое нибудь уголовное преступленіе, никогда не позволитъ, чтобы ему веревку на шею надѣли сапожники (на которыхъ лежитъ эта обязанность), потому что сапожникъ принадлежитъ къ низшему сословію, а браминъ боится лишиться своей касты даже въ моментъ переселенія въ вѣчность. Онъ самъ завязываетъ себѣ роковое вервіе вокругъ шеи, чтобы избѣжать всякаго соприкосновенія съ нечистымъ существомъ. Брамины, впрочемъ, отличаются высокимъ ростомъ, стройнымъ станомъ, бѣлизной кожи, горделивой осанкой; они аристократы до конца ногтей. Ихъ жены и дочери, красивѣйшія женщины въ мірѣ, иногда нацѣпляютъ на себя тысячъ на десять франк. драгоцѣнныхъ украшеній, преимущественно на руки, на ноги, въ уши, въ носъ и въ волосы, въ эти длинные шелковистые волосы, въ которые онѣ втыкаютъ также пучекъ бѣлыхъ цвѣтовъ, называемыхъ *малипу* (родъ жасмина), такъ что по сильному запаху этого цвѣтка вы уже издали узнаете о приближеніи браминки. Тѣмъ же цвѣтомъ *малипу* украшаютъ, по большимъ праздникамъ, храмы и идоловъ, дѣлая изъ него гирлянды. Такимъ образомъ порокъ въ Индіи прикрывается блестящими внѣшними формами. Нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы путь порока былъ такъ легокъ, такъ усѣянъ цвѣтами, какъ въ Индіи. У насъ въ Европѣ порокъ имѣетъ дотого грустный и отталкивающій видъ, что честные люди невольно отворачиваются отъ него; на берегахъ же Ганга онъ является дѣвственнымъ, какъ утренняя заря, и благоухающимъ, какъ цвѣтокъ. Такъ какъ я заговорилъ объ украшеніяхъ, носимыхъ браминами, то упомяну здѣсь кстати, что въ Индіи повсемѣстно существуетъ обычай намалевывать на лбу полосы разныхъ цвѣтовъ; дѣвушки же дѣлаютъ себѣ большое круглое пятно краснаго цвѣта прямо надъ переносьемъ. Истинное значеніе этихъ украшеній неизвѣстно, хотя можно почти съ увѣренностью предположить, что они находятся въ связи съ какими нибудь религіозными вѣрованіями, что подало поводъ къ продолжительнымъ преніямъ въ средѣ католическаго духовенства по во-

просу о томъ, слѣдуетъ ли позволять индусамъ, перешедшимъ въ христіанство, придерживаться этого обычая. Во всякомъ случаѣ, послѣдній и до сихъ поръ еще повсюду распространенъ.

Что касается стиральщиковъ бѣлья, то они, какъ я уже сказалъ выше, отлучены отъ церкви, потому что участвуютъ въ языческихъ обрядахъ, на свадьбахъ, на похоронахъ, на церемоніи совершеннолѣтія дѣвушекъ. На свадьбѣ стиральщикъ приготовляетъ свѣчи, стелетъ полотно подъ ноги жениху и невѣстѣ, соединяетъ ихъ руки, предлагая имъ рисъ, кокосы, бетель, шафранъ и ладанъ, кропитъ ихъ, и вѣшаетъ имъ на шею гирлянды изъ *малипу*. На похоронахъ онъ очищаетъ покойника землей, кладетъ ему рису въ ротъ, и бросаетъ въ могилу головню, которая, по вѣрованію индусовъ, сжигаетъ трупъ.

Въ числѣ вопросовъ, которыми я закидалъ почтеннаго миссіонера, оказался одинъ, на который онъ отвѣчалъ отрицательно: это вопросъ о существованіи у индусовъ дѣтоубійства. Нарисованный здѣсь портретъ туземцевъ слишкомъ мраченъ, чтобы я могъ пройти молчаніемъ ихъ хорошія стороны. Дѣтоубійство, повидимому, неизвѣстно индійскимъ женщинамъ, которыя притомъ же, вообще говоря, вѣрныя супруги, за исключеніемъ случаевъ безплодія, которое считается позоромъ. У язычниковъ многіе годы отдѣляютъ бракъ отъ обрученія, которое дѣлается родителями жениха и невѣсты еще въ то время, когда послѣдніе совершенныя дѣти; но миссіонеры требуютъ, чтобы обрядъ вѣнчанія совершался не позже какъ по прошествіи полугода со времени обрученія, и чтобы вступающіе въ бракъ имѣли не менѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду.

Заинтересованный всѣмъ слышаннымъ мною о нравахъ, обычаяхъ и бытѣ туземнаго населенія, я просилъ аббата Тюффу ввести меня, подъ своимъ покровительствомъ, въ домъ индуса, — привиллегія, которою изъ европейцевъ пользуется развѣ одинъ изъ тысячи. Почтенный миссіонеръ согласился исполнить мою просьбу, и однажды вечеромъ мы отправились въ гости къ *Мари Апа*, молодому человѣку, который, проникнувшись рвеніемъ къ вѣрѣ, сталъ готовиться къ поступленію въ духовное званіе, но скоро разсудилъ, что разумнѣе будетъ обзавестись женой. Тутъ я еще впервые имѣлъ случай пользоваться гостепріимствомъ индуса, который принялъ меня весьма любезно и даже радушно. Домъ былъ маленькій, низенькій; въ горницѣ стояла кое-какая европейская мебель, въ углу висѣли образа; женская половина была отдѣлена отъ мужской перегородкой, что довольно рѣдко можно встрѣтить въ домахъ индусовъ, гдѣ обыкновен-

но всѣ члены семьи живутъ и спятъ всѣ вмѣстѣ на пространствѣ нѣскольких квадратныхъ метровъ. Мы были у жителя Канары, католика, который ѣлъ мясо, относился съ уваженіемъ къ европейцамъ, и не побоялся высказать мнѣ послѣднюю степень довѣрія, отворивъ дверь въ аппартаменты своихъ дочерей. Не знаю, понравился ли послѣднимъ мой визитъ, потому что онѣ, какъ я замѣтилъ, едва удерживались отъ смѣха, и дрожали какъ въ лихорадкѣ.

Я посѣтилъ также два европейскія семейства, живущія въ Шимугѣ. Одно изъ нихъ было семейство доктора, смѣлаго охотника, у котораго я видѣлъ цѣлую груду леопардовыхъ череповъ (по крайней мѣрѣ штукъ сто). Какъ человѣкъ опытный, докторъ уговаривалъ меня не оставаться подолгу на солнцѣ, говоря, что его отецъ погибъ отъ солнечнаго удара. Въ этой странѣ люди, какъ кажется, умираютъ только отъ двухъ причинъ: отъ холеры и отъ солнечнаго удара. А я уже передъ тѣмъ въ продолженіе многихъ дней жарился на солнцѣ. 1 апрѣля жаръ достигъ 100° Фаренгейта въ тѣни, т. е. 38° стоградуснаго термометра, а между тѣмъ я находился на плоскогорьѣ возвышающемся почти на 800 метровъ надъ уровнемъ моря. Что же было на берегу, куда я направился свои стопы?

2-го апрѣля та же температура, что и наканунѣ.

3-го апрѣля аббатъ Тюффу пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ. Мы толковали о Франціи, о Пиренеяхъ, и я не безъ сожалѣнія простился съ почтеннымъ миссіонеромъ, короткое знакомство съ которымъ доставило мнѣ столько пріятныхъ минутъ и полезныхъ свѣдѣній о туземномъ населеніи. Вернувшись въ бунгалоу, гдѣ меня ожидало нѣсколько туземцевъ, желавшихъ посмотрѣть на европейскаго путешественника, я нанялъ новыхъ воловъ, отправивъ старыхъ, которые такъ хорошо сослужили мнѣ службу, обратно въ Читтельдругъ и Бенгалору.

Теперь я приближаюсь къ цѣпи *Гатскихъ* горъ, которая тянется параллельно морскому берегу, подобно Андамъ. Цѣпь эта, покрытая густыми лѣсами, изобилуетъ міазмами, лихорадками и самыми страшными представителями животнаго царства. Кромѣ бамбуковыхъ деревьевъ, съ ихъ красивыми листьями, здѣсь растутъ: тикъ, баніанъ, всѣ породы сандальнаго дерева, скомора, желѣзное дерево, на землѣ и на вѣтвятъ деревьевъ вьются ліаны, бетель и кардамонъ. Изъ животнаго царства упомяну о тигрѣ, слонѣ, бизонѣ, змѣяхъ всѣхъ цвѣтовъ, дикихъ кабанахъ, ланяхъ, павлинахъ, глухаряхъ и, наконецъ, обезьянахъ; эти послѣднія водятся здѣсь въ такомъ изобиліи, что часто

цѣлыя деревья усѣяны имъ сверху до низу. Прощай пыльныя равнины Майсура, съ ихъ легкимъ сухимъ воздухомъ: — я вступаю теперь подъ влажный сводъ лѣсовъ, и съ первыхъ же минутъ чувствую во всемъ тѣлѣ томленіе, чувствую, какъ постепенно насыщаюсь влагой, тоть въ точь какъ это было со мной въ *Тераи*, на Гималайскомъ хребтѣ.

5-го числа (апрѣля), я съ трудомъ сдѣлалъ около 17 верстъ, и остановился въ *Анантатурѣ*, къ которому ведетъ превосходная дорога, усаженная по бокамъ деревьями. Дорога въ *Нугуръ*, главный административный пунктъ округа, осталась у меня влѣво. Въ бунгаловѣ оказалась такое множество птицъ, летучихъ мышей и всякаго рода насѣкомыхъ, что я предпочелъ спать подъ открытымъ небомъ.

6-ое апрѣля было памятнымъ днемъ въ моей жизни. Отправившись изъ бунгалова въ 5 часовъ утра, мы ѣхали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ среди двухъ стѣнъ высокаго лѣса, въ которомъ не слышно было ничего, кромѣ шума вѣтра. Я лежалъ въ телѣгѣ, и читалъ какой-то англійскій журналъ, какъ вдругъ Себастьянъ быстро вскочилъ, испустивъ крикъ ужаса, а волы бросились въ сторону, такъ что моя колесница едва не опрокинулась. Я обратился съ вопросомъ о причинѣ этого переполоха къ погонщику, который, внѣ себя отъ страха, вскричалъ: «Тигры! тигры! развѣ вы не видите?» И, дѣйствительно, я увидалъ двухъ тигровъ, которые выскочили изъ лѣсной чащи, съ явнымъ намѣреніемъ утащить моихъ воловъ; однако, испуганные нашими криками и жестами, они, къ немалому моему удивленію, убрались во-свояси такъ же быстро, какъ пришли. Признаюсь, я еще ни разу въ жизни не испытывалъ такого сильнаго волненія, какъ во время этого короткаго эпизода. Вообще европеецъ не скоро убѣждается, что существуютъ лѣса, гдѣ разгуливаютъ на полной свободѣ существа, экземпляры которыхъ ему случалось видать только въ крѣпкихъ желѣзныхъ клѣткахъ; тигръ остается для него какимъ-то миѳическимъ животнымъ, пока онъ видитъ его только въ звѣринцахъ. Но, не смотря на ужасъ, наводимый тигромъ даже на самыхъ отважныхъ охотниковъ, я считаю себя вправѣ думать, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ и словахъ другихъ, что этотъ звѣрь, подобно всѣмъ животнымъ, боится человѣка до такой степени, что никогда не осмѣливается нападать на него прямо, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда его ранятъ, и когда онъ вынужденъ защищать свою жизнь. Для животныхъ нѣтъ ничего страшнѣе человѣка.

Въ этотъ день я, когда шелъ пѣшкомъ, не отходилъ далеко отъ телѣги, тѣмъ болѣе что на солнцѣ былъ сильный зной. По дорогѣ я встрѣтилъ маленькую армію павлиновъ, которые, какъ извѣстно, встрѣчаются вездѣ, гдѣ есть тигры. Сдѣлавъ около 17 верстъ, мы пріѣхали къ вечеру въ *Сагръ*, браминскую деревню, гдѣ нельзя было достать даже цыпленка. Извѣстно, что брамины не ѣдятъ мяса, питаясь преимущественно молокомъ, рисомъ и овощами. Все, что мы могли найти — это немного воды для питья, и я могъ утѣшать себя развѣ только тѣмъ, что жители очень вѣжливо обошлись со мной. Ночь я провелъ безпокойно, такъ какъ окрестная мѣстность изобилуетъ змѣями, слѣды которыхъ, шириной въ руку, ясно виднѣлись на пыльной дорогѣ, и шакалами, вой которыхъ слышался у самыхъ моихъ дверей, разумѣется, не имѣвшихъ никакихъ запоровъ.

Ночью поднялся сильный вѣтеръ съ моря, составляющій пріятный сюрпризъ для человѣка, утомленнаго путешествіемъ по странѣ въ родѣ той, по которой я ѣхалъ. Какъ нѣкогда на устьѣ Амура, такъ и здѣсь я съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя прохладный морской вѣтеръ, въ ожиданіи, пока мнѣ удастся, съ вершины Гатскихъ горъ, снова увидѣть голубыя волны океана.

На слѣдующій же день, въ который я сдѣлалъ около тридцати пяти верстъ и проѣхалъ мимо бунгалова *Тальгупа*, я остановился вечеромъ *Джогъ*, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Гверсепскимъ водопадомъ. Во время первой половины этого длиннаго переѣзда, дорога постоянно поднималась въ гору по крутымъ пустыннымъ склонамъ, которые оживлялись только бабочками яркихъ цвѣтовъ, силуэтами коршуновъ, смотрѣвшихъ съ удивленіемъ на дерзкихъ нарушителей ихъ покоя, рѣзкими криками тысячъ обезьянъ и, наконецъ, зелеными змѣями, ползавшими по деревьямъ. Цвѣтъ этихъ змѣй до такой степени зеленъ и сливается съ цвѣтомъ листвы, что я съ большимъ трудомъ различалъ ихъ на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ, не смотря на обстоятельныя указанія Себастьяна. Укушеніе зеленой змѣи смертельно, и она тѣмъ болѣе опасна, что перескакиваетъ черезъ дорогу, перебрасываясь съ одного дерева на другое, и нанося проходящей мимо жертвѣ ударъ хвостомъ. Эта змѣя очень длинная и тонкая, хотя значительно толще другой змѣи, такъ называемой *whip spake* (змѣя, похожая на кнутъ), экземпляръ которой я видѣлъ посреди дороги. Змѣя послѣдняго рода не толще шнурка, и тоже считается очень ядовитой.

Въ этотъ день я видѣлъ кромѣ того сахарный заводъ, гдѣ раз-

дробляли сахарный тростникъ, съ помощью воротовъ и такого крика, что можно было бы подумать, что присутствуешь при оснасткѣ исполинскаго парохода *Гретъ-Истернъ*. Не подалеку отъ завода я видѣлъ также одно дерево, которое по формѣ листьевъ отличается отъ баніана, или индѣйской смоковницы (ficus indica), но у котораго, какъ и у этой послѣдней, вѣтви ниспадаютъ до земли и пускаютъ корни. Послѣ получасоваго восхожденія, я очутился на вершинѣ высокаго ущелья, гдѣ завывалъ морской вѣтеръ. Я былъ теперь на краю обширнаго плоскогорья центральной Индіи, которое достигаетъ здѣсь своей высшей точки.

Я былъ встрѣченъ ударами грома, замѣнявшими пушечную пальбу, которою привѣтствуютъ великихъ міра сего; но я почти не обращалъ вниманія на этотъ небесный салютъ, и любовался зрѣлищемъ, которое открылось у меня подъ ногами, заканчиваясь вдали моремъ, котораго я, однако, не могъ разглядѣть по причинѣ тумана, поднявшагося съ береговъ.

Я никогда не забуду этой величественной панорамы. За исключеніемъ Сибири, мнѣ нигдѣ не случалось видѣть дремучіе лѣса на такомъ обширномъ пространствѣ. То былъ настоящій Тартаръ, гдѣ блестѣли на солнцѣ болота и рукава рѣкъ, надъ которыми стоялъ паръ, невольно вызывавшій мысль о всякихъ заразительныхъ болѣзняхъ. Весь этотъ джунгль былъ облитъ массой свѣта, который, однако, никогда не достигалъ почвы, задерживаемый густою листвой, подъ которою кишѣли миріады насѣкомыхъ, наполнявшихъ воздухъ своимъ жужжаніемъ.

Намъ нужно было какъ можно скорѣе спуститься съ этого влажнаго ущелья, чтобы поспѣть къ ночи въ Джогъ. На вершинѣ термометръ показывалъ 32°, какова же должна быть температура внизу? Дорога углубилась въ лѣсъ, спускаясь зигзагами, хорошо устроенными, но чрезвычайно крутыми, такъ что я часто предпочиталъ идти пѣшкомъ, торопя, однако, ямщика, изъ опасенія, чтобы не пришлось ночевать въ лѣсу, среди хищныхъ звѣрей. Впрочемъ, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы долженъ былъ во время моего путешествія страшиться только дикихъ звѣрей. Я предпочелъ бы открытую войну съ звѣрями постоянной глухой борьбѣ съ туземцами, борьбѣ, въ которой сильный всегда остается побѣжденнымъ, и долженъ безропотно покоряться судьбѣ. Пріѣхавъ въ бунгалоу, въ Джогѣ, и не найдя піуна, я послалъ къ нему на домъ; но недостойный стражъ имѣлъ дерзость прислать съ моимъ посланнымъ отвѣтъ такого рода.

что онъ не тронется съ мѣста, пока я не пришлю ему письменнаго приглашенія. Терпѣніе мое лопнуло, настала минута, когда я долженъ былъ прибѣгнуть къ самой энергической мѣрѣ, и тѣмъ обезпечить себѣ уваженіе туземцевъ, въ которомъ я нуждался теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Я самъ отправился къ піуну, и засталъ его прохлаждавшимся за ѣдой съ своими пріятелями. Тутъ бѣшенство мое не знало болѣе границъ; нанеся наглецу нѣсколько ударовъ кулакомъ по головѣ, я схватилъ его за шиворотъ, и съ такой силой вытолкнулъ за дверь, что онъ упалъ на землю почти безъ чувствъ. Воздержитесь отъ слезъ, сострадательныя души! Сообразите, что если до сихъ поръ я никогда не могъ добиться исполненія моихъ законныхъ требованій, то виной тому была единственно излишняя мягкость, которою отличалось мое обращеніе съ туземцами. Этотъ же урокъ мгновенно возвысилъ меня на степень Юпитера-громовержца не только въ глазахъ піуна, который послѣ этой передѣлки сдѣлался шелковымъ, и готовъ былъ по первому моему знаку идти въ огонь и въ воду, но и въ глазахъ Себастьяна, въ которомъ я сталъ замѣчать въ послѣднее время тревожные признаки неудовольствія, происходившаго, быть можетъ, отъ утомленія вслѣдствіе продолжительнаго путешествія.

Осмотрѣвъ Гверсепскіе водопады и вполнѣ удовлетворенный видѣннымъ мною великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое превзошло всѣ мои ожиданія, я на другой же день распрощался съ Джогомъ, и направился къ Гверсеппѣ, отъ которой водопадъ получилъ свое названіе, хотя онъ находится отъ нея на разстояніи двадцати верстъ. Причиною заставившей меня поспѣшить отъѣздомъ, было приближеніе періода дождей, во время котораго путешествіе становится невозможнымъ; появились уже предвѣстники этого періода—частыя бури, душный воздухъ, пасмурное небо. Дорога была трудная; весь день, 9 апрѣля, мы поднимались въ гору, такъ какъ по долинѣ рѣки невозможно было ѣхать по причинѣ окружавшихъ ее съ обѣихъ сторонъ пропастей. Мы ѣхали все время въ тѣни лѣсовъ и кустарниковъ, среди самой роскошной растительности, о какой въ Европѣ и понятія не имѣютъ. Жаръ, хотя и не особенно сильный, если судить по показанію термометра, былъ, однако, весьма чувствителенъ, и я испытывалъ утомленіе, напоминавшее мнѣ путешествіе по Монголіи; впрочемъ, тропическіе жары въ концѣ концовъ все-таки лучше монгольскихъ холодовъ. Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ на этомъ пути къ малабарскому бе-

регу; упомяну лишь о тѣхъ, которыя особенно бросились мнѣ въ глаза. Здѣсь водятся голуби всевозможныхъ цвѣтовъ—голубые, зеленые, черные, коричневые; бабочки, достойныя своихъ гималайскихъ родичей; павлины, коршуны, слѣпни, обезьяны, наполняющія весь лѣсъ своимъ рѣзкимъ непріятнымъ крикомъ; наконецъ змѣи, слѣды которыхъ огромной величины виднѣлись повсюду на дорогѣ. Все это было для меня пріятной новостью послѣ безплодныхъ пустынныхъ равнинъ Майсура; но ямщикъ скоро испортилъ хорошее настроеніе духа, въ которомъ я находился; онъ сталъ вдругъ ворчать, говоря, что подрядился только свезти меня къ водопаду. Что вы подѣлаете съ этими людьми, если не прибѣгать къ грубой физической силѣ? У этихъ пресмыкающихся и трусливыхъ рабовъ душа чернѣе лица, и мнѣ кажется ихъ скорѣе можно-бы было сдѣлать бѣлыми, чѣмъ честными. Я не всегда восхищаюсь англійской политикой; иной разъ ее можно назвать двусмысленной; но если мы возьмемъ англичанъ какъ частныхъ людей, то кто рѣшится утверждать, что есть народъ болѣе честный и добросовѣстный? Лучшимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что индусъ до такой степени вѣритъ слову и чести англичанина, что подписываетъ, не читая, всякую бумагу, какую ему подадутъ. Что же подумать о народѣ который такъ давно уже растетъ въ этой благородной школѣ, и который, несмотря на то, не подвинулся ни на одинъ шагъ въ своемъ нравственномъ развитіи. Изъ-за нѣсколькихъ грошей индусъ готовъ клясться водами Ганга, которыя для него столь же священны, какъ для христіанина распятіе; ему доступно одно чувство—чувство физической красоты; что касается нравственной стороны, то можно безъ преувеличенія сказать, что онъ въ этомъ отношеніи стоитъ ниже собаки, которая превосходитъ его мужествомъ, вѣрностью и признательностью. Только путешествуя по Индіи, вы узнаете, что существуютъ пороки, для которыхъ нѣтъ названія въ нашемъ словарѣ, народъ, для котораго честь и правда—пустые звуки, языкъ—неимѣющій слова для выраженія благодарности.

Мои странствія по сухому пути, къ счастію, приближались къ концу. Вечеромъ я добрался до Гверсеппы; бунгалоу находился на противоположномъ берегу; но такъ какъ было очень поздно, то я не рѣшился переѣхать черезъ рѣку на паромѣ, и остался ночевать въ индѣйской деревушкѣ, лежащей на правомъ берегу. Справедливость требуетъ сказать, что на этотъ разъ одинъ туземецъ оказалъ мнѣ гостепріимсто, т. е. позволилъ мнѣ переночевать у его дверей, подъ верандой; о томъ, чтобы войти къ нему въ домъ—разумѣется,

*

нечего было и думать. На другой день я публично поблагодарилъ его за эту услугу, тѣмъ болѣе что онъ, съ рѣдкимъ безкорыстіемъ, отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія. Я былъ всего въ 24 верстахъ отъ моря, и, благодаря его приливу, легко переправился черезъ рѣку. Моя надежда позавтракать въ бунгаловѣ, къ несчастію, не оправдалась; мнѣ подали гнилую рыбу, такъ что я принужденъ былъ обратиться къ моимъ неоцѣненнымъ коробкамъ съ консервами.

Вскорѣ послѣ того я заключилъ условіе, облеченное всевозможною торжественностью, съ пятью или шестью моряками, обязавшимися доставить меня съ отливомъ въ *Гонеръ*, портъ, отстоящій отъ Гверсеппы верстахъ въ тридцати. Мы уговорились, что моряки должны быть готовы въ 3 часа пополудни. Въ ожиданіи отъѣзда я нанялъ лодку съ двумя гребцами, и отправился вверхъ по рѣкѣ посмотрѣть на развалины старыхъ храмовъ. Нижнее теченіе Гверсеппы, до впаденія ея въ море у Гонера, напоминаетъ описаніе земнаго рая, подобно рѣкамъ Цейлона, съ которыми она имѣетъ большое сходство; берега покрыты густымъ лѣсомъ кокосовыхъ и бамбуковыхъ деревьевъ, надъ которымъ возвышаются живописныя горы. Послѣ множества поворотовъ, мы сошли на берегъ въ маленькой песчаной бухтѣ, и пошли въ лѣсъ искать развалины. По правдѣ сказать, не стоило трудиться: нѣсколько лѣстницъ, обросшихъ мхомъ, маленькія гранитныя капища, четыре статуи изъ зеленаго мрамора, довольно грубо сдѣланныя — вотъ и все! я, впрочемъ, не раскаявался въ этой поѣздкѣ, любуясь рѣкой съ ея живописными берегами, всей этой зеленѣющей роскошной природой, которая не имѣетъ себѣ равной во всемъ свѣтѣ.

Нужно было, однако, торопиться, и я сердился что нельзя выѣхать въ назначенный часъ. Хитрые моряки, вѣроятно, не желая пускаться въ путь въ 35-ти градусную жару, старались, подъ разными предлогами, оттянуть отъѣздъ до ночи, и являлись по одиночкѣ, такъ что собрались въ полномъ комплектѣ только къ 8 часамъ вечера. Я выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія, но одинъ старикъ обезоружилъ меня слѣдующими словами: «Я весь вѣкъ прожилъ на этой рѣкѣ, и ни разу не плавалъ къ устью днемъ». Дѣлать нечего — нужно было покориться необходимости, и отказаться отъ удовольствія плыть среди этихъ очаровательныхъ береговъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Я отправился пѣшкомъ обозрѣвать окрестности, и углублялся довольно далеко въ лѣсъ, не зная что здѣсь водятся тигры, часто расхаживающіе возлѣ самой деревни, и огромные удавы; (если вѣ-

рить туземцамъ, попадаются удавы въ сто футовъ длины). Во время этой прогулки я выкупался въ рѣкѣ, постоянно озираясь во всѣ стороны, чтобы не попасть въ ротъ аллигаторамъ, которыхъ здѣсь, повидимому, больше чѣмъ рыбы; послѣдняя попадается только во время приливовъ.

Находясь въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія, апатіи, происходившей, вѣроятно, отъ утомленія вслѣдствіе всевозможныхъ непріятностей, обрушившихся одновременно, я молча перебрался вечеромъ, со всѣми моими пожитками, на *патаму*—большое судно съ одной мачтой, позади которой для меня была приготовлена мягкая постель. Я, можетъ быть, нашелъ бы эту постель царской, если бы не мучительная боль отъ обжога солнцемъ, заставлявшая меня безпрестанно ворочаться, и сопровождавшаяся лихорадочнымъ состояніемъ, физическимъ и нравственнымъ. «Нѣтъ, сказалъ я самъ себѣ, заглушая овладѣвшее мною отчаяніе, съ этихъ поръ я не хочу больше имѣть дѣла съ туземцами, хоть бы мнѣ пришлось путешествовать совершенно одному, и если кто нибудь изъ нихъ въ эту ночь окажетъ мнѣ неповиновеніе, или возбудитъ во мнѣ малѣйшее подозрѣніе, то — вотъ рѣка со всѣми ея чудовищами!»

Не знаю, заслужили ли перевозившіе меня туземцы такое наказаніе, такъ какъ около полуночи я такъ крѣпко заснулъ, что мой экипажъ могъ бы взбунтоваться и выбросить меня самаго за бортъ. Помню только то, что 11-го апрѣля, при блескѣ великолѣпной тропической зари, я открылъ глаза и увидѣлъ, что наше судно стоитъ уже на якорѣ, имѣя съ одной стороны безпредѣльный океанъ, грозно бушующій, а съ другой—цѣлую гору морской пѣны, прибиваемой волнами къ песчаному берегу.

ГЛАВА XXXVII.

Гонеръ. — Тридцативерстная прогулка пѣшкомъ подъ знойнымъ тропическимъ солнцемъ. — Кумпта. — Мысль о возвращеніи въ Европу. — Змѣя въ моей комнатѣ. — Приближеніе муссона. — Языческое празднество. — Португальская капелла. — Отъѣздъ въ Бомбей. — Гоа. — Вингурла. — Пріѣздъ въ Бомбей. — Восхожденіе на Гатскія горы, въ Пуна. — Убійственные жары. — Восхожденіе на Сингъ-Гаръ. — 300 дюймовъ дождя въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. — Визитъ одному туземному аристократу.

Мы были въ гонерскомъ рейдѣ, у праваго берега Гверсеппы, обратившейся здѣсь въ величественную рѣку. Я разсчитывалъ, что въ этомъ городѣ, довольно большомъ, имѣющемъ портъ и населенномъ богатыми браминами, найду первоклассный бунгаловъ, и что здѣсь будетъ конецъ моимъ лишеніямъ. Но, увы! надежда эта не сбылась. Прождавъ нѣсколько часовъ, я получилъ какую-то весьма плохую рыбу—и больше ничего; не оказалось ни хлѣба, ни молока къ чаю, ни сахару. Проникнутый благороднымъ негодованіемъ, я схватилъ перо, и написалъ въ книгѣ для проѣзжающихъ, что этотъ бунгаловъ слѣдуетъ скорѣе назвать надгробнымъ памятникомъ несчастныхъ путешественниковъ, которые навѣрно умерли бы здѣсь съ голоду, чѣмъ благодѣтельнымъ пристанищемъ, гдѣ можно подкрѣпить силы, послѣ утомительнаго пути. Даже воды для питья я едва досталъ; о водѣ для купанья, разумѣется, нечего было и думать.

Но все это было еще ничто въ сравненіи съ другой бѣдой, которая нежданно-негаданно разразилась надо мной.

Мой вѣрный Себастьянъ, бывшій, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, моимъ слугой, переводчикомъ, поваромъ, можно сказать даже товарищемъ, въ первый разъ оказался неисправнымъ, и притомъ въ

такое время, когда я всего менѣе могъ обойтись безъ него. Во время его обѣда я позвалъ его за чѣмъ-то, но онъ не откликнулся; я повторилъ нѣсколько разъ мой зовъ, и когда онъ, наконецъ, явился, я не могъ не высказать ему своего неудовольствія. Отвѣтомъ на мое замѣчаніе была вспышка, легко объясняемая безпокойствами и лишеніями продолжительнаго пути, а отчасти, можетъ быть, и моей чрезмѣрной снисходительностью въ сравненіи съ строгостью другихъ господъ. Себастьянъ забылся до того, что я вспылилъ и замахнулся не него, хотя и не ударилъ. Лава вылилась черезъ край, и мой разгнѣванный слуга, схвативъ свои пожитки, дерзко откланялся мнѣ, отказавшись даже отъ жалованья, которое я долженъ былъ ему.

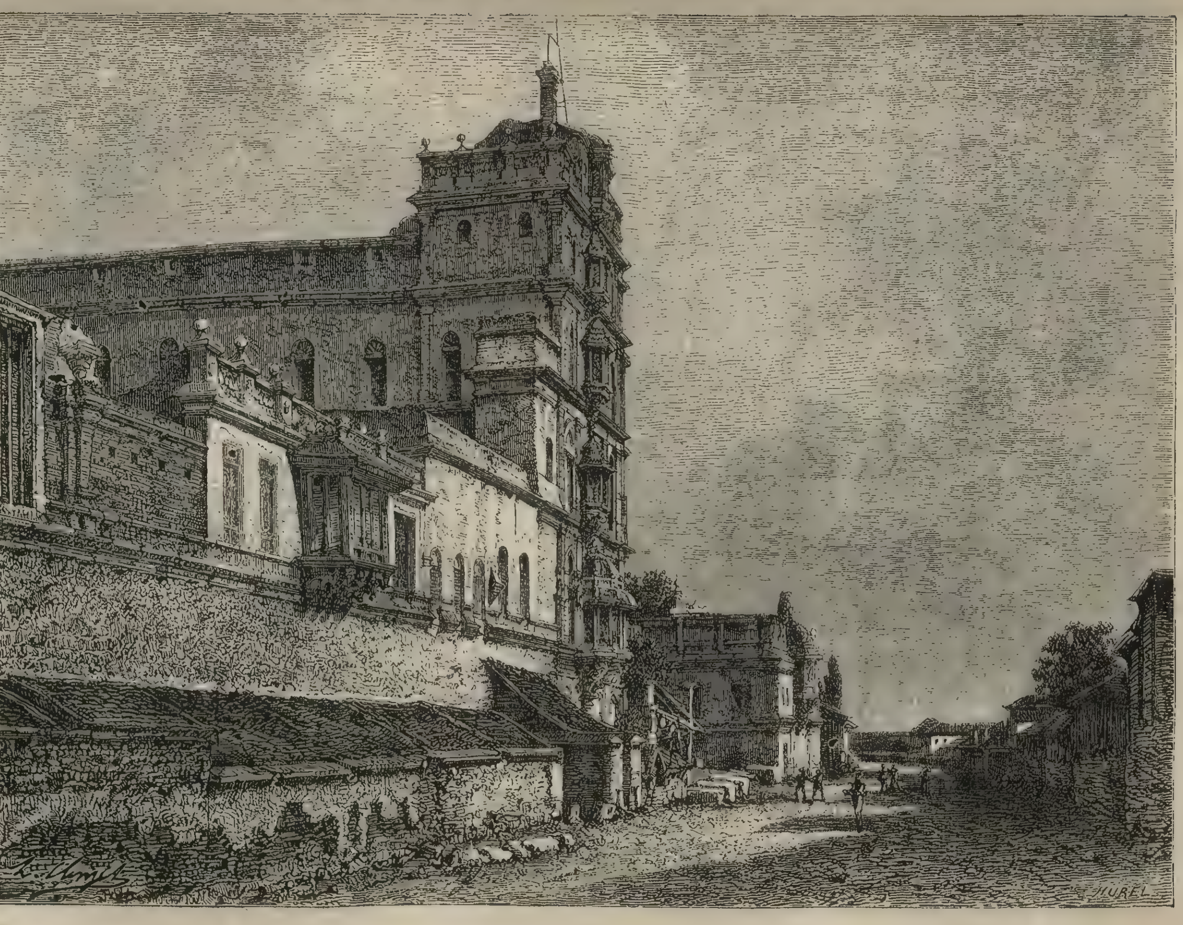
Такимъ образомъ я очутился въ малабарскомъ городѣ, не зная мѣстнаго языка, совершенно одинъ безъ прислуги, не имѣя никого, кто бы могъ готовить мнѣ обѣдъ. Вотъ какимъ случайностямъ подвергается на каждомъ шагу европеецъ, пустившійся путешествовать по Индіи съ *однимъ* слугой. У меня сердце обливалось кровью при одной мысли, что я совершенно предоставленъ на произволъ судьбы. Къ счастью, я познакомился съ однимъ португальскимъ семействомъ изъ Гоа; одинъ изъ сыновей этого семейства принялъ во мнѣ живѣйшее участіе, опъ отыскалъ моего бѣглеца, объяснилъ ему всю важность его проступка, его неблагодарность въ отношеніи ко мнѣ, и напомнилъ ему о той участи, которая ожидаетъ его, въ случаѣ если онъ меня покинетъ, и т. д. Затѣмъ онъ предложилъ ему, въ видахъ его собственной пользы, пойти извиниться передо мной, хотя на самомъ дѣлѣ я гораздо болѣе нуждался въ немъ, чѣмъ онъ во мнѣ. Тѣмъ не менѣе я гордо предложилъ ему вступить снова подъ мое покровительство. Себастьянъ явился ко мнѣ вечеромъ, извинился передо мной въ присутствіи двухъ свидѣтелей, и мнѣ стало совѣстно, что я огорчилъ его. И такъ я опять имѣлъ обѣдъ и только невыносимый зной, не прекращавшійся во всю ночь, среди исполинскихъ баніановъ, окружающихъ бунгаловъ, мѣшалъ мнѣ спокойно спать. Если бы не живописное мѣстоположеніе, *Гонгръ* представлялъ бы собою олицетворенную скуку; не говоря уже не здоровомъ климатѣ, этотъ городъ производитъ непріятное впечатлѣніе, напоминая о печальномъ эпизодѣ 1670 года, когда восемнадцать человѣкъ англичанъ, основавшіе здѣсь факторію, для веденія торговли перцемъ, были перерѣзаны всѣ до одного, по наущенію браминовъ, за то, что одинъ изъ бульдоговъ англичанъ, загрызъ корову, принадлежавшую брамину.

Городъ этотъ много испытывалъ непріятельскихъ нашествій, съ тѣхъ поръ какъ царица Гверсеппа прогуливалась по его укрѣпленіямъ, которыя въ настоящее время лежатъ въ развалинахъ. За португальцами, которые сожгли Гонеръ, слѣдовали беднурскіе раджи, уступившіе въ свою очередь мѣсто войскамъ Гайдеръ-Али. Затѣмъ въ 1783 г. явились англичане, которые въ скоромъ времени отдали его Типпо-Саибу.

Въ настоящее время вы можете встрѣтить здѣсь трехъ или четырехъ европейцевъ, которые охотятся въ окрестностяхъ, преимущественно на буйволовъ. Населеніе Гонера состоитъ приблизительно изъ 1200 индусовъ, между которыми есть много очень богатыхъ браминовъ. Такъ какъ они всѣ католики, то въ этомъ городѣ очень много католическихъ церквей; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ служатъ обѣдни ортодоксальные священники; въ другихъ же раскольническіе изъ Гоа. Извѣстно, что въ Гоа съ давнихъ поръ обнаружился расколъ, такъ какъ значительная часть тамошняго духовенства, отказалась, неизвѣстно по какимъ причинамъ признавать власть папы.

Я познакомился въ этомъ краѣ со многими португальскими священниками, которые оказались на столько же любезными хозяевами, какъ и достойными пасторами; но такъ какъ они не знаютъ даже испанскаго языка, то мы обыкновенно бесѣдовали по латыни.

Туземцы этого берега, насколько я могъ замѣтить, несравненно болѣе общительны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, болѣе образованы, богаче и отличаются болѣе красивою наружностью. Я познакомился въ Гонерѣ съ однимъ браминомъ, исполнявшимъ должность судьи, за что онъ получалъ отъ правительста 50 фунт. стерлинговъ жалованья. Жена его выписала изъ Бомбея фортепіано; она играетъ очень не дурно. Жители этой мѣстности исповѣдуютъ христіанскую религію, хотя, впрочемъ, имѣютъ весьма смутное понятіе объ обязаностяхъ, налагаемыхъ этою религіею. Слѣдующій анекдотъ можетъ служить доказательствомъ этому. Не зная какимъ образомъ добраться до Бомбея, я заключилъ формальное условіе съ капитаномъ *патамы* которую я нанялъ, за два фунта, до Гоа, и которая должна была сняться съ якоря *непремѣнно* на слѣдующій день. Наступилъ часъ отъѣзда; капитанъ неизвѣстно куда исчезъ. Я самъ отправился разъискивать его, чтобы узнать намѣренъ ли онъ ѣхать. Оказалось, что у него не только нѣтъ этаго намѣренія, но онъ даже прямо объявилъ, послѣ разныхъ отговорокъ, что онъ вовсе не располагаетъ везти меня. Тогда я потребовалъ у него объясненіе въ присутствіи двухъ пор-

Танджорскій дворецъ.

тугальцевъ. «Я везу двухъ браминокъ возразилъ онъ мнѣ; кто мнѣ поручиться за васъ? Если хотите—помѣститесь въ кухнѣ»; я былъ до того взбѣшенъ, что едва не вцѣпился ему въ волосы.

Будучи вынужденъ оставить планъ морскаго путешествія, я остался въ Гонерѣ, гдѣ и прожилъ до 14 апрѣля, проводя время преимущественно въ чтеніи. Кромѣ того, я ходилъ регулярно купаться въ морѣ, переполненномъ разными чудовищами. Вечеромъ 13 числа, прогуливаясь по набережной, я увидалъ какъ къ берегу причаливали двѣ маленькія браминки, украшенныя цвѣтами, въ сопровожденіи своихъ мужей; всѣмъ имъ вмѣстѣ можно было дать не болѣе 50 лѣтъ.

Мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ отправиться сухимъ путемъ въ Кумпта, съ тѣмъ чтобы тамъ ожидать котораго нибудь изъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Калькуттой и Бомбеемъ. 14 апрѣля, въ 4 часа утра, я отправилъ свои вещи съ кули (носильщиками), въ сопровожденіи Себастьяна; самъ же двинулся въ путь часовъ въ 10, послѣ завтрака. Мнѣ предстояло пройти пѣшкомъ около 21 версты по глубокому песку. Дорога шла по открытому мѣсту, и солнце пекло нестерпимо. Умирая отъ жажды, я остановился въ одной изъ безчисленныхъ деревень, и попросилъ сорвать мнѣ кокосовыхъ орѣховъ, молоко которыхъ утолило на время мою жажду. Во многихъ мѣстахъ дорога пересѣкается рѣчками, черезъ которыя устроены массивные каменные мосты, за исключеніемъ одной, черезъ которую мнѣ пришлось переправиться на паромѣ.

Часа черезъ четыре я былъ уже въ Кумпта, городѣ замѣчательномъ въ томъ отношеніи, что здѣсь нагружается большая часть дорварскаго хлопка, идущаго въ Бомбей а оттуда въ Европу. Переправившись на паромѣ черезъ широкую прозрачную рѣку, я отправился бродить по базарамъ, гдѣ лавочники съ удивленіемъ посматривали на меня, какъ на новое незнакомое имъ лицо. Затѣмъ я взобрался на скалистый холмъ, который возвышается надъ всѣмъ городомъ. На этомъ холмѣ расположенъ великолѣпный бунгаловъ, самый живописный изъ всѣхъ, въ которыхъ мнѣ случалось останавливаться. Позади, на востокѣ, возвышается голубоватая цѣпь малабарскихъ горъ, отъ которыхъ я былъ отдѣленъ пустыннымъ плоскогорьемъ. Внизу подо мной, на западѣ, раскинулся городъ *Кумпта* съ его домами, скрывающимися въ зелени сосновыхъ деревьевъ; дальше тянется мысъ, оканчивающійся прекраснымъ маякомъ, а затѣмъ разстилается поверхность океана, облитая яркими лучами солнца.

Я провелъ здѣсь около двухъ недѣль, занимаясь чтеніемъ, бродя

по окрестностямъ и купаясь въ морѣ, близъ самаго берега. Я одинъ занималъ этотъ маленькій дворецъ, который не промѣнялъ бы на Тюльерійскій, и размышлялъ, не скажу, чтобы среди изобилія и роскоши, но за то среди абсолютной тишины, о продолжительности моего путешествія, которое, какъ мнѣ казалось, должно было скоро окончиться.

17-го числа пріѣхалъ изъ Бомбея одинъ негоціантъ, торгующій хлопкомъ, нѣкто г. Робинсонъ, съ которымъ я провелъ три дня самымъ пріятнымъ образомъ, во первыхъ, слушая его поучительную бесѣду, во вторыхъ пользуясь его необыкновенно роскошнымъ столомъ. Онъ горько жаловался мнѣ на судебный порядокъ, существующій въ Бомбейскомъ президенствѣ. Англійскіе суды не принимаютъ къ своему разсмотрѣнію дѣлъ, цѣнность которыхъ менѣе тысячи фунтовъ, Всѣ остальныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію туземныхъ судовъ, которые часто откладываютъ разбирательство на годъ, а иногда и на два. По этому поводу онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую забавную исторію.

Одинъ браминъ взялся построить домъ въ опредѣленный срокъ, за 120 франковъ, которые онъ получилъ впередъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а онъ и не думалъ приступать къ постройкѣ дома. На него подали жалобу въ туземный судъ, которой отложилъ разсмотрѣніе дѣла на девять мѣсяцевъ. Но такъ какъ это распоряженіе не могло, конечно, понравиться тому, кто желалъ какъ можно скорѣе имѣть домъ, то съ этимъ строителемъ поступили слѣдующимъ образомъ. Въ одну прекрасную ночь было сдѣлано нападеніе на его домъ, и все его имущество унесли, зная, что онъ тотчасъ же прибѣгнетъ къ защитѣ правосудія. Такъ дѣйствительно и случилось. Но судъ отвѣтилъ, что онъ разсмотритъ его жалобу не раньше какъ черезъ два года, и потому несчастный браминъ, чтобы получить обратно свое имущество, долженъ былъ согласиться на тѣ условія, какія ему предложили. Прежде всего онъ заплатилъ съ процентами эти 120 франковъ, и затѣмъ немедленно приступилъ къ постройкѣ дома.

Г. Робинсонъ изобразилъ мнѣ, самыми мрачными красками, характеръ всѣхъ туземцевъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не исключая и самыхъ богатыхъ, которые унижаются до самыхъ ужасныхъ подлостей, чтобы выгадать нѣсколько рупій.

Ему предстояла довольно трудная задача пріобрѣсти ихъ расположеніе, послѣ того какъ онъ уничтожилъ почти всю ихъ торговлю на этомъ берегу, своими громадными торговыми операціями. Онъ возлагалъ большія надежды на производство хлопка въ Дорварѣ,

хотя самъ признавался, что здѣшній хлопокъ значительно уступаетъ американскому. Кромѣ того, онъ говорилъ, что для того, чтобы дѣло это шло успѣшно, онъ долженъ самъ ежегодно проводить въ самой дикой мѣстности, среди болотъ и хищныхъ животныхъ, все дождливое время года, когда нѣтъ почти никакой возможности выходить изъ дому и когда поневолѣ приходиться жить анахоретомъ.

Весь хлопокъ съ окрестныхъ мѣстностей отправляется черезъ Кумпту, въ ожиданіи пока не будетъ исправлена гавань Садашевагуръ которая лежитъ верстъ на 30 ближе къ сѣверу, и представляетъ гораздо болѣе удобства. Хлопокъ этотъ изъ Бомбея отправляется въ Европу на превосходныхъ судахъ, которыя догружаются зернами, клещевиной, рогами буйволовъ, оленей и т. д.

Я поджидалъ каждый день парохода, идущаго изъ Каликутты въ Бомбей, и послѣ обѣда, обыкновенно, бесѣдовалъ съ г. Робинсономъ, вдыхая прохладный вѣтеръ, который бушевалъ подъ нашей верандой. Во время одной изъ подобныхъ бесѣдъ мой собесѣдникъ вдругъ вскочилъ въ испугѣ и вскричалъ: «взгляните, по потолку что-то ползетъ!» И, дѣйствительно, то была красивая большая змѣя, которая взобралась на крышу по колоннамъ веранды, прогрызла крышу и помѣстилась въ моей комнатѣ, быть можетъ съ очень давнихъ поръ, проводя ночь надъ моею постелью и угрожая каждую минуту упасть мнѣ на лицо.

У г. Робинсона былъ двуствольный карабинъ; онъ поспѣшилъ пойдти за нимъ и выстрѣлить въ чудовище. Первый выстрѣлъ попалъ ему въ голову, но не убилъ его; второй разорвалъ ему всю грудь; но и послѣ этого змѣя все еще продолжала биться въ предсмертныхъ мукахъ; тогда мы вооружились огромнымъ шестомъ, намотали на него змѣю и хлопнули имъ объ полъ съ такою силою, что полъ задрожалъ. Но чудовище лишилось окончательно жизни только послѣ того, какъ мы раздавили его громадную голову нашими каблуками. Убитая нами змѣя имѣла около 6-ти футовъ длины и была толщиною въ кулакъ. Я полагаю, что она вѣсила не менѣе 35-ти фунтовъ. Она принадлежала къ очень распространенной породѣ удавовъ, которые, какъ извѣстно, не ядовиты. Вечеромъ я вынесъ это чудовище на дворъ, разложилъ его на спину, такъ чтобы грудь его освѣщалась луной, и чтобы такимъ образомъ оно служило пугаломъ для другихъ змѣй, которыя возымѣли бы желаніе, подобно ей, осквернить наше жилище.

Этотъ бунгалоу пользовался, впрочемъ, очень дурной репутаціей; потому что подъ нимъ находился естественный погребъ, въ которомъ,

какъ говорили, однажды былъ убитъ леопардъ и гдѣ въ настоящее время обитаютъ дикобразы.

Я знаю только то, что съ того времени я не имѣлъ ни одного дня покоя, особенно послѣ отъѣзда моего товарища, который вскорѣ отправился въ Дарваръ, слѣдуя верхомъ на лошади за нѣсколько дюжинами возовъ, нагруженныхъ разною утварью и прислугой. Все то, что въ другой странѣ было бы достаточнымъ для продовольствія цѣлаго полка, здѣсь было необходимо для одного человѣка. Г. Робинсонъ былъ еще настолько наивенъ, что вѣрилъ въ честность своего дворецкаго, который накунѣ торжественнаго отъѣзда пригласилъ къ себѣ, по секрету (какъ я впослѣдствіи узналъ отъ Себастьяна) своихъ знакомыхъ, и угощалъ ихъ виномъ изъ погреба своего господина.

Нѣсколько дней спустя я узналъ въ Бомбеѣ, что одинъ изъ моихъ утакамундскихъ друзей былъ жестоко обманутъ своимъ слугой, котораго онъ считалъ за честнаго человѣка и который ушелъ отъ него, забравъ съ собою весь господскій гардеробъ. Какое невыгодное понятіе можно составить о странѣ, гдѣ нѣтъ возможности найдти честную прислугу!

Кассиръ парахода, отправляющагося въ Бомбей, запрашивалъ, обыкновенно съ неопытныхъ пассажировъ тридцатью процентами больше противъ назначенной цѣны. Правительство знало объ этомъ плутовствѣ, но такъ какъ оно было увѣрено, что всѣ старанія найдти честнаго человѣка, который могъ бы замѣнить его, будутъ тщетны, то и не увольняло его отъ должности. Кассиръ этого парохода не былъ однако чисто азіатской породы: въ его жилахъ текла доля португальской крови, той выродившейся крови, которая произошла отъ смѣшенія португальцевъ съ подонками человѣчества. Въ Гоа, какъ и въ Макао, существуетъ какое-то выродившееся племя, не имѣющее въ настоящее время даже и названія, представляющее соединеніе коварства и тщеславія въ нравственномъ отношеніи, и смѣсь всевозможныхъ цвѣтовъ въ физическомъ. А между тѣмъ это племя, которому остается только снова перейдти въ язычество, чтобы спуститься на послѣднюю ступень человѣческаго развитія, возникло на родинѣ Васко де Гама и Альбукерка; послѣдній умеръ въ древней Гоа,—нынѣ совершенно забытомъ городкѣ, но который нѣкогда былъ центнеромъ его могущества. Англичане, которые никогда не прощаютъ тщеславія и тѣмъ болѣе лицемѣрія, питаютъ непреодолимое отвращеніе къ этому племени вообще и къ каждому члену его

въ отдѣльности. Впрочемъ, считаю долгомъ замѣтить, что я зналъ между португальскими метисами людей очень достойныхъ, во первыхъ, въ Гонерѣ, затѣмъ въ Кумптѣ, какъ, напр., священника, человѣка необыкновенно умнаго, любезнаго и дѣятельнаго. Я не могу того же самаго сказать о начальникѣ конторы пароходовъ, который имѣлъ дерзость, на свободной землѣ, принадлежащей Англіи, потребовать у меня мои бумаги, безъ чего не хотѣлъ выдать билета въ Бомбей.

Такъ какъ этотъ господинъ внушалъ мнѣ сильное отвращеніе, и такъ какъ я отчаялся дождаться парахода, то я отправился наводить справки о *патамахъ*, которыя въ большомъ числѣ отходили на сѣверъ. Между ними было много очень большихъ, вмѣщавшихъ въ себѣ около двухъ-сотъ тоннъ.

Всѣ онѣ были въ высшей степени неуклюжи и очень тяжелы. Онѣ имѣли двѣ мачты, наклоненныя впередъ, на вершинѣ которыхъ развѣвался единственный парусъ, рея котораго одинаковой длины съ судномъ упиралась въ обѣ мачты. Что же касается блоковъ, гарделей и внутренняго убранства, то въ этомъ отношеніи патамы напоминали наши корабли, а по безпорядку, царствовавшему на нихъ, походили на суда, перевозящія уголь.

Я очень желалъ прокатиться на патамѣ, чтобы быть въ состояніи судить о томъ, насколько индусы, не обладающіе ни достаточнымъ хладнокровіемъ, ни силой, способны къ мореплаванію. За нѣсколько рупій можно проѣхать на патамѣ нѣсколько сотъ верстъ, безъ малѣйшаго риска быть убитымъ; но такъ какъ всѣ онѣ тяжелы на ходу и часто не имѣютъ буссоли, то обыкновенно плаваютъ очень медленно вдоль береговъ, и, пускаясь въ путь въ концѣ апрѣля, я долженъ былъ опасаться не только сильныхъ восточныхъ вѣтровъ, но и свирѣпыхъ бурь, которыя обыкновенно слѣдуютъ за муссономъ. Послѣдній господствуетъ 4 мѣсяца въ году, начиная съ конца мая, когда дуетъ непрерывно юго-западный и юго-восточный вѣтеръ, сопровождаемый проливными дождями. Въ этотъ періодъ времени суда поневолѣ отдыхаютъ, и только самые большіе пароходы компаніи *«Восточнаго судоходства»* дерзаютъ бороться съ бурною поверхностью моря.

Европеецъ, который пріѣхалъ бы въ это время года на малабарскій берегъ, подумалъ бы что начинается свѣто-преставленія. Молнія разсѣкаетъ небо по всѣмъ направленіямъ въ одно время и придаетъ, ночью, всей природѣ видъ огромной печи. Горы, окруженныя равнинами, превратившимися въ озера, окрашиваются какимъ-то

кровяннымъ цвѣтомъ, и цѣлые потоки воды низвергаются съ высоты съ такой силою, что отскакиваютъ отъ земли на нѣсколько футовъ высоты. Въ это время нѣтъ никакихъ дорогъ, склоны горъ представляютъ ничто иное, какъ дымящіеся водопады грязи, и среди этого всеобщаго разрушенія на бушующей поверхности моря не можетъ держаться ни одно судно.

Это время года имѣетъ только одну хорошую сторону,—это пониженіе температуры: потому оно и считается самымъ здоровымъ временемъ въ году.

Уже въ моемъ бунгаловѣ въ Кумптѣ, гдѣ я такъ долго наслаждался полнѣйшею независимостью, ночной вѣтеръ, который съ каждымъ днемъ становился все сырѣе и сырѣе, началъ нарушать мое ночное спокойствіе, такъ что я былъ принужденъ закутываться въ одѣяло. Кокосовыя деревья, растущія на берегу, уныло склоняли свои головы, камни въ пустынѣ издавали меланхолическіе звуки, бумаги и книги разлетались по комнатѣ. Я радовался отчасти, что, наконецъ, наступили менѣе жаркіе дни, хотя въ то же время не разъ сожалѣлъ о безоблачномъ голубомъ небѣ.

19-го ч. вѣтеръ былъ сѣверный и несъ воздухъ, сильно насыщенный парами. Температура все еще показывала 32°. Почти каждый вечеръ доносились до меня изъ города пѣсни туземцевъ и дикіе звуки ихъ музыки. Но на этотъ разъ около полуночи музыка превратилась въ такой адскій гвалтъ, что я подумалъ, что происходитъ народное возмущеніе. Вскорѣ я увидалъ какихъ-то страшныхъ субъектовъ, съ горящими факелами въ рукахъ; за ними шло цѣлая процесія жрецовъ, окруженныхъ опахалами и дождевыми зонтиками. Весь этотъ кортежъ приближался къ подножію моего холма, оглушая меня своимъ бѣшенымъ ревомъ. Я подумалъ, что они идутъ дѣлать нападеніе на мое жилище: иначе что же могло означать это шествіе? Но вскорѣ я увидалъ, что это ни болѣе-ни менѣе, какъ самая невинная церемонія закладки новой пагоды. Я самъ пошелъ имъ на встрѣчу, и спрятался въ толпѣ, окружавшей импровизированный алтарь, разукрашенный золотомъ и гирляндами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть воздвигнуты священыя стѣны. Тутъ было все: алтарь, восковыя свѣчи и жрецы въ нарядныхъ ризахъ. Однимъ словомъ, съ самаго небольшаго разстоянія, зажавъ себѣ уши и носъ, можно было принять эту церемонію за освященіе христіанскаго храма. Я не думаю обвинять индусовъ въ нечистоплотности, но они отличаются какимъ-то особеннымъ, своимъ собственнымъ запахомъ. Всякій, вѣроятно, со-

гласится, что нѣтъ на свѣтѣ толпы болѣе грязной, болѣе неблаговоспитанной и болѣе грубой, чѣмъ наша европейская чернь. Въ Индіи, какъ и въ Китаѣ, въ самой густой толпѣ, всякій старается не наступить вамъ на ноги; васъ никто не толкаетъ кулаками; самое большое, что обшарятъ ваши карманы, и если иногда европеецъ испытываетъ грубое обращеніе, то это происходитъ оттого, что онъ ставитъ себѣ за особенную честь вести себя какъ можно неприличнѣе.

Азіятцы, почти всѣ безъ исключенія, до такой степени вѣжливы, что они скорѣе ограбятъ васъ, чѣмъ толкнуть при встрѣчѣ. Благодаря этому обстоятельству, я никогда не чувствовалъ себя стѣсненнымъ, даже среди самой многолюдной толпы въ Индіи и въ Китаѣ. Какъ только меня замѣтили на кумптскомъ праздненствѣ, всѣ стали сторониться, чтобы дать мѣсто европейцу, который почтилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Кто-то отправился даже за стуломъ для меня, но я предпочелъ стоять, въ ожиданіи прихода баядерокъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ праздникъ въ Индіи. Имъ платятъ обыкновенно 25 франковъ въ вечеръ. Я подалъ одной изъ танцовщицъ рупію съ условіемъ, чтобы она дѣлала свой знаменитый фокусъ, о которомъ уже говорилъ. Она положила эту монету на полъ, между своими прекрасными ногами, и стала тихонько опрокидываться назадъ, до тѣхъ поръ пока она не коснулась лицомъ до рупіи; но вмѣсто того, чтобы поднять монету глазомъ, какъ я просилъ ее, она подняла ее ртомъ. Я попросилъ ее повторить еще разъ этотъ опытъ, и онъ удался какъ нельзя лучше, послѣ чего она меня поблагодарила съ довольно граціозной улыбкою. Ни одна изъ нихъ не была красива, но всѣ были довольно миловидны. Ни одинъ жестъ, ни одно непристойное движеніе не изобличало ихъ жалкаго ремесла, и скорѣе сожалѣніе, чѣмъ презрѣніе возбуждаютъ эти несчастныя женщины. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи мы конечно стоимъ ниже многихъ другихъ племенъ. Самыя низкіе образчики человѣческой породы встрѣчаются въ европейскихъ и американскихъ кабакахъ, гдѣ пьяные отличаются такимъ скотскимъ видомъ, какого не найдемъ у народа, стоящаго на самой низкой степени развитія.

Наконецъ, 26-го апрѣля, послѣ 12-тидневныхъ ожиданій, я сѣлъ на пароходъ съ однимъ почтеннымъ протестантскимъ проповѣдникомъ, который пріѣхалъ изъ внутреннихъ провинцій и отправлялся въ Бомбей. Это отвратительное судно употребило три дня, чтобы проѣхать 300 съ небольшимъ миль. Вообще это плаваніе было по-

вторенiе моего плаванiя по Балтiйскому морю:—скверная пища, баснословно дорогiя цѣны, ни одной каюты, и нѣсколько сотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, валявшихся другъ на другѣ, на палубѣ, такъ что положительно не было ни малѣйшей возможности пройти. Вотъ среди какой обстановки завершилъ я свое путешествiе по полуострову.

На слѣдующiй день мы остановились въ нѣсколько миляхъ отъ новаго Гоа, отстоящаго на 8-мь верстъ отъ *стараго Гоа*, о которомъ почти ничего не могу сказать, такъ какъ не имѣлъ времени сойти на берегъ. Мы бросили якорь въ портѣ, который считается лучшимъ въ этой части Индiи. Онъ представляетъ цѣлый лабиринтъ острововъ, чрезвычайно населенныхъ, и имѣетъ иногда до тысячи жителей на одну квадратную версту. Старый Гоа былъ въ шестнадцатомъ столѣтiи богатымъ и красивымъ городомъ. Въ настоящее время въ немъ сохранились, нѣсколько красивыхъ церквей, между которыми замѣчательнѣе всѣхъ церковь святаго Каетана, построенная, такъ говорятъ, по образцу собора св. Петра въ Римѣ. Кромѣ того заслуживаетъ вниманiя нѣсколько старыхъ дворцовъ разукрашенныхъ картинами великихъ мастеровъ, монастыри, соборъ и полуразвалившееся зданiе, гдѣ въ теченiе долгаго времени засѣдало инквизицiонное судилище. Природа здѣсь восхитительная. На горизонтѣ, посреди роскошной равнины, тянется цѣпь Гатскихъ горъ, пересѣкая облака, а лазуревоголубой рейдъ кажется горнымъ озеромъ.

Эта классическая страна манговаго дерева. Плоды его чрезвычайно вкусны, но нужно замѣтить, что чрезмѣрное употребленiе ихъ влечетъ за собой мучительную накожную сыпь, столь обыкновенную въ Индiи и прозванную англичанами «Prickly heat».

Во время этой болѣзни, которая продолжается иногда нѣсколько недѣль, все тѣло покрывается красными бутонами, и у больнаго является зудъ, продолжающiйся день и ночь. О Гоа я могу сказать, что, по дешевизнѣ жизни, это одинъ изъ первыхъ городовъ во всемъ мiрѣ. Цѣлое семейство можетъ въ немъ жить съ комфортомъ на три тысячи франковъ въ годъ, а при шести тысячахъ франковъ даже роскошно. Часто проѣзжiе изъ Калькутты, и Бомбея останавливаются здѣсь на ночь, и если день воскресный, то ихъ приглашаютъ на балъ, которые даетъ еженедѣльно вицекороль и на которыхъ всегда бываетъ очень оживлено.

Спустя нѣсколько часовъ, мы были въ Вингурла, деревушкѣ лѣпившейся подъ кокосовыми пальмами, гдѣ я не нашелъ ничего

замѣчательнаго, кромѣ красиваго морскаго берега, множества очень опасныхъ скалъ и молодой джерсетской красавицы, лице, ростъ, костюмъ и вообще всѣ члены которой были верхомъ совершенства. Никогда воображенiе древнихъ ваятелей, ни Виргилiя, ни Рафаэля, не могло создать ничего болѣе божественнаго, и если бы не нравственное превосходство европейской женщины, то я никогда не призналъ бы ее царицей творенiя.

Въ Гоа и въ Вингурла мы приняли на бортъ большое количество туземцевъ, которые не мало забавляли меня; такъ какъ предразсудки ихъ касты не позволяли имъ питаться пищей, приготовленной на нашемъ суднѣ, и пить нашу воду, то каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ корзины, наполненныя манговыми плодами и кружки съ водой. Какъ ни смѣшны эти предразсудки, тѣмъ не менѣе нельзя не проникнуться нѣкоторымъ уваженiемъ къ людямъ, которые при всемъ ихъ малодушiи и безхарактерности, скорѣе согласятся умереть отъ голоду и жажды, чѣмъ притронуться къ пищѣ, приготовленной европейцами.

28-го ч. мы приставали къ берегу въ Ратна-гварѣ, который былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ при господствѣ маратовъ. Здѣсь производится въ январѣ и февралѣ ловля сардинокъ сѣтями. Рыболовы отличаются всѣ атлетическимъ тѣлосложенiемъ. Сардинки ловятся въ такомъ огромномъ количествѣ, что ихъ употребляютъ какъ удобренiе на поляхъ, засѣянныхъ рисомъ.

29-го числа на горизонтѣ сталъ обризовываться лѣсъ мачтъ, по лѣвую сторону котораго виднѣлась пропасть, оканчивающаяся маякомъ, а справа выдвигались горы съ суровыми очертанiями. Мы осторожно вступили въ бомбейскiй рейдъ, съ котораго ничего не было видно, кромѣ огромнаго форта, даже ни одного дома. Море и всѣ набережныя были покрыты клочьями хлопка; за исключенiемъ этого, городъ не представлялъ ни малѣйшаго сходства съ величественнымъ амфитеатромъ столицы Луизiаны. Стоя на якорѣ подъ черными стѣнами форта, обмываемаго моремъ, едва можно повѣрить, что здѣсь существуетъ не только городъ, но даже самая ничтожная деревушка. Не такими предстали передъ нами Калькутта и Мадрасъ; но за то какъ блѣдны и ничтожны ихъ окрестности сравнительно съ роскошною растительностью, окружающую Бомбей съ его болотами и рѣками. Этотъ городъ за его климатъ прозванъ *могилою европейцевъ*, но, въ нѣсколько миляхъ отъ него, въ горахъ, куда идетъ желѣзная дорога, есть плоскогорья, на которыхъ всегда прохладно, и

гдѣ климатъ почти такой же умѣренный, какъ въ Англіи. Этимъ плоскогорьямъ обязанъ я возстановленіемъ своего здоровья, которое скоро разстроилось во вредной атмосферѣ столицы, несмотря на то, что я пріѣхалъ туда уже по окончаніи самыхъ сильныхъ жаровъ.

Я не берусь описывать въ подробности этотъ обширный городъ, имѣющій отъ шести до семи сотъ тысячъ жителей. Я провелъ здѣсь только два мѣсяца, и все это время заботился о томъ, чтобы найти такое мѣсто, гдѣ можно дышать, хоть сколько нибудь, здоровымъ воздухомъ. Общій видъ этого города довольно величественъ. Улицы широкія и длинныя, дома необыкновенно высокіе, очертанія форта очень красивы и по безконечному разнообразію костюмовъ всевозможныхъ азіатскихъ народовъ, толпящихся на улицахъ, Бомбей представляетъ такое зрѣлище, подобное которому едва ли можно найти гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Во первыхъ, тутъ можно встрѣтить богатыхъ парсовъ, въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ, поклонниковъ огня, потомковъ Зароастра. Они составляютъ 4-ю часть всего населенія. Затѣмъ слѣдуютъ арабы съ ихъ огромными чалмами, жиды и факиры, персіане, кочевники пустынь средней Азіи, китайцы, нубійцы и кафры. Нигдѣ нельзя встрѣтить такой пестроты цвѣтовъ и такого смѣшенія языковъ, какъ на этихъ зловонныхъ базарахъ Бомбея.

Городъ этотъ раздѣляется на три части. На югѣ лежитъ островокъ Калаба, заканчивающійся маякомъ и усѣянный домами съ хорошенькими садиками. Ближе къ сѣверу, на островѣ Бомбей, находится полукруглый фортъ, построенный португальцами. Стѣны его вмѣщаютъ въ себѣ около 1,000 пушекъ и сто тысячъ жителей. Здѣсь находится большая часть магазиновъ, всевозможныя конторы, городская ратуша, протестантскій соборъ и знаменитые гидравлическіе прессы для прессованія хлопка, изъ которыхъ каждый можетъ приготовлять семь кипъ въ часъ.

Пройдя площадь (или *Майданъ*), за которой тянется Марсово поле, ограниченное съ запада моремъ и усѣянное исполинскими цистернами, мы вступаемъ въ главный городъ съ его безчисленными базарами и его храмами, посвященными огню. Въ концѣ главнаго города, простирающагося на нѣсколько верстъ находятся дворецъ богатаго парса, возведеннаго королевой въ званіе баронета, сэра Джамеиджи Джиджибой, клубъ, ботаническіе сады; за тѣмъ на холмѣ надъ моремъ построены погребальныя башни парсовъ, которые выставляютъ здѣсь своихъ покойниковъ на съѣденіе коршунамъ.—Я не стану разбирать религію и нравы всѣхъ народностей, обитаю-

щихъ въ Бомбеѣ, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко, я позволю себѣ только обратить вниманіе читателя на парсовъ, которые по ихъ значительному числу придаютъ особый колоритъ всему городу.

Это народъ самый промышленный во всемъ мірѣ, самый ловкій и что всего замѣчательнѣе, живя въ Азіи, отличается примѣрною нравственностью. Хотя религія ихъ представляетъ смѣсь самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій, тѣмъ не менѣе это люди очень умные и очень способные. Всѣ они хорошо знаютъ англійскій языкъ, и многіе изъ нихъ говорятъ на немъ какъ природные англичане. Подобно квакерамъ, они поддерживаютъ своихъ бѣдныхъ и тратятъ заработанныя деньги на полезныя дѣла и всякаго рода общественныя работы. Весь край знаетъ о безграничной филантропіи покойнаго Джаминджи Джиджибоя, который щедро жертвовалъ милліоны. Ихъ можно упрекнуть только за ихъ смѣшное тщеславіе и высокомѣріе, которое объясняется тѣмъ фактомъ, что почти вся бомбейская торговля находится въ ихъ рукахъ. Тщеславіе, свойственное всѣмъ мелкимъ умамъ, есть общій недостатокъ всѣхъ азіатцевъ, начиная съ послѣдняго лавочника, купившаго себѣ кольцо изъ фальшиваго золота, до парса, бомбейскаго милліонера, разъѣзжающаго въ каретахъ съ кучеромъ англичаниномъ въ напудренномъ парикѣ. Всякій парсъ *снобсъ* въ полномъ смыслѣ этого слова, и вы привели бы его въ бѣшенство, если бы вздумали предложить сформировать отрядъ парсійскихъ волонтеровъ, какъ это сдѣлали бомбейскія газеты, когда имъ вообразилось, что французскія войска намѣрены напасть на ихъ городъ и редакціи. Признаюсь, что всякій, кто видѣлъ почтенныхъ парсовъ въ ихъ длинныхъ платьяхъ, съ выдвинутымъ впередъ туловищемъ, съ раскрашенной картонной митрой на затылкѣ и съ коротенькими ногами, тотъ невольно расхохочется при одной мысли о подобномъ отрядѣ. Я не могу представить себѣ безъ смѣха бѣлую армію изъ парсовъ, верхомъ на боевыхъ коняхъ, съ очками на глазахъ и съ маленькими космами баковъ, или эскадронъ парсовъ, ведущій аттаку противъ непріятеля. Я глубоко уважаю парсовъ за ихъ честность, ихъ доброе сердце; я видѣлъ какъ отцы носили своихъ дѣтей на рукахъ, какъ они ласкали ихъ и покупали имъ пирожки; я видѣлъ парсовъ, которые писали статьи въ журналахъ; но парсъ съ оружіемъ въ рукахъ, стремительно нападающій на французскія батареи,—эта картина до такой степени комична, что могла быть изобрѣтена только празднымъ воображеніемъ колоніальнаго публициста.

Къ сожалѣнію, я ничего не могу сообщить о религіозныхъ церемоніяхъ парсовъ, такъ какъ меня не впустили въ храмы, посвященные огню, который горитъ неугасаемо съ незапамятныхъ временъ. Парсъ никогда не куритъ, но онъ охотно помогаетъ тушить пожары. Онъ обыкновенно отправляется смотрѣть на закатъ солнца на берегъ къ западу отъ Майдана, гдѣ они собираются въ большомъ количествѣ и повергаются всѣ на землю передъ заходящимъ свѣтиломъ, шепчутъ молитвы на гуджератскомъ нарѣчіи, которое они себѣ усвоили. Это люди серьезные и глубоко религіозные, хотя дѣти ихъ отличаются необыкновенною веселостью и рѣзвостью. Я помѣстился въ одной парсійской гостиницѣ, расположенной въ фортѣ, такъ какъ отель, находящійся въ сѣверной сторонѣ города, слишкомъ удаленъ отъ моря. Въ Бомбеѣ нѣтъ первоклассной гостиницы, какъ въ Калькуттѣ, и потому туристъ мало мальски требовательный долженъ поселиться въ клубѣ, гдѣ однако содержаніе обходиться очень дорого. Въ Бомбеѣ нѣтъ никакихъ развлеченій; это исключительно коммерческій городъ. Многіе милліонеры продолжаютъ вести торговлю по привычкѣ, и никто не живетъ въ немъ ради удовольствія. Онъ имѣетъ только то весьма важное преимущество передъ двумя другими столицами Индіи, что на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды здѣсь есть прекрасное убѣжище для больныхъ и страдающихъ скукой.

Это *Пуна*, городъ лежащій въ прекрасномъ климатѣ, на высотѣ шести тысячъ метровъ, а нѣсколько дальше городъ *Махабалесваръ* на высотѣ приблизительно въ 1,500 футовъ, съ европейскимъ климатомъ. Къ этимъ-то горамъ я направилъ свои шаги, послѣ пяти дней, проведенныхъ въ Бомбеѣ, гдѣ здоровье мое уже начинало разстроиваться.

2-го мая, сѣвъ на желѣзную дорогу, идущую въ Пуна, на островѣ Бомбаѣ, я стрѣлой пролетѣлъ мимо богато-воздѣланныхъ полей, которыя процвѣтаютъ здѣсь, благодаря влажности воздуха и частымъ проливнымъ дождямъ. Вскорѣ сталъ ясно обрисовываться причудливый профиль Гатскихъ горъ, съ ихъ терассами, выточенными какъ будто нарочно искусной рукой и оканчивающимися страшными пропастями, почернѣвшими отъ дождя. По направленію къ Нарелю, который служитъ мѣстомъ пикниковъ для бомбайскаго общества, виднѣлись вершины совершенно обнаженныхъ скалъ самыхъ разнообразныхъ очертаній. Я пройду молчаніемъ пещеры *Салсетты* и *Тана*— всѣ эти будійскіе храмы, вырытые на склонахъ горъ, и извѣстные мнѣ только по книгамъ,—тѣмъ болѣе, что мнѣ удалось видѣть са-

мые великолѣпные образчики въ этомъ родѣ—храмы Эллоры, о которыхъ я и разскажу въ свое время. Оставивъ за собою, по правую руку каменныя стѣны 400 метровъ вышины, увѣнчанныя массивными скалами, мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ къ подножію цирка, который на первый взглядъ кажется неприступнымъ даже для пѣшехода. Мы были на станціи Кампули, возвышающейся всего на 60 метровъ надъ уровнемъ моря, несмотря на то, что она удалена отъ Бомбая на 120 верстъ.

Нужно было добраться до маленькаго бунгалоу, расположеннаго на самомъ краю пропасти на высотѣ 500 метровъ, такъ что онъ едва видѣнъ съ низу. Такъ какъ по желѣзной дорогѣ, разумѣется, невозможно подъѣхать прямо къ бунгалоу, хотя она и поднимается нѣсколько далѣе зигзагами на эту крутую стѣну, съ средней наклонностью 1—48, то мы усѣлись въ экипажи и въ паланкины, и, сдавъ вещи носильщикамъ, переправились на волахъ черезъ страшный Боргатъ, по широкой, но чрезвычайно крутой дорогѣ. Замѣчательно, что на высотѣ 100 метровъ надъ Кампули климатъ уже умѣреннѣе, воздухъ не такъ тяжелъ и нѣтъ уже того палящаго зноя. При каждомъ поворѣ дороги мы вступали въ болѣе холодный поясъ, и наконецъ очутились подъ тѣнью деревьевъ, хорошо извѣстныхъ въ Европѣ, на станціи Кандала, расположенной на вершинѣ вулканическаго склона на высотѣ 600 метровъ надъ уровнемъ моря. На пространствѣ шести верстъ мы сдѣлали болѣе сорока поворотовъ, и все время любовались самыми разнообразными пейзажами. Справа возвышается страшная скала «*Duke's nose*» (носъ-принца) — передовой стражъ на туманныхъ склонахъ Конкана.

Позади насъ осталась узкая долина, по краямъ которой находятся пропасти, покрытыя водопадами, а въ глубинѣ сцены сверкаетъ море широкой серебристой полосой. Наконецъ, передъ нами разстилаются роскошные зеленѣющіе луга, пересѣкаемые по мѣстамъ группами деревьевъ, луга—какихъ мнѣ не случалось видѣть даже въ Ирландіи.

Но вотъ новая станція, гдѣ насъ ждетъ поѣздъ, на которомъ мы покатимся на безпредѣльное плоскогорье Декана. Сядемъ въ вагонъ, хотя воздухъ такъ чистъ и такъ легокъ, что мы съ удовольствіемъ прошли бы верстъ 20 пѣшкомъ, однако по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся впередъ, равнина становится безплоднѣе; деревья исчезаютъ. Очевидно склоны этихъ горъ поглотили всю влагу и задержали всѣ облака, проходившія надъ ними. Мы очутились въ области ясной погоды, въ то время какъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу

дождь льетъ какъ изъ ведра уже четвертый мѣсяцъ, въ области, гдѣ безплодная пустыня заступила мѣсто живыхъ изгородей, рисовыхъ плантацій и кустарника изобилующаго тиграми.

Наконецъ мы пріѣхали въ Пуна, древнюю столицу маратовъ, въ настоящее время наполненную англійскими войсками и браминами.

Этотъ обширный городъ, съ сто-тысячнымъ населеніемъ, съ великолѣпными улицами, украшенными множествомъ храмовъ, расположенъ на берегу широкой рѣки съ цвѣтущими берегами и вѣтвистыми деревьями.

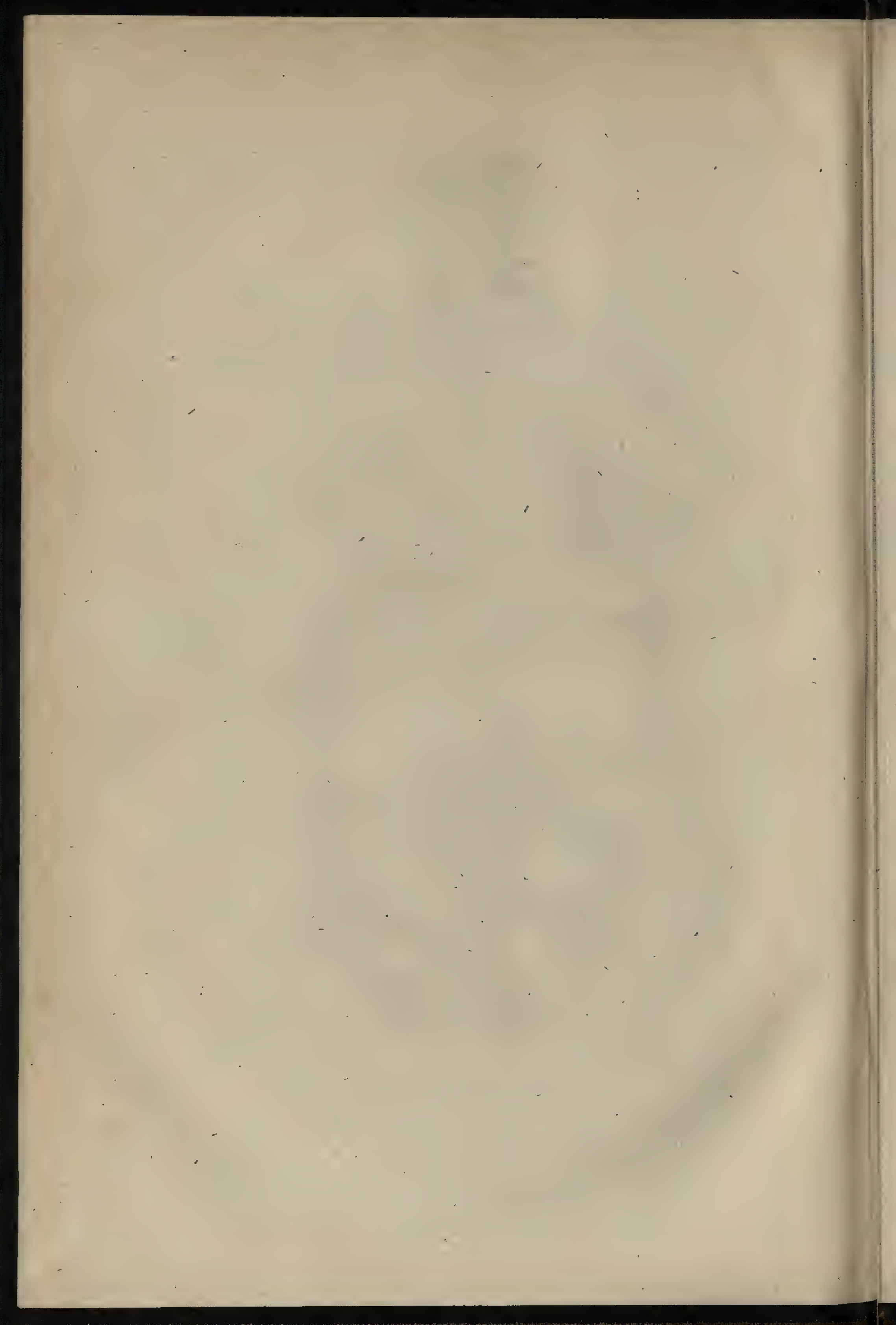
Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Пуны, къ западу, на холмѣ красуется храмъ *Парбати*, посвященный Шивѣ, жена котораго, въ одинъ необыкновенно жаркій день, расчесала себѣ руки, вслѣдствіе чего появился на свѣтъ маленькій божокъ, которому возведенъ храмъ въ Пунѣ. За этимъ холмомъ, еще далѣе на западъ, виднѣются, сквозь туманъ, очертанія высокихъ терассъ *Саттара* и четырехугольной горы *Сингъ-гаръ* (буквально львиная пещера), на вершинѣ которой красуется фортъ еще болѣе замѣчательный по своему положенію, чѣмъ знаменитая Китайская стѣна.

Оставивъ Пуну съ ея бунгалоу однимъ изъ лучшихъ во всей Индіи, съ ея мѣстами для прогулокъ и съ многочисленнымъ европейскимъ обществомъ, я отправился, 5-го мая, на живописную гору Сингъ-гаръ, въ открытой коляскѣ, которую, я нанялъ у одного изъ парсовъ, за 20 франковъ въ день. Термометръ показывалъ $38\frac{1}{2}°$ въ тѣни, на высотѣ въ 600 метровъ надъ уровнемъ моря. Я былъ очень доволенъ своей судьбой, и сожалѣлъ только о томъ, что оставался слишкомъ долго въ Бомбаѣ, гдѣ я уже успѣлъ схватить лихорадку, которая, къ счастію, повидимому не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій.

Проѣхавъ 18 верстъ отъ Пуны, я очутился у подножія горы, гдѣ меня оступило множество народа съ маленькими качелями въ рукахъ, предлагая снести меня на вершину горы. Подъемъ на гору слишкомъ крутъ для того, чтобы можно было употребить въ дѣло паланкинъ, а потому обыкновенно взбираются на эту гору, сидя на маленькой доскѣ привязанной веревками къ двумъ бамбуковымъ палкамъ, которыя покоятся на плечахъ четырехъ носильщиковъ. Я не сразу понялъ что хотятъ эти люди дѣлать со мной, такъ какъ я полагалъ, что мы будемъ взбираться пѣшкомъ. Я скользилъ въ разныя стороны, сидя на жесткомъ сидѣніи, покачиваясь какъ маятникъ со

Бомбейскій парсисъ.

стороны, въ сторону, по временамъ вскрикивая и всего болѣе опасаясь солнечнаго удара. Термометръ показывалъ въ это время 38° въ тѣни. Черезъ часъ я уже находился у воротъ крѣпости, занимающей всю вершину горы и имѣющей около двухъ верстъ въ окружности.

Крѣпость эта со всѣхъ сторонъ окружена бездонными пропастями, такъ что трудно понять, какимъ образомъ она могла быть взята два раза приступомъ. Первый разъ у храбрыхъ раджпутовъ мавалисами и затѣмъ въ 1818 году англичанами, которые не потеряли при этомъ ни одного солдата.

Въ настоящее время на этомъ высокомъ плоскогорьѣ стоятъ лишь бунгаловы, въ которыхъ живутъ европейцы, пріѣзжающіе сюда для поправленія здоровья въ этой чистой разрѣженной атмосферѣ на высотѣ 1,250 метровъ. Съ плоскогорья открывается великолѣпный видъ по направленію къ морю. Вдали красуется разорванная цѣпь Гатскихъ горъ съ ихъ обрывистыми пропастями, гдѣ никогда еще не была нога человѣка. Вѣтеръ постоянно бушуетъ у ихъ подножія и уничтожаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году всякую жизнь растительную и животную въ ихъ знойныхъ пустыняхъ, тогда какъ на вершинахъ всегда прохладно особенно во время дождей, которые безжалостно льютъ съ іюня до октября.

Трудно повѣрить, какое огромное количество дождя выпадаетъ на этихъ горахъ, особенно въ Махабалесварѣ въ дождливое время года. Какъ показываютъ наблюденія, однажды въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ выпало около 300 дюймовъ, т. е. болѣе 70 дюймовъ въ мѣсяцъ. Слѣдовательно, болѣе двухъ дюймовъ въ день, около 900 въ годъ!!! Бывали дни, когда количество выпавшаго дождя доходило до фута!!!

Я говорилъ уже, что у подошвы Синъ-гара температура была 38°; часъ спустя на вершинѣ, термометръ показывалъ пятью градусами менѣе, тогда какъ на берегу моря вѣроятно въ этотъ день было не менѣе 44° въ тѣни. Замѣчательно, что когда я спускался съ горы, я нашелъ туже самую разницу въ температурѣ. Во время спусканія я былъ страшно взбѣшенъ, когда мои носильщики стали требовать отъ меня, съ угрожающими жестами, двойную цѣну противъ условленной. Но я уже достаточно распространялся о недобросовѣстности индусовъ. О храмѣ Парбати я ничего не могу сообщить, потому что видѣлъ въ немъ только золотую статую Шивы, да и то очень плохо, такъ какъ жрецъ не подпустилъ меня къ ней на близкое разстояніе.

На обратномъ пути въ Пуна я познакомился съ двумя молодыми браминами, которые представили меня въ одно богатое туземное семейство, гдѣ я встрѣтилъ самую утонченную вѣжливость. Меня ввели въ залу меблированную на европейскій ладъ, и старшій сынъ молодой человѣкъ рѣдкой красоты, разукрашенный въ золото и шелкъ, обрызгалъ меня духами, и надѣлъ мнѣ на шею гирлянды изъ цвѣтовъ. Здѣсь я не замѣтилъ ни тѣни рабской угодливости. Напротивъ, въ манерахъ и взглядахъ моихъ хозяевъ было нѣчто царственное, и потому я счелъ долгомъ обращаться съ ними какъ съ равными себѣ, и я истощилъ весь мой запасъ комплиментовъ. Особенно старшій сынъ, въ шелковой мантіи въ чалмѣ длиною въ 50 аршинъ, вышитой золотомъ, и стоявшій въ красивой позѣ, показался мнѣ совершеннымъ актеромъ и въ тоже время аристократомъ. Я проникся къ нему такимъ уваженіемъ, что все время разсыпался въ любезностяхъ. Когда я уходилъ, онъ велѣлъ проводить меня на улицу съ факелами. Остальную часть вечера я провелъ въ своемъ бунгалоу предаваясь разнаго рода размышленіямъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Поѣздка къ Эллорскимъ храмамъ. — Тропическіе жары и лихорадка. — Путешествіе въ Шолапуръ и въ Нассикъ. — Прощаніе съ Индіей и со всѣми ея прелестями.

Трудно понять, какимъ образомъ разность высотъ надъ уровнемъ моря можетъ производить такую огромную перемѣну въ климатѣ, какую я нашелъ при переѣздѣ изъ Бомбея въ Пуна. Климатъ этихъ двухъ мѣстностей почти настолько же разнится, на сколько климатъ Сенегала отъ Англіи. Тѣмъ не менѣе, въ Пуна бываютъ совершенно африканскіе дни, какъ и вообще на всемъ обширномъ плоскогорьѣ Декана (этимъ именемъ неопредѣленно называется большая часть центральной Индіи между западными Гатскими горами и горами Бенгальскаго моря). Когда дуютъ жгучіе вѣтры, какъ это случилось, къ моему несчастію, во время моей поѣздки къ храмамъ Эллоры, дыханіе становится невозможнымъ, хотя испарина незначительна и воздухъ абсолютно сухъ. Чтобы добраться до этихъ знаменитыхъ храмовъ, лежащихъ подъ 20 с. ш., къ сѣверо-востоку отъ Бомбея, я нанялъ у одного парса маленькій кабріолетъ о двухъ колесахъ за 25 франковъ съ тѣмъ, чтобы онъ въ два дня доставилъ меня въ Арунгабадъ, мѣняя лошадей въ каждомъ бунгалоу. Арунгабадъ находится въ 218 верстахъ отъ Пуны, а Эллора 25 верстами дальше.

Я не помню ни одного предпріятія въ моей жизни, которое бы началось и кончилось такъ неблагополучно. Я пустился въ путь 6-го мая, рано утромъ, въ страшную жару. Едва успѣлъ я отъѣхать нѣсколько верстъ, какъ почувствовалъ сильную лихорадку и страшное утомленіе во всемъ организмѣ. Во второмъ бунгалоу въ Каринганѣ я уже смотрѣлъ совершенно равнодушно на огромный без-

образный обелискъ, воздвигнутый въ память англійскихъ героевъ, которые пали въ одной изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ съ кавалеріей маратовъ. Это неуклюжій кусокъ базальта, поставленный среди кладбища. Жалкій памятникъ, который свидѣтельствуетъ объ антипатіи англійскаго генія къ искусству. Странно, что вкусъ англичанъ не развивается, имѣя передъ глазами эту разнообразную и легкую архитектуру индусовъ, и что подобный безобразный памятникъ могутъ воздвигать рядомъ съ стройными пальмами и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ великолѣпныхъ храмовъ Эллоры?

Въ Серурѣ, гдѣ термометръ показывалъ 40° въ тѣни, я почувствовалъ себя такъ плохо, что отправился въ аптеку, содержимую однимъ туземцемъ, и просилъ его дать мнѣ какое-нибудь лекарство противъ лихорадки. Но онъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ этомъ, и я вышелъ изъ аптеки, досадуя на то, что существуетъ законъ, по которому больному путешественнику ничего болѣе не остается, какъ безропотно страдать или обратиться къ англійскому доктору, чтобы получить право купить какую нибудь дрянную микстуру, стоющую нѣсколько грошей, и за которую съ васъ возьмутъ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ.

Ни въ средней Азіи, ни въ Австраліи не видалъ я ничего болѣе ужаснаго, болѣе меланхоличнаго, болѣе безотраднаго, какъ эти раскаленныя равнины Декана. Я сомнѣваюсь, чтобы путешественники по центральной Африкѣ видѣли бы что либо столь же безобразное; какъ эти безконечныя пространства голой земли, песку или какъ эти обнаженные и разложившіеся холмы. Я искалъ между ними какой нибудь предметъ, на которомъ бы могъ отдохнуть мой взоръ, но ничего не нашелъ, кромѣ колеблющихся столбовъ дыма и пыли, среди которыхъ виднѣлось нѣсколько жалкихъ кустарниковъ. Вся атмосфера казалось была пропитана лихорадкой; ни одного животнаго, ни одного насѣкомаго не видать было нигдѣ. Солнце, подобно демону огня или могучей адской машинѣ, разрушало все, къ чему прикасалось. Въ полдень не было еще не капли тѣни, дулъ сильный вѣтеръ и наполнялъ эти знойныя равнины пылью, которая подымалась вверхъ столбомъ. Такимъ образомъ я прибылъ вечеромъ, совершенно истощенный, въ Амедъ-Нагаръ, послѣ 120 верстъ убійственнаго пути. Само собою разумѣется, я не пошелъ осматривать его храмы и мавзолеи и видѣлъ только бунгалоу, гдѣ я уснулъ при звукахъ военной музыки, утѣшаясь тѣмъ, что рядомъ со мной живутъ два европейца. Впрочемъ, когда мы пріѣхали, мнѣ показали стоявшее, во дворѣ бун-

галоу зданіе, гдѣ была вылита знаменитая пушка, которая въ настоящее время находится въ Биджапурѣ, — чудовищное орудіе, могущее, по словамъ туземцевъ, однимъ шумомъ своихъ выстрѣловъ опрокидывать огромныя зданія, которыя остались цѣлы и невредимы въ 1829 году, когда палили двухъ пудовыми зарядами. Исторія гласитъ, что нейгамъ Гассейнъ-Шахъ избравшій Ахмедъ-Нагеръ своей столицей и резиденціей, отразилъ въ 1854 году, подъ ея стѣнами одного раджу, по имени Рамъ, въ сраженіи, въ которомъ участвовало до ста тысячъ воиновъ. Въ этомъ же городѣ умеръ кровожадный Аурен гъ-Зебъ, достигнувъ почти столѣтняго возраста. Здѣсь же, въ 1857 году, была совершена казнь надъ семью сипайями, принимавшими участіе въ бунтѣ.

Я выѣхалъ отсюда на слѣдующій же день, принявъ предварительно лекарства, которыми меня снабдилъ одинъ изъ европейцевъ. Еще до полудня температура была выше 40° въ тѣни и не только я, но и лошади казалось были при послѣднемъ издыханіи. Въ деревнѣ Тока я переправился черезъ Годавери, которая въ этомъ мѣстѣ скорѣе похожа на ручей, чѣмъ на большую рѣку, хотя во время половодья она вѣроятно въ этомъ мѣстѣ еще весьма значительна. Выпивъ стаканъ очень скверной воды, вмѣсто обѣда, я перешелъ черезъ рѣку въ бродъ и вступилъ на обширныя территоріи Гайдерабадскаго низама. Я долженъ былъ поневолѣ остановиться, по причинѣ болѣзни, въ Деагаомѣ, откуда уѣхалъ на слѣдующій день утромъ, и прибылъ въ Арунгабадъ съ первыми лучами восходящаго солнца, которое освѣщало его минареты съ блестящими куполами.

Я не буду распространяться о томъ, какъ я провелъ слѣдующую недѣлю, чтобы не утомлять читателя монотонными описаніями хода болѣзни, которая была естественнымъ слѣдствіемъ, послѣ одиннадцати-мѣсячной борьбы съ тропическимъ солнцемъ. Я провелъ все время въ постелѣ въ ужасныхъ страданіяхъ, и погибъ бы окончательно, если бы не приходилъ ко мнѣ ежедневно англійскій гарнизонный докторъ. И дѣйствительно, піунъ, недовольный тѣмъ, что я не поглощалъ никакихъ продуктовъ и не способствовалъ наполненію его сундуковъ, не приходилъ ко мнѣ на помощь и тогда, когда я лежалъ на полу безъ чувствъ. Аннибалу вѣроятно легче было переправиться со своей арміей черезъ Альпы, чѣмъ мнѣ смягчить каменное сердце этого субъекта. Суданскій негръ—и тотъ вѣроятно сжалился бы надо мной, во время этихъ длинныхъ безсонныхъ ночей, во время обмороковъ, припадковъ и пожиравшей меня лихорадки, когда тем-

пература доходила почти ежедневно до 42° въ тѣни. Но такъ какъ впродолженіе цѣлой недѣли я не съѣлъ и фунта пищи, и такъ какъ мой корыстолюбивый піунъ не могъ обоготиться на мой счетъ, то онъ оставался постоянно глухъ къ моимъ жалобамъ и крикамъ.

Не могу не выразить еще разъ благодарности туземному знахарю, который часто посылалъ ко мнѣ полковаго доктора, не смотря на то, что самъ онъ старался всякій разъ принимать докторскій видъ, когда онъ входилъ въ комнату и щупалъ мой пульсъ. Это очень способный человѣкъ; я питалъ къ нему полное довѣріе и нѣкоторую привязанность за его доброту. Посылаю въ тоже время глубокую благодарность англійскому доктору и моимъ любезнымъ сожителямъ по бунгалоу, которые оказывали мнѣ всевозможныя услуги.

Наконецъ, немного оправившись отъ болѣзни, я отправился 16-го мая вечеромъ, послѣ заката солнца, на носилкахъ, при свѣтѣ факеловъ, въ Эллору—единственную цѣль столь долгаго путешестія. Проѣзжая въ полночь по деревнѣ Роза, гдѣ покоится прахъ Аурентъ-Зеба, я увидалъ при мерцавшемъ свѣтѣ факеловъ, развалившіяся стѣны, гробницы святыхъ и столѣтнія деревья, которыя были единственными стражами могилъ, въ эту глухую полночь. Слушая жалобы моихъ носильщиковъ, утомленныхъ пятичасовой ходьбой, можно было бы подумать, что мертвые воскресли и стонутъ о грѣхахъ своихъ или негодуютъ на то, что мы нарушили ихъ покой. Вскорѣ я почувствовалъ, что весь станъ мой сильно склоняется назадъ, и я понялъ, что мы подымаемся по священнымъ склонамъ холмовъ Эллоры, которые тянутся полукругомъ на пространствѣ трехъ верстъ и обращены своей вогнутой стороной къ западу и къ деревнѣ Роза. По прошествіи получаса меня спустили на землю у воротъ великолѣпнаго мусджида, или магометанской гробницы, гдѣ я всю ночь наслаждался свѣжимъ воздухомъ подъ куполомъ, не уступающимъ по высотѣ куполамъ христіанскихъ храмовъ. Такъ какъ по сосѣдству съ Эллорой нѣтъ ни одного бунгалоу, то европейцы обыкновенно останавливаются въ этомъ мавзокеѣ, запасаясь, разумѣется, необходимой провизіей, потому что тутъ ничего нельзя достать. Съ восходомъ солнца я вышелъ черезъ западную дверь, обращенную къ Меккѣ, и увидалъ необозримую равнину Деккана, разстилавшуюся у меня подъ ногами.

Пока солнце и вѣтеръ не раскалили эту равнину, я, несмотря на сильную слабость, усѣлся подъ дерево, чтобы насладиться благотвор-

ной прохладой великолѣпнаго тропическаго утра. Но вскорѣ атмосфера превратилась въ душную баню, и по пустынѣ поднялась такая страшная пыль, какъ будто по ней прошла вся армія Ксеркса. Я вернулся подъ кровлю мавзолея, гдѣ, не взирая на тѣни муссульманскихъ святыхъ, обитавшихъ въ его стѣнахъ, я принялся ѣсть сочный Іоркскій окорокъ.

Само собою разумѣется, что, пробывъ въ Эллорѣ нѣсколько часовъ, я не могу описать во всѣхъ подробностяхъ памятникъ, считаемый однимъ изъ чудесъ свѣта, памятникъ, который былъ уже многими искусно описанъ и для внимательнаго изученія котораго нужно употребить нѣсколько мѣсяцевъ. Я ограничусь передачей произведеннаго на меня впечатлѣнія, и прежде всего замѣчу, что въ Эллорѣ, точно также какъ передъ Ніагарскимъ водопадомъ и многими другими чудесами природы или искусства, я былъ пораженъ, увидавъ, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое я составилъ себѣ объ этомъ памятникѣ.

Введенный въ заблужденіе словомъ «пещера», я ожидалъ увидѣть холмы, своды, мечети всевозможныхъ родовъ; все это конечно существуетъ въ Эллорѣ, гдѣ пещеры тянутся на пространствѣ двухъ верстъ, въ томъ числѣ одна похожая на большую залу въ шестьдесятъ метровъ длины, пятьдесятъ ширины и шесть вышины. Зала эта украшена двадцатью восмью колоннами. Мѣстами встрѣчаешь нѣсколько этажей такихъ пещеръ, но не онѣ составляютъ главную достопримѣчательность въ Эллорѣ. Мѣстность прославилась своими египетскими пирамидами. Что касается пещеръ, то самая замѣчательная изъ нихъ находится въ Элефантѣ, на разстояніи одного часа ѣзды отъ Бомбея.

Эллора привлекаетъ со всѣхъ концовъ свѣта путешественниковъ, ученыхъ и артистовъ, во-первыхъ, своимъ храмомъ Каиласа, который по размѣрамъ не уступаетъ церкви св. Магдалины въ Парижѣ, и который сдѣланъ изъ цѣльной скалы.

Если мы удивляемся искусству китайцевъ, любуясь ихъ изящными вещицами изъ слоновой кости, то что сказать о скалѣ, превращенной человѣческой рукой въ chef-d'œuvre архитектуры. Размѣры, симетрія и грація этихъ храмовъ, пагодъ и колоннадъ, составляющихъ одно стройное цѣлое, поражаетъ не только артиста, но и всякаго профана, который созерцаетъ ихъ съ нѣмымъ удивленіемъ, хотя и не знаетъ въ чемъ заключается секретъ всей этой красоты. Наблюда-

тель видитъ, что все здѣсь верхъ совершенства; что эти скалы вырѣзаны искусной рукой мастера; что въ этихъ камнямъ воплотилась творческая мысль художника.

Всякій, кто обладаетъ достаточнымъ терпѣніемъ, могъ бы вырыть Эллорскія пещеры, подобно тому какъ вырыты катакомбы нашихъ большихъ городовъ; но нужно быть геніемъ чтобы создать храмъ Каиласъ, — создать въ полномъ смыслѣ этого слова; такъ какъ онъ сдѣланъ безъ всякихъ матеріаловъ. Это не есть собраніе частей или кусковъ. Храмъ этотъ не построенъ. Была просто огромная безформенная масса базальта, изъ которой вышла великолѣпная базилика съ портиками и колоннами, поддерживаемыми слонами съ двумя обелисками вышиною въ 12 метровъ, пагодою величиною въ 30 метровъ съ слабо освѣщенными лѣстницами и съ совершенно темными галереями. Все это вмѣстѣ обнимаетъ пространство въ 123 метра длины и шестьдесятъ ширины, а внѣшнія стѣны удалены на восемь или десять метровъ отъ подножія скалы, въ которой высѣчено главное зданіе, такъ что послѣднее стоитъ отдѣльно посреди двора, тоже высѣченнаго въ склонѣ холма. Рука времени оставила свои неизгладимые слѣды на этихъ внѣшнихъ стѣнахъ, украшенныхъ множествомъ статуй, которыя, по моему мнѣнію, не имѣютъ большой цѣны въ художественномъ отношеніи.

Не смотря на то, что ихъ очень много изучали, до сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ, какіе это храмы — будійскіе или браминскіе. Они пролили нѣкоторый свѣтъ на миѳологію индусовъ; но я полагаю, что артистъ и даже обыкновенный человѣкъ найдутъ ихъ грубо сдѣланными, лишенными вкуса и даже непристойными. Замѣтимъ, между прочимъ, что во многихъ произведеніяхъ индійской скульптуры проглядываетъ нѣчто египетское.

Вопросъ о древности этихъ памятниковъ возбудилъ столь же оживленные споры, какъ и вопросъ о религіи, которая ихъ воздвигла. Но въ настоящее время, если я не ошибаюсь, всѣ согласны въ томъ, что они существуютъ не болѣе тысячи лѣтъ, на томъ основаніи, что въ нѣсколько лѣтъ многое превратилось въ развалины и потому, если бы они существовали, какъ утверждаютъ брамины, пять тысячъ лѣтъ, то они не могли бы уцѣлѣть до нашихъ дней. Несмотря на прочность базальта и кварцевыхъ породъ, изъ которыхъ состоятъ храмы, эти послѣдніе замѣтно разрушаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Будемъ надѣяться, что просвѣщенное правительство, простирающее свою заботливость до выдачи пособій идоламъ и ихъ жрецамъ, не

допуститъ до разрушенія и сдѣлаетъ вѣковѣчными эти величественные памятники.

Я въ тотъ же вечеръ покинулъ эллорскія пещеры (туземцы называютъ ихъ эрульскими пещерами), и ночью прибылъ въ Ауренгабадъ, о которомъ считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ.

По внѣшнему виду это чисто восточный или магометанскій городъ. Онъ переполненъ мечетями, блестящими куполами и минаретами, выглядывающими изъ—за деревьевъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, я посѣтитъ гробницу Рабіа Дуррани; гробница эта вѣрный снимокъ, въ маленькихъ размѣрахъ, съ знаменитаго памятника *Тай-Магала* въ Агрѣ—памятника воздвигнутаго шахомъ Джаханомъ, отцомъ Ауренгъ-Зеба въ память своей любимой султанши. Хотя Ауренгабадская гробница значительно уступаетъ этому памятнику по цѣнности постройки, такъ какъ она стоила всего 2.250,000 франковъ, тогда какъ постройка Тай-Магала обошлась 18.000,000, тѣмъ не менѣе это одинъ изъ самыхъ красивыхъ памятниковъ, особенно утромъ, когда бѣлый мраморъ, которымъ онъ мѣстами украшенъ, блеститъ на солнцѣ. Куполъ весь изъ мрамора, стоитъ на террассѣ, окруженный превосходными садами съ фонтанами и прудами. По угламъ этой террассы размѣщены четыре минарета, изъ которыхъ одинъ, пораженный громомъ, угрожаетъ скорымъ паденіемъ. Остальные три минарета меньшихъ размѣровъ, стройны какъ тополь. Подъ самымъ куполомъ находится гробница, на глубинѣ отъ 5—6 метровъ. Этотъ склепъ окруженъ мраморными восьмиугольными перилами, которы, не смотря на ихъ значительную толщину (около 4-хъ дюймовъ), представляютъ ажурную рѣзную работу, до того изящную и тонкую, что ее можно сравнить съ кружевами.

При видѣ этой массы мрамора, едва можно повѣрить, что онъ былъ привезенъ изъ Лагора, два столѣтія тому назадъ, путешествіе, которое требовало болѣе двухъ мѣсяцевъ времени. Изъ ста тысячъ душъ, составлявшихъ во времена Ауренгъ-Зеба населеніе этого города, возвышающагося на 600 метровъ надъ уровнемъ моря, осталось въ настоящее время только пятьдесятъ тысячъ, не смотря на его прекрасное мѣстоположеніе и относительно здоровый климатъ. Ауренгабадъ оживляется только многочисленнымъ англійскимъ гарнизономъ, офицеры котораго каждое утро ходятъ на охоту. Городъ этотъ изобилуетъ всякаго рода лѣсными животными, начиная отъ перепелки, павлина и куропатки до тигра, кабана, оленя и волка.

*

нигдѣ культъ Діаны не пользуется такимъ почетомъ какъ въ Индіи; нигдѣ не вызываетъ столько волненій и не приноситъ столько пользы, какъ хорошая школа для людей, посвятившихъ себя военному ремеслу. Если бы я былъ ученикомъ Нимврода, я бы распространился объ охотѣ на тигровъ, которая производится въ Бенгалѣ на слонахъ, къ ней пріученныхъ, а въ Мадрасѣ по большей части пѣшкомъ. Я описалъ бы также охоту на кабана *«pig-sticking»*, гдѣ поражаютъ врага копьями. Но я предоставлю другимъ, и особенно Остъ-Индскимъ Жерарамъ, разсказывать ихъ охотничьи похожденія, такъ какъ самъ я не охотился, посвящая все свое вниманіе и всю энергію другому поприщу. Находясь большую часть времени подъ жгучими лучами солнца, истощенный постоянными лишеніями и вынося въ продолженіе трехъ лѣтъ всевозможную температуру, я только и мечталъ о томъ блаженномъ днѣ, когда снова увижу родину, и получу возможность немного отдохнуть, предоставляя другимъ воевать съ дикими звѣрьми.

18-го мая я приказалъ запрѣчь свой кабріолетъ, и такъ какъ я пробылъ здѣсь лишнюю недѣлю, то уже заранѣе предвидѣлъ, что мнѣ придется выдержать отчаянную борьбу съ парсомъ, у котораго я нанялъ экипажъ. Распростившись съ докторомъ и съ моими товарищами по бунгалоу, я предпринялъ утомительный обратный путь въ Пуна. Термометръ уже двѣ недѣли не спускался ниже 42°. Выше этой температуры я не встрѣчалъ нигдѣ, кромѣ Австраліи, гдѣ бывало 49° въ тѣни. Я принужденъ былъ ночевать въ первый день въ бунгалоу въ Имурга, такъ какъ лошади, которыя должны были ожидать меня здѣсь все время, содержались на такой строгой діетѣ, что едва таскали ноги. На слѣдующій день лошадей совсѣмъ не оказалось, и я долженъ былъ пуститься въ путь на тѣхъ же самыхъ лошадяхъ. Едва я успѣлъ выѣхать, какъ сломались колеса у моего кабріолета. Нужно было искать кузницы, звать на помощь людей и ждать нѣсколько часовъ на дорогѣ, пока исправили экипажъ.

На третій день я останавливался позавтракать въ Амедъ-Нагарѣ, а къ вечеру пріѣхалъ въ Серуръ, гдѣ провелъ ночь въ бунгалоу, который содержится не хуже любаго отеля, какъ и всѣ почти бунгалоу, которые мнѣ случалось видѣть въ Бомбайскомъ президенствѣ. Берутъ, правда не дешево: за ночлегъ приходится платить рупію; но за то вы всегда найдете здѣсь цѣлый курятникъ, чай, столовую посуду и удобную постель.

Наконецъ, 20-го числа, я пріѣхалъ въ Пуну, и первымъ дѣломъ

накинулся на моего парса, чтобы застращать его. Я сталъ выговаривать ему, что по его милости я долженъ былъ ѣхать на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ. Сказать по правдѣ, я былъ очень радъ этому обстоятельству, потому что иначе мнѣ пришлось бы заплатить по крайней мѣрѣ 30 франковъ вознагражденія за каждый лишній день, который я прожилъ въ Аурунгабадѣ, сверхъ пяти условленныхъ дней. Теперь же, ссылаясь на его небрежность, я наотрѣзъ отказался дать ему болѣе одной трети этой суммы. Сначала онъ сталъ плакаться на свою бѣдность, низко кланялся мнѣ, и вообще устроилъ раздирающую сцену; но, видя, что это не дѣйствуетъ, онъ вдругъ возвысилъ тонъ, и сталъ грозить, что будетъ жаловаться на меня въ Бомбей; но я оставался неумолимъ, поставивъ себѣ задачей, во что бы то ни стало, одержать въ этомъ случаѣ побѣду надъ парсами, которые считаются самыми искусными дипломатами во всемъ свѣтѣ по части вытягиванія денегъ. Я далъ ему столько, сколько по моему мнѣнію слѣдовало дать, и парсъ, поломавшись нѣсколько времени, согласился наконецъ, вѣроятно не мало удивленный, что ему пришлось понести пораженіе, котораго онъ никакъ не ожидалъ.

На другой же день я отправился въ обратный путь въ Бомбей. Я уже на столько оправился, что могъ спускаться пѣшкомъ по Боргату. По дорогѣ я любовался циклопическими работами, которыя здѣсь исполнялись для проведенія желѣзной дороги. Боргатъ, какъ и вообще всѣ горы этого берега, представляетъ громадный утесъ со стѣнами вышиною въ 500 метровъ и оканчивающійся террассами, крѣпостями и естественными цилиндрами.

Спустившись съ горы, я почувствовалъ волчій аппетитъ, и остановился въ гостинницѣ, въ которой съ меня содрали тридцать су, за четыре яйца, стоившія не больше одного су. Вотъ какимъ образомъ наживаютъ въ Индіи европейцы, парсы и индо португальцы.

Я пріѣхалъ довольно поздно въ Бомбей, потому что послѣ двухъ или трехъ дней непрерывныхъ ливней, сопровождавшихся громомъ и молніей, термометръ стоялъ на 34°, и 2-го іюня все небо было обложено черными тучами, предвѣстниками тропическаго потопа.

Въ Бомбеѣ, въ день моего пріѣзда выпало, послѣ обѣда, *семь дюймовъ*, при бѣшеномъ вѣтрѣ, который гналъ дождь вдоль улицъ, почти горизонтально. Изъ моего окна, возвышающагося на сто метровъ надъ соборомъ, по временамъ, я не могъ различить колокольни. Температура понизилась въ нѣсколько часовъ на 10°, такъ что нельзя было спать безъ одѣяла. Буря, сопровождаемая страшными

ударами грома, бушевала съ такою силою, что казалось, что къ завтрешнему утру не останется камня на камнѣ во всемъ городѣ.

Теперь нечего было и думать о путешествіи по Индіи до октября мѣсяца. Мнѣ оставалось или запереться въ Пуна, или съ ближайшимъ пароходомъ вернуться въ Европу. Нужно было проститься съ долголелѣянной мечтой—посѣтить Агру, Кашмиръ, вернуться въ Россію, черезъ Бухару и Оренбургъ, и отдохнуть въ стѣнахъ Кремля отъ всѣхъ треволненій продолжительнаго путешествія. Мнѣ хотѣлось бы, послѣ трехъ лѣтъ, богатыхъ всякаго рода впечатлѣніями и воспоминаніями, снова очутиться веселымъ и счастливымъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ посохъ странника едва не выпалъ у меня изъ рукъ. Я желалъ бы остановиться въ Москвѣ, въ той же самой гостиницѣ, увидать тѣ же самыя лица, переплыть на томъ же самомъ кораблѣ Балтійское море и сойти на берега Темзы, видъ которыхъ навелъ на меня нѣкогда такое уныніе. Я былъ свободенъ какъ птица и всѣ дороги, казалось были для меня открыты, а между тѣмъ не было ничего труднѣе какъ привести въ исполненіе подобное желаніе. Если бы я захотѣлъ поѣхать въ сѣверозападную часть Индіи, то мнѣ помѣшалъ бы муссонъ, а за тѣмъ, на границѣ Кабула я, вѣроятно, палъ бы отъ руки разбойниковъ. Оставалась дорога на Персію, по которой удобно можно было пробраться, такъ какъ у меня былъ знакомый персидскій негоціантъ.

Но какъ ѣхать, въ это время по Персидскому заливу, когда не перестаетъ дуть западный и югозападный вѣтеръ? На парусахъ пришлось бы плыть нѣсколько мѣсяцевъ, а пароходъ туда не ходилъ. Взвѣсивъ все это, и принявъ въ соображеніе мое здоровье, которое поправлялось очень медленно я послѣдовалъ влеченію моего сердца, и рѣшилъ отправиться въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Европу.

До отъѣзда оставалось три недѣли, которыя я провелъ слѣдующимъ образомъ.

5-го числа, я предпринялъ, съ нѣсколькими друзьями, въ числѣ которыхъ былъ и капитанъ Говардъ, поѣздку къ пещерамъ Элефанты. Г. Говардъ былъ тотъ самый, котораго два года тому назадъ я видѣлъ въ Шангаѣ. Послѣ сколькихъ превратностей судьбы встрѣтились мы съ нимъ снова! Я думаю не было ни одного уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы мы съ нимъ не побывали и потому у насъ хватило матеріала на цѣлую недѣлю для оживленной бесѣды.

Мы весело переправились, на парусномъ суднѣ, на другую сторону глубокаго залива, на западномъ берегу котораго расположенъ

городъ Бомбей. Тамъ находится островъ Элефанта, о которомъ иные говорятъ, что онъ имѣетъ десять верстъ въ окружности, а другіе, что только пять. Это происходитъ оттого, что во время отлива поверхность его вдвое больше, чѣмъ во время прилива.

Въ скалистомъ холмѣ, къ которому ведетъ каменная лѣстница, находятся знаменитыя пещеры, которыя обязаны своимъ названіемъ чудовищному слону, сдѣланному изъ камня и лежащему у самаго входа. Въ настоящее время этотъ слонъ представляетъ безформенную массу. Самый большой храмъ, построенный въ формѣ квадрата, каждая сторона котораго имѣетъ 40 метровъ длины, украшенъ массивными столбами, расположенными параллельными линіями съ сѣвера къ югу и съ востока къ западу. Эти столбы поддерживаютъ цѣлую гору; но несмотря на то они не лишены нѣкоторой граціи, которою отличаются всѣ произведенія индусовъ. Мѣстами стоятъ красивыя колонны, на четыреугольныхъ пьедесталахъ, оканчивающихся капителями въ формѣ листьевъ. Многіе изъ этихъ колоннъ поломаны, куски ихъ валяются по полу, хотя храмы существуютъ никакъ не болѣе 800 лѣтъ; что же касается скульптурныхъ произведеній; украшающихъ этотъ храмъ, то всѣ они крайне аляповаты. Замѣчательно, что индусы, у которыхъ такъ развито чувство изящнаго, особенно въ отношеніи формы, не въ состояніи произвести ничего достойнаго вниманія въ области скульптуры. Не смотря на то, что сами они такъ прекрасно сложены, что могли бы быть отличными натурщиками, они воспроизводятъ на камнѣ безобразные типы, которые скорѣе можно принять за карикатуры, чѣмъ за серьезныя произведенія искусства.

Такъ какъ я видѣлъ Эллорскіе храмы, то и ограничился довольно бѣглымъ осмотромъ пещеръ Элефанты; мы вернулись, съ превосходнымъ попутнымъ вѣтромъ, въ Бомбей, употребивъ на этотъ переѣздъ всего одинъ часъ. Погода все время стояла хорошая, несмотря на то, что бурное царствованіе муссона уже началось. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, т. е. хорошей погодой, я отправился съ Себастьяномъ черезъ нѣсколько дней послѣ поѣздки на Элефанту, въ городъ *Шолапуръ*, гдѣ оканчивалась бомбайско-мадрасская желѣзная дорога, и откуда можно было пробраться въ Буджапуръ, городъ храмовъ и развалинъ par excellence. Отъ Бомбея до Шолапура болѣе 400 верстъ; часть этого пути, именно отъ Бомбея — до Пуны (около 160 верстъ), была мнѣ уже знакома. Миновавъ Пуну, я снова очутился среди необозримыхъ равнинъ Декана, гдѣ, впрочемъ,

теперь, благодаря недавнимъ дождямъ, образовались по мѣстамъ зеленѣющіе оазисы. Но я уже не нашелъ здѣсь той африканской жары, которая еще недавно такъ мучила меня. Сильный вѣтеръ съ моря распространялъ прохладу по обширной степи, вызывая во мнѣ желаніе какъ можно скорѣе вернуться въ тѣ привелигированные края, гдѣ нѣтъ ни лихорадокъ, ни томительнаго зноя, разслабляющихъ тѣло и убивающихъ всякую энергію.

Въ вагонѣ моими сосѣдями оказались два богатые туземца, необыкновенно опрятные, и вообще весьма приличные по наружности. Здѣсь кстати замѣчу, что нельзя не похвалить индусовъ за вѣжливость и чистоплотность, которыя прикрываютъ до нѣкоторой степени ихъ нравственную порчу, подобно тому какъ мраморъ и цвѣты скрываютъ отталкивающее зрѣлище трупа, который лежитъ подъ ними. Въ путешествіи я желалъ бы имѣть трехъ товарищей: француза для веселой болтовни, англичанина для поучительной бесѣды и индуса для того, чтобы не забывать о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Если бы, кромѣ того, при мнѣ былъ человѣкъ — все равно черный или бѣлый — свѣдущій въ кулинарномъ искусствѣ, то я съ удовольствіемъ отправился бы, хоть въ сотый разъ, въ кругосвѣтное путешествіе.

О городѣ, или, вѣрнѣе, большомъ селѣ Шолапурѣ, не могу ничего сообщить, кромѣ только того, что выѣхавъ изъ Бомбея, я очутился въ совершенно другомъ климатѣ, пріятнѣе котораго невозможно и желать: здѣсь выпадаетъ не болѣе 20 дюймовъ дождя въ годъ; жаль только, что мѣстность представляетъ однообразную равнину, напоминающую русскія степи. Узнавъ, что рѣка Бима, черезъ которую мнѣ нужно было переправляться на пути въ Биджапуръ, разлилась отъ первыхъ дождей на большое пространство, и что переправа черезъ нее невозможна, я долженъ былъ отказаться отъ исполненія моего плана, и поѣхалъ обратно въ Бомбей.

Этотъ обратный путь крайнее утомителенъ, поѣздъ, на участкѣ до Пуны, дѣлаетъ не болѣе 24 верстъ въ часъ, и при этомъ еще нѣтъ ни одного буфета на пространствѣ 240 верстъ. Во время этой поѣздки произошелъ бунтъ въ женскомъ вагонѣ, причиной чему была страшная тѣснота помѣщенія; пассажиры сидѣли точно сельди въ боченкѣ. До сихъ поръ я еще не жаловался на обращеніе англичанъ съ туземнымъ людомъ, которое, впрочемъ, и не можетъ быть особенно мягкимъ; здѣсь же считаю долгомъ замѣтить, что туземцы часто терпятъ несправедливость въ томъ отношеніи, что ихъ по-

Бомбейскіе парсы. Мать и дочь.

мѣщаютъ въ вагонъ вдвое болѣе, чѣмъ сколько онъ можетъ вмѣстить.

Я упомянулъ, что ѣздятъ по этой желѣзной дорогѣ очень медленно; но за то плата здѣсь, какъ и вообще на всѣхъ остъ-индскихъ линіяхъ, весьма умѣренная, такъ что въ первомъ классѣ приходится всего одно су (по нормальному курсу копѣйка съ четвертью) съ небольшимъ на километръ (почти верста). Механики всѣ англичане; между тѣмъ какъ между служащими на станціяхъ есть и туземцы. Въ настоящее время энергически принялись за довершеніе желѣзно-дорожной сѣти, долженствующей соединить самыя отдаленныя части полуострова.

До Боргата погода все время стояла хорошая; когда же мы достигли верхней точки этой горы, то увидѣли, что разстилавшаяся внизу долина покрыта густыми облаками, которыя поднимались большими клочьями на вершину. Черезъ нѣсколько минутъ разразился потопъ, дорога превратилась въ горный потокъ, склоны пропастей покрылись безчисленнымъ множествомъ водопадовъ желтой грязи. «Вотъ и муссонъ, подумалъ я, сбѣжимъ скорѣй изъ этого климата, пойдемъ искать голубаго неба и ясныхъ дней въ Египтѣ, или на вершинѣ Пиренеевъ». Бомбей съ его мокрыми домами, съ его майданомъ, превратившимся въ озеро, съ его улицами, покрытыми грязью, имѣлъ дотого печальный видъ, что я не могъ долѣе оставаться въ немъ ни одной минуты. Я предпринялъ третью и послѣднюю поѣздку изъ столицы, въ надеждѣ найти болѣе чистый и сухой воздухъ въ другомъ направленіи, именно въ городѣ *Нассикъ* и близь священныхъ источниковъ рѣки Годдавери, съ водами которой я уже давно познакомился. И здѣсь опять я встрѣтилъ непрерывную цѣпь Гатскихъ горъ, которая тянется вдоль берега на пространствѣ 1400 верстъ. Мнѣ предстояло подниматься на *Тольгатъ*, которая по высотѣ почти не уступаетъ Боргату, но имѣетъ меньшую крутизну, что облегчитъ задачу инженеровъ, строющихъ желѣзную дорогу изъ Бомбая къ Гангу. Сдѣлавъ около 50 верстъ до станціи *Калліанъ* (причемъ желѣзная дорога осталась у меня вправо), я продолжалъ путь на сѣверо-востокъ, и проѣхалъ мимо деревни *Вассиндъ*, замѣчательный своимъ холмомъ, на вершинѣ котораго стоитъ естественный обелискъ, не уступающій по вышинѣ обелиску, красующемуся на площади Согласія, въ Парижѣ. Весь этотъ прекрасный край былъ покрытъ густой растительностью, омываемой постояннымъ дождемъ. Рельсы были до такой степени залиты, что на уклонахъ въ $^1/_{40}$ локомотивъ съ

трудомъ тащилъ поѣздъ; кругомъ станціи, лежащей у самой подошвы горы, было настоящее море. Здѣсь я сѣлъ въ дилижансъ, въ которомъ провелъ около 3 часовъ. Восхожденіе на Тольгаттъ напомнило мнѣ нѣкоторыя горныя ущелья въ Ирландіи, когда луга и деревья на нихъ насыщены влагой послѣ дождей, продолжавшихся нѣсколько дней. Безъ воловъ невозможно бы было взобраться на эти круглые склоны, по которымъ скоро будетъ извиваться желѣзная дорога, идущая то по насыпямъ, то по путеводамъ, то подъ землей въ туннелѣ.

Наконецъ, я добрался до вершины, и хотя ничего нельзя было разглядѣть сквозь туманъ и дождь, но я уже радъ былъ и тому, что могъ дышать чистымъ горнымъ воздухомъ. Сѣвъ снова на желѣзную дорогу, я скоро оставилъ за собой эту печальную мѣстность, и поѣздъ помчался по равнинамъ, освѣщеннымъ почти вѣчнымъ солнцемъ. Пріѣхавъ на станцію *Нассикъ*, я узналъ, что до города еще добрыхъ три версты, и потому нанялъ телѣжку, которая и доставила меня въ бунгалоу, построенный въ прелестной мѣстности, въ юго-западной части города. Здѣсь не было необходимости въ *пункахъ*: до такой степени воздухъ былъ свѣжъ; тоже самое нужно сказать про утреннюю ванну, и я не разъ слѣдовалъ примѣру другихъ европейцевъ, которые при купаньѣ обыкновенно прибавляютъ теплой воды, такъ какъ организмъ, разслабленный осьмимѣсячными тропическими жарами, легко подверженъ простудѣ.

Я буду очень кратокъ въ описаніи *Нассика*, этого языческаго Іерусалима, куда то и дѣло приходятъ благочестивые странники, чтобы смыть съ себя грѣхи въ священномъ истокѣ Годавери, который находится въ 32 верстахъ отъ этого города. Такъ какъ главная цѣль моей поѣздки въ Нассикъ была та, чтобы бѣжать изъ Бомбея, то я ограничился прогулками по извилистымъ улицамъ Нассика, любуясь изящными храмами, красующимися по берегу рѣки, и огромными каменными лѣстницами, куда приходятъ цѣлыя браминскія семейства въ яркихъ костюмахъ, какъ для мытья бѣлья, такъ и для очищенія своихъ душъ. Усѣвшись на большой скалѣ, возвышающейся прямо надъ рѣкой и ея островками, я наслаждался, никѣмъ невидимый, въ послѣдній разъ зрѣлищемъ живописныхъ группъ браминокъ съ кувшинами воды на головахъ. Тутъ я еще разъ пожалѣлъ, что я не фотографъ, потому что этотъ поэтическій ансамбль старинныхъ домовъ, храмовъ, окруженныхъ деревьями, женщинъ, неуступающихъ по бѣлизнѣ кожи европейкамъ, и обнаруживающихъ въ своей дра-

пировкѣ и во всѣхъ манерахъ неподражаемую грацію, составилъ бы картину, какую мы, въ Европѣ, можемъ встрѣтить только на полотнѣ нашихъ великихъ мастеровъ или въ строфахъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ. Въ глубинѣ сцены виднѣлись остроконечныя горы, подернутыя легкими розовыми облаками; и хотя мысль о скоромъ возвращеніи въ Европу наполняла меня невыразимымъ блаженствомъ, я не могъ, однако, не сказать себѣ, что тамъ, въ Европѣ, мнѣ никогда уже не придется наслаждаться такимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ.

О Индія, страна чудесъ! при одномъ воспоминаніи о тебѣ воображеніе воспламеняется, въ душѣ возникаютъ чарующіе образы, слово облекается въ мелодическіе звуки! Когда моя голова побѣлѣетъ какъ вершины твоихъ снѣжныхъ горъ, когда она будетъ гладкая, какъ твои песчаныя пустыни; и тогда я буду чувствовать въ себѣ нѣчто юношеское, каждый разъ какъ мысль моя перенесется на твои берега. Какъ ни сильна во мнѣ любовь къ родинѣ, я никогда не забуду твоей роскошной природы и тѣхъ счастливыхъ часовъ, которые я провелъ на твоей почвѣ. Я буду мысленно располагаться на ночлегъ въ твоихъ мавзолеяхъ, при пронзительномъ воѣ шакаловъ буду слушать, подъ тѣнью старыхъ баніановъ, жужжаніе твоихъ насѣкомыхъ; буду гулять къ твоимъ колодцамъ, куда приходятъ, съ кувшинами на головахъ, прелестныя сильфиды, и, можетъ быть, на твоихъ обнаженныхъ скалахъ какая нибудь пирамида сохранитъ отпечатокъ моихъ ногъ.

Однако, морской вѣтерокъ, подувшій съ запада, манитъ меня на родину; моя душа, подобно таинственной магнитной стрѣлкѣ, послѣ нѣсколькихъ временныхъ колебаній, снова принимаетъ свое нормальное направленіе; оглушительный свистокъ парохода разлучаетъ меня съ моимъ вѣрнымъ слугой, проливающимъ горькія слезы. Берега Индіи постепенно скрываются, и на мѣсто ихъ моимъ взорамъ скоро откроются берега Европы; но никогда еще эти волны, которыя кипятъ и брызжутъ у меня подъ ногами, не казались мнѣ такими горькими, и я то и дѣло оборачивался назадъ, какъ оборачивался Орфей, разставаясь съ своей Эвридикой.

ГЛАВА XXXIX.

Муссонъ.—Аденъ и Красное море.—Синай и Суэцъ.—Каиръ, Александрія и Константинополь.—Путешествіе въ Вѣну по Дунаю и черезъ Венгрію.—Тріестъ, Венеція и Миланъ.—Генуя и Марсель.—Возвращеніе къ подножію Пиренеевъ.

Я выѣхалъ изъ Бомбея 27 іюня. Муссонъ господствовалъ уже съ полной силой; погода была сѣренькая, то и дѣло шелъ дождь. Почти всѣ пассажиры страдали морской болѣзнью, и, конечно, мало думали о любезномъ отечествѣ, которое увидятъ черезъ три недѣли. Что касается вашего покорнѣйшаго слуги, то въ немъ боролись два существа: обыкновенный человѣкъ, порывающійся на родину, которой онъ давно не видалъ, и туристъ, бросающій печальный взглядъ назадъ, къ только что покинутымъ берегамъ. Дурная погода, мертвая тишина на палубѣ парохода печальныя лица больныхъ пассажировъ—вся эта обстановка невольно располагала къ унынію, но лучъ надежды не переставалъ свѣтить мнѣ, и разгонялъ мрачныя мысли.

Черезъ нѣсколько дней мы вышли изъ области муссона, и солнце снова обдало насъ своимъ яркимъ свѣтомъ. 7 іюля на лазурномъ горизонтѣ обрисовывалась цѣпь горъ до того бѣлыхъ, что можно подумать, что онѣ покрыты снѣгомъ; а между тѣмъ это ничто иное какъ песчаный, пустынной островъ Сокотора. Тутъ я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ почву Африки, единственнаго континента, гдѣ еще не была моя нога.

На слѣдующій день мы бросили якорь въ самомъ пустынномъ портѣ на земномъ шарѣ, въ *Аденѣ*, на аравійскомъ берегу, гдѣ, по преданію, Каинъ, преслѣдуемый угрызеніями совѣсти, кончилъ свое печальное существованіе. Здѣсь весь воздухъ пропитанъ пылью, ко-

торая носится густыми слоями повсюду — надъ моремъ, надъ городомъ, надъ горами, надъ кратерами потухшихъ вулкановъ. Ни малѣйшаго признака растительности ни на склонахъ остроконечныхъ горъ, изборожденныхъ глубокими оврагами, ни по краямъ пыльныхъ дорогъ, по которымъ тянутся, на измученныхъ верблюдахъ, караваны изъ внутренней части пустыни.

У пристани стоитъ нѣсколько магазиновъ, принадлежащихъ парсамъ, и гостиница, гдѣ можно достать ословъ, если вы желаете, несмотря на убійственный зной, посмотрѣть на городъ Аденъ, лежащій верстахъ въ пяти отъ порта, на днѣ кратера. Этотъ городъ, помѣщающійся съ раскаленномъ котлѣ и окруженный огромными глыбами вывѣтрившихся горныхъ породъ, готовыми каждую минуту обрушиться на него, можно по справедливости назвать преддверіемъ ада. Только и есть замѣчательнаго въ Аденѣ, что великолѣпные резервуары, недавно выкопанные изъ земли, подъ которою они были погребены съ незапамятныхъ временъ, да еще развѣ его африканское населеніе, состоящее изъ *сомалисовъ* и *берберовъ*, которые, особенно мужчины, превосходно сложены, имѣютъ красивыя выразительныя лица, и ко всему этому еще неутомимые пловцы. Они продаютъ пассажирамъ страусовыя перья и яйца, занзибарскія шляпы, трости изъ роговъ носорога, и т. п.; когда же пароходъ, стоящій на большомъ разстояніи отъ берега, уходитъ, они подплываютъ и просятъ, чтобы имъ бросили нѣсколько серебряныхъ монетъ, которыя они ищутъ на глубинѣ 24 футовъ, оставаясь въ водѣ иногда по часу и болѣе. Насколько я могъ замѣтить, аденцы очень вспыльчивы, но въ то же время отличаются откровеннымъ и веселымъ характеромъ Въ случаѣ болѣзни, они дѣлаютъ себѣ прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ. По счастію, пароходъ останавливается въ Аденѣ только для возобновленія запаса угля, потому что зной здѣсь такой же сильный, если не болѣе, какъ и въ Индіи; кромѣ того, европеецъ не можетъ отъѣхать на три или четыре версты отъ города, не рискуя попасться въ руки разбойниковъ. Измѣривъ температуру на поверхности моря, я нашелъ 30°; это была самая высокая температура, какую мнѣ случалось наблюдать на морской поверхности. На слѣдующій день, когда мы проходили между остр. Перимомъ и Аравіей, въ воздухѣ было 37°; такой высокой температуры мнѣ тоже ни разу не случалось испытывать въ моихъ морскихъ путешествіяхъ. Замѣчательно, что когда мы вступили въ Красное море, температура воды, несмотря на жаръ въ воздухѣ, вдругъ сильно понизилась, и цвѣтъ водѣ, обы-

кновенно темно-синій, сталъ значительно блѣднѣе. Вообще это море нигдѣ не имѣетъ краснаго цвѣта; но если Голубая рѣка въ дѣйствительности есть самая желтая изъ всѣхъ рѣкъ земнаго шара, а Желтое море имѣетъ зеленый цвѣтъ, то почему бы и Красному морю не быть голубымъ?

Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такой страшный зной, какъ на пространствѣ отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива до Суэца. Во избѣжан е опасности, грозящей пассажирамъ въ видѣ солнечнаго удара, на пароходѣ натянули двѣ толстыя парусины, на разстояніи одного метра одна отъ другой; съ боковъ тента тоже были повѣшены занавѣски изъ парусины, совершенно заслонявшія видъ. Въ послѣднее время было много случаевъ смерти отъ солнечнаго удара на Красномъ морѣ. Плывя по этимъ водамъ, я задалъ себѣ вопросъ: «какую пользу принесетъ суэцкій каналъ?» Каждому моряку хорошо извѣстно, что переѣздъ на парусномъ суднѣ по Красному морю часто требуетъ отъ 40 до 60 сутокъ; что плаваніе по Средиземному морю подвержено всевозможнымъ случайностямъ; что во время сѣверо-восточнаго муссона нужно дней сорокъ, чтобы добраться до Бомбея, и дней шестьдесятъ, чтобы оттуда попасть въ Мадрасъ; такъ что на переѣздъ отъ Марселя до Бомбея черезъ Суэцъ потребуется столько же а часто даже гораздо болѣе времени, какъ на переѣздъ отъ Мыса Доброй Надежды. Въ Бомбеѣ, когда я хотѣлъ отправиться, при противномъ муссонѣ, въ Мускатъ или въ Персидскій заливъ, всѣ моряки, съ которыми я совѣтовалсся, въ одинъ голосъ сказали, что только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ я могу сдѣлать въ 100 дней переѣздъ въ 1200 миль. Такимъ образомъ, парусныя купеческія суда никогда не предпочтутъ пути на Суэцъ, имѣя возможность достигнуть Индіи, черезъ Мысъ Доброй Надежды, въ 90 дней, тѣмъ болѣе, что на этомъ послѣднемъ пути всегда можно разсчитывать на вѣтеръ. Въ Красномъ же морѣ, еще не вполнѣ изслѣдованнымъ и изобилующемъ коралловыми рифами, парусное судно, застигнутое штилемъ, попадаетъ въ чрезвычайно опасное положеніе, какъ это могутъ засвидѣтельствовать капитаны судовъ, на которыхъ перевозятъ магометанскихъ богомольцевъ, отправляющихся въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета.

Когда мы достигли середины Краснаго моря, поднялся O. N. O, и температура понизилась до 32°, но и это все еще было очень жарко для моря. Вода снова приняла голубой цвѣтъ, который все болѣе и болѣе темнѣлъ по мѣрѣ приближенія къ Суэцу. Зыби не было;

впрочемъ, она бываетъ постоянно только на океанѣ, такъ что если вы, будучи на морѣ, увидите совершенно гладкую поверхность, то можетъ съ увѣренностью сказать, что это не океанъ.

Наконецъ, 14-го т. е., на шестой день послѣ прохода мимо Перима и на осьмнадцатый послѣ отплытія изъ Бомбея, мы вступили въ Суэцкій заливъ, оставивъ вправо Синайскую гору. По обоимъ берегамъ тянулась цѣпь высокихъ песчаныхъ горъ, подошва которыхъ скрывалась въ облакахъ пыли или мелкаго песку. Въ оврагахъ лежатъ большія кучи песку, похожія издали на ледники.

Мнѣ казалось, что я уже вдыхаю воздухъ европейскихъ морей; Азія осталась далеко назади; я уже стоялъ одной ногой на почвѣ фараоновъ, Авраама и Моисея, на почвѣ, по которой ступали Гомеръ и Платонъ, Александръ и Наполеонъ; скоро передо мной откроются минареты Каира и величавыя очертанія пирамидъ, и до Марсели останется всего шесть дней пути.

14-го ч. вечеромъ мы бросили якорь въ суэцкомъ рейдѣ, среди большихъ французскихъ пароходовъ, присутствіе которыхъ непріятно подѣйствовало на многихъ изъ нашихъ пассажировъ, которымъ ненавистно всякое французское вліяніе.

О Суэцѣ я не буду распространяться; это жалкая грязная деревушка, окруженная съ одной стороны моремъ, а съ другой — безплодной пустыней, и имѣющая вокзалъ и довольно хорошую гостинницу. Другіе пассажиры сѣли на желѣзную дорогу и укатили въ Каиръ и Александрію. Что касается меня, то я переночевалъ на пароходѣ, а на слѣдующее утро взялъ билетъ въ Каиръ. При этомъ не могу не отмѣтить тотъ странный фактъ, что компанія восточнаго пароходства беретъ со всѣхъ своихъ пассажировъ, ѣдущихъ изъ Азіи или изъ Австраліи, сверхъ платы за проѣздъ на пароходѣ, еще 175 фр. за проѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Суэца въ Каиръ, между тѣмъ какъ на мѣстѣ, въ Суэцѣ, билетъ перваго класса до Каира стоитъ только половину этой суммы. Я рѣшительно не понимаю, какъ путешественники, и особенно англичане, позволяютъ надувать себя такимъ безсовѣстнымъ образомъ.

Я такъ торопился во Францію, что не посмотрѣлъ даже на Синай, хотя добраться до него очень легко; стоитъ сѣсть на турецкій пароходъ, который доставитъ васъ въ *Тока* (на берегу Краснаго моря), а оттуда уже недалеко до священной горы.

15-го іюля я отправился въ Каиръ и пересѣкъ часть исполинской пустыни, которая подъ разными именами — Сахары, Аравійской пу-

стыни, Синда и Гоби—тянется вдоль всего Стараго Свѣта отъ одного конца до другаго. Если нѣкоторые смѣлые географы утверждали, что въ этомъ Старомъ Свѣтѣ существуетъ всего одна цѣпь горъ, начинающаяся Пиренеями и оканчивающаяся отрогами Гималайскаго хребта, на островѣ Формозѣ, то имъ еще легче было бы доказать существованіе одной непрерывной пустыни, покрытой то раскаленнымъ, то замерзшимъ пескомъ, между Сенегаломъ и Манджуріей. Если бы мнѣ пришлось выбирать, то я предпочелъ бы безлюдныя степи Гоби этимъ буграмъ сыпучаго песку, передвигающимся съ мѣста на мѣсто, которыя встрѣчаются на пути изъ Суэца въ Каиръ. На желѣзной дорогѣ множество станцій, т. е. маленькихъ деревянныхъ домиковъ, гдѣ говорятъ по-французски и за все дерутъ баснословныя цѣны; такъ, напримѣръ, съ меня взяли за стаканъ лимонада 30 су.

Такъ какъ я сѣлъ въ поѣздъ, называемый *омнибусомъ*, то мы ѣхали очень медленно, что дало мнѣ возможность ознакомиться нѣсколько съ обитателями, или, вѣрнѣе, съ пассажирами. Многіе изъ нихъ оказались французами, хотя и были одѣты по турецки. Наконецъ, съ наступленіемъ ночи показались деревья и мечети, и когда поѣздъ прибылъ на Каирскую станцію, то мы, при выходѣ изъ вагоновъ, были буквально аттакованы толпой извощиковъ и маленькихъ погонщиковъ муловъ. Неугомимые, какъ ихъ ослы, къ которымъ они питаютъ живѣйшую привязанность, эти погонщикики, всегда веселые и остроумные, бѣгутъ въ припрыжку за своими животными, дѣлая часто до сорока верстъ подъ палящими лучами солнца, и нерѣдко съ большой ловкостью вытаскивая платокъ или кошелекъ у путешественника, вниманіе котораго устремлено на то, чтобы удержаться въ сѣдлѣ, съ помощью подвижныхъ стремянъ, въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ въ Монголіи при ѣздѣ на верблюдахъ. Каирскіе ослы такъ упрямы, что править ими нѣтъ никакой возможности; если же вы предоставите ослу идти самому, то изъ какой бы части египетской столицы вы ни отправились, онъ привезетъ васъ прямо въ гостинницу «Shepherd's hotel», гдѣ останавливаются почти всѣ иностранцы, пріѣзжающіе въ Каиръ.

Предоставляю болѣе искусному перу описывать этотъ обширный городъ съ его извилистыми улицами, съ его базарами, мечетями, дворцами, садами, караванами, медленно пробирающимися среди пестрой толпы. Замѣчу только, что главная каирская мечеть показалась мнѣ великолѣпнѣе даже Софійской мечети въ Константино-

полѣ. Солнце пекло безпощадно во все время моего пребыванія въ Каирѣ, хотя здѣшній зной совершенно нечувствителенъ для человѣка, пріѣхавшаго изъ Азіи. Вообще климатъ Нижняго Египта показался мнѣ однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ, даже въ тотъ день, когда, при 40° въ тѣни, я отправился, безъ всякой защиты отъ солнца, смотрѣть пирамиды. Не могу похвастать, чтобы восхожденіе на пирамиды было для меня легкимъ дѣломъ, хотя увѣренъ, что всякій горецъ можетъ взобраться на самый верхъ одинъ, не нуждаясь въ помощи этой толпы арабовъ, преслѣдующей путешественника на каждомъ шагу, и составляющей одну изъ современныхъ язвъ Египта. Достигнувъ вершины пирамиды, и не найдя тамъ ни одного знаменитаго имени, кромѣ имени Дженни Линдъ я не устоялъ противъ искушенія увидѣть и свое имя на этомъ памятникѣ сѣдой старины; но солнце такъ жгло, что самъ я не въ состояніи былъ даже писать, и поручилъ это дѣло проводникамъ.

Поклонившись сфинксу, я попробовалъ также сѣсть на верблюда, чтобы посмотрѣть, похожъ ли онъ на своихъ варварскихъ собратій— монгольскихъ верблюдовъ, и убѣдился, что онъ несравненно гуманнѣе ихъ, такъ какъ мои кости остались цѣлы и невредимы. Но особенную благодарность я долженъ выразить моему ослу, который наканунѣ свозилъ меня по дорогѣ, идущей черезъ пустыню, въ такъ называемый «окаменѣлый лѣсъ», и доставилъ обратно въ Каиръ, совершивъ такимъ образомъ около 65 верстъ въ одни сутки.

Не возьму на себя также смѣлости говорить о физической красотѣ египтянокъ; несмотря на то, что въ ихъ осанкѣ есть много благородства и граціи, а въ ихъ взглядѣ много выраженія, онѣ показались мнѣ, послѣ стройныхъ индіянокъ, прекраснымъ дубомъ, поставленнымъ рядомъ съ молодой пальмой. Впрочемъ, нужно замѣтить, что вездѣ на Востокѣ я нашелъ еще врожденную грацію, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ, особенно у арабовъ, болѣе стройныхъ, чѣмъ турки.

Французу пріятно слышать, что въ Каирѣ всѣ говорятъ на языкѣ его родины; а кто между цивилизованными людьми не говоритъ по-французски, тотъ знаетъ по крайней мѣрѣ итальянскій языкъ, который служитъ коммерческимъ языкомъ на всемъ Востокѣ. Для туриста, утомленнаго долгими странствіями, жизнь въ Каирѣ представляетъ много привлекательнаго. Музыка, отели, экипажи, увеселенія всякаго рода—какъ все это должно казаться заманчивымъ человѣку, которому не разъ приходилось съ безпокойствомъ задавать себѣ вопросъ

о хлѣбѣ насущномъ на завтрашній день. Я чувствовалъ, что во мнѣ совершилась какая-то метаморфоза, когда я снова окунулся въ нашу цивилизацію; мнѣ пріятно было толкаться среди европейской толпы, стоять въ христіанскомъ храмѣ, гулять по площадямъ, гдѣ французскій мундиръ привлекаетъ всѣ взоры. Не скрою, однако, что нахожу жизнь европейцевъ изнѣженной; особенно жизнь въ родѣ той, какую ведутъ многіе изъ моихъ соотечественниковъ, проводящіе большую часть своего времени въ кафе,—въ заведеніяхъ, которыя я давно уже потерялъ изъ виду; въ Египтѣ человѣкъ облѣнивается, изнѣживается, такъ что я теперь, вѣроятно, не въ состояніи былъ бы снова предпринять совершенный мною длинный путь на Уралъ и Пекинъ.

Прежде чѣмъ проститься съ Каиромъ, прибавлю, что въ настоящее время здѣсь уже не существуетъ невольничьихъ рынковъ, что глазная болѣзнь сильно распространена между жителями, и что здѣшняя вода превосходна для питья, если ее очищать, чего, впрочемъ, арабы никогда не дѣлаютъ.

Переѣдемъ теперь на берега Средиземнаго моря, въ Александрію, напоминающую по внѣшнему виду Барселону, отъ которой она отличается несравненно большимъ количествомъ восточныхъ костюмовъ на улицахъ и площадяхъ. Александрія чисто европейскій городъ, если не принимать въ разсчетъ знаменитую колонну Помпея и Клеопатриной иглы.

Прошу извиненія у читателя, что не могу ничего сообщить ему о достопримѣчательностяхъ Александріи; я былъ занятъ исключительно мыслью о томъ, что скоро увижу родину, и потому ничѣмъ почти не интересовался. Изъ Александріи я поѣхалъ на Константинополь, чтобы избѣжать, на сколько возможно, морскаго путешествія, до котораго я вообще не охотникъ.

Средиземное море Смирнскій заливъ очаровательные смирніотки, вѣчно болтающія и танцующія, острова Хіосъ и Тенедосъ, историческія равнины Трои, гора Ида, Дарданеллы и снѣжныя вершины Олимпа—все это быстро пронеслось передъ моими глазами, и я, наконецъ, по необходимости, задержался на минуту въ «*Золотомъ Рогѣ*», у подножія минаретовъ мусульманскаго Рима.

Константинополь! Сколько воспоминаній, сколько образовъ возникаетъ въ умѣ при этомъ словѣ! Одинъ видъ этого безконечнаго множества мечетей, освѣщенныхъ лучами восходящаго солнца, и раскинувшихся на семи холмахъ, омываемыхъ моремъ, очаровываетъ путешественника, хотя бы онъ видѣлъ всѣ чудеса земнаго шара.

Или взгляните въ другую сторону — на Мраморное море, усѣянное островами, на Босфоръ, покрытый каиками и окоймленный мраморными дворцами, на эти отдаленныя горы, снѣжныя или зеленѣющія... Какая великолѣпная картина!

Много разъ уже было говорено, что Константинополь красивъ только издали; я не стану повторять того же самаго, а замѣчу только, что дворецъ султана могъ бы служить украшеніемъ даже Парижа; что это одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ мірѣ, и чтобы объѣхать его на лошади, вдоль стѣнъ столь же величественныхъ, какъ знаменитая Китайская стѣна, нужно употребить по крайней мѣрѣ четыре часа; и что, наконецъ, его окрестностямъ могутъ позавидовать всѣ столичные города Европы. Не мѣшало бы только поучить турецкихъ солдатъ, чтобы они не держали ружье горизонтально на плечѣ, потому что иначе путешественникъ, гуляя по улицамъ и отыскивая Софійскую мечеть или *Долину Тихихъ Водъ*, легко можетъ наткнуться на штыкъ.

Не возьму грѣха на душу—не скажу, чтобы турки не умѣли приготовлять кофе; но совѣтую всякому, обладающему развитымъ вкусомъ, остерегаться этого пойла, которое скорѣе походитъ на горячую гущу, чѣмъ на жидкость.

Кромѣ того, считаю долгомъ предупредить всѣхъ слабогрудыхъ отнюдь не курить *наргиле*, которая для нихъ вреднѣе, чѣмъ безостановочное восхожденіе на Монъ-Бланъ. Но всякому совѣтую отправиться посмотрѣть въ самомъ Константинополѣ или въ Скутари, на азіатскомъ берегу, пляшущихъ дервишей. Вы увидите тутъ, какъ люди важные и серьезные, съ почтенными бородами, неистово завываютъ, точно бѣсноватые. Они становятся въ кружокъ, и, по знаку своего начальника, стоящаго посреди кружка, бросаются на землю, въ продолженіе трехъ четвертей часа подрядъ. Но уже по прошествіи получаса нѣкоторые изъ нихъ, выбившись изъ силъ, падаютъ на своихъ сосѣдей, или катаются по полу съ потупленнымъ взоромъ и растрепанными волосами; затѣмъ они снова встаютъ и продолжаютъ съ какимъ-то изступленіемъ ту же церемонію при звукахъ цимбаловъ и разныхъ мѣдныхъ инструментовъ. По окончаніи этого обряда, женщины кладутъ своихъ маленькихъ дѣтей на полъ, для того, чтобы дервиши перешагнули черезъ нихъ, и тѣмъ привлекли на нихъ благословеніе небесъ. На стѣнахъ развѣшаны орудія пытки, посредствомъ которыхъ эти фанатики повергаютъ себя всякаго рода истязаніямъ. Но мнѣ ни разу не удавалось видѣть этой комедіи.

Вертящіеся дервиши ведутъ себя гораздо приличнѣе, и смѣло могутъ считаться лучшими вальсерами въ мірѣ, потому что они вертятся въ продолженіе получаса на одномъ мѣстѣ и на одной ногѣ, съ вытянутыми руками, съ закрытыми глазами и выпрямленнымъ станомъ подобно восковымъ кукламъ, украшающимъ окна парикмахерскихъ. Въ нихъ по крайней мѣрѣ есть нѣчто величавое и ничего ужаснаго и смѣшнаго, за исключеніемъ развѣ ихъ платья, которое при вращеніи принимаетъ форму кринолина.

Но я зашелъ слишкомъ далеко; все это уже было много разъ описано знаменитыми путешественниками, которые познакомили насъ съ этимъ исполинскимъ городомъ и совсѣми его тайнами. Скоро я опущу занавѣсъ, и скромно удалюсь со сцены, потому что задача моя кончена. Европа—это не мое дѣло. Сердце мое принадлежитъ ей, но я не беру на себя смѣлость описывать ее, тѣмъ болѣе воспѣвать ее. Въ одномъ отношеніи я нашелъ ее варварской страной. Я говорю о *паспортахъ*. Только въ одной Европѣ, вы не можете ходить и ѣздить свободно, не рискуя на каждомъ шагу встрѣтиться съ какимъ нибудь совершенно неизвѣстнымъ вамъ субъектомъ, который нахально начинаетъ допрашивать васъ: «Кто вы такой? Откуда вы? Куда ѣдете? и т. д.» Такъ какъ при мнѣ не было никакихъ формальныхъ доказательствъ того, что я честный человѣкъ, то только благодаря необыкновенной любезности французскаго консула въ Константинополѣ, я получилъ всемогущій клочекъ бумаги, удостовѣрявшій, что я не воръ и не убійца. Безъ этой милости, я бы не могъ выѣхать изъ столицы Турціи, потому что служащій въ консульствѣ чиновникъ оказался необыкновенно невѣжественнымъ и грубымъ, и старался доказать мнѣ, что ни въ Азіи и ни въ какой странѣ въ мірѣ, нельзя путешествовать безъ паспорта. Вообще свобода еще не принялась на нашей старой почвѣ.

Возвращаясь на родную землю, вы чувствуете себя растроганнымъ, но въ ту же минуту замѣчаете, что цѣпи обхватываютъ у васъ шею и ноги, и убѣждаетесь, что изъ всѣхъ животныхъ, живущихъ на этой землѣ, человѣкъ пользуется наименьшей свободой. Я вовсе не желаю восхвалять кочевую жизнь дикаря, и прихожу въ ужасъ при одной мысли о томъ, что читатели могутъ принять меня за нецивилизованнаго человѣка. Но я нахожу, что цивилизація наша полна ошибокъ; что она должна быть совершенно иной. Я нисколько не одобряю жизнь и нравы дикаря; его можно сравнить съ гусеницей, а насъ съ бабочкой, или, вѣрнѣе, его съ углемъ, а насъ съ алмазомъ.

Его грубые глаза не пользуются привилегіей проливать слезы; для него жена и дочь имѣютъ меньшую цѣну, чѣмъ бутылка вина, и эти дѣти природы, столь опоэтизированные, поѣдаютъ другъ друга! Вѣроломныя расы, думающія объ этомъ иначе, съ каждымъ днемъ уничтожаются съ лица земли какой-то таинственной, мстящей рукой. Ва Тасманіи нѣтъ болѣе ни одного аборигена; въ Австраліи туземцы тоже стушевались, несмотря на то, что тамъ существуютъ общества покровительства имъ; они исчезаютъ даже и въ Новозеландіи. Одна водка не въ состояніи была обезлюдить американскіе лѣса и гдѣ теперь эти орды, которыя нѣкогда населяли берега Сены и Темзы?

Несмотря на всѣ наши пороки и бѣдствія, наша раса населяетъ въ настоящее время единственныя убѣжища добродѣтели, справедливости, любви и религіи; и всякій, кто сожалѣетъ объ этомъ, грѣшитъ противъ природы.

Таково, читатель, мое глубокое убѣжденіе. Увѣряю васъ, что передъ вами не дикарь, желающій попасть въ число авторовъ, украшающихъ вашу библіотеку. Смѣло отворяйте ему двери, онъ снабженъ паспортомъ, который даетъ ему право входить во всякое мѣсто, даже въ тюрьму.

Изъ Константинополя я могъ бы взять билетъ прямо до Парижа, и пріѣхать туда черезъ пять дней, съ небольшимъ, черезъ Венгрію, Вѣну и Страсбургъ; но, желая ознакомиться нѣсколько съ центральной Европой, я взялъ билетъ только до Вѣны.

Итакъ, выѣхавъ изъ превосходной гостиницы «Hôtel de l'Europe», я быстро пронесся вдоль великолѣпныхъ береговъ Босфора, проплылъ Черное море видѣлъ Балканскія горы, и, по прошествіи десяти часовъ, былъ уже въ турецкомъ портѣ *Кюстенджи* (говорятъ, что сюда былъ сосланъ Овидій), откуда добрался по желѣзной дорогѣ до *Чёрноводъ*, на Дунаѣ. По этой шумной и неинтересной рѣкѣ, плылъ я на великолѣпномъ пароходѣ, снабженномъ всевозможною роскошью, за исключеніемъ воды, годной для питья, до *Желѣзныхъ Воротъ*, гдѣ Дунай, сжатый между лѣсистыми горами, образуетъ пѣнящіеся пороги. Достигнувъ Базіаша, въ Венгріи, я сѣлъ на желѣзную дорогу, и, черезъ Темешваръ, пріѣхалъ въ Пештъ, великолѣпный городъ, который такъ понравился мнѣ, что я провелъ въ немъ цѣлую недѣлю. Отсюда я отправился въ столицу Австріи, которая понравилась мнѣ гораздо меньше. Улицы здѣсь узкія и вся атмосфера пропитана скукой. Только въ паркѣ Шенбрунъ, отличающемся

царскою роскошью, я насладился свѣжимъ воздухомъ, который разогналъ нѣсколько мою скуку. Мнѣ даже не особенно понравился большой театръ, несмотря на его великолѣпныя декораціи и превосходныхъ актеровъ. Давали оперу Вагнера, и я ровно ничего не видѣлъ, кромѣ дыма отъ выстрѣловъ на сценѣ. Но извѣстно, что не всякому доступна непроницаемая глубина нѣкоторыхъ геніевъ: ихъ оцѣнитъ лишь потомство.

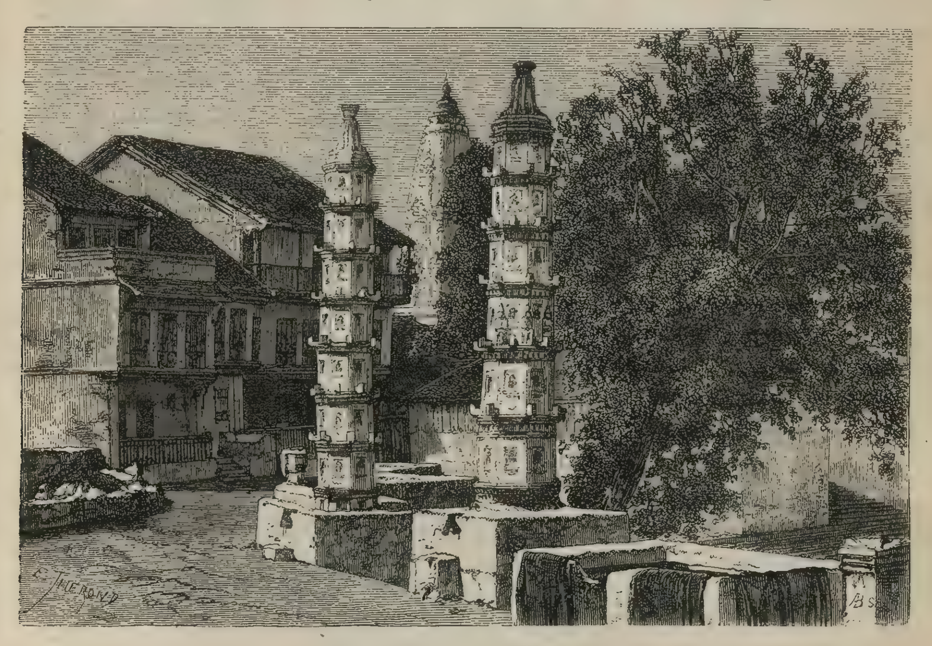
Быть можетъ, политическая атмосфера, царствовавшая въ то время въ Австріи, произвела на меня такое грустное впечатлѣніе, поэтому я и не выдаю своихъ замѣчаній за вѣрныя. Впрочемъ, я здѣсь вездѣ встрѣчалъ необыкновенную вѣжливость, чѣмъ далеко не всякая страна можетъ похвалиться.

На пути изъ Вѣны въ Тріестъ, по желѣзной дорогѣ, идущей по склонамъ Зиммеринга, я восхищался этимъ чудомъ человѣческаго могущества, и пропустилъ безъ вниманія богатыя долины, усѣянныя деревнями и разорванные склоны горъ, по которымъ мы поднимались съ помощью тысячи искусственныхъ приспособленій до предѣла облаковъ. Не мало радовался я также, когда на другое утро увидалъ волны Адріатики, надъ которыми возвышаются гребни Альповъ. Ни о Тріестѣ, ни о Венеціи я ничего не могу сказать. Одна мысль поглощала меня всего, и ничто не поражало меня. Изъ Венеціи я отправился въ Миланъ, проѣзжая по великолѣпнымъ равнинамъ Ломбардіи. Я не могъ не восхищаться, все время, Европой. Тутъ только я понялъ, насколько природа украшается рукой цивилизованнаго человѣка, дымомъ его жилищъ и колоколами его церквей. Я чувствовалъ какое-то опьяненіе, и сожалѣлъ о томъ, что не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями. Но когда я очутился подъ сводами величественнаго миланскаго собора, мое удивленіе передъ человѣкомъ и его всемогуществомъ не знало болѣе границъ; стоя на вершинѣ остроконечнаго спица, который казался такимъ маленькимъ и недолговѣчнымъ родомъ съ колоссами Альповъ, ограничивающими горизонтъ, я задавалъ себѣ вопросъ, производила ли природа что нибудь столь же величественное? Правда, что въ это время Монъ-Бланъ скрылся отъ меня, какъ бы понимая, что я только что вернулся съ Гималайскаго хребта.

Изъ Милана я отправился въ Геную, но тотчасъ же уѣхалъ оттуда, какъ бы преслѣдуемый жандармами, и, наконецъ, увидалъ землю Франціи, проѣзжая мимо Ниццы. Считаю долгомъ повести читателя

на Беарнскіе холмы до подножія Пиренеевъ, о которыхъ я ему такъ много говорилъ.

Въ послѣдній день моего путешествія вечеромъ, я сѣлъ въ дилижансъ, идущій изъ Тулузы въ Тарбъ, и на разсвѣтѣ увидалъ очертанія этихъ дорогихъ мнѣ горъ. Надъ равнинами Адура возвышался древній Пикъ-дю-Миди, которымъ я восхищался еще будучи ребенкомъ. У подножія его разстилается Кампанская долина, по которой я бродилъ, каждое лѣто, пріѣзжая домой на каникулы. Мнѣ казалось, что листья ея благоухающихъ лѣсовъ трепетали при моемъ

Пагода близъ Бомбея.

приближеніи. Я узналъ каждую изъ ея горъ съ ихъ царствомъ вѣчнаго снѣга и гробовой тишины, горъ, болѣе печальныхъ, чѣмъ ледяныя массы, плавающія вокругъ полюсовъ.

Все это друзья моего дѣтства!

Да, это моя родина! Три года не измѣнили ее. Природа осталась мнѣ вѣрна, и я снова наслаждаюсь ея гимнами. И такъ я вступилъ на порогъ родительскаго дома; здѣсь исчезнутъ изъ моего воспоминанія и глубокіе сибирскіе снѣга, и ущелья Ново-Зеландіи, и всѣ прелести Индіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Отъѣздъ съ Пиренейскихъ горъ.—Парижъ и Лондонъ.—Неудачи.—Прибытіе въ Петербургъ 1

» II. С.-Петербургъ.—Князь Орловъ.—Москва.—Приближеніе зимы.—Приготовленія къ путешествію.—Отъѣздъ въ Азію 8

» III. Ѣзда на перекладныхъ.—Казань.—Покупка саней.—Мятель.—Пріѣздъ на Уралъ—на послѣднюю европейскую станцію 18

» IV. Прибытіе въ Азію.—Западная Сибирь.—Мытарства путешествія.—Пятьдесятъ градусовъ мороза.—Пріѣздъ въ Томскъ 29

» V. Томскъ.—Католическая церковь.—Могила французскаго офицера.—Зимнія сцены.—Раздача наградъ въ гимназіи.—Покупка верблюжьихъ кожъ.—Отъѣздъ изъ Томска 36

» VI. Иркутскъ.—Алтай, переправа черезъ Байкальское озеро.—Страшный морозъ.—Прибытіе на китайскую границу 47

» VII. Описаніе Кяхты.—Приготовленія къ отъѣзду въ Пекинъ.—Монгольскія юрты.—Монгольскій языкъ, чай и обычаи 61

» VIII. Пріѣздъ въ Ургу.—Аудіенція у вице-короля.—Посѣщеніе буддійскихъ храмовъ.—Воспоминанія объ отцѣ Гукѣ.—Мы получаемъ позволеніе ѣхать въ Пекинъ . 70

» IX. Отъѣздъ изъ Урги.—Страшное утомленіе; чрезвычайный холодъ; ромъ замерзаетъ.—Миражъ.—Монгольскіе наѣздники.—Ужасный видъ степи Гоби.—Песчаный вихрь.—Семьсотъ верстъ въ недѣлю.—Совершенное истощеніе.—Встрѣча съ маіоромъ М***.—Ненависть монголовъ къ китайцамъ 80

» X. Русла древнихъ озеръ.—Прибытіе къ китайской грани-

Стр.

цѣ.—Замѣчанія о монголахъ. — Калганъ: Сіуанъ Хуа-Фу. — Первый китайскій обѣдъ. — Безводіе страны.— Переѣздъ черезъ большую стѣну.—Видъ равнины Пекина.—Въѣздъ въ столицу 92

ГЛАВА XI. Первое впечатлѣніе Пекина и его народонаселеніе. — Эгоизмъ европейской политики.—Разныя достопримѣчательности. —Мой принужденный отъѣздъ.—Корейцы.— Мое отчаяніе при отъѣздѣ въ Монголію. — Обратный путь по степи Гоби. — Сто тридцать верстъ въ одинъ день.—Циклонъ.—Песчаный вихрь.—Пріѣздъ въ Кяхту на девятнадцатый день 107

» XII. Пребываніе и праздники въ Кяхтѣ. — Забайкалье. — Нерчинскъ и ссыльные въ Сибири. — Наше отплытіе въ Срѣтенскъ. — Пріѣздъ въ Усть-Стрѣлку 129

» XIII. Отъѣздъ изъ Усть-Стрѣлки на пароходѣ. — Превратности этого плаванія. — Амуръ съ точки зрѣнія комерческой и живописной. — Городъ Албазинъ и его исторія.— Благовѣщенскъ.— Айгунъ. — Суровость климата. — Прекрасная панорама Хабаровки. — Уссури и отецъ Лабрюніеръ. — Сильное желаніе воротиться къ морю.—Прибытіе въ Николаевскъ. 140

» XIV. Необъятность Русской имперіи. — Николаевскъ. — Замѣчанія о сибирскихъ дорогахъ и климатѣ извѣстныхъ мѣстъ. — Море. — Островъ Сахалинъ. — Бухты Кастри и Барракуты. — Первый видъ Японіи. — Прибытіе въ Хакодаде 156

» XV. Хакодаде и японцы.—Генералъ Муравьевъ предлагаетъ мнѣ ѣхать въ Шангхай на канонерской шлюпкѣ.—Отъѣздъ. — Тифонъ. — Островъ Кельпаертъ. — Русскіе матросы. — Возвращеніе къ сѣвернымъ широтамъ. — Синяя рѣка и прибытіе въ Шангхай 171

» XVI. Описаніе Шангхая. — Возмутительныя цѣны судоходной компаніи Peninsular and Oriental. — Замѣтки о китайцахъ. — Смерть капитана Ванзитарта. — Прогулка по окрестностямъ. — Наша грубость въ отношеніи къ китайцамъ. — Ихъ концерты. — Взглядъ на набережныя Шангхая. — Г. Брюсъ и Бурбулонъ. 183

» XVII. Нѣсколько словъ о капитанахъ торговыхъ судовъ. — Отъѣздъ въ Хонгъ-Конгъ на прусскомъ бригѣ. — Китайскія джонки.—Гигантская качка.—Высота валовъ.— Прибытіе въ Хонгъ-Конгъ 199

» XVIII. Хонгъ-Конгъ. — Готовность китайцевъ ко всему.—Кан-

Стр.

тонъ. — Его сады. — Любезность французскихъ офицеровъ. — Тифонъ. — Цвѣточныя лодки. — Китайская музыка 213

ГЛАВА XIX. Макао. — Тифонъ и кораблекрушеніе *Thèbes.* — Адмиралъ Гопе. — Обѣдъ на палубѣ *Chesapeake.* — Большой пожаръ. — Праздникъ фонарей. — Комическая опера въ Китаѣ.— Жизнь европейца въ Китаѣ.— Какъ онъ низко падаетъ иногда. — Пища на корабляхъ. — Приготовленія къ отъѣзду въ Австралію.—Послѣднее слово о китайцахъ. — Переѣздъ изъ Хонгъ-Конга въ Мельбурнъ. 229

» XX. Мельбурнъ. — Невоздержность колонистовъ. — Отъѣздъ во внутренность страны.—Чрезмѣрный жаръ.—Австралійскіе лѣса. — Кестльменъ и рудокопы. — Пріѣздъ къ г. Букналю. — Поѣздка на Слоновую гору. — Характеръ Новой Голландіи. — Самый длинный морской переѣздъ 247

» XXI. Республиканскіе нравы Мельбурна.—Умственное образованіе.—Протестъ китайца противъ общаго преслѣдованія китайцевъ. — Отъѣздъ въ Сидней. — Прибытіе на рейдъ. — Параматта. — Ботани-Бей и каторжники. — Прелести Сиднея. — Климатъ. — Отъѣздъ въ Новую-Зеландію. — Предчувствіе несчастья. — Нельсонъ и племя маорисовъ. — Характеръ Новой Зеландіи. — Восходъ на гору Дуннъ. — Богатство флоры. 263

» XXII. Путешествіе пѣшкомъ на Койкарасскія горы. — Я теряю дорогу, остаюсь три дня безъ пищи и прихожу умирающій къ пастуху Андерсону 280

» XXIII. Твердость характера англичанъ. — Возвращеніе изъ Нельсона черезъ Вайросскую долину. — Сто двадцать миль пѣшкомъ. — Коокское ущелье. — Буря. — Велингтонъ и посѣщеніе маорисовъ. — Разлука съ католическими миссіонерами и съ Новой Зеландіей. — Нѣсколько словъ о маорисахъ. — Людоѣды 295

» XXIV. Возвращеніе въ Сидней. — Ботаническій садъ. — Пресса. — Прощаніе съ Сиднеемъ 305

» XXV. Отъѣздъ изъ Сиднея. — Роскошь компаніи Peninsular and Oriental. — Мельбурнъ. — Западная Австралія. — Дикари: ихъ оружіе, ихъ пляски. — Людоѣдство. — Мнѣніе о нихъ различныхъ авторовъ. — Западная Австралія наполненная таинственностью. — Прибытіе на Цейлонъ. 311

» XXVI. Г. Кольманъ. — Сингалезцы. — Путешествіе въ Колом-

Стр.

бо и Канди. — Буддизмъ и воспоминаніе о Монголіи.— Слоны на работѣ. — Восхожденіе на пикъ Антони.— Возвращеніе въ Галль.—Мусульманская свадьба.—Красота природы на Цейлонѣ.—Одинокость путешественника. 331

ГЛАВА XXVII. Мадрасъ. — Фокусники. — Катимароны. — Прибытіе къ устьямъ Ганга и въ Калькутту. — Описаніе этого города. — Адъютанты. — Плутовство и подличанье туземцевъ. — Бенгальское солнце. — Паланкинъ. . 355

» XXVIII. Печать. — Странды и военная музыка. — Фанатизмъ. — Жизнь европейца въ Калькуттѣ. — Коршуны срываютъ съ меня шапку вмѣстѣ съ волосами. — Танецъ баядерокъ у одного раджи. — Надувательство, суевѣріе и распутство. — Немыслимыя отношенія между европейскими и индусскими расами. — Памятники Калькутты. 373

» XXIX. Способы путешествовать въ Индіи. — Отправленіе на Гималай.— Раймагалъ и Гангъ. — Bungalows. — Весьма тревожная ночь. — Прибытіе въ Пурнахъ. — Католическая часовня. — Отъѣздъ въ паланкинѣ. — Восходящее солнце на Гималаѣ. — Величіе этого зрѣлища.— Кинченджунга. — Хищныя животныя. 393

» XXX. Восхожденіе на Джорджиллингъ. — Чудная панорама. 417

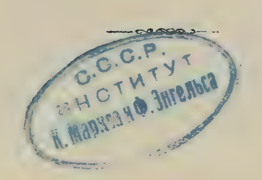
» XXXI. Католическій монастырь въ Дорджелингѣ. — Сейкская война. — Характеръ Англо-Индѣйцевъ. — Большая поѣздка. — Закатъ солнца осенью. — Индѣйскій чай. — Неудавшіяся путешествія изъ Калькутты въ Лассу.— Отъѣздъ изъ Дорджелинга. — Протестантское богослуженіе въ Индіи. — Климатъ Бенгаліи. — Иней. — Послѣдній Гималайскій видъ.—Пурнахъ. — Ночь въ Бенгальской степи. — Сейки. — Гангъ. — Возвращеніе въ Калькутту. — Альпійскій клубъ въ Лондонѣ 429

» XXXII. Размышленія и планы. – Г-нъ Кильбурнъ: роскошь, нравы и заработная плата.—Три пути.—Отъѣздъ въ Мадрасъ. — Мое пребываніе въ Мадрасѣ. — Я освящаю кулакомъ царство силы. — Ночной праздникъ. — Г. Димъ; мадрасскій клубъ и индѣйская роскошь. . . 444

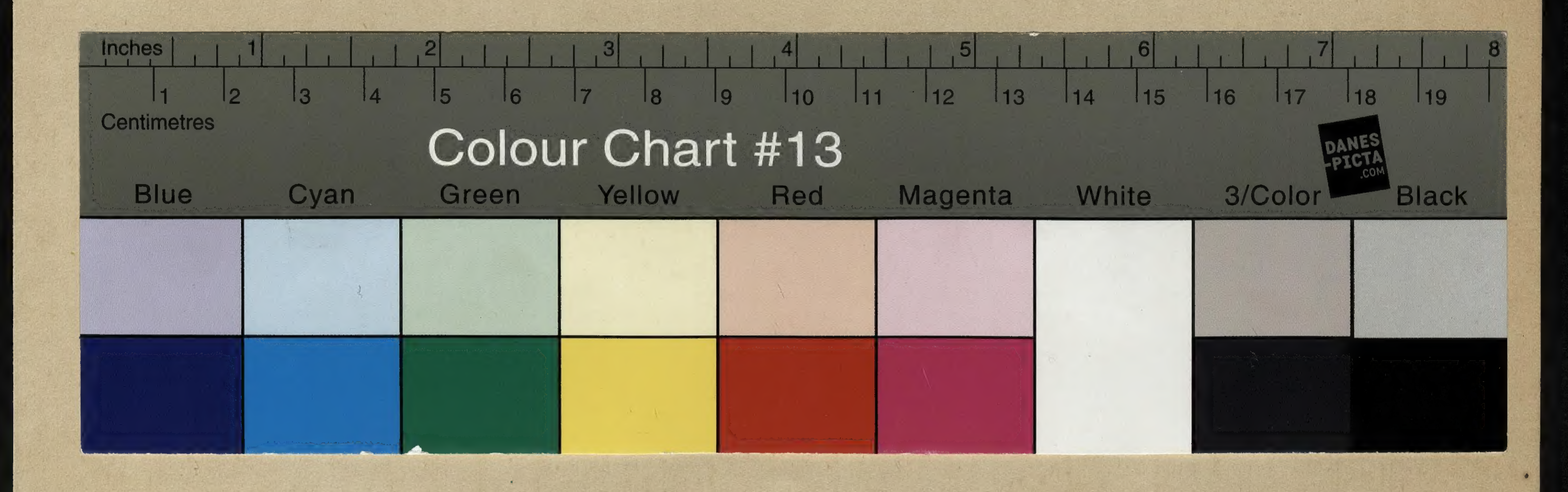
» XXXIII. Отъѣздъ въ Бенгалору. — Карнатикъ. — Арко. — Трипатуръ. — Станціи быковъ. — Жаръ. — Прибытіе въ Бенгалору.—Леопардъ, выпущенный на свободу.—Способы переправы. — Путешествіе въ коляскѣ; ея описаніе.—Мой характеръ становится раздражительнымъ, при столкновеніи съ туземцами.—Восходъ солнца надъ

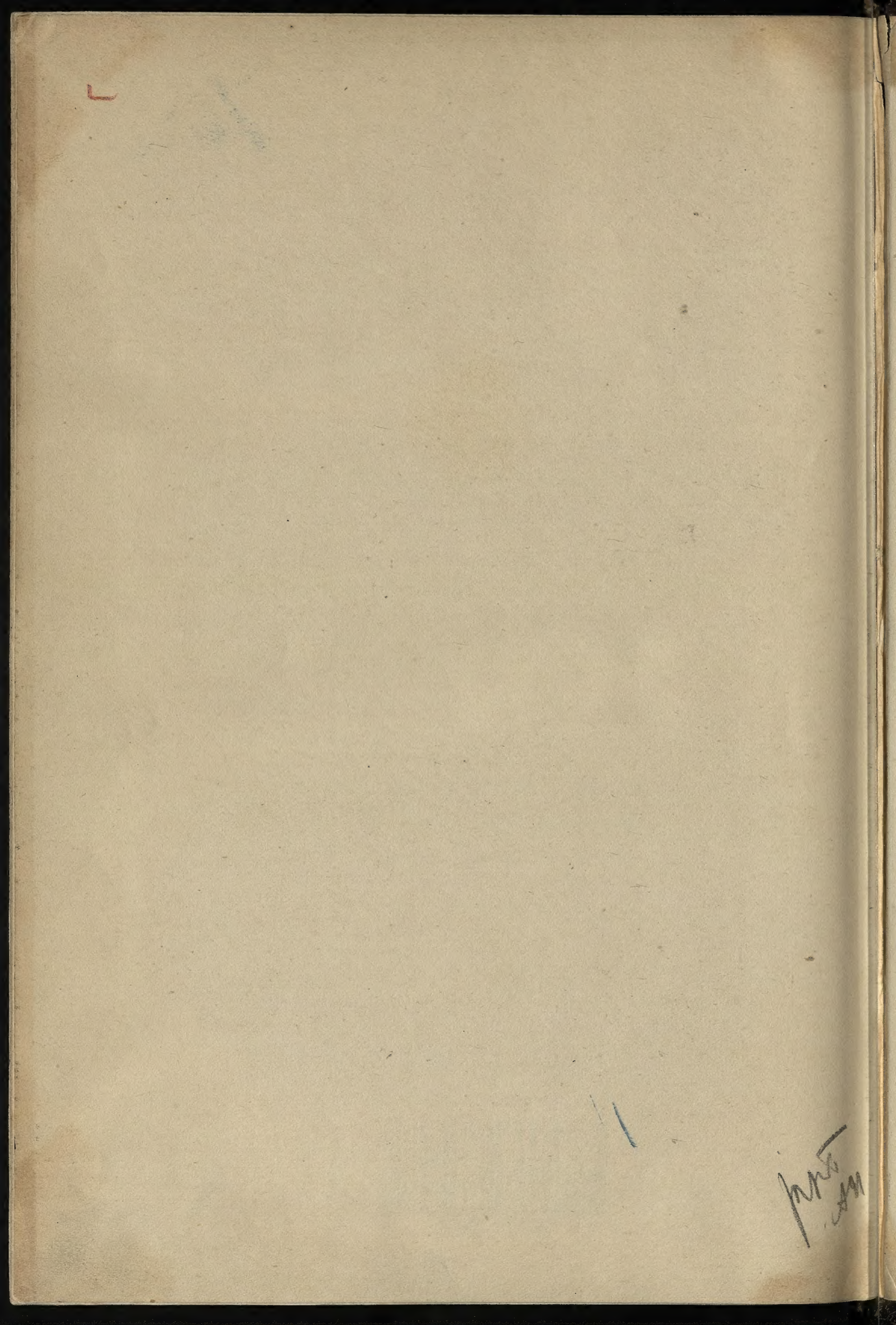
Стр.

	стѣнами Серингапатама. — Индѣйское торжество. — Гробница Гайдеръ-Али. — Первый обзоръ Нильгерійскихъ горъ. — Майсуръ и католическіе миссіонеры. — Раджа. — Я сажусь въ повозку.	453
ГЛАВА XXXIV.	Подъемъ на Нильгерійскія горы. — Описаніе этого кряжа. — Продолжительный спускъ въ Коимбатурскія долины.—Усталость и лишенія.—Прибытіе въ Салемъ.	479
» XXXV.	Салемъ. — Возвращеніе въ Бенгалоръ. — Холера. — Гуригуръ. — Пріѣздъ въ Шимугу на Малабарскомъ берегу. — Заутреня въ свѣтлое Христово Воскресенье.—Индѣйскіе нравы. — Гатскія горы. — Ихъ фауна. — Гонеръ.	495
» XXXVI.	Гонеръ. — Тринадцативерстная прогулка пѣшкомъ подъ знойнымъ тропическимъ солнцемъ. — Кумпта. — Мысль о возвращеніи въ Европу.—Змѣя въ моей комнатѣ.— Приближеніе муссона. — Языческое празднество. — Португальская капелла.—Отъѣздъ въ Бомбей.—Гоа.— Винтурла. — Пріѣздъ въ Бомбей. — Восхожденіе на Гатскія горы, въ Пуна. — Убійственные жары. — Восхожденіе на Сингъ-Гаръ. — 300 дюймовъ дождя въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. —Визитъ одному туземному аристократу.	518
XXXVII.	Поѣздка къ Эллорскимъ храмамъ. — Тропическіе жары и лихорадка. — Путешествіе въ Шулапуръ и въ Нассикъ. — Прощаніе съ Индіей и со всѣми ея прелестями.	541
» XXXVIII.	Муссонъ.—Аденъ и Красное море.—Синай и Суэцъ.— Каиръ, Александрія и Константинополь.—Путешествіе въ Вѣну по Дунаю и черезъ Венгрію.—Тріестъ, Венеція и Миланъ.—Генуя и Марсель.—Возвращеніе къ подножію Пиренеевъ	558

2007086638

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
DANES PICTA .COM
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black

23 МАЯ 1941

